

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

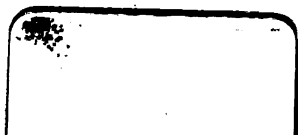
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1363

Per. 2575 d. $\frac{19}{36}$

1363

Pr. 25075 d. $\frac{19}{36}$

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

31.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ,

изданный подъ редакціею орд. проф. А. А. Кочубинскаго.

1363

РДЕССА.

Типографія Н. А. Зеленаго, Красный переулокъ, домъ № 3-я.

1883.

вышелъ 20 мая 1883 г., 35 листовъ.

Въ редакціи «Записокъ императорскаго новороссійскаго университета» имѣются и прежніе томы этого изданія, заключающіе въ себѣ:

Томъ I. *Соколовъ И. Д.* Замѣчаніе относительно интегрированія диеер. уравненій движенія свободной точки. *Ланшинъ В. И.* О вулканическихъ явленіяхъ близъ остр. Санторана. *Брунъ Ф. К.* Путешествіе Ив. Шилтбергера по Европѣ, Азіи . . . *Леонтовичъ Ф. И.* Древнее хорватско-долматское земледѣльство. *Юреничъ В. Н.* De Jovis Lysaei nativa . . . *Бернштейнъ.* Отчетъ о командировкѣ. *Абашевъ Д. Н.* О тепловыхъ явленіяхъ, обнаруживающихся при соединеніи жидкостей.

Томъ II. *Смирновъ М. П.* Ягелло Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшою. *Беркевичъ Л. Ф.* Изслѣдованіе движенія пл. Юноны. *Патлаевскій И. I.* Денежный рынокъ въ Россіи отъ 1700 до 1762.

Томъ III. *Орбикскій Р. В.* Англійскіе депюты XVII—XVIII ст. *Соколовъ Н. Н.* О молочной кислотѣ изъ β -йодопропионовой кислоты. *Вольскій М. М.* Рабская обработка земли. *Струевъ Ф. А.* Путевыя замѣтки.—Празднованіе въ н. нов. ун.—ты тысячелѣтія со дня кончины св. Киррала (14 февр. 1869).

Томъ IV. *Некрасовъ И. С.* Зарожденіе національной лит.—ры въ сѣв. Руск. *Бондаловскій А. М.* Молодые преступники. *Абашевъ Д. Н.* О механическомъ анализѣ почвы. *Шведовъ Ф. Н.* О законахъ превращенія азотричества въ теплоту.

Томъ V. *Ярошенко С. П.* О розыскавіи особенныхъ рѣшеній диеер. уравненій 1 порядка. *Брунъ Ф. К.* О странствованіяхъ царя пресвитера Іоанна. *Бекетовъ.* Рецензія соч. г. Абашева «О тепловыхъ явленіяхъ . . .». *Ланшинъ В. И.* Мнѣніе о томъ же. *Соколовъ Н. Н.* Разборъ того же сочиненія. *Абашевъ Д. Н.* Замѣчанія на разборъ пр. Соколова. *Григорювичъ В. И.* Рѣчь на 11 мая 1869.—Отчетъ о состояніи н. нов. ун.—ты за 18⁷⁰/₇₀ ак г.; при немъ: *Шведовъ Ф. Н.* Объ отношеніи энзимы къ естествознанію.—Протоколы засѣданій совѣта: 4 янв.—30 мая 1870. *Болшинъ В. В.* Отчетъ о командировкѣ.

Томъ VI. *Некрасовъ И. С.* Пахомій сербъ, писатель XV в. *Патлаевскій И. I.* Теорія денежнаго обращенія Ринардо. *Шиллевскій М. М.* Политива народонаселенія въ царствованіе Екатерины II. *Григорювичъ В. И.* Изъ лѣтописи науки славянской.—Протоколы засѣданій: 19 авг.—21 дек. 1870 г.

Томъ VII. *Павловъ А. С.* Истор. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи. ч. I *Лининъ В. Н.* Вступ. лекція. *Ярошенко С. П.* Вступ. лекція.—Отчетъ о состояніи н. нов. ун. за 18⁷⁰/₇₁ ак г.; при немъ: *Некрасовъ И. С.* Разборъ соч. «Объ азовскомъ сѣдвнѣ», *Мечниковъ И. И.* Позвоночная теорія черепа.—Протоколы зас. сов.: 18 янв.—21 мая 1871 г. *Бернштейнъ Н. О.* Отчетъ о командировкѣ. *Мечниковъ И. И.* Отчетъ о командировкѣ.

Томъ VIII. Протоколы засѣданій совѣта: 16 авг. 1871—29 мая 1872. *Кочубинскій А. А.* Словянскія нарѣчія и сравнительное языкованіе (вст. лекція). *Бондаловъ Н. П.* Наука классич. археологія и теорія искусства (вст. л.). *Марковниковъ В.* Двѣ вст. лекціи. *Головкинскій Н. А.* Двѣ вст. лекціи. *Павловъ А. С.* Номакановъ при большомъ требніи.

Томъ IX. Протоколы зас. сов.: 18 янв.—23 дек. 1872. Отчетъ о состояніи н. нов. ун. за 18⁷¹/₇₂ ак. г. *Вольскій М. М.* Задача политической экономіи и отношеніе ея къ прочимъ наукамъ. *Брунъ Ф. К.* Периодъ каспійскаго моря по картамъ XIV вст. *Павловъ А. С.* Еще наказыи списокъ по Стотлаву. *Умовъ Н. А.* Историческій очеркъ теоріи сѣвта. *Ярошенко С. П.* Начала новой геометріи.

Томъ X. Протоколы зас. сов.: 18 янв.—27 апр. 1873. *Малининъ М. И.* Убѣжденіе судьи въ гражд. процесѣ. *Ярошенко С. П.* Начала новой геометріи. *Умовъ Н. А.* Теорія простыхъ средъ. *Елюже.* Замѣтка о соч. г. Дигна «Теорія абсолютнаго движенія неизмѣн. системы».

Томъ XI. Протоколы зас. сов.: 1 мая—18 авг. 1873. Отчетъ о состояніи н. нов. ун. за 18⁷²/₇₃ ак. г. *Кочубинскій А. А.* Братья—подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII в. *Лининъ В. Н.* Отвѣтъ на «замѣтку» г. Умова.

Томъ XII. Протоколы зас. сов.: 6 сент.—5 дек. 1873. Програма курса церковнаго законодѣнія. *Бондаловъ Н. П.* Памятникъ гарпій изъ Ксанеа въ Лигіи. *Лининъ В. Н.* Объ ускореніяхъ высшихъ порядковъ

Томъ XIII. Протоколы зас. сов.: 6 янв.—2 марта 1874. *Кочубинскій А. А.* Записка о путешествіи по славян. землямъ. *Лебедевъ Д. П.* Федонъ, переводъ съ примѣчаніями. *Павловъ А. С.* Каноническія рукописи моск. синод. бібліотеки.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(36)

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ,

изданный подъ редакціею орд. проф. А. А. Кочубинскаго.

1,

РДЕССА.

Типографія П. А. Зеленаго, Красный переулочъ, домъ № 3-й.

1883.

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго Новороссійскаго
университета. Ректоръ *С. П. Ярошенко.*

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть официальная.

Стран.

Протоколы засѣданій совѣта н. нов. ун.: 7-го октября—2 декабря 1882 года . . . . . 259—322

Delectus seminum in horto botanico Universitatis Cesaerae Novae Rossiae anno 1882 collectorum . . . . . 1—12

II. Часть ученая.

Врун Ph. — Constantinople, ses sanctuaires et ses reliques au commencement du XV siècle (посмертный трудъ пок. засл. пр. н. нов. ун.). . . . . 1—48

Сабининъ Е. Ѳ., о. пр. н. нов. ун.—Объ интегралѣ, обращающемся въ минимумъ при тѣхъ же условіяхъ, при какихъ имѣеть мѣсто минимумъ интеграла дѣйствія. . . . . 49—66

Тимченко И. Ю., ст. н. нов. ун.—Исслѣдованіе ошибокъ дѣленій меридіональнаго круга одесской астрономической обсерваторіи . . . . . 67—72

Маркевичъ А. И., маг. н. нов. ун.—О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по Русской исторіографіи . . . . . 73—260

III. Университетская лѣтопись.

Премія имени С. М. Соловьева . . . . . 261—262

IV. Приложеніе.

Леонтовичъ Ѳ. И. о. пр. н. нов. ун.—Адаты кавказскихъ горцевъ. Матеріалы по обычному праву сѣвернаго и восточнаго Кавказа (продолженіе) . . . . . 33—272

I. Часть офіціальная.

нимъ въ засѣданіи совѣта университета 16 числа сего мѣсяца при рѣшеніи дѣла объ избраніи г. Репяхова на должность доцента по кафедрѣ зоологіи, по предмету анатоміи человѣка, а потому я предлагаю совѣту университета опредѣлить точно, въ какомъ званіи представляетъ онъ на утвержденіе г. Репяхова: въ званіи-ли штатнаго доцента или сверхштатнаго, такъ какъ одинъ штатный доцентъ, въ лицѣ г. Спиро, уже есть, согласно предложенію г. министра отъ 23 іюня 1879 года за № 6943, въ копіи сообщенному совѣту 16 іюля того-же года за № 6267. Если-же совѣтъ имѣетъ въ виду утвержденіе г. Репяхова сверхштатнымъ, то я не могу согласиться на это, въ виду отсутствія подобнаго званія въ уставѣ университетовъ».

б) — отъ 23 сентября № 6946: «вслѣдствіе представленія отъ 20 сентября за № 2384, я утверждаю, согласно избранію совѣта, магистра Репяхова доцентомъ по кафедрѣ зоологіи, съ предоставленіемъ ему преподавать предметы на основаніи устава университетовъ и утвержденного г. министромъ народнаго просвѣщенія 4 января 1864 года положенія объ испытаніяхъ на званіе дѣйствительнаго студента и на ученые степени.

При этомъ доложено, что предложеніе г. попечителя за № 6946 сообщено въ физико-математическій факультетъ и въ правленіе университета.

Опредѣлили: за сдѣланнымъ распоряженіемъ, принять въ свѣдѣнію.

5. Отъ 24 сентября № 6968 о назначеніи уволенному отъ службы, согласно прошенію, по тяжкой неизлечимой болѣзни, врачу новороссійскаго университета коллежскому совѣтнику Павлу Иванову, за свыше 20-ти лѣтнюю службу, на основаніи ст. 212, 262, 505, 506, 512 и 518 устава

о пенс. (изд. 1876. г.), пенсіи въ размѣрѣ полного обклада жалованья — по четыреста рублей въ годъ, съ производствомъ таковой со дня увольненія г. Иванова въ отставку, съ 17 марта 1882 года, изъ одесскаго казначейства.

Доложено, что о назначеніи пенсіи сообщено г. Иванову. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

6. Представленія юридическаго и физико-математическаго факультетовъ о переводѣ по дополнительнымъ испытаніямъ студентовъ въ высшіе курсы, объ удостоеніи званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата.

При этомъ доложено объ исключеніи изъ податнаго состоянія гг. Фельдмана, Ландмана, Погибки и Тумановскаго.

Опредѣлили: переводъ въ высшіе курсы утвердить, равно какъ утвердить, согласно удостоенію факультетовъ, поименованныхъ въ представленіяхъ лицъ и исключенныхъ изъ податнаго состоянія, — въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ.

7. Внесенное ректоромъ прошеніе окончившаго курсъ студента Акимовича о выдачѣ ему удостовѣренія о благонадежности. *Опредѣлили*: выдать.

Представленія факультетовъ:

8. Историко-филологическаго — о приглашеніи доцента Блосовскаго читать курсъ физической географіи для студентовъ факультета I-го курса и историковъ III и IV курсовъ. *Опредѣлили*: возвратить въ факультетъ.

9. Историко-филологическаго и физико-математическаго о назначеніи часовъ преподаванія физической географіи, новѣйшей русской исторіи, аналитической и проективной геометріи и анатоміи человѣка. *Опредѣлили*: кромѣ лекцій

физической географіи на историко-филологическомъ факультетѣ, утвердить.

10. Историко-филологическаго, который, «имѣя въ виду только-что исполнившійся 50 ти лѣтній юбилей академика Я. Б. Грота и въ виду важныхъ его заслугъ по разработкѣ русскаго языка и литературы, въ особенности-же по образцовому изданію сочиненій Державина, которымъ справедливо можетъ гордиться наша литература, — опредѣлилъ единогласно ходатайствовать передъ совѣтомъ объ избраніи академика Я. Грота почетнымъ членомъ нашего университета».

По произведенной въ засѣданіи совѣта баллотировкѣ Я. Б. Гротъ оказался избраннымъ единогласно (восемьнадцатью голосами).

Опредѣлили: представить г. попечителю объ утвержденіи академика Грота почетнымъ членомъ новороссійскаго университета.

11. Физико-математическаго — объ утвержденіи магистранта Блосовскаго, съ успѣхомъ защитившаго публично диссертацию «Новѣйшіе успѣхи метеорологіи» въ степени магистра физической географіи. *Опредѣлили:* утвердить и выдать дипломъ.

12. Того-же факультета — о поремѣщеніи лаборанта физиологическаго кабинета Герича на должность лаборанта физическаго кабинета.

Подвергнутой баллотированію г. Геричъ получилъ 17 голосовъ избирательныхъ и 5 неизбирательныхъ *).

---

*) Отсутствовавшіе передали свои шары: профессоръ Леонтовичъ профессору Шилевскому, профессоръ Ковалевскій профессору Шведову, профессоръ Головинскій профессору Лягину, профессоръ Трачевскій профессору Умову и профессоръ Воеводскій профессору Успенскому.

13. Того-же факультета: «въ засѣданіи 27 сентября кандидатъ естественныхъ наукъ Бучинскій избирался, вслѣдствіе прилагаемаго при семь представленія профессора Ковалевскаго, на должность хранителя зоологическаго кабинета. Въ результатъ закрытаго баллотированія всѣ 11 голосовъ оказались избирательными. На основаніи своего рѣшенія факультетъ ходатайствуетъ предъ совѣтомъ объ утвержденіи г. Бучинскаго въ должности хранителя зоологическаго кабинета.

Представленіе профессора Ковалевскаго: «съ выборомъ г. магистра В. М. Репяхова въ доценты при зоологическомъ кабинетѣ осталась вакантною должность хранителя зоологическаго кабинета. Въ виду того обстоятельства, что на обязанности хранителя зоологическаго кабинета лежитъ и содѣйствіе профессору въ руководствѣ практическими занятіями со студентами и что въ нынѣшнемъ учебномъ году число студентовъ естественнаго отдѣленія весьма значительно, я честь имѣю покорнѣйше просить физико-математическій факультетъ избрать на вакантную должность новое лицо. Съ своей стороны честь имѣю представить г. кандидата естественныхъ наукъ нашего университета Петра Бучинскаго.

Г. Бучинскій окончилъ курсъ въ нашемъ университетѣ по естественному отдѣленію и былъ оставленъ на два года при университетѣ. На заданную отъ факультета тему «объ общихъ чертахъ въ строеніи нервной системы позвоночныхъ животныхъ и кольчатыхъ червей» г. Бучинскій, будучи еще студентомъ IV курса, представилъ сочиненіе, которое было удостоено факультетомъ золотой медали.

По окончаніи курса имъ были напечатаны два изслѣ-

дованія, именно: сочиненіе, представленное на соисканіе преміи и заглавіе котораго вышеупомянуто, и затѣмъ второе: «объ исторіи развитія дождеваго червя—*Lumbricus terrestris*. Далѣе г. Бучинскій занимался изслѣдованіемъ организациі мѣстныхъ *Hydractinia* и сдѣлалъ по этому поводу сообщеніе въ засѣданіи новороссійскаго общества естествоиспытателей. Въ настоящее время онъ приготовляетъ это изслѣдованіе къ печати».

Подвергнутой баллотированію г. Бучинскій получилъ двадцать два голоса избирательныхъ и одинъ неизбирательный.

Опредѣлили: представить г. попечителю объ утвержденіи г. Бучинскаго хранителемъ зоологическаго кабинета.

14. Того же факультета о приобрѣтеніи путемъ обмѣна на университетскія изданія слѣдующихъ весьма важныхъ изданій:

- 1) Записокъ Императорскаго географическаго общества,
- 2) Записокъ сибирскаго отдѣла и
- 3) Записокъ оренбургскаго отдѣла Императорскаго географическаго общества. *Опредѣлили*: разрѣшить обмѣнъ.

Представленія правленія:

15. Отъ 5 октября № 2594: «вслѣдствіе заявленія г. ректора о томъ, что нѣкоторые общіе журналы и газеты, получаемые въ профессорской лекторіи, поступаютъ въ концѣ года въ бібліотеку на храненіе не въ полномъ числѣ номеровъ, правленіе университета, желая принять мѣры къ болѣе правильному поступленію ихъ въ бібліотеку, обратило вниманіе, какъ на болѣе удобный способъ, помѣщать журналы и газеты въ рамки. По собраннымъ справкамъ рамки обойдутся отъ 1 руб. 25 коп. до 3 руб. за штуку.

Предварительно какого-либо распоряженія по настоящему предмету, правленіе университета, согласно опредѣленію своему, 27 сентября состоявшемуся, имѣетъ честь представить настоящее предположеніе на усмотрѣніе совѣта.

Опредѣлили: привести предположеніе правленія въ исполненіе по сношеніи правленія съ бібліотечною комиссіей по вопросу, какіе журналы считать общими.

16. Отъ 24 сентября № 2444 о назначеніи вдовѣ умершаго эзекутора Ивана Шульца, Парасковѣ Шульцъ, единовременнаго пособія въ размѣрѣ семидесяти пяти рублей изъ спеціальныхъ средствъ.

При этомъ доложена была справка, данная бухгалтеромъ, о томъ, что предполагаемый свободный остатокъ спеціальныхъ средствъ къ концу текущаго полугодія представляется въ суммѣ 38 руб. 64 коп. *Опредѣлили*: выдать.

17. Происходило избраніе университетскихъ судей и кандидатовъ къ нимъ на годичный срокъ, и оказались избранными въ судьи ординарные профессеры: Азаревичъ, Синцовъ и Сабининъ, а въ кандидаты къ судьямъ—ординарные профессеры: Богдановскій, Юргевичъ и Лигинъ. *Опредѣлили*: на основаніи § 56 университетскаго устава представить избранныхъ на утвержденіе г. попечителя.

18. Доложено было опредѣленіе совѣта предшествовавшаго засѣданія 16 сентября (ст. 7) — отложить выборъ эзекутора до слѣдующаго засѣданія. *Опредѣлили*: отложить до слѣдующаго засѣданія, опубликовавъ о необходимости доставленія соискателями документовъ.

19. Ректоръ обратилъ вниманіе совѣта на необходимость избранія членовъ въ бібліотечную комиссію отъ историко-филологическаго факультета на мѣсто командиро-

ваннаго за границу доцента Пирогова и отъ физико-математическаго—на мѣсто подавшаго прошеніе объ отставкѣ и находящагося теперь въ отпуску экстраординарнаго профессора Преображенскаго. *Опредѣлили*: предложить историко-филологическому и физико-математическому факультетамъ избрать по одному члену и объ избранныхъ донести совѣту.

20. Представленное правленіемъ медицинское свидѣтельство, доставленное профессоромъ Головкинскимъ въ объясненіе причины просрочки отпуска. *Опредѣлили*: признать причину просрочки уважительною.

21. Рапортъ проректора о пропущенныхъ преподавателями въ теченіе сентября мѣсяца лекціяхъ.

Изъ рапорта видно, что преподавателями пропущено слѣдующее число лекцій: *по болѣзни*: Воеводскимъ 18, Сабининымъ 2, Трачевскимъ 1, Шпилевскимъ 4, Пироговымъ 2, Леонтовичемъ 12, Палаузовымъ 1, Бударяцевымъ 1, Головкинскимъ 4, Богдановскимъ 1, Косовскимъ 1, Войтковскимъ 1, Перетятковичемъ 2 и Лигинымъ 2; *по нахожденію въ отпуску*: Посниковымъ 8, Хонякевичемъ 8, Чишовымъ 2 и Головкинскимъ 4; *по случаю ремонта аудиторій*—Блименко 4, Вериго 4 и Петріевымъ 1, и *по дѣламъ службы*—Сабининымъ 1.

Засѣданіе 21 октября 1882 года

Присутствовали подъ предсѣдательствомъ г. ректора С. П. Ярошенко гг. члены: О. И. Леонтовичъ, А. А. Вериго, И. І. Патлаевскій, Б. И. Барастелевъ, В. Н. Юргевичъ, А. М. Богдановскій, Е. О. Сабининъ, А. О. Бовалевскій, О. Н. Шведовъ, И. О. Синцовъ, М. М. Шпилевскій,

А. С. Трачевскій, М. И. Малининъ, А. А. Бочубинскій, В. Н. Лигинъ, Ф. И. Успенскій, А. Н. Бударцевъ, Д. И. Азаревичъ, Е. Ф. Клименко, В. М. Петріевъ. Не присутствовали: И. С. Небрасовъ, Н. А. Головкинскій — по болѣзни, Н. П. Бондаковъ, — по находженію въ заграничной командировкѣ, А. С. Посниковъ, В. В. Преображенскій — по находженію въ отпуску, В. М. Войтговскій по совпадению времени засѣданія съ церковною службою, А. В. Воеводскій — по исполненію обязанности присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ и Н. А. Умовъ по неизвѣстной причинѣ.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

2.—отъ 10 октября № 7384: «вслѣдствіе представленія отъ 22 м. сентября за № 2401, я, имѣя въ виду неоднократныя отказы министерства народнаго просвѣщенія въ назначеніи пенсій лицамъ, служившимъ—до поступленія на службу въ это министерство — въ другихъ вѣдомствахъ, за недоставленіе свѣдѣнія о правахъ на пенсію за службу по тѣмъ вѣдомствамъ, прошу совѣтъ новороссійскаго университета снестись съ подлежащими вѣдомствами, въ коихъ г. Шульцъ состоялъ на службѣ съ 4 мая 1828 года по 25 апрѣля 1855 года, и донести мнѣ о правахъ за эту службу на пенсію вдовы его.

При этомъ не лишнимъ считаю сообщить совѣту университета, что я не признаю возможнымъ удовлетворить ходатайство его о назначеніи г-жѣ Шульцъ въ теченіе перваго года пенсіи въ размѣрѣ полнаго оклада, причитавшагося мужу ея, такъ какъ по точному смыслу 43 ст. пенс. уст. изд. 1876 г. и 751 ст. учрежд. орден. и др. знак. отлич. изд. 1876 г.—пенсіи эти назначаются только тѣмъ

вдовамъ, мужья которыхъ, имѣя знакъ отличія безпорочной службы, получали пенсіи на службѣ.

Опредѣлили: повторить ходатайство о назначеніи вдовѣ Шульцъ полной пенсіи вѣтъ правилъ и указать на затрудненія въ исполненіи настоящаго предложенія.

3.—отъ 11 октября, № 7403, объ утвержденіи академика Якова Барловича Грота почетнымъ членомъ новороссійскаго университета. *Опредѣлили:* препроводить Я. К. Гроту дипломъ.

4.—отъ 11 октября, № 7402, объ утвержденіи избранныхъ совѣтомъ на годичный срокъ въ университетскіе судьи ординарныхъ профессоровъ Азаревича, Синцова и Сабинина и кандидатами къ судьямъ ординарныхъ профессоровъ Богдановскаго, Юргевича и Лигина.

При этомъ доложено, что объ утвержденіи судей и кандидатовъ сообщено въ правленіе университета. *Опредѣлили:* принять къ свѣдѣнію.

5.—отъ 15 октября, № 7524 и № 7525, о перемѣщеніи лаборанта физиологическаго кабинета Герича на должность лаборанта физическаго кабинета и объ утвержденіи кандидата естественныхъ наукъ Бучинскаго хранителемъ зоологическаго кабинета.

При этомъ доложено, что настоящія предложенія сообщены въ физико-математическій факультетъ.

Опредѣлили: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

Представленія факультетовъ.

6. Физико-математическаго и историко-филологическаго о переводѣ студентовъ, по дополнительнымъ испытаніямъ, въ высшіе курсы и объ удостоеніи окончившихъ курсъ ученыхъ степеней и званій. *Опредѣлили:* перевести и

утвердить въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ, согласно удостоенію факультетовъ.

7. Физико-математическаго: «въ засѣданіи факультета 14 октября обсуждался вопросъ о присужденіи награды за сочиненіе, представленное на тему, заданную факультетомъ для соисканія премій по геологіи. Послѣ преній, вслѣдствіе отзыва профессора Синцова, копія съ котораго прилагается при семь, и отзыва профессора Головкинскаго, заключающагося въ прилагаемой при семь копіи съ предложенія доцента Спиро, деканомъ былъ предложенъ на баллотировку вопросъ о присужденіи за это сочиненіе золотой медали или почетнаго отзыва. Открытымъ голосованіемъ, большинствомъ семи голосовъ (Головкинскій, Ковалевскій, Шведовъ, Лигинъ, Умовъ, Спиро и Рейгардъ) противъ шести (Синцовъ, Сабининъ, Карастелевъ, Ярошенко, Вериго и Петріевъ) рѣшено присудить золотую медаль. На основаніи такого рѣшенія факультетъ имѣетъ честь ходатайствовать предъ совѣтомъ о назначеніи золотой медали за сочиненіе «О геологическомъ строеніи юго-западной Россіи» съ девизомъ: «наступленіе явленій до времени. . . . неизмѣнно слѣдующихъ одна за другой. Милліа — система логики». Конвертъ съ именемъ автора прилагается при семь. Копія съ отзыва профессора Синцова: сочиненіе «О геологическомъ строеніи юго-западной Россіи», поданное для соисканія награды, обнаруживаетъ большую начитанность автора и его трудолюбіе. Но, какъ видно изъ словъ автора, онъ былъ очень стѣсненъ срокомъ подачи означеннаго сочиненія въ факультетъ. Это обстоятельство, къ сожалѣнію, существенно повліяло на качество работы. И дѣйствительно — «О геологическомъ строеніи юго-западной Россіи» представляетъ по преимуществу сы-

рой матеріалъ компілятивнаго характера. Описаніе раздѣлено на нѣсколько рубрикъ, соотвѣтственно количеству формацій, которыя участвуютъ въ строеніи известной части Россіи, хотя авторъ не всегда остается вѣренъ задуманному плану. Главнѣйшій недостатокъ работы на мой взглядъ состоитъ въ томъ, что авторъ, какъ-бы не овладѣвъ въ достаточной степени прочитанными имъ литературными источниками, обнаруживаетъ рѣшительную боязнь изобразить картину прошлаго и уклоняется отъ общихъ выводовъ. Последнее обстоятельство настолько серьезно, что я нахожу возможнымъ «О геологическомъ строеніи юго-западной Россіи» удостоить только почетнаго отзыва.

Копія съ предложенія доцента Спири, заключающая въ себѣ отзывъ профессора Головкинскаго: «въ засѣданіи факультета 4 мая было представлено студентское сочиненіе для соисканія наградъ на тему: «о геологическомъ строеніи юго-западной Россіи». Въ этомъ-же засѣданіи, по прочтеніи отзыва профессора Синцова, въ которомъ онъ считаетъ сочиненіе достойнымъ только почетнаго отзыва, я предложилъ факультету обратиться за отзывомъ и къ другому нашему специалисту — профессору Головкинскому. Факультетъ рѣшилъ разослать сочиненія на преміи циркулировать по членамъ факультета. Въ настоящее время я представляю въ факультетъ письмо профессора Головкинскаго ко мнѣ, въ которомъ заключается его отзывъ о сказанномъ сочиненіи: «Многоуважаемый Петръ Антоновичъ. Возвращаю рукопись «Геологія юго-западной Россіи». За сборами въ дорогу не могу видѣться съ вами лично и высказать вамъ мое мнѣніе объ упомянутомъ сочиненіи; потому прибѣгаю къ краткому письменному его изложенію. Я думаю, само собой разумѣется, что отъ сочиненія носящаго приведенное выше

названіе, только въ томъ случаѣ можно-бы было ожидать новыхъ фактовъ, новой системы и новыхъ научныхъ идей, вообще того, что представляетъ важное приобрѣтеніе для спеціальной литературы, если-бы авторомъ его были извѣстные изслѣдователи края, какъ профессора Барботъ де Марри, Теофилактовъ и Синцовъ, или такая знаменитость, какъ Мѳрчинсонъ. Неизвѣстный авторъ есть, безъ сомнѣнія, только студентъ, быть можетъ даже и не послѣдняго курса. Въ соотвѣтствіи съ тѣмъ и какъ-бы въ доказательство студентческой самостоятельности работы, можно указать на слабые пункты сочиненія. Такъ, помимо *излишняго значенія* *), придаваемого авторомъ вопросу о гранитныхъ вряжахъ, сдвигахъ и площадяхъ (поднятому однако не имъ), я нахожу, что взглядъ на гранитныя и діоритовыя жилы, какъ на доказательство изверженности этихъ породъ, есть промахъ, который долженъ быть исправленъ или оговоренъ: если авторъ, не смотря на всѣ доводы нештунистовъ и метаморфистовъ, вполне сознательно держится плутоническаго взгляда, то всегда необходимо сказать, почему. Сдѣлавъ это замѣчаніе, я съ убѣжденіемъ могу отозваться о представленномъ трудѣ, какъ о серьезномъ, прекрасно изложенномъ и талантливомъ. Авторъ не только былъ добросовѣстнымъ и мыслящимъ слушателемъ лекцій, но съ любовью къ дѣлу штудировалъ довольно обширную литературу вопроса. Онъ обнаруживаетъ солидную геологическую подготовку, и я не боюсь ошибиться, выражая увѣренность, что если только авторъ будетъ продолжать работать по этой наукѣ, то станетъ виднымъ и желаннымъ членомъ малочисленной группы русскихъ

---

*) Это впрочемъ мое личное мнѣніе.

геологовъ. Скажу коротко: еслибъ я долженъ былъ присудить премію за это сочиненіе, то присудилъ-бы вышнюю. Н. Головкинскій».

Я нахожу, что составленіе сочиненій на преміи принадлежитъ къ такимъ занятіямъ студентовъ, которыя факультету слѣдуетъ поощрять. Тѣмъ болѣе на естественномъ отдѣленіи, такъ какъ представленіе подобныхъ сочиненій стало въ послѣдніе годы рѣдкостью. Четыре года тому назадъ была задана тема по химіи, — сочиненія къ сроку не было представлено ни одного. Слѣдующій за тѣмъ годъ факультетъ, вмѣсто темы по ботаникѣ, которая была на очереди, продлилъ еще на годъ срокъ подачи сочиненія на ту-же химическую тему. Тогда было представлено одно сочиненіе. Затѣмъ, два года тому назадъ, была тема по минералогіи, — опять не было представлено ни одного сочиненія; срокъ подачи сочиненія продленъ не былъ; и наконецъ нынѣ представлено сочиненіе по геологіи въ срокъ. Въ этомъ сочиненіи одинъ изъ нашихъ специалистовъ по геологіи, профессоръ Синцовъ, отнесся по моему мнѣнію — слишкомъ строго. Я лично вынесъ изъ чтенія этого сочиненія прекрасное впечатлѣніе, которое могу резюмировать такъ: это какъ бы прекрасная лекція про *venia legendi* на очень трудную тему, заданную факультетомъ. А такъ какъ я считаю авторитетъ профессора Головкинскаго по геологіи ни въ какомъ случаѣ не ниже авторитета профессора Синцова, то я присоединяюсь къ мнѣнію профессора Головкинскаго и ходатайствую предъ факультетомъ о присужденіи автору сочиненія золотой медали.

По выслушаніи настоящаго доклада и среди происходившихъ по этому дѣлу преній, профессоръ Бочубинскій просилъ занести въ протоколъ слѣдующую замѣтку: «въ

миѣніи доцента анатоміи и физиологіи г. Спиро я нахожу фактически невѣрнымъ, что будто-бы въ послѣдніе годы удостоеніе медалью студентскихъ конкурсныхъ сочиненій на естественномъ отдѣленіи было рѣдкостью. Я хорошо помню, что и въ тольбо что минувшемъ году, и въ прошломъ, и въ запрошломъ — на факультетѣ физико-математическомъ присужденіе медалей имѣло мѣсто, при чемъ *два раза* именно на *естественномъ* отдѣленіи. Это утвердить я считаю не лишнимъ въ настоящую минуту».

Послѣ преній поставленъ былъ председателемъ на голосованіе вопросъ, утверждаетъ-ли совѣтъ представленіе факультета? Большинство 12 голосовъ противъ 8 (гг. Петріевъ, Успенскій, Лигинъ, Трачевскій, Шпилевскій, Шведовъ, Ковалевскій, Вериго) дало отвѣтъ отрицательный. Затѣмъ голосовался вопросъ, согласенъ-ли совѣтъ съ миѣніемъ меньшинства членовъ факультета? 13 голосовъ отвѣчали *да*, 4 (гг. Петріевъ, Лигинъ, Шведовъ, Шпилевскій, заявившій о подачѣ особаго миѣнія, тагъ какъ онъ находитъ невозможнымъ разсмотрѣніе въ совѣтѣ подобныхъ дѣлъ по существу) — *нѣтъ*, а профессора Успенскій, Трачевскій и Ковалевскій отказались отъ подачи голоса. *Опредѣлили*: признать представленное сочиненіе достойнымъ почетнаго отзыва. Вскрытіе конверта съ девизомъ отложить до заслушанія особаго миѣнія профессора Шпилевскаго.

8. Историко-филологическаго о разрѣшеніи профессору Успенскому вести практическія занятія съ студентами по древней и средней исторіи, для чего потребно ему во 1) прибавить два часа въ недѣлю, во 2 хъ) позволить пользоваться комнатою, въ которой-бы можно было сосредоточить безусловно необходимыя для практическихъ занятій

справочныя книги, источники и пособія. *Опредѣлили*: разрѣшить.

9. Внесенныя ректоромъ прошенія бывшихъ студентовъ медицинскаго факультета: университета св. Владимира Дубницкаго и харьковскаго университета Зильбермана—о приемѣ на 2-й курсъ естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета и исключеннаго изъ технологическаго института Якова Гуковскаго—о приемѣ въ студенты юридическаго факультета.

Большинствомъ голосовъ *опредѣлено*: Дубницкаго и Зильбермана принять на I курсъ; о приемѣ Гуковскаго ходатайствовать предъ министерствомъ.

10. Внесенное ректоромъ прошеніе студента I курса юридическаго факультета Бергера о перечисленіи его на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета. *Опредѣлили*: перечислить съ разрѣшенія г. попечителя.

Представленія физико-математическаго факультета:

11. На основаніи рѣшенія своего, 14 октября состоявшагося, факультетъ, вслѣдствіе прилагаемаго при семъ предложенія профессора Ковалевскаго и доцента Репяхова, ходатайствуетъ предъ совѣтомъ объ отдѣленіи анатомическаго кабинета отъ физиологическаго факультета и поручить завѣдываніе анатомическимъ кабинетомъ доценту Репяхову, и объ отдѣленіи на нужды анатомическаго кабинета 250 р. изъ суммъ физиологическаго кабинета и 250 р. изъ суммъ кабинета агрономической химіи. Кромѣ того факультетъ проситъ совѣтъ ходатайствовать предъ министерствомъ объ ассигнованіи особой суммы на учрежденіе и нужды анатомо-гистологическаго кабинета изъ суммъ государственнаго казначейства.

Предложеніе профессора Ковалевскаго и доцента Репяхова: «въ виду того обстоятельства, что съ текущаго

учебнаго года рядомъ съ преподаваніемъ анатоміи человѣка вводится и преподаваніе гистологіи или микроскопической анатоміи, и что занятія по этому предмету требуютъ съ одной стороны довольно значительныхъ денежныхъ средствъ, а съ другой болѣе обширнаго помѣщенія, чѣмъ то, которыми до сихъ поръ пользовалась анатомія въ нашемъ университетѣ, мы покорнѣйше просимъ физико-математическій факультетъ, не найдетъ-ли онъ возможнымъ ходатайствовать предъ совѣтомъ университета объ удовлетвореніи этихъ потребностей.

При этомъ считасмъ полезнымъ прежде всего высказать тѣ соображенія, которыя дѣлаютъ въ нашихъ глазахъ необходимымъ учрежденіе особаго анатоми-гистологическаго кабинета.

При тѣхъ быстрыхъ успѣхахъ, которые въ послѣднее время сдѣлала морфологія животныхъ, между отдѣльными морфологическими науками устанавливается все болѣе и болѣе тѣсная связь, но при этомъ методы изслѣдованія и пособія, необходимыя для занятія различными отдѣлами зоологіи, все болѣе и болѣе спеціализируются и становятся все болѣе и болѣе разнообразными.

Гистологія съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ все болѣе значеніе такой науки, основательное знакомство съ которою положительно необходимо для того, чтобы вполне ориентироваться въ области самыхъ важныхъ зоологическихъ вопросовъ. Преподаваніе ея (въ качествѣ подготовительнаго курса) должно поэтому лежать въ основаніи всего преподаванія зоологіи, подобно тому, какъ сравнительная остеологія должна послужить основаніемъ для палеонтологіи. Между тѣмъ въ послѣдніе годы выработана цѣлая масса спеціально гистологическихъ методовъ изслѣдованія, тре-

бующихъ весьма разнообразныхъ приспособленій, приборовъ, реактивовъ и т. д., — необходимыхъ при занятіяхъ гистологіей, но составляющихъ для зоологической, зоотомической или эмбриологической лабораторіи излишнюю роскошь, которую напр. наша зоологическая лабораторія, при своихъ скромныхъ средствахъ и при ежегодно возрастающемъ числѣ слушателей, ни въ какомъ случаѣ не можетъ себѣ позволить.

Кромѣ того: практическія занятія по гистологіи требуютъ и такихъ вспомогательныхъ средствъ, которыя необходимы и для другихъ лабораторій, но которыя, для правильного хода занятій, каждая нуждающаяся въ нихъ лабораторія должна имѣть вполне въ своемъ распоряженіи. Сюда относятся микроскопы, микротомы, довольно значительное количество стеклянной посуды, покровныхъ стеколъ для микроскопическихъ препаратовъ, бритвъ и т. п. Часть этихъ предметовъ (напр. микроскопы) можетъ быть (при достаточныхъ средствахъ) приобретена разъ навсегда или по крайней мѣрѣ на весьма долгое время; другія-же пособія (напр. стекла, реактивы), требуютъ опредѣленныхъ ежегодныхъ расходовъ. Такіе-же ежегодные расходы необходимы и для приобретения матеріала для занятій, въ особенности, если объектомъ изслѣдованія служатъ млекопитающія животныя.

Наконецъ учрежденіе особаго анатомо-гистологическаго кабинета обазало-бы существенную услугу и для преподаванія анатоміи человѣка въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ существовавшее до сихъ поръ соединеніе анатомическаго кабинета съ физиологической лабораторіей представляетъ двойное неудобство: во первыхъ на средства одной лабораторіи нужно удовлетворить потребностямъ преподаванія

двухъ совершенно различныхъ предметовъ, а во вторыхъ два, въ сущности совершенно различныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденія, находятся въ вѣдѣніи одного спеціалиста (или анатома, или физиолога). Если къ этому прибавить, что въ настоящее время анатомическій кабинетъ нашего университета лишень многихъ изъ самыхъ необходимыхъ пособій, то сдѣлается совершенно очевиднымъ, что при существующихъ условіяхъ лице, взявшееся за чтеніе курса анатоміи человѣка, не имѣетъ почти никакой возможности удовлетворительно выполнить возложенныя на него обязанности. Отдѣленіе анатомическаго кабинета отъ физиологической лабораторіи и предоставленіе первому опредѣленной суммы ежегодно оказывается такимъ образомъ необходимымъ даже независимо отъ устройства гистологической лабораторіи.

Вполнѣ разсчитывая, что факультетъ отнесется сочувственно къ нашему ходатайству, мы позволяемъ себѣ покорнѣйше просить его, не найдетъ-ли онъ возможнымъ съ своей стороны ходатайствовать черезъ совѣтъ университета предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при нашемъ университетѣ кабинета анатоміи и гистологіи человѣка и объ ассигнованіи на этотъ предметъ нѣкоторой суммы одновременно на обзаведеніе и ежегодно на содержаніе кабинета. Въ виду того, что нѣкоторые изъ необходимыхъ предметовъ (например микроскопы, микрономы) очень дороги, слѣдовало-бы просить на первое обзаведеніе отъ двухъ до трехъ тысячъ и на ежегодные расходы хотя-бы по 600 рублей».

Большинствомъ всѣхъ присутствовавшихъ, кромѣ профессора Кочубянскаго, *опредѣлено*: ходатайствовать объ отпускѣ суммъ; остальное предоставить факультету.

12.—объ ассигнованіи, согласно прилагаемому предложенію доцента Кононовича, 1800 рублей изъ суммъ министерства на приобрѣтеніе экваторіала для астрономической обсерваторіи.

Предложеніе завѣдывающаго обсерваторіей А. Кононовича: «наша астрономическая лабораторія, за исключеніемъ немногихъ переносныхъ инструментовъ, обладаетъ только однимъ удовлетворяющимъ современнымъ требованіямъ науки инструментомъ—меридіанальнымъ кругомъ Репсольда; предполагавшійся по первоначальному плану экваторіаль, за неимѣніемъ средствъ, не былъ приобрѣтенъ и помѣщеніе для него не было построено; въ замѣнъ этого экваторіала наша обсерваторія обладаетъ подареннымъ еще лицю бывшимъ гласнымъ нашей думы г. Яхненко рефракторомъ, установленнымъ въ маленькой башнѣ, въ которой съ удобствомъ можно помѣстить 6 — 7 дюймовый экваторіаль.

Такимъ образомъ наша обсерваторія имѣетъ возможность производить удовлетворяющія настоящимъ научнымъ требованіямъ работы главнымъ образомъ только меридіанальнымъ кругомъ, т. е. такія работы, потребность въ которыхъ становится все меньше и меньше и которыя стаиваются достояніемъ большихъ обсерваторій, обладающихъ большими инструментами и штатомъ. Между тѣмъ работы при помощи экваторіала становятся все разнообразнѣе, приобрѣтаютъ все большій интересъ и дѣлаются обязательными для всѣхъ тѣхъ пунктовъ, для которыхъ есть возможность установить астрономическую трубу съ необходимыми къ ней принадлежностями. Изъ числа такихъ работъ я упомяну напр. о слѣдующей. Двѣ изъ кометъ настоящаго года показали, какъ извѣстно, спектръ натра,

присутствіе котораго не было замѣчено ни въ одной изъ прежнихъ кометъ; при этомъ послѣдняя комета (Крульса) давала этотъ спектръ въ такой малый промежутокъ времени, что (по дошедшимъ до сихъ поръ свѣдѣніямъ) только двѣ обсерваторіи — въ Ницѣ и Риожанейро — могли наблюдать этотъ спектръ. Нѣсколько туманныхъ дней въ этихъ двухъ мѣстностяхъ сдѣлали-бы невозможнымъ упомянутое открытіе. Изъ этого видно, какъ важно имѣть возможность производить спектральныя наблюденія въ возможно большемъ количествѣ мѣсть и въ особенности въ мѣстахъ лучшихъ въ климатическомъ отношеніи, а изъ числа университетскихъ городовъ російской имперіи Одесса безспорно занимаетъ въ этомъ отношеніи одно изъ первыхъ мѣсть.

Упомянутый выше рефракторъ нашей обсерваторіи снабженъ лишь кольцевымъ микрометромъ, позволяющимъ производить дифференціальныя опредѣленія мѣсть свѣтиль съ неособенно большимъ склоненіемъ; инструментъ этотъ не имѣетъ ни другихъ микрометровъ, ни часоваго механизма, ни круговъ, ни микрометрическаго движенія по прямому восхожденію и кромѣ того обладаетъ объективомъ, легко теряющимъ свою центровку; вслѣдствіе этого имъ не возможно производить многихъ необходимыхъ работъ. Дѣлать въ этому инструменту новыя приспособленія неудобно, такъ какъ устройство ихъ обойдется дороже приобрѣтенія новаго такихъ-же размѣровъ инструмента со всѣми приспособленіями.

Приобрѣтеніе для нашей обсерваторіи экваторіала, предполагавашагося по плану, обойдется въ такую сумму (между прочимъ оттого, что для большаго инструмента придется строить новое помѣщеніе), что я не рискую ее испраши-

вать; но для большинства работъ достаточно было-бы имѣть хорошій 6—7 дюймовый экваторіалъ, для приобрѣтенія котораго потребуется сравнительно ничтожная сумма и помѣщеніемъ для котораго могла-бы служить таже башня, въ которой теперь стоитъ нашъ рефракторъ. Въ настоящее время, вслѣдствіе прегражденія дѣлъ оптической фирмы Шредера (Schröder), продаются сравнительно дешево инструменты этого знаменитаго оптика: такъ одинъ изъ 6—дюймовыхъ экваторіаловъ Шредера продается теперь въ Франкфуртѣ и можетъ быть приобрѣтенъ за сумму около 1800 рублей, въ то время какъ цѣна его въ оптическомъ институтѣ превышаетъ 3000 рублей. Въ виду этого я имѣю честь покорнѣйше просить факультетъ ходатайствовать предъ министерствомъ объ отпускѣ изъ министерскихъ суммъ 1800 рублей, съ тѣмъ, чтобы на эти деньги приобрѣсть для нашей обсерваторіи упомянутый выше инструментъ. *Опредѣлили*: ходатайствовать.

13.—Согласно прилагаемому вмѣстѣ съ письмомъ секретаря минералогическаго общества Еремѣева предложению профессора Синцова, факультетъ ходатайствуетъ предъ совѣтомъ о напечатаніи составленной профессоромъ Синцовымъ геологической карты Бессарабіи на суммы министерства народнаго просвѣщенія.

Приложенныя къ представленію факультета:

а) предложеніе профессора Синцова: «многимъ членамъ факультета не безъизвѣстно, что около половины работъ, напечатанныхъ мною въ послѣднее десятилѣтіе, посвящено геологическому изслѣдованію Бессарабіи. Опубликовавъ въ 1872 году геологическій очеркъ бессарабской области, въ 1873 году—дополнительную замѣтку къ этому очерку и въ 1875, 1878, 1880 гг. — описаніе новыхъ и малозн-

слѣдованныхъ формъ раковинъ, я обладалъ уже достаточнымъ матеріаломъ для составленія общей геологической карты изслѣдованной мною мѣстности. Но подмѣтивши здѣсь весьма интересныя особенности распредѣленія породъ и окаменѣлостей, бросающія довольно яркій свѣтъ на исторію нашего края, я убѣдился въ необходимости составить такую карту, на которой было-бы возможно указать эти особенности. Понятно, что для подобной карты требуются подробныя геологическія изысканія. При выполненіи послѣдней задачи не малое содѣйствіе оказало мнѣ с.-петербургское минералогическое общество, командировавшее меня въ 1880—81—82 гг. въ бессарабскую губернію. Въ послѣднихъ числахъ августа и въ началѣ сентября текущаго года мною были окончательно изготовлены и посланы минералогическому обществу, какъ геологическая карта Бессарабіи, такъ и рукопись, представляющая сводъ всѣхъ наблюденій, легшихъ въ основу составленія этой карты.

Въ настоящее время я получилъ письмо отъ секретаря минералогическаго общества, при семъ прилагаемое. Въ письмѣ этомъ онъ говоритъ, что минералогическое общество готово приступить къ немедленному печатанію текста моего отчета, но на геологическую карту въ десяти-верстномъ масштабѣ оно не можетъ затратить двухъ (и можетъ быть болѣе) тысячъ рублей, а потому проситъ перерисовать ее на 20-ти-верстную, изданную Ильинымъ. Но одного бѣглаго сравненія картъ 10-ти-верстнаго и 20-ти-верстнаго масштаба достаточно, чтобы понять существующую между ними громадную разницу. Въ то время, какъ на первой картѣ обозначены всѣ необходимыя для моей цѣли овраги и рѣчныя долины, на второй не только отсутствуютъ эти послѣдніе, но и значительное количество

селеній, о которыхъ идетъ рѣчь въ моей рукописи. Такимъ образомъ принять предложеніе минералогическаго общества значить согласиться подвергнуть сокращеніямъ и урѣзваніямъ все то, что собрано съ такимъ трудомъ или — наложить руку на свою-же собственную работу. Нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что физико-математическій факультетъ вполне понимаетъ невозможность подобной операціи, я обращаюсь къ нему съ покорной просьбою ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ о напечатаніи составленной мною геологической карты Бессарабіи на суммы министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ послѣднее не только неоднократно удовлетворяло подобныя ходатайства, но и представляло средства, необходимыя для геологическихъ изысканій».

б) Письмо П. Еремѣева: «Милостивый Государь Иванъ Федоровичъ. Независимо отъ только что полученнаго мною втораго Вашего письма отъ 20 сентября, я сегодня-же собирался писать Вамъ объ интересующемъ Васъ дѣлѣ. Раньше этого времени не могъ отвѣчать Вамъ, не доживъ предварительно отчета и картъ минералогическому обществу, первое собраніе котораго открылось только 21 сентября вечеромъ. Минералогическое общество готово приступить къ немедленному печатанію текста Вашего отчета, но три карты задержать это дѣло. Изданіе трехъ картъ, въ числѣ 550 экземпляровъ каждая, обойдется не дешевле двухъ тысячъ рублей, если только напечатать ихъ въ томъ масштабѣ, въ какомъ онѣ представлены. Къ тому-же литографы не охотно берутся за эту работу, считая ее трудною, потому что нераскрашенные листы карты (75 в. экземпляръ) сдѣланы на такой бумагѣ, которая можетъ растягиваться при дальнѣйшемъ покрытіи цвѣтными коле-

рами. Минералогическое общество не может затратить двухъ тысячъ на изданіе однѣхъ только картъ *), и потому просить изобразить ихъ въ меньшемъ масштабѣ. Кромѣ того желательно видѣть на картахъ: 1) всѣ краски разграниченными пунктиромъ, 2) различныя осадочныя образованія, независимо отъ красокъ, отмѣченными цифрами или литерами и 3) особый знакъ или поясненіе тому, что выражаютъ собою оставленные на картахъ этихъ пробѣлы. На этихъ дняхъ я пришлю Вамъ карты для соотвѣтствующихъ измѣненій и на случай уменьшенія прилѣжу къ нимъ экземпляръ карты бессарабской губерціи, издавшой Ильинымъ въ 20-ти верстномъ масштабѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою». Подписалъ: П. Еремѣевъ.

Опредѣлили: ходатайствовать.

14. — О составленіи распорядительнаго комитета VII съѣзда естествоиспытателей и врачей изъ всѣхъ членовъ физико-математическаго факультета и врачей Мочутковскаго, Болачевскаго, Приселкова, Строганова и Маргуліеса, съ предоставленіемъ комитету права приглашать для участія въ трудахъ его лицъ, содѣйствіе которыхъ можетъ быть полезно.

Опредѣлили: составить комитетъ согласно съ представленіемъ факультета.

15. Представленіе историко-филологическаго факультета: «историко-филологическій факультетъ въ засѣданіи 18 октября 1882 года, обсуждая вновь вопросъ о приглашеніи доцента Блосовскаго прочесть курсъ по географіи и

---

*) 2000 руб.—это только приближительная цѣнность; вѣрнѣе-же, что карты будутъ стоить значительно дороже.

согласившись съ мнѣніемъ профессора Успенскаго, которое при семъ предлагается, опредѣлилъ просить совѣтъ ходатайствовать предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи представленія факультета на слѣдующихъ основаніяхъ :

1) чтобы чтеніе лекцій по предлагаемой программѣ было предназначено для студентовъ III и IV курсовъ историческаго отдѣленія,

2) чтобы эти лекціи (двѣ въ недѣлю) считались для студентовъ обязательными,

и наконецъ 3) чтобы преподавателю дано было вознагражденіе въ размѣрѣ 450 рублей изъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава.

Мнѣніе профессора Успенскаго: «преподаватели историческихъ наукъ въ университетахъ не могутъ не сознавать слабой подготовки своихъ слушателей въ географіи, пограничной съ исторіею области знаній. Если-бы еще можно было относиться къ этому недостатку лишь со стороны помѣхи его въ преподаваніи исторіи, то онъ могъ-бы быть частію исправленъ посильной помощью преподавателя и въ особенности хорошими картами. Но университетскіе слушатели становятся сами преподавателями; историки по окончаніи курса университета идутъ на мѣста учителей исторіи и географіи. Съ этой точки зрѣнія вопросъ совершенно измѣняется. Университетскій преподаватель исторіи въ весьма рѣдкихъ случаяхъ можетъ имѣть для своихъ слушателей образовательное значеніе по географіи. Это объясняется во 1-хъ тѣмъ, что между историками составляютъ исключеніе такіе знатоки и любители географіи, какъ покойный профессоръ Брунъ, во 2-хъ самымъ развитіемъ науки географіи и занимаемымъ ею мѣстомъ въ ряду

другихъ наукъ. Отдѣльное преподаваніе географіи является необходимымъ элементомъ для успѣха въ преподаваніи другихъ наукъ на историко-филологическомъ факультетѣ. Связь исторіи и географіи вызвала въ нѣкоторыхъ университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ спеціально педагогическаго характера (институты) потребность, во многихъ случаяхъ уже удовлетворенную министерствомъ народнаго просвѣщенія — вводить преподаваніе географіи, приглашая для того болѣе опытныхъ преподавателей гимназій.

Говоря о значеніи географіи въ ряду другихъ наукъ, я имѣю въ виду весьма замѣтное стремленіе ея занять самостоятельное и высокое положеніе въ области наукъ о человѣкѣ и объ естественныхъ условіяхъ развитія человеческихъ обществъ. Это положеніе создали для географіи труды Риттера, Пешеля, Реклю и Гельвальда, съ которыми географія смѣло можетъ занять мѣсто рядомъ съ другими науками, пашедшими мѣсто въ университетѣ, и имѣть не меньшее образовательное значеніе, чѣмъ эти послѣднія. Такъ думать и того желать для географіи заставляетъ то общее вниманіе къ географическимъ вопросамъ, которое проявляется въ европейскихъ странахъ. Достаточно указать для этого на географическіе конгрессы въ Парижѣ, Венеціи и Римѣ и на географическіе съѣзды. Россія же въ смыслѣ разработки и распространенія географическихъ знаній занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ (Семеновъ, Венюковъ. Воейковъ и др.). Извѣстно, что вопросъ о преподаваніи географіи уже данъ къ обсужденію въ университетахъ. По всей вѣроятности онъ разрѣшенъ будетъ и въ нашемъ университетѣ согласно съ потребностями факультета и съ состояніемъ науки географіи. Но мы имѣемъ

то преимущество въ практической постановкѣ этого вопроса, что у насъ есть уже лице, которое теперь-же могло-бы сдѣлать опытъ приложенія географіи на филологическомъ факультетѣ; говорю о магистрѣ физической географіи — доцентѣ А. В. Кюсовскомъ.

Въ виду безспорной потребности на филологическомъ факультетѣ преподаванія географіи, въ виду важныхъ вопросовъ, изслѣдованіемъ которыхъ занимается наука географіи, наконецъ — имѣя передъ глазами практику нѣкоторыхъ университетовъ и филологическихъ институтовъ, нахожу благовременнымъ просить факультетъ поручить преподаваніе географіи на нынѣшній годъ доценту А. Кюсовскому и ходатайствовать въ надлежащемъ порядкѣ о вознагражденіи его изъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава. Предлагаемая при семъ программа можетъ свидѣтельствовать о важности и полезности для студентовъ имѣющаго быть прочитаннымъ курса.

Программа общаго курса географіи для студентовъ историко-филологическаго факультета:

1-я серія лекцій, — 2 часа въ недѣлю.

1. Исторія географіи и географическихъ открытій.
2. Подробное ознакомленіе съ источниками и литературой географической науки.
3. Картографія.
4. Земля, какъ планета. Отношеніе ея къ другимъ небеснымъ тѣламъ. Движенія и фигура земли.
5. Орографія, строеніе земной коры въ связи съ распространеніемъ минеральныхъ богатствъ и развитіемъ добывающей промышленности.
6. Гидрографія. Водяные пути сообщеній. Рѣчные бассейны; ихъ физическое и географическое значеніе.

7. Главнѣйшія явленія въ атмосферѣ, обусловленныя солнечной энергіей.

Подписалъ: А. Блосовскій.

По вопросу объ отнесеніи вознагражденія доценту Блосовскому на остатки отъ содержанія личнаго состава секретаремъ доложено, что изъ этого источника вознагражденіе преподавателямъ можетъ быть произведено только на основаніи § 84 университетскаго устава.

Опредѣлили: ходатайствовать предъ министерствомъ.

16. а) Отношеніе совѣта Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи отъ 6 октября за № 482: «Императорское общество сельскаго хозяйства южной Россіи, обсуждая весною текущаго года положеніе своей фермы, систему практикуемаго на ней хозяйства и производимыхъ опытовъ, пришло къ заключенію, что ферма не вполне удовлетворяетъ своему назначенію — служить интересамъ науки и практики сельскаго хозяйства, и для достиженія этой цѣли должна быть реорганизована въ опытную сельско-хозяйственную станцію. Секретарь общества М. П. Боровскій представилъ по этому предмету особый докладъ, который былъ переданъ на разсмотрѣніе избранной обществомъ спеціальной комисіи. По обсужденіи какъ доклада г. Боровскаго, такъ и заключеній комисіи, общество признало полезнымъ устроить на своей фермѣ опытную сельско-хозяйственную станцію на слѣдующихъ основаніяхъ.

Цѣль устраиваемой обществомъ станціи должна заключаться въ томъ, чтобы посредствомъ правильно поставленныхъ опытовъ и наблюденій добыть тѣ незыблемыя научныя основанія, которыя освѣщали бы хозяину его практическіе пути, служили-бы критеріумомъ для оцѣнки практикуемыхъ имъ приемовъ культуры и указаніемъ при

выборъ новыхъ. Для достиженія этой цѣли необходимо изучить естественныя условія, вліяюще на успѣшность воздѣлываемыхъ въ нашемъ краѣ растений. Извѣстно, что на успѣшность культуры вліяютъ главнѣйше почвенныя и климатическія условія, (экономическія-же не могутъ быть принимаемы въ расчетъ при правильной постановкѣ опытовъ, а лишь при рассмотрѣніи выгоды того или другаго пріема культуры). Нѣтъ страны, гдѣ-бы почву и климатъ изъ года въ годъ можно было вполне считать благопріятными для культуры, гдѣ-бы со стороны сельскаго хозяина не требовались извѣстныя условія, извѣстныя техническія пріемы для устранения или по крайней мѣрѣ смягченія неблагопріятныхъ вліяній или почвы, или климата. Въ нашемъ краѣ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, успѣхъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того или другаго состоянія погоды въ извѣстномъ году. Но чтобы получить возможность смягчить неблагопріятныя вліянія климата и указать тѣ условія почвенныя и культурныя, при которыхъ это вліяніе наименѣе вредно, нужно изучать самыя условія, а равно и наиболѣе соответствующія мѣстности культурныя растенія. Отсюда само собою вытекаетъ необходимость установленія троякаго рода наблюденій и опытовъ:

1. Надъ климатомъ,
2. Надъ почвою,
3. Надъ культурными растеніями.

Чтобы получить результаты сравнимые, выяснить взаимное вліяніе почвенныхъ и климатическихъ условій на успѣшность культуры растеній, всѣ три рода опытовъ слѣдуетъ производить параллельно, въ неразрывной связи.

Изъ климатическихъ наблюденій признаю полезнымъ производство какъ общихъ наблюденій, такъ и имѣющихъ спеціальное значеніе для сельскаго хозяйства.

Въ первой группѣ относятся наблюденія надъ температурой, влажностью, облачностью, направленіемъ и силою вѣтра, и если возможно, — надъ давленіемъ воздуха.

Вторую группу составляютъ спеціальныя наблюденія, помощію которыхъ, такъ сказать, связываются интересы научной метеорологіи и сельскаго хозяйства. Эти наблюденія слѣдующія:

1. Количество дождя, снѣга, росы и число дней съ осадками. Плювиометрическія наблюденія имѣютъ огромное теоретическое и практическое значеніе. Тутъ важны, какъ абсолютное количество дождя и распредѣленіе его по мѣсяцамъ и временамъ года, такъ еще болѣе зависимость осадковъ отъ мѣстныхъ вліяній и общихъ движеній въ атмосферѣ. Знаніе этой послѣдней зависимости дало-бы возможность примѣнить свѣдѣнія объ общемъ состояніи атмосферы къ цѣлямъ сельско хозяйственнымъ, т. е. къ предсказанію дождя. Но примѣнять общія данныя о состояніи погоды къ отдѣльнымъ частнымъ случаямъ возможно только тогда, когда хорошо изслѣдованы мѣстныя вліянія, вносящія тѣ или другія модификаціи въ общія атмосферическія условія.

2. Атмосферная вода, падая на поверхность почвы, частью испаряется, частью проникаетъ вглубь; для культуры растений огромное значеніе имѣютъ оба эти элемента; необходимы поэтому постоянныя наблюденія надъ количествомъ просачивающейся сквозь почву воды въ зависимости отъ ея строенія, а съ другой стороны наблюденія надъ испареніемъ какъ съ поверхности воды, такъ и съ поверхности почвы.

3. Опредѣленіе температуры почвы на различныхъ глубинахъ, степень ея нагрѣванія при различныхъ состоя-

ніяхъ неба, зимнія охладженія и промерзаніе при снѣговомъ покровѣ и безъ него.

4. Извѣстно, какой сильный вредъ приносятъ растительной культурѣ такъ называемые ночные морозы, зависящіе отъ охладженія почвы вслѣдствіе ночнаго лученспусканія; правильныя наблюденія надъ этимъ элементомъ должны быть включены въ программу опытной станціи.

5. Ростъ растительности обуславливается не только извѣстнымъ составомъ почвы, ея физическими свойствами; важную роль играетъ то количество энергіи, которое получается отъ солнца. Энергія эта, какъ извѣстно, идетъ на внутреннюю молекулярную работу, которою обуславливается питаніе растений и усвоеніе углерода изъ углекислоты. Желательны поэтому правильныя актинометрическія опредѣленія, которыя до настоящаго времени устроены въ небольшомъ числѣ пунктовъ.

6. Современемъ могутъ быть введены наблюденія надъ направленіемъ атмосфернаго электричества.

Ввести и устроить одновременно и сразу указанныя здѣсь наблюденія не позволяютъ ни личный составъ служащихъ на станціи, ни матеріальныя средства общества; поэтому предположено вести дѣло, такъ сказать, концентрически и переходить отъ болѣе простыхъ наблюденій къ болѣе сложнымъ. Именно, съ нынѣшняго года, располагая наблюденія въ порядкѣ ихъ теоретической и практической важности, предположено ввести слѣдующее: 1) температура воздуха на различныхъ высотахъ, максимум и минимум температуры, давленіе воздуха, 2) количество осадковъ и число дождевыхъ и снѣжныхъ дней, 3) температура почвы на различныхъ глубинахъ и въ различныхъ состояніяхъ, 4) промерзаніе почвы, 5) испареніе воды, влажность, 6)

испареніе почвы и содержаніе въ ней влаги, 7) просачиваніе воды сквозь почву, 8) направленіе и сила вѣтра, 9) облачность и направленіе движенія облаковъ, 10) количество росы и условія ея появленія, иней, 11) ночное лученспусканіе, направленіе его, условія появленія ночныхъ морозовъ, 12) грозы и градъ.

Изъ опытовъ надъ культурными растеніями предположены слѣдующіе: 1) надъ влияніемъ густоты посѣва на урожайность, 2) надъ глубиною задѣлки сѣмянъ, 3) надъ временемъ посѣва озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ, 4) надъ влияніемъ глубокой и мелкой пахоты на урожайность, 5) надъ дѣйствіемъ удобреній, 6) надъ воздѣлываніемъ новыхъ разновидностей какъ культивируемыхъ въ краѣ растеній, такъ и новыхъ и 7) фенологическія наблюденія.

Производя эти наблюденія, опытная станція должна, по мнѣнію общества, въ то же время служить и непосредственно интересамъ хозяевъ, обращающихся къ ней за рѣшеніемъ разныхъ вопросовъ. Такъ, по заѣзду хозяевъ, она должна производить анализы почвы, удобреній, кормовъ и пр. Кроме того при станціи рѣшено устроить контрольное отдѣленіе за доброкачественностью продающихся сѣмянъ. Конечно, въ этомъ случаѣ никакихъ обязательныхъ правилъ подчиненія сѣмяноторговцевъ контролю станціи установить нельзя, и подчиненіе должно быть только добровольное.

Что касается химическихъ анализовъ, которые требуются какъ для опытной станціи, такъ и для хозяевъ, такъ какъ для устройства лабораторіи нужны значительныя средства, которыми общество въ настоящее время не располагаетъ, поэтому оно рѣшило обратиться въ совѣтъ университета съ просьбою разрѣшить производство анали-

зовъ въ университетскихъ лабораторіяхъ за опредѣленное вознагражденіе, за норму котораго можно принять, по соглашенію съ завѣдующими лабораторіями, тарифъ петровской земледѣльческой академіи или земледѣльческаго института.

Для достиженія наилучшихъ результатовъ общество признало необходимымъ какъ все первоначальное устройство и постановку опытовъ и наблюденій, такъ и затѣмъ руководство и надзоръ за точнымъ и правильнымъ ихъ исполненіемъ поручить комитету изъ спеціалистовъ, въ составъ котораго постановило пригласить профессора химіи, ботаники и физической географіи, секретаря общества, какъ спеціалиста по сельскому хозяйству, и еще одного члена по выбору общества. Комитетъ этотъ издастъ инструкціи относительно порядка и методовъ наблюденій, производства тѣхъ или другихъ анализовъ, опытовъ, изслѣдованій и пр., равномерно дастъ формы для записыванія получаемыхъ результатовъ.

Непосредственное производство наблюденій и опытовъ и весь ближайшій надзоръ за станціей поручается наблюдателю, избираемому обществомъ по рекомендаціи совѣта общества или комитета. Въ наблюдатели можетъ быть избираемо только лице, окончившее курсъ въ среднемъ агрономическомъ заведеніи или въ реальномъ училищѣ; конечно, весьма желательно видѣть на мѣстѣ наблюдателя человека съ высшимъ образованіемъ и въ настоящее время совѣтъ общества имѣеть въ виду пригласить на эту должность бывшего стипендіата общества кандидата естественныхъ наукъ Евгенія Рекало.

Сообщая о вышензложенномъ, въ видахъ упроченія существованія станціи на болѣе твердыхъ основаніяхъ,

Императорское общество сельскаго хозяйства южной Россіи имѣетъ честь обратиться въ совѣтъ новороссійскаго университета съ покорнѣйшей просьбой поддержать это предпріятіе съ своей стороны приглашеніемъ профессоровъ по соответствующимъ спеціальностямъ принять участіе, какъ въ организациі, такъ и въ руководствѣ опытною станціей и не отказать въ разрѣшеніи пользоваться учебно-вспомогательными учрежденіями университета по соглашенію съ завѣдующими ими. Съ своей стороны общество всегда готово производить по порученію университета тѣ опыты и наблюденія, какіе окажутся по силамъ и средствамъ станціи.

б) Отзывъ физико-математическаго факультета, на предварительное заключеніе котораго передаваемо было г. ректоромъ вышепрописанное отношеніе общества: «на основаніи рѣшенія своего, 14 октября состоявшагося, факультетъ извѣщаетъ, что онъ сочувствуетъ учрежденію сельско-хозяйственной станціи и готовъ содѣйствовать ея устройству. Что касается до пользованія учебно-вспомогательными учрежденіями университета, то факультетъ полагаетъ, что оно должно происходить по существующимъ правиламъ».

Опредѣлили: увѣдомить общество согласно отзыву физико-математическаго факультета.

17. Предложеніе предсѣдательствующаго въ археологической комисіи профессора Леонтовича объ избраніи новыхъ членовъ въ комисію по устройству VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ. *Опредѣлили*: пополнить комисію, состоящую теперь изъ профессоровъ Бондакова и Леонтовича, профессорами Успенскимъ и Юргевичемъ.

18. Предложеніе куратора студентческой читальни ор-

дварнаго профессора Трачевскаго : «считаю долгомъ довести до свѣдѣнія совѣта о существенныхъ нуждахъ студентской читальни, которая выяснилась для меня въ теченіе моего кураторства (съ 17 августа по 17 октября текущаго года).

Важнѣе всего, что читальня не удовлетворяетъ самыхъ законныхъ и постоянныхъ требованій студентовъ. Студенты главнымъ образомъ нуждаются въ *учебникахъ* и *учебныхъ пособіяхъ*, а читальня весьма мало снабжена ими, да и то обыкновенно въ одномъ экземплярѣ, требованій-же бываетъ 50 — 60 разомъ. Учебныхъ пособій даже почти вовсе нѣтъ, что наноситъ существенный вредъ занятіямъ по нѣкоторымъ каедрамъ. Для примѣра укажу на кафедру анатоміи. Не только нѣтъ атласа, не говоря уже про скелеть, но и изъ учебниковъ существуетъ всего по одному экземпляру Гиртля и Гольштейна, которые постоянно требуются 50 — 60 лицами. Химіи Менделѣева есть 5 экземпляровъ, въ студентскомъ отдѣлѣ и два въ основной библиотекѣ а она требуется почти ежедневно 5—6 лицами: тутъ мало и 10 экземпляровъ. Касательно исторіи Россіи Соловьева должно сказать, что и три экземпляра не въ состояніи удовлетворить постоянныхъ требованій. Совѣтъ можетъ удостовѣриться во всемъ сказанномъ изъ прилагаемаго списка книгъ, на которыя были заявлены требованія съ 17 августа по 27 сентября, не всѣ удовлетворенныя вслѣдствіе ограниченности числа экземпляровъ. Сверхъ того честь имѣю представить списокъ недостающихъ сочиненій, частію указанныхъ самими студентами, частію рекомендованныхъ имъ гг. преподавателями.

Въ виду сказаннаго осмѣливаюсь просить совѣтъ ассигновать особую сумму не менѣе 2000 рублей на пополненіе студентскаго отдѣла нашей библіотеки. При этомъ

не найдеть-ли совѣтъ возможнымъ производить выписку книгъ, по распоряженію правленія, не черезъ коммисіонеровъ, а самую читальню, что доставило-бы 20 проц. сбереженія.

Сверхъ того считаю долгомъ указать совѣту еще на одно важное препятствіе успѣшнымъ занятіямъ студентовъ въ читальнѣ. Это — недостаточность времени. По настоятельнымъ просьбамъ студентовъ честь имѣю просить совѣтъ разрѣшить утромъ открывать читальню съ 9 часовъ, вечеромъ-же закрывать ее въ 9 часовъ. Этимъ выиграется для студентовъ 2 часа весьма удобныхъ для ихъ занятій.

Опредѣлили: оставить прежніе часы открытія и закрытія читальни; вопросъ о суммахъ отложить до распредѣленія предвидящихся остатковъ отъ содержанія личнаго состава университета.

19. Предложеніе редактора «Каталога библіотекъ» ординарнаго профессора Бочубинскаго: «въ виду приближенія къ концу печатанія I тома «Каталога библіотекъ» нашего университета, который обнимаетъ книги историко-филологическаго факультета — 12 отдѣловъ, теперь печатается послѣдній отдѣлъ «географія» — я имѣю честь обратиться въ совѣтъ, прося его дать мнѣ указанія по слѣдующимъ вопросамъ:

1) Какого содержанія имѣетъ быть *предисловіе* и каталогъ? Безъ предисловія обойтись, по моему мнѣнію, нельзя, такъ какъ употребляющаяся система изданія не вполне ясна.

2) Какого рода долженъ быть *указатель именъ* (при отсутствіи имени автора названіе самой книги): съ ссылкой-ли на страницу тома, или на отдѣленіе и номеръ? Въ виду того, что имя автора набирается жирнымъ, рѣзко

бросающимся въ глаза шрифтомъ, мнѣ казалось бы болѣе удобнымъ ограничиться однимъ указаніемъ страницы.

3) Какая цѣна въ продажѣ для перваго тома? Первый томъ будетъ заключать около 40 печатныхъ листовъ, слѣдовательно цѣна въ 4 рубля, на мой взглядъ, была-бы не высока.

Опредѣлили: передать въ библиотечную комиссію, прося ее представить докладъ къ послѣднему декабрьскому засѣданію.

20. Прошеніе ординарнаго профессора Ковалевскаго: «въ виду того обстоятельства, что въ протоколахъ засѣданія совѣта новороссійскаго университета отъ 22 мая 1882 года помѣщено заявленіе профессора Кудрявцева слѣдующаго содержанія: «не вижу никакой необходимости въ четырехъ преподавателяхъ по кафедрѣ зоологій и вотъ на какомъ основаніи: изъ четырехъ преподавателей по кафедрѣ зоологій, сколько мнѣ помнится, всегда одинъ былъ въ отпуску. Болѣе обычно чередовались два профессора — Мечниковъ и Ковалевскій; такъ что, когда уѣзжалъ одинъ изъ нихъ, напримѣръ Мечниковъ, пріѣзжалъ Ковалевскій; когда уѣзжалъ послѣдній, появлялся первый. Съ такимъ моимъ мнѣніемъ соглашается и членъ факультета профессоръ Карастелевъ». Честь имѣю покорнѣйше просить совѣтъ новороссійскаго университета помѣстить въ протоколахъ настоящаго засѣданія прилагаемую при семъ справку о моихъ отпускахъ и командировкахъ со времени моего служенія при новороссійскомъ университетѣ, т. е. съ 3 ноября 1873 года.

Изъ прилагаемой справки видно, что не считая кратковременнаго отпуску съ 15 марта 1874 года, я во все мое девятилѣтнее пребываніе въ новороссійскомъ университетѣ въ учебное (лекціонное) время только дважды уѣзжалъ изъ

Одессы, именно: въ 1878 году, по случаю болѣзни, вынужденъ былъ уѣхать за границу съ 1 декабря и пробылъ тамъ до конца учебнаго года. Затѣмъ только однажды былъ командированъ на годъ за границу, именно съ 1 сентября 1881 года по 15 августа 1882 года.

Что-же касается профессора Мечникова, то въ тотъ же девятилѣтній промежутокъ времени онъ только одинъ разъ пользовался годовой заграничной командировкой, именно съ 15 ноября 1879 года по 15 августа 1880 года. Затѣмъ онъ пользовался кратковременными отпусками въ то время, когда лекціи не читаются.

О научной дѣятельности командировки профессора Мечникова имъ напечатанъ отчетъ въ «Запискахъ новороссійскаго университета» за 1880 годъ. Отчетъ о моей командировкѣ уже болѣе мѣсяца, какъ представленъ въ физико-математическій факультетъ.

Изъ приложенной справки по дѣламъ университетской канцеляріи оказывается, что профессоръ Ковалевскій получалъ отпуска и командировки, съ поступленія въ новороссійскій университетъ (3-го ноября 1873 года) по настоящее время:

Въ 1874 году—отпускъ въ Кіевъ на 28 дней съ 15 марта, заграничный отпускъ на 3 мѣсяца съ 15 мая, заграничный отпускъ на 28 дней съ 23 декабря.

Въ 1875 году — отпускъ въ Крымъ на 28 дней съ 28 апрѣля.

Въ 1878 году—отпускъ на 28 дней съ 7 июля, заграничный отпускъ по болѣзни на 28 дней съ 1 декабря. Отпускъ этотъ съ Высочайшаго соизволенія продолженъ по 15 августа 1879 года.

Въ 1879 году—командировку на VI съѣздъ естество-

испытателей и врачей съ 14 декабря по 8 января 1880 года.

Въ 1881 году — отпускъ въ бессарабскую и таврическую губерніи на 28 дней съ 25 апрѣля, командировку за границу съ 1 сентября 1881 года по 15 августа 1882 года.

Опредѣлили: помѣстить справки о командировкахъ и отпускахъ въ учебное время всѣхъ профессоровъ по кафедрѣ зоологіи по даннымъ правленія.

21. Прошеніе ординарнаго профессора Посникова: «по домашнимъ обстоятельствамъ не имѣя возможности продолжать службу, покорнѣйше прошу совѣтъ университета ходатайствовать объ увольненіи меня отъ занимаемой мною должности въ новороссійскомъ университетѣ и о выдачѣ мнѣ единовременнаго денежнаго пособія въ размѣрѣ годоваго облада жалованья, согласно ст. 342 пунк. 2 и ст. 373 устава о пенс. и единоврем. пособ. Свода зак. т. III (изд. 1876 г.).

Справка: изъ формулярнаго списка о службѣ профессора Посникова видно, что съ 1 іюня 1869 г. по 1 іюня 1871 г. онъ былъ оставленъ стипендіатомъ при московскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію; съ 3 декабря 1871 по 1 сентября 1873 г. былъ въ заграничной командировкѣ съ тою-же цѣлью, а 1 сентября 1873 года утвержденъ и. д. доцента демидовскаго юридическаго лица; съ тѣхъ поръ непрерывно былъ преподавателемъ въ демидовскомъ лицей и въ новороссійскомъ университетѣ.

По выслушаніи настоящаго доклада профессоръ Шведовъ обратился къ совѣту съ слѣдующимъ предложеніемъ: «я полагаю, что было-бы согласно съ достоинствомъ со-

вѣта, въ виду высокихъ научныхъ и преподавательскихъ достоинствъ профессора Посникова, просить его остаться при нашемъ университетѣ. Въ предложенію этому присоединился профессоръ Шпилевскій.

На поставленный предсѣдателемъ вопросъ, дать-ли ходъ прошенію профессора Посникова, большинство 11 голосовъ противъ 7 (гг. Петріевъ, Успенскій, Лигинъ, Трачевскій, Шпилевскій, Шведовъ, Вериго) дало отвѣтъ утвердительный.

Опредѣлили: дать ходъ просьбѣ профессора Посникова и, на основаніи 373 ст. III т. св. зак. устава о пенс. и единовременныхъ пособ. (изд. 1876 г.), ходатайствовать о назначеніи ему единовременнаго пособия.

22. Прошеніе служащаго при университетской библіотекѣ Карла Кальсадо объ увеличеніи получаемаго имъ содержанія до сравненія съ содержаніемъ помощника бібліотекаря.

Опредѣлили: передать въ правленіе для изысканія средствъ.

23. Происходили выборы на вакантное мѣсто эзекутора. Изъ восемнадцати соискателей, подвергавшихся баллотировкѣ, наибольшее число голосовъ (четырнадцать избирательныхъ и десять неизбирательныхъ) получилъ коллежскій ассесоръ Барякинъ.

Опредѣлили: представить г. попечителю объ утвержденіи отставнаго коллежскаго ассесора Барякина эзекуторомъ новороссійскаго университета.

24. Донесеніе физико-математическаго факультета, что относительно учрежденія кафедры географіи онъ полагаетъ необходимымъ передать этотъ вопросъ на разсмотрѣніе особой комисіи изъ членовъ всѣхъ трехъ факультетовъ.

Опредѣлили: отложить до представленія отзывы другихъ факультетовъ.

25. Донесеніе историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ о томъ, что первый избралъ членомъ библиотечной комисіи ординарнаго профессора Воеводскаго, а второй ординарнаго профессора Лигина. Въѣстъ съ тѣмъ физико-математическій факультетъ ходатайствуетъ о разрѣшеніи имѣть еще одного—второго—члена этой комисіи, на каковую должность имъ избранъ доцентъ Рейнгардъ.

Опредѣлили: возвратить представленіе физико-математическому факультету, предложивъ ему избрать одного члена въ комисію.

26. Донесеніе правленія о пожертвованіи вдовою тайнаго совѣтника Видинскою для университетской библиотеки 287 сочиненій въ 445 томахъ.

Опредѣлили: благодарить г-жу Видинскую отъ имени совѣта.

27. Представленное правленіемъ медицинское свидѣтельство, доставленное лекторомъ Хонякевичемъ въ оправданіе двухмѣсячной просрочки разрѣшеннаго ему отпуска на вакаціонное время. *Опредѣлили*: признать просрочку уважительною.

Засѣданіе 4 ноября 1882 г.

Присутствовали подъ предсѣдательствомъ г. ректора С. П. Ярошенко, гг. члены: И. С. Некрасовъ, А. А. Вериго, И. І. Патлаевскій, К. И. Карастелевъ, В. Н. Юргевичъ, Е. О. Сабининъ, О. Н. Шведовъ, И. О. Сняцовъ, М. М. Шпилевскій, М. И. Малининъ, А. А. Кочубинскій, В. Н.

Лигинъ, Ѳ. И. Успенскій, Н. А. Умовъ, А. Н. Будрявцевъ, Д. И. Азаревичъ, Л. Ф. Воеводскій, В. М. Петріевъ. Не присутствовали по болѣзни Н. А. Головкинскій, В. М. Войтовскій; по домашнимъ обстоятельствамъ—А. М. Богдановскій, по находженію въ заграничной командировкѣ—Н. П. Бюдаковъ; за неявкою изъ отпуска по болѣзни—А. С. Посниковъ; по находженію въ отпуску—В. В. Преображенскій и по необъясненію причинъ—Ѳ. И. Леонтовичъ, А. О. Ковалевскій, А. С. Трачевскій и Е. Ф. Блименко.

Слушали:

1. Былъ прочтенъ и подписанъ протоколъ засѣданія совѣта 21 октября.

Вслѣдъ за 7 статью доложено особое мнѣніе, въ подлинникѣ приложенное къ протоколу, ординарнаго профессора Шпилевскаго. На поставленный предсѣдателемъ вопросъ, остается ли совѣтъ при прежнемъ рѣшеніи, или раздѣляетъ мнѣніе профессора Шпилевскаго, большинство 12 голосовъ противъ 6 (гг. Воеводскій, Умовъ, Успенскій, Лигинъ, Шпилевскій, Шведовъ) высказались за прежнее рѣшеніе.

Затѣмъ вскрытъ конвертъ съ девизомъ и оказалось, что сочиненіе, удостоенное почетнаго отзыва, написано студентомъ IV курса естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета Иваномъ Миклашевскимъ.

Опредѣлили: 1) сочиненіе студента Миклашевскаго удостоить почетнаго отзыва, 2) протоколъ этотъ представить г. попечителю съ заключеніемъ, что онъ можетъ быть напечатанъ вполнѣ.

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

2. Отъ 21 октября № 7677 объ избраніи изъ числа

преподавателей члена попечительскаго совѣта по предмету естественной исторіи на мѣсто уволеннаго въ отставку профессора Мечникова.

Подачею записокъ избранъ большинствомъ голосовъ ординарный профессоръ по кафедрѣ зоологій Ковалевскій.

Опредѣлили: объ избранномъ донести г. попечителю.

3.—отъ 28 октября № 7799 о томъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія, при настоящемъ состояніи государственнаго казначейства, затрудняется ходатайствовать объ отпускѣ изъ суммъ казны 22911 р. 39 коп. на устройство оранжереи при ботаническомъ садѣ новороссійскаго университета. *Опредѣлили*: сообщить въ физико-математическій факультетъ.

4.—отъ 1 ноября № 7905 объ утвержденіи коллежскаго ассессора Барякина въ должности экзекутора новороссійскаго университета съ 1 ноября.

При этомъ доложено, что г. Барякинъ, по предложенію ректора, вступилъ въ отправление должности.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

5. а) представленіе юридическаго факультета объ утвержденіи въ степени кандидата Микеладзе и Юзвинскаго, б) докладъ секретаря объ исключеніи изъ податнаго состоянія удостоеннаго факультетомъ степени кандидата Ивана Непомнящаго.

Опредѣлили: гг. Микеладзе и Непомнящаго утвердить въ степени кандидата, а объ Юзвинскомъ снести предварительно съ подлежащею Казенною Палатой объ исключеніи его изъ податнаго состоянія.

6. Высенныя г. ректоромъ прошенія бывшихъ студентовъ харьковскаго университета: Лисовскаго и Груева, новороссійскаго университета: Калиха и Пахаловича — о приѣмъ въ студенты новороссійскаго университета.

Опредѣлили: ходатайствовать предъ г. попечителемъ о принятіи означенныхъ лицъ въ число студентовъ, съ подчиненіемъ Лисовскаго особому надзору инспекціи.

Представленія факультетовъ:

7.—юридическаго о замѣнѣ контрольныхъ испытаній письменными работами для студентовъ IV курса.

Опредѣлили: ходатайствовать предъ г. попечителемъ.

8.—о разрѣшеніи студенту Цвиллингу держать въ теченіе первой половины декабря окончательныя испытанія, которыя онъ не могъ сдать въ свое время по особенно уважительнымъ домашнимъ обстоятельствамъ. *Опредѣлили*: просить разрѣшенія г. попечителя.

9.—физико-математическаго объ утвержденіи исправляющаго должность доцента Кюсовскаго въ званіи доцента, какъ приобрѣвшаго степень магистра физической географіи. *Опредѣлили*: представить на утвержденіе г. попечителя.

10.—юридическаго о назначеніи денежнаго пособія доценту Чижову въ виду его весьма стѣсненнаго положенія.

Закрытою баллотировкою рѣшено, большинствомъ 16 голосовъ противъ 2, выдать г. Чижову въ пособіе изъ специальныхъ средствъ двѣсти рублей. *Опредѣлили*: сообщить въ правленіе о выдачѣ г. Чижову двухъ сотъ рублей изъ специальныхъ средствъ.

11. Представленіе правленія: въ виду заявленія г. предсѣдателя о крайней нуждѣ, которую испытываетъ служащій при библиотекѣ Барль Мальскій въ слѣдствіе продолжительной болѣзни дочери его, правленіе университета, согласно опредѣленію своему, 25 октября состоявшемуся, назначивъ г. Мальскому въ единовременное пособіе двадцать

рублей изъ специальныхъ средствъ—суммы сбора за слушаніе лекцій — имѣть честь доложить объ этомъ совѣту. *Опредѣлили*: сдѣланное правленіемъ распоряженіе утвердить.

12. Предложеніе ординарнаго профессора Шпилевскаго: «руководя студентовъ юристовъ III и IV курсовъ въ ихъ письменныхъ работахъ, я усмотрѣлъ большія неудобства въ существующихъ правилахъ для полученія студентами книгъ на домъ. Поэтому, въ видахъ облегченія ученыхъ занятій студентовъ, имѣю честь предложить совѣту отнѣнить запрещеніе выдачи студентамъ для домашняго чтенія трудовъ ученыхъ обществъ (п. в. правилъ), многотомныхъ сочиненій (свыше трехъ томовъ) — (д) и специальныхъ периодическихъ изданій (е). Общіе-же журналы, ежемѣсячные, я предложилъ-бы выдавать подъ условіемъ указанія на ту или другую статью серьезнаго содержанія. Кромѣ того, принимая во вниманіе стремленіе постороннихъ слушателей изъ болгаръ къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ, я предлагаю совѣту допустить ихъ къ пользованію бібліотекою и читальнею на одинаковыхъ со студентами основаніяхъ.

Опредѣлили: 1) передать въ бібліотечную комиссію и просить о скорѣйшемъ составленіи правилъ пользованія бібліотекою. 2) ходатайствовать предъ г. попечителемъ о дозволеніи постороннимъ слушателямъ изъ болгаръ, имѣющимъ право подвергаться испытаніямъ, пользоваться читальней наравнѣ со студентами.

13. Донесеніе фязико-математическаго факультета объ избраніи въ члены бібліотечной комиссіи профессора Лигина. *Опредѣлили*: увѣдомить бібліотечную комиссію объ избраніи въ составъ ея профессоровъ Лигина и Воеводскаго.

14. Донесеніе юридическаго факультета, что факультетъ, не касаясь вопроса о необходимости и полезности кафедры географіи при университетѣ вообще, съ своей стороны полагаетъ излишнимъ обязывать студентовъ юристовъ слушать лекціи географіи. *Опредѣлили*: за непредставленіемъ отзыва по этому вопросу со стороны историко-филологическаго факультета, разсмотрѣніе отложить.

15. Представленіе правленія: заслушавъ переданное изъ совѣта прошеніе служащаго при библиотекѣ Карла Бальсадо о сравненіи получаемаго имъ содержанія съ содержаніемъ помощниковъ библиотекаря, правленіе университета, согласно опредѣленію своему, 25 октября состоявшемуся, имѣетъ честь донести, что добавочное содержаніе г. Бальсадо до конца текущаго года можно выдавать изъ специальныхъ средствъ университета — суммы сбора за слушаніе лекцій, — изъ годоваго оклада въ 200 рублей, а за симъ слѣдуетъ ходатайствовать предъ министерствомъ о пополненіи недостающей суммы въ 200 рублей ежегодно изъ того-же источника, на который разрѣшено министерствомъ съ 1866 года относить, въ размѣрѣ 400 рублей, вознагражденіе писцовъ библиотеки, т. е. на счетъ ежегодныхъ сбереженій по другимъ статьямъ штатныхъ назначеній, на точномъ основаніи статьи 31-й Высочайше утвержденныхъ 22 мая 1862 года смѣтныхъ правилъ.

Правленіе университета не можетъ не обратить вниманія совѣта при этомъ случаѣ, что за порученіемъ одному изъ наличныхъ помощниковъ библиотекаря завѣдыванія студентской читальней, требующаго непрерывной работы въ утренніе и вечерніе часы, второй помощникъ съ трудомъ успѣваетъ аккуратно вести дѣло по приему и выдачѣ книгъ основной библиотеки. Самъ библиотекарь треть года занятъ

срочнымъ изготовленіемъ каталога бібліотеки для печатанія, а запись въ матеріальную книгу, въ подвижной и систематическій каталогъ вновь вступающихъ книгъ (ежегодно за послѣднее десятилѣтіе отъ 1500 до 2500 названій въ 2500—5500 томахъ) главнымъ образомъ падаетъ на г. Балсадо, который, какъ владѣющій нѣсколькими иностранными языками, трудно замѣнимъ въ этомъ дѣлѣ.

Опредѣлили: согласно представленію правленія производить г. Кальсадо добавочное содержаніе до конца текущаго года изъ спеціальныхъ средствъ, изъ годоваго облада въ 200 рублей, и просить ходатайства г. попечителя предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ увеличеніи суммы, ежегодно относимой на общіе остатки въ размѣрѣ 400 рублей на вознагражденіе писцовъ бібліотеки, — до 600 рублей.

16. Рапортъ проректора о пропущенныхъ преподавателями въ октябрѣ лекціяхъ *по болъзни*: Воеводскимъ 10, Богдановскимъ 4, Малининымъ 2, Леонтовичемъ 19, Блосовскимъ 3, Трачевскимъ 5, Пироговымъ 2, Перетятковичемъ 6, Палаузовымъ 2, Клименко 2, Рейнгардомъ 2, Петріевымъ 3, Некрасовымъ 4, Хонякевичемъ 1 и Будряцевымъ 1. *По случаю отпуска*: Посниковымъ 18, Хонякевичемъ 8, Некрасовымъ 10 и Широковымъ 6. *По назначенію присяжными засѣдателями*: Кононовичемъ 5, Воеводскимъ 14. *По вызову съ судѣ* — Богдановскимъ 2 и *по домашнимъ обстоятельствамъ*: Бочубинскимъ 2 и Шимановскимъ 3. *Опредѣлили*: записать въ протоколъ.

17. Отношеніе начальника николаевской академіи генеральнаго штаба съ просьбою принять участіе въ празднованіи 28 ноября т. года 50-лѣтняго юбилея академіи. *Опредѣлили*: послать привѣтственную телеграмму.

18. Отношеніе завѣдывающаго библіотекой при физико-математическомъ факультетѣ московскаго университета съ просьбой оказать содѣйствіе библіотекѣ пожертвованіемъ «Университетскихъ записокъ» и сочиненій, относящихся къ области физико-математическихъ наукъ. *Опредѣлили*: пожертвовать имѣющіеся томы «Записокъ» и высылать новыя по мѣрѣ выхода.

19. Ректоръ заявилъ, что экстраординарный профессоръ Преображенскій прислалъ на имя совѣта объясненіе противъ напечатанной въ «Университетскихъ запискахъ» статьи профессора Сабинина, служащей отвѣтомъ на его, профессора Преображенскаго, рецензію, съ просьбою приложить его объясненіе «къ протоколу засѣданій».

Такъ какъ ученая полемика между профессорами Сабининымъ и Преображенскимъ возникла и ведется внѣ засѣданій совѣта и рассмотрѣнію совѣта не подлежитъ, такъ какъ по утвержденному совѣтомъ плану изданія «Записокъ» (п. 3) «ученые труды лицъ, принадлежащихъ къ университету, помѣщаются въ «Запискахъ» по одобренію ихъ всякій разъ къ печатанію подлежащимъ факультетомъ», очевидно адресованіе г. Преображенскимъ въ совѣтъ своей полемической замѣтки—есть простое недоразумѣніе. Послѣ объясненія г. ректора профессоръ Сабининъ заявилъ, съ просьбою занести его слова въ протоколъ: «я ничего не имѣю противъ печатанія того, что ни содержалось бы въ прошеніи профессора Преображенскаго относительно моихъ статей «о началѣ наименьшаго дѣйствія», заявляя напередъ, что нахожу совершенно бесполезнымъ дальнѣйшее веденіе полемики съ г. Преображенскимъ».

Опредѣлили: передать въ факультетъ.

Въ совѣтъ Императорскаго новороссійскаго университета ординарнаго профессора М. М. Шпилевскаго отдѣльное мнѣніе.

(Прилож. къ ст. 1 проток. зас. сов. 4 ноября 1882 г.).

Въ прошломъ засѣданіи совѣта я заявилъ отдѣльное мнѣніе по вопросу о присужденіи награды за сочиненіе на тему, предложенную физико-математическимъ факультетомъ. Я высказалъ несогласіе съ постановленіемъ совѣта, присудившимъ, вопреки рѣшенію факультета, меньшую награду. Я считаю такое рѣшеніе совѣта несогласнымъ ни съ существомъ дѣла, ни съ положительнымъ закономъ, ни съ университетскою практикою.

Вопросъ о присужденіи той или другой награды за сочиненія студентовъ есть чисто учебно-педагогическій, т. е. такой, который можетъ быть разрѣшаемъ по существу только въ средѣ лицъ, близко знакомыхъ съ предметомъ сочиненій. А такой средой и является именно факультетъ, члены котораго, занятые изученіемъ и преподаваніемъ сродныхъ наукъ, только и могутъ быть вполнѣ компетентными судьями достоинства и недостатковъ сочиненій, относящихся къ той или другой отрасли факультетскихъ наукъ.

Нынѣ дѣйствующій уставъ 1863 года опредѣляетъ порядокъ предложенія задачъ и назначенія наградъ въ §§ 96-мъ съ примѣч. и 97. На основаніи § 96 университетскаго устава 1863 г. право предлагать задачи и назначать награды предоставлено факультетамъ. Вотъ текстъ § 96: «для поощренія студентовъ къ ученымъ занятіямъ факультетами ежегодно предлагаются задачи, съ назначеніемъ, за удовлетворительныя по онымъ сочиненія, смотря по достоинству ихъ, медали золотой, или серебряной, или почетнаго отзыва». Участіе совѣта въ этомъ дѣлѣ опре-

дѣляется примѣчаніемъ къ § 96 и § 97. На основаніи этихъ постановленій отъ усмотрѣнія совѣта зависитъ опредѣленіе числа задачъ и медалей и печатаніе на счетъ университета сочиненій, удостоенныхъ золотой медали.

Поэтому представленіе факультета о присужденіи медалей, какъ и о назначеніи стипендій (§ 42 лит. А. п. 2.) имѣетъ чисто формальный характеръ, какъ это и практиковалось до сихъ поръ въ нашемъ и въ другихъ университетахъ.

На основаніи вышесказаннаго имѣю честь предложить совѣту отиѣнить состоявшееся постановленіе и передать дѣло обратно въ факультетъ.

Засѣданіе 2 декабря 1882 года.

Присутствовали подъ предѣдательствомъ г. ректора С. П. Ярошенко гг. члены: **Ө. И. Леонтовичъ, И. С. Некрасовъ, А. А. Вериго, И. І. Патлаевскій, Б. И. Барастелевъ, Е. Ө. Сабининъ, Ө. Н. Шведовъ, В. В. Заленскій, И. Ө. Синцовъ, Д. И. Азаревичъ, М. И. Малининъ, А. А. Бочубинскій, Ө. И. Успенскій, Н. А. Умовъ, А. Н. Будрявцевъ, В. М. Войтковскій, Л. Ф. Воеводскій, В. М. Петріевъ.** Не присутствовали: **В. Н. Юргевичъ, М. М. Шпилевскій**, — по болѣзни; **В. Н. Лигинъ** — по домашнимъ обстоятельствамъ, **Н. П. Бондаковъ** — по нахожденію въ заграничной командировкѣ, **А. С. Посниковъ** — по нахожденію въ отпуску, **А. М. Богдановскій, Н. А. Головкинскій, А. О. Бовалевскій, А. С. Трачевскій, Е. Ф. Блщенко и Г. И. Перетятковичъ**, — не объяснивъ причинъ своего отсутствія.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

2. а) отъ 14 ноября № 8264 объ утвержденіи доцента Перетятковича экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ русской исторіи съ 16 сентября 1882 г.

б) отъ 23 ноября № 8570 о доставленіи Его Превосходительству свѣдѣнія, избранъ-ли г. Перетятковичъ на новую экстра-ординатуру или на оставшуюся вакантною? *Опредѣлили*: о возведеніи г. Перетятковича въ экстра-ординарные профессора отмѣтить въ формулярномъ спискѣ, сообщить въ правленіе и донести г. попечителю, что профессоръ Перетятковичъ избранъ на свободную кафедру.

3.—отъ 5 ноября № 7968 о томъ, что представленіе о командировкѣ за границу съ ученою цѣлію доцента Пирогова утверждено Высочайшимъ приказомъ отъ 21 минувшаго октября за № 16.

При этомъ доложено, что г. Пирогову послано ректоромъ предложеніе съ препровожденіемъ составленной для него историко-филологическимъ факультетомъ инструкціи. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ, принять въ свѣдѣнію.

4.—отъ 8 ноября № 8112 о принятіи бывшего студента новороссійскаго университета Хоецкаго вновь въ число студентовъ. *Опредѣлили*: принять съ отобраніемъ подписки, что въ случаѣ новаго проступка онъ будетъ немедленно уволенъ изъ университета, о чемъ и представить на разрѣшеніе г. попечителя.

5.—отъ 9 ноября № 8143 о томъ, что Его Превосходительство не считаетъ себя въ правѣ разрѣшить заиѣну предстоящихъ контрольныхъ испытаній для студентовъ IV курса юридическаго факультета письменными работами, какъ не признавалъ возможнымъ дать разрѣшеніе на такое же ходатайство совѣта въ истекшемъ 1881 г.

При этомъ доложено, что настоящее предложеніе сообщено юридическому факультету.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

6.—отъ 9 ноября № 8144 о разрѣшеніи студенту Цвиллингу держать окончательныя испытанія въ теченіе первой половины декабря.

При этомъ доложено, что о разрѣшеніи сообщено въ юридическій факультетъ.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

7.—отъ 9 ноября № 8145 о разрѣшеніи зачислить въ студенты Лисовскаго, Груева, Калиха и Пахаловича съ подчиненіемъ изъ нихъ Лисовскаго особому надзору инспекціи университета.

Доложено, что означенныя лица зачислены г. ректоромъ въ студенты.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

8.—отъ 11 ноября № 8190 объ утвержденіи профессора Ковалевскаго членомъ попечительскаго совѣта по предмету естественной исторіи на двухлѣтній срокъ.

Опредѣлили: увѣдомить профессора Ковалевскаго.

9.—Отъ 12 ноября №.8228 о томъ, чтобы совѣтъ университета вшелъ съ представленіемъ о назначеніи профессору Посникову единовременнаго пособія, по увольненіи его, согласно прошенію, въ отставку установленнымъ порядкомъ, указавъ при этомъ, изъ какого казначейства должно быть ассигновано это пособіе.

Опредѣлили принять къ исполненію.

10.—отъ 16 ноября № 8293: Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, въ 29 день октября 1882 года Высочайше соизволилъ на устройство въ 1884 году VI археологическаго съѣзда въ г. Одессѣ и на

созывъ, съ декабря текущаго 1882 г., въ г. Москвѣ предварительнаго комитета для выработки программы съѣзда.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи, получивъ предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія отъ 8 сего ноября за № 13521 и сообщая объ этомъ совѣту университета для зависящаго распоряженія, впоследствии представленія отъ 1 марта сего года за № 500, присовокупляю, что объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства 3000 рублей на устройство означеннаго съѣзда статсъ-секретарь Деляновъ вошелъ въ сношеніе съ министромъ финансовъ.

Опредѣлили: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

11.—отъ 25 ноября № 8621 о томъ, что представленія: а) объ увольненіи экстраординарнаго профессора Преображенскаго отъ службы по прошенію, б) объ увольненіи профессора Патлаевскаго отъ должности декана юридическаго факультета, в) о перемѣщеніи ординарнаго профессора казанскаго университета Заленскаго на такую-же должность въ новороссійскій университетъ и г) объ утвержденіи ординарнаго профессора Малинина деканомъ юридическаго факультета — утверждены приказомъ министра народнаго просвѣщенія отъ 11 ноября за № 13.

Доложено, что копія настоящаго предложенія передана въ правленіе университета; профессора: Патлаевскій, Малининъ и Заленскій извѣщены.

Опредѣлили: профессору Преображенскому выдать аттестатъ объ отставкѣ, прочее отмѣтить въ формулярныхъ спискахъ.

12. а) представленія физико-математическаго и юридическаго факультетовъ объ утвержденіи гг. Миклашевскаго, Александровскаго, Крыжановскаго и Стецкаго въ степени

кандидата, а г. Сурво въ званіи дѣйствительнаго студента, б) докладъ секретаря объ исключеніи подлежащими казенными палатами изъ податнаго состоянія гг. Гранова, Павлова и Юзвинскаго.

Опредѣлили: утвердить, согласно удостоенія факультетовъ, въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ.

13. Представленіе физико-математическаго факультета о дозволеніи студенту Лангада держать экзамень на II курсъ въ январѣ мѣсяцѣ.

Большинствомъ 15 голосовъ противъ 4 (гг. Бударцевъ, Бочубинскій, Малининъ, Патлаевскій), *опредѣлено*: ходатайствовать предъ г. попечителемъ одесскаго учебнаго округа.

14. Представленіе физико-математическаго факультета: 1) о назначеніи во 2-мъ полугодіи двухъ лекцій по интегрированію функций для студентовъ II курса математическаго отдѣленія по четвергамъ, съ 11 до 1 часу, вмѣсто двухъ лекцій по теоріи чиселъ и 2) о назначеніи студентамъ IV курса экзамена по теоріи чиселъ въ январѣ 1883 года. *Опредѣлили*: распределеніе лекцій утвердить, а объ экзаменѣ ходатайствовать предъ г. попечителемъ.

15. Представленіе юридическаго факультета о разрѣшеніи ординарному профессору Шпилевскому вести со студентами III и IV курсовъ практическія занятія по полицейскому праву одинъ разъ въ недѣлю. *Опредѣлили*: разрѣшить.

16. Внесенныя г. ректоромъ прошенія студентовъ естественнаго отдѣленія Булябко, Брусикова и Вейсмана о перечисленіи ихъ на юридическій факультетъ и бывшихъ студентовъ Гольберта, Гордина и Слонима о приѣмѣ въ университетъ. *Опредѣлили*: просить разрѣшенія г. попечителя

17. Представленіе историко-филологическаго факультета объ утверженіи слѣдующихъ правилъ конкурса для замѣщенія каедры лектора англійскаго языка съ просьбою о напечатаніи этихъ правилъ въ «Голосѣ», «Новомъ Времени», «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ одной изъ мѣстныхъ газетъ.

«Императорскій новороссійскій університетъ назначаетъ конкурсъ на вакантное мѣсто лектора англійскаго языка, срокомъ по 1 мая 1883 года. Въ конкурсѣ имѣютъ право участвовать получившіе образованіе въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи русскомъ или иностранномъ, основательно знающіе англійскій языкъ и хорошо владѣющіе русскимъ языкомъ. Желаящій участвовать въ конкурсѣ долженъ представить на англійскомъ языкѣ сочиненіе по какому нибудь вопросу изъ исторіи англійской литературы и на русскомъ программу, по которой предполагаетъ преподавать въ университетѣ, а также долженъ прочесть двѣ пробныхъ лекціи, одну изъ нихъ на англійскомъ языкѣ на тему собственнаго выбора, а другую на русскомъ языкѣ — на тему, которую назначить историко-филологическій факультетъ».

Опредѣлили: назначить конкурсъ.

18. Представленіе комисіи по устройству VI археологическаго съѣзда: «получивъ сообщеніе г. ректора Императорскаго новороссійскаго университета отъ 18 сего ноября за № 3052 о послѣдовавшемъ въ 29 день октября 1882 г. Высочайшемъ соизволеніи на устройство въ 1884 года VI археологическаго съѣзда въ г. Одессѣ и на созывъ съ декабря 1882 года въ Москвѣ предварительнаго комитета для выработки программы съѣзда, комисіи по устройству означеннаго съѣзда въ засѣданіи своемъ 18 сего ноября опре-

дѣлила просить совѣтъ Императорскаго новороссійскаго университета командировать въ Москву кого либо изъ своихъ членовъ для принятія участія въ занятіяхъ предварительнаго комитета при Императорскомъ московскомъ археологическомъ обществѣ. При этомъ комиссія имѣеть честь увѣдомить совѣтъ, что предварительный комитетъ въ Москвѣ откроетъ свои занятія съ 10 по 20 декабря 1882 г. и что, согласно съ заключеніемъ Императорскаго московскаго археологическаго общества, желательно было-бы, чтобы депутаты отъ университетовъ и другихъ ученыхъ учрежденій доставили въ предварительный комитетъ по возможности подробно мотивированные въ видѣ тезисовъ или записокъ вопросы, которые будутъ подлежать обсужденію на предстоящемъ съѣздѣ, въ особенности вопросы, которые при теперешнемъ развитіи археологіи въ Россіи, считаются самыми существенными для дальнѣйшаго развитія науки. Если окажется, что для разъясненія вопросовъ, которые будутъ предложены для обсужденія на съѣздѣ, необходимы предварительныя мѣстныя изслѣдованія, то желательно-бы было, чтобы депутаты отъ ученыхъ учрежденій указали на извѣстныя имъ мѣстности, для изслѣдованія которыхъ въ археологическомъ отношеніи необходимо организовать особыя экспедиціи, съ тѣмъ, чтобы результаты такихъ экспедицій могли затѣмъ служить предметомъ обсужденія на предстоящемъ съѣздѣ въ Одессѣ.

Послѣ обмѣна мнѣній, принявъ рѣшеніе послать двухъ депутатовъ съ пособіемъ по 200 руб. каждому изъ спеціальныхъ средствъ, совѣтъ избралъ, посредствомъ подачи записокъ, депутатами ординарныхъ профессоровъ Леонтовича и Юргевича.

Опредѣлили: 1. Командировать въ Москву профессо-

ровъ Леонтовича и Юргевича въ качествѣ депутатовъ отъ повороссійскаго университета съ пособіемъ по 200 рублей каждому и, пользуясь присутствіемъ въ Москвѣ, во время созыва предварительнаго комитета, профессора Азаревича, просить его принять участіе въ занятіяхъ комитета, 2) о командированіи депутатовъ представить на разрѣшеніе г. попечителя.

19. Представленный правленіемъ проектъ распредѣленія между преподавателями сбора съ постороннихъ слушателей въ 1 половинѣ 1882—83 учебнаго года. *Опредѣлили:* утвердить.

20. Прошенія помощника бібліотекаря Павлова и писца бібліотеки Бальсадо и два рапорта бібліотекаря о назначеніи пособія помощнику бібліотекаря Марченко и денежной награды служителю Сѣрикову.

Закрытою баллотировкою рѣшено назначить въ пособіе изъ спеціальныхъ средствъ, по 50 рублей каждому, — гг. Марченко, Павлову и Бальсадо.

Опредѣлили: сообщить въ правленіе о выдачѣ въ пособіе изъ спеціальныхъ средствъ гг. Марченко, Павлову и Бальсадо по пятидесяти рублей, а служителю Сѣрикову двадцати рублей.

21. Представленіе историко-филологическаго факультета о разрѣшеніи напечатать на французскомъ языкѣ въ «Запискахъ университета» посмертное сочиненіе профессора Ф. Б. Бруна: «Constantinople, ses sanctuaires et ses reliques au commencement du XV siècle. Fragment de l'Itinerario de Clavijo, traduit et accompagné de notes historiques explicatives (рукопись въ 90 страницъ in 4°).

Опредѣлили: напечатать.

22. Донесеніе историко-филологическаго факультета:

«историко-филологическій факультетъ, при обсужденіи вопроса объ учрежденіи кафедры географіи, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ, которыя и имѣетъ честь изложить совѣту, согласно постановленію, состоявшемуся въ засѣданіи 12 ноября сего года.

1. Учрежденіе кафедры географіи онъ находитъ весьма полезнымъ въ интересахъ факультета и соотвѣтственнымъ современному состоянію науки географіи.

2. Выдвигая на первый планъ, сообразно потребностямъ преподаванія факультетскихъ предметовъ, историческую географію вообще и исторію географическихъ открытій и колонизаціи въ частности, факультетъ желалъ-бы обратить также особенное вниманіе на этнографію и именно этнографію юговосточной Европы, — область соприкосновенія славяно-русскаго міра съ инородческими элементами.

3. Детальное развитіе программы преподаванія въ намѣченномъ направленіи, по иниціи факультета, должно быть предоставлено опыту и научной подготовкѣ лица, которое призвано будетъ къ преподаванію географіи. Но филологическій факультетъ и въ настоящее время можетъ сослаться на практику преподаванія исторической географіи покойнаго профессора Бруна, программы курсовъ котораго могутъ служить матеріаломъ для постановки вопроса о преподаваніи географіи въ университетѣ.

4. Независимо отъ сего, факультетъ не могъ входить въ обсужденіе общаго вопроса о началахъ устройства кафедры географіи, такъ какъ наука географіи столько-же имѣетъ отношенія къ области историческихъ наукъ, сколько физическихъ и математическихъ. Было-бы желательно соглашеніе интересовъ всѣхъ факультетовъ въ вопросѣ объ открытіи кафедры географіи при университетѣ.

5. Посему историко-филологическій факультетъ предлагаетъ совѣту образовать смѣшанную комиссію изъ членовъ всѣхъ факультетовъ какъ для выясненія вопроса тагъ и для соглашенія научныхъ и педагогическихъ интересовъ.

При этомъ доложены отложенныя разсмотрѣніемъ (проток. засѣд. совѣта 21 октября, ст. 24 и засѣданія совѣта 4 ноября, ст. 14) донесенія по тому-же предмету физико-математическаго и юридическаго факультетовъ.

Опредѣлили: назначить комиссію изъ профессоровъ Кочубинскаго, Успенскаго, Шведова, Азаревича и доцента Блосовскаго, поручивъ созвать комиссію профессору Кочубинскому.

23. Представленіе правленія со справкою о командировкахъ и отпускахъ въ учебное время гг. преподавателей по кафедрѣ зоологій.

Фамиліи	Время нахождения въ командировкѣ	Время нахождения въ отпуску
Доц. Н. Бернштейнъ съ 24 іюля 1865 г.	1866 г. 26 апрѣля командированъ за границу съ ученою цѣлію съ 25 апрѣля 1866 года на 4 мѣсяца съ сохраненіемъ содержанія. 1868 г. командированъ за границу съ ученою цѣлію на одинъ годъ съ 1 іюня 1868 г. съ со-	1873 г. за границей на лѣтнее вакаціонное время и 28 дней. 1877 г. за границей съ 20 марта на 28 дней. 1881 г. за границей по болѣзни съ 10 мая сверхъ вакаціоннаго времени на 28 дней; изъ этого отпуска не явился, а представилъ 24 августа того-же года медицинское свидѣтельство, на основаніи котораго просрочка признана законною. За неявку

Фамиліи	Время нахождения въ командировкѣ	Время нахождения въ отпуску
	храненіемъ со- держанія.	вовсе изъ отпуска пред- ложеніемъ г. попечителя отъ 26 января 1882 года № 851 уволенъ отъ дол- жности за просрочку бо- лѣе 4 мѣсяцевъ.
Доцентъ П. А. Спиро съ 5 ав- густа 1870 г.	1876 г. 1 мар- та командиро- ванъ за грани- цу на 2 года съ 1 марта 1876 г.	1881 г. въ Харьковѣ съ 23 мая на 28 дней. 1882 г. въ С.-петербургѣ съ 12 іюня по 15 августа; просрочилъ 12 дней по бо- лѣзни, представилъ меди- цинское свидѣтельство, признанное законнымъ.
Ординар. проф. И. И. Мечниковъ съ 19 апрѣля 1867 года.	1871 г. съ 15 августа коман- дированъ загра- ницу съ ученою цѣлю на 1 годъ съ 15 августа. 1873 г. съ 20 апрѣля въ ко- мандировкѣ за границей на 2 мѣсяца съ 20 апрѣля. 1874 г. съ 5 мая по 1 авгу- ста въ команди- ровкѣ въ ста- вропольской, астраханской и	1870 г. за границей по семейнымъ дѣламъ на 28 дней съ 17 ноября. 1873 г. съ 26 января въ Біевѣ на недѣлю. 1873 г. съ 11 февраля на 28 дней за границу; изъ отпуска по болѣзни не возвратился. 1873 г. за границей въ отпуску съ 11 по 25 ав- густа (прошеніе изъ Мос- квы). 1873 г. съ 17 декабря по 8 января 1874 г. въ Харьковскую и Бурскую губерніи. 1874 г. съ 26 апрѣля

Фамилія	Время нахождения въ командировкѣ	Время нахождения въ отпуску
	<p>оренбургской губерніяхъ. 1875 г. въ командировкѣ за границей съ 3 мая по 1 августа. 1876 г. въ командировкѣ на Кавказъ съ 10 апрѣля по 1 августа. 1879 г. въ командировкѣ за границу съ 15 ноября 1879 г. по 15 апрѣля 1880 г.</p>	<p>по 5 мая въ Елисаветградскій уѣздъ. 1874 г. съ 18 декабря въ Харьковъ на 14 дней. 1876 г. съ 26 марта на 28 дней въ разныя мѣста російской имперіи. 1876 г. съ 12 декабря въ кіевскую губернію на 3 недѣли. 1877 г. съ 13 апрѣля въ черкасскій уѣздъ. 1877 г. на 28 дней съ 15 декабря по 13 января 1878 г. въ Россію. 1878 г. съ 18 февраля въ харьковскую губернію на 10 дней. 1879 г. за границу съ 5 мая по 5 іюля. 1880 г. за границу съ 23 апрѣля на 29 дней; отсроченъ до 15 мая. 1880 г. съ 9 октября въ кіевскую губернію на 7 дней; отсроченъ отпускъ съ 24 по 31 октября. 1880 г. съ 14 декабря на 28 дней въ кіевскую губернію. 1881 г. съ 10 апрѣля на 28 дней въ кіевскую губернію. 1881 г. продолженъ отпускъ по 15 августа 1881 года.</p>

Фамилія	Время нахождения въ командировкѣ	Время нахождения въ отпуску
		<p>1881 г. съ 14 декабря на 14 дней въ С.-петербургъ и Москву.</p> <p>1882 г. съ 6 февраля въ Харьковъ на съѣздъ на 15 дней.</p> <p>1882 г. съ 17 мая на 15 дней въ Кіевъ, а 27 мая подалъ прошеніе объ увольненіи.</p>
<p>Ординарн. профессоръ А. О. Бовалевскій съ 3 ноября 1873 г.</p>	<p>1879 г. съ 14 декабря по 8 января 1880 г. командированъ на VI съѣздъ въ Петербургъ.</p> <p>1881 г. съ 1 сентября 1881 г. по 15 августа 1882 года.</p>	<p>1874 г. съ 15 марта въ Кіевъ на 28 дней.</p> <p>1874 г. съ 15 мая по 15 августа за границу.</p> <p>1874 г. съ 23 декабря на 28 дней за границу.</p> <p>1875 г. съ 28 апрѣля на 28 дней въ Крымъ.</p> <p>1878 г. съ 7 іюля на 28 дней.</p> <p>1878 г. съ 27 ноября по 15 августа 1879 года въ заграничный отпускъ.</p> <p>1880 г. съ 17 апрѣля на 20 дней въ Кіевскую и харьковскую губерніи.</p> <p>1881 г. съ 25 апрѣля на 28 дней въ Крымъ.</p> <p>1881 г. съ 4 сентября на 10 дней въ Москву.</p>

Опредѣлили: напечатать справку.

24. Донесеніе правленія: «душеприкащикъ и наследникъ Никиты Васильева Шимановскаго коллежскій секретарь»

тарь Митрофанъ Васильевъ Шимановскій представилъ копію домашняго духовнаго завѣщанія брата своего, бывшаго нотаріуса г. Одессы Никиты Васильева Шимановскаго, изъ котораго усматривается, что имъ завѣщанъ въ собственность университета магазинъ, приобрѣтенный отъ Качаки, на предметъ образованія стипендіи братьевъ Ивана и Никиты Шимановскихъ, а также подлинныя акты уврѣпленія этого имущества. При чемъ просить правленіе принять означенный даръ брата его и, согласно его воли, учредить двѣ стипендіи, присовокупляя при этомъ, что подаренный магазинъ, вмѣстѣ съ двумя другими, завѣщанными коллежскому секретарю Митрофану Шимановскому, сданы по контракту, заключенному съ Пинкусомъ Балабаномъ, срокомъ по 1 августа 1883 года за сумму 2200 рублей, изъ коихъ 1100 р. уже уплачены покойному Никитѣ Шимановскому, а остальные 1100 р. имѣютъ быть уплачены 3 января 1883 г., по полученіи которыхъ душеприкащикъ Никиты Шимановскаго обязывается представить соотвѣтственную сумму».

Представляя при семъ копію духовнаго завѣщанія, купчую вѣрность, вводный листъ, правленіе университета, согласно опредѣленію своему, 16 ноября состоявшемуся, имѣетъ честь просить ходатайства совѣта о разрѣшеніи принять завѣщанное недвижимое имущество и учредить стипендіи.

Опредѣлили: ходатайствовать.

25. Представленіе правленія объ отводѣ двухъ квартиръ для лаборантовъ въ части помѣщенія, занимаемаго агрономическимъ кабинетомъ. *Опредѣлили:* отложить.

26. Предложеніе редактора «Университетскихъ записокъ» Кочубинскаго объ обмѣнѣ изданіями съ редакціями

журналовъ «Юридическое обозрѣніе» въ Тифлисъ и «Искусство» (еженедѣльный).

Опредѣлили: разрѣшить обмѣнъ изданій.

27. Телеграмма начальника николаевской академіи генеральнаго штаба: «академія искренно признательна за привѣтствіе и желаетъ новороссійскому университету преуспѣянія и процвѣтанія на пользу Россіи.

Опредѣлили: записать въ протоколъ.

28. Было доложено, что пересмотрѣнные факультетами списки газетъ и журналовъ, предположенныхъ къ выпискѣ въ 1883 году переданы правленіемъ въ библіотечную комисію.

Опредѣлили: поручить правленію распорядиться выпиской газетъ и журналовъ по полученіи заключенія библіотечной комисіи.

29. По вопросу о времени прекращенія лекцій по случаю наступающихъ праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія, *опредѣлено*: предоставить гг. преподавателямъ прекращать чтеніе лекцій съ 11 декабря.

DELECTUS SEMINUM

in horto botanico Universitatis Cesareae Novae Rossiae

anno 1882 collectorum.

Cryptogamae.

Filices.

Polypodium ireoides Lam.	Didymochlaena lunulata Desv.
Adiantum tenerum Sm.	Aspidium falcatum Swz.
Pteris longifolia L.	Nephrolepis exaltata Schott.
Darea vivipara Willd.	Todea africana Willd.

Phanerogomae.

Monocotyledoneae.

Gramineae.

Ehrharta panicea Smith.	Paspalum elegans Flüg.
Zea Mays L. praeceox.	— stoloniferum Bosc.
— — novaeboracensis. Bonaf.	Panicum brevifolium Knth.
Coix Lacryma L.	— capillare L.
Cornucopiae cucullatum L.	— fimbriatum Knth.
Mibora verna Adans.	— miliaceum L.
Beckmannia erucaeformis Host.	— oryzinum Gmel.
Phleum annuum Sieb.	— persicum L.
— pratense L.	— proliferum Lam.
Phalaris canariensis L.	— Teneriffae A. Br.
— paradoxa L.	— umbraticola Knth.
— tuberosa Lnk.	— Weinmanni R. S.
	Digitaria sanguinalis Scop.

<i>Oplismenus Crus Galli</i> Knth.	<i>Melica altissima</i> L.
<i>Echinochloa Zenkowskiana</i> Bernh. a.	<i>Dactylis glomerata</i> L.
<i>Setaria glauca</i> P. B.	— — fol. variegatis.
— <i>viridis</i> R. Br.	<i>Festuca distachya</i> W.
— <i>verticillata</i> P. B.	— <i>geniculata</i> W.
— <i>italica</i> P. B.	— <i>rubra</i> L.
— — β . <i>compacta</i> .	<i>Bromus commutatus</i> L.
— <i>persica</i> Ledeb.	— <i>mollis</i> L.
— <i>macrochaeta</i> Spr.	— <i>parviflorus</i> Desf.
<i>Penisetum longistylum</i> Hochst.	— <i>patulus</i> M. K.
— — v. <i>villosum</i>	— <i>pendulinus</i> Schrad.
R. Br.	— <i>rigidus</i> Benth.
<i>Cenchrus spinifera</i> Cav.	— <i>Schraderi</i> Knth.
<i>Anthephora elegans</i> Schreb.	— <i>vestitus</i> Schrad.
<i>Lappago racemosa</i> Schreb.	— <i>Wolgensis</i> Spr.
<i>Sporobolus tenacissimus</i> Beauv.	<i>Diarrhaena americana</i> P. B.
<i>Aegopogon tenellus</i> Trin.	<i>Lolium speciosum</i> M. B. et Stev.
<i>Deyeuxia retrofracta</i> Knth.	— <i>temulentum</i> L.
<i>Amophila baltica</i> Lnk.	<i>Spelta Seringei</i> Jord.
— <i>arundinacea</i> Host.	<i>Triticum aegyptiacum</i> Host.
<i>Chloris barbata</i> Sw.	— <i>amylaceum</i> Ses.
— <i>penicillata</i> Sw.	— <i>caninum</i> L.
<i>Avena borealis</i> Brot..	— <i>compositum</i> L.
— <i>distichophylla</i> Vill.	— <i>durum</i> Desf.
— <i>fatua</i> L.	— <i>flabellatum</i> Tausch.
— <i>flavescens</i> L.	— <i>Hisbu</i> Parl.
— <i>geminiflora</i> H. Port.	— <i>hordiforme</i> Wall.
— <i>Ludoviciana</i> Dur.	— <i>Spelta</i> L.
— <i>nuda</i> L.	— <i>tricoccum</i> Schüb.
— <i>orientalis</i> Schreb.	— <i>villosum</i> M. B.
— <i>Podolica</i> Pascal.	<i>Secale Cereale</i> L.
— <i>sativa</i> L. v. <i>mutica</i> tri- sperma.	— <i>montana</i> Guss.
<i>Arrhenatherum avenaceum</i> P. B.	<i>Elymus europaeus</i> L.
— <i>bulbosum</i> Presl.	— <i>sibiricus</i> L.
<i>Uralapis cuprea</i> Knth.	— <i>arenarius</i> L.
<i>Poa compressa</i> L.	<i>Hordeum distychum</i> L. v. <i>erectum</i> .
<i>Glyceria (Atropis) distans</i> Mert. et Koch.	— — v. <i>nigrum</i> .
	— <i>macrolepis</i> A. Br.

- Hordeum trifurcatum* Ser.
 — *vulgare* L. v. *nigrum*.
 — — v. *æstivalis*.
Aegilops speltoides Tausch.
 — *bicornis* Laub. et Spach.
 — *caudata* L.
Nardurus unilateralis L.
Imperata sacchariflora Maxim.
Andropogon Sorghum Brot.
Ischaemum (Arundinella) milia-
ceum Hort. Basil.
Sorghum Caffrorum P. B.
 — *compactum* Lem.
 — *cernuum* Willd.
 — *halepense* Pers.
 — *nigrum* R. et S. (*S. gly-*
cyphyllum).
Cyperaceæ.
Carex atrata L.
Scirpus sylvaticus L.
Commelynacæ.
Commelyna clandestina Knth.
 — *aspera* G. Don.
Tinnantia coerulea Fzl.
 — *erecta* Schlecht.
 — *undata* Schecht.
Liliacæ.
Muscari racemosa Med.
Ornithogalum Eckloni Fisch.
 — *longibracteatum* Jacq.
 — *narbonense* Dod.
 — — *violaceum*.
Ornithogalum retrofractum W.
 et K.
Albuca major L.
Allium angulosum L. v. *Schraderi*.
 — *carinatum* L.
 — *Cepa* L.
 — *illyricum* Jacq.
 — *longinatum* Tur.
 — *obliquum* L.
 — *Porrum* L.
 — *senescens* L.
 — *Schoenoprasum* L.
Anthericum floribundum Ait.
 — *graminifolium* W.
Bulbine aloides Willd.
 — *annua* W.
 — *semibarbata* Spreng.
Asparagus verticillatus L.
 — *officinalis* L.
Dioscoreæ.
Dioscorea sinuata Vell.
Iridæ.
Lapeyrousia corymbosa Ker.
Amaryllidæ.
Jxiolirion montanum.
Amaryllis longifolia Gwol.
Bromeliacæ.
Bilbergia zebrina Lindl.
Cannacæ.
Canna indica L.
 — *logunensis* Lindl.
 — *lutea* Rosc.
 — *Warszewiczii* Bché.
Dicotyledoneæ.
Urticacæ.
Urtica cannabina L. C. Rich.
 — sp.
 — *dioica* L.
Urtica pilulifera L.
 — *membranacea* Poir.
 — — v. *balearica*.
Parietaria officinalis L.

- Cannabines.**
Cannabis Sativa L. *gigantea*
 — *indica* L.
Humulus Lupulus L.
- Chenopodiaceæ.**
Atriplex hortensis L.
 — *roseum* L.
 — *sibirica* L.
Spinacia spinosa Mnch.
Blitum virgatum L.
 — *capitatum* L.
Ambrina chilensis Spach.
Beta patellaris Moq.
 — *stricta* Koch.
Chenopodium graveolens Willd.
 — *hybridum* L.
 — *urbicum* L.
 — *Vulvaria* L.
Hablitzia thamnoides M. B.
Salsola Kali L.
Corispermum nitidum Kit.
- Amarantaceæ.**
Teleianthera paronychioides Schult.
Gomphrena globosa L. *alba*.
 — — *atropurpurea*.
 — *Haageana* Rgl.
Amarantus albus L.
 — *retroflexus* L.
Celosia argentea L.
Amblogyne polygonoides Cav.
Euxolus emarpinatus Br. et Bouché.
- Aristolochiaceæ.**
Aristolochia Clematitis L.
- Polygonæ.**
Oxyria reniformis Hook. v. *glauca*.
Polygonum lapathifolium L.
Fagopyrum emarginatum Meissn.
Emex Centropodium Meissn.
 — *spinosa* Campd.
- Rumex Fischeri* Rehb.
 — *Patientia* L.
 — *stenophyllum* Ledb.
Tragopyrum lanceolatum M. B.
- Nyctagineæ.**
Mirabilis lalappa L.
 — *longiflora* L.
- Oxybaphus violaceus* Chois.
- Plantagineæ.**
Plantago acanthophylla Dsne.
 — *argentea* Lam.
 — *asiatica* L.
 — *lanceolata* L.
 — *afra* L.
 — *maritima* L.
 — *Psyllium* L.
 — *subulata* L.
 — *Lagopus* L.
- Plumbagineæ.**
Plumbago capensis
Plumbagella micrantha Boiss.
Armeria maritima L.
 — *plantaginea* W. var.
brachylepis Boiss.
- Valerianæ.**
Fedia scorpioides Dufur.
Valeriana alliariefolia Vahl.
Valerianella Szovitsiana F. Mey.
- Dipsacæ.**
Dipsacus fullonum Mill.
Knautia arvensis Coult.
 — *hybrida* Coult.
 — *silvatica* Coult.
Pteroccephalus palestinus Coult.
Asterocephalus acutiflorus Reichb.
Scabiosa alpina L.
 — *atropurpurea* L.
 — *Biebersteinii* R. S.
Succisa australis Rehb.

- Compositae.**
- Subordo Tubuliflorae.
Trib. Eupatoriaceae.
Ageratum conyzoides L.
Trib. Asteroideae.
Amellus annuus Willd.
Aster adulterius Willd.
— *aestivus* Ait.
— *Amellus* L.
— *brumalis* Nees.
— *laevis* L.
— *longifolius* Lam.
— *Novae Belgiae* L.
— *obliquus* Nees.
— *patulus* Lam.
— *pyrenaicus* Desf.
— *Radula* Ait.
— *simplex* Willd.
— *squarrosulus* Nees.
Galatella punctata L. v. *discoidea*.
— — v. *dracunculoides*.
Biotia corymbosa DC.
— *macrophylla* DC. v. *divaricata* Ledb.
Diplostephium umbellatum DC.
Erigeron speciosus DC.
— *canadensis* L.
Solidago altissima L. v. *humilis* Desf.
— *canadensis* L.
— *flabelliformis* Wend.
— *gigantea* Ait.
— *grandiflora* Desf.
— *hirta* Willd.
— *hispida* Mühlbg.
— *lanceolata* W.
— — v. *graminifolia*.
— *latifolia* L.
Inula Helenium L.
- Dahlia scapigera* O. et D.
Trib. Senecioideae.
Xanthium saccharatum Wallr.
— *spinosum* L.
— *Strumarium* L.
Iva ciliata Willd.
Zinnia elegans Jacq.
— — *flore pleno*.
Guizotia oleifera, DC.
Rudbeckia fulgida Ait.
— *laciniata* L.
Coreopsis tinctoria Nutt.
Chrysanthemum segetum L.
Helianthus lenticularis Dougl.
— *annuus* L. *pyramidalis*.
Bidens tripartita L.
— *grandiflora* Balb.
— *pilosa* L.
— *Warrzewiczii* Rgl.
Cosmos bipinnatus Cav.
Sanvitalia procumbens Lam.
Tagetes erecta L.
— *patula* L.
Helenium autumnale L. f. *breviradiata* Hort. Petrop.
— *quadridentatum* Labil.
— *pumilum* W.
— *scorzonerifolium*
Baeria chrysostoma F. et M.
Madia sativa DC.
Anthemis Chia L.
— *nobilis* L.
— *tinctoria* L.
— *arvensis* L.
— *Triumfetti* All.
Maruta Cotula DC.
Ptarmica alpina DC.
— *Impatiens* DC.
Achillea tanacetifolia Koch.

- Achillea Millefolium L.**
Matricaria Chamomilla L.
Pyretrum Balsamita W.
 — carneum M. B.
 — pinnatifidum Willd.
 — Parthenium Sm. aureum.
Artemisia scoparia W. et K.
 — Ludoviciana Ledb. v.
   latifolia Fisch.
 — — v. gnaphaloides
   Torr. et gr.
Tanacetum vulgare L.
   Trib. Cynareae.
Calendula officinalis L.
Echinops banaticus Rchb.
Xeranthemum inapertum Willd.
Centaurea coronopifolia Lessé.
 — Cyanus L.
 — glastifolia L.
 — Phrygia L.
 — pontica
 — ruthenica Lam.
Cnicus Benedictus L.
Carthamus tinctorius L.
Silybum Marianum Gaertn.
Onopordon acaule L.
 — Acanthium L.
 — illyricum L.
 — tauricum W.
Cynara Cardunculus L.
Cirsium acaule L.
 — canum M. B.
Notabasis syriaca Cass.
   Subordo Ligulifloræ.
   Trib. Cichoraceae.
Rhagadiolus edulis Gaertn.
Seriola ætnensis L.
Leontodon caucasicus M. B.
 — hastilis L.
- Apargia caucasica M. B.**
Asterothrix asperrima Cass.
 — suber
Picris strigosa M. B.
Sonchus oleraceus L.
Lactuca altaica F. et M.
 — virosa L.
Hieracium virosus Pall.
 — umbellatum L.
Mulgedium tataricum DC.
   Campanulaceæ.
Platycodon autumnale
Phyteuma Scheuchzeri All.
Campanula latifolia L.
 — pulcherrima Schrank.
Specularia perfoliata A. DC.
Trachelium coeruleum L.
   Rubiaceæ.
Galium humifusum M. B.
 — lithospermifolium Fisch.
Asperula ciliata Rochl.
Richardsonia (Richardia) scabra L.
   Asclepiadæ.
Asclepias amoena L.
 — cornuti Desne.
 — incarnata L.
 — syriaca L.
   Labiatæ.
Elscholtzia cristata Will.
Mentha micrantha Fisch.
 — sylvestris L.
 — piperita L.
Salvia austriaca L.
 — acaulis Vahl.
 — cleistogama Paul. et De By.
 — sylvestris L.
 — verbenaca L.
 — verticillata L.

- Salvia officinalis* L.
Monarda aristata Nutt.
Satureja hortensis L.
Hyssopus officinalis L.
Calamintha officinalis L.
Clinopodium vulgare L.
Scutellaria albida L.
Nepeta Mussini Sprgl.
Dracocephalum moldavica L.
Lallemantia canescens F. et Mey.
— *peltata* F. et Mey.
Lamium longiflorum Ten.
Leonurus Cardiaca L.
— *Marubiastrum* L.
Panzeria sibirica Münch.
Galeopsis bifida Boengng.
Sideritis scordioides L.
Marrubium crassipes Boiss.
— *vulgare* L.
— *candidissimum* L.
Ballota nigra L.
Molucella laevis L.
Teucrium Chamaedrys L.
Ajuga Chamaepytis Schreb.
Verbenaceæ.
Verbena hybrida L.
— *tenera* Spr.
Selaginæ.
Hebenstreitia dentata Thunb.
— — *β. integrifolia*
Choisy.
Asperifoliaceæ.
Heliotropium europæum L.
— *peruvianum* L.
Cerintho aspera Roth.
— *maculata* M. B.
— *major* L.
— *minor* L.
Echium rubrum Jacq.
- Lithospermum arvense* L.
— *officinale* L.
Nonnea rosea F. et Mey.
Anchusa officinalis L.
Myosotidium nobile Hook.
Omphalodes linifolia Munch.
Cynoglossum javanicum Thbg.
Caccinia strigosa Boiss.
Echinopspermum Lappula Lehm.
Convolvulaceæ.
Evolvulus linifolius L.
Calystegia limbata
— *dahurica* Fisch.
Convolvulus Skammonia L.
Ipomaea sibirica Jacq.
— *purpurea* Roth.
Quamoclit coccinea Munch.
— *vulgaris* Chois.
Pharbitis bilimbata Hort.
Nolanaceæ.
Nolana atriplicifolia Don.
— *prostrata* L. fil.
Polemoniaceæ.
Phlox Drummondii Hook.
Gilia crassifolia Benth.
— *millefoliata* Fisch.
— *navalis* Van Houth.
— *tricolor* Benth.
Hydrophyllæ.
Phacelia congesta Hook.
Whitlavia minor Harv.
— *grandiflora* Hook. et Harv.
Solanaceæ.
Petunia phoenicea
— *nyctaginiflora* Iuss.
— *hybrida* L.
Nicotiana rustica L.
— *Tabacum* L. *grandiflora*
purpurea.

- Nicotiana Tabacum* v. *macrophylla* Dunal.
 — *persica* Lindl.
 — *glauca* L.
Datura fastuosa L.
 — *arborea* L.
Hyoscyamus albus L.
 — *niger* L.
Nicandra physaloides Gaertn.
 — — *β. latifolia* Dunal.
Saracha Jaltomata Schtd.
 — *stapeliaeflora* Desv.
Capsicum annuum L.
 — — *fruct. long. lut.*
 — — *fruct. long. rubr.*
Solanum citrullifolium A. Br.
 — *capsicastrum* Lnk.
 — *Dulcamara* L. v. *persicum* (Willd.) Hort Petr.
 — *Melongena* L.
Solanum miniatum Bernh.
 — *nigrum* L.
 — *villosum* Lmk.
 — *atropurpureum* Schrank.
Lycopersicum esculentum Mill.
 — *racemigerum* Dum.
Atropa biflora R. et P.
Scrophulariaceae.
Verbascum nigrum L.
 — *phoeniceum* L.
Scrophularia nodosa L.
Linaria vulgaris L.
 — *genistaefolia* Mill.
 — *tristis* Mill.
 — *minor* Desf.
Anthirrinum calycinum Vent.
 — *majus* L.
Schizanthus grandiflorus oculatus
Mimulus pardinus
- Gratiola officinalis* L.
Veronica latifolia L. *media.*
 — *pyramidalis* H. Wett.
 — *sibirica* L.
Chelone glabra L.
Acanthaceae.
Thunbergia alata Boj.
Pedaliaceae.
Martynia fragrans Lindl.
 — *lutea* Lindl.
 — *proboscidea* Glox.
 — *fallax* A. DC.
Carpoceras sibiricum
Orobanchaeae.
Phelipaca arenaria Walp.
Primulaceae.
Lysimachia atropurpurea L.
Anagalis vulgaris L.
Umbelliferae.
Eryngium giganteum M. B.
Petroselinum sativum Hoffm.
Ammi majus L.
Carum Carvi L.
Ferula communis L.
Bubon gummiferum L.
Pastinaca lucida Gouan.
 — *opaca* Bernh. b.
Heracleum amplissimum Wender.
Scandix brachycarpa Juss.
Araliaceae.
Aralia umbraculifera Hort.
Ampelideae.
Ampelopsis 5 folia Rich.
Crassulaceae.
Crassula lactea Ait.
 — *spathulata* Thnbg.
Umbilicus Severzowi Rgl.
Sedum Aizoon L.
 — *Ewersi* Ledb.

Sedum Maximowiczii Rgl.

- maximum Sut.
- spurium M. B. splendens.
- acre L.

Sempervivum tectorum L.

- — albidum Rgl.
- — densum Rgl.

Ranunculaceae.**Clematis recta** L.**Thalictrum appendiculatum** Ledeb.

- elatum Jacq. glaucum Rgl.
- flavum L.
- minus L. v. virens Koch.

Adonis autumnalis L.**Ranunculus bulbosus** L.**Trollius Ledebourii** Rchb. β . polysepalum Rgl.**Eranthis hyemalis** Salisb.**Nigella damascaena** L.

- phoeniculacea L.

Delphinium Consolida L.**Aconitum Napellus** Pall. formosum Rchb.

- pyrenaicum Lam.

Trautvetteria palmata Fisch.**Berberideae.****Leontice altaica** Pall. tubera.**Papaveraceae.****Chelidonium majus** L.**Bocconia cordata** W.**Argemone mexicana** L.**Papaver caucasicum** M. B.

- floribundum Desf.
- somniferum Gmel.

Roemeria refracta DC.**Glaucium corniculatum** Curt.**Escholtzia californica** Cham.**Macleya cordata** R. Br.**Fumariaceae.****Cysticapnos africana** Gärtn.**Fumaria Vaillantii** Lois.**Cruciferae.****Thlaspi arvense** L.**Iberis taurica** DC.

- amara L.

Camelina sativa Crantz.**Lepidium sativum** L.**Neslia paniculata** Desv.**Sinapis alba** L.

- arvensis DC.

Hirschfeldia incana DC.**Erucastrum obtusangulum** Rchb.**Crambe cordifolia** Stev.**Rapistrum rugosum** All.**Raphanus caudatus** L.

- fugax Presl.

Capparideae.**Polanisia graveolens** Raf.**Resedaceae.****Reseda alba** L.

- complicata Bory.

- mediterranea L.

- truncata F. et Mey.

- undata L.

- virescens Horn.

- odorata L.

Cayusea canescens St. Hil.**Cistineae.****Helianthemum calcareum** Jord.

- vulgare

Violaceae.**Viola Patrini** DC.

- — v chinensis DC.

- persicifolia Schk.

- prionantha Bnge.

- tricolor L. maxima

Passifloreae.**Passiflora foetida** Cav.

- Loasaceae.**
Mentzelia Wrihgti. Juss.
- Cucurbitaceae.**
Melothria cucumerina Naud.
Rhynchosarpha dissecta Ndn.
Citrullus Colocynthis Schrad.
Ecbalium Elaterium L.
Momordica Balsamita.
 — *Charantia* L.
Luffa acutangula Ser.
Cucumis amarissimus Schrad.
 — *dipsaceus* Ehrh.
Cucurbita Pepo L.
Cyclanthera explodens Schrad.
 — *pedata* Schrad.
Sicyospermum gracile A. Gray.
Eopepon vitifolium Naud.
Sicyos bryoniifolia Moris.
- Portulacaceae.**
Portulaca grandiflora Hook.
 — *rostellata* Brign. a.
Tetragonia expansa Ait.
 — *crystalina* L'Herit.
- Caryophyllaceae.**
 Subordo Paronychieae
Herniaria cinerea DC.
Telephium Imperati L.
 Subordo Scleranthaeae.
Scleranthus annuus L.
 — *verticillatus* Tausch.
 Subordo Alsineae.
Sagina Linnæi Presl.
Cerastium chlorifolium F. A. Mey.
 — *umbellatum* Loch. spont.
- Subordo Sileneae.
Velezia rigida L.
Dianthus Petraeus W: et K.
 — *prolifer* L.
 — *Seguieri* Vill.
- Gypsophila collina* Stev.
 — *perfoliata* L.
 — *repens* M. B.
Saponaria officinalis L.
Vaccaria vulgaris Host.
Melandrium pratense Rochl.
Silene alpestris Jacq.
 — *echinata* Otth.
 — *inflata* Smith.
 — *vespertina* Retz.
 — *noctiflora* L.
 — *nocturna* L.
 — *Otites* L.
 — *saponariaefolia* Schtt.
Viscaria vulgaris L.
Agrostemma Githago L.
Tunica Saxifraga Scop.
- Phytolaccaceae.**
Phytolacca decandra L.
 — *acinosa* Roxb.
 — *violacea* C. A. Mey.
Pircunia stricta Moq.
- Malvaceae.**
Palava malviflora Cav.
Malope trifida Cav.
Kitaibelia vitifolia W.
Lavatera Cachemiriana Cambes.
 — *thuringiaca* L.
Althaea canabina L.
 — *officinalis* L.
 — *rosea* Cav.
 — *taurinensis* DC.
Malva Durieni Spösch.
 — *moschata* L.
 — *sylvestris* L.
 — *rotundifolia* L.
 — *vulgaris* Fries.
 — *crispa* L.
Calirrhoe pedata A. Gr.

Madiola Caroliniana Mneh.

Hibiscus abyssinicus Steud.

— *californicus* Hook.

— *gossypinus* Thunb.

— *Martianus* Zucc.

— *ternatus* Cav.

— *Trionum* L.

Anoda cristata Cav.

— *hastata* Cav.

Sida crispa L.

— *stipulata* Cav.

Abutilon Avicennae Gärtn.

Malvastrum coromandelianum
Garcke.

Buettneriaceae.

Ridleya corchoriflora DC.

Hypericineae.

Hypericum perforatum L.

Rhamneae.

Paliurus aculeatus L.

Euphorbiaceae.

Acalypha brachystachya Hornem.

Euphorbia peploides Gouan.

— *heterophylla* L.

Mercurialis annua L.

Bicinus borbonensis Hort. var. *arborea*.

— *communis* L.

— — v. *giganteus*.

— — v. *rutilans*.

Rutaceae.

Ruta graveolens L.

Zygophyllaceae.

Tribulus terrestris L.

Zygophyllum Fabago L.

Geraniaceae.

Erodium cicutarium W.

— *gruinum* W.

— *moschatum* W.

Geranium albiflorum Ledb.

Geranium ibericum Cav.

— *nodosum* L.

Lineae.

Linum alpinum L.

— *austriacum* L.

— *flavum* L.

— *nervosum* Waldst.

— *monadelphum* Mart.

— *regale* Hort. a.

— *perenne* L.

Oxalideae.

Oxalis corniculata L. v. *atropurpurea*.

Balsamineae.

Impatiens Balsamina L.

— *glanduligera* Rog.

— *tricornis* Lind. β . *glabra*

Hort. Petrop.

Limnantheae.

Limnanthes Douglasii R. Br.

— *alba* Hartw.

Tropaeoleae.

Tropaeolum majus L.

Oenotheraeae.

Oenothera Sellowii L.

Clarkia pulchella Purch.

Eucharidium grandiflorum F. et
Mey.

Lopezia racemosa Cav.

Lythrariceae.

Epilobium hirsutum L.

— *palustre* L.

Gaura parviflora Dougl.

Lythrum decandrum L.

Cuphea petiolata Koehne. (C.
viscossima Jacq.)

Rosaceae.

Potentilla atrosanguinea Lodd.
grandiflora.

Potentilla cataclines Lehm.	Baptisia minor Lehm.
— deiphinensis Gren, et God.	Lupinus bicolor Lindl.
Potentilla fragarioides L.	— hirsutus L.
— glandulosa Lindl.	Cytisus Laburnum L.
— recta L. <i>α.</i> pallinuda Lehm.	Medicago caspica Stev.
— — <i>β.</i> obscura Ledb.	— Echinus DC.
— canescens Lehm.	— Helix W.
Agrimonia pilosa Ledb.	Pocockia cilicica Boiss. et Bal.
Alchemilla pubescens M. B.	Trifolium arvense L.
Sanguisorba media L.	Amorpha fruticosa L.
Poterium Sanguisorba L.	Glycyrrhiza echinata L.
Margyricarpus setosus R. et P.	Galega officinalis L.
Geum chilense Balb.	Robinia Pseudacacia L.
Dryas octopetala L.	Caragana arborescens Lam.
Amygdalaceae.	Colutea arborescens L.
Prunus Armeniaca L.	Pisum quadratum Mill.
— spinosa L.	Vicia ferruginea Bess.
Papilionaceae.	— plosa M. B.
Baptisia australis R. Br.	

L. Reinhard,
horti director.

F. Kuneš,
hortulanus.

Odessa,
Decemb. 1882.

II. Часть ученая.

Constantinople, ses sanctuaires et ses reliques

au commencement du XV siècle.

FRAGMENT DE L'ITINERARIO DE CLAVIJO

traduit et accompagné de notes historiques explicatives

par Ph. Bruun.

Dédié à Mr. J. Gutierrez Alvares, consul d'Espagne à Odessa.

Lors de son voyage de Cadix à Samarcand, l'ambassadeur castillan Ruy Gonsalez de Clavijo avait séjourné assez longtemps à Constantinople, et il avait eu soin d'insérer dans son journal de voyage une description détaillée des églises qu'il avait visitées et de toutes les choses remarquables qu'il avait pu voir dans la ville.

Actuellement, lorsque, grâce aux exploits des troupes russes, on peut être sûr qu'à l'avenir il ne sera plus difficile de faire dans la ville de Constantin des recherches concernant les antiquités qu'on y conserve, tout ce que le diplomate castillan avait noté sur ce sujet dans son journal de voyage, cinquante ans avant la prise de Constantinople par les Turcs, mérite certainement d'être traduit de l'espagnol en français, d'autant plus que ce fragment du livre de Clavijo n'a jamais été traduit, ni en français, ni en allemand, ni en italien. Il est vrai que déjà en 1850 avait paru à Londres une traduction anglaise du livre espagnol, faite par M. Markham, sur l'initiative de la «Hakluyt Society». Par malheur, le traducteur, en se croyant obligé de ne pas corriger la forme extrêmement altérée sous laquelle la plupart des noms

Constantinople, ses sanctuaires et ses reliques

au commencement du XV siècle.

FRAGMENT DE L'ITINERARIO DE CLAVIJO

traduit et accompagné de notes historiques explicatives

par Ph. Bruun.

Dédié à Mr. J. Gutierrez Alvarez, consul d'Espagne à Odessa.

Lors de son voyage de Cadix à Samarcand, l'ambassadeur castillan Ruy Gonsalez de Clavijo avait séjourné assez longtemps à Constantinople, et il avait eu soin d'insérer dans son journal de voyage une description détaillée des églises qu'il avait visitées et de toutes les choses remarquables qu'il avait pu voir dans la ville.

Actuellement, lorsque, grâce aux exploits des troupes russes, on peut être sûr qu'à l'avenir il ne sera plus difficile de faire dans la ville de Constantin des recherches concernant les antiquités qu'on y conserve, tout ce que le diplomate castillan avait noté sur ce sujet dans son journal de voyage, cinquante ans avant la prise de Constantinople par les Turcs, mérite certainement d'être traduit de l'espagnol en français, d'autant plus que ce fragment du livre de Clavijo n'a jamais été traduit, ni en français, ni en allemand, ni en italien. Il est vrai que déjà en 1850 avait paru à Londres une traduction anglaise du livre espagnol, faite par M. Markham, sur l'initiative de la «Hakluyt Society». Par malheur, le traducteur, en se croyant obligé de ne pas corriger la forme extrêmement altérée sous laquelle la plupart des noms

propres et géographiques apparaissent chez Clavijo, ne s'est pas donné la peine d'expliquer le véritable sens de ces noms. Mais ce qui offre de plus graves inconvénients, c'est que sa traduction est pleine de lacunes et de passages où la pensée de l'auteur est mal rendue, de manière que ce livre ne saurait être d'une grande utilité pour ceux qui voudraient s'en servir dans le but de s'expliquer les phrases et les locutions souvent énigmatiques qu'ils auraient rencontrées dans l'original, dont je n'ai eu à ma disposition que l'édition publiée à Madrid en 1782.

N'ayant pas les moyens de surmonter les difficultés qu'aurait eues pour moi la traduction d'un ouvrage espagnol, composé au commencement du XV siècle et contenant par cela même beaucoup d'archaïsmes, je n'aurais jamais osé me charger de ce travail sans l'obligeance extrême de M. J. Gutierrez Alvarez, consul d'Espagne à Odessa, qui ne s'est pas contenté de m'aider de ses conseils, mais qui a bien voulu prendre sur lui la traduction des passages qui m'avaient paru très embrouillés.

Quant aux notes historiques et topographiques que j'ai cru devoir ajouter à la traduction du texte, j'ai pu les appuyer en partie sur celles dont M. Savaitof avait enrichi son édition du pèlerinage de l'archevêque de Novgorod à Constantinople en 1200, c'est-à-dire à une époque où cette ville contenait encore beaucoup d'anciens monuments chrétiens qui devinrent bientôt après la proie des flammes, lors du siège de Constantinople par les croisés, ou qu'ils s'approprièrent après la prise de la ville : le butin qu'ils firent alors surpassait, d'après Ville-Hardouin (édit. Wailly, 144) « tous les riches biens qui jamais furent trouvés sur terre ».

Des renseignements bien plus importants encore m'ont été fournis par l'excellent ouvrage que M. le comte Riant vient de publier (*Exuviae sacrae constantinopolitanæ*, 2 vol. 1877), sur les reliques et autres objets transportés de Constantinople dans l'Europe occidentale pendant la durée de l'empire latin. Aux monuments restés intacts à l'avènement au trône de Michel VIII furent ajoutés de nouvelles églises et d'autres édifices, pendant les deux siècles écoulés depuis lors jusqu'à la chute de l'empire des Paléologues. Pendant cette période leur capitale excita fréquemment la pieuse curiosité des pèlerins russes et d'autres voyageurs, avant et après l'arrivée de l'ambassadeur castillan dans cette ville. Aussi, tout ce que l'un des membres de cette ambassade certifie

avoir vu et entendu à Constantinople, pourra être expliqué plus facilement quand on aura confronté son témoignage avec ce que d'autres voyageurs du XIV et du XV siècle racontent sur les sanctuaires et reliques qui les intéressaient tout autant que lui.

Avant de passer à la traduction aussi exacte que possible de ses propres paroles, je ferai observer qu'après avoir mis à la voile dans le port de S-te Marie, près de Cadix, le 21 mai 1403, et s'être arrêtée assez longtemps en Sicile, à Rhodes et dans d'autres îles de l'Archipel, l'ambassade ne mit pied à terre que le 24 octobre, vis-à-vis de la petite île de Calolimo, à 15 milles de Constantinople. De là les ambassadeurs s'embarquèrent sur une grande barque pour Péra, après avoir préalablement pris les mesures nécessaires pour s'y faire préparer un logement et pour annoncer à l'empereur Manuel (1391—1425) leur prochaine arrivée.

Odessa, Janvier 1880.

Fragment de Clavijo.

Le dimanche suivant, 28 octobre, l'empereur de Constantinople ayant fait chercher les ambassadeurs, ceux-ci se rendirent de Péra à Constantinople sur une barque et trouvèrent beaucoup de monde qui les attendait, ainsi que des chevaux pour les conduire. Ils se rendirent chez l'empereur, qu'ils trouvèrent dans son palais, et qui venait d'entendre la messe avec beaucoup de personnes. Il reçut fort bien les ambassadeurs et se retira avec eux dans une chambre. L'empereur était assis sur une estrade assez haute et contenant de petits tapis sur l'un desquels était posée une peau de léopard et au dos un coussin foncé broché d'or. Après avoir retenu les ambassadeurs assez longtemps, il leur enjoignit de retourner dans leur logis et leur envoya un grand cerf que l'un de ses chasseurs venait de lui offrir. Près de l'empereur se trouvaient l'impératrice et trois petits enfants mâles, dont l'ainé pouvait avoir à peu près huit ans').

Le lendemain, lundi, l'empereur envoya chez les ambassadeurs quelques seigneurs avec sa réponse à ce qu'ils lui avaient dit.

Le mardi suivant, 30 octobre, les ambassadeurs envoyèrent dire à l'empereur que, désirant examiner la ville et voir aussi ses reliques et ses églises, ils espéraient qu'il ordonnerait gracieusement qu'on les leur montrât; l'empereur les fit accompagner par son gendre «Micer» (le sieur) «Ilario», Génois d'origine et mari de sa fille illégitime, 2) et par d'autres personnes chargées de leur montrer ce qu'ils désiraient voir.

On leur fit voir d'abord l'église de Saint Jean-Baptiste, dite «della Piedra», située près du palais impérial 3). Sur l'entrée de la première porte de cette église se trouve une image de Saint Jean, très-riche et bien exécutée en mosaïque. Attenant à cette porte il y a un haut chapiteau, reposant sur quatre arches et

sous lequel on passe pour entrer dans le corps de l'église; le plafond de ce chapiteau et les parvis sont ornés d'images et de figures d'un très beau travail en mosaïque formée de petits morceaux dorés ou émaillés en bleu, blanc, vert ou rouge et autres couleurs, selon qu'on en avait besoin pour marquer les images, figures et ornements entrelacés; aussi cet ouvrage paraît-il très-étrange à la vue; plus loin est une grande cour entourée de maisons à plusieurs étages avec leurs vestibules et remplie d'arbres et de cyprès; près de la porte d'entrée du corps de l'église se trouve une belle fontaine sous un chapiteau soutenu par huit piliers en marbre blanc; le réservoir de la fontaine est en pierre blanche. Le corps de l'église a la forme d'une salle ronde avec un chapiteau; la voûte est très-haute et repose sur des piliers de jaspe vert; vis-à-vis de l'entrée se trouvent trois petites chapelles avec trois autels; celui du milieu est le plus grand, et les portes de la chapelle qui le renferme sont couvertes d'argent doré; tout près d'elles se trouvent quatre petites colonnes en jaspe avec des rubans d'argent doré en forme de croix et enchassés diversement de pierres précieuses. Devant les portes de ces chapelles il y avait des rideaux en soie, tirés d'un côté à l'autre afin de ne pas laisser voir le prêtre entrant pour dire la messe. Le plafond de cette salle est d'un très-riche travail en mosaïque. Au faite il y a une image de Dieu le Père, et les murs de cette chapelle offrent des ornements pareils presque jusqu'au sol et de là, en bas, des dalles en jaspe vert, tandis que le sol est recouvert de dalles de diverses couleurs, avec beaucoup d'ornements entrelacés. Cette chapelle était entourée de sièges en bois taillé avec beaucoup d'art, et entre chaque siège il y avait comme une espèce de brasier en cuivre jaune rempli de cendre, dans lequel crachaient les gens pour ne pas le faire sur le pavé; il y a dans cette église beaucoup de lustres en argent et en verre, ainsi que beaucoup de reliques dont l'empereur tient la clef. On montra ce même jour aux ambassadeurs le bras gauche de Saint Jean-Baptiste; de ce bras il n'y avait que la partie entre l'épaule et la main⁴). Le bras avait été brûlé et il n'en restait que la peau et les os; les jointures du coude et de la main étaient ornées en or avec des pierres précieuses. Dans cette église il y avait beaucoup de reliques de Jésus-Christ, qu'on ne montra pas cette fois là aux ambassadeurs, parce que l'empereur était allé à la chasse et avait

aisé les clefs à l'impératrice, son épouse, qui en donnant les clefs avait oublié de livrer celle de l'endroit où se trouvaient les reliques mentionnées. Mais, une autre fois, elles leur furent montrées, comme il sera dit plus haut. Cette église est celle d'un monastère de religieux, qui possèdent un réfectoire dans un appartement très-grand, au milieu duquel se trouve une table en marbre blanc de trente pas de circonférence, et devant laquelle il y avait beaucoup de chaises en bois; il y avait aussi vingt et un bancs en dalles blanches, sur lesquels on plaçait la vaisselle et les mets; de plus il y avait trois petites tables en pierre. A ce monastère appartiennent beaucoup de vignobles, de jardins et d'autres choses qu'on ne saurait décrire brièvement⁶⁾.

Ce même jour les ambassadeurs allèrent voir une autre église, dédiée à Sainte Marie et nommée «Periblico»⁶⁾; à l'entrée de cette église il y a une grande cour avec des cyprès, des noyers, des ormes et beaucoup d'autres arbres. Le corps de cette église est orné du côté extérieur de diverses images et figures, richement ouvragées en or, en bleu et en beaucoup d'autres couleurs. Du côté gauche de l'entrée de l'église, à l'intérieur, il y avait beaucoup de tableaux, parmi lesquels une image de Sainte Marie, ayant près d'elle, des deux côtés, les portraits d'un empereur et d'une impératrice⁷⁾. Au pied de l'image de Sainte Marie sont représentés trente châteaux et villes avec la souscription contenant leurs noms en grec. On dit que ces villes et ces châteaux appartenaient pour la plupart à cette église, et qu'ils lui avaient été donnés par un empereur nommé «Romano» et enterré dans cet endroit⁸⁾. Sous cette image étaient suspendus certains documents écrits sur acier et cachetés avec des sceaux en cire et en plomb; on disait que c'étaient les privilèges que la dite église avait obtenus concernant les villes et les châteaux susmentionnés. Il y avait cinq autels dans le corps de cette église, qui avait la forme d'une salle ronde, très grande et très-haute, contenant des piliers en jaspe de diverses couleurs; les murs et le pavé étaient aussi en jaspe. Cette salle est entourée de trois nefs comprises dans la même enceinte; le plafond des nefs est tout uni et celui de la salle est en mosaïque d'un ouvrage très-riche. A l'extrémité de l'église, du côté gauche, il y a un grand sépulcre en jaspe rouge où gît le dit empereur Romanus; on nous a dit que cette sépulture était autrefois dorée et incrustée de beaucoup de pierres

précieuses, mais qu'elle fut pillée quatrevingt-dix ans de cela, lors de la prise de la ville par les Latins⁹⁾. Il y avait dans cette église un autre grand sépulcre, avec les restes mortels d'un autre empereur¹⁰⁾; il y avait aussi l'autre bras du bienheureux Saint Jean-Baptiste, que l'on montra aux ambassadeurs. C'était le bras droit du coude en bas avec la main; il était tout à fait bien conservé et intact; et, quoiqu'on dise que tout le corps du bienheureux Saint Jean eût été brûlé, sauf un doigt de la main droite, avec lequel il fit signe lorsqu'il dit: *ecce Agnus Dei*, toutefois le bras nous parut tout à fait intact. Il était enchassé dans de minces baguettes en or, mais il lui manquait le pouce. D'après le dire des moines, ce pouce manquait par la raison que voici: ils disaient que dans le temps où il y avait des idolâtres dans la ville d'Antioche, une espèce de dragon s'y montrait; que les habitants avaient l'habitude de lui donner chaque année une personne à dévorer; qu'on tirait au sort pour savoir qui devait être la victime; que celle-ci ne pouvait manquer d'être dévorée par le dragon, et qu'une fois, le sort étant tombé sur la fille d'un homme de coeur, celui-ci, voyant qu'il ne pouvait pas éviter de donner sa fille au dragon, ressentit une si grande peine, à cause de la douleur de sa fille, qu'il alla dans une église de moines chrétiens qu'il y avait dans la ville et dit aux moines qu'ayant entendu que Dieu avait fait souvent des miracles par l'entremise de Saint Jean, il était disposé à croire que c'était vrai et à adorer le bras du saint, qu'ils possédaient. Il pria que, de même que Dieu avait fait d'autres miracles par ce saint, il fit encore celui de préserver sa fille d'une mort si triste que d'être dévorée par ce monstre et de la délivrer de ce péril. On disait encore que les moines, ayant eu pitié de lui, lui montrèrent le dit bras, devant lequel il se mit à genoux pour l'adorer, et que, mû par sa compassion pour sa fille, il toucha avec ses dents le pouce de la main du glorieux saint, et, l'en ayant détaché, il le garda dans sa bouche, sans que les moines s'en aperçussent. Lorsque la fille dut être remise au dragon et que celui-ci ouvrit la gueule pour la dévorer, il lança dans cette gueule le pouce du bienheureux Saint Jean-Baptiste; après quoi le dragon creva, ce qui constituait un miracle; aussi cet homme se convertit-il à la foi de notre Seigneur Jésus-Christ¹¹⁾.

Dans cette même église on leur montra aussi une croix de la grandeur d'une palme, placée sur un support en or, avec des

baguettes du même métal aux extrémités ainsi qu'avec un petit crucifix ; il était enchassé dans un morceau de sculpture couverte d'or, de manière qu'il pouvait être ôté de là et y être replacé. On disait que cette croix provenait du bois de la sainte croix sur laquelle notre Seigneur Jésus-Christ avait été placé. Elle était de couleur foncée et avait été faite lorsque la bienheureuse Sainte Hélène, mère de Constantin, fondateur de Constantinople, y apporta la véritable croix, de Jerusalem, où la sainte l'avait trouvée, l'y ayant fait chercher et déterrer. On leur fit voir aussi le corps du bienheureux Saint Grégoire ¹²⁾, qui était intact et entier. En dehors de l'église il y avait un cloître d'un beau travail, contenant beaucoup de tableaux historiques et, entre autres, un qui représentait la *tige de Jessé*, d'où vient le lignage de la Sainte Vierge Marie. Cet arbre généalogique était en mosaïque d'un travail si admirable, si riche et si bien dessiné que je crois que celui qui a vu ce travail n'a rien vu d'autre qui fût aussi merveilleux ¹³⁾.

Dans cette église il y avait beaucoup de moines qui montrèrent aux ambassadeurs les choses susmentionnées ; ils leur montrèrent aussi un réfectoire très-large et très-haut, au milieu duquel il y avait une table en marbre blanc très-bien polie et bien faite ; elle avait 35 paumes de longueur. Le pavé était aussi en dalles, et au bout de ce réfectoire il y avait encore deux petites tables en marbre blanc. Le plafond était tout en mosaïque, et sur les parois on voyait des dessins en mosaïque représentant depuis la salutation de la Sainte Vierge Marie par l'ange Saint Gabriel jusqu'à la naissance de Jésus-Christ, notre Dieu, ainsi que ses pérégrinations avec ses disciples et tout le cours de sa vie jusqu'à ce qu'il fut crucifié. Dans ce réfectoire il y avait beaucoup de bancs en pierre blanche, séparés les uns des autres et faits pour y placer la vaisselle et la nourriture. De plus, il y avait dans ce monastère beaucoup de maisons où demeuraient les moines et où l'on trouvait beaucoup de provisions ; car ce monastère avait tant de jardins et de vignobles qu'on disait qu'il y avait là l'emplacement d'une grande ville.

Ce même jour les ambassadeurs visitèrent encore une autre église du nom de Saint Jean ; elle appartient à un monastère habité par beaucoup de religieux, lesquels ont un supérieur. La porte d'entrée de l'église est très-haute et d'un riche travail, et devant cette porte il y a une grande cour. Puis vient le corps de l'église,

lequel est une salle tout à fait ronde; elle est entourée de trois grandes nefs et le tout est sous un seul et même plafond. Elle contient sept autels et le plafond de cette salle et des nefs ainsi que les murs sont d'un travail très-riche en mosaïque représentant beaucoup de faits historiques; la salle était appuyée sur 24 colonnes en jaspe vert, et les dites nefs étaient surmontées de galeries qui donnaient sur le corps de l'église, et là il y avait encore 24 colonnes en jaspe vert; le plafond de la salle, de même que les murs, étaient en mosaïque; et dans les galeries qui donnaient sur le corps de l'église il y avait au lieu de grilles, de petites colonnes en jaspe; en dehors de l'église il y avait une jolie chapelle d'un travail en mosaïque merveilleusement riche, contenant une image de Sainte Marie, et l'on voyait bien que cette chapelle avait été construite pour son culte. Il y a aussi dans cette église un grand réfectoire avec une grande table en marbre blanc, et sur les murs de ce réfectoire est représenté en mosaïque le mystère du jeudi de la Cène, lorsque notre Seigneur Jésus-Christ était à table avec ses disciples; ce monastère possédait aussi beaucoup de maisons, de jardins, des eaux et plusieurs autres choses¹⁴).

Un autre jour on leur montra un champ nommé l'«Hippodromo» (Hippodrome), où avaient lieu quelquefois des joutes et des tournois; il était clos par des marbres blancs, dont l'épaisseur était telle que trois hommes pouvaient à peine les embrasser de leurs bras, et qui surpassaient en hauteur deux lances; ces marbres, placés en rond avec une symétrie parfaite, à une égale distance l'un de l'autre, étaient au nombre de 37; ils reposaient sur de grands supports blancs et se joignaient par des arches, de manière qu'on pouvait faire le tour audessus de cette colonnade; en haut il y avait des galeries crénelées avec leurs balustrades, qui étaient fermées des deux côtés; ces arches et l'enceinte supérieures étaient d'une hauteur qui pouvait arriver jusqu'à la poitrine d'un homme. Tout était fait en dalles et en marbres blancs et destiné pour les dames et demoiselles. Les belles femmes assistent aux joutes et aux tournois qu'on livre ici. Vis-à-vis de ces marbres, il y a sur cette place un rang de colonnes, et à trente ou vingt pas de là, une plate-forme sur quatre piliers en marbre et, au-dessus, un fauteuil en marbre blanc avec d'autres sièges autour, au-dessus desquels étaient placées quatre images en pierre blanche, chacune de la grandeur d'un homme; ce

fauteuil et cette plate-forme sont là à la disposition de l'empereur lorsqu'il assiste aux joutes et aux tournois¹⁵); entre les marbres dont il a été question, il y avait deux bases en marbre, l'une sur l'autre, ayant chacune la hauteur d'une lance d'armes et plus; sur ces bases il y avait quatre «tajos» (tailloirs) carrés en cuivre, sur lesquels s'élevait une pierre fuselée encore plus aiguë dans sa partie supérieure, laquelle pierre pouvait être aussi haute que six lances; elle se trouvait sur les dits tailloirs, sans y être collée ni attachée d'aucune manière; aussi c'est merveilleux de voir comment une si grande pièce de pierre, si haute et si mince, avait pu être hissée et placée là, et par quelle force et intelligence humaines cela avait pu être fait, puisque cette colonne est si haute que dès la mer on la voit avant la ville. On dit que cette colonne fut placée là en mémoire d'un grand événement arrivé dans le temps où elle fut érigée; sur ses bases se trouvait écrit qui avait ordonné de la placer là et pour quel fait; mais vu que cette inscription était en latin «griego» (incompréhensible) et qu'il se faisait déjà tard, les ambassadeurs ne purent pas attendre qu'on allât chercher quelqu'un pour la déchiffrer en leur présence¹⁶); après, le dit rang de colonnes continue; ces colonnes, toutefois moins hautes que les premières, étaient couvertes de sujets sculptés et peints, représentant les exploits des chevaliers et des gentilhommes de ce temps. Parmi ces colonnes, il y en avait une avec trois figures de serpent entortillées avec trois têtes distinctes ayant la gueule ouverte. On dit que ces figures de serpent étaient placées là en commémoration d'un fait miraculeux qui avait eu lieu lorsque la ville contenait encore beaucoup de serpents et d'autres espèces d'animaux malfaisants qui mordaient et empoisonaient les habitants; mais un empereur ayant profité d'un moment favorable pour jeter un charme sur ces serpents, ils avaient tout à fait cessé de faire du mal dans la ville¹⁷) à qui que ce fût. Toute cette plaine est entourée de grands gradins s'élevant les uns audessus des autres à une grande hauteur, et des gradins étaient réservés au bas peuple pendant les représentations; puis venaient de grandes maisons avec des portes donnant sur la place, dans lesquelles les chevaliers se couvraient de leurs armes et où ils les déposaient après s'en être servis dans les joutes et les tournois.

Le même jour les ambassadeurs se rendirent dans l'église dite de Sainte Sophie, nom ayant en grec la signification de «vera

sapiencia», qui est l'enfant de Dieu; et tel est le sens du nom de cette église, ayant le rang de cathédrale, et qui est, de toutes les églises de la ville, celle qu'on a dotée de plus de privilèges; des chanoines nommés «caloyeros» en sont les desservants, et c'est là qu'est le patriarche des Grecs, nommé «Marpollit» (métropolitain). Sur une place devant l'église se trouvent neuf marbres blancs, les plus grands et les plus gros qu'on ait jamais vus, je crois; on voit leurs bases, et l'on dit qu'ils faisaient partie jadis d'un grand palais où le patriarche et les membres du clergé se réunissaient et tenaient leurs chapitres. Sur cette même place, devant l'église, il y a une colonne en pierre extrêmement haute, sur laquelle on voit un cheval en airain de la hauteur et de la grandeur de quatre grands chevaux, et sur ce cheval se trouve une figure de chevalier, aussi en airain, avec un plumet énorme sur la tête, ressemblant à la queue d'un paon. Le corps de ce cheval est attaché à la colonne par des chaînes en fer, afin qu'il ne tombe pas ou qu'il ne soit pas renversé par le vent: ce cheval est très-bien travaillé, tenant un de ses pieds de devant et un des pieds de derrière élevés comme s'il était sur le point de sauter; le chevalier qui le monte tient le bras droit élevé et la main ouverte, tandis que la main gauche tient les rênes du cheval et une sphère ronde dorée; ce cheval et ce chevalier sont si grands, et la colonne est si haute, que c'est merveilleux à voir; on disait que cette superbe figure du cavalier sur le coursier est celle de l'empereur Justinien, qui l'a fait ériger, de même que l'église, et qui a fait de grands et notables exploits contre les Turcs de son temps¹⁸⁾.

A l'entrée de l'église, sur une arche en deça de la porte, et reposant sur quatre marbres, se trouve une petite chapelle très-riche et jolie; devant cette chapelle est la porte de l'église, très-haute et très-grande et couverte de laiton; ensuite on trouve une petite cour avec de hauts échafaudages; puis vient une autre porte couverte de laiton comme la première, et de cette porte part une nef très-large et haute, recouverte d'un plafond en bois; à gauche est un cloître très grand et bien construit avec beaucoup de dalles et de colonnes en jaspe de différentes couleurs, tandis qu'à droite de la dite nef couverte, devant la seconde porte, est le corps de l'église avec cinq grandes et hautes portes en laiton; celle du milieu est la plus grande et la plus haute; c'est

par elle qu'on entre dans l'église, qui a la forme d'une salle ronde, plus grande, plus haute, plus riche et plus belle qu'aucune autre qu'on puisse voir, je crois; cette salle est dans le corps de l'église et entourée de trois grandes et hautes nefs qui ne sont pas séparées les unes des autres; en haut de la salle et des nefs il y a des galeries qui donnent sur le corps de la salle, de manière que de là on peut entendre la messe et les heures; ces galeries sont disposées l'une au dessus de l'autre et reposent sur des colonnes de jaspe vert; elles se trouvent sous la même voûte que la salle, mais le chapiteau de la salle monte beaucoup plus haut que ceux des nefs; il est rond et très haut, aussi faut-il avoir de bons yeux pour l'apercevoir d'en bas; la salle a 105 pas de long sur 93 de large, et elle est étagée de quatre piliers très-grands et très-gros, couverts de jaspe de diverses couleurs; entre ces piliers il y a des arches reposant sur 12 colonnes en jaspe vert, très hautes et très-grandes, qui soutiennent la dite salle. Les arches contiennent 4 grands marbres, par deux de chaque côté; ils sont rougis artificiellement au moyen d'une espèce de poudre nommée porphyre; la voûte de cette salle est en mosaïque très riche, et au milieu, au-dessus du grand autel, est représentée l'image très-révérée de Dieu le Père, très-grande et très-appropriée à cet ouvrage de mosaïque multicolore. Cette salle, où se trouve l'image de Dieu le Père, est si haute que la dite image, vue d'en bas, paraissait ne pas dépasser la taille d'un homme, et cependant celle-ci est si grande que la distance entre ses yeux, à ce qu'on disait, est de trois paumes; néanmoins, à celui qui la contemple d'en bas, elle paraît ni plus ni moins grande qu'un homme, et cela à cause de la grande hauteur où elle se trouve. Sur le pavé, au milieu de cette salle, s'élève une espèce de chaire posée sur quatre colonnes en jaspe, dont les parois sont couvertes de beaucoup de dalles en jaspe de diverses couleurs; cette chaire est surmontée d'un chapiteau, reposant sur huit grands marbres en jaspe de diverses couleurs; c'est là qu'on prêchait et qu'on lisait l'évangile les jours de fête; les murs ainsi que le plancher de la dite salle et des nefs de l'église sont en grandes dalles de jaspe de diverses couleurs et très-bien polies; le tout est incrusté de noeuds et d'ornements très-jolis à voir, et une partie des murs des arches qui soutiennent la salle sont en dalles blanches très belles, et sur ces dalles sont incrustés beaucoup de dessins représentant différentes figures; la partie qui était ainsi incrustée et couverte

de dalles avait la hauteur d'un homme au-dessus du sol; de là en haut, le reste était en mosaïque très-riche et très-bien exécutée; les galeries des nefs de l'église susmentionnées entouraient en haut toute la salle à l'exception de l'emplacement du grand autel, et tout cela était admirable à voir. Ces galeries avec le plafond avaient approximativement 90 pas de largeur; le pourtour en avait jusqu'à 410; ces échafaudages et le plafond de ces galeries étaient en mosaïque très-joliment exécutée: sur l'un des murs de la dite galerie, du côté gauche, à la hauteur d'un homme, se trouvait une très-grande dalle blanche, parmi beaucoup d'autres, sur laquelle était représentée naturellement, sans aucun artifice humain de sculpture ni de peinture, la très-sainte et bienheureuse vierge Sainte Marie, avec notre Seigneur Jésus Christ dans ses très-saints bras et son très-glorieux précurseur Saint Jean Baptiste de l'autre côté; ces images, comme je viens de le dire, n'étaient ni dessinées ni peintes en aucune couleur, ni gravées, mais s'étaient faites naturellement; car cette pierre s'est produite ainsi avec les veines et les signes qu'on y remarque nettement et qui formèrent sur elle ces images; aussi raconte-t-on que lorsque cette pierre fut extraite de sa carrière et taillée pour être placée dans ce saint lieu, on vit sur elle ces très-merveilleuses et bienheureuses images, et qu'ayant remarqué ce grand et surprenant mystère, on transporta la pierre dans la dite église, qui était la plus grande de la ville. Ces images paraissent comme planant entre les nuages du ciel, par un temps clair, et comme couvertes d'un voile fin; elles font un effet merveilleux, comme chose d'un ordre spirituel, que Dieu avait voulu faire voir en cet endroit ¹⁹). Au pied de ces images est un autel et une petite chapelle dans laquelle on dit la messe; on leur montra aussi dans cette église les saintes reliques d'un patriarche qui sont intactes ²⁰).

On leur montra le gril sur lequel fut brûlé le bienheureux Saint Laurent ²¹), et dans la dite église il y a des souterrains et des citernes, et des maisons sous terre, contenant beaucoup de choses étranges et d'un travail merveilleux à voir, et plusieurs maisons et des provisions de toutes choses, lesquelles étaient déjà, en grande partie, sur le point de se perdre. De plus, il y a près de cette église beaucoup d'édifices ruinés et des portes, par lesquelles on entrait dans l'église, et qui sont fermées ou tombées;

on disait que le circuit de cette église s'écartait jusqu'à dix lieues autour d'elle. Dans cette église il y a avait une très grande citerne souterraine, contenant beaucoup d'eau et tellement grande que cent galères pouvaient y trouver place ²²). Les ambassadeurs virent dans cette église tous ces ouvrages et beaucoup d'autres, en si grand nombre qu'il serait impossible de les énumérer ou de les décrire si brièvement; en effet, l'édifice est d'une telle grandeur et les objets qui s'y trouvent sont si merveilleux qu'on ne parviendrait pas à les voir en y employant beaucoup de temps, même si chaque jour on ne s'occupait, outre cela, d'aucune autre chose; car on aurait toujours de nouvelles choses à voir. Toute la toiture de l'église est couverte de plomb. Cette église jouit de grands privilèges; ainsi toute personne, qu'elle fût grecque ou d'une autre nationalité quelconque, coupable d'un méfait, comme vol ou homicide, qui s'y refugierait, n'en pourrait être retirée.

Ce même jour, les ambassadeurs visitèrent une autre église, nommée Saint-Georges, où il y avait, devant la première porte, une grande cour, contenant beaucoup de jardins et de maisons; le corps de l'église se trouve au milieu de ces jardins, et devant la porte, du côté du dehors, il y avait un grand et beau baptistère sous son chapiteau, reposant sur huit marbres blancs entaillés de beaucoup d'images; le corps de cette église est d'une grande hauteur et tout couvert d'ouvrages en mosaïque, représentant, entre autres, l'ascension de notre Seigneur Jésus-Christ; le pavé, admirablement travaillé, est couvert de dalles en porphyre et en jaspe de beaucoup de couleurs, et de noeuds très-bien faits; les murs de l'église étaient ornés de la même manière, et au milieu du plafond est tracée en mosaïque l'image de Dieu le Père; au dessus de l'entrée est représentée la vraie croix que dans les nuages du ciel un ange montre aux apôtres, pendant que le Saint Esprit descend sur eux sous la forme d'une flamme; ce qui est exécuté en mosaïque merveilleusement bien faite. Il y avait dans cette église une grande sépulture en jaspe, couverte d'un drap en soie, où gisait une impératrice ²³).

Vu que la nuit approchait, il fut décidé que les ambassadeurs retourneraient à Constantinople mercredi, par la porte nommée «Quinigo» ²⁴), où ils devaient trouver le sieur Hilaire, dont il a déjà été question, et les autres personnes de la maison de l'empereur, qui les accompagneraient, ainsi que des chevaux de

monture, et qu'ils visiteraient alors la plus grande partie de la ville et des choses qui s'y trouvaient. Les ambassadeurs retourneraient ensuite dans leur logis à Péra, tandis que les autres personnes susmentionnées se rendraient chacun chez soi.

Mais il fut impossible aux ambassadeurs de se rendre le mercredi désigné à Constantinople, comme il avait été convenu, parce que ce même jour on apprit dans la ville de Péra que certaines galères vénitiennes étaient sorties à la rencontre de la flotte génoise qui revenait de la guerre, du royaume d'Alexandrie, sous le commandement de «Mosen Buchicate» (Boucicault); et que celui-ci avait défait ces galères, et leur avait tué beaucoup de monde et en avait pris plusieurs, mais que «Chastel-Morate», neveu de «Buchicate» avait été fait prisonnier²⁵); ces faits avaient lieu près de Modon.

Ces nouvelles causèrent un grand trouble dans la cité; on y arrêta plusieurs vénitiens, et l'on s'empara de quelques navires qui s'y trouvaient; ainsi, les autorités de la ville firent prendre une galiote, bien que c'est dans cette galiote que les ambassadeurs devaient se rendre à Trébizonde. Cela leur venait très-mal à propos, vu que le temps pressait et qu'ils ne pouvaient pas trouver un autre bâtiment aussi vite qu'ils l'auraient désiré; ils furent donc obligés d'en chercher un qui leur était indispensable pour pouvoir exécuter les ordres du roi, et envoyèrent dire au sieur Hilaire qu'ils ne pouvaient pas aller à Constantinople, comme ils l'avaient promis et décidé; mais qu'ils y iraient un autre jour. Le jour où se passaient ces choses-là, l'empereur arriva de la chasse et envoya aux ambassadeurs la moitié d'un «puerco» (sanglier) qu'il avait tué.

Puis jeudi, le 1-er novembre, les dits ambassadeurs passèrent à Constantinople et trouvèrent bientôt le dit sieur Hilaire et d'autres personnes de la cour, près de la porte de «Quinigo» où ils les attendaient; ils montèrent à cheval et partirent pour visiter une église nommée «Sancta Maria de la Cherne» (de Blaquernes) et située dans la ville près d'un château-fort, servant de demeure aux empereurs; ce fort a été démoli par un empereur, parce qu'il y avait été enfermé par son fils, comme il sera raconté ci-après²⁶). L'église de Sainte Marie de Blaquernes servait d'ordinaire de chapelle aux empereurs, et son corps était composé de trois nefs; celle du milieu était la plus grande et la plus

haute, et les deux autres étaient plus basses et avaient des galeries sortant sur la grande nef, laquelle, de même que les deux autres, était construite de la manière suivante : elles reposaient sur de grands piliers en jaspe vert, et les piédestaux étaient en marbre blanc entaillé de plusieurs dessins ; le plafond et les murs de ces nefs étaient jusqu'à moitié en dalles de jaspe de diverses nuances, avec beaucoup de noeuds et d'autres ornements exécutés avec beaucoup d'art ; le plafond de la nef centrale était très riche et fait à carreaux et enchaînures ; tout le plafond ainsi que les carreaux et enchaînures étaient dorés avec de l'or très-fin, car bien qu'une partie de l'église fût en mauvais état, l'ornementation et la dorure du plafond et de la salle étaient frais et beaux comme si on venait de les faire. Dans la nef principale il y avait un riche autel et une chaire, et cette église était très-riche et d'un haut prix ; le toit en était couvert de plomb.

Le même jour les ambassadeurs allèrent voir les reliques conservées dans l'église de Saint Jean, et qu'on ne leur avait pas montrées la première fois, parce qu'on n'en avait pas eu les clefs. Lorsqu'ils entrèrent dans l'église, les moines se revêtirent d'habits sacerdotaux et allumèrent beaucoup de flambeaux et de cierges ; ils prirent les clefs et montèrent, en entonnant leurs chants, une tour, où se trouvaient les dites reliques ; accompagnés des chevaliers de l'empereur, ils descendirent une arche rouge. En entonnant leurs chants plaintifs, les flambeaux et les cierges allumés, et avec beaucoup d'encensoirs, les moines portaient l'arche, qu'ils placèrent dans le corps de l'église, sur une haute table, couverte d'un drap de soie. L'arche était scellée avec deux cachets en cire blanche, appliqués sur deux fermoirs d'argent. Elle était en outre fermée avec deux serrures ; les moines l'ouvrirent et en firent sortir deux plateaux en argent doré, sur lesquels on posait les reliques, lorsqu'on les retirait de l'arche. Puis ils firent sortir un sac « de dimito blanco » (en bombasin blanc), cacheté avec un sceau en cire ; ils le décachèrent et en tirèrent une petite cassette ronde en or, dans laquelle était le pain que notre Seigneur Jésus-Christ donna le jeudi de la Cène à Judas, comme un signe qu'il le trahissait, et que Judas ne put manger. Cette cassette était couverte d'une étoffe (« condal », comp. Heyd, *Gesch. des Levantehandels*, II, 690) rouge,

cachetée avec deux sceaux de cire vermeille; le pain avait à peu près la largeur de trois doigts de la main. Ils ôtèrent aussi de ce sac une autre cassette en or, plus petite que la première, dans laquelle était enchâssé un flacon de manière qu'on ne pouvait l'en détacher; ce petit flacon était en cristal et contenait du sang sorti de la côte de notre Seigneur Jésus-Christ, lorsque Longinus le blessa avec sa lance. Ils tirèrent encore de ce sac une autre petite cassette en or, dont le couvercle était percé de petits trous comme une râpe, et dans laquelle se trouvait du sang qui avait jailli d'un crucifix que, dans la ville de Bairout, un Juif avait blessé par dérision; de plus, ils en tirèrent un petit flacon en cristal, muni d'un tampon avec une chaîne en or; dans ce flacon il y avait, enveloppés dans un petit morceau d'étoffe rouge, les cheveux de la barbe de notre Seigneur Jésus Christ, que les Juifs lui arrachèrent lorsqu'ils le crucifièrent. En outre, ils tirèrent du sac un reliquaire dans lequel il y avait un morceau de la pierre sur laquelle fut posé notre Seigneur Jésus-Christ lorsqu'on l'eut descendu de la croix. De plus, ils ôtèrent de la caisse une boîte carrée en argent doré, longue de deux paumes et demie; elle était cachetée avec six sceaux appliqués sur six paires de fermoirs ronds en argent; elle avait aussi une serrure à laquelle était suspendue une clef en argent; ils ouvrirent cette boîte et en tirèrent une planche toute couverte d'or, sur laquelle se trouvait le fer de la lance avec laquelle Longinus blessa notre Seigneur Jésus-Christ. Ce fer était mince comme la pointe d'un javelot ou le fer d'un carquois; ce fer était troué à l'endroit où il avait dû être emmanché dans le bois, et avait une longueur d'une paume et deux doigts; à l'extrémité de la pointe le sang était frais comme si le mal qu'on avait fait au Christ avec ce fer était arrivé tout récemment. Ce fer avait la largeur de deux doigts, et il était enchâssé dans cette planche qui était couverte d'or. Le fer n'était pas de couleur claire, mais foncé, comme s'il avait été rouillé («escuro como reniento»). A cette planche était aussi attaché un morceau du roseau avec lequel on frappa Jésus-Christ notre Dieu sur la tête, lorsqu'il était devant Pilate. Ce roseau avait la longueur de deux paumes et demie, et il était rougeâtre; sous le fer de la lance, ce roseau était attaché à la planche ensemble avec un morceau de l'éponge avec laquelle on donna à Jésus-Christ notre Dieu le fiel et le vinaigre, sur la croix. Dans la

dite cassette en argent, d'où ils avaient tiré la planche, se trouvaient les vêtements de Jésus-Christ notre Dieu, vêtements que les soldats de Pilate tirèrent au sort. Ils étaient pliés et cachetés avec des sceaux, afin qu'ils ne fussent pas coupés par ceux qui venaient les voir, comme cela était arrivé plusieurs fois. Une des manches ressortait hors des parties pliées (dobladura) et des sceaux. Les vêtements étaient en bombasin (dimitic) rouge, ressemblant au «cendal»; la manche était assez étroite, du genre de celles qu'on agrafe, et ouverte jusqu'au coude; elle avait trois petits boutons faits d'une espèce de cordonnet, à l'instar des noeuds des «piguclas» (chaînettes en cuir qu'on attachait au pied des faucons); les boutons et la manche et ce qu'on pouvait voir de la robe paraissaient d'une couleur plutôt rouge que rose; on eût dit qu'ils étaient non pas tissés, mais tricotés, car les fils paraissaient entrelacés. Lorsque les ambassadeurs allèrent voir ces reliques, des personnes notables et différents habitants de la ville, qu'ils rencontrèrent, les accompagnèrent dans l'église, se lamentant à haute voix et récitant des prières²⁷).

Ce même jour on visita un couvent de religieuses, nommé «Omnipotens», dans l'église duquel on leur montra un marbre sculpté, de différentes couleurs, et d'une longueur de neuf paumes; on dit que sur cette pierre fut placé Jésus-Christ notre Dieu, lorsqu'on le descendit de la croix; sur cette pierre on voyait les larmes des trois Marie et de Saint Jean, qu'ils versèrent lorsque Jésus-Christ notre Dieu fut ôté de la croix; ces larmes paraissaient comme gelées et comme si elles venaient d'être versées²⁸).

Il y a encore dans cette ville de Constantinople une église très révéérée, nommée Sainte Marie «de la Dessetria» (Odighitria). Dans cette église, qui est petite, demeurent des chanoines réguliers, qui ne mangent point de viande, ne boivent point de vin, ne mangent ni de l'huile ni aucune autre graisse, ni du poisson ayant du sang. Le corps de cette église est orné de mosaïque exécutée avec beaucoup d'art; dans cette église il y a une image de Sainte-Marie, représentée sur une pierre de taille; on dit que cette image fut tracée par le bienheureux et glorieux Saint-Luc, et qu'elle a accompli et accomplit encore chaque jour beaucoup de miracles; aussi les Grecs ont-ils pour cette image une grande vénération, et ils célèbrent en son honneur une grande fête. L'image est peinte sur une planche carrée qui a six paumes en lon-

gueur et autant en largeur ; elle est posée sur deux pieds ; cette planche est recouverte d'argent, et on y voit incrustés des saphirs, des émeraudes, des turquoises, des perles fines et beaucoup d'autres pierreries ; elle est placée dans une caisse en fer, et chaque mardi on célèbre en son honneur une grande fête, à laquelle s'assemblent un grand nombre de religieux et de gens pieux, et beaucoup d'autres personnes, auxquelles se réunissent les desservants de beaucoup d'autres églises ; et lorsqu'on dit les heures, on porte l'image hors de l'église, sur une place voisine ; elle est si lourde que trois ou quatre hommes la portent dehors, se servant d'une espèce de liens en cuir auxquels ils attachent des crochets qu'ils tirent pour faire avancer l'image. Après l'avoir fait sortir, on la dépose au milieu de la place, et tout le monde vient réciter des prières devant elle, en pleurant et en gémissant. Puis vient un vieillard qui, après avoir prié devant l'image, la soulève aussi facilement que si elle ne pesait rien. Après l'avoir portée en procession, ce vieillard la dépose dans l'église. Il est merveilleux qu'un seul homme soulève cette image, dont le poids était si grand ; aussi dit-on qu'aucun autre homme ne pourrait la soulever à l'exception de celui-ci, parce qu'il est d'une famille qui a reçu de Dieu le don de pouvoir la soulever. Chaque année, à certain jour de fête, on porte très-solennellement cette image dans l'église Sainte-Sophie, à cause de la grande vénération que le peuple a envers elle ²⁹).

Dans cette église est enterré un empereur, père de celui qui se trouve absent de Constantinople, d'où il avait été expulsé, parce que, dit-on, il a des droits à l'empire et aussi parce que le château de Constantinople avait été détruit. Celui qui est actuellement empereur à Constantinople s'appelle Chirmanoli, c'est à dire Manuel. Son frère avait été empereur avant lui, et il avait un fils qui était tellement désobéissant envers son père qu'il voulait se révolter contre lui ³⁰). Le Turc «Morato» (Murad), père de celui qui fut défait par Timourbeg, avait aussi alors un autre fils, qui lui était désobéissant. Or, le fils du Turc et le fils de l'empereur se liguèrent pour déposer leurs pères et monter sur le trône. Murad et l'empereur de Constantinople s'allièrent aussi contre leurs fils et marchèrent contre eux. Ils trouvèrent que ceux-ci se tenaient dans le fort de Gallipoli, qui appartient actuellement aux Turcs, et ils les assiégèrent, en convenant en-

semble qu'après s'être emparés de leurs fils, ils leur feraient crever les yeux, et qu'ils détruiraient ce fort, afin que cette rigueur pût servir d'exemple pour d'autres. En effet, ayant vaincu les jeunes princes, ils démolirent le fort, et le Turc fit crever les yeux à son fils; quant à l'empereur, il ressentit de la pitié pour le sien et ne voulut pas qu'on lui crevât les yeux, mais il le fit enfermer dans une prison très-profonde et obscure et le fit priver de la vue en employant des bassinoires chaudes. Son fils se trouvait déjà depuis quelque temps dans cette prison, quand l'empereur permit à la femme de celui-ci d'y aller demeurer avec lui; et cette princesse lui appliqua de tels remèdes sur les yeux qu'il recouvra un peu la vue. Un jour, cette femme se trouvant avec le fils de l'empereur, elle vit sortir un grand serpent d'un grand trou, et le dit à son mari; celui-ci se fit conduire par elle à l'endroit où le serpent s'était retiré; là, il attendit que le serpent se montrât et le tua de ses mains. Ce serpent était très grand et merveilleux, et on le montra à l'empereur, lequel fut pris de compassion envers son fils et ordonna qu'on le mit en liberté. Quelque temps après, celui-ci renouvela sa révolte, et s'empara de son père, qu'il tint quelque temps enfermé, jusqu'à ce que celui-ci fut délivré par quelques uns de ses chevaliers³¹). Alors le fils s'enfuit, et l'empereur s'empressa de démolir la tour où il avait été enfermé, et il deshêrita son fils et légua l'empire à ce même «Chirmanoli» (Manuel), son frère, qui règne encore à présent. Son fils laissa aussi un fils, nommé Démétrius. Et l'on dit que celui-ci a des droits à l'empire, et qu'il a failli se révolter contre l'empereur, et qu'ils ont stipulé entre eux l'arrangement suivant: ils devaient porter tous deux le titre d'empereur, et après la mort de celui qui règne actuellement, l'autre devait lui succéder; après la mort de celui-ci règnerait le fils de l'empereur actuel, et puis le fils de l'autre. De cette manière ils sont d'accord, mais je crains que l'un ou l'autre ne viole ces engagements.

Il y a dans la ville une citerne d'un très-bel aspect, nommée la citerne de «Mahomet»³²); elle est enduite de mortier et contient des piliers en marbre disposés de manière qu'ils forment comme 16 nefs ou compartiments; le plafond s'appuie sur 490 colonnes en marbre très-grosses; et cette citerne contient ordinairement beaucoup d'eau, pouvant suffire à une grande quantité de gens.

La ville de Constantinople a une très-bonne enceinte, étant entourée d'un mur très-haut et fort, et de grandes et fortes tours; cette enceinte forme trois angles, entre chacun desquels il y a une distance de six milles, de sorte que la ville a dix-huit milles ou six lieues de tour. Les deux tiers de cette ligne entourent la ville du côté de la mer, et le reste la clôture du côté de la terre ferme. Près de l'angle qui n'est pas du côté de la mer se trouve la palais de l'empereur³³). Et quoique la ville soit bien grande et d'un pourtour étendu, elle n'est pas toute bien peuplée, car elle contient beaucoup de collines et de vallons où l'on voit des terrains labourés et des jardins. Ceux-ci renferment des maisons pareilles à des habitations de faubourg; et tout cela se trouve au centre de la ville. Quant à la partie la plus peuplée de cette ville, c'est celle qui descend du côté de la mer. Le plus de mouvement s'y fait remarquer près des portes qui aboutissent au bord de la mer, surtout près de celles qui sont vis-à-vis de Péra, à cause des différents navires qui y arrivent et qu'on y décharge, et parce que les habitants des deux villes s'y rendent pour faire leurs transactions commerciales, et les font en cet endroit, près du bord de la mer. Il y a encore dans cette ville de Constantinople beaucoup de très-grands édifices : maisons, églises et monastères, mais dont la plupart sont en ruines. Il est évident qu'autrefois, lorsque cette ville florissait, elle a dû être l'une des plus importantes du monde. Et l'on dit qu'à coup sûr, aujourd'hui, cette cité contient 3000 églises, grandes et petites. Il y a dans la ville des fontaines et des puits d'eau douce; on y voit, dans un endroit situé un peu plus bas que l'église nommée des Saints-Apôtres³⁴), un pont qui s'étend d'un vallon à un autre, entre des maisons et des jardins; par ce pont est conduite l'eau servant à arroser ces jardins, et passe une rue aboutissant à une de ces portes qui se trouvent vis-à-vis de Péra. Au milieu de la rue où se trouvent les bureaux des changeurs, il y a, fixé par le centre au sol, un «cepo» (pièce de bois avec des trous par lesquels on passait le cou, les mains et les pieds des personnes qu'on y attachait). Cet instrument est destiné aux gens qui ont encouru quelque peine d'emprisonnement, ou qui ont enfreint quelques unes des règles ou ordonnances ayant force de loi dans la cité, ou qui vendent de la viande ou du pain avec de faux poids; on met là de pareils délinquants, et ils y doivent

rester jour et nuit, exposés à la pluie et au vent, et personne n'ose les approcher. Hors de la cité, entre le mur d'enceinte et la mer, en face de la ville de Péra, se trouvent beaucoup de maisons où l'on vend beaucoup de choses, ainsi que des magasins où sont déposées les marchandises destinées à être vendues et expédiées par mer. La ville de Constantinople est baignée par la mer, comme je l'ai déjà dit, et deux de ses parties s'étendent au bord de la mer; vis-à-vis est la ville de Péra, et entre les deux villes se trouve le port. Constantinople et Péra sont situées comme Séville et Triana, et le port et les navires sont au milieu. Les Grecs n'appellent pas la ville Constantinople, comme nous la nommons, mais: «Escomboli»³⁵).

Péra est une petite ville, bien peuplée, ayant un bon mur et des maisons bien construites et fort jolies; la ville et les maisons appartiennent à des Génois et au gouvernement génois. Cette ville est habitée par des Génois et par des Grecs, et elle est située si près de la mer qu'entre le mur d'enceinte et la mer il n'y a pas plus de largeur que celle qui est nécessaire au passage d'une «carraca». Le mur longe la mer et s'étend jusqu'à une colline au sommet de laquelle il y a une grande tour: de là on surveille et on garde la cité. Et cette colline sur laquelle est située la tour n'est pas si haute qu'elle ne soit surpassée en élévation par une autre colline, qui se trouve hors de la ville et qui est plus haute que la dite colline du dedans. C'est sur la colline extérieure que les Turcs avaient établi leur quartier général, lorsqu'ils assiégeaient Constantinople et Péra; de là ils combattaient et ils bombardaient ces villes avec leurs engins de guerre; de là ils livrèrent deux fois assaut à Péra, qu'ils bloquèrent du côté de la mer aussi bien que par terre. Et une fois ils s'acharnèrent pendant six mois contre cette ville, avec une armée forte de 400,000 hommes et une flotte de 60 galères et autres navires, et ils n'y purent pas entrer, et ne pénétrèrent même pas dans un de ses faubourgs, bien qu'il fût difficile de défendre la ville contre des troupes aussi nombreuses que l'étaient celles des Turcs; et il paraît que ceux-ci ne sont pas de bons combattants, puisqu'ils n'y purent pas entrer³⁶).

Entre la ville de Constantinople et celle de Péra la mer est étroite: elle n'a pas plus d'un mille ou de deux tiers de lieue de largeur; ce bras de mer sert de port aux deux villes, et je

crois que c'est le port le plus beau et le meilleur du monde entier, ainsi que le plus sûr, se trouvant à l'abri de tous les vents et pouvant affronter les vaisseaux ennemis, qui ne sauraient y pénétrer pour peu que les deux villes soient d'accord. Ce port est très profond et limpide, de sorte que le plus grand navire peut y jeter l'ancre tout près du mur d'enceinte, et aborder au moyen d'une planche, comme ferait une galère. De ces deux villes la distance est très-petite jusqu'en Turquie; vis à vis d'une pointe de Constantinople commence, sur la terre turque, une plaine contiguë à la mer, et que l'on nomme «Escotari» (Scutari). Et chaque jour, des deux villes dont nous nous occupons, partent beaucoup de barques pour se rendre en Turquie. Le bras de mer, en cet endroit, a une largeur d'une demi-lieue; puis, il change de direction. Voici de quelle manière la ville de Péra échut aux Génois: ils achetèrent d'un empereur le terrain dont la superficie pouvait être embrassée par la peau d'un boeuf, découpée en lanières; après quoi, sur cet emplacement, ils construisirent la ville, autour de laquelle ils élevèrent deux murs, et ils y englobèrent deux faubourgs voisins, plutôt par force qu'en vertu d'un arrangement à l'amiable. Mais l'empereur est le seigneur suzerain de la ville; il y a rendu obligatoire l'usage de sa monnaie et y conserve une certaine juridiction. Comme je l'ai rapporté, les Génois nomment cette ville Péra, tandis que les Grecs la nomment Galata; ils lui ont donné ce nom parce qu'avant la fondation de la ville il y avait, à l'endroit qu'elle occupe, des bergeries où s'assemblaient chaque jour les troupeaux et où l'on recueillait le lait qu'on envoyait vendre à Constantinople. C'est pour cela qu'on appelle cet endroit Galata, ce qui signifie dans notre langue: laiterie, car ils appellent le lait: *gala* ²⁷). Il y a environ 96 ans depuis que cette ville fut fondée ²⁸).

Dans cette ville de Péra il y a deux monastères riches en toute sorte de choses. L'un est celui de Saint-Paul; l'autre, celui de Saint-François. Et les ambassadeurs allèrent voir ces deux monastères. Celui de Saint-François contient beaucoup d'ornements, et il est bien pourvu de toutes les choses nécessaires; il renferme aussi des reliques richement ornées, qui furent montrées aux ambassadeurs, et qui sont les suivantes: d'abord, un reliquaire de cristal avec de précieux ornements, muni d'un pied en argent doré, et dans lequel se trouvaient les os du bienheureux Saint-

André et du glorieux Saint-Nicolas, ainsi qu'un morceau de l'habit du glorieux et bienheureux Saint-François. Puis on leur montra un autre reliquaire de cristal garni en argent, qui contenait un morceau du cilice («un hueso de la isalla») de Sainte Catherine. On leur fit voir, en outre, un autre reliquaire de cristal, avec de riches ornements en argent doré, et avec des pierreries et des perles fines, dans lequel se trouvaient des os du bienheureux Saint-Louis de France³⁹⁾ et de Saint-Cyr de Gênes⁴⁰⁾. On leur montra encore une cassette d'un très-beau travail, contenant des os des Innocents. De plus, on leur montra un os du bras de Saint-Pantaleon, ainsi qu'un os du bras de Sainte-Marie Madeleine et un os de celui de Saint-Luc l'Évangéliste, trois têtes de trois des 11,000 vierges, un os de Saint-Ignace, un «devoto» de la vierge Sainte-Marie. On leur montra encore le bras droit, moins la main, de Saint Étienne, le premier martyr, lequel bras était orné d'argent doré, de pierres précieuses et de perles fines. On leur montra aussi le bras droit, avec la main, de Sainte-Anne; il était recouvert d'ornements, mais il lui manquait le petit doigt, et l'on dit que l'empereur de Constantinople l'en avait détaché, pour le placer parmi ses reliques, et que cela avait donné lieu à un procès. On leur montra encore une croix en argent doré et garnie de pierreries et de perles fines, dans laquelle était incrustée une petite croix faite en bois provenant de la très-sainte vraie croix. En outre, on leur montra un riche reliquaire de cristal, avec de précieux ornements, qui contenait un os du glorieux Saint Basile. Puis on leur montra une très-riche croix en argent doré, avec de grosses perles fines et beaucoup de pierreries, et dans laquelle étaient incrustées beaucoup de reliques de saints. Il leur fut montré aussi un reliquaire de cristal avec beaucoup d'ornements, dans lequel se trouvait une main en argent, qui tenait, avec deux doigts tournés en haut, un os du bienheureux Saint-Laurent; on leur montra encore un sac couvert en argent, dans lequel il y avait des reliques du bienheureux Saint-Jean, de Saint-Denis et de beaucoup d'autres saints⁴¹⁾. On dit que ces reliques furent ravies par les Latins, lorsqu'ils s'emparèrent de Constantinople, et que plus tard le patriarche grec les a réclamées, ce qui donna lieu à un procès. On montra aussi aux ambassadeurs beaucoup d'ornements précieux, consistant en habits sacerdotaux, calices et croix. Dans

ce monastère est enterré, près du choeur, le grand maréchal de France qui fut fait prisonnier par les Turcs, après que ceux-ci eurent battu les Français, alliés du roi de Hongrie⁴³). Dans le monastère Saint-Paul sont enterrés le seigneur de «Truxi»⁴⁴) et beaucoup d'autres chevaliers que les Turcs ont fait empoisonner, après les avoir mis en liberté et touché le prix de leur rançon.

Les dits ambassadeurs restèrent à Péra depuis mercredi, jour de leur arrivée, jusqu'au mardi du 13 novembre, car pendant tout ce temps il leur fut impossible de trouver un bâtiment, quel que ce fût, pour se rendre à Trébizonde. Mais, comme l'hiver approchait et qu'il y avait du danger à naviguer sur la mer Majeure⁴⁵) en hiver, ils affrêtèrent, pour ne pas être retenus sur place, une goëlette, appartenant à un Génois, nommé Monsieur Nicolo Socato, et ils engagèrent celui-ci à se procurer des matelots et les choses qui leur étaient nécessaires. Le mardi susdit ils résolurent d'appareiller et de commencer leur voyage; néanmoins ils ne purent pas partir ce jour-là, parcequ'ils n'avaient pas à leur disposition les mariniers qui leur étaient nécessaires et que beaucoup d'autres choses leur manquaient encore.

Nous interrompons ici les paroles de Clavijo, en rapportant, pour conclure, que le voyage projeté des ambassadeurs ne put s'accomplir cette fois-là, c'est-à-dire en novembre 1403. Ayant fait voile, ils parvinrent seulement jusqu'au cap Carpi, près de l'île Kefken, et de là ils jugèrent opportun de retourner à Péra, où ils séjournèrent pendant l'hiver. Ils repartirent le 20 mars de l'année 1404, et arrivèrent à Trébizonde le 11 avril de la même année.

Le voyage de retour eut lieu en septembre et octobre 1405 et, pendant cette traversée, l'ambassade dont faisait partie Clavijo eut encore une fois l'occasion de s'arrêter à Péra.

Mais, dans le journal de voyage de Clavijo, il n'est plus question de Constantinople ni de ses monuments; et l'on n'y trouve plus rien qui ait trait à l'emploi du temps des ambassadeurs durant leur séjour hivernal aux abords de la résidence des empereurs byzantins et lors de leur second passage par Péra, à leur retour de Samarcé.

NOTES.

---

¹⁾ Après avoir fait mention de Michel, fils de l'empereur Manuel (Real-Encyclopaedie, 1 Sect., 86), Hopf (Chroniques gréco-romaines, p. 536) cite six autres fils de cet empereur dans l'ordre suivant: Théodore (+ 1433) Jean (+ 1439), Constantin (+ 1453), Thomas (+ 1465), Démétrius (+ 1470), Andronicus (+ 1429) et André, mort on ne saurait dire où et quand. Les historiens byzantins, Chalcocondylas, Ducas et l'auteur de l'histoire politique de Constantinople, qui ne parlent pas d'André, ne sont pas d'accord concernant l'ordre dans lequel ils mentionnent les autres six, auxquels Phrantzes (éd. Bonn. p. 121) ajoute encore, outre Michel, un second Constantin. Dans de pareilles circonstances, il me paraît impossible de dire quels étaient les trois princes mineurs que Clavijo a vus près de l'empereur. Je ferai seulement observer que parmi eux ne pouvait pas se trouver le dernier empereur grec, Constantin Dragasès, né en 1405.

²⁾ L'empereur Manuel avait marié sa fille naturelle, Isabelle ou Zampa avec le noble Génois Hilaire Doria (Hist. polit. ed. Bonn. 5). qui, pour se rendre digne de cet honneur insigne, avait préalablement renoncé à la foi de ses ancêtres pour entrer dans le giron de l'église grecque, au mois d'avril 1392 (Acta Patriarch. Const. N° 430).

³⁾ D'après Ducange (Constantinop. christ. II, p. 175), cette église de Saint Jean-Baptiste aurait été surnommée «pétréenne», parce qu'elle se trouvait tout près d'une maison qui, du temps de Justinien, avait appartenu au patricien Pierre. Mais, d'après l'opinion, plus vraisemblable, de Byzantios (ἡ Κωνσταντινοῦπολις, I, 565) l'église aurait été redevable de son surnom à cette circonstance qu'elle avait été construite dans une localité *pierreuse* ou

rocheuse au pied de la cinquième colline, près de laquelle se trouvait le palais des Blaquernes, appelé aussi «palais des grands» et situé près de l'angle des murailles du côté de la terre ferme (Constantiniade, trad. du grec par M. R., Const. 1846, p. 61). C'est donc le palais dans lequel Clavijo avait été reçu par l'empereur; c'était aussi la résidence impériale une trentaine d'années plus tard, d'après le récit d'un autre témoin oculaire, le chevalier bourguignon Bertrand de la Brocquière (*Voyage d'outremer*, etc., v. les *Mém. de l'Institut, Sc. morales et polit. P. an XII, t. V, p. 592*). Déjà en 1203 les croisés trouvèrent «moult grand tresor» (R. de Clary: *la Prise de Constantinople*, chez Hopf. l. c. 66) dans ce palais, de même que dans celui de Boucaléon, touchant à l'Hippodrome dont Clavijo parle plus bas; s'il ne dit rien de ce palais-ci, c'est parce qu'il avait beaucoup perdu de son ancienne splendeur sous les derniers Paléologues. Après la prise de Constantinople par les Turcs, Mahomet II le détruisit de fond en comble et employa les matériaux pour la construction du grand sérail. Le conquérant fit aussi démolir le palais des Blaquernes, et il n'en reste que la partie d'un mur, non loin de la porte du même nom, aujourd'hui: Eivan-Seraï-Kapusi (Constantiniade, 60, 61).

4) Le bras gauche brûlé et orné d'or et de pierreries, qui fut montré aux ambassadeurs, était évidemment le même que celui qu'une cinquantaine d'années auparavant le pèlerin russe Étienne de Novgorod (*Путешествія русскихъ людей по Святой землѣ. С.П.б. 1839 II, 26*) avait vu dans la même église et qu'il attribue non pas à Saint Jean-Baptiste, mais à un autre Saint Jean le Patron, qui avait embelli l'église et orné les images avec de l'or et des pierreries. Mais, à son tour, le voyageur russe se trompe lorsqu'il ajoute que le bras gauche de S. Jean-Baptiste se trouvait alors encore en Palestine. Car, en se rappelant que le bras droit du saint, que l'archevêque Antoine de Novgorod certifie avoir vu (1200), conservé au palais de Boucaléon, et que plus tard d'autres pèlerins russes, de même que Clavijo (comme nous le verrons plus bas) furent dans le cas de voir dans une église de la Vierge à Constantinople, — se trouve actuellement à Saint-Pétersbourg, dans l'église du Palais d'hiver (*Саввантовъ, Путешествіе Новгор. архим. Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII ст. С.П.б. 1872, p. 88*), on devra convenir que le «brachium J. B.» cédé par

l'empereur Baudouin II à un certain Othon de Cicons en 1261, ne pouvait être que le bras gauche du Précurseur (*Exuviae sacrae const. etc. II, 144—149*) et que, par cela même, ce bras, pas plus que l'autre, ne pouvait être le bras envoyé à Soissons en 1205, de Constantinople, sous prétexte que c'était un des bras du saint (*ibid. I, 7*). Par contre, il n'y aurait eu rien d'extraordinaire si, l'année suivante, «un des doigts» de la main gauche de Saint Jean-Baptiste fût tombé en partage à la ville de Beley (*ibid. I, 42*) et qu'un fragment de l'index de cette même main eût été porté en 1221 à Valenciennes par Pierre de Valenciennes, qui le tenait lui-même d'un chevalier anonyme honoré de ce présent par Baudouin. D'après le comte Riant (*ibid. I, CLXXXVIII*), le chevalier anonyme aurait pu être un certain Jean de Valenciennes, qui fut ambassadeur de Romanie à Rome en 1240 et aurait pu recevoir la relique en question de Baudouin II. Mais, comme ce dernier n'était monté sur le trône chancelant de Constantinople qu'en 1226, je serais plus porté à croire qu'il s'agit, dans ce cas, non pas de lui, mais aussi de Baudouin I; et que le chevalier anonyme n'était autre que Robert de Clary, qui, de retour de Constantinople, après la mort de l'empereur, aura fait présent du fragment de l'index à Pierre de Valenciennes, de même qu'il avait fait présent à la ville de Corbie d'un autre fragment d'un des doigts de S. Jean-Baptiste, «*de digito ejus*» (*ibid. II, 198*). Enfin le «*ex Brachio S. Joan. B.*» cité dans une liste des reliques envoyées en 1461 de Péra à Gênes, n'aurait pu être qu'un fragment de son bras gauche (*Atti della Societa ligure di Storia patria, XIII, p. 281 et 336*).

⁵⁾ Ce riche monastère, de même que la magnifique église qui en dépendait, n'existe plus, et les archéologues ne sont pas d'accord même au sujet de la place que ces édifices avaient jadis occupée. L'empereur Théodore qui avait fait construire l'église, y avait fait placer la face de Saint Jean-Baptiste. Lors du siège de Constantinople par les Latins, les Grecs cachèrent cette relique, avec plusieurs autres objets précieux, dans l'église de Saint-Georges de Mangana, d'où le chanoine de cette église, devenue latine, Walon de Sartou, l'envoya dans la ville d'Amiens, en 1206.

⁶⁾ Cette église, qui est celle de Périblepte, autrement nommée Soulou-Monastir, appartient aujourd'hui aux Arméniens. Étant

restée aux Grecs après la prise de Constantinople par Mahomet II, elle ne leur fut prise qu'en 1643 par le sultan Ibrahim, pour être cédée aux compatriotes d'une jeune Arménienne, sa favorite.

7) Clavijo parle ici des portraits de l'empereur Michel VIII et de son épouse Théodora avec leur fils Constantin au milieu; c'est dans ce dernier portrait que l'ambassadeur castillan a cru reconnaître une image de la Sainte-Vierge. Les portraits étaient encore visibles jusqu'en 1782—et disparurent alors à la suite d'un incendie.

8) C'est l'empereur Romain l'Argyre, qui fut en effet enterré dans cette église, qu'il avait fait bâtir en 1031 (Constantiniade, 117).

9) De même que tant d'autres églises, celle-ci avait en effet beaucoup souffert après la prise de Constantinople par les croisés, mais Michel VIII, après avoir chassé ceux-ci de sa capitale, avec l'assistance des Génois, avait fait restaurer l'église. Comme Clavijo n'a pas pu ignorer que cet événement important avait eu lieu presque un siècle et demi avant son arrivée à Péra, il me paraît que, par un malentendu quelconque, il aura confondu un acte de barbarie dont les Latins s'étaient rendus coupables avec la conduite désordonnée des Pérotes quatre-vingts et quelques années avant 1403. Au moins nous lisons dans les «Nuove convenzioni stipulate» le 12 mars 1308 entre l'empereur Andronicus II et la république de Saint-Georges (Atti della Societa ligure di Storia patria, XIII, p. 112) que certains Génois, non contents du quartier qui leur avait été concédé, s'étaient établis «extra fossatum Peyre», d'où ils faisaient journellement «brigas et gneras», ce qui avait donné lieu à beaucoup de scandales. Quant à la tombe de l'empereur mentionné, elle n'eût pu rester intacte jusqu'à cette époque, puisque les reliques de l'Ermitte Paul, qui avaient été déposées dans cette même église sous l'empereur Manuel Comnène, furent transférées de là à Venise en 1246 (Exuviae etc. I, CLVIII).

10) C'est le sarcophage de l'empereur Nicéphore Botaniate qui fut aussi enterré dans cette église en 1081.

11) Dans le récit de Clavijo nous devons distinguer ce qu'il ne fait que répéter par oui-dire de ce qu'il a vu de ses propres yeux. Ainsi pour la légende concernant le fait miraculeux à la

suite duquel le pouce manquait au bras droit du saint. Il paraît que depuis bien longtemps ce pouce avait été en effet détaché. Car, tandis que l'archevêque de Novgorod le vit encore dans le palais de Boucaléon (Exuviae, II, 228), un des doigts de ce même saint était alors conservé dans le monastère dit de Studius, d'où l'empereur Baudouin I a pu le faire prendre pour le donner à l'évêque de Halberstadt, qui, en 1205, le fit transférer, avec beaucoup d'autres reliques, de Constantinople dans son pays. Nous ignorons depuis quand ce doigt pouvait s'être trouvé dans cette ville; quant au bras droit du saint, nous savons qu'il avait été transféré d'Antioche (avec ou sans pouce), dans le X siècle, à Chalcédoine et de là à Constantinople, et placé dans le palais de Boucaléon (Саввантовъ, l. c.); de ce palais le bras fut transféré dans l'église de la Vierge, d'après le témoignage des pèlerins russes, bien avant le temps de Clavijo. Le bras resta dans cette église jusqu'à la prise de Constantinople par les Turcs. Ayant appris l'existence de cette précieuse relique, Bajazet II l'envoya, en signe d'estime, en 1484, au grand-maître de l'ordre de Saint-Jean de Jérusalem, Pierre d'Aubusson, qui la fit placer dans l'église de Saint-Jean à Rhodes, d'où elle fut transférée, après la prise de Rhodes par Soliman, dans l'église de Saint-Jean à Malte. Lorsque l'empereur de Russie Paul eut accepté le titre de grand-maître de cet ordre, le bras droit du saint fut envoyé à Gatchina d'où il fut bientôt après transféré à Saint-Pétersbourg (Муравьевъ, Письма, С.П.б., 1851, p. 40).

¹²⁾ Les restes mortels intacts de Saint-Grégoire, que Clavijo vit dans cette église, ne pouvaient pas être ceux de Saint-Grégoire de Nazianze, dit *le Théologien*, parce que ce n'est que sa tête qu'on gardait dans cette même église, d'après le témoignage unanime de plusieurs pèlerins russes qui l'avaient visitée avant et après les ambassadeurs castillans; nommément: Étienne de Novgorod en 1350, le diacre Ignace en 1389, le secrétaire Alexandre en 1395 et l'hiérodiaque Zosime en 1420 (Архим. Леонидъ. Иерусалимъ, Палестина и Афонъ по русскимъ паломникамъ XIV—XVI в., въ Чтен. Моск. Общ. Истор. и Древн. росс. 1871, кн. I, стр. 20). Si le premier raconte avoir vu dans cette église la main du même saint, il l'aura confondu avec un autre saint du même nom, enterré là, d'après le témoignage d'Ignace, qui ne voit dans lui qu'un saint martyr anonyme, et

de Zosime, qui le désigne en parlant de son «prêtre Grégoire de Nicomédie». Du reste, Étienne lui-même dit encore que le tombeau de Saint Grégoire le «Théologien» se trouvait dans l'église des Saints-Apôtres, où ses reliques furent vues par Ignace, de même que par l'archevêque Antoine à qui nous devons tant de détails intéressants sur Constantinople avant la prise de cette ville par les croisés. Puisque Clavijo parle ici non pas de Grégoire le Théologien, mais du Saint Grégoire qu'avaient en vue Ignace et Zosime, il nous sera permis de supposer qu'il est question chez lui de *Saint-Grégoire l'Arménien*, surnommé *l'Illuminateur* et dont le corps se trouvait encore en l'an 1200 dans l'église de Sainte-Sophie (Exuvije, II, 223). Nous ne nous étonnerions pas si les Grecs, après avoir dû céder cette église aux conquérants latins, eussent transféré le corps du saint dans l'église de la Vierge, qu'ils avaient gardée, et c'est pour cela peut-être que l'Arménienne, favorite du sultan Ibrahim, avait désiré que celui-ci fit céder nommément cette église par les Grecs aux Arméniens. Si le compagnon de voyage de l'archevêque Pimène avait raison de voir dans Saint-Grégoire l'Arménien un saint martyr, l'hierodiacre Zosime, qui avait visité les sanctuaires de la ville de Constantinople, s'étant fait accompagner par des touristes peu versés dans l'histoire de l'église et mauvais géographes, aura pu le faire passer pour un simple prêtre de Nicomédie. Il se pourrait que leur cicérone eût confondu cette ville avec Césarée, parce que dans l'une et l'autre siégeaient des métropolitains grecs, relevant du patriarcat de Constantinople (Mostras, Dict. géogr. de l'empire ottoman, 9 et 147). On sait que c'est à Césarée que Saint-Grégoire l'Arménien avait été consacré évêque; mais je ne saurais dire quand ses restes mortels furent transportés d'Arménie à Constantinople. En 1157, on n'y aurait possédé que sa tête, à en juger d'après le catalogue des reliques constantinopolitaines attribué au pèlerin islandais Nicolas Saemunderson (Antiq. russes, II, 416, cité par Riant l. c. II, 213), qui, dans ce cas, aurait pu lui attribuer la tête de Saint-Grégoire de Nazianze. Il est vrai que dans ce catalogue sont aussi inscrits les cheveux de ce saint, mais il paraît que, de même que l'«os femoris S. Gregorii», qu'on pouvait voir vers ce même temps dans l'église des Saints-Apôtres, ceux-là faisaient partie des reliques de Saint-Grégoire

de Nazianze, qu'on montrait à Constantinople déjà vers 1120 (Will. Malmesbery. IV, 356, cité par Riant, II, 211).

¹³⁾ On s'expliquera aisément l'enthousiasme avec lequel Clavijo parle de cette «virga de Jesse del linage donde vino la Virgen Sancta Maria», en se rappelant que depuis longtemps on avait commencé à représenter sous forme de dessins ou de peintures l'arbre généalogique du Sauveur, en se réglant sur la prédiction d'Isaïe (XI, 1): «Il sortira un rejeton du tronc d'Isaï, et un surgeon croîtra de ses racines». Une des plus célèbres représentations de ce sujet est celle qu'on voit sur le plafond en bois de l'église de Saint-Michel à Hildesheim, et qui a été exécutée vers le commencement du XIII-me siècle. Les principales phases de la généalogie du Christ y sont représentées dans les grands *champs* du milieu. D'abord Adam et Ève à leur chute; puis Jessé dormant dans sa couche, d'où l'on voit s'élever l'arbre. Après lui vient son fils David sur son trône; puis suivent trois autres rois de sa dynastie (d'après Mathieu). Le septième champ est occupé par l'image de Marie assise; dans le huitième et dernier est représenté le Sauveur sur un arc-en-ciel, avec un livre ouvert et ayant l'air d'enseigner. D'autres ancêtres de Jésus-Christ sont représentés par des images demi-figure à la bordure du plafond, dans des médaillons entourés d'arabesques, ou sur des fonds intercalés entre les champs principaux, lesquels sont ronds ou en losange. Sur ces fonds se trouvent représentés: les symboles des évangélistes, près du champ où est l'image de Jésus-Christ; et les quatre vertus cardinales près de celui où figure l'image de Sainte-Marie. Deux bandes qui se suivent entre la bordure et les champs du milieu contiennent les quatre fleuves du paradis, les quatre évangélistes et des rangs de prophètes, entre lesquels, cependant, près de Marie, on aperçoit l'archange Gabriel, de manière que Sainte-Marie est représentée s'occupant à filer, au moment de l'annonciation. De cette même époque datent les vitraux représentant l'arbre de Jessé dans les cathédrales de Mans et de Dorchester, tandis que dans la bibliothèque de la cathédrale de Trèves on montre une miniature sur le même sujet dans un *Évangélaire* encore plus ancien (approximativement de l'an 1200), mais postérieur à l'arbre de Jessé qui se trouve sur la porte en bronze de l'église de Saint Zénon à Vérone. Sous le rapport du style, cet ouvrage ne dénote en rien l'influence de l'art byzantin,

comme je viens de l'apprendre par un juge très-compétent dans ces matières, M-r Édouard Dobbert à Berlin. En même temps celui ci m'écrivit, répondant à ma demande, qu'il ne saurait encore me dire au juste si c'est dans l'Europe occidentale qu'on a d'abord essayé de représenter l'arbre de Jessé ou si la priorité, sous ce rapport, appartient à Byzance. Dans le *Manuel de peinture du mont Athos* (Ἐπιτηδεύματα τῆς ζωγραφικῆς) sont insérées des règles, prescrivant de représenter ce sujet de la manière suivante :

«§ 208. Comment on représente l'arbre de Jessé (Πῶς ἰστροπίζεσται ἡ ρίζα τοῦ Ἰεσσαΐ). Le juste Jessé dort, et de son dos sortent trois branches ; deux d'entre elles sont petites et s'entrelacent ; la troisième est grande et monte en haut ; et c'est dans cette branche que sont entrelacés les rois des Hébreux depuis David jusqu'au Christ : d'abord David, portant la harpe ; puis, Salomon ; au-dessus de Salomon les autres rois, dans l'ordre chronologique, portant le sceptre ; et, au sommet de la branche, la naissance de Jésus-Christ et des deux côtés les prophètes avec leurs prédictions ; entrelacés dans les branches ils regardent Jésus-Christ et le montrent. Parmi les prophètes on voit les sages de la Grèce et le voyant Balaam ; ils tiennent des inscriptions, contenant des sentences qu'ils sont censés prononcer, et contemplent la naissance du Christ».

Prenant en considération le caractère stationnaire par lequel se distingue en général l'art byzantin, on ne risquera pas de se tromper en assurant que, par sa forme, le chef-d'oeuvre admiré tant par Clavijo aura dû ressembler au dessin-modèle du Hagion-Oros.

¹⁴⁾ L'auteur parle de l'église de S-t. Baptiste ou couvent de Studius, ainsi nommé à cause du patricien Studius, qui vivait du temps de Léon le Grand (457—474). Démolie et presque réduite en cendres après la IV-me croisade, elle ne fut réédifiée qu'en 1293 par Constantin Paléologue, frère d'Andronicus le Vieux. Dans ce couvent résidait jadis le chef de mille moines, le courageux ascète Théodore, surnommé le Studite. Transformée en mosquée, cette basilique antique, s'appelant maintenant Emir-Achor-Djami, se trouve près des Sept-Tours et de la Porte-Dorée, aujourd'hui Ghèdi-Koulé-Kapoussi. Un des côtés de cette mosquée, de même que les 12 colonnes dont parle Clavijo, fut détruit par un grand incendie en 1782. Dans la cour de la mosquée on voit encore l'ancienne citerne de l'église soutenue par 23 colonnes d'ordre corinthien (Constantiniade, 99).

¹⁵⁾ Encore du temps de Gillius (De Topogr. Constant. etc.), l'hippodrome, en ture At-meidan (marché aux chevaux), avait 370 mètres de long sur 185 de large, tandis qu'aujourd'hui sa longueur est d'à peu près 250 pas sur 150 en largeur. Lors de la prise de la ville par les croisés, cette place était ornée d'un grand nombre de statues en marbre et en bronze, entre autres des quatre fameux chevaux de Lysippe, qui sont maintenant à la basilique de S-t Marc, à Venise. Il reste encore dans la cour du musée, à Constantinople, un trophée, et dans une cour, à Calata, une chaise en marbre, peut-être du nombre de celles qui ornaient cette place encore du temps de Clavijo. Son témoignage qu'on n'avait pas discontinué de célébrer les jeux publics sur cette place est confirmé par celui des pèlerins russes de son temps et de l'écuier bavarois Schiltberger (Reisebuch etc., p. 137, éd. Neumann), qui visita Constantinople une vingtaine d'années après lui. Il ne faut donc pas prendre à la lettre la remarque de Dethier (Le Bosphore et Constant, p. 42) que depuis la conquête latine cette place ne vit plus les jeux du cirque. Il est vrai que, de même que le grand palais adjacent, cette place fut négligée vers la fin de l'empire; aussi ne fut-ce pas là qu'eut lieu la fête à l'occasion du mariage d'un des parents de l'empereur, fête à laquelle Bertrandon avait assisté comme spectateur, en 1432 (L. c. 567).

¹⁶⁾ Par cette colonne Clavijo entend l'obélisque ou plutôt la moitié de l'obélisque égyptien transporté de Héliopolis à Byzance, où ce monolithe, qui existe encore à l'hippodrome, avait été érigé en 400 ap. J. C., comme on le voit par l'inscription latino-grecque et les sculptures du piédestal qui représentent des scènes de l'hippodrome sous Théodose et Arcadius (Dethier l. c. 41).

¹⁷⁾ Il va sans dire qu'ici encore Clavijo ne fait que répéter fidèlement ce qu'on lui avait raconté au sujet de la fameuse colonne serpentine en bronze qui reste à son ancienne place, mais privée de son chapiteau à trois têtes, dont l'une fut coupée par Mahomet II, tandis que les deux autres furent volées en 1780. D'après M. Dethier (p. 41), il n'est plus permis de douter que cette colonne, qui n'a maintenant que cinq mètres de hauteur, soit le trophée que les Grecs érigèrent au temple de Delphes, après la victoire de Platée, et que le trépied d'or soutenu par les

trois têtes eut été déjà enlevé par les Hellènes eux-mêmes pour solder les troupes qui allaient combattre Philippe de Macédoine.

¹⁹⁾ C'est dans la 17-me année de son règne que Justinien fit ériger ce monument, qui subsistait encore quelques années après la prise de Constantinople par les Turcs. Ce ne fut qu'en 1525 que la colonne fut renversée et brisée, et que tout le cuivre de la statue équestre de l'empereur fut fondu. Bertrandon (l. c. p. 563), qui, par mégarde, la prit pour une statue de l'empereur Constantin, ne dit rien du globe d'or dans la main gauche du cavalier, et nous apprenons par une saillie de Schiltberger (éd. de 1859) qu'il n'y était plus de son temps: «Nun hat er (c'est-à-dire l'empereur grec) des gewalts nit mer, so ist och der apfel fürder». Par contre, l'hierodiacre Zosime certifie que cet emblème se trouvait encore à sa place en 1420. Nous devons croire, en conséquence, qu'il avait disparu entre les années 1420 et 1427, et nommément après la mort de l'empereur Manuel (+ 1425), lorsque son fils et successeur Jean VIII se vit forcé de reconnaître la suzeraineté de la Porte et de lui payer un tribut surpassant de beaucoup le peu d'argent comptant qu'il possédait encore (Zinkeisen, Gesch. Griechenl. I, 533). On objectera peut-être à ce que je viens de dire, que la remarque de Schiltberger se trouve déjà dans la traduction latine des mémoires du chevalier anglais Mandeville ou Maundeville, dont le séjour (très-problématique, du reste, comp. Peschel, Gesch. der Erdkunde, 164) à Constantinople aurait dû avoir lieu avant 1377, année où les Turcs, par la prise de Galipoli, se rendirent maîtres du Bosphore.

Que vers ce temps la *pellu dorada* de Clavijo se trouvait encore dans la main gauche de l'empereur, cela est du reste constaté par le témoignage d'Étienne de Novgorod (1350) ainsi que par le pèlerin allemand Guillaume de Baldensel ou Alvensleben (Срезневский, Хоженіе за три моря А. Никитина, стр. 278). En conséquence, je serais porté à croire que la remarque ironique, rappelant celle de Schiltberger, ne se trouvait pas encore dans le manuscrit original du chevalier anglais, qui l'avait composé en 1356, après son retour de l'orient, et qui l'avait copié en partie, à ce qu'il paraît, des mémoires du missionnaire Oderico de Pardenoue, qui était parti pour l'orient en 1316 et y avait séjourné 15 ans.

Après tout cela il me sera permis d'émettre la supposition que les éditeurs postérieurs de l'itinéraire de sir John Maunde-

ville auront ajouté à l'original la remarque, de plus en plus justifiée par les circonstances, de Schiltberger, de même qu'ils l'ont fait avec beaucoup d'autres passages empruntés par eux chez d'autres auteurs (Hallwell, *The voyage and traivale of sir John Maundeville*, London, 1839, et: Schönborn, *Geograph. Untersuchungen über J. Maundeville*, Breslau, 1840).

¹⁹⁾ Aucun des pèlerins russes cités ou des autres voyageurs contemporains de Clavijo n'entre dans tant de détails que lui sur cette célèbre église et surtout sur la miraculeuse pierre blanche qui avait excité à un si haut point l'admiration superstitieuse des visiteurs espagnols; mais certainement cela n'ôte rien à l'importance du témoignage du diplomate castillan, de même que, par exemple, Marco Polo, qui admet qu'un savetier avait fait bouger une montagne, n'en a pas moins rendu à la science, par son immortel ouvrage, des services qu'aucun autre voyageur, avant ou après lui, n'a surpassés.

²⁰⁾ Le saint patriarche dont les restes mortels reposaient dans cette église était Arsénus, qui avait occupé deux fois le siège patriarcal, à Nicée, depuis 1254 jusqu'en 1259, et à Constantinople de 1261 à 1266. Excommunié par suite de l'inculpation d'avoir trempé dans une conspiration contre l'usurpateur Michel VIII, il mourut dans l'exil, en 1273. Mais, comme il avait laissé beaucoup de partisans, l'empereur Andronicus consentit (1284) à la translation de son corps de Proconnèse à Constantinople, dans l'église de Sainte Sophie, d'où il fut transporté dans une autre église (v. Muralt, *Essai de chronogr. byzant.* II, 488). Plus tard, on aura dû replacer les reliques, au moins en partie, dans l'église de Sainte Sophie, parce que c'est là que Clavijo les a vues en 1403; aussi son témoignage est-il confirmé dans ce cas par celui de tous les quatre pèlerins russes que plus d'une fois nous avons cités (Архивъ Леонидъ, l. c. стр 34).

Tous, d'accord avec Clavijo, le font aussi passer pour un saint, bien que son nom manque dans la liste des saints de l'église grecque.

²¹⁾ Si les pèlerins russes mentionnés ne parlent que d'un lit en fer, sur lequel on grillait jadis les martyrs chrétiens, ils avaient certainement en vue la couche ardente sur laquelle expira Saint-Laurent, le 10 août 258. Du moins Bertrandon, après avoir fait observer qu'on lui avait dit (p. 560) que l'église de

Sainte Sophie possédait l'une des robes de Notre Seigneur, le fer de la lance qui le perça, l'éponge dont il fut abreuvé et le roseau qu'on lui mit en main, ajoute : «Moi je dirai que derrière le choeur on m'a montré les grandes bandes du gril où fut rôti Saint Laurent».

²²⁾ C'est la grande citerne, le *Yéré-balan-seraï* ou *Palais sous terre* des Turcs. Construite par Constantin le Grand, cette solide bâtisse existe encore aujourd'hui. L'entrée se trouve dans une cour voisine de l'église, et sous cette cour se présente une vue magnifique sur ce lac immense avec la file infinie de colonnes et de voûtes plus solides que belles (Dethier, l. c. p. 44).

²³⁾ Cette haute et magnifique église n'est autre, si je ne me trompe, que la «belle» église de Saint Georges, qui avait d'après Bertrandon, vis-à-vis de la côte turque, une tour, à l'endroit où le passage (du Bosphore) était le plus étroit. S'il en est ainsi, les deux voyageurs ont dû avoir en vue le monastère de Saint-Georges des Manganes, ainsi nommé à cause de sa proximité de l'ancien arsenal et situé, d'après l'hierodiacre Zosime, près de l'embouchure de la Corne d'or dans le Bosphore. Cette église étant du nombre de celles que les Grecs avaient dû céder aux catholiques romains (1204), on s'explique comment Ville-Hardouin a pu dire (Hist. de la conquête de Const., § 334) que l'un de leurs principaux chefs, le comte Hugues de Saint-Pol, mort de la goutte en 1203, a pu être enterré «en l'église de Monseigneur saint George de la Mange». Après la restauration de l'empire grec, cette église fut rendue aux orthodoxes, et elle leur appartenait du temps de Clavijo et de Bertrandon, qui ne dit rien de la tombe de l'impératrice anonyme, que les pèlerins russes passent aussi sous silence, à l'exception de l'un d'eux, c'est-à-dire d'Étienne de Novgorod, qui avait peut-être en vue cette même tombe, quand il raconte que l'église de Saint-Georges contenait la sépulture d'une Sainte Anne (Путешествия русскихъ людей, II, 20).

²⁴⁾ Cette porte, dite du chasseur (πόλη τοῦ κυνηγοῦ), actuellement murée, se trouvait du côté de la Corne d'or, non loin de l'ancien palais des Blaquernes et de la porte d'Eivan-seraï, construite après la prise de Constantinople par les Turcs.

²⁵⁾ Clavijo parle ici de la bataille navale qui eut lieu le 7 octobre 1403, près de Modon, entre les Vénitiens et les Génois,

et où ces derniers étaient commandés par le célèbre *maréchal de France* et gouverneur de Gênes Jean le Maingre dit Bouciquault ou Boucicault. On peut lire une description détaillée de cette bataille dans les *Mémoires* de celui-ci, ajoutés par Buchon au 3-me tome de son édition des *Chroniques* de Sire Jean Froissart (Paris, 1840). Bien que, d'accord en cela avec Clavijo, le maréchal s'attribue la victoire dans cette rencontre, il avoue cependant qu'elle lui avait coûté cher et que les Vénitiens avaient fait beaucoup de prisonniers, parmi lesquels se trouvait «le vaillant et bon Chasteaumorant qui le jour avait souffert et moult fait d'armes» (p. 638—639).

Quant au mot «Mosen» qui précède chez Clavijo le nom du *maréchal* français et «connétable grec», il nous rappelle la forme catalane du titre «Monseigneur» et montre que c'est ainsi que les Génois intitulaient le *vicair*e du roi de France dans leur ville. Autrement l'ambassadeur castillan aurait placé devant son nom le titre équivalent de «Messir», qu'il emploie partout où il s'agit, chez lui, d'un personnage très-haut placé.

²⁶⁾ La tour ruinée, sur laquelle Clavijo revient plus bas, était celle d'Anéma, ainsi nommée, comme nous l'apprenons par Anne Comnène, parce que Michel Anéma, qui sous Alexis Comnène avait visé à la royauté, y fut enfermé le premier et y resta longtemps. Cette tour se trouvait en effet tout près de l'église attenante au palais des Blaquernes, et les restes qui en existent encore montrent qu'elle a dû faire partie d'un ancien palais. On voit par les détails dans lesquels Clavijo entre sur l'empereur qui avait été emprisonné par son fils, qu'il parle de Jean V (1341—1391) et de son fils aîné Andronicus.

²⁷⁾ Pour ce qui est des reliques conservées dans cette église, aucun voyageur du temps de Clavijo n'entre dans autant de détails que lui, tandis que son témoignage concernant quelques unes de ces reliques, comme, par exemple, le fer de la lance, l'éponge et le roseau, etc., s'accorde avec ce qu'en dit l'hierodiacre Zoïme (Архип. Леонидъ, l. c., стр. 58), de manière que Bertrandon (56) n'aura pas eu tort de mettre en doute que de son temps ces reliques se fussent trouvées dans l'église de Sainte-Sophie.

²⁸⁾ On comprend au premier abord qu'il s'agit ici de la belle église de «Pantocrator», qui appartenait aux catholiques pendant l'empire Latin (Dethier, 3), et c'est peut-être pour cette

raison que Clavijo ne la désigne que par la traduction latine de son nom, bien que depuis longtemps elle avait dû être rendue aux Grecs. Fondée par l'impératrice épouse de Jean Comnène, cette église fut terminée par son fils Manuel. Transformée en mosquée, elle s'appelle aujourd'hui Zeirek-Djamissi. Outre le cloître de femmes attaché à cette église, il y avait encore tout près d'elle, à ce que rapporte Clavijo, un autre monastère, car nous apprenons par Bertrandon (563) que «la jolie église de Panthéocrator» était occupée par des religieux caloyers, qui lui rappellent les moines de l'Observance des catholiques. C'est seulement de ce monastère que sont mentionnés Antoine de Novgorod et les autres pèlerins russes, en faisant observer que c'est précisément là qu'ils avaient vu les larmes de la Sainte Vierge sur la sainte planche ou table, laquelle, selon Étienne de Novgorod, aurait été apportée de Jérusalem à Byzance par Sainte Hélène. Le malicieux Bertrandon (564), à qui l'on avait aussi montré la table avec les larmes que la sainte Vierge avait versées sur le corps de Notre Seigneur, les prit d'abord pour des gouttes de cire et y porta la main pour les tâter; mais après s'être baissé afin de les regarder horizontalement et à contre-jour, il lui sembla que c'étaient «gouttes d'eau engellées». Sans vouloir discuter la question de savoir s'il en était ainsi, nous remarquerons qu'il se trompe assurément lorsqu'il affirme avoir vu dans cette même église les tombeaux de Constantin et de sa mère, et que le corps de Sainte Hélène avait été transporté de là à Venise, tandis que celui de son fils s'y trouvait encore. Car nous savons positivement que tous les deux avaient été enterrés dans une tout autre église, c'est-à-dire dans celle des Apôtres, et c'est là que leurs cercueils, placés l'un tout près de l'autre, avaient été vus non pas seulement par Robert de Clary (Hopf, Chron. Gréco-Rom. 68) et par l'archevêque de Novgorod, mais aussi par d'autres pèlerins russes du XIV et du XV siècle.

²⁹⁾ Cette image miraculeuse de la Sainte Vierge ayant été apportée de Jérusalem à Constantinople, sous l'empereur Marcien, par son épouse Pulchérie, fut placée par elle dans une église qu'elle avait fait construire et dédiée à la Sainte Vierge «hodéghitria» (conductrice), nom qui se présente chez Clavijo sous une forme si étrangement altérée. On croit que cette église, qui n'existe plus, était située non loin de la porte actuelle d'Achor ka-

poussi» (des écuries), du côté de la mer de Marmara. Sous les successeurs de Marcien, il fallait nécessairement transférer l'image ainsi que d'autres objets quelque autre part, lorsque des réparations ou la reconstruction d'anciennes bâtisses tombées en ruines étaient devenues indispensables. C'est à cette circonstance que nous devons attribuer l'habitude de transporter cette image dans l'église de Sainte-Sophie, habitude dont parle aussi l'archevêque de Novgorod, avec cette différence que de son temps on transportait l'image dans le palais impérial, où elle restait depuis la 5-me semaine du carême jusqu'à Pâques (Саввантовъ, 95). Si les autres pèlerins russes ne parlent pas de cette cérémonie, au moins décrivent-ils la grande fête qu'on célébrait dans l'église Odeghitria chaque mardi; l'un d'eux, Étienne de Novgorod, s'exprime même, à ce propos, dans des termes identiques à ceux dont se sert Clavijo. De même que lui, tous ces pèlerins étaient persuadés que cette image de la Sainte Vierge avait été peinte par Saint Luc en personne, et certainement il s'agit dans ce cas (comme l'avait supposé M. Riant, I, CLXII) de l'icône de la Vierge que la légende attribue à cet évangéliste; que Robert de Clary (p. 53) décrit, et que les Vénitiens enlevèrent de Sainte-Sophie, mais qu'ils perdirent en 1261 (Acropolita, ed. Bon. p. 88, 496, 497). Il faut se garder de confondre cette image, qui se trouvait en 1308 à Constantinople et ne disparut qu'en 1453, avec une autre magnifique image de la Sainte Vierge, que les Vénitiens s'étaient aussi appropriée à la prise de Constantinople et qui se trouve encore aujourd'hui au musée de S-t Marc (Саввантовъ, 147; comp. Hopf, l. c. 68).

³⁰⁾ L'empereur enterré dans cette église n'était autre que le père de Manuel, Jean V (1341—1391), qui, en 1369, s'était décidé à entreprendre un voyage à Rome, dans l'espoir d'être secouru par le pape contre les Turcs, lesquels avaient porté leurs armes victorieuses jusques dans les environs de Constantinople. Dans ce voyage, l'infortuné empereur s'était fait accompagner par le riche Génois Francesco Gattiluso, à qui il avait donné sa sœur Marie en mariage, après lui avoir cédé préalablement l'île de Lesbos, en récompense des services que Gattiluso lui avait rendus dans sa lutte avec l'anti-césar Jean VI Cantacuzène (1355). Selon l'opinion généralement admise, ce seigneur de Lesbos serait mort en 1401, victime d'un tremblement de terre qui avait

aussi coûté la vie à deux de ses fils ; seul leur frère cadet aurait eu la vie sauve. Mais nous apprenons par Clavijo (p. 44 de l'éd. de 1782) que cette catastrophe avait eu lieu une vingtaine d'années plus tôt, et que le fils qui l'avait échappé belle s'appelait Juan. La soeur de ce Juan (évidemment identique avec le fils de François, Jacob, qui n'aurait succédé à son père qu'en 1401), Eugénie, avait été mariée vers ce temps avec le corégent de Manuel ou le jeune empereur comme l'appelle Clavijo, c'est à dire avec Jean, fils d'Andronicus, frère aîné de Manuel. C'est à cet Andronicus que se rapporte le récit assez exact de son alliance criminelle avec le fils de Bajazet, relativement au nom duquel les auteurs byzantins s'accordent tout aussi peu que sur l'époque quand les deux princes s'étaient soulevés contre leurs pères. Par contre, il est constaté que le fils d'Andronicus, Jean (VII), avait été mêlé, encore tout jeune, dans la lutte entre son père et son grand-père, et qu'il avait eu plus tard des démêlés avec son oncle Manuel ; mais les auteurs byzantins ne disent pas qu'il ait jamais intrigué contre son père. Toutefois leur silence ne peut pas encore servir de preuve qu'il n'ait pas commis la faute que lui reproche Clavijo ; car les historiens byzantins ne s'accordent pas même sur l'époque quand se termina la carrière aventureuse d'Andronicus ici-bas ; c'est ainsi que, d'après les uns, il serait mort en 1385 (Muralt, Chr. byz.), tandis que nous apprenons par Chalcocondylas (éd. Bonn. 63) qu'il était encore vivant en 1389 ; et la preuve que cet auteur n'a pas commis un anachronisme nous est fournie par un document génois d'après lequel il était encore en relation avec le gouvernement de Péra en 1300 (Atti della Soc. lig. di Storia patria XIII, 151).

21) D'après Ducas (XII, 45), Andronicus, ayant appris qu'un personnage nommé Ange Diable, suscité par les Vénitiens, avait trouvé moyen de faire échapper son père de la tour d'Anémas, se réconcilia avec lui, et la vérité de ce récit est confirmée par un document grec contenant le traité qu'ils conclurent en 1381 et d'après lequel, au lieu de Manuel, Andronicus et son fils devaient être les successeurs de Jean V (Sitz.-Ber. der Wiener Academie, VII, 330). On sait que ce traité ne fut pas mis en exécution et qu'à la mort de Jean V monta sur le trône non pas son petit-fils (Jean VII), mais Manuel, et que ce ne fut qu'en 1399 que ce dernier, avant d'entreprendre son voyage à Rome,

s'associa son neveu et le laissa à sa place jusqu'à son retour à Constantinople, où il ne pouvait pas être arrivé en «1404», comme on le croit (Hopf. Allg. Encycl. LXXXVI), parce qu'il y était déjà en 1403, à ce que nous apprenons par Clavijo, d'après lequel son neveu avait un fils nommé Démétrius, tandis que les auteurs byzantins ne connaissent qu'un fils naturel de Jean VII, nommé Manuel. Mais comme en 1403 «le jeune empereur» était déjà marié, c'est très-possible qu'il ait eu alors un fils, qui aurait pu mourir dans un âge si tendre, que les historiens grecs auraient cru pouvoir se dispenser d'en faire mention.

²²⁾ Encore pendant la guerre civile entre l'empereur Manuel et son neveu, ce dernier avait accordé aux Turcs de grands privilèges dans Constantinople et même le droit d'y construire une mosquée, qu'on n'aurait pas laissé subsister après la bataille d'Angora, dans le cas peu probable que la construction en eût pu être achevée auparavant. Mais s'il en avait été ainsi, je doute fort qu'on ait pu désigner alors une des nombreuses citernes de Constantinople par le nom du faux prophète, tandis que j'admettrais volontiers que Clavijo ait pu confondre son nom avec ce lui de Saint Mamas, qui avait donné son nom à une ancienne église, située non loin du palais des Blaquernes. Si l'on admet que le nom de ce même saint était appliqué, du temps de Clavijo, à une citerne, celle-ci aurait dû se trouver dans le proche voisinage de l'église «sti Mamantis». Dans ce cas, nous serions porté à l'identifier avec la citerne de Philoxénus, aujourd'hui nommée «citerne des mille et une colonnes» (Bin-bir-direk). On n'en compte actuellement que 224, composées chacune de trois colonnes réunies par des tambours. Située près de l'hippodrome, cette citerne est aujourd'hui à sec. Elle est habitée par des fileurs de soie (Dethier 44—45). Du moins, c'est plutôt cette citerne que celle de Mucius, aujourd'hui Tschukur-Rostan, d'Exi-Marmara, éloignée de la Corne d'or, qu'avait en vue Bondelmonte (1422), quand il s'écrie : «Cisterna Mahometi, in qua ita subtili artificio sunt ordinatæ columnæ quod est incredibile ad narrandum».

²³⁾ C'était celui des Blaquernes dont il a été question plus haut, situé comme s'exprime Bertrandon (558), à l'une des extrémités de cette partie de l'enceinte des murailles qui regarde la terre vers le couchant. Devant cette partie, qu'on disait avoir six milles d'une pointe à l'autre, il y avait un profond fossé en

glacis, qui ne faisait défaut que sur un espace de deux cents pas, près du palais.

²⁴⁾ C'est l'église des Apôtres ou de «Sancto Apostol», comme l'appelle Clavijo. D'après Robert de Clary (Hopf, Chr. Gr.—Rom., 68), qui l'appelle «moustier des VII Apôtres», parce qu'il y en avait autant qui étaient enterrés là, cette église était encore plus riche et plus fameuse que celle de Sainte Sophie. Construite sous Constantin le Grand, elle profita beaucoup ensuite des largesses de Justinien I, de Justin et de Basile le Macédonien. Comme beaucoup d'autres églises, elle fut pillée par les croisés, mais on la restaura après le rétablissement de l'empire Grec à Constantinople. Il paraît cependant qu'elle n'avait plus recouvré son ancienne splendeur, et c'est pour cela peut-être que le gendre de l'empereur n'avait pas engagé l'ambassadeur d'y entrer. Par la même raison Mahomet II aura permis aux Grecs de la transformer en palais patriarcal; déjà en 1455, du reste, le siège des patriarches fut transféré dans une autre ancienne église. Bientôt après, celle des Apôtres fut détruite par ordre du sultan, qui fit ériger à la même place la grande mosquée nommée «Mehem-médieh».

²⁵⁾ «Constantinople», dit M. Déthier (6) «est nommée par les Turcs intelligents : Islam-Bol» et c'est ainsi que l'appelle déjà Evlya-Efendi (Hammer, Narrative of travels, etc.). Mais, comme avant la conquête de Byzance, les Osmanlis ne pouvaient pas la nommer «ville de l'Islam», ils devaient la désigner alors (comme c'est le cas encore aujourd'hui) par le nom de Stamboul ou Istamboul, en prononçant à leur manière les mots grecs «εις την (τάν) πόλιν», de même que l'a fait Clavijo pour son «Escomboli».

²⁶⁾ Lors du séjour des ambassadeurs à Constantinople, ils ont dû apprendre de quelle manière les habitants avaient pu résister aux Turcs qui, après la victoire qu'ils avaient remportée sur l'armée chrétienne commandée par le roi Sigismond, à Nicopolis, avaient de nouveau mis le siège devant Constantinople, pour se faire battre par une poignée de chevaliers français, sous le commandement de Boucicaut, lequel avait été reçu par les Grecs comme un ange tutélaire, mais dont ils pouvaient se passer après la bataille d'Angora (1409).

²⁷⁾ Parmi les opinions diverses émises jusqu'à présent sur l'étymologie du nom «Galata», celle de M. de Launay, qui le

dérive du mot arabe Kalat (château) est «la meno acceptable», selon l'avis de M. Desimoni (I Genovesi ed i loro quartieri in Const. etc, Estratto dal giorn. Ligust., III, 247), qui sera d'accord avec moi que Clavijo n'a pas été très-heureux en tâchant d'expliquer l'origine du nom de Galata. Quant à ce qu'il raconte sur la manière par laquelle les Génois s'y établirent, on voit que ce n'est que la répétition de ce conte si connu sur la fondation de l'ancienne Carthage, hospitalisé par Virgile dans le premier livre de son *Enéide*. Mais quand on pense que trois siècles plus tard le prince Cantémir de Moldavie, vassal de la Porte, dont il a écrit une histoire estimée, rapporte sérieusement cette même fable à propos d'une tour que le sultan Mahommed aurait fait bâtir à Constantinople, on excusera volontiers le diplomate castillan de ne pas avoir compris que les pédants de Byzance, en confondant leurs voisins incommodes avec les compatriotes de Didon, voulaient seulement faire entendre que les Génois étaient non moins rusés que les anciens Tyriens. Après la prise de Constantinople par les Turcs, ces derniers ont attribué la même ruse au calife Al-Rachid (v. Evlya-Efendi).

³⁸⁾ Quoique les Génois avaient depuis longtemps le droit d'établir des comptoirs dans les ports de l'empire grec, les privilèges dont la république de Saint-Georges devait jouir à Pétra ne furent formellement définis que le 22 mars 1303, par une convention stipulée entre l'empereur Andronicus II et la Commune de Gènes (Atti della Società lig, XIII, 110—115). La preuve que depuis lors au moins le gouvernement de la république avait des représentants à Pétra, nous la trouvons dans le récit d'un incendie qui éclata accidentellement dans cette ville, en 1315, et pendant lequel «tota Peyra et palacium Comunis» devinrent la proie de flammes; mais déjà l'année suivante le palais avait été construit à neuf (ibid, 116). Clavijo a donc pu dire sans se tromper qu'on avait commencé à bâtir la ville 96 ans avant 1403.

³⁹⁾ Au premier abord, on demandera peut-être si ce n'est pas à la suite d'un malentendu que Clavijo affirme avoir vu à Pétra des reliques de Saint-Louis de France. Toutefois il n'y aurait eu rien d'étonnant si, après que les restes mortels de ce roi eurent été transportés de Tunis en France, des objets qui avaient appartenu ou qu'on attribuait à ce monarque avaient été transportés d'Afrique à Pétra, surtout après sa canonisation. Car bien

avant cela les Génois possédaient à Tunis des «fondachi» ou comptoirs de commerce, et ces relations devinrent encore plus importantes et plus intimes après la mort du roi, à tel point que des citoyens de Gênes entraient au service des souverains mahométans, qui, à leur tour, permettaient aux premiers, de même qu'à d'autres Italiens, d'avoir dans leurs colonies respectives des églises avec leurs desservants (Heyd, Le col. comm. etc. II, 370 et suiv.). Dans ce commerce avec Tunis, les négociants et les marins de Péra, de même que ceux de Caffa et de Tana, n'ont pas manqué, à coup sûr, de prendre une part plus ou moins active. Pourquoi donc l'un ou l'autre de ces marins, pendant son séjour à Tunis, où les habitants chrétiens devaient s'intéresser pour tout ce qui leur rappelait la dernière croisade, n'aurait-il pas tâché de se procurer, selon la coutume du temps, *per fas aut nefas*, tel ou tel autre objet assez précieux à ses yeux pour pouvoir être gardé, après son retour à Galata, dans un des sanctuaires de cette ville, en souvenir des mânes de S-t Louis?

⁴⁰⁾ C'est à tort que le traducteur anglais (p. 48) met à la place de Saint «Si» de l'original un Saint «Li» qui n'a jamais existé. Il est question, comme M. Desimoni a eu l'obligeance de me le faire observer, de l'évêque de Gênes Saint Cyr ou «Si», qui avait occupé ce poste en 1133 (Atti della Società lig. X, 199).

⁴¹⁾ Presque toutes ces reliques furent transportées à Gênes en 1461 et placées la plupart dans l'église du couvent dominicain di Santa Maria de Castello; le bras de Sainte Anne nommément échut en partage au couvent franciscain «sante Marie Montis» (Atti della Soc. lig. XIII, 336).

⁴²⁾ Dans son commentaire sur l'histoire de Ducas (éd. Bonn. 559, 560), Bulliard rapporte qu'il a vu lui-même pendant son séjour à Constantinople, en 1747, dans le couvent de Saint-François à Galata, dans une chapelle contiguë au péristyle, le tombeau du Comte d'Eu et connétable de France ou grand maréchal, comme il est intitulé chez Clavijo, en marbre avec l'inscription suivante en lettres gothiques: «+ Sepulchrum Magnifici Domini Philippi de Artoes, commitis de Ev et conestabularii Franciæ, qui obiit in Micalici MCCCXXXVII Die XV Junii in: o/g: est carne sua. Anima cujus requiescat in pace».

«Micalici» ajoute Bulliard, «est le nom d'une ville et d'une province à deux milles du lac Lopadium et de la ville du même nom que les Grecs appellent Lupadi et les Turcs Vlufat. Brousse est à deux journées de chemin de là».

Mais comme Froissart dit que le comte d'En, qui s'étais mis en route pour retourner en France, *via* Venise, mourut à «Haute Loge» en Grèce, c'est là, et non pas en Asie Mineure, que Bulliard aurait dû chercher à fixer la position du *Micalici* de l'épithaphe. Peut-être serait il tombé juste s'il s'était arrêté à Wirk-Kilisi, ville située presque à mi-chemin entre Andrinople et Constantinople, et qui appartenait encore aux Grecs en 1397.

Tandis que d'après Froissart (297) le comte d'Artois «après ce qu'il fut mort, vidé et embaumé et en un tel état en un sarcus rapporté en France et enseveli en l'église de Saint-Laurent d'Eu», nous apprenons par Clavijo que le grand maréchal de France avait été enterré devant le grand autel du monastère de de Saint François, où son corps gisait encore lors du voyage de l'ambassadeur espagnol. Pour concilier ces deux témoignages contradictoires en apparence, tout en reconnaissant que l'historien français avait raison et que le diplomate espagnol n'avait pas tort, on n'aurait qu'à admettre que ce n'est qu'après 1403 que le sarcus avec le corps du comte, embaumé par les soins de ses amis de Galata, fut transporté en France, et que Froissart (+ 1410) devait ne pas ignorer cette circonstance. Il est vrai qu'il ne dit rien d'un événement bien autrement important, c'est-à-dire de de l'arrivée de l'empereur Manuel à Paris, en l'an 1400. Mais, comme l'a déjà fait observer son éditeur (370), on voit à la manière brusque dont il termine son récit à l'année précédente, qu'il aura été arrêté par la maladie dans la composition de son vaste est bel ouvrage.

⁴³⁾ Dans ce seigneur de «Truxi» on reconnaît aisément un autre compagnon d'armes du maréchal Boucicaut, c'est-à-dire Jean de Torsay, qui était venu avec lui de France à Constantinople en 1399, y sera resté avec Chateaumorant, pour défendre la capitale, et y sera mort bientôt après (Buchon, l. c. 602). Au moins Boucicaut ne fait aucune mention de lui, lorsqu'il cite les chevaliers qui s'étaient distingués ou qui avaient dû se rendre aux Vénitiens à la bataille de Modon, dont il a été question plus haut. Jean de Torsay ne figure pas, non plus, ni chez Froissart,

ni chez Boncicaut, parmi les chevaliers français qui s'étaient fait battre par les Turcs à Nicopolis, et c'est peut-être pour cela que Clavijo le distingue des prisonniers libérés de Bajazed, enterrés dans la même église.

44) Encore avant d'avoir fondé des colonies sur les bords de la mer Noire, les Italiens la désignaient déjà par le nom de Mer. Majeure, peut-être pour la distinguer de la mer Blanche ou de Marmara, ou de la Méditerranée ou «Grande» mer, nom sous lequel elle apparaît, par exemple, dans une des cartes de l'*Atlas catalan*.

D'après Capmany (Mem. hist. sobre la marina, etc. de Barcel.), les Catalans n'auraient pas fréquenté la mer «majeure», même après qu'en 1290 l'empereur Andronicus leur eut ouvert tous les ports de son empire, en leur concédant le droit de s'y établir; et ils se seraient abstenus de fréquenter la mer Majeure à cause de la jalousie et de la rivalité des Génois et des Vénitiens. — Mais comme, bientôt après, le chef de la «Grande Compagnie», Roccaforte, se disposait à épouser la soeur du roi des Bulgares, Sviatoslav, laquelle était veuve du fils de Nogaï (Jirecek, Gesch. d. Bulgaren, p. 284), qui s'était formé un état indépendant de la Horde d'Or, sur le bord septentrional de la mer Noire, — les marins de Barcelone auraient pu facilement pénétrer dans ces parages, sans craindre d'y recontrer les Génois, qui, vers ce temps, n'osaient plus se montrer en Bulgarie, à cause des pertes qu'ils avaient éprouvées dans cette contrée et pour lesquelles le roi «Fedixlavus» n'avait pas voulu les indemniser (Heyd, l. c. II, 93). Au contraire, les Catalans, vers ce même temps, y auraient probablement été reçus à bras ouverts, parce qu'ils avaient détruit les chantiers appartenant à l'ennemi de ce roi (c'est-à-dire à l'empereur de Byzance), à Stagnéra, situées sur la côte occidentale de la mer Noire.

Vu que dans les cartes hydrographiques du XIV-me siècle une localité dans les environs d'Odessa est nommée «flor de lis», l'académicien Thomas (Periplus Ponti Euxini, 1864) n'hésite pas à voir dans ce nom un indice que des marins catalans s'étaient aventurés les premiers jusques là; et cette opinion est partagée par Peschel (Ausland, 1864, p. 1030), qui croit qu'en désignant ce point de la côte par le nom de «flor de lis», les Catalans voulaient seulement indiquer le septentrion. Les cartes publiées

par l'académie de Munich nous présentent, en effet, à la *rose des vents*, l'image d'un lis à l'extrémité de l'aiguille aimantée.

Une fois lancé dans le champ des conjectures, nous nous permettrons de demander si c'est prouvé que le bras du Danube qui s'appelle aujourd'hui encore *bras de Saint-Georges*, est redevable de ce nom aux Génois et non aux marins de Barcelone? Du moins est-il certain que, dans le blason de cette ville, brillait, de longue date, «la cruz encarnada de San Jorge», et que celle-ci ne fut que «*communicada*» à la république de Saint-Georges «por el conde de Barcelona Raymond Berenguer III» (1115) (Capmany, *Memorias hist. sobre la marina etc. de Barcelona*, Madrid, 1779, I, 5, comp. II, Append. de not. v. III, p. 3).

Объ интегралъ, обращающемся въ минимумъ при тѣхъ же условіяхъ,
при какихъ имѣеть мѣсто минимумъ интеграла дѣйствія.

Орд. пр. Е. О. Сабитина.

Такъ какъ анализъ нашъ, служащій къ выводу предложенія, составляющаго предметъ настоящей статьи,—совершенно одинаково прилагается какъ къ свободной точкѣ, такъ и ко всякой системѣ, то единственно для простоты изложенія мы ограничимся случаемъ свободной точки, принимая массу ея за единицу.

Пусть x , y и z — прямоугольныя координаты какой нибудь точки, взятой между двумя данными ея положеніями, соотвѣтствующими t_0 и t_1 — двумъ предѣламъ интеграла V .

$$(1) \quad V = \int_{t_0}^{t_1} H dt$$

въ которомъ за переменную независимую t принимается время, а H есть данная функція x , y и z , не содержащая t явнымъ образомъ.

Пусть

$$p = \frac{dx}{dt}, \quad q = \frac{dy}{dt}, \quad r = \frac{dz}{dt}$$

и

$$(2) \quad T = \frac{1}{2}(p^2 + q^2 + r^2)$$

Пусть h — произвольная постоянная, неизмѣняющаяся ни дифференціальнымъ, ни вариационнымъ образомъ.

Предложеніе, составляющее предметъ настоящей статьи, — слѣдующее: изъ всѣхъ x , y и z , удовлетворяющихъ условному уравненію

$$(3) \quad \Pi - T = h$$

тѣ x , y и z , которые обращаютъ въ минимумъ интегралъ V между его предѣлами t_0 и t_1 , соответствующими двумъ даннымъ положеніямъ точки: начальному и конечному, — опредѣляются уравненіями, тождественными съ уравненіями движенія точки подѣ дѣйствию силъ, опредѣленнымъ данною функціею Π и поэтому для этихъ x , y и z условное уравненіе (3) обращается въ уравненіе живыхъ силъ.

Предварительно докажемъ такое положеніе: изъ условій, при которыхъ имѣетъ мѣсто минимумъ интеграла V , необходимо слѣдуетъ, что варіація времени при предѣлахъ интеграла t_0 и t_1 , — равна нулю. Такихъ условій — два.

1) Такъ какъ начальное и конечное положенія точки, соответствующія t_1 и t_0 , — даны, то полныя варіація x , y и z при предѣлахъ интеграла V равны нулю. Это условіе выразится такими равенствами

$$\left| \begin{matrix} \Delta x = 0 \\ \Delta y = 0 \\ \Delta z = 0 \end{matrix} \right|_{t_1} \left| \begin{matrix} \Delta x = 0 \\ \Delta y = 0 \\ \Delta z = 0 \end{matrix} \right|_{t_0}$$

гдѣ знакомъ Δ обозначены полныя варіація x , y , и z ; или то же самое условіе выразится такими равенствами

$$(4) \quad \left\{ \begin{matrix} \int_{t_1}^{t_0} \delta x = - \int_{t_1}^{t_0} p \delta t & \int_{t_1}^{t_0} \delta y = - \int_{t_1}^{t_0} q \delta t & \int_{t_1}^{t_0} \delta z = - \int_{t_1}^{t_0} r \delta t \\ \int_{t_0}^{t_1} \delta x = - \int_{t_0}^{t_1} p \delta t & \int_{t_0}^{t_1} \delta y = - \int_{t_0}^{t_1} q \delta t & \int_{t_0}^{t_1} \delta z = - \int_{t_0}^{t_1} r \delta t \end{matrix} \right.$$

гдѣ δx , δy и δz — суть усѣченныя варіація x , y и z .

2) Такъ какъ искомыя x , y и z находятся лишь между тѣми x , y и z , которые удовлетворяютъ условному уравненію

(3), то имѣетъ мѣсто дифференцирование этого уравненія (3) по характеристикамъ Δ или δ относительно x , y и z ; это дифференцирование даетъ

$$(5) \quad \begin{cases} \Delta \Pi = \Delta T \text{ или} \\ \delta \Pi = \delta T \end{cases}$$

такъ какъ $\Delta \Pi = \delta \Pi + d\Pi$, и $\Delta T = \delta T + dT$

На основаніи вышеуказанныхъ двухъ условій, опредѣляемыхъ формулами (4) и (5), не трудно вывести равенства $\delta t_1 = 0$ и $\delta t_0 = 0$, или и выражается то положеніе, которое имѣемъ въ виду предварительно доказать.

Такъ какъ равенство (5) имѣетъ мѣсто для всѣхъ t , то

$$\begin{aligned} \left| \delta T = \delta \Pi = \left(\frac{d\Pi}{dx} \delta x + \frac{d\Pi}{dy} \delta y + \frac{d\Pi}{dz} \delta z \right) = \right. \\ \left. = - \left| \left(\frac{d\Pi}{dx} p + \frac{d\Pi}{dy} q + \frac{d\Pi}{dz} r \right) \delta t = - \left| \frac{dT}{dt} \delta t; \right. \right. \end{aligned}$$

съ другой стороны

$$\begin{aligned} \delta T = p \frac{d\delta x}{dt} + q \frac{d\delta y}{dt} + r \frac{d\delta z}{dt} = \frac{d(p\delta x + q\delta y + r\delta z)}{dt} - \\ - \left(\frac{dp}{dt} \delta x + \frac{dq}{dt} \delta y + \frac{dr}{dt} \delta z \right) \end{aligned}$$

Принимая же во вниманіе равенства (4) и означая чрезъ T_0 то значеніе T , которое оно приметъ при $t = t_0$, будемъ имѣть

$$\frac{d(T_0 \delta t_0)}{dt_0} = \frac{dT_0}{dt_0} \delta t_0.$$

Умножая это уравненіе на dt_0 и производя интегрированіе относительно t_0 между двумя какими нибудь, но постоянными его значеніями a и b , получимъ

$$\int_a^b T_0 \delta t_0 = \int_a^b \frac{dT_0}{dt_0} \delta t_0 dt_0$$

Но первая часть этого равенства равна нулю, потому что $\delta a = 0$ и $\delta b = 0$, следовательно имеем равенство

$$0 = \int_{t_0}^{t_1} \frac{dT_0}{dt_0} \delta t_0 dt_0$$

которое приводит къ равенству

$$\frac{dT_0}{dt_0} \delta t_0 = 0;$$

изъ этого же послѣдняго равенства прямо слѣдуетъ, что $\delta t_0 = 0$; также докажемъ, что и $\delta t_1 = 0$.

Если вариации δt_1 и δt_0 равны нулю, то вслѣдствіе равенствъ (4) и вариации δx , δy и δz при предѣлахъ интеграла t_1 и t_0 также равны нулю.

Очевидно, что условія, при которыхъ интегралъ $\int_{t_0}^{t_1} \Pi dt$ обращается въ минимумъ и которыя выражаются равенствами (4) и (5), — совершенно тѣже самыя, при которыхъ имѣетъ мѣсто минимумъ интеграла дѣйствія.

Уравненія, опредѣляющія искомыя x , y и z , мы выведемъ по способу произвольнаго множителя, установленному Лагранжемъ; для чего возьмемъ интегралъ W

$$(6) \quad \begin{cases} W = \int_{t_0}^{t_1} v dt, \text{ гдѣ} \\ v = \Pi + \lambda(\Pi - T - h) \end{cases}$$

какъ извѣстно, вариация δW должна имѣть слѣдующее выраженіе:

$$(7) \quad \delta W = \int_{t_0}^{t_1} v \delta t + \int_{t_0}^{t_1} \{ \delta \Pi + \lambda \delta (\Pi - T - h) \} dt$$

$$(8) \quad \left\{ \begin{array}{l} \delta\Pi + \lambda\delta(\Pi - T - h) = L\delta x + M\delta y + N\delta z + P\delta p + Q\delta q + \\ \quad + R\delta r, \text{ гдѣ} \\ L = (1+\lambda)\frac{d\Pi}{dx}, M = (1+\lambda)\frac{d\Pi}{dy}, N = (1+\lambda)\frac{d\Pi}{dz}, P = -\lambda p \\ Q = -\lambda q, R = -\lambda r \end{array} \right.$$

Интегрируя по частямъ во второй части равенства (7), получимъ

$$(9) \quad \left\{ \begin{array}{l} \delta W = \int_{t_0}^{t_1} v \delta t + \int_{t_0}^{t_1} (P\delta x + Q\delta y + R\delta z) + \\ + \int_{t_0}^{t_1} \left[\left(L - \frac{dP}{dt} \right) \delta x + \left(M - \frac{dQ}{dt} \right) \delta y + \left(N - \frac{dR}{dt} \right) \delta z \right] dt \text{ или} \\ \delta W = \int_{t_0}^{t_1} \left[\left(L - \frac{dP}{dt} \right) \delta x + \left(M - \frac{dQ}{dt} \right) \delta y + \left(N - \frac{dR}{dt} \right) \delta z \right] dt \end{array} \right.$$

такъ какъ $\delta t_1 = 0$, $\delta t_0 = 0$ и вариация δx , δy и δz при предѣлахъ интеграла t_1 и t_0 также равны нулю.

Последнее равенство приводитъ къ заключенію, что условіе $\delta W = 0$ будетъ выполнено только тогда, когда будутъ имѣть мѣсто слѣдующія уравненія:

$$(10) \quad \left\{ \begin{array}{l} L - \frac{dP}{dt} = 0 \quad M - \frac{dQ}{dt} = 0 \quad N - \frac{dR}{dt} = 0 \text{ или} \\ (1+\lambda)\frac{d\Pi}{dx} = \frac{d\left(-\lambda\frac{dx}{dt}\right)}{dt} \quad (1+\lambda)\frac{d\Pi}{dy} = \frac{d\left(-\lambda\frac{dy}{dt}\right)}{dt} \\ (1+\lambda)\frac{d\Pi}{dz} = \frac{d\left(-\lambda\frac{dz}{dt}\right)}{dt} \end{array} \right.$$

Складывая уравнения (10), умноженные соответственно на $\frac{dx}{dt}$, $\frac{dy}{dt}$ и $\frac{dz}{dt}$ и замѣчая, что $\frac{d\Pi}{dt} = \frac{dT}{dt}$, получимъ

$$(1+\lambda)\frac{dT}{dt} = \frac{d(-2\lambda T)}{dt} + \lambda \frac{dT}{dt} \quad \text{или}$$

$$\frac{d[(1+2\lambda)T]}{dt} = 0;$$

откуда

$$(11) \quad (1+2\lambda)T = C$$

гдѣ C — произвольное постоянное. Изъ уравнений (11) и (3) находимъ

$$(12) \quad \lambda = \frac{C}{2(\Pi - h)} - \frac{1}{2};$$

откуда

$$(13) \quad \frac{d\lambda}{dt} = -\frac{C \frac{d\Pi}{dt}}{2(\Pi - h)^2}$$

Изъ равенства (12) слѣдуетъ, что λ есть функція отъ x , y и z , не содержащая t явнымъ образомъ, такъ какъ Π есть данная функція отъ x , y и z , не содержащая t явнымъ образомъ; поэтому дифференцирование равенства (13) по каждой изъ производныхъ $\frac{dx}{dt}$, $\frac{dy}{dt}$, и $\frac{dz}{dt}$ даетъ

$$(14) \quad \left\{ \begin{aligned} \frac{d\left(\frac{d\lambda}{dt}\right)}{d\left(\frac{dx}{dt}\right)} &= -\frac{C}{2(\Pi - h)^2} \cdot \frac{d\left(\frac{d\Pi}{dt}\right)}{d\left(\frac{dx}{dt}\right)} \cdot \frac{d\left(\frac{d\lambda}{dt}\right)}{d\left(\frac{dy}{dt}\right)} = -\frac{C}{2(\Pi - h)^2} \cdot \frac{d\left(\frac{d\Pi}{dt}\right)}{d\left(\frac{dy}{dt}\right)} \\ \frac{d\left(\frac{d\lambda}{dt}\right)}{d\left(\frac{dz}{dt}\right)} &= -\frac{C}{2(\Pi - h)^2} \cdot \frac{d\left(\frac{d\Pi}{dt}\right)}{d\left(\frac{dz}{dt}\right)} \end{aligned} \right.$$

Но

$$(15) \quad \frac{d\left(\frac{d\lambda}{dt}\right)}{d\left(\frac{dx}{dt}\right)} = \frac{d\lambda}{dx}, \quad \frac{d\left(\frac{d\lambda}{dt}\right)}{d\left(\frac{dy}{dt}\right)} = \frac{d\lambda}{dy}, \quad \frac{d\left(\frac{d\lambda}{dt}\right)}{d\left(\frac{dz}{dt}\right)} = \frac{d\lambda}{dz} \text{ и}$$

$$(16) \quad \frac{d\left(\frac{d\Pi}{dt}\right)}{d\left(\frac{dx}{dt}\right)} = \frac{d\Pi}{dx}, \quad \frac{d\left(\frac{d\Pi}{dt}\right)}{d\left(\frac{dy}{dt}\right)} = \frac{d\Pi}{dy}, \quad \frac{d\left(\frac{d\Pi}{dt}\right)}{d\left(\frac{dz}{dt}\right)} = \frac{d\Pi}{dz}$$

На основаніи этихъ послѣднихъ равенствъ (15) и (16) и равенства (14) получаемъ слѣдующія:

$$(17) \quad \frac{d\lambda}{dx} = -\frac{C\frac{d\Pi}{dx}}{2(\Pi-h)^2}, \quad \frac{d\lambda}{dy} = -\frac{C\frac{d\Pi}{dy}}{2(\Pi-h)^2}, \quad \frac{d\lambda}{dz} = -\frac{C\frac{d\Pi}{dz}}{2(\Pi-h)^2}$$

Если теперь въ равенства (14) вмѣсто производной $\frac{d\Pi}{dt}$ поставимъ равную ей производную $\frac{dT}{dt}$, то принимая во вниманіе равенства (15), и слѣдующія

$$\frac{d\left(\frac{dT}{dt}\right)}{d\left(\frac{dx}{dt}\right)} = \frac{d^2x}{dt^2}, \quad \frac{d\left(\frac{dT}{dt}\right)}{d\left(\frac{dy}{dt}\right)} = \frac{d^2y}{dt^2}, \quad \frac{d\left(\frac{dT}{dt}\right)}{d\left(\frac{dz}{dt}\right)} = \frac{d^2z}{dt^2},$$

будемъ имѣть слѣдующія равенства:

$$(18) \quad \frac{d\lambda}{dx} = -\frac{C\frac{d^2x}{dt^2}}{2(\Pi-h)^2}, \quad \frac{d\lambda}{dy} = -\frac{C\frac{d^2y}{dt^2}}{2(\Pi-h)^2}, \quad \frac{d\lambda}{dz} = -\frac{C\frac{d^2z}{dt^2}}{2(\Pi-h)^2}$$

Сравнивая равенства (17) и (18), заключаемъ, что λ —

функція отъ x , y и z —такая, что будутъ имѣть мѣсто слѣдующія уравненія :

$$(19) \quad \frac{d\Pi}{dx} = \frac{d^2x}{dt^2}, \quad \frac{d\Pi}{dy} = \frac{d^2y}{dt^2}, \quad \frac{d\Pi}{dz} = \frac{d^2z}{dt^2}$$

Изъ этихъ уравненій (19) прямо слѣдуетъ, что $\lambda = -\frac{1}{2}$. Дѣйствительно, вычитая второе изъ уравненій (19), умноженное на $\frac{dx}{dt}$ изъ перваго, умноженнаго на $\frac{dy}{dt}$, получимъ

$$\frac{\frac{d\Pi}{dx} \frac{dy}{dt} - \frac{d\Pi}{dy} \frac{dx}{dt}}{\frac{d^2x}{dt^2} \frac{dy}{dt} - \frac{d^2y}{dt^2} \frac{dx}{dt}} = 1$$

съ другой стороны, если второе изъ уравненій (10) умноженное на $\frac{dx}{dt}$ вычтемъ изъ перваго, умноженнаго на $\frac{dy}{dt}$, то находимъ

$$\frac{\frac{d\Pi}{dx} \frac{dy}{dt} - \frac{d\Pi}{dy} \frac{dx}{dt}}{\frac{d^2x}{dt^2} \frac{dy}{dt} - \frac{d^2y}{dt^2} \frac{dx}{dt}} = -\frac{\lambda}{1+\lambda}, \text{ а потому}$$

$$\frac{\lambda}{1+\lambda} = -1 \text{ откуда } \lambda = -\frac{1}{2}$$

Если же $\lambda = -\frac{1}{2}$, то C (урав. 11) равно нулю, и уравненія (10) будутъ тождественны съ уравненіями (19) т. е. уравненіями движенія точки, что и требовалось доказать.

Предлагаемое въ настоящей статьѣ доказательство равенства $\lambda = -\frac{1}{2}$ изъ уравненія (11) $(1+2\lambda) T = C$ —приложено дословно къ выводу равенства $\lambda = \frac{1}{2}$ изъ уравненія $(1-2\lambda) T = C$ (15), находящагося на 25-й страницѣ, напечатанной въ

32 томъ Записокъ Новороссійскаго Университета, статьи нашей: «о началѣ наименьшаго дѣйствія». Относительно же доказательства, изложеннаго на 25 — 28 страницахъ той же нашей статьи слѣдуетъ замѣтить: во 1-хъ) уравненія (16₁) и (16₂) должны быть замѣнены слѣдующими:

$$(16_1) \left\{ \begin{aligned} \left(2 \frac{d^2 z}{dt^2} - \frac{dz}{dt} \frac{dT}{dt} \frac{1}{T} \right) \frac{d\Pi}{dx} &= \left(2 \frac{d\Pi}{dz} - \frac{dz}{dt} \frac{dT}{dt} \frac{1}{T} \right) \frac{d^2 x}{dt^2} - \\ &- \left(\frac{d\Pi}{dz} - \frac{d^2 z}{dt^2} \right) \frac{dx}{dt} \frac{dT}{dt} \frac{1}{T} \\ \left(2 \frac{d^2 z}{dt^2} - \frac{dz}{dt} \frac{dT}{dt} \frac{1}{T} \right) \frac{d\Pi}{dy} &= \left(2 \frac{d\Pi}{dz} - \frac{dz}{dt} \frac{dT}{dt} \frac{1}{T} \right) \frac{d^2 y}{dt^2} - \\ &- \left(\frac{d\Pi}{dz} - \frac{d^2 z}{dt^2} \right) \frac{dy}{dt} \frac{dT}{dt} \frac{1}{T} \\ \frac{d\Pi}{dt} &= \frac{dT}{dt} \end{aligned} \right.$$

$$(16_2) \left\{ \begin{aligned} \frac{d\Pi}{dx} - \frac{d^2 x}{dt^2} &= \frac{C}{T} \left(\frac{d\Pi}{dx} + \frac{d^2 x}{dt^2} - \frac{1}{T} \frac{dx}{dt} \frac{dT}{dt} \right) \\ \frac{d\Pi}{dy} - \frac{d^2 y}{dt^2} &= \frac{C}{T} \left(\frac{d\Pi}{dy} + \frac{d^2 y}{dt^2} - \frac{1}{T} \frac{dy}{dt} \frac{dT}{dt} \right) \\ \frac{d\Pi}{dt} &= \frac{dT}{dt} \end{aligned} \right.$$

Первыя два изъ этихъ уравненій (16₁) получаются такъ: на основаніи уравненія (1—2λ) $\frac{dT}{dt} - 2 \frac{d\lambda}{dt} T = 0$, уравненія (14) (статья о началѣ наименьшаго дѣйствія, стр. 23) представляется въ такомъ видѣ:

$$(14_1) \quad \begin{cases} \frac{d\Pi}{dx} = \frac{1-\lambda}{\lambda} \frac{d^2x}{dt^2} - \frac{1}{2} \left[\frac{1-\lambda}{\lambda} - 1 \right] \frac{dx}{dt} \frac{dT}{dt} \frac{1}{T} \\ \frac{d\Pi}{dy} = \frac{1-\lambda}{\lambda} \frac{d^2y}{dt^2} - \frac{1}{2} \left[\frac{1-\lambda}{\lambda} - 1 \right] \frac{dy}{dt} \frac{dT}{dt} \frac{1}{T} \\ \frac{d\Pi}{dz} = \frac{1-\lambda}{\lambda} \frac{d^2z}{dt^2} - \frac{1}{2} \left[\frac{1-\lambda}{\lambda} - 1 \right] \frac{dz}{dt} \frac{dT}{dt} \frac{1}{T} \end{cases}$$

Последнее из этих уравнений (14₁) даетъ

$$(14_2) \quad \frac{1-\lambda}{\lambda} = \frac{2 \frac{d\Pi}{dz} - \frac{dz}{dt} \frac{dT}{dt} \frac{1}{T}}{2 \frac{d^2z}{dt^2} - \frac{dz}{dt} \frac{dT}{dt} \frac{1}{T}}$$

Вставляя это выражение $\frac{1-\lambda}{\lambda}$ въ первыя два изъ уравнений (14₁) получимъ первыя два изъ уравнений (16₁).

Во 2-хъ) если въ равенствѣ $(1-2\lambda) T=C$ произвольное постоянное C не есть нуль, то оно должно имѣть вполне неопредѣленное значеніе, потому что оно получается единственно вслѣдствіе интегрированія уравненій (14) (23 стр. нашей статьи о началѣ наименьшаго дѣйствія); между тѣмъ какъ въ вопросѣ о минимумѣ интеграла дѣйствія нѣтъ такихъ данныхъ, которыя приводили бы къ заключенію, что C должно имѣть опредѣленное численное значеніе, отличное отъ нуля. Дѣйствительно, вслѣдствіе равенствъ $\delta t_1=0$ и $\delta t_0=0$, предѣльныя уравненія не имѣютъ мѣста, а потому, если C имѣетъ какое нибудь значеніе, отличное отъ нуля, то объ этомъ значеніи можно судить лишь по предѣльнымъ значеніямъ исконыхъ функций x , y и z , въ которыя, какъ слѣдуетъ изъ равенства (14₂) непременно выйдетъ и C , если только оно не есть нуль; предѣльныя же значенія исконыхъ функций x , y и z имѣютъ совершенно неопредѣленные значенія. Очевидно также, что такъ какъ C входитъ въ дифференціальныя уравненія (16₂),

то невозможно, чтобы C или было бы равно одному из произвольных постоянных, полученных вследствие интегрирования тех же дифференциальных уравнений (16₂), или C было бы функцией тех же произвольных постоянных.

Если принять во внимание эти два замечания, то доказательство, изложенное на 25—28 страницах нашей статьи о началъ наименьшаго дѣйствія можетъ служить также вполне строгимъ выводомъ равенства $\lambda = -\frac{1}{2}$ изъ $(1+2\lambda) T = C$ равенства (12) настоящей нашей статьи.

Такимъ образомъ и минимумъ интеграла дѣйствія, и минимумъ интеграла $\int_{t_1}^{t_2} P dt$ —обуславливаются уравненіемъ $\delta(\Pi - T) = 0$, покажемъ геометрическое значеніе этого условнаго уравненія.

Изъ теоремъ Гамильтона и Якоба, относящихся къ уравненіямъ динамики, извѣстно, что, если $u = f(x, y, z, \alpha, \beta, \gamma, h)$, гдѣ α, β, γ и h —произвольныя постоянныя,—есть полный интегралъ того дифференціального уравненія въ частныхъ производныхъ, которое получается изъ уравненія $\Pi - T = h$,—то дѣйствительное движеніе происходитъ по каждой изъ поверх-

ностей $\frac{du}{d\alpha} = a$ и $\frac{du}{d\beta} = b$, гдѣ a и b —произвольныя постоянныя; поэтому изъ возможныхъ движеній, въ которыхъ относятся величина какъ интеграла $\int_{t_1}^{t_2} T dt$ такъ интеграла $\int_{t_1}^{t_2} P dt$, сравниваемая съ минимумъ каждаго изъ нихъ, — могутъ быть взяты или такія движенія, которыя находятся на каждой изъ поверхностей $\frac{du}{d\alpha} = a$ и $\frac{du}{d\beta} = b$, или такія, которыя находятся

въ каждой изъ этихъ поверхностей. Пусть A и B —двѣ точки, чрезъ которыя проходитъ дѣйствительное движеніе, — если по каждой изъ поверхностей $\frac{du}{d\alpha} = a$ и $\frac{du}{d\beta} = b$ проведемъ совершенно произвольную кривую, смѣжную съ дѣйствительнымъ движеніемъ и проходящую чрезъ A и B , то разности между координатами такимъ образомъ проведенной

произвольной кривой и кривой действительнаго движенія будут такіа δx , δy , δz , относительно которыхъ каждое изъ уравненій $\frac{du}{d\alpha} = a$ и $\frac{du}{d\beta} = b$ можетъ быть дифференцируемо по характеристикѣ δ и для которыхъ поэтому будутъ имѣть мѣсто уравненія $\delta \left(\frac{du}{d\alpha} - a \right) = 0$ и $\delta \left(\frac{du}{d\beta} - b \right) = 0$. Не трудно доказать, что тѣ δx , δy и δz , для которыхъ имѣетъ мѣсто каждое изъ уравненій $\delta \left(\frac{du}{d\alpha} - a \right) = 0$ и $\delta \left(\frac{du}{d\beta} - b \right) = 0$ — будутъ тѣ самыя, которыя удовлетворяютъ условному уравненію $\delta(\Pi - T) = 0$. Дѣйствительно въ 1-хъ) тѣ x , y и z , которыя удовлетворяютъ уравненію $\Pi - T = h$, должны вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворять каждому изъ уравненій $\frac{du}{d\alpha} - a = 0$ и $\frac{du}{d\beta} - b = 0$; во 2-хъ) тѣ δx , δy и δz , которыя подчинены условному уравненію $\delta(\Pi - T) = 0$, будутъ удовлетворять каждому изъ уравненій $\delta \left(\frac{d\Pi}{d\alpha} - \frac{dT}{d\alpha} \right) = 0$ и $\delta \left(\frac{d\Pi}{d\beta} - \frac{dT}{d\beta} \right) = 0$; тѣже δx , δy и δz , для которыхъ имѣетъ мѣсто каждое изъ этихъ уравненій $\delta \left(\frac{d\Pi}{d\alpha} - \frac{dT}{d\alpha} \right) = 0$ и $\delta \left(\frac{d\Pi}{d\beta} - \frac{dT}{d\beta} \right) = 0$, — будутъ тѣ самыя, которыя удовлетворяютъ каждому изъ уравненій $\delta \left(\frac{du}{d\alpha} - a \right) = 0$ и $\delta \left(\frac{du}{d\beta} - b \right) = 0$ такъ какъ $\frac{du}{d\alpha} - a = 0$ и $\frac{du}{d\beta} - b = 0$ суть интегралы уравненій, которыя получаются изъ уравненій $\frac{d\Pi}{d\alpha} - \frac{dT}{d\alpha} = 0$ и $\frac{d\Pi}{d\beta} - \frac{dT}{d\beta} = 0$. такъ же какъ изъ уравненія $\Pi - T = h$ получается то, котораго интегралъ есть $u = f(x, y, z, \alpha, \beta, \gamma, h)$.

Такимъ образомъ геометрическое значеніе условнаго уравненія $\delta\Pi = \delta T$ — такое: тѣ кривыя, которыхъ координаты разнятся отъ x , y и z , координатъ дѣйствительнаго движенія на количества δx , δy и δz , удовлетворяющія условному уравненію $\delta\Pi = \delta T$, —

находятся на каждой изъ поверхностей $\frac{du}{dx} - a = 0$ и $\frac{du}{dz} - b = 0$;

въ же каждой изъ этихъ поверхностей будутъ тѣ кривыя, которыхъ координаты, согласно принципу Остроградскаго, разнятся отъ x , y , z , координатъ дѣйствительнаго движенія на количества δx , δy и δz , неудовлетворяющія условному уравненію $\delta\Pi = \delta T$, такъ что вариация разности $\Pi - T$ есть произвольная функція отъ x , y и z , имѣющая совершенно произвольное значеніе, отличное отъ нуля для каждаго t .

Если примемъ во вниманіе, что, какъ при условіяхъ, при которыхъ, согласно принципу Остроградскаго, имѣетъ мѣсто минимумъ интеграла $\int_{t_0}^{t_1} (\Pi + T) dt$, такъ и при условіяхъ, при которыхъ имѣетъ мѣсто минимумъ и интеграла дѣйствія $\int_{t_0}^{t_1} T dt$, и интеграла $\int_{t_0}^{t_1} \Pi dt$, — вариация времени t при предѣлахъ каждаго изъ этихъ трехъ интеграловъ равна нулю *), то сравненіе

*) На 10—13 страницахъ вышеозначенной нашей статьи о началѣ наименьшаго дѣйствія изложено выводъ равенствъ $\delta t_1 = 0$ и $\delta t_0 = 0$. Впрочемъ тѣже равенства $\delta t_0 = 0$ и $\delta t_1 = 0$ вытекаютъ прямо изъ слѣдующихъ двухъ условій, определяющихъ принципъ Остроградскаго, именно: 1) полныя вариации x , y и z при t_1 и t_0 , предѣлахъ интеграла $\int_{t_0}^{t_1} (\Pi + T) dt$ равны нулю и 2) вариация разности $\Pi - T$ есть произвольная функція отъ x , y и z , имѣющая совершенно произвольное значеніе, отличное отъ нуля при каждомъ t .

Первое условіе выразится такъ:

$$(20) \quad \int_{t_0}^{t_1} \Delta x = 0 \quad \int_{t_0}^{t_1} \Delta y = 0 \quad \int_{t_0}^{t_1} \Delta z = 0 \quad \int_{t_0}^{t_1} \Delta x = 0 \quad \int_{t_0}^{t_1} \Delta y = 0 \quad \int_{t_0}^{t_1} \Delta z = 0, \text{ а потому}$$

$$(21) \quad \int_{t_0}^{t_1} \delta x = - \int_{t_0}^{t_1} \delta p dt \quad \int_{t_0}^{t_1} \delta y = - \int_{t_0}^{t_1} \delta q dt \quad \int_{t_0}^{t_1} \delta z = - \int_{t_0}^{t_1} \delta r dt \dots$$

На основаніи равенствъ (20) имѣемъ также

$$(22) \quad 0 = \int_{t_0}^{t_1} \Delta^2 x = \int_{t_0}^{t_1} \left(\frac{d^2 p}{dt^2} \delta t^2 + 2 \delta p \delta t + p \delta^2 t + \delta^2 x \right) \dots$$

на основаніи же равенствъ (21) получаемъ

$$\int_{t_0}^{t_1} \delta^2 x = - \int_{t_0}^{t_1} (\delta p \delta t + p \delta^2 t)$$

условія, опредѣляющихъ минимумъ этихъ трехъ интеграловъ, приводитъ къ слѣдующему заключенію. Если условимся опредѣлять минимумъ интеграла $\int_{i_1}^i (H+T)dt$ по отношенію къ тѣмъ только возможнымъ движеніямъ, которыя вѣдъ каждой изъ поверхностей $\frac{du}{d\alpha} - a = 0$ и $\frac{du}{d\beta} - b = 0$, то этимъ условіемъ опредѣляется начало, предложенное Остроградскимъ. Если же условимся опредѣлять минимумъ интеграла $\int_{i_2}^i (H+T)dt$ по отношенію къ тѣмъ только возможнымъ движеніямъ, которыя находятся на каждой изъ поверхностей $\frac{du}{d\alpha} - a = 0$ и $\frac{du}{d\beta} - b = 0$,

Вставляя это выраженіе $\int_{i_2}^i \delta^2 x$ въ равенство (22), находимъ

$$(23) \quad 0 = \int_{i_2}^i \left(\frac{d^2 p}{dt^2} \delta t + \delta p \delta t \right) = \int_{i_2}^i \delta t \left(\frac{d^2 p}{dt^2} \delta t + \delta p \right) = \int_{i_2}^i \delta t \Delta p.$$

изъ этого равенства прямо слѣдуетъ такое заключеніе: предположеніе, что δt , количество произвольное, отличное отъ нуля, приводитъ къ тому, что $\int_{i_2}^i \delta t \Delta p = 0$. Точно также докажемъ, что предположеніе о δt , какъ о количествѣ произвольномъ, отличномъ отъ нуля, приведетъ къ заключенію, что

$$\begin{aligned} \int_{i_2}^i \delta t \Delta q = 0 \quad \int_{i_2}^i \delta t \Delta r = 0, \text{ а потому } \int_{i_2}^i \delta t \Delta T = 0 \text{ или} \\ 0 = \int_{i_2}^i \left(\delta T + \frac{dT}{dt} \delta t \right) \text{ и такъ какъ } \frac{dT}{dt} = \frac{dH}{dt} \text{ то} \\ \int_{i_2}^i \delta T = \int_{i_2}^i \left[\frac{dH}{dx} (-p \delta t) + \frac{dH}{dy} (-q \delta t) + \frac{dH}{dz} (-r \delta t) \right] \end{aligned}$$

а на основаніи равенствъ (21) находимъ

$$\int_{i_2}^i \delta T = \int_{i_2}^i \delta H \text{ или } \int_{i_2}^i \delta (H - T) = 0$$

Точно также докажемъ, что предположеніе о δt , какъ количествѣ произвольномъ, отличномъ отъ нуля, приводитъ къ уравненію $\int_{i_2}^i \delta (H - T) = 0$ но какъ уравненіе $\int_{i_2}^i \delta (H - T) = 0$ такъ и уравненіе $\int_{i_2}^i \delta (H - T) = 0$ противорѣчитъ второму изъ вышеозначенныхъ двухъ условій, опредѣляющихъ принципы Остроградскаго, а потому при этихъ двухъ условіяхъ необходимо положить какъ δt , такъ δt , равными нулю.

то этимъ условіемъ опредѣляется какъ Лагранжево начало, такъ слѣдующае: изъ всѣхъ x , y и z , удовлетворяющихъ уравненію $\Pi - T = h$, — тѣ x , y и z , которыя обращаютъ въ минимумъ интегралъ $\int_{i_0}^{i_1} \Pi dt$ между его предѣлами, соответствующими

двумъ даннымъ положеніямъ точки начальному и конечному, — опредѣляются уравненіями, тождественными съ уравненіями движенія точки между двумя данными ея положеніями подъ дѣйствіемъ силъ, опредѣленнымъ данною функціею Π отъ x , y и z . Этимъ началомъ также какъ началомъ Лагранжа и началомъ Остроградскаго вполне констатируется общее начало, состоящее въ томъ, что при x , y и z , удовлетворяющихъ уравненіямъ дѣйствительнаго движенія, начинающагося и оканчивающагося въ двухъ данныхъ точкахъ A и B , интегралъ

$\int_{i_0}^{i_1} (\Pi + T) dt$ имѣетъ наименьшее изъ всѣхъ значеній, получаемыхъ имъ при всѣхъ возможныхъ $x + \delta x$, $y + \delta y$ и $z + \delta z$, — такихъ, что одни изъ нихъ будутъ координатами *той* изъ возможныхъ движеній, слѣжныхъ съ дѣйствительнымъ, начинающихся и оканчивающихся въ данныхъ точкахъ A и B , *которое* находится на каждой изъ поверхностей $\frac{du}{d\alpha} - a = 0$ и $\frac{du}{d\beta} - b = 0$;

другіе же изъ $x + \delta x$, $y + \delta y$ и $z + \delta z$ будутъ координатами *той* изъ вышеозначенныхъ возможныхъ движеній, *которое* находится внѣ каждой изъ поверхностей $\frac{du}{d\alpha} - a = 0$ и $\frac{du}{d\beta} - b = 0$.

Выводъ второй вариации интеграла дѣйствія, изложенный на 30 — 37 страницахъ нашей статьи о началѣ наименьшаго дѣйствія можетъ быть приложенъ и къ выводу второй вариации интеграла W (формула (6) настоящей статьи) съ замѣною лишь, изложеннаго на 34-й и на второй половинѣ 33-й страницы нашей статьи о началѣ наименьшаго дѣйствія, доказательства слѣдующимъ.

Если положимъ

$$X_n = \frac{dx}{de_n}, X_r = \frac{dx}{de_r}, Y_n = \frac{dy}{de_n}, Y_r = \frac{dy}{de_r}, Z_n = \frac{dz}{de_n}, Z_r = \frac{dz}{de_r}$$

гдѣ e_n или e_r — произвольныя постоянныя, вошедшія въ x, y и z вслѣдствіе интегрированія уравненій движенія, а подѣ n и r слѣдуетъ разумѣть каждое изъ цѣлыхъ чиселъ 1, 2, 3, — то

$$(24) \quad \int_{t_0}^{t_1} dt \left\{ \sum_n \sum_r \left(\frac{dP}{dp} \frac{dX_n}{dt} X_r - \frac{dP}{dp} \frac{dX_r}{dt} X_n \right) \omega_n \frac{d\omega_r}{dt} \right\} = \\ = \int_{t_0}^{t_1} dt \left\{ \sum_n \sum_r \left(\frac{dP}{de_n} \frac{dx}{de_r} - \frac{dP}{de_r} \frac{dx}{de_n} \right) \omega_n \frac{d\omega_r}{dt} \right\}$$

гдѣ ω_n или ω_r — совершенно произвольныя и не зависящія между собою функціи отъ t .

Если возьмемъ 9 положительныхъ и произвольныхъ постоянныхъ $c_{n,m}$ или $c_{r,\mu}$, которыхъ опредѣлитель неравенъ нулю и которыя не входятъ ни въ x, y, z , ни въ уравненія движенія и $\Pi - T = h$; если затѣмъ въ равенство (24) поставимъ сперва вмѣсто ω_n и ω_r равныя имъ выраженія.

$$\omega_n = \sum_m c_{n,m} \xi_m \quad \omega_r = \sum_\mu c_{r,\mu} \xi_\mu$$

а потомъ вмѣсто ξ_m и ξ_μ равныя имъ выраженія

$$\xi_m = \sum_g c_{g,m} \eta_g \quad \xi_\mu = \sum_\gamma c_{\gamma,\mu} \eta_\gamma$$

гдѣ m и μ , также g и γ имѣютъ такія же значенія, какія n и r , то будемъ имѣть

$$\sum_n \sum_r \left(\frac{dP}{dp} \frac{dX_n}{dt} X_r - \frac{dP}{dp} \frac{dX_r}{dt} X_n \right) \omega_n \frac{d\omega_r}{dt} = \\ = \sum_n \sum_r \sum_m \sum_\mu \sum_g \sum_\gamma \left\{ \frac{dP}{de_n} \frac{dx}{de_r} c_{n,m} c_{r,\mu} (\overline{c_{g,m} \eta_g}) \frac{d(c_{\gamma,\mu} \eta_\gamma)}{dt} \right\} - \\ - \sum_n \sum_r \sum_m \sum_\mu \sum_g \sum_\gamma \left\{ \frac{dP}{de_r} \frac{dx}{de_n} c_{n,m} c_{r,\mu} (c_{g,m} \eta_g) \frac{d(c_{\gamma,\mu} \eta_\gamma)}{dt} \right\}$$

Если во второмъ членѣ второй части этого равенства измѣнимъ соответственно n на ν , m на μ и g на γ , то имѣемъ

$$\begin{aligned} & \sum_n \sum_\nu \left(\frac{dP}{dp} \frac{dX_n}{dt} X_\nu - \frac{dP}{dp} \frac{dX_\nu}{dt} X_n \right) \omega_n \frac{d\omega_\nu}{dt} = \\ & = \sum_n \sum_\nu \sum_m \sum_\mu \sum_g \sum_\gamma \left\{ \frac{dP}{de_n} \frac{dx}{de_\nu} c_{n,m} c_{\nu,\mu} (c_{g,m} \eta_{g\nu}) \frac{d(c_{\gamma,\mu} \eta_{\gamma\nu})}{dt} \right\} - \\ & - \sum_n \sum_\nu \sum_m \sum_\mu \sum_g \sum_\gamma \left\{ \frac{dP}{de_n} \frac{dx}{de_\nu} c_{n,m} c_{\nu,\mu} (c_{\gamma,\mu} \eta_{\gamma\nu}) \frac{d(c_{g,m} \eta_{g\nu})}{dt} \right\} \end{aligned}$$

Если въ это равенство вмѣсто $c_{g,m} \eta_{g\nu}$ и $c_{\gamma,\mu} \eta_{\gamma\nu}$ вставимъ равныя имъ выраженія

$$c_{g,m} \eta_{g\nu} = \sum_a \sum_b c_{g,a} c_{m,b} c_b \Omega_a$$

$$c_{\gamma,\mu} \eta_{\gamma\nu} = \sum_a \sum_\beta c_{\gamma,a} c_{\mu,\beta} c_\beta \Omega_a$$

въ которыхъ неизвѣстныя—суть произведенія $c_b \Omega_a$ и $c_\beta \Omega_a$ произвольныхъ постоянныхъ c_b и c_β на произвольныя функціи отъ t именно Ω_a и Ω_a ; коэффициенты при этихъ неизвѣстныхъ суть произвольныя постоянныя $c_{g,a}$, $c_{m,b}$, $c_{\gamma,a}$, $c_{\mu,\beta}$, указатели a и α , b и β имѣютъ тѣ значенія какъ n и ν ; тогда получимъ

$$\begin{aligned} & \sum_n \sum_\nu \left(\frac{dP}{dp} \frac{dX_n}{dt} X_\nu - \frac{dP}{dp} \frac{dX_\nu}{dt} X_n \right) \omega_n \frac{d\omega_\nu}{dt} = \\ & = \sum_n \sum_\nu \sum_m \sum_\mu \sum_g \sum_\gamma \sum_a \sum_\alpha \sum_b \sum_\beta \left\{ \frac{dP}{de_n} \frac{dx}{de_\nu} \times \right. \\ & \times c_{n,m} c_{\nu,\mu} c_{g,a} c_{m,b} c_{\gamma,\alpha} c_{\mu,\beta} c_b c_\beta \Omega_a \frac{d\Omega_a}{dt} \left. \right\} - \\ & - \sum_n \sum_\nu \sum_m \sum_\mu \sum_g \sum_\gamma \sum_a \sum_\alpha \sum_b \sum_\beta \left\{ \frac{dP}{de_n} \frac{dx}{de_\nu} \times \right. \\ & \times c_{n,m} c_{\nu,\mu} c_{g,a} c_{m,b} c_{\gamma,\alpha} c_{\mu,\beta} c_b c_\beta \Omega_a \frac{d\Omega_a}{dt} \left. \right\} \end{aligned}$$

Если теперь во второмъ членѣ второй части этого равенства переменнымъ соотвѣтственно a на α и g на γ , то придемъ къ заключенію, что вторая часть этого равенства тождественно равна нулю, такимъ образомъ доказано такое предложеніе: подъ интегральная функція $\sum_n \sum_r \left(\frac{dP}{dp} \frac{dX_n}{dt} X_r - \frac{dP}{dt} \frac{dX_r}{dt} X_n \right) \omega_n \frac{d\omega_r}{dt}$ чрезъ замѣну переменныхъ ω_n и ω_r равными имъ выраженіями въ новыхъ переменныхъ Ω_α и Ω_α приводится къ нулю. Точно также должно быть замѣнено доказательство предложенія, аналогическаго съ этимъ, но болѣе общаго въ статьѣ нашей: *Développemens anatytiques, pour servir à compléter la discussion de la vaorigation seconde des intégrales définies multiples* — на 20-й страницѣ этой статьи, помѣщенной въ журналѣ *Bulletin des sciences mathématiques et astronomiques*, издаваемомъ Дорбу и Гуелемъ.

Производя во второй вариации интеграла W (фор. 6) настоящей статьи) тѣже преобразованія, какія изложены на 30—37 страницахъ нашей статьи о началѣ наименьшаго дѣйствія съ указаннымъ выше измѣненіемъ доказательства на 34 и на второй половинѣ 33-й страницы той же статьи, найдемъ, что

$$\delta^2 W = \int_{t_0}^{t_1} \left(\frac{dP}{dp} \xi^2 + \frac{dQ}{dq} \eta^2 + \frac{dR}{dr} \zeta^2 \right) dt = - \int_{t_0}^{t_1} \lambda (\xi^2 + \eta^2 + \zeta^2) dt,$$

а такъ какъ $\lambda = -1/2$, то

$$\delta^2 W = \frac{1}{2} \int_{t_0}^{t_1} (\xi^2 + \eta^2 + \zeta^2) dt$$

Это равенство показываетъ, что вторая вариация интеграла W — величина существенно положительная, т. е. изъ всѣхъ x , y , z , удовлетворяющихъ условному уравненію $\Pi - T = h$, тѣ x , y и z , которые опредѣляются уравненіями движенія, обращаютъ интегралъ $\int_{t_0}^{t_1} \Pi dt$ въ minimum.

Изслѣдованіе ошибокъ дѣленій меридіональнаго круга одесской астрономической обсерваторіи.

Студента Н. Ю. Тилчелки.

Настоящее изслѣдованіе имѣло цѣлью опредѣлить ошибки дѣленій $10^\circ, 20^\circ, 30^\circ \dots 350^\circ$ (считая дѣленіе 0° безошибочнымъ) западнаго круга. Этотъ кругъ раздѣленъ черезъ каждыя двѣ минуты и снабженъ четырьмя микроскопами, отстоящими другъ отъ друга на 90° . Кромѣ этихъ основныхъ микроскоповъ для изслѣдованія былъ еще употребленъ вспомогательный, который можно было располагать на произвольныхъ разстояніяхъ отъ основныхъ. Опредѣленіе ошибокъ дѣленій сдѣлано было по способу Бесселя (*Bessel. Astr. Beob. in Königsb. V. I. Ast. Nachr. Nros 481, 482*), основанія котораго состоятъ въ слѣдующемъ. Пусть a_1 и a_2 суть отсчеты двухъ микроскоповъ A_1 и A_2 при наведеніи на дѣленія z_1 и z_2 , которыхъ ошибки суть Δz_1 и Δz_2 ; d — разстояніе микроскопа A_1 отъ A_2 , считаемое по кругу; $\alpha = d - (z_2 - z_1)$; тогда:

$$\Delta z_2 - \Delta z_1 = \alpha - (a_2 - a_1) \dots \dots \dots (1). \text{ —}$$

α — опредѣляется по способу повторенія, — посредствомъ послѣдовательнаго наведенія микроскопа A_1 на дѣленія $z_1, z_2, 2z_2 - z_1, 3z_2 - 2z_1, \dots$, а A_2 на $z_2, 2z_2 - z_1, 3z_2 - 2z_1, 4z_2 - 3z_1 \dots \dots$. Если $z_2 - z_1 = \frac{360^\circ}{m}$, гдѣ m число цѣлое, то называя черезъ $a_1, a_1', a_1'', \dots, a_2, a_2', a_2'', \dots$ — соотвѣтствующіе отсчеты микроскоповъ A_1 и A_2 , получимъ:

$$\alpha = \frac{1}{m} \sum (a_1 - a_2),$$

гдѣ знакъ Σ относится къ значкамъ ', ", ... и распространяется на всю окружность.

Для опредѣленія ошибокъ дѣленій по формулѣ (1) необходимо имѣть дѣленіе, ошибка котораго была-бы уже извѣстна; за такое дѣленіе принимается 0° , такъ что $\Delta 0^\circ = 0$. — Четыре основные микроскопа позволяютъ опредѣлить ошибки 3 дѣленій 90° , 180° , 270° ; затѣмъ располагая вспомогательный микроскопъ на 40° отъ одного изъ основныхъ можно опредѣлить ошибки 8 дѣленій: $\pm 40^\circ$, $90^\circ \pm 40^\circ$, $180^\circ \pm 40^\circ$, $270^\circ \pm 40^\circ$, а располагая его на 30° отъ основнаго — ошибки остальныхъ 24-хъ дѣленій $\pm 30^\circ$, $90^\circ \pm 30^\circ$, $180^\circ \pm 30^\circ$, $270^\circ \pm 30^\circ$, $\pm 40^\circ \pm 30^\circ$, $90^\circ \pm 40^\circ \pm 30^\circ$, $180^\circ \pm 40^\circ \pm 30^\circ$, $270^\circ \pm 40^\circ \pm 30^\circ$, — сообразно съ этимъ были сдѣланы слѣдующіе три ряда наблюденій:

I. Наведенія одного изъ основныхъ микроскоповъ (*A*) на дѣленія 0° , 90° , 180° , 270° ; отсчеты всѣхъ четырехъ микроскоповъ (*A*, *B*, *C*, *D*) при первомъ и третьемъ наведеніяхъ; отсчеты *A* и двухъ отстоящихъ отъ него на 90° (*B*) и 270° (*D*) при второмъ и четвертомъ наведеніяхъ. Опредѣленные изъ этихъ наблюденій величины α оказались слѣдующими:

$$\text{для } A \text{ и } B - \alpha = - 8'', 5.$$

$$\text{» » } C - \text{»} = - 5'', 7.$$

$$\text{» » } D - \text{»} = + 6'', 3.$$

II. Наведенія *A* на 0° , 40° , 50° , 80° , 90° , 120° , 140° , 160° , 180° , 200° , 230° , 240° , 270° , 280° , 320° ; отсчеты *A* вспомогательнаго микроскопа (*M*) расположеннаго на разстояніи 40° отъ *A*. Наведенія на подчеркнутыя дѣленія составили повторительный рядъ; опредѣленное изъ него $\alpha = + 15'', 4$.

III. Наведенія *A* на 0° , 10° , 20° , 30° , 40° , 50° , 60° ,

90°, 100°, 110°, 120°, 130°, 140°, 150°, 180°, 190°, 200°, 210°, 220°, 230°, 240°, 270°, 280°, 290°, 300°, 310°, 320°, 330°; отсчеты *A* и *M* расположеннаго на 30° отъ *A*; изъ наведеній на подчеркнутыя дѣленія и соотвѣтствующія имъ подъ микроскопомъ *M*, найдено $\alpha = -6'',3$. Наблюденія производились при закрытыхъ ставняхъ и дѣленія круга освѣщались ручнымъ фонаремъ; въ теченіи I ряда наблюденій температура измѣнялась отъ $-7^{\circ},0\text{ C}$ до $-6^{\circ},5\text{ C}$., въ теченіи II оставалась постоянной и равной $-4^{\circ},5\text{ C}$., въ теченіи III измѣнялась отъ $4^{\circ},5\text{ C}$ до $-5^{\circ},5\text{ C}$. Каждый отсчетъ брался какъ среднее арифметическое изъ четырехъ наведеній и приводился въ градусную величину слѣдующимъ образомъ: пусть *a* есть отсчетъ микроскопа при наведеніи на штрихъ стоящій передъ нульпунктомъ, а *b* отсчетъ при наведеніи на штрихъ за нульпунктомъ микроскопа, тогда, называя градусную величину отсчета черезъ τ , получимъ:

$$\tau = \frac{a + b}{2} \left(1 + \frac{\Sigma (b - a)}{120 \cdot n} \right), \text{ —}$$

гдѣ знакъ Σ распространяется на всѣ *n* наблюденій; для множителя $\mu = 1 + \frac{\Sigma (b - a)}{120 \cdot n}$ были найдены слѣдующія числа:

Для микроскопа <i>A</i> — $\mu = 1,003$	Для микр. <i>M</i> во II ряду:
» » <i>B</i> » = 1,002	$\mu = 0,984$. —
» » <i>C</i> » = 1,003	Для микр. <i>M</i> въ III ряду:
» » <i>D</i> » = 1,005	$\mu = 0,992$. —

Для примѣра приведемъ одинъ изъ отсчетовъ *M* въ III-мъ ряду:

	<i>a</i>	<i>v</i>	<i>b</i>	<i>v</i>	
290° 0'	15,5	+ 0,15	14,9	+ 0,18	$b - a = 0,57$.
	15,5	+ 0,15	15,0	+ 0,08	съ точностью до десятихъ долей секунды:
	15,7	— 0,05	15,1	— 0,02	
	15,9	— 0,25	15,3	— 0,22	
средн :	15,65		15,08		

средняя погрѣшность наведенія = $\sqrt{\frac{\sum (vv)}{7}} = 0'',17$. —

Такимъ образомъ изъ упомянутыхъ трехъ рядовъ наблюдений найдены были слѣдующія ошибки :

z	Δ	z	Δ	z	Δ	z	Δ
0°	0'',0	90°	—1'',7	180°	+2'',4	270°	+4'',3
10	+0,5	100	— 2,5	190	+ 2,0	280	+ 3,4
20	0,0	110	— 0,8	200	+ 3,4	290	+ 2,9
30	—0,9	120	— 1,7	210	+ 4,1	300	+ 3,1
40	—0,5	130	— 0,1	220	+ 3,9	310	+ 2,6
50	—0,8	140	+ 0,9	230	+ 4,9	320	+ 2,9
60	—1,2	150	+ 0,7	240	+ 4,9	330	+ 0,3
70	—1,5	160	+ 2,8	250	+ 5,0	340	+ 0,3
80	—1,1	170	+ 3,0	260	+ 5,1	350	+ 0,3

Предполагая (Bessel. 1. с.), что ошибка дѣленія z можетъ быть представлена въ видѣ:

$$a + a_1 \cos z + a_2 \cos 2z + \dots + b_1 \sin z + b_2 \sin 2z + \dots,$$

мы получимъ, вычисляя изъ этихъ чиселъ коэффициенты a , a_1 , a_2 , ..., b_1 , b_2 , ... по способу наименьшихъ квадратовъ:

$$\Delta z = 1'',43 - 1'',23 \cos z - 2'',77 \sin z + 0'',03 \cos 2z + 0'',39 \sin 2z + \dots (2). —$$

Вычислимъ по этой формулѣ ошибки (Δ') отчетовъ по двумъ диаметрально противоположнымъ микроскопамъ для дѣле-

ни 0° (180°), 10° (190°), .. — 170° (350°); эти же ошибки могут быть также получены из выше приведенной таблицы как среднее арифметическое из ошибок 0° и 180° , 10° и 190° , .. и т. д.: Из формулы (2) получимъ, подставляя вместо z , — $180 + z$:

$$\Delta'z = \frac{\Delta z + \Delta(180^\circ + z)}{2} = 1'',43 + 0'',03 \cos 2z + 0'',39 \sin 2z + \dots$$

Отбрасывая постоянный членъ $1'',43$, получимъ слѣдующую таблицу наблюдаемыхъ (O) и вычисленныхъ (C) ошибок $\Delta' = 1'',43$:

$z(180^\circ+z)$	o	c	v	$z(180^\circ+z)$	o	c	v
$0^\circ(180^\circ)$	$-0'',23$	$+0'',03$	$-0'',26$	$90^\circ(270^\circ)$	$-0'',12$	$-0'',03$	$-0'',10$
$10(190)$	$-0,18$	$+0,13$	$-0,31$	$100(280)$	$-0,98$	$-0,13$	$-0,85$
$20(200)$	$+0,27$	$+0,27$	$0,00$	$110(290)$	$-0,38$	$-0,27$	$-0,11$
$30(210)$	$+0,17$	$+0,36$	$+0,19$	$120(300)$	$-0,73$	$-0,36$	$-0,37$
$40(220)$	$+0,27$	$+0,39$	$-0,12$	$130(310)$	$-0,18$	$-0,39$	$+0,21$
$50(230)$	$+0,62$	$+0,38$	$+0,24$	$140(320)$	$+0,47$	$-0,38$	$+0,85$
$60(240)$	$+0,42$	$+0,33$	$+0,09$	$150(330)$	$-0,93$	$-0,33$	$-0,60$
$70(250)$	$+0,32$	$+0,23$	$+0,09$	$160(340)$	$+0,12$	$-0,23$	$+0,35$
$80(260)$	$+0,57$	$+0,10$	$+0,47$	$170(350)$	$+0,22$	$-0,10$	$+0,32$

отсюда средняя погрѣшность отдѣльнаго опредѣненія Δ' равна

$$E = \sqrt{\frac{\sum (vv)}{n-1}} = 0'',40$$

Члены ($-1''$, $23 \cos z$ — $2''$, $77 \sin z$), исключаются при отсчете по двумъ противоположнымъ микроскопамъ, какъ известно, выражаютъ вліяніе эксцентрицитета и эллиптичности цапфовъ; вычисленіе дальнѣйшихъ коэффициентовъ ряда (2) не приноситъ существенной пользы.

Такимъ образомъ, въ среднемъ, не періодическія ошибки изслѣдованныхъ дѣленій не превышаютъ значительно средней ошибки отдѣльнаго наведенія.

О ЛѢТОПИСЯХЪ.

Изъ лекцій по Русской историографіи

Маистра А. И. Маркесича.

Лѣтописью или временникомъ ¹⁾ называется погодный рассказъ о событіяхъ, имъ современный.

Этимъ названіемъ опредѣляется и самая форма лѣтописи: совершившіяся событія изображены въ ней исключительно въ хронологическомъ порядкѣ и вносились ежегодно, по мѣрѣ того какъ происходили.

Лица, занимавшіяся составленіемъ лѣтописей, называются лѣтописцами.

Главнѣйшимъ свойствомъ лѣтописи надобно считать ея современность изображаемымъ въ ней событіямъ; составители заносили событія въ то время, какъ они происходили, или развѣ немногимъ позже, по по свѣжей памяти.

Очень долго существовало мнѣніе о полной объективности лѣтописцевъ, особенно древнѣйшихъ, и объ отсутствіи съ ихъ стороны оцѣнки событій, чѣмъ лѣтопись будто-бы различается отъ мемуаровъ (историческихъ записокъ). Но въ послѣднее время доказано было субъективное отношеніе лѣтописцевъ, даже древнѣйшихъ (изъ извѣстныхъ нынѣ), къ изображаемымъ ими событіямъ, такъ что объективность не можетъ считаться свойствомъ лѣтописи.

---

¹⁾ Иногда лѣтописцемъ; всѣ эти термины представляютъ переводъ съ греческаго *ἔτεογραφία*, *ἔτεογράφος*, *χρονογραφία*, *χρονογράφος*, *χρονικόν* и т. п.

Русскія лѣтописи начинаются, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ русскою письменностью и доходятъ до XVIII в.

Строго говоря, лѣтописями имѣютъ право называться и тѣ погодныя записки, которыя, можетъ быть, ведутся кое-гдѣ и въ настоящее время, но такъ какъ съ XVIII в. лица, желающія сохранить въ память потомству свои воспоминанія о прошломъ, несравненно чаще избираютъ форму мемуаровъ, т. е. систематизируютъ извѣстія, не стѣсняя себя строго хронологическимъ порядкомъ, то принято считать начало XVIII в. временемъ окончанія лѣтописанія въ Россіи.

Считать предѣломъ лѣтописанія XVIII в. удобно еще и потому, что господствующій въ XV и XVI в. видъ лѣтописей — лѣтопись официальная — въ XVIII в. сливается все болѣе и болѣе съ инымъ видомъ историческихъ источниковъ — съ такъ называемыми разрядными книгами, которыми затѣмъ и поглощается; онѣ же въ свою очередь переходятъ частью въ такъ называемые камерфурьерскіе журналы, частью въ иные официальные акты. Въ свое время мы будемъ имѣть случай говорить объ этихъ переходахъ обстоятельнѣе.

Потерявши официальное значеніе, лѣтописи кое-гдѣ продолжаютъ, и нерѣдко встрѣтить указаніе на какой нибудь деревенскій лѣтописецъ, доведенный до весьма близкаго къ намъ времени (см. о такихъ лѣтописцахъ статейку въ Истор. Вѣсти. 1880 г. № 11).

Нѣкоторые писатели, большею частью изъ духовныхъ лицъ, особенно въ послѣднее время, называютъ лѣтописями, сдѣланныя ими о какомъ либо краѣ, городѣ или монастырѣ и т. п. выборки изъ всевозможныхъ источниковъ, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, чтобы не называть ихъ исторіей, такъ какъ это названіе налагало бы на авторовъ извѣстныя обязательства, въ ихъ трудахъ невыполненныя. Разумѣется, нельзя ничего возразить противъ такого фигуральнаго употребленія термина лѣтопись, но такія лѣтописи не могутъ подойти въ настоящее время подъ понятіе историческаго источника.

Происхожденіе лѣтописей.

Происхожденіе русских лѣтописей, по общепринятому мнѣнію, находится въ несомнѣнной зависимости отъ лѣтописей византійскихъ, существованіе которыхъ въ свою очередь обусловлено существованіемъ римскихъ лѣтописей. Генезисъ же этихъ послѣднихъ ученые нынѣ склонны возводить къ вліянію иныхъ народовъ древности. Въ виду этого, а въ особенности въ виду того, что происхожденіе русских лѣтописей представляетъ вопросъ еще недостаточно разъясненный, не безполезны будутъ указанія на существованіе лѣтописей вообще въ государствахъ древняго міра.

Лѣтописями въ приѣвненіи къ народамъ древняго востока называются реляціи царей о своихъ дѣяніяхъ. Ихъ можно сравнивать не столько съ лѣтописями, сколько съ такъ называемыми историческими сказаніями, которыя почти вездѣ явились первымъ матеріаломъ для составленія настоящихъ лѣтописей.

Для писанія такихъ реляцій въ восточныхъ государствахъ существовали официальные писцы — какъ бы статсъ-секретари.

Таковы именно такъ называемыя лѣтописи ассирійскихъ царей, столь интересующія въ настоящее время весь образованный міръ особенно потому, что лучшее, чѣмъ прежде, чтеніе клинообразныхъ надписей дало возможность чрезвычайно полно познакомиться съ исторіей царей ассирійскихъ.

Лучшее изданіе этихъ лѣтописей—Menant. *Annales des rois d'Assyrie* 1874. О нихъ можно найти подробныя свѣдѣнія на русскомъ языкѣ, новѣе чѣмъ у кого либо, въ статьяхъ Астафьева: Лѣтописи ассирійскихъ царей (Ж. М. Н. Пр. 1879 г. № 6 и 1880 г. № 1; также въ Вѣстн. Евр. 1881 г. № 5).

Вотъ какъ отличаетъ г. Астафьевъ ассирійскія лѣтописи отъ нашихъ:

«Лѣтописи эти никакъ нельзя сравнить съ нашими лѣто-

писанными сказаніями, расположенными въ строго-хронологическомъ порядкѣ и въ болѣе или менѣе связномъ изложеніи; отъ нихъ нельзя ожидать и полноты нашихъ лѣтописей: Это царскія лѣтописи, т. е. реляціи о подвигахъ ассирійскихъ царей, куда бытовая сторона входитъ только случайно въ той лишь мѣрѣ, въ какой дѣянія царей соприкасаются съ ней.

Лѣтописи ассирійскихъ царей наиболѣе извѣстны; но, конечно, таковыя были и въ древнемъ Египтѣ¹⁾ и въ другихъ государствахъ древняго Востока. Кромѣ того вездѣ были преданія, записанныя въ храмахъ, которыя были въ полной зависимости отъ греческой мудрости и ея религіознаго характера. Отсюда брали матеріалы для своихъ трудовъ египетскій историкъ Манеонъ, ассиро-вавилонскій Берозъ, финикійскій Санхоніатонъ (впрочемъ, подлинность его не доказана), историки еврейскіе. Тоже самое было у зендовъ (уже въ зависимости непосредственно отъ ассирійскаго вліянія) и т. д. Всѣ относящіяся сюда свѣдѣнія можно отыскать въ изданной г. Коршемъ Исторіи всеобщей литературы, въ монографіяхъ, посвященныхъ литературамъ отдѣльныхъ народовъ древности.

Профессоръ Паткановъ (въ изданіи Корша) указываетъ еще и на армянскіе лѣтописцевъ, но они уже подражали греческимъ хронистамъ христіанскаго времени.

Долго держалось мнѣніе о древности и достовѣрности древней лѣтописи Китая; но извѣстный знатокъ китайской исторіи профессоръ Васильевъ (въ изданіи Корша) считаетъ рассказъ о древней лѣтописи Китая ложью. Позднѣе были историографы для записыванія дѣяній царя и его изреченій. Обрывки около VII в. до Р. Хр. вошли въ лѣтопись Чунь-цю, изданную Конфуціемъ (перев. Монастыревскимъ Спб. 1876 г.). Вообще же историческая литература Китая отличается отъ

¹⁾ Одну такую лѣтопись, относящуюся къ царствованію фараона Манеоты и состоящую изъ картинъ съ пояснительнымъ іероглифическимъ текстомъ вокругъ, въ которомъ говорится о нападеніи на Египетъ приморскихъ народовъ (сардинцевъ, сицилійцевъ, ахейцовъ), перевелъ и издалъ нѣмецкій ученый Маутъ. Но это тоже не лѣтопись, а историческое сказаніе.

нныхъ древне восточныхъ только 'странными способами изложенія, наприхвѣръ біографіи лицъ излагаются въ іерархическомъ порядкѣ.

У индусовъ существовали исключительно родословныя исторіи

Все, приведенное выше, очевидно, не можетъ служить для разъясненія вопроса о происхожденіи лѣтописи.

Какъ мы увидимъ ниже, древне-еврейская историографія въ свое время имѣла нѣкоторое вліяніе на христіанскія лѣтописи, но она не обусловила собою ихъ происхожденія. У евреевъ, какъ и вездѣ, были писцы, обязанные записывать особенно важныя событія изъ народной жизни. Такіе писцы, можетъ быть, сперва при Сивини Завѣта (по мнѣнію Доррета мученика, жившаго въ IV ст.¹⁾). Конечно, какъ здѣсь, такъ и въ позднѣйшихъ храмахъ записывались преданія, вѣроятно, на основаніи генеалогическихъ источниковъ. Изъ такихъ записокъ составлялись позднѣе обычныя на Востоку лѣтописи.

По еврейскимъ преданіямъ, не лишеннымъ основанія, писателемъ или издателемъ книги Судій былъ пророкъ Самуиль.

Такіе же писцы, но уже савонники при царскомъ дворѣ, обязаны были записывать важнѣйшія событія изъ государственной и придворной исторіи. Они существовали напр. при царѣ Соломонѣ (см. 3 кн. царствъ гл. 4, 3), также при царѣ Іезекии (4 кн. царствъ гл. 18, 18 и 37²⁾), и при иныхъ царяхъ іудейскихъ, причеиъ изъ контекста видно, что это были лица очень важныя.

Записи этихъ писцовъ по всей вѣроятности послужили матеріаломъ для составленія 1 и 2 книги царствъ. Еврейское преданіе приписываетъ ихъ составленіе пророку Самуилу; но онъ могъ быть авторомъ лишь первой книги, и то не всей. Событія же послѣ смерти Самуила описаны, по свидѣтельству 1-й книги Паралипоменона, Нафаномъ и Гадоиъ.

¹⁾ Впрочемъ его церковное списаніе признается нынѣ позднѣйшею поддѣлкою.

²⁾ Они переводятся на церковно-славянскій языкъ словомъ воспоминаиъ, воспоминаиель и т. п.

Въ 3 и 4 книгѣ царствъ много разъ упоминаются лѣтописи царей іудейскихъ. Можно даже указать слѣды этихъ лѣтописей — такъ сказать буквальныя выдержки (напр. въ 3 кн. царствъ гл. 8, 8, въ 4 кн. ц. гл. 8, 22), — именно въ тѣхъ случаяхъ, когда, по поводу рассказываемаго событія, дѣлается указаніе и на настоящее время, напр. «И отступи Едомъ изъ подъ руки Іудины до дне сего». Полагають, что эти лѣтописи могли быть составлены однимъ лицомъ, жившимъ незадолго до вавилонскаго плѣна. Эти лѣтописи были источникомъ и для хроники или Паралипоменона, составленнаго, кажется, уже позднѣе, по возвращеніи изъ Вавилона.

Но и еврейскія лѣтописи были въ сущности лишь историческими сказаніями, поэтому и онѣ, подобно исчисленнымъ выше историческимъ сказаніямъ иныхъ народовъ древняго Востока, не могутъ рѣшить вопроса о происхожденіи лѣтописи въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Тѣмъ важнѣе для вопроса о происхожденіи лѣтописей открытіе такъ называемаго канона ассирійскихъ эпонимовъ (по ассирійски Луиму¹⁾), т. е. списка ежегодно смѣнявшихся чиновниковъ, по имени которыхъ и назывался годъ. При именахъ сдѣланы приписки о совершившихся въ этотъ годъ событіяхъ. Кажется, Берозъ пользовался и такими списками и слилъ ихъ со сказаніями, но сочиненіе его извѣстно лишь по небольшимъ отрывкамъ.

Съ большою достовѣрностью можно видѣть въ этихъ спискахъ начало лѣтописанія, такъ какъ совершенно аналогичныя явленія встрѣчаются и въ древней Греціи и Римѣ, гдѣ ассирійская культура могла вліять хоть и непосредственно, но черезъ вліяніе семитическихъ государствъ. Извѣстно, какое огромное вліяніе новѣйшіе историки приписываютъ финиціанамъ (и Картегену) не только на религію и бытъ грековъ, но даже на древне-римское государственное устройство.

Есть мнѣніе, что подобныя списки были и у египтянъ и

¹⁾ Канонъ есть тоже у Menant's, см. Астафьевъ.

оттуда заимствованы ассириянами. Это нѣсколько доказывается тѣмъ, что у египтянъ были списки правителей съ показаніемъ лѣтъ ихъ царствованія (ими пользовался Манефонъ) и времясчисленіе производилось по годамъ правленія царей. Но эти доказательства не настолько еще рѣшительны, чтобы искать въ египетской историографіи происхожденіе ассирійскаго канона эпонимовъ, который, такимъ образомъ, и остается пока первымъ памятникомъ лѣтописанія. Надо полагать, что подобныя ассирійскіе списки послужили образцомъ и для иныхъ народовъ древности, напр. для грековъ.

Древне греческая историографія тоже началась жреческими преданіями. У древнихъ грековъ исторія была скорѣе полупоэтическая, чѣмъ научная. Но въ то же время были и подобныя восточнымъ историческія сказанія — анаграфы, — о которыхъ Діонисій Галикарнаскій говоритъ слѣдующимъ образомъ: «Въ мѣстахъ священныхъ и въ мѣстахъ свѣтскихъ употреблялись древними греками разнаго рода анаграфы, которые принадлежатъ къ древнему времени и изъ которыхъ древніе историки почерпали свои свѣдѣнія». О подобныхъ анаграфѣхъ, бывшихъ еще до Ликурга, упоминаетъ, приводя многое изъ нихъ, и Плутархъ.

Но въ то же время у грековъ были и списки именъ, къ которымъ приписывались замѣтки о событіяхъ. Вѣроятно, раньше другихъ велись списки жрецовъ и жриць, составлявшіеся при храмахъ жрецами и жрицами, конечно, подъ вліяніемъ знакомства съ восточною мудростью. У греческаго историка Гелланика былъ хронологическій списокъ жриць храма Перы въ мѣстечкѣ недалеко отъ Аргоса. Списокъ этотъ былъ веденъ особою жрицею, приписывавшею къ нему замѣтки объ аргосскихъ событіяхъ, связанныхъ съ именами этихъ жриць. Особенно рано при спискахъ жрецовъ и жриць начали отиѣчать высылку колонистовъ для основанія новыхъ колоній.

За списками жрецовъ явились и иные. Такъ были списки спартанскихъ царей и эфоровъ, а въ другихъ государствахъ

списки смѣнявшихъ другъ друга представителей общины¹⁾. Курціусъ относитъ ихъ къ половинѣ VIII вѣка. Къ тому же времени относятся и списки побѣдителей на олимпійскихъ играхъ и т. п.

Всѣ такіе списки являются важною опорою для хронологіи грековъ: Фукидидъ часто опредѣляетъ время именемъ жрицы или архонта.

Списки эти, дополненные извѣстіями изъ историческихъ сказаній и жреческой традиціи, и образовали греческія лѣтописи. Одна такая лѣтопись, составленная по самымъ древнимъ анаграфамъ и начертанная на мраморныхъ плитахъ, была найдена путешественникомъ Ле-Шевалье на островѣ Паросѣ. Она начинается съ царствованія Кекропса; здѣсь выставлены и годъ, и правитель, и мѣстность.

Лѣтописцевъ своихъ греки называли то горографами (лѣтописцами), то логографами. Трудно сказать, была ли между ними какая либо разница, по во всякомъ случаѣ не во времени, такъ какъ горографъ Харонъ, написавшій лѣтопись (*хрои-анналес*) своего роднаго города Лампсака, потерянную, какъ и труды всѣхъ горографовъ, жилъ уже послѣ знаменитѣйшаго логографа Гекатея Милетскаго. Фукидидъ называетъ логографами всѣхъ своихъ предшественниковъ. Логографъ Гелланикъ, о которомъ было говорено, современникъ уже Геродота, составилъ списокъ побѣдителей на музыкальныхъ и поэтическихъ состязаніяхъ въ Спартѣ, въ честь Аполлона Карнейскаго, и писалъ тоже о современныхъ ему событіяхъ, но, по словамъ Фукидида, сухо (и не вѣрно); значитъ, онъ именно былъ лѣтописецъ, горографъ. Можетъ быть логографами назывались лѣтописцы болѣе систематическіе, которые, хотя и придерживались хронологическаго порядка, но соединили въ своихъ трудахъ исторію съ географіей (особенно съ этнографіей). За ними слѣдовалъ Геродотъ и другіе знаменитые историки, которые, и заслонили лѣтопись.

¹⁾ У Гелланика были списки аттическихъ царей.

Краткія свѣдѣнія о началѣ греческой исторіографіи можно найти въ извѣстномъ сочиненіи Курціуса *Исторія Греціи* (есть въ русскомъ переводѣ), равно какъ и въ указанномъ выше изданіи Корша. О логографахъ былъ особый мемуаръ Курціуса въ 1866; а на русскомъ языкѣ можно прочесть довольно обстоятельно у Дьячана: *Геродотъ и его музы* (Варшава 1877 г.).

Лучше разъясненъ ходъ лѣтописнаго дѣла у римлянъ, такъ какъ, благодаря извѣстному консерватизму римскаго народа, лѣтопись въ Римѣ отличалась гораздо большею устойчивостью, а позже пріобрѣла тамъ важное значеніе.

Національная исторіографія въ Римѣ началась составлявшимися понтифексами календарями, къ которымъ присоединялась ежегодная таблица (*liber annalis*), причѣмъ записывались имена ежегодно смѣняющихся магистратовъ. Въ спискахъ этихъ (такъ называемыхъ *фастахъ*¹⁾) были приписки о ежегодныхъ выдающихся событіяхъ изъ государственной и общественной жизни Рима. Ученые видятъ таковыя приписки въ тѣхъ, очень короткихъ замѣткахъ о какомъ либо годѣ, которыя встрѣчаются у позднѣйшихъ историковъ, напр. у Тита Ливія (большею частью въ концѣ каждаго года) и касаются или освященія храмовъ, или установленія праздниковъ, или выбора диктатора съ какою либо цѣлью, или, наконецъ, какихъ либо случайныхъ событій, напр. паденія мачты въ церквѣ, уронившей при этомъ и статую. Изъ списковъ этихъ взяты и приводимыя Т. Ливіемъ ежегодно имена консуловъ.

Списки сановниковъ — *libri magistratum*, какъ доказываетъ Моммзентъ, называются еще *libri lintei* — по матеріалу (льну), на которомъ онѣ были писаны. О нихъ нѣсколько разъ упоминается у Т. Ливія.

Веденіе этихъ списковъ могло начаться не только въ

¹⁾ Часть ихъ, такъ называемыя Капитолійскіе фасты, были вырваны на храмѣ и выставлены Имп. Августомъ для общаго пользованія. Во время же республики они хранились въ храмѣ Юноны Монеты подъ надзоромъ особыхъ дуумвировъ; тамъ ихъ видѣлъ Цицеронъ.

первое время республики, т. е. когда магистратура приобрѣла выдающееся значеніе, но и раньше. Въ царскую эпоху, вмѣстѣ съ началомъ календаря, могли явиться списки какихъ либо жрецовъ въ родѣ эпонимовъ для годоваго счета (какъ въ Ассиріи), хотя тогда счетъ, конечно, шелъ и по годамъ правленія царей, почему потомъ и перешелъ на консуловъ. Цицеронъ и другіе писатели относятъ начало списковъ именно къ началу римскаго государства.

Уже въ республиканскую эпоху изъ фастовъ, по нѣвнѣю ученыхъ, въ рукахъ понтифексовъ выросла лѣтопись—*annales pontificum* или *annales maximi*. Она отличалась краткостью, сухостью, полною официальною относительно внесенныхъ событій. Великій понтифексъ выставлялъ ее, какъ и календарь, въ передней комнатѣ въ видѣ таблицы (сперва деревянной, окрашенной бѣлою краскою), на которой были написаны происшествія каждаго года.

Вотъ что говоритъ объ этихъ анналахъ Цицеронъ: *Erat enim historia nihil aliud, nisi annalium confectio cujus rei memorisæque publicæ retinendæ causa ab initio rerum Romanorum... res omnes singularum annorum mandabat literis pontifex maximus efferenbatque in album et proponebat tabulam domi, potestas ut esset populo cognoscendi.*

Извѣстенъ еще сохранный Авломъ Гелліемъ отъзвъ Катона о лѣтописи, который начинались его Начала: неприятно повторять то, что читается на таблицѣ у великаго понтифекса: когда хлѣбъ былъ дорогъ, когда свѣту луны или солнца помѣшало затменіе, или что либо другое.

Знакомый съ лѣтописями иныхъ европейскихъ народовъ, напр. съ русскими, уже изъ этихъ словъ легко можетъ заключить о сходствѣ ихъ съ римскими лѣтописями; но это сходство было еще полнѣе. Вотъ какими словами проф. Модестовъ характеризуетъ римскую лѣтопись (въ Исторіи римской литературы):

«Предметомъ лѣтописи были наиболѣе важныя событія: начало и исходъ войны, триумфы полководцевъ, заключеніе

связныхъ договоровъ, а сверхъ этого и особенно поразительныя явленія природы, какъ то: затменіе солнца и луны, разныя небесныя знаменія, появленіе чудовищъ, слышаніе неизвѣстныхъ голосовъ, возвѣщавшихъ волю боговъ, далѣе—необыкновенная дороговизна стѣстныхъ припасовъ, появленіе повальной болѣзни, однимъ словомъ все — что свойственно всѣмъ древнимъ лѣтописямъ, не исключая и нашихъ».

Анналы эти не погибли всецѣло во время извѣстнаго гальскаго пожара¹⁾ и извѣстіе Т. Ливія — *litteræ in urbe senza plegasque integere* — говоритъ лишь о гибели многихъ, но не всѣхъ памятниковъ, и анналами воспользовались позднѣе многіе римскіе писатели.

Благодаря тому, что, какъ было сказано, въ лѣтопись заносились всякія, по мнѣнію римлянъ, сверхъестественныя явленія, или то, что у римлянъ называлось *prodigiis*, — сохранился, такъ сказать, слѣдъ великихъ annalovъ, именно компиляція изъ нихъ — *De prodigiis*, сдѣланная, по всей вѣроятности, Юліемъ Обсеквентомъ, писателемъ едва-ли не христіанскимъ²⁾.

При большемъ развитіи римской общественной жизни (напр. въ эпоху 2-й пунической войны) лѣтопись становилась все полнѣе и полнѣе: въ нее могли вноситься цѣлыя оффиціальныя акты, напр. донесенія магистратовъ, рѣшенія коммицій, также некрологи и т. п. Все это имѣло оффиціальныя характеръ, хоть иногда, какъ извѣстно, и въ ущербъ истинѣ. Въ то же время лѣтопись въ рукахъ жрецовъ пополнялась матеріаломъ изъ молитвъ, изъ жреческихъ преданій, вѣроятно, имѣвшихъ видъ отдѣльныхъ историческихъ сказаній, равно какъ и изъ преданій народнаго эпоса такого-же свойства, почему ихъ можно было вставить въ любое мѣсто лѣтописи. Жрецы

¹⁾ Замѣтимъ, что въ послѣднее время сомнѣваются даже въ самомъ этомъ пожарѣ.

²⁾ О Юліѣ Обсеквентѣ и о дополненіяхъ къ нему можно прочесть на русско-мъ языкѣ у Ан. Попова: Обзоръ хроникографовъ русской редакціи вып. 1-ый стр. 111.

изъ среды знатнѣйшихъ родовъ могли вносить въ нее, даже въ интересахъ самаго патриціата, преданія о своихъ предкахъ, заимствованныя изъ хроникъ и сказаній знатныхъ родовъ и изъ ихъ родословныхъ, изъ надгробныхъ рѣчей и похоронныхъ стиховъ (неній), изъ застольныхъ пѣсней и т. п. Въ результатѣ въ Римѣ создавалась лѣтопись въ современномъ значеніи этого слова.

Въ 133 г. до Р. Хр. при pontifex'ѣ тахітус'ѣ Муціѣ Сцеволѣ великіе анналы были обработаны и изданы въ 80 книгахъ. Продолжались-ли они дальше, неизвѣстно. Но консульскіе фасты продолжались все время имперіи, даже при дворѣ христіанскихъ императоровъ до VI вѣка. Къ нимъ по прежнему могли дѣлаться присписки.

Хотя имѣются указанія лишь на официальную лѣтопись, но нельзя отрицать существованія и иныхъ ея редакцій. Г. Модестовъ отрицаетъ обычное объясненіе annales тахімі отъ pontifex тахітус, и думаетъ, что названіе annales тахімі предполагаетъ существованіе анналовъ и не главныхъ.

Почти навѣрное существовали семейныя хроники. Могли вестись въ первое время республики по образцу лѣтописей патриціанскихъ и лѣтописи плебеевъ въ ихъ храмахъ; кромѣ римскихъ могли быть лѣтописи иныхъ городовъ Лаціума; наконецъ могли быть и частныя лѣтописи, которыя велись любовознательности ради лѣтописца. Т. Ливій говоритъ, что онъ не можетъ иногда разобрать, въ какомъ порядкѣ слѣдовали другъ за другомъ консулы и въ какомъ году что случилось, такъ какъ источники его разногласятъ въ этомъ.

Лѣтописная форма такъ крѣпко укоренилась у римлянъ, что слова annales и historia (позднѣе и слово chronica) долго были равнозначительными (см. у Модестова passim), и первыя извѣстныя намъ римскіе историки, такъ называемые историки анналисты (напр. Фабій Пикторъ и др.), сохранили лѣтописную форму для своихъ исторій. Цицеронъ цитируемое выше мѣсто продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: hunc similitudinem scribendi multo seculo sunt, qui sine ullis orna-

mentis monumenta solum temporum, hominum, locorum gestarumque rerum reliquerunt, и называетъ нѣсколько именъ. Лѣтописная форма изложенія была усвоена не только современниками Цицерона (Гортензіемъ, Аттикомъ), но и позднѣйшими и притомъ уже столь художественными писателями: Т. Ливіемъ и Тацитомъ. Она сохранилась даже у очень позднихъ писателей, напр. у Амміана Марцеллина, такъ что римскія сочиненія—хроникѣ доходятъ до конца существованія римскаго государства и переживаютъ паденіе римской государственной религіи¹⁾. Позднѣе счетъ годовъ отъ основанія Рима и обозначеніе ихъ именами консуловъ встрѣчается даже у христіанскихъ историковъ западныхъ и византійскихъ, напр. у Проспера Аквитанскаго, у Кассіодора, или въ такъ называемой Пасхальной хроникѣ.

На русскоиъ языкѣ о римской анналистикѣ можно прочесть въ переводѣ Римской исторіи Момизена, также въ сочиненіяхъ Модестова: Римская письменность въ эпоху царей (въ нѣмецкомъ переводѣ этого сочиненія вопросъ объ анналахъ изложенъ еще обстоятельнѣе) и Исторія римской литературы, а особенно въ сочиненіи В. Пирогова: Изслѣдованія по римской исторіи преимущественно въ области 3-й декады Ливія 1878 г. Въ иностранной литературѣ кромѣ Момизена очень важны еще: Викторъ Лезлеръ мемуаръ объ анализѣхъ, Ниссенъ объ источникахъ Ливія въ 4 и 5 декадахъ, Nitzsch—Die Römische Annalistik 1873 г. и Peter Historium romanorum reliquæ 1870 и Zür Kritik der Quellen der älteren römischen Geschichte 1879.

Принятіе христіанства отразилось на современной историографіи, главнымъ образомъ, усвоеніемъ Священнаго Писанія, поэтому историческія сочиненія христіанскихъ писателей, какъ западныхъ, такъ и византійскихъ, очень часто начинаются

¹⁾ Впрочемъ, были попытки отдѣлаться отъ лѣтописной формы довольно рано, напр. Семпроній Авелліонъ, жившій еще до Цицерона, требовалъ для исторіи прагматической обработки.

исторіей Ветхаго Завѣта, къ которой примыкаетъ уже исторія времени, спеціально описываемаго авторомъ. Такова напр. Исторія временъ отъ начала міра и до никейскаго собора (извѣстная болѣе подъ именемъ Хроники), написанная Евсевіемъ Памфиломъ, извѣстнымъ церковнымъ писателемъ начала IV вѣка, а также и многія болѣе позднія историческія средневѣковыя сочиненія.

Но историческій матеріалъ въ своихъ сочиненіяхъ христіанскіе историки по прежнему располагали по спискамъ магистратовъ (консуловъ, можетъ быть префектовъ города Рима), а потомъ по сдѣланнымъ по образцу языческихъ списковъ таблицамъ различныхъ духовныхъ лицъ. Въ нѣкоторыхъ (вѣроятно важнѣйшихъ) церквяхъ велись записки, въ которыхъ (болѣе или менѣе кратко или подробно) напѣчались церковныя событія по преемствамъ епископовъ, т. е. въ нихъ въ преемственной связи указывалось время вступленія въ должность каждаго епископа, отмѣчались наиболѣе важныя событія, падавшія на то или другое епископство, напр. возникновеніе извѣстныхъ ересей, появленіе наиболѣе замѣчательныхъ сочиненій, соборы и пр. Эти частныя лѣтописи современемъ были объединяемы въ болѣе общія церковныя лѣтописи.

По всей вѣроятности, первая (хотя можетъ быть и не особенно полная) общая церковная лѣтопись была составлена историкомъ Юлемъ Африканомъ, жившимъ въ половинѣ III в.¹⁾, о которомъ свѣдѣній почти не сохранилось. Любопытно, что въ хроникѣ Юлія Африкана счетъ шелъ по олимпиадамъ, такъ что христіанская церковная историографія какъ бы примыкаетъ къ греческой географіи²⁾. Хроника Юлія Африкана легла

¹⁾ Хотя и упоминается церковный историкъ Евсевій, жившій еще во II вѣкѣ, но его Воспоминанія мало извѣстны, какъ со стороны формы, такъ и со стороны содержанія. Иные историки приписываютъ имъ апологическій характеръ, другіе считаютъ ихъ путешествіями и т. п.

²⁾ Сочиненіями греческихъ писателей, считавшихъ по олимпиадамъ пользовались Евсевій, авторъ Chronicon Paschale и еще нѣкотор. византійскіе историки.

въ основаніе знаменитой церковной исторіи Евсевія, который ее распространилъ и дополнилъ свѣдѣніями относительно своего времени.

Кромѣ этой исторіи Евсевій составилъ названную выше Хронику, гдѣ есть цѣлая часть, извѣстная подъ именемъ хронологическихъ каноновъ, въ которой содержатся сравнительныя хронологическія таблицы разныхъ царствъ съ отиѣтками нѣкоторыхъ замѣчательныхъ событій. Въ этихъ отиѣткахъ сообщаются свѣдѣнія о греческихъ богахъ и герояхъ, о построеніи городовъ, о философахъ, поэтахъ, и вообще обо всемъ наиболѣе, по мнѣнію автора, достопримѣчательномъ. Хроника эта была продолжаема Іеронимомъ Блаженнымъ и др. писателями, а исторія церкви сперва историками Сократомъ и Созоменомъ, а позднѣе (въ полов. V вѣка), помимо ихъ, Феодоритомъ, епископомъ Бирскимъ. Вообще церковныя христіанскіе историки постоянно брали себѣ за образецъ Евсевія и Іеронима; хотя существовали и нныя подобныя хроники, напр. Ипполита изъ Порто (въ полов. III в.), которая легла въ основаніе такъ называемаго Хронографа 354 г., ее продолжающаго, и Фредегарія. Впрочемъ, многіе болѣе образованные христіанскіе писатели, какъ напр. самъ Іеронимъ Блаженный подражали и классическимъ писателямъ, напр. Светонію.

Свѣдѣнія о древнихъ христіанскихъ лѣтописцахъ собраны въ соч. Ad. Ebert'a *Geschichte der Christlich lateinischen Literatur* T. I. 1874, Mommsen'a *Ueber den Chronographen vom Jahre 354* и Wattenbach'a *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter*; а на русскомъ языкѣ о древней христіанской хронографіи есть замѣчанія въ сочиненіи Розанова Евсевій Памфилъ и особенно въ рецензій на это сочиненіе Муретова въ *Правосл. Обозр.* 1881 г. № 12.

Хотя западно-европейскіе народы утвердились на римской почвѣ и рано познакомились съ римской цивилизаціей, а слѣдовательно и съ римской исторической литературой, но средне-вѣковыя монастырскія лѣтописи, тоже называемыя анналами, не смотря даже на сходство въ формѣ съ римскими анналами,

все-таки, по общепринятому мнѣнію, имѣютъ иное происхожденіе. Они возникли въ самыхъ монастыряхъ и произошли изъ замѣтокъ на такъ наз. пасхальныхъ таблицахъ.

Какъ извѣстно, праздникъ Пасхи переходный. По окончательномъ опредѣленіи времени его празднованія на первомъ никейскомъ вселенскомъ соборѣ, являлась надобность въ заблаговременномъ опредѣленіи дня Пасхи на послѣдующіе годы; вычислявшіе составляли готовые таблицы съ датами; эти таблицы и назывались пасхальными. Такими вычислениями занимались многіе христіанскіе писатели IV и V вв., преимущественно александрійскіе, напр. еп. Теофилъ, архіеп. Кириллъ и др. Извѣстнѣе другихъ таблицы, составленныя монахомъ Діонисіемъ Малымъ (556 г.), по образцу александрійскихъ, и называющіяся *Computus paschalis*. Позднѣе составленіемъ пасхальныхъ таблицъ занимались многіе западно-европейскіе монахи, особенно Веда Достопочтенный († 735; знаменитый англо-саксонскій историкъ¹⁾). Таблицы Діонисія, Веды и др. распространились по монастырямъ и церквамъ западной Европы, гдѣ о празднованіи дня Пасхи бывали тоже большіе споры, напр. между англосаксонскими и ирландскими миссіонерами.

На пасхальныхъ таблицахъ, кромѣ ряда пасхальныхъ строчекъ, по краямъ оставались свободныя мѣста, на которыхъ и приписывались замѣтки о почему либо интересовавшихъ составителя событіяхъ. Кажется, такія замѣтки раньше всего дѣлались англосаксонскими миссіонерами, такъ какъ въ самыхъ раннихъ записяхъ являютъ извѣстія о смерти англо-саксонскихъ королей. Изъ этихъ записей съ теченіемъ времени и развилось въ монастыряхъ стройное лѣтописное повѣствованіе.

Такимъ образомъ происхожденіе средневѣковыхъ апналовъ весьма напоминаетъ происхожденіе лѣтописей у древнихъ народовъ. Случился своего рода атавизмъ.

Всякій монастырь или церковь старались имѣть пасхаль-

¹⁾ См. Сухомлиновъ. О древней русской лѣтописи, какъ памятникъ литературномъ, стр. 35; тамъ и литература этого вопроса.

ную таблицу. Доставши экземпляръ таковой, ее переписывали, а вмѣстѣ съ тѣмъ переписывали и замѣтки, прибавляя иногда что нибудь свое. Извѣстія эти были первоначально очень кратки, напр. записано имя города и имя короля, что обозначаетъ, что въ этомъ году король встрѣчалъ Пасху въ этомъ городѣ. Но любовь къ историческимъ занятіямъ, особливо если рѣчь идетъ объ исторіи своей родины, и монастырскій досугъ, обусловливали несравненно большую полноту записей, для которыхъ пришлось употреблять уже цѣлыя тетради, особенно когда въ нихъ стали заноситься историческія сказанія или народныя преданія.

Западно-европейскія анналы собраны Пертцомъ въ Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Самныя раннія изъ нихъ начинаются концомъ VII или началомъ VIII в., т. е. временемъ, когда пріобрѣтаетъ важное значеніе фамилія Карловинговъ. Такъ annales Sancti Amandi начинаются съ 687 г. (съ битвы при Тестри), то же и ann. Laubacenses и Petavianes. Съ 687 г. начинаются и ann. Laurissenses minores и Mettenses. С. Галленскія начинаются съ 691 г. и т. д.

Хотя въ изданіи Пертца есть анналы, начинающіяся раньше, напр. ann. Iuvavenses maiores—съ 550 г. (De hoc pascha Victor Caruanus scripsit), или ann. Salisburgenses — съ 449; но въ первыхъ до 687 г. записано всего 7 лѣтъ, а во вторыхъ 8, и въ полномъ безпорядкѣ. Chronicon moissiacense начинается даже съ IV в., но рассказъ составленъ не въ лѣтописномъ порядкѣ, а по царствованіямъ византійскихъ императоровъ; впрочемъ годы все-гдѣ отмѣчаются, иногда даже ab urbe condita, лѣтопись же начинается съ 710 года.

Хроника аббата Регино начинается даже съ Рождества Христова и идетъ погодно, хотя съ большими пропусками. Но это уже выборка изъ различныхъ сочиненій, какъ и предыдущая хроника. Притомъ аббатъ Регино — одинъ изъ позднѣйшихъ анналистовъ (IX—X в.).

Развитіемъ изъ пасхальныхъ таблицъ объясняется происхожденіе лишь болѣе раннихъ анналовъ (VII—IX в.). Да и

то на лучшихъ средневѣковыхъ лѣтописцахъ, знакомыхъ съ римскою литературою, отразилось ея вліяніе: они даже подражали древнимъ, какъ напр. Эгингардъ (VIII — IX в.) — Светонію; Луитпрандъ (X в.) даже былъ очень хорошо классически образованъ. Конечно, труды такихъ лѣтописцевъ далеко оставляютъ за собой монастырскія анналы.

На свѣрѣ форма анналовъ сохранилась довольно долго, особенно у англо-саксовъ.

Подъ вліяніемъ западно-европейской средневѣковой анналистики сложилась и лѣтописная дѣятельность у западныхъ славянъ; такъ лѣтописаніе въ Польшѣ Войцеховскій (см. ниже) выводитъ отъ франконской лѣтописи. Польскія лѣтописи находятся въ изданіи Августа Бѣлевскаго *Monumenta historica Poloniae vetustissima*. Чешскія лѣтописи, изъ которыхъ древнѣйшая Козьмы Пражскаго, относятся къ XII вѣку и собраны Палацкимъ въ изданіи *Staří letopisové čeští (Scriptores rerum bohemicarum т. III)*.

По отношенію къ древне русскому лѣтописанію вопросъ о вліяніи на него, какъ западно-европейскихъ, такъ и западно-славянскихъ лѣтописей, можно сказать, даже и не затронуть современной наукой. А онъ не лишень важности, особенно для вопроса о происхожденіи русскихъ лѣтописей (см. ниже). Любопытно, что древніе польскіе лѣтописцы обильно черпали извѣстія изъ русскихъ лѣтописей. Извѣстія, заимствованныя изъ русскихъ лѣтописей, можно найти и въ лѣтописяхъ западно-европейскихъ. Мы не говоримъ пока о вліяніи, начиная съ XV вѣка, польской исторіографіи на русскую исторіографію, замѣтномъ и на русскихъ лѣтописяхъ, такъ какъ это совершенно иной вопросъ.

Западно-европейскія анналы, какъ и наши лѣтописи, страдаютъ большою запутанностью въ хронологіи. Во первыхъ извѣстія о многихъ событіяхъ могли быть внесены прямо по памяти, особенно если въ веденіи анналовъ въ монастырѣ почему либо случился перерывъ, напр. монастырь могъ запустѣть, а потомъ опять былъ обновленъ какимъ нибудь ревнителемъ

перкви; это напр. случилось съ Гильдестеймскимъ аббатствомъ, что отразилось и на гильдестеймскихъ анналахъ, гдѣ записи цѣлыхъ 70 лѣтъ—время запустѣнія монастыря—внесены прямо изъ майвцкихъ. Едва-ли не главная причина такой путаницы, также какъ и у насъ (см. ниже), заключается въ разверсткѣ событій по годамъ. Напримѣръ иногда при запискѣ событій, такъ какъ пустаго мѣста противъ каждой пасхальной строчки оставалось мало и строчки поставлены были тѣсно (по дороговизнѣ пергамента), анналистъ продолжалъ эту запись и подъ слѣдующимъ годомъ. Если съ такой таблицы дѣлались списки, то переписчики могли записанное событiе завести по своему усмотрѣнiю подъ любой годъ. Отъ этого одно и тоже событiе въ разныхъ анналахъ является подъ различными годами. Послѣдующiй анналистъ, если онъ напр. пользовался нѣсколькими лѣтописями, могъ увидѣть тутъ два событiя и т. п. Или анналистъ могъ разсказъ объ одномъ событiи (особенно если имѣлъ подъ руками обширное сказанiе) распределѣть подъ нѣсколькими годами.

Сухошлиновъ (Древняя лѣтопись) приводитъ хотя и позднiй, но очень рельефный примѣръ такого распределѣнiя изъ списка XIV в. хроника Козьмы Пражскаго. Перiодъ, заключающiй въ себѣ извѣстiе о событiи одного года, разбитъ на 6 частей, помѣщенныхъ подъ 6-ю годами. Козьма Пражскiй говоритъ, что у Болеслава Чешскаго родился сынъ того-же имени, но вовсе не похожiй на отца; противоположность между ними онъ выражаетъ посредствомъ нѣсколькихъ сравненiй, а именно: *De rubo uva, de spinis rosa, de tribulis ficus gignitur generosa: videlicet de fratricida prodit christocola, de lupo agnus, de tyranno modestus, — de impio Boleslao pius nascitur secundus Boleslaus.*

Въ списокѣ же пражскомъ эти слова расположены такимъ образомъ:

Anno Dominicæ incarnationes 952. de rubo uva, de spinis rosa.

A. D. i 953. de tribulis ficus gignitur generosa.

A. D. i 954. videlicet de fraticida prodit christocola.

A. D. i 955. de lupo agnus.

A. D. i 956. de tyranno modestus.

A. D. i 957. de impio Boleslao pius nascitur secundus Boleslaus.

Какъ и наши лѣтописи, средневѣковья анналы были не безызвѣстны правительству; нѣкоторые изъ монастырей пользовались особенною благосклонностью своихъ сеньоровъ, и поэтому могли точнѣе другихъ знать о событіяхъ своего времени; но, можетъ быть, это окрашивало приводимое событіе извѣстною тенденціозною окраскою; хотя трудно допустить, чтобы въ силу этого анналы становились вполнѣ официальными. Хроника маленкихъ и отдаленныхъ монастырей, хоть были и безпристрастнѣе, но за то страдали недостаткомъ извѣстій.

Съ средневѣковою западно-европейскою анналистикомъ на русскомъ языкѣ можно познакомиться по извѣстной христоматіи Стасюлевича — *Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ*, а на нѣмецкомъ по предисловіямъ къ отдѣльнымъ анналамъ у Пертца, по Ваттенбаху *Deutschland's Geschichts Quellen im Mittelalter* и по извѣстному сочиненію Гизебрехта *Geschichte der deutschen Kaiserzeit*. Библиографію лѣтописей западно-славянскихъ можно найти въ сочиненіи Спасовича и Пыпина *Исторія славянскихъ литературъ т. II*; причѣмъ какъ наилучшее сочиненіе по древней польской исторіографіи Спасовичъ указываетъ Zeissberg *Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters* 1873 г. О краткихъ польскихъ лѣтописныхъ запискахъ (rocznikach), начиная съ X в., издалъ обширное изслѣдованіе Ѡ. Войцеховскій въ трудахъ Краковской Академіи наукъ т. IV (Рецензія Макушева въ *Ж. М. Н. Пр.* 1881 г. № 5). Обзорніе чешскихъ лѣтописей сдѣлано Палацкииъ въ сочиненіи *Würdigung der alten böhmischen Geschichtschreiber* 1830 г.

Обращаясь къ исторіографіи греко-византійской, мы находимъ, что многія сочиненія византійскихъ историковъ, напр. хроника Георгія Синкелла (около 800 г.) и продолжателя его

Феофана, отчасти даже хроника Кедрива (XI в.) очень похожи на анналы; такъ что и ихъ можно-бы производить отъ пасхальныхъ таблицъ и церковныхъ лѣтописей¹⁾. Но трудно допустить въ Византіи, гдѣ отнюдь не было паденія всякихъ умственныхъ интересовъ и гдѣ уже въ VI вѣкѣ были систематическія историческія сочиненія (напр. Прокопія), такое паденіе историческаго искусства, какъ это могло случиться на Западѣ. Какимъ образомъ могли настолько забяться знаменитыя греческія и римскія сочиненія, чтобы грекамъ пришлось опять дѣлать первые шаги въ исторіографіи? Это тѣмъ болѣе невозможно допустить, что греческіе хронисты всегда имѣютъ передъ собою лучшіе образцы: они постоянно ссылаются на приводимыхъ ими классическихъ авторовъ. Въ греческихъ хроникахъ скорѣе можно видѣть лишь нѣкоторое, сравнительно съ прежнимъ, пониженіе историческаго искусства при сохраненіи прежней формы; тѣмъ болѣе, что лучшіе хронисты соблюдаютъ, собственно говоря, порядокъ времени, а не порядокъ годовъ. «Они, говоритъ Голубинскій (Ист. церкви I), не ставятъ хронологіи и неупустительной хронологической послѣдовательности на первый планъ и не подчиняются ей съ безусловною обязательностью; не связывая себя въ порядкѣ изложенія неизмѣнною послѣдовательностью годовъ, они соблюдаютъ только порядокъ царствованій. Они описываютъ въ хронологическомъ порядкѣ одно за другимъ правленія государей, но въ изложеніи событій каждаго правленія, то соблюдаютъ, то нарушаютъ этотъ порядокъ, какъ этого требуетъ удобство изложенія, и вообще не видѣняютъ его себѣ въ непремѣнную обязанность». Такая система соблюдается очень долго, напр. у Никиты Акомината (Хоніата).

Но нельзя отрицать, что и въ Византіи какой нибудь малообразованный монахъ могъ приспособлять записываемыя имъ извѣстія къ пасхальнымъ таблицамъ, составляя такимъ

¹⁾ Синкеллъ несомнѣнно пользовался хроникою Юлія Африкана.

образомъ пасхальную хроніку, т. е. что и здѣсь былъ нѣкотораго рода атавизмъ. Могло даже случиться, что извѣстія, записанныя такимъ лѣтописцемъ, доставались образованному хронисту и вносились имъ въ свой трудъ, пося слѣды своего происхожденія.

Большая часть византійскихъ историческихъ писателей помѣщена въ изданіи *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*; послѣднее Боннское изданіе 1825—1845 г. На русскій языкъ переведены многіе историки, см. Вестужевъ-Рюминъ Русск. ист. т. I. Введеніе стр. 169—171 и примѣчанія. Русскихъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ византійскихъ историкахъ есть очень мало (см. Вестужевъ-Рюминъ тамъ-же).

Мы ограничиваемся здѣсь относительно византійскихъ хронистовъ лишь нѣсколькими словами, потому что намъ прійдется говорить о нихъ еще разъ по поводу вліянія ихъ на русское лѣтописаніе.

Полагають, что съ нѣкоторыми изъ византійскихъ историковъ познакомились русскіе лѣтописцы по южно-славянскимъ переводамъ. Въ Болгаріи уже въ IX—X в. существовали переводы именно тѣхъ хроникъ, которыя извѣстны были составителю древней русской лѣтописи, напр. хроники Малала (перев. пресвитера Григорія), Амартола, лѣтописца Никифора патр. царградскаго, о которыхъ будетъ говорено въ своей мѣстѣ.

Можно допускать, что несомнѣнно существовавшія болгарскія лѣтописи тоже могли вліять на русскія лѣтописи, но до сихъ поръ почти не удалось открыть ихъ остатковъ.

Единственный, но весьма замѣчательный, остатокъ древней болгарской лѣтописи сохранился въ хронографѣ XV вѣка, назыв. Еллинскимъ лѣтописцемъ, и напечатанъ Ая. Поповичъ (Обз. хр. I, 25). Онъ заключаетъ хронологическій перечень болгарскихъ царей съ древнѣйшаго времени до 2-й половины VIII вѣка. Толкованіе его представляетъ большую трудность.

Отъ времени втораго болгарскаго царства слѣдовъ болгарскихъ лѣтописей сохранилось больше,

Лѣтописи сербскія и хорватскія, уже сложившіяся въ зависимости отъ византійской исторографіи, кажется, не оказали на русскія лѣтописи никакого вліянія, исключая развѣ сербскаго Родослова и нѣкоторыхъ хронографовъ сербской редакціи; но о нихъ скажемъ тогда, когда будемъ говорить о Степенной книгѣ и о хронографахъ.

О южно-славянскихъ лѣтописяхъ и хронографахъ на русскоѣ языкѣ можно найти обстоятельныя свѣдѣнія у Цыпина Ист. слав. лит. т. I¹⁾ и у Ягича Ист. сербо-хорватской литературы (перев. Казань 1871 г.²⁾), а о хорватскихъ особенно въ статьѣ В. Каченовскаго Хорватскія лѣтописи (Ж. М. Н. Пр. 1881 г.; здѣсь и библиографія вопроса). Свѣдѣнія о южно-славянскихъ лѣтописяхъ и хронографахъ сообщены и Шафарикомъ въ *Geschichte der Süd-slavische Literatur*. Многія изъ лѣтописей напечатаны Шафарикомъ въ *Ramátka dŕ. písmn. juho-slovanův* 1851 г.

Еще менѣе важны для вопроса о русскихъ лѣтописяхъ лѣтописи румынскія; хотя онѣ сложились подъ вліяніемъ Византіи, а можетъ быть даже Болгаріи (мнѣніе В. И. Григоровича), но происхожденія онѣ уже поздняго.

Румынскія лѣтописи изданы Когольничано; библиографія же ихъ есть въ статьѣ о путешествіяхъ румынскихъ ученыхъ въ Ж. М. Н. Пр. 1880 г. № 8.

Послѣ этого бѣглаго обзора лѣтописанія вообще мы переходимъ къ спеціально интересующему насъ въ настоящее время русскому лѣтописанію. Но равьше, чѣмъ говорить о происхожденіи русскихъ лѣтописей, необходимо остановиться еще на библиографіи лѣтописнаго вопроса.

¹⁾ Здѣсь и библиограеія всѣхъ южно-славянскихъ лѣтописей; на стр. 90 собраны всѣ указанія о древнихъ болгарскихъ лѣтописяхъ.

²⁾ Ему же принадлежить много статей о лѣтописяхъ въ издаваемомъ изъ *Archiv für slavische Philologie*. Напр. Ein Beitrag zur Serbische Annalistik (Arch. II).

Библиографія русскихъ лѣтописей.

Я укажу здѣсь лишь на нѣкоторыя важнѣйшія сочиненія и притомъ очень кратко, такъ какъ то, что въ этихъ сочиненіяхъ особенно важно, должно найти себѣ мѣсто далѣе въ систематическомъ обзорѣни лѣтописей. Забѣтнмъ еще, что, вообще говоря, интереснѣе сочиненія новыя, такъ какъ авторы ихъ могли пользоваться и новыми источниками и болѣе полною литературою предмета, почему и библиографическая сторона въ нихъ полнѣе. Исключеніе, по вопросу о лѣтописяхъ, составляетъ лишь знаменитое сочиненіе прошлаго вѣка: Несторъ — Шлецера, безъ котораго невозможно обойтись и въ настоящее время.

Мы не указываемъ здѣсь библиографіи лѣтописей западно-русскихъ и южно-русскихъ позднихъ (временъ казачества): она не велика и мы скажемъ о ней при систематическомъ обзорѣни этихъ лѣтописей.

Болѣе полную библиографію лѣтописей можно найти у Бестужева-Рюмина Русская Исторія т. I. Введеніе стр. 18, прим. I, приблизительно въ хронологическомъ порядкѣ — до 1872 г.; дополнить ее можно нѣкоторыми библиографическими указаніями изъ предисловія къ первому выпуску Сводной лѣтописи изд. Лейбовичемъ въ 1876 г. стр. XXXIV—XXXIX (но въ порядкѣ). Впрочемъ ни у Бестужева-Рюмина, ни у Лейбовича нѣтъ оцѣнки сочиненій:

Недурная оцѣнка нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сочиненій о лѣтописяхъ есть въ сочиненіи Сухомлинова Древняя лѣтопись, какъ памятникъ литературный. Но оно вышло еще въ 1857 г., а многіе важныя труды о лѣтописи вышли позднѣе.

Вопросъ о лѣтописяхъ давно уже занималъ нашихъ историковъ, но изъ всѣхъ сочиненій, посвященныхъ ему историками XVIII в., нынѣ важно только одно: Авг. Л. Шлецера Несторъ, вышедшій на нѣмецкомъ языкѣ въ 1803—1809 г. въ 5 томахъ, а въ русскомъ переводѣ Д. Янкова въ 1809—1819 г. въ 3 томахъ.

Кстати скажемъ, что въ I томѣ (русскій переводъ), Вступленіе, отдѣлъ V, въ главѣ, посвященной исторіи русской исторіи, сдѣланъ очеркъ исторіи изученія русскихъ лѣтописей до выхода сочиненія Шлецера о Несторѣ съ строгой оцѣнкой всѣхъ предыдущихъ трудовъ, впрочемъ крайне элементарныхъ. Здѣсь же пунктъ 3-й посвященъ самому Шлецеру и рассказано, какъ подготовлялся его капитальный трудъ о Несторѣ, какіе были предыдущіе труды Шлецера по лѣтописямъ и т. д. Занимался Шлецеръ лѣтописями 40 лѣтъ.

Сочиненіе Шлецера можетъ быть раздѣлено на двѣ части. Въ первой заключается обзоръ лѣтописнаго вопроса во всемъ его объемѣ; слѣдовательно, оно важно для всякаго изслѣдователя, какому бы стороною вопроса онъ ни занимался. Такъ въ I т. въ Предувѣдомленіи указаны списки лѣтописи (см. еще II, 146) и описанъ характеръ работы Шлецера по возстановленію текста древней русской лѣтописи; въ Вступленіи вкратцѣ рассказана исторія Кіево-Печерскаго монастыря, сведены извѣстія о Пр. Несторѣ лѣтописцѣ и его сочиненіяхъ, о его продолжателяхъ, о лѣтописныхъ сборникахъ и лѣтописяхъ позднѣйшихъ; сдѣлано небольшое сопоставленіе извѣстій Нестора съ извѣстіями западныхъ лѣтописцевъ, касающихся исторіи сѣверо-восточныхъ европейскіхъ народовъ, съ цѣлью указать на преимущества русской лѣтописи; примѣнены правила малой исторической хроники къ русскимъ лѣтописямъ (см. еще II, 224—231); указаны иные источники русской исторіи, кромѣ современниковъ, и, наконецъ, сдѣланъ очеркъ исторіи русской исторіи, о которомъ сказано выше. Вся эта часть занимаетъ въ русскомъ переводѣ I т. стр. I—XII и а—рое.

Отнесемъ сюда же и прибавленіе (I, 359 — 433), гдѣ приводятся примѣры обработки русской исторіи иностранными и русскими учеными, главнымъ образомъ съ цѣлью показать ихъ недѣльности, и, какъ слѣдствіе этого, указать на необходимость заняться Несторомъ, и даны правила, какъ съ нимъ обращаться: необходимо имѣть такое критическое изданіе Нестора, гдѣ бы онъ былъ изданъ отдѣльно отъ всякихъ вставокъ.

Особнякомъ стоятъ въ сочиненіи Шлецера нѣсколько обзоровъ извѣстныхъ періодовъ русской исторіи, впрочемъ въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ, напр. во II т., стр. 145—193.

Вторую часть сочиненія Шлецера составляетъ древній русскій временникъ, авторство котораго было приписываемо Пр. Нестору, переведенный и объясненный Шлецеромъ. Методъ Шлецера таковъ: онъ беретъ изъ этой лѣтописи послѣдовательно по нѣсколько строчекъ, сличаетъ ихъ по всѣмъ имѣвшимся у него спискамъ, причемъ болѣею частью за основной текстъ принять такъ называемый Радзивилловскій списокъ древней лѣтописи (особенно отъ Святослава), сводитъ варианты и составляетъ одно, по его мнѣнію, правильное чтеніе — уже по русски. Кое гдѣ, напр. при переводѣ договоровъ русскихъ съ греками, находящихся въ этой лѣтописи, Шлецеромъ приведены переводы договоровъ, сдѣланные и предыдущими историками. Когда варианты далеко расходятся, Шлецеръ приводитъ нѣсколько и чтеній.

Затѣмъ слѣдуютъ комментаріи на объясняемое мѣсто, взятые изъ всевозможныхъ источниковъ. Обиліе ихъ и общепризнанная добросовѣстность Шлецера въ приведеніи источниковъ дѣлаютъ эту сторону труда его и донинѣ весьма цѣнною. Иныя объясненія Шлецера разрастаются въ цѣлыя монографіи, напр. о варягахъ, о деньгахъ въ древней Руси, о венграхъ, о Кириллѣ и Меѳодіѣ, о принятіи Ольгою христіанства и т. п. Съ предшественниками своими Шлецеръ постоянно полемизируетъ и иногда очень рѣзко.

То, что кажется Шлецеру не принадлежащимъ къ составу лѣтописи Нестора, а внесеннымъ въ нее позднѣе, онъ такъ и означаетъ вставкою.

Такъ, слово за словомъ, изъяснены лѣтописныя извѣстія въ I т. до пришествія Рюрика (862 г.), во II — до смерти Олега и въ III — до смерти Ярополка, чѣмъ сводъ и оканчивается.

Послѣ Шлецера нескоро опять явились серіозные труды по лѣтописному вопросу; интересны лишь отдѣльныя замѣчанія

по различнымъ вопросамъ, разбросанныя по исторіи Н. М. Карамзина, который и самъ открылъ, и впервые воспользовался массою лѣтописныхъ списковъ. Но замѣчанія Карамзина слишкомъ кратки и представляютъ лишь догадки автора, иногда очень мѣткія (напр. по вопросу, гдѣ и когда записано известное лѣтописное свидѣтельство), но большею частью не сопровождающіяся доказательствами.

Важнѣ двѣ статьи П. М. Строева; первая—Предисловіе къ I т. изданнаго Строевымъ въ 1820 г. Софійскаго временника, гдѣ трактуются вопросъ о составѣ лѣтописей и въ первый разъ высказана мысль, что лѣтописи суть сборники; и вторая—О византійскихъ источникахъ Нестора (Труды Общ. Ист. и Др. т. IV кн. I, 1828 г.), гдѣ и указаны эти источники. Теперь обѣ статьи уже устарѣли.

Во время дѣятельности такъ называемой скептической школы въ русской исторіографіи написано было нѣсколько статей и о недостоверности нашей древней лѣтописи М. Т. Каченовскимъ и С. М. Строевымъ; но теперь эти статьи тоже потеряли всякую цѣну. Даже если что либо и было въ нихъ вѣрнаго, напр. предположеніе о существованіи раннихъ монастырскихъ замѣтокъ, то все это было поставлено очень элементарно. Труды историковъ скептической школы важны лишь вообще, какъ заявленіе необходимости приѣвненія въ русской исторіографіи научныхъ методовъ, въ то время уже практикуемыхъ западно-европейскими учеными.

Статьи, написанныя въ духѣ скептической школы, можно отыскать по указаніямъ Бестужева-Рюмина (см. выше) или Лейбовича (см. въ его спискѣ №№ 35, 36, 41 и 33), также у Погодина: Исслѣдованія, замѣтки и лекціи т. I стр. 333—446, гдѣ содержаніе ихъ изложено очень обстоятельно.

Въ защиту древности лѣтописи, оспариваемой скептиками, очень много писалъ известный ученый М. П. Погодинъ; но ранніе труды его (см. Лейбовичъ № 16, 32 и 26) уже не представляютъ важности, такъ какъ всѣ результаты своихъ работъ Погодинъ свелъ въ такъ называемыхъ Исслѣдованіяхъ,

замѣчаніяхъ и лекціяхъ изд. 1846—1859 г. въ VII томахъ. Лѣтописи посвященъ весь I т.—объ источникахъ древней исторіи, преимущественно о Несторѣ. Здѣсь сперва (гл. I) доказывается достовѣрность русской исторіи независимо отъ лѣтописей, потомъ (II и III гл.) авторъ разбираетъ, гдѣ и когда началась лѣтопись, причемъ очень обстоятельно указываетъ слѣды того, что извѣстія заносились въ лѣтопись очевидцами, чѣмъ опровергается мнѣніе скептиковъ. Въ III гл. Погодинъ такъ же обстоятельно доказываетъ, что лѣтописцемъ древнѣйшей лѣтописи былъ Преп. Несторъ. Аргументами Погодина впослѣдствіи пользовались и другіе приверженцы этого мнѣнія. Затѣмъ въ гл. IV онъ доказываетъ, вопреки Шлецеру, что лѣтопись Нестора дошла до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, отнюдь не испорченная, какъ думалъ Шлецеръ, переписчиками и продолжателями, и V глава посвящена вопросу объ источникахъ Несторовой лѣтописи; по эта глава уже устарѣла, такъ какъ вопросъ объ источникахъ въ ней трактуется вообще, безъ точнаго историческаго ихъ анализа. Замѣтимъ, что мнѣніе о болѣе раннихъ (монастырскихъ и иныхъ) запискахъ Погодинъ принимаетъ; онъ допускаетъ даже и существованіе болѣе древнихъ, чѣмъ Пр. Несторъ, лѣтописцевъ,—но все это было обработано самостоятельнымъ образомъ Пр. Несторомъ по образцу греческихъ лѣтописей.

Глава VI трактуетъ о подлинности договоровъ русскихъ съ греками, VII — передаетъ (очень поверхностно) содержаніе лѣтописи Нестора до Владиміра Святаго, VIII—о сказкахъ въ несторовской лѣтописи — передаетъ лишь ихъ содержаніе. Всѣ эти главы теперь цѣны не имѣютъ.

Глава IX — о достовѣрности извѣстій Нестора, въ виду согласія ихъ съ иными историческими свидѣтельствами. Здѣсь выборка изъ источниковъ довольно любопытна. Но, какъ извѣстно, вопросъ о достовѣрности лѣтописныхъ извѣстій вообще стоитъ нынѣ внѣ доказательствъ, и обыкновенно лишь по подходящему поводу разбирается то или другое лѣтописное извѣстіе.

Остальная часть I тома посвящена инымъ источникамъ

древней русской исторіи и борьбѣ съ скептиками по вопросу о ихъ достовѣрности.

Затѣмъ лѣтописямъ посвящены двѣ главы IV тома Исслѣдованій Погодина, именно стр. 1 — 144. Въ главѣ I довольно бѣгло оцѣнены лѣтописи и лѣтописцы вообще, и сдѣланы замѣтки о лѣтописныхъ спискахъ. Кромѣ древней (Несторовской) есть нѣкоторыя соображенія и о другихъ лѣтописяхъ: Кіевской, Волынской, Суздальской, лѣтописи по Воскресенскому списку, Софійскомъ временникѣ и лѣтописи по Никоновскому списку. Глава II посвящена хронологіи въ русскихъ лѣтописяхъ, но говорится лишь о нѣкоторыхъ (Несторовской, Кіевской, Суздальской, Воскресенской и Новгородскихъ). Кончается эта глава статью о затменіяхъ, имѣющей отношеніе къ хронологіи лѣтописей и написанной на основаніи наблюденій извѣстнаго математика Д. Перовщикова ¹⁾.

Наконецъ въ V томѣ Исслѣдованій (стр. 317—350) есть изслѣдованіе о лѣтописяхъ новгородскихъ.

Въ одно время съ защитою древности лѣтописи Погодинъ появилась и другая, совершенно самостоятельная ея защита, сдѣланная П. Г. Бутковымъ въ сочиненіи Оборона лѣтописи русской, несторовой, отъ навѣта скептиковъ 1840 г. Сочиненіе это и донныя пользуется извѣстностью, хотя оно уже устарѣло. Цѣль его, какъ видно изъ самого заглавія, чисто полемическая: оно направлено противъ цѣлаго ряда сочиненій скептиковъ (которые Бутковъ перечисляетъ въ своемъ предисловіи). Бутковъ желаетъ доказать: 1) достовѣрность лѣтописи и 2) что она написана Пр. Несторомъ. Сообразно съ этимъ планомъ сочиненіе и раздѣляется на двѣ части. Въ первой части доказывается, что состояніе культуры въ Россіи въ XI в. даетъ полную возможность объяснить существованіе лѣтописи (гл. I; сюда же можетъ быть отнесена и гл. VI—о Новгородѣ и его торговлѣ). Затѣмъ авторъ разбираетъ всѣ

¹⁾ По этому вопросу была еще статья Мельникова: Солнечныя затменія видѣнныя въ Россіи до XVI в. Отч. Зап. 1842 г. № 6.

тѣ мѣста лѣтописи Нестора, которыя считались скептиками сомнительными, и доказываетъ достовѣрность занесенныхъ въ эту лѣтопись событій, которыя казались скептикамъ или не достовѣрными, или недоказанными (гл. II). Это приводитъ автора къ необходимости разобрать вообще вопросъ о Руссахъ (гл. III—V и прибавленія).

Вторая часть посвящена спеціально вопросу о Несторѣ. Въ I главѣ сведены данныя о просвѣщеніи въ Россіи и о самомъ Несторѣ; во II-й главѣ разобрано мнѣніе о древнихъ монастырскихъ запискахъ, существованіе которыхъ Бутковъ не признавалъ (хотя и несовсѣмъ послѣдовательно); III глава посвящена соотношенію лѣтописи Нестора къ инымъ его сочиненіямъ; въ IV-ой указаны способы, благодаря которымъ могъ получить Несторъ матеріалы для своей лѣтописи; V—посвящена Василию и Сильвестру, предполагаемымъ лѣтописцамъ, а также защитѣ Татищева по поводу Якимовской лѣтописи; наконецъ въ VI-й сведены данныя о томъ, что авторомъ древней русской лѣтописи всегда считали Нестора, и объяснено, почему онъ неизвѣстенъ иностранцами. Къ этому прибавлено нѣсколько опроверженій скептиковъ по разнымъ мелкимъ вопросамъ.

Сочиненіе Буткова солиднѣе соответствующаго изслѣдованія Погодина, оно написано съ большою ученостью и на половину состоитъ изъ примѣчаній. Средневѣковые писатели ему хорошо извѣстны и, такъ какъ при книгѣ приложенъ обстоятельный указатель, то ея очень удобно пользоваться. Но помимо того, что сочиненіе Буткова устарѣло, въ немъ мало оригинальныхъ выводовъ; оно даетъ лишь практическую подкладку подъ уже существующія мнѣнія Карамзина и иныхъ современныхъ ему изслѣдователей. Есть впрочемъ мѣста, болѣе или менѣе сохранившія интересъ и до сихъ поръ, напр. въ III главѣ доказательства достовѣрности договоровъ Олега и Игоря.

Въ одно время съ сочиненіями Погодина и Буткова явились теперь уже устарѣвшія но нѣкогда полезныя сочиненія о лѣтописяхъ Перовщикова, Кубарева и Иванова.

Сочиненіе В. М. Перевощикова: О русских лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 г. было издано въ 1836 г. (потомъ перепечатано въ Труд. Росс. Акад. 1841 г. т. IV). Въ немъ описаны нѣкоторые лѣтописные списки и есть недурная попытка характеризовать лѣтописцевъ на основаніи самыхъ лѣтописей.

А. М. Кубаревъ написалъ статью—Несторъ, первый писатель российской исторіи (Русск. Истор. Сборникъ т. IV, 1842). Выводы Кубарева тѣ же, что и Погодина и Вуткова, но достигаются они слѣдующимъ образомъ. Сперва авторъ доказываетъ, что извѣстные формальныя доказательства принадлежности древней лѣтописи Пр. Нестору еще не могутъ признаваться за таковыя. Съ другой стороны и аргументы противъ этой принадлежности, — кажущіяся противорѣчія между различными сочиненіями Нестора, — тоже не убѣдительны; отсюда слѣдуетъ выводъ лишь о вѣроятности авторства Пр. Нестора относительно лѣтописи. Окончательная же увѣренность получается путемъ внутренняго убѣжденія, для чего Кубаревъ и приводитъ выдержки изъ различныхъ сочиненій пр. Нестора.

Во всей статьѣ интересно было только соглашеніе нѣкоторыхъ противорѣчій въ предполагаемыхъ произведеніяхъ Пр. Нестора; но въ настоящее время этотъ вопросъ сталъ на болѣе научную почву.

Дополненіемъ къ этой статьѣ, по вопросу о сочиненіи Пр. Несторомъ житій святыхъ, находящихся въ Печерскомъ патерикѣ, служитъ другая статья А. Кубарева о Патерикѣ печерскомъ (въ первый разъ напеч. въ Ж. М. Н. Пр. 1838 г. т. XX, во второй съ исправленіемъ въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. 1847 г. № 9).

Н. А. Иванову принадлежатъ двѣ статьи: а) краткій обзоръ русскихъ временниковъ (Учоп. Зап. Казанск. Универс. 1843 г. кн. II и III), въ которомъ описано 52 лѣтописныхъ списка, и б) Общее понятіе о хронографахъ (ibid. кн. III), гдѣ сведены мнѣнія о лѣтописномъ вопросѣ предыдущихъ изслѣдователей.

Нѣсколько позднѣе И. Д. Вѣляевъ посвятилъ лѣтописямъ рядъ статей: 1) Хронологія Нестора и его продолжателей (Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. 1846 г. № 2); здѣсь идетъ рѣчь о мартовскомъ и сентябрьскомъ счетѣ въ лѣтописяхъ¹⁾; 2) О несторовой лѣтописи (ibid. 1847 № 5), гдѣ сдѣланъ бѣглый обзоръ древней русской лѣтописи съ указаніемъ кое гдѣ на источники ея—съ цѣлью выставить важность лѣтописи Нестора и его литературный талантъ; 3) Русскія лѣтописи по Лаврентьевскому списку съ 1111 г. по 1169 г. (Врем. Моск. Общ. Ист. и Др. кн. 2-ая 1849 г.) — посвящена вопросу о соотношеніи двухъ лѣтописныхъ списковъ Лаврентьевскаго и Ипатьевскаго, и направлена противъ мнѣнія, выраженнаго въ предисловіи къ полному собранію русскихъ лѣтописей, издав. Археографической комиссіей, что первый списокъ есть сокращеніе втораго. Авторъ дѣластъ очень обстоятельное сличеніе извѣстій съ 1111 по 1169 г. по обоимъ спискамъ; и 4) О разныхъ видахъ русскихъ лѣтописей (ibid. 3, 1850 г.), гдѣ весьма интересна классификація лѣтописей, и затѣмъ теорія частныхъ лѣтописей. Сюда же относится и краткое предисловіе къ напечатанному въ той же книжкѣ Временника лѣтописцу Норматскаго.

Статьи Вѣляева довольно элементарны, но содержатъ много остроумныхъ соображеній, такъ что пользоваться ими необходимо; притомъ Вѣляевъ часто пользовался источниками, одному ему лишь доступными.

Въ пятидесятыхъ годахъ вопросъ о лѣтописи получилъ новое оживленіе: проф. П. С. Базанскимъ была напечатана статейка: Еще вопросъ о Несторѣ (Врем. Моск. Общ. Ист. и Др. кн. 1-я), снова отвергавшая принадлежность лѣтописи Пр. Нестору въ виду противорѣчій ея извѣстій съ извѣстіями житій, написанныхъ несомнѣнно Несторомъ²⁾; древность же

¹⁾ Этому же вопросу посвящено еще изслѣдованіе В. Ундольскаго о врудцѣхъ (Временникъ № 4, 1849 г.).

²⁾ Къ ней было еще дополненіе: къ вопросу о Несторѣ (ibid. 3, 1849 г.)—такого же характера.

лѣтописи Казанскій признавалъ. Статья Казанскаго возбудила цѣлую полемику: ему возражалъ Бутковъ: Отвѣтъ на новый вопросъ о Несторѣ (Соврем. 1850 г. № 9), коснувшись встати и аргументовъ Кубарева. Въ подтвержденіе первой своей статьи Казанскій написалъ еще три: 1) Критическій разборъ свидѣтельствъ Патерника Печерскаго о лѣтописи Нестора (Врем. Моск. Общ. Ист. и Др. Кн. 7, 1850); 2) Разборъ отвѣта г. П. Б. (т. е. Буткова) на новый вопросъ о Несторѣ (Отеч. Зап. 1851 № 1), и 3) Объясненіе нѣкоторыхъ недоразумѣній касательно Нестора (Врем. 1852 г. кн. 13). Кромѣ Казанскаго и Буткова въ полемикѣ принялъ участіе С. П. Шевыревъ, написавшій замѣчанія на критическій разборъ свидѣтельствъ Патерника Печерскаго о лѣтописи Нестора (*ibid* V, 1851 г.), конечно, въ защиту установившихся на лѣтописи взглядовъ.

Въ то же время лѣтописямъ были посвящены еще слѣдующія статьи по болѣе специальнымъ вопросамъ: П. А. Лавровскаго—О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей 1850 г.; Д. П. Прозоровскаго—Кто былъ первый писатель первой новгородской лѣтописи Ж. М. Н. Пр., 1852 г. т. LXXV, и Миклосича—*Ueber die sprache der ältesten Russischen Chronisten vorzüglich Nestor's* 1855 г. Сухомлиновъ считалъ это сочиненіе лучшимъ изъ всѣхъ, посвященныхъ языку древней лѣтописи, но другіе ученые, напр. Колосовъ, даютъ о немъ иной отзывъ.

Со второй половины пятидесятихъ годовъ начинается рядъ изслѣдованій о лѣтописяхъ, которыя по своему значенію далеко заслонили всѣ предыдущія. Таковы сочиненія: П. А. Лавровскаго: Изслѣдованіе о Іоакимовской лѣтописи; М. И. Сухомлинова: о древне-русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, и о преданіяхъ въ древней русской лѣтописи; Костомарова: Лекціи по русской исторіи вып. 1-й; П. С. Вилярскаго: Замѣчанія о языкѣ сказанія о Св. Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемаго Нестору, сравнительно съ языкомъ лѣтописи; И. И. Срезневскаго: Чтенія о лѣтописяхъ; К. Н. Бестужева-Рюмина: О составѣ русскихъ лѣтописей до конца

XIV вѣка, вып. 1-й, и наконецъ кн. М. А. Оболенскаго: О первоначальной русской лѣтописи (съ приложеніемъ).

Мы скажемъ по нѣсколько словъ о каждомъ сочиненіи, кромѣ перваго и послѣдняго, такъ какъ сочиненіе П. А. Лавровскаго (Уч. Зап. II Отд. Ак. Н. т. II, 1856 г.) представляетъ единственное изслѣдованіе, специально посвященное Іоакимовской лѣтописи, почему въ свое время намъ прійдется изложить результаты этого изслѣдованія очень обстоятельно; сочиненіемъ же кн. М. Оболенскаго—О первоначальной русской лѣтописи 1870 г. и приложеніемъ 1875 г. мы, къ сожалѣнію, не имѣли случая пользоваться, а знаемъ лишь по цитатамъ, изъ которыхъ видна его важность. Мелкіе же труды кн. М. Оболенскаго по частнымъ лѣтописнымъ вопросамъ будутъ нами указаны на своемъ мѣстѣ. Не могли мы познакомиться и съ изслѣдованіемъ: Критическій разборъ Ипатьевской лѣтописи Исидора Шарневича.

Сочиненіе М. И. Сухомлинова: О древне-русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ (Учон. Зап. II Отд. Ак. Н. т. III 1857 года), представляетъ едва-ли не самое капитальное изслѣдованіе по вопросу о лѣтописи. Оно раздѣляется на нѣсколько главъ; изъ нихъ первая посвящена вопросу о спискахъ лѣтописи и сравнительно менѣе важна. Вторая—начало и ходъ лѣтописанія въ Россіи, гдѣ выставлена извѣстная теорія происхожденія русскихъ лѣтописей изъ пасхальныхъ таблицъ, о чемъ скажемъ ниже. Третья—источники древней лѣтописи: часть заимствованная,—въ высшей степени важное изслѣдованіе, результаты котораго тоже будутъ подробно изложены ниже. Четвертая—самостоятельная часть лѣтописи. Здѣсь особенно любопытны сравненія древней русской лѣтописи съ средневѣковыми западно-европейскими; и шестая—языкъ и слогъ древней лѣтописи, гдѣ продолжена предыдущая параллель.

Тѣмъ же авторомъ напечатана въ Основѣ за 1861 г. № 6 статья о преданіяхъ въ древней русской лѣтописи, гдѣ указаны источники лѣтописныхъ преданій и нѣкоторыя преданія сравнены съ преданіями иныхъ народовъ.

Въ 1861 г. была опубликована часть лекцій, читанныхъ въ 1860 г. въ С. Петербургскомъ университетѣ Н. И. Костомаровымъ — вып. 1-й, посвященный лѣтописямъ. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ замѣчаній о лѣтописяхъ вообще, Костомаровъ разсматриваетъ отдѣльно каждую лѣтопись (независимо отъ ея списковъ), анализируетъ ея составъ, отмѣчаетъ, гдѣ это возможно, авторовъ и въ связи съ этимъ кое гдѣ дѣлаетъ замѣчанія о способѣ изложенія. Древнѣйшая лѣтопись, признаваемая имъ за сводъ, составленный Сильвестромъ, южно-русскія, новгородскія и псковскія лѣтописи разсмотрѣны гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ лѣтописи Руси сѣверо-восточной; напр. Воскресенская разсмотрѣна очень кратко, Никоновской же совсѣмъ нѣтъ. Вѣроятно авторъ былъ стѣсненъ недостаткомъ времени, такъ какъ онъ лѣтописямъ посвятилъ всего 4 лекціи, отсюда понятна и нѣкоторая бѣглость изложенія, нѣтъ почти никакихъ бібліографическихъ указаній, ни обычнаго ученаго критическаго аппарата; такъ что важны исключительно наблюденія надъ составомъ лѣтописи самого автора, отличающагося, какъ извѣстно, всегда тонкимъ историческомъ чутьемъ.

Въ 1862 г. была напечатана статья П. С. Вилярскаго замѣчанія о языкѣ сказанія о Св. Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемаго Нестору, сравнительно съ языкомъ лѣтописи (Зап. Имп. Ак. Н. 1862 г. кн. 2). Хотя эта статья касается вопроса спеціальнаго, но она весьма важна, такъ какъ въ этомъ вопросѣ имѣла рѣшающее значеніе.

Вмѣстѣ съ статьею Вилярскаго были напечатаны (приложеніе № 4) еще Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ. Изм. И. Срезневскаго.

И. Срезневскій незадолго до того напечаталъ двѣ статьи: Исслѣдованіе о лѣтописяхъ новгородскихъ (Изв. Ак. Н. по отд. Русс. яз. и Слов. за 1853 г. II) и Памятники X вѣка до Владимира Святого (ibid. за 1854 г. III), въ которыхъ намѣчены были тѣ мысли, которыя были развиты въ чтеніяхъ. Въ свое время эти статьи обратили на себя мало вниманія.

Чтеній о лѣтописи 3¹⁾). Въ 1-мъ авторъ обстоятельно, чѣмъ въ предыдущихъ статьяхъ, доказываетъ существованіе у насъ лѣтописей въ X в.; во 2-мъ пытается возстановить ихъ содержаніе и, наконецъ, 3-ье посвящено чертамъ быта русскаго народа по предполагаемымъ лѣтописнымъ сказаніямъ X вѣка. Хотя эти чтенія и не велики и вовсе не выдають громадной учюности автора, но представляютъ хорошій примѣръ внимательнаго наблюденія надъ лѣтописными извѣстіями.

Весьма капитальный трудъ, посвященный изученію лѣтописей, представляетъ сочиненіе К. Н. Бестужева-Рюмина: О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в. (въ Лѣт. зап. Археогр. Комм. вып. 4-й 1868 г., и отдѣльно). Напечатанъ 1-й выпускъ, касающійся лѣтописи первоначальной и южно-русскихъ, лѣтописи же новгородскія и суздальскія до сихъ поръ еще не напечатаны.

Относительно Повѣсти временныхъ лѣтъ (т. е. древне-русской лѣтописи) Бестужевъ-Рюминъ доказываетъ, что это лѣтописный сводъ, составленный въ XII в., и опредѣляетъ его источники. Методъ, которымъ авторъ достигаетъ такого опредѣленія, будетъ сообщенъ ниже. Тоже самое доказываетъ онъ и относительно лѣтописей южно-русскихъ, причѣмъ лѣтопись Волынско-Галицкая анализирована сравнительно короче.

Къ сочиненію приложены: а) выборка извѣстій, относящихся ко времени до 1110 г. и не вошедшихъ въ составъ первоначальнаго лѣтописнаго свода, и б) очень обширная выборка русскихъ извѣстій до 1386 г., извлеченныхъ изъ сочиненія польскаго историка Длугоша, жившаго въ XV в. и очерпнувшего эти извѣстія, главнымъ образомъ, изъ русскихъ лѣтописей; притомъ Бестужевъ-Рюминъ изрѣдка сопоставляетъ извѣстія Длугоша съ лѣтописными.

Работа проф. Бестужева-Рюмина весьма цѣнна потому, что выводы автора отличаются его всегдашнею крайнею осто-

¹⁾ Было продолженіе; имъ въ рукописи пользовался Бестужевъ-Рюминъ для своего сочиненія о лѣтописяхъ, но напечатано оно не было.

рожностью. Но чтеніе этого сочиненія довольно утомительно, такъ какъ авторъ опубликовалъ не только выводы изъ своей работы, но и самый, такъ сказать, процессъ работы. За то повѣрка его съ лѣтописями въ рукахъ была бы, безъ сомнѣнія лучшимъ способомъ серьезно познакомиться съ лѣтописью.

Почти въ одно время съ книжкою Вестужева-Рюмина вышло еще двѣ статьи о лѣтописяхъ, но уже менѣе важныя.

А. Разсудовъ напечаталъ нѣсколько словъ по вопросу о первыхъ русскихъ лѣтописцахъ (Моск. Ун. Изв. 1868 г. № 9). Статья эта, главнымъ образомъ, полемическаго характера: Разсудовъ старается опровергнуть мнѣніе Срезневскаго о существованіи лѣтописи до XI в., что заставляетъ его разобрать вопросъ о хронологіи древней лѣтописи. Допуская, что лѣтопись есть сводъ XII в., и именно Сильвестровскій, авторъ отстаиваетъ принадлежность первой кіевской лѣтописи Пр. Нестору,

Въ Кіевскихъ универс. извѣстіяхъ, начиная съ 1869 г., началъ печататься рядъ статей И. В. Лашнюкова: Очерки русской истеріографіи (въ 1874 г. они вышли отдѣльнымъ изданіемъ). Это собственно говоря лекціи проф. Лашнюкова, изданныя уже послѣ его смерти, почему и явились онѣ въ печати безъ необходимыхъ въ такихъ случаяхъ дополненій или исправленій.

Лѣтописей касаются лишь двѣ статьи—тѣ, которыя напеч. въ 1869 г. № 8 и 1872 г. № 5. Въ первой изъ нихъ Лашнюковъ говоритъ о характерѣ нашего лѣтописанія, хотя и бѣгло, но очень рельефно; затѣмъ онъ сводитъ результаты важнѣйшихъ изслѣдованій о Несторовой лѣтописи и критикуетъ ихъ, отстаивая участіе въ древней лѣтописи Преп. Нестора. Даже допуская, что древняя лѣтопись есть сборникъ древнерусской письменности, авторъ приписываетъ Нестору его литературную обработку. Впрочемъ, несистематичность изложенія и нѣкоторая отрывочность повездѣ позволяютъ ясно угадывать мысль автора.

Вторая статья посвящена краткому обзорѣнію Кіевской лѣтописи (тоже не принимаемой Лашнюковымъ за сводъ), Суз-

дальскаго свода, Галицко-Волынской лѣтописи и совершенно бѣглому обзору остальныхъ лѣтописей, и не имѣеть особеннаго значенія.

Въ самыхъ общихъ чертахъ, но съ полною библиографіей вопроса выводы современной науки относительно лѣтописей прекрасно сведены К. Н. Вестужевымъ-Рюминымъ въ Русской Исторіи т. I. Введеніе стр. 18—35 (1872 г.).

Новое оживленіе лѣтописному вопросу придало появленіе статьи Д. И. Иловайскаго о мнимомъ призваніи Варяговъ. Хотя это вопросъ и не лѣтописный, но ясно само собою, что для рѣшенія его необходимъ пересмотръ древней русской лѣтописи, особенно ея первыхъ страницъ, гдѣ говорится объ этомъ призваніи и о Варягахъ вообще. Специально лѣтописи, собственно говоря, было посвящено мало изслѣдованій; большинство же авторовъ касалось лѣтописи по какому нибудь подходящему случаю.

Уже въ первой своей статьѣ Иловайскій коснулся лѣтописи, а потомъ чуть не въ каждой статьѣ ему приходилось къ ней обращаться. Часть этихъ статей собрана и издана имъ въ 1876 г. подъ заглавіемъ: Розысканія о началѣ Руси; инія же, напечатанныя послѣ 1876 г., разсыпаны по историческимъ журналамъ; впрочемъ онѣ менѣе важны.

Обстоятельнѣе всего высказался о лѣтописи Д. И. Иловайскій въ статьѣ: Еще о норманизмѣ (сперва въ Русск. Вѣстн. 1872 г. № 11), въ главахъ IV—наши соображенія о лѣтописномъ сводѣ и сближеніе двухъ Рюриковъ, и V—характеръ лѣтописнаго дѣла.

Не отдѣляя вовсе Повѣсти временныхъ лѣтъ отъ Кіевскаго свода, Иловайскій относитъ составленіе этого свода къ XII или началу XIII вѣка, почему многія извѣстія, считаемыя обыкновенно за достовѣрныя, кажутся ему легендарными.

Выводы автора вошли потомъ и въ его исторію Россіи (часть I, гл. VII и прим. 59, 1876 г.).

Какъ бы въ дополненіе къ Иловайскому Н. И. Костомаровъ напечаталъ 3 статьи о преданіяхъ первоначальной рус-

ской лѣтописи (Вѣстн. Евр. 1873 г. № 1—3, потомъ въ XIII т. его Исслѣдованій), гдѣ прослѣженъ и частью объясненъ легендарный матеріалъ лѣтописи до Владиміра Святого включительно, причѣмъ за легенду было имъ сочтено то, что нѣкогда считалось вполне достовернымъ¹⁾.

Д. И. Иловайскій написалъ на эти статьи рецензію: Къ вопросу о лѣтописи и началѣ Руси (сперва въ Русс. Арх. 1873), гдѣ онъ указываетъ на византійскій ученый источникъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ преданій, считаемыхъ за народныя.

Статьи противниковъ Д. И. Иловайскаго, даже самаго М. П. Погодина²⁾ не представляютъ ничего новаго по отношенію къ лѣтописному вопросу.

Во время этой полемики по поводу Несторовой лѣтописи напечаталъ свои соображенія еще одинъ изслѣдователь лѣтописнаго вопроса — Н. Ламбинъ, который давно уже изучалъ нашу древнюю лѣтопись и еще въ 1860 г., по поводу мнѣнія Костомарова о жмудскомъ происхожденіи варяговъ — основателей русскаго государства, напечаталъ полемическую брошюру: Объясненіе сказанія Нестора о началѣ Руси. Позднѣе Ламбинъ написалъ рядъ сочиненій; Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи ч. I (удостойлось Уваровской преміи, но не было напечатано. См. отчетъ о 14-мъ присужденіи наградъ Гр. Уварова); Дѣйствительно-ли походъ Олега подъ Царьградъ сказка? (Ж. М. Н. Пр. 1873 г. № 17); о Тмутараканской Руси (ibid. 1874 г. № 1³⁾); Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси (ibid. №№ 6 и 7) и Славяне на сѣверномъ Черноморьѣ (ibid. 1877 г. №№ 5 и 6 и 1879 г. № 12). Кажется, въ послѣднюю статью вошло многое изъ Опыта воз-

¹⁾ Согласно съ этимъ Н. И. Костомаровъ свои очерки изъ Русской исторіи начинаеть Владиміромъ Святымъ.

²⁾ Въ замѣчаніи Погодина на статью Иловайскаго, а также и на статью Костомарова: Преданія русской лѣтописи, собраны были подвѣе имъ въ книгѣ: Борьба не на животь, а на смерть съ учеными ересями 1874 г.

³⁾ Это отрывокъ изъ перваго сочиненія. Здѣсь возстановленъ текстъ нѣсколькихъ строчекъ изъ договора Игоря—о Корсунской странѣ.

становленія и объясненія Несторовой лѣтописи, такъ какъ и тамъ и здѣсь много мѣста отведено вопросу о Свѣвельдѣ и угличахъ.

Непосвященныя спеціально древней лѣтописи, статьи Н. Ламбина по самымъ темамъ своимъ заключаютъ пересмотръ первыхъ ея страницъ. Въ пересмотрѣ этомъ Ламбинъ заявилъ себя послѣдователемъ Шлецера и пытался возстановить древній (очищенный) текстъ лѣтописи, признаваемой имъ за Несторову, путемъ сличенія разныхъ списковъ. Конечно, выводы его не всегда безусловно доказаны, но въ нихъ очень много остроумія. При этомъ Ламбинъ очень часто и весьма оригинально (какъ увидимъ ниже) указываетъ источникъ того или другаго лѣтописнаго извѣстія; интересны также и его хронологическія замѣтки.

Затѣмъ еще нужно отмѣтить четыре небезынтересныхъ сочиненія по спеціальнымъ вопросамъ:

М. А. Колосовъ: Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XV ст. (Варш. 1872 г.), гдѣ рассмотрѣнъ языкъ нѣкоторыхъ лѣтописей.

Н. Н. Янишъ: Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки (Чтэн. Моск. Общ. Ист. и Др. 1874 г. кн. 2 и отдѣльно). Весьма любопытные выводы этой статьи будутъ сообщены въ свое время.

И. Тихомировъ: О сборникѣ, именуемомъ Тверскою лѣтописью (Ж. М. Н. Пр. 1876 г. № 2) и

Ф. И. Терновскій — Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси (два выпуска, Кіевъ 1875 и 1876 — отпечатокъ изъ К. универ. изв.), гдѣ сдѣланы выдержки изъ греческихъ источниковъ, вошедшихъ въ нашу древнюю литературу и, въ томъ числѣ, въ наши лѣтописи.

Еще нѣкоторыя сочиненія, правильнѣе небольшія статьи различныхъ авторовъ, имѣющія какое либо отношеніе къ лѣтописному вопросу, отмѣчены будутъ въ свое время.

Мы не указали здѣсь, ради мелочности указаній и безкопечности ихъ, такъ какъ всякій, желающій заниматься лѣто-

писнымъ вопросомъ, обязанъ заранѣе познакомиться со всѣмъ сочиненіемъ, а не съ отрывками его, — мѣсть, посвященныхъ лѣтописямъ въ сочиненіяхъ общаго характера, напр. въ сочиненіяхъ по русской исторіи вообще. У Н. И. Полевого можно, пожалуй, отыскать II томъ, гдѣ много замѣчаній о лѣтописяхъ, впрочемъ уже устарѣлыхъ; у С. М. Соловьева очень интересны тѣ страницы т. III главы 1-ой, которыя посвящены характеристикѣ древняго лѣтописца вообще и представляютъ оригинальную и цѣнную работу; у И. Е. Забѣлина въ Исторіи русской жизни ч. 1-ая 1876 г. глава V посвящена русской лѣтописи и ея сказаніямъ о древнихъ временахъ и тоже содержитъ нѣсколько меткихъ наблюденій. Соответствующія мѣста въ исторіяхъ Погодина, Вестужева-Рюмина и Иловайскаго перенесены изъ ихъ же работъ.

Изъ сочиненій по исторіи русской литературы можно указать на известное сочиненіе С. П. Шевырева: Исторія русской словесности, гдѣ въ лекціи VII разсмотрѣна литературная сторона лѣтописи¹⁾. Но эта сторона гораздо лучше разсмотрѣна въ указанномъ уже сочиненіи Сухомянова.

Словарь русскихъ духовныхъ писателей митр. Евгенія и Филарета еп. харьковскаго (впослѣдствіи архіеи. черниговскаго) Обзоръ русской духовной литературы. Часть 1-ая (сперва въ Уч. Зап. II Отд. Ав. Н. III)—оба сочиненія каталогическія. Въ нихъ можно найти много замѣчаній о лѣтописцахъ; но труды эти уже устарѣли.

Въ Исторіи церкви Преосв. Макарія, митрополита московскаго, и особенно въ новѣйшей Исторіи русской церкви Е. Голубинскаго есть весьма много важнаго о лѣтописяхъ и лѣтописцахъ, но тоже разбросаннаго по разнымъ мѣстамъ ихъ сочиненій. Кое что намъ придется впослѣдствіи и указать.

Книжка А. Старчевскаго: Очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина (1845) для вопроса о лѣтописяхъ въ настоящее время совершенно не пригодна.

¹⁾ И въ другихъ лекціяхъ Шевырева есть замѣчанія о лѣтописяхъ, впрочемъ неособенно важныя. Ихъ легко отыскать по оглавленіямъ лекцій.

Наконецъ очень много весьма вѣскихъ замѣчаній о лѣтописяхъ можно найти въ новѣйшихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ разнаго рода вопросамъ, источникомъ изученія которыхъ служатъ лѣтописи. Такія замѣчанія находимъ напр. въ сочиненіи Геденова *Варяги и Русь* и въ примѣчаніяхъ къ нему Куника, въ статьяхъ Васильевскаго и многихъ другихъ. Ниже мы увидимъ, что, за исключеніемъ указаннаго выше изслѣдованія П. Давровскаго, вся литература вопроса о Іоакимовской лѣтописи состоитъ изъ замѣчаній, разбросанныхъ по различнымъ сочиненіямъ.

Укажемъ еще на два сочиненія, хоть не касающіяся непосредственно лѣтописей, но написанныя по поводу такихъ вопросовъ, которые имѣютъ съ лѣтописями весьма тѣсное соприкосновеніе:

И. П. Хрущовъ — О древне-русскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ XI и XII столѣтія (Кіевъ 1878 г.; сперва было напечатано въ Кіевск. универ. извѣстіяхъ).

Сказанія и повѣсти¹⁾ наиболѣе сохранились въ лѣтописныхъ сводахъ, такъ что сочиненіе Хрущова очень важно для вопроса о составѣ лѣтописей.

Менѣе касается лѣтописей знаменитый трудъ Ан. И. Попова: *Обзоръ хронографовъ русской редакціи* (2 вып. 1866 и 1869 г. съ Изборникомъ, изд. 1869 г.), но для вопроса о составѣ лѣтописей, особенно позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ, это сочиненіе очень важно.

Другія менѣе важныя для лѣтописей сочиненія по вопросу о хронографахъ, а также объ историческихъ сказаніяхъ, житіяхъ святыхъ и иныхъ памятникахъ, являющихся въ лѣтописяхъ въ видѣ вставокъ, указаны будутъ въ своемъ мѣстѣ.

Изданія лѣтописей мы тоже укажемъ въ свое время, когда рѣчь пойдетъ о самихъ лѣтописяхъ. Отметимъ только самое

¹⁾ Разница между сказаніемъ и повѣстью вообще не точно установлена; Хрущовъ считаетъ сказаніемъ непосредственный рассказъ современника, а повѣстью рассказъ уже позднѣйшаго сочиненія. Это различіе могло бы быть принято въ науку.

важное и наиболее распространенное изданіе: Полное собраніе русскихъ лѣтописей, издаваемое по Высочайшему повелѣнію Археографическою комиссіей подъ редакціей сперва Я. И. Березникова, потомъ А. Ѳ. Вычкова. Этого изданія вышло 10 томовъ (I—IX и XV), причеиъ нѣкоторые томы (изъ первыхъ) имѣютъ по нѣсколько изданій (см. ниже). Въ немъ составляется и указатель лицъ, тоже очень медленно; нынѣ онъ доведенъ до буквы I.

Недостатокъ указателя до нѣкоторой степени пополняется IV и VI т. Исслѣдованій Погодина, въ которыхъ находятся выборки извѣстій изъ лѣтописей относительно городовъ въ различныхъ княжествахъ (IV т.) по княжествамъ, но не въ алфавитномъ порядкѣ; а также и князей въ видѣ краткихъ біографій (въ VI т.) Хотя указатель составленъ по степенямъ и старшинству, какъ обыкновенно оставляются родословныя, но къ нему приложенъ азбучный списокъ русскихъ князей, съ обозначеніемъ страницъ, и списокъ ихъ по княжествамъ и удѣламъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, такъ что пользоваться имъ удобно. V и VII т. до нѣкоторой степени могутъ служить предметнымъ указателемъ. Къ сожалѣнію, все списки касаются лишь удѣльнаго періода, притомъ есть много невѣрностей и пропусковъ.

Географическимъ указателемъ можетъ служить еще сочиненіе Н. П. Барсова: Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи (1865 г.).

Для самой процедуры изданія Полнаго собранія русскихъ лѣтописей очень любопытны сочиненія Н. И. Барсукова: П. М. Строевъ (1878 г.), тѣ главы, гдѣ объ этомъ изданіи идетъ рѣчь (что видно изъ оглавленія), и Русскіе Палеологи (Др. и Н. Р. 1880 г. № 2 и 3 и отдѣльно). Вообще же о ходѣ изданія лѣтописей можно получить свѣдѣнія изъ записки А. Ѳ. Вычкова: Обзоръ хода изданія лѣтописей въ Россіи (Ж. М. Н. Пр. 1860 г. № 1). Очень любопытны еще свѣдѣнія, сообщенныя въ статьѣ Д. В. Полѣнова: О лѣтописяхъ, изданныхъ отъ Святѣйшаго Синода (Зап. Ак. Н. 1863 г., т. IV, кн. 2), гдѣ рѣчь идетъ объ изданіяхъ лѣтописей въ XVIII в.

Библиографическаго обозрѣнія всѣхъ изданныхъ лѣтописей нѣтъ. Таковое существуетъ только для изданій до 1849 г. Д. В. Полѣнова: Библиографическое Обозрѣніе русскихъ лѣтописей (Ж. М. Н. Пр. 1849 г. часть LXIV стр. 31—180 и отдѣльно). Здѣсь довольно обстоятельно описано 18 изданій лѣтописей, въ томъ числѣ и такъ называемая Степенная книга. Пользоваться книгою Полѣнова по ея краткости очень удобно; но, въ сожалѣнію, какъ Ж. М. Н. Пр. за 1849 г., такъ и отдѣльный оттискъ сочиненія Полѣнова давно уже исчезли съ книжнаго рынка и находятся только въ серьезныхъ бібліотекахъ. Желательно было бы новое изданіе этого сочиненія, или, еще лучше, переработка съ дополненіемъ біблиографическаго описанія позднѣйшихъ изданій. Въ дополненіе къ своему основному сочиненію Полѣновымъ было напечатано очень обстоятельное обозрѣніе лѣтописи Переяславля Суздальскаго (Уч. Зап. II Отд. Ак. Н. I), когда была въ 1851 г. издана эта лѣтопись.

Почти каждое изданіе лѣтописей сопровождается предисловіемъ, гдѣ заключается описаніе рукописей, которыми пользовались издатели, а также изложеніе правилъ, которыя ими соблюдались при изданіи. Иногда это предисловіе разрастается въ цѣлое изслѣдованіе, напр. у П. Строева при изд. Софійскаго временника, у Погодина—Псковской лѣтописи, у кн. Оболенскаго при изданіи Супрасльской рукописи и лѣтописи Переяславля Суздальскаго, у Лейбовича при изданіи Повѣсти временныхъ лѣтъ (1876 г.) и пр.

Происхожденіе русскихъ лѣтописей.

Происхожденіе русскихъ лѣтописей представляетъ собою вопросъ далеко не выясненный; по крайней мѣрѣ ученые никакъ не могутъ согласиться на счетъ его рѣшенія. Теоретическія его рѣшенія не согласуются съ указаніями практики, практическія легко опровергаются теоретическими аргументами.

Какъ христіанская религія, такъ и вся образованность заимствована нами изъ Византіи, по крайней мѣрѣ насколько

можно судить при нынѣшнемъ состояніи нашихъ свѣдѣній о древне-русской исторіи. Византійскіе источники или образцы можно найти почти для всей нашей древне-русской литературы. Весьма возможно, что русскіе знали ихъ въ формѣ южно-славянскихъ переводовъ или подражаній, это разницы не дѣлаетъ — все же источникъ тотъ же самый. Поэтому само собою напрашивалась мысль, что и лѣтопись наша имѣетъ себѣ образецъ въ византійской хронографіи. Образецъ этотъ не былъ найденъ ни въ византійской, ни въ южно-славянской редакціи, — многое не найдено и современемъ отыщется.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній уже Шлецеръ высказалъ мнѣніе, что временникъ Нестора, признаваемый имъ за древнѣйшую лѣтопись, составленъ по образцу византійскихъ хроникъ¹⁾; имъ подражалъ Несторъ въ формѣ изложенія; многое внесъ онъ изъ византійскихъ историковъ цѣликомъ. Но при этомъ Шлецеръ, какъ увидимъ ниже, не могъ указать этихъ византійскихъ образцовъ: теорія не подтверждалась практикой.

Долгое время мнѣніе Шлецера было общепризнаннымъ, такъ какъ внѣ его нѣтъ выхода, и вопросъ шолъ лишь о степени вліянія византійскихъ историковъ на русскую лѣтопись.

Рѣшительнѣе всѣхъ о зависимости русской лѣтописи отъ византійской высказался кн. Оболенскій: «Первый авторъ древней лѣтописи былъ нѣкто иной, какъ переводчикъ одного изъ византійскихъ хронографовъ. Затѣмъ онъ присоединялъ въ соответственныхъ мѣстахъ собственныя свои свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи Россіи, прибавилъ народныя и монастырскія преданія и обозначилъ главныя происшествія, случившіяся въ его монастырѣ²⁾».

¹⁾ Въ своей автобіографіи Шлецеръ выражается еще сильнѣе: въ Русскихъ лѣтописяхъ все было по византійски и т. д. См. Сборн. Отд. Русск. яз. и Слов. Имп. Ак. Н. XIII, стр. 107.

²⁾ Таково, между прочимъ, было происхожденіе древнихъ сербскихъ лѣтописей, впрочемъ довольно позднихъ (См. Ягичъ Ист. Серб. хорв. литер. стр. 229).

Такого же мнѣнія, повидимому, держался и Сахаровъ, считая переводы греческихъ историковъ съ прибавленіемъ славяно-русскихъ событій (т. е. такъ называемые хронографы русской редакціи) за главный источникъ нашей лѣтописи, не открытый Шлецеромъ потому, что, зная подлинныхъ историковъ, онъ не зналъ о существованіи съ нихъ переводовъ (Др. и Н. Россія 1880 г. № 3. Письмо Сахарова, стр. 520).

Разумѣется, это мнѣніе можетъ быть доказано еще труднѣе, чѣмъ мнѣніе Шлецера, такъ какъ того историка, котораго переводилъ бы древній лѣтописецъ, не знаетъ никто.

Въ послѣднее время было доказано, что для хронологическихъ датъ составитель дошедшаго до насъ древняго лѣтописнаго свода (древней лѣтописи) пользовался такъ называемымъ «Лѣтописцемъ вскорѣ», т. е. краткимъ, приписываемымъ Никифору патр. цареградскому (о доказательствахъ этого сказано будетъ въ свое время); но кромѣ хронологіи заимствовать изъ этого лѣтописца составитель могъ очень немного, а сходства съ нашею лѣтописью «Лѣтописецъ вскорѣ» не имѣетъ никакого, такъ какъ это просто имена ветхо и ново-завѣстныхъ лицъ, равно какъ и византійскихъ государей, съ обозначеніемъ, сколько лѣтъ они жили, или сколько лѣтъ царствовали, или сколько лѣтъ прошло отъ извѣстнаго событія.

Противъ мнѣнія кв. Оболенскаго говорятъ еще и вотъ что: вслѣдствіе знакомыя съ древнею лѣтописью, легко замѣтить, что, кромѣ первыхъ, такъ сказать, строевъ ея, византійскій источникъ во всемъ остальномъ изложеніи чувствуется слабо и извѣстія изъ византійскихъ источниковъ являются въ видѣ вставокъ, очень рельефно выдѣляющихся изъ остальнаго изложенія. И что еще любопытно, — что позднѣйшіе лѣтописные своды гораздо обильнѣе византійскими заимствованіями, чѣмъ древнія лѣтописи. Конечно, говоритъ Срезневскій (Чтенія), не русскими событіями умножена лѣтопись византійско-болгарская, а, напротивъ, лѣтопись русская, событіями византійскими и болгарскими. Поэтому гораздо справедливѣе общепринятое мнѣніе, что древній лѣтописецъ дѣйствительно имѣлъ передъ

собѣю византійскіе образцы, но вовсе не копировалъ ихъ. При чемъ всетаки остается необъясненнымъ вопросъ о точномъ обозначеніи этихъ образцовъ и въ особенности въ виду того, что въ нашей древней лѣтописи не замѣтно знакомство съ собственно византійскими лѣтописцами (Георгіемъ Синкелломъ и др.), а, напротивъ, очевидно знакомство съ византійскими историками (съ Амартоломъ и др.), которые, какъ я говорилъ выше, соблюдаютъ порядокъ времени, а не порядокъ годовъ.

Голубинскій избраніе нашимъ лѣтописцемъ столь первичной формы историческаго изложенія, какою представляется лѣтопись, приписываетъ его скромности и неувѣренности въ своихъ силахъ, или сознательному его выбору; но и это предположеніе мало объясняетъ дѣло. Словомъ, хотя мнѣніе Шлецера въ самомъ умѣренномъ его толкованіи и остается господствующимъ, но вопросъ, какъ совершился переходъ изъ византійскихъ хроникъ къ русскимъ, все еще остался не выясненнымъ.

Тогда какъ большинство историковъ считало русскую лѣтопись составленною по образцу византійскихъ, Бутковъ, напротивъ, самую идею о составленіи лѣтописи («мысль къ дѣписанію») считаетъ національною, опираясь на то, что Св. Θεодосій требовалъ отъ иноковъ, чтобы они занимались между прочимъ преданіями отеческими. Затѣмъ уже Пр. Несторъ могъ подражать въ частности византійскому хронографу. Но, не говоря уже о неясности самого выраженія—преданія отеческія, даже если допустить толкованіе Буткова (Оборона лѣтописи стр. 172 и прим. 402), всетаки этимъ не устраняется вопросъ о византійскомъ вліяніи, такъ какъ и самая мысль Св. Θεодосія—заниматься въ монастыряхъ отечественною исторіею, вовсе не чужда Византіи, и образцы для такихъ занятій могли быть заимствованы изъ Греціи.

Мы увидимъ сейчасъ же, что мнѣніе Буткова принимаютъ: Срезневскій, Бестужевъ-Рюминъ и другіе, но въ совершенно иной, болѣе правильной редакціи:

При невозможности совершенно точно выяснитъ вопросъ о

византійскомъ происхожденіи русской лѣтописи, была попытка найти для нея иной источникъ.

Уже Шлецеръ замѣтилъ тотъ фактъ, что наши лѣтописи по формѣ сходны не съ византійскими лѣтописями, а съ средне-вѣковыми анналами, именно съ англо-саксонскими. Особенно же это сходство подчеркнута Срезневскимъ (Исслѣдованіе о лѣтописяхъ новгородскихъ) и выяснено сличеніемъ лѣтописей съ анналами Сухомлиновымъ. Оказывается, что, какъ тамъ, такъ и у насъ извѣстіе о какомъ нибудь событіи расчленяется подъ разными годами, существуютъ пустые годы, какъ напр. въ Вейнгартенской лѣтописи и т. д. (см. ниже въ параграфѣ о формѣ лѣтописи). Но Сухомлиновъ и Срезневскій по вопросу о происхожденіи лѣтописи сдѣлали изъ этого сходства два различныя вывода.

Предполагать источникомъ нашей лѣтописи какія либо западно-европейскія анналы, при настоящемъ состояніи свѣдѣній о древней Руси, почти невозможно. Ни вліяніе варяговъ (если даже его принять), ни вліяніе западныхъ славянъ, о которомъ можно судить до нѣкоторой степени, не могло быть сильнѣе византійскаго, а тѣмъ болѣе проникнуть къ намъ раньше. Допуская же прямо западно-европейское вліяніе, чему могли бы дать поводъ нѣкоторыя извѣстія о непосредственныхъ сношеніяхъ Россіи съ Франціей и Германіей, особенно при предположеніи, что наша древняя лѣтопись составлена очень поздно (а такія мнѣнія тоже есть), мы попадаемъ въ область вопросовъ, вполне неразрѣшимыхъ, по совершенному отсутствію источниковъ. Какъ кажется, никто даже и не рѣшался поставить вопросъ о западно-европейскомъ происхожденіи нашей лѣтописи, никто не указалъ точно и свѣдѣній, которыя могли проникнуть въ нее такимъ путемъ. Бѣляевъ (въ статьѣ о Несторѣ) и Погодинъ (Исл. I, стр. 102 — 103) разсуждаютъ объ этомъ лишь въ общихъ чертахъ.

Приходится выяснять сходство нашихъ лѣтописей съ западно-европейскими иными способомъ. Одинаковость феноменовъ до нѣкоторой степени предполагаетъ одинаковость причинъ

На этомъ и построена теорія Сухомлинова. Средневѣковыя апалы произошли изъ пасхальныхъ таблицъ—и наши лѣтописи могли произойти изъ того же источника, т. е. какъ и анналы, онѣ происхожденія оригинальнаго.

Разумѣется, Сухомлиновъ подтверждаетъ свое мнѣнiе положительными доказательствами и выполняетъ эту задачу очень хорошо. Онъ приводитъ рядъ указанiй на существованiе въ древней Руси пасхальныхъ таблицъ, причемъ изъ источниковъ видно, что пасхальныя вычисленiя занимали русскихъ уже съ XII вѣка (а могли занимать и раньше). Лѣтописи носятъ ясныя слѣды знакомства съ пасхальными таблицами, обозначая индикты, кругъ луны, кругъ солнца и т. п. церковныя астрономическiе терминны.

Но что еще важнѣе, Сухомлиновъ приводитъ и самую пасхальную таблицу (изъ харатейнаго псаломника XIV в. ¹⁾), находящуюся въ синодальной библиотекѣ, заключающую въ себѣ 877 — 1408 годы и сохранившую при ключевыхъ буквѣхъ какія то сокращенныя замѣтки. Сухомлиновъ выписываетъ эти замѣтки и легко возстановляетъ ихъ чтенiе и въ тоже время выписываетъ изъ различныхъ (преимущественно новгородскихъ) лѣтописей, почти подъ тѣми же годами, извѣстiя, цѣликомъ пополняющiя эти замѣтки; напр. подъ 1015 г. замѣтка: Борисъ; въ лѣтописяхъ подъ этимъ годомъ рассказывается о убiенiи Борисовѣ. Подъ 1215 г.—Юрьева рать; въ лѣтописи подъ 1216 говорится о войнѣ новгородцевъ съ В. Кн. Юриемъ Всеволодовичемъ. Подъ 1321 г.—Солнце погибе; въ лѣтописи рассказывается о затменiи солнца и т. д. И такихъ замѣтокъ много и объясняются онѣ всѣ. Нѣкоторая незначительная разница въ хронологiи не измѣняетъ дѣла, въ виду общепризнанной запутанности и неточности хронологiи нашихъ лѣтописей.

Легко себѣ представить, какъ изъ такихъ замѣтокъ, сперва написанныхъ вратцѣ на пасхальныхъ таблицѣхъ, затѣмъ

---

¹⁾ Она потомъ издава палеографически Срезневскимъ въ приложенияхъ къ памятникамъ древняго русскаго письма и языка.

полностью выписанныхъ подъ рядъ и дополненныхъ изъ другихъ источниковъ, могла образоваться, а дажѣ и развиться лѣтопись. Сухомлиновъ все это и поясняетъ весьма рельефными примѣрами.

Всѣ эти соображенія приводятъ Сухомлинова къ выводу, высказываемому имъ сперва осторожно (стр. 45), а въ заключеніи—и рѣшительно, что лѣтопись наша происхожденія самостоятельнаго и развилась изъ замѣтокъ на пасхальныхъ таблицахъ.

Какъ ни остроумна теорія Сухомлинова, подтверждаемая притомъ и вѣскими практическими указаніями, но позднѣйшіе ученые ее не принимаютъ¹⁾ и не безъ основанія.

Уже самое существованіе пасхальной таблицы съ лѣтописными замѣтками отъ XIV в. дѣлаетъ сомнительнымъ вопросъ о происхожденіи отсюда лѣтописи. Неужели русскіе лѣтописцы стояли на такомъ низкомъ уровнѣ образованія, что даже въ XIV в. должны были руководствоваться для составленія лѣтописей пасхальными таблицами? Въ виду того, что извѣстія въ таблицѣ поясняются лучше всего новгородскими лѣтописями и что новгородскія лѣтописныя извѣстія вообще отличаются особенною краткостью, нѣкоторые изслѣдователи (напр. осторожный Вестужевъ-Рюминъ, и видимо для того, чтобы не устранить столь цѣнныхъ по своему практическому характеру наблюденій Сухомлинова) допускаютъ именно такое происхожденіе новгородскихъ лѣтописей; но это ненужное предположеніе, ибо ходъ умственного развитія въ древней Руси во всѣхъ мѣстностяхъ, подвергшихся культурному вліянію Византии, былъ до XIII в. болѣе или менѣе одинаковъ, и новгородскимъ лѣтописцамъ не приходилось изобрѣтать спеціальныхъ способовъ лѣтописанія. Гораздо правильнѣе замѣчаніе Вестужева-Рюмина, что на таблицѣ, приведенной Сухомлиновымъ, прямо сохранились замѣтки, сдѣланныя какимъ либо читателемъ лѣтописи, какъ и теперъ многіе дѣлаютъ подобныя за-

¹⁾ Впрочемъ ее принялъ Иловайскій: Русск. Исторія I, 177.

мѣтки на поляхъ календарей. Недавно г. Хрущовъ (О древнерусскихъ историческихъ сказаніяхъ и повѣстяхъ) напечаталъ рядъ такихъ же лѣтописныхъ выдержекъ, безъ всякой системы, изъ сборника молитвеннаго содержанія конца XV в., находящагося въ бібліотекѣ Московской Духовной Академіи.

Вѣроятно такое же значеніе имѣютъ и напечатанные Срезневскимъ (Изв. II Отд. Ак. Н. т. VIII, стр. 390) два лѣтописные перечня: изъ синодальной коричей XIII в. и изъ сборника, принадлежавшаго Срезневскому, XVII в. о событіяхъ съ IX по XIII вѣкъ (см. ниже).

Съ какою цѣлью сдѣланы подобныя замѣтки на таблицѣ, приведенной Сухомлиновымъ, понять трудно, по ихъ разобщенности между собою; очень можетъ быть, что для какойнибудь повѣрки хронологіи. Костомаровъ именно полагаетъ, что пасхальныя таблицы могли служить лѣтописцу для этой цѣли. Но, намъ кажется, нельзя отрицать, что подобную выборку извѣстій изъ лѣтописи могъ сдѣлать позднѣйшій лѣтописецъ, чтобы почему либо внести ихъ въ свою собственную лѣтопись, причѣмъ на пасхальной таблицѣ онъ могъ основать свою хронологію, или даже начать лѣтопись этими извѣстіями. Перечни и подавно могли служить для этой цѣли. Конечно, это только предположеніе, не имѣющее пока опоры въ фактахъ, но, если бы это было такъ, то позволительно было бы заключать отъ событій XIV вѣка ко времени и болѣе раннему и допускать такимъ образомъ занесеніе свѣдѣній въ древнія лѣтописи между прочимъ и изъ пасхальныхъ таблицъ.

Даже нельзя отрицать и того, что какаянибудь лѣтопись, особенно отдаленнаго монастыря, гдѣ монахи были очень мало образованы, могла произойти самостоятельно, образовавшись исключительно изъ пасхальныхъ таблицъ, независимо отъ того, что въ Кіевѣ, Новгородѣ и другихъ умственныхъ центрахъ уже велось правильное лѣтописаніе.

Возможно и то, что для нѣкоторыхъ лѣтописцевъ образцомъ являлись греческія хроники на пасхальныхъ таблицахъ. Ламбинъ именно въ нихъ ищетъ образцовъ для лѣтописи Не-

стора. Еще раньше Шлецеръ въ числѣ возможныхъ источниковъ для лѣтописи Нестора ставилъ «Paschalion» неизвѣстнаго времени, изданный въ Парижѣ въ 1688 г. Кажется, пасхальныя греческія хроники на славянскіе языки переведены не были, такъ что русскіе ихъ могли знать лишь на греческомъ языкѣ.

Недавно защитникомъ мнѣнія Сухомлинова явился Забѣлинъ, впрочемъ сливши его съ мнѣніями Срезневскаго и Бестужева-Рюмина, т. е. допуская, что краткія замѣтки, о которыхъ они говорятъ (см. ниже), раньше всего, даже въ IX в. вносились на пасхальныя таблицы, также въ святцы («христіанская святая лѣтопись»), въ синодики или поминальники¹⁾ и т. п., по образцу греческому. Но Забѣлинъ не выдерживаетъ послѣдовательно своей теоріи, хотя и рисуетъ цѣлую картину лѣтописанія:

«Христіанское богослуженіе совершаетъ свои празднованія, посты и весь церковный обиходъ по годовому кругу, опредѣляемому днемъ Пасхи, слѣдовательно, счисленіе времени и по годамъ, и по днямъ мѣсяца (святцы) составляетъ для церкви необходимую и существенную черту въ устройствѣ ея порядковъ. Отсюда важное значеніе въ церковномъ быту годовыхъ и мѣсячныхъ чиселъ. Имъ устранился и опредѣлялся церковный бытъ и его отношенія въ быту мірскому, а потому каждое значительное и незначительное мірское событіе, какъ скоро оно заслуживало памяти, необходимо вносилось въ тотъ же годовой кругъ, необходимо опредѣлялось извѣстнымъ годомъ и даже числомъ мѣсяца. Другаго способа для обозначенія церковными людьми не могло и существовать. Отъ этого и собраніе такихъ показаній именовалось описью лѣтъ, лѣтописью, въ которой первое главное мѣсто занимало именно

¹⁾ И синодики прежде часто назывались лѣтописями. Голубинскій говоритъ, что лѣтописью могла назваться и запись на книгѣ и подпись на иконѣ, на памятникѣ, или на наданіи. Причѣмъ столь обширнаго употребленія слова лѣтопись онъ не приводитъ. Вѣроятно, во всѣхъ такихъ случаяхъ бываетъ обозначенъ годъ.

«лѣто», годовое число, почему оно ставилось даже и въ такомъ случаѣ, когда самой описи не оказывалось, но ставилось для соблюденія порядка въ главномъ, т. е. въ теченіи другъ за другомъ годовыхъ чиселъ и съ намѣреніемъ когда либо пополнить записями пустые года».

Въ то же время Забѣлинъ допускаетъ, что въ церковномъ обиходѣ не менѣе паскалій, для рѣшенія всякихъ хронологическихъ вопросовъ, были необходимы греческіе лѣтописи, въ родѣ лѣтописца вскорѣ (т. е. краткаго), приписываемаго патриарху Никифору цариградскому (VIII в.), гдѣ есть перечень годовъ и владѣтельныхъ лицъ. Такіе лѣтописцы даже помѣщались въ номоканонахъ (книга церковныхъ правилъ). Они могли служить удобнымъ началомъ къ веденію русской лѣтописи и ихъ дополняли русскими извѣстіями. Одинъ такой списокъ лѣтописца вскорѣ русской редакціи съ русскими событіями сохранился отъ XIII вѣка и напечатанъ въ Полн. Собр. Русск. Лѣтописей т. I. Но, судя по находженію другаго подобнаго списка въ Никоновской лѣтописи, можно думать, что составитель ея имѣлъ въ рукахъ болѣе древніе подлинники такихъ краткихъ лѣтописцевъ, чѣмъ тотъ, который внесенъ въ Повѣсть временныхъ лѣтъ. Впрочемъ, относительно этого доказательства Забѣлина несовсѣмъ убѣдительно: внесеніе въ лѣтопись фразы: «а въ Руси нача княжити Игорь, а Олегъ умре», онъ приписываетъ современнику, тогда какъ такая фраза могла быть написана когда угодно¹⁾.

Какъ бы то ни было, но этимъ мнѣніемъ Забѣлинъ принимаетъ уже къ Кн. Оболенскому. При всемъ томъ самое лѣтописаніе (независимо отъ церковныхъ источниковъ) авторъ все таки считаетъ дѣломъ національнымъ.

Срезневскій (Чтенія о лѣтописцяхъ) тоже принимаетъ, по видимому (см. стр. 9 и 10), оригинальное происхожденіе лѣтописей, и объясняетъ, что онѣ явились у русскихъ, какъ и

¹⁾ Перечни лѣтописныхъ извѣстій, напечатанные Срезневскимъ, о которыхъ было только что говорено, также начинаются лѣтописцемъ вскорѣ.

у другихъ народовъ, въ удовлетвореніе потребности помнитъ свое историческое прошлое и передавать рассказы о немъ изъ рода въ родъ, до тѣхъ поръ пока не найдется способъ увѣковѣчить ихъ болѣе прочнымъ образомъ, напр. съ помощью письма. Всѣ такія сказанія могли быть приурочены къ церковнымъ таблицамъ, перешедшимъ къ намъ изъ Византіи, но можетъ быть еще раньше къ таблицамъ хронологическимъ, напр. къ годамъ царствованія великихъ князей, чему есть въ древней лѣтописи примѣръ. Существуетъ именно хронологическая таблица съ общеизвѣстными слѣдующими гранями: отъ смерти Святослава до смерти Ярослава 85 лѣтъ, а отъ смерти Ярослава до смерти Святополка 60 лѣтъ. Зачѣмъ бы пужны именно эти даты; вѣдь и другіе князья въ это время умирали? Срезневскій и видитъ здѣсь слѣдъ существованія трехъ, такъ сказать, концентрически составленныхъ лѣтописей: 1-ая до 972 г. († Святослава), 2-ая до 1054 († Ярослава) и 3-ья которую лѣтописецъ хотѣлъ довести до 1113 г. († Святополка). Послѣдняя и есть наша древняя лѣтопись.

Изъ двухъ положеній Срезневскаго первое, въ которомъ въ замаскированномъ видѣ является просто вопросъ о возникновеніи у насъ исторіи, конечно, абсолютно вѣрно, и невозможно не предположить въ началѣ исторіи каждаго народа сперва устныхъ, а, съ пріобрѣтеніемъ письменности, и писанныхъ историческихъ сказаній. Второе же: о приспособленіи ихъ не только къ пасхальнымъ таблицамъ (что до нѣкоторой степени вѣроятно), но и къ таблицамъ хронологическимъ, требуетъ прежде всего признанія факта существованія у насъ первоначальныхъ хронологическихъ таблицъ, что очень слабо доказано Срезневскимъ, такъ какъ у него вмѣсто доказательствъ есть лишь указаніе на возможность такого существованія.

Послѣдующіе изслѣдователи, напротивъ, довольно прочно установили тотъ фактъ, что хронологія въ лѣтописяхъ моложе самихъ лѣтописей и что годы вставлялись въ сказанія, а не наоборотъ; см. напр. замѣчанія въ лекціяхъ Костомарова или въ статьѣ Разудова,—впрочемъ объ этомъ ниже.

Вслѣдъ за Срезневскимъ и Бестужевъ-Рюминъ принимаетъ существованіе краткихъ погодныхъ записокъ, не высказываясь точно о ихъ происхожденіи. Кажется, онъ склоненъ объяснять ихъ иначе, чѣмъ Сухомлиновъ, потому что называетъ ихъ мелкими летучими. Точно также принимаетъ онъ и существованіе извѣстныхъ историческихъ сказаній, но разбитыхъ на годы уже позднѣе. Когда эти оба источника были сопоставлены и къ нимъ добавлены извѣстія изъ народныхъ преданій и изъ иныхъ источниковъ, то и образовались лѣтописные своды (Русская исторія). Свое мнѣніе Бестужевъ-Рюминъ оставилъ и несравненно большимъ, чѣмъ Срезневскій, числомъ доказательствъ въ диссертациі О составѣ лѣтописей до конца XIV в.

Мнѣніе Бестужева-Рюмина о двухъ основныхъ источникахъ лѣтописи принято въ современной исторіографіи; но оно все же не исключаетъ вопроса: русская лѣтопись возникла ли изъ этихъ источниковъ самостоятельно, или она имѣла византійскіе образцы? Какъ кажется, второе предположеніе вѣрнѣе, и вопросъ о происхожденіи лѣтописей можетъ быть рѣшенъ приблизительно такимъ способомъ:

При возникновеніи у насъ письменности (конечно, еще до официального принятія христіанства) были записаны устные историческія сказанія; въ то же время существовали мелкія летучія замѣтки о какихъ либо событіяхъ съ числовыми данными (напр. обозначеніе года чьей либо смерти на надгробномъ памятникѣ и т. п.), можетъ даже записанныя изъ простаго любопытства. По принятіи христіанства при Св. Владимірѣ, при большемъ чѣмъ прежде знакомствѣ съ византійской литературой, такія замѣтки и сказанія (иныя изъ нихъ сложились уже по византійскимъ образцамъ) послужили источникомъ для древне-русской лѣтописи, составлявшейся по образцу греческой. Причемъ иныя подобныя сказанія могли и не войти въ лѣтопись и сохранились отдѣльно. Когда лѣтописная форма усвоилась, то по образцу ея и стало продолжаться веденіе лѣтописнаго разсказа. Таково въ общихъ чертахъ мнѣніе Костомарова (Лекціи).

Въ эту лѣтопись могли вноситься извѣстія и изъ пасхальныхъ таблицъ. Кое же гдѣ такія замѣтки на пасхальныхъ таблицахъ могли даже лечь въ основу составляющейся лѣтописи, доставивъ ей первый матеріалъ, хотя лѣтописецъ могъ имѣть уже готовый образецъ въ видѣ лѣтописи иной. Конечно, краткія замѣтки сохраняли свои числовыя даты, тогда какъ сказанія (а позднѣе преданія и т. п.), вставляемыя среди этихъ замѣтокъ, разбивались на годы для большей систематичности.

Такое мнѣніе, болѣе или менѣе сводящее въ одно всё остальныя, въ свою очередь должно считаться гипотетическимъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ указаны византійскія хроники, извѣстныя нашимъ лѣтописцамъ и въ тоже время болѣе сходныя съ нашею лѣтописью, чѣмъ тѣ, которыя указываются до сихъ поръ, какъ послужившія нашимъ лѣтописцамъ за образецъ. Такъ какъ уже трудно надѣяться на такое открытіе, то и вопросъ о происхожденіи русской лѣтописи едва ли ненавсегда останется рѣшаемымъ лишь приблизительно. Въ концѣ концовъ лѣтописи наши оказываются сводами, а генезисъ ихъ сводится на генезисъ сказаній, замѣтокъ, преданій и т. п.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о происхожденіи русскихъ лѣтописей стоитъ вопросъ о времени ихъ возникновенія. Само собою понятно, что и здѣсь изслѣдователи не могли между собою согласиться. Очень долго, когда считали Пр. Нестора первымъ русскимъ лѣтописцемъ, думали, что лѣтопись началась въ концѣ XI—въ началѣ XII вѣка. Хотя и были указанія на болѣе древнихъ лѣтописцевъ, но или слишкомъ неопредѣленные, напр. на стараго ростовскаго лѣтописца (см. ниже), или признаваемыя недостоверными, напр. относительно лѣтописи Іоакимовской. Кто признавалъ подлинность Іоакимовской лѣтописи, какъ напр. Татищевъ, тотъ обязательно допускалъ появленіе лѣтописи раньше Нестора¹⁾, напр. въ началѣ

¹⁾ Смотри еще благопріятный отзывъ Котляревскаго о мнѣніи Байеястера о существованіи лѣтописцевъ до Нестора въ соч. *Essaisur la biblio-*

XI вѣка, когда жилъ Іоакимъ еп. новгородскій, но большинство твердо стояло за Нестора и за начало лѣтописи въ концѣ XI вѣка.

Большее, чѣмъ прежде, знакомство съ состояніемъ образованности въ древней Руси въ удѣльно вѣчевой періодъ колебало вѣру въ возможность сразу, безъ всякихъ предшествующихъ русскихъ образцовъ, сочинить, хотя бы на основаніи готовыхъ матеріаловъ, такой трудъ, какъ приписываемая Пр. Нестору лѣтопись. Кое у кого изъ ученыхъ, напр. у Карамзина, а особенно у Погодина, стали мелькать указанія, что они согласны отнести начало лѣтописанія, въ формѣ краткихъ записокъ, напр. церковныхъ, и къ болѣе ранней эпохѣ, въ особенности потому, что, какъ мы видѣли, указанія на это есть. За Пр. Несторомъ оставалась лишь заслуга авторства древнѣйшей, дошедшей до насъ, лѣтописи.

Важное значеніе въ этомъ вопросѣ имѣютъ работы Срезневскаго (см. выше), въ которыхъ онъ, путемъ выдѣленія краткихъ лѣтописныхъ показаній и народныхъ преданій, старается не только доказать существованіе лѣтописей въ X в. (до принятія христіанства Владиміромъ Св.), но выясняетъ и ихъ содержаніе.

Мнѣніе Срезневскаго о существованіи краткихъ замѣтокъ въ X в., особенно послѣ того, какъ оно было подкрѣплено анализомъ лѣтописей Бестужевымъ-Рюминымъ, стало, какъ мы видѣли, достояніемъ науки. Невозможно даже утвердительно сказать, чтобы такихъ лѣтописныхъ замѣтокъ не было еще и въ IX в., слѣды чего есть въ древней лѣтописи. Словомъ, начало ихъ можетъ быть отнесено къ возникновенію у насъ письменности. Забѣлинь относитъ ихъ къ возникновенію въ Кіевѣ христіанства (въ IX в.), что не дѣлаетъ особенной разницы.

Иное дѣло вопросъ о составленіи изъ этихъ замѣтокъ правильной лѣтописи, какъ сочиненія. Такъ какъ выборка очень

thèque de l'Académie des sciences 1776 г. (Котляревскій: Объ изученіи древнерусской письменности 1879 г.).

короткихъ отрывочныхъ извѣстій не даетъ еще сочиненія, то и аргументація Срозневскаго и Вестужева-Рюмина представляется несовсѣмъ убѣдительною¹⁾. По всей вѣроятности всѣ такія замѣтки улеглись въ стройную лѣтописную систему, которая вслѣдъ затѣмъ была прииѣнена къ текущимъ событіямъ, лишь при большемъ знакомствѣ съ византійской образованностью, которое можно отнести приблизительно въ XI в. Къ одиннадцатому же вѣку относятся и другія важнѣйшія произведенія древней русской литературы, составленныя по византійскимъ образцамъ. Это мнѣніе общепринятое, напр. Забѣлинъ именно ко времени Ярослава относитъ выдѣленіе извѣстій изъ пасхальныхъ таблицъ и т. п. въ настоящую лѣтопись.

Не всѣ, впрочемъ, изслѣдователи принимаютъ мнѣніе о столь раннемъ существованіи лѣтописныхъ замѣтокъ. Разсудовъ напр. доказываетъ, что въ лѣтописи такихъ краткихъ замѣтокъ слишкомъ мало, да и тѣ, которыя есть, могли прямо сохраниться въ народной памяти. Всѣ, отрицающіе раннее происхожденіе замѣтокъ, считаютъ ли они Пр. Нестора за перваго лѣтописца, или нѣтъ, относятъ образованіе лѣтописи попрежнему къ концу XI или къ началу XII вѣка.

М. Каченовскій и П. Строевъ относили лѣтописи къ XIII и XIV в., но, въ виду ясныхъ указаній въ лѣтописяхъ на время ихъ существованія въ началѣ XII вѣка, мнѣніе скептиковъ допустимо лишь въ томъ предположеніи, что лѣтописи поддѣльны. Поддѣльность лѣтописей скептики допускали потому, что не вѣрили въ возможность составленія лѣтописи въ XI—XII в., по состоянію образованности въ Россіи. Но и то скептики признавали существованіе монастырскихъ записокъ въ это время, принимая за одного изъ ихъ авторовъ Пр. Нестора. Опровергать скептиковъ нѣтъ нужды; мы видѣли, что для своего времени это было хорошо сдѣлано Погодинымъ и

¹⁾ Недавно академикъ Кунинъ тоже высказалъ мнѣніе, что уже во время Святослава велись лѣтописи въ Кіевѣ, но не привелъ на это доказательства (Прим. къ извѣстіямъ Аль Векри и др. 1878 г.).

Бутковымъ ; теперь въ подлинности древней русской лѣтописи не сомнѣвается никто. Любопытно, что весьма осторожный, скептически ко всему относившійся и притомъ крайне несправедливый по отношенію къ Россіи Шлецеръ, хоть весьма удивлялся качествамъ лѣтописи Пр. Нестора, но не рѣшался подвергать сомнѣнію подлинность ея, а только считалъ ее испорченною въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ лѣтописныя извѣстія противорѣчили его собственнымъ представленіемъ о Россіи въ XI в.

Мы не касаемся теперь времени составленія перваго, дошедшаго до насъ лѣтописнаго свода, такъ какъ это совершенно иной вопросъ. Относившіе образованіе этого свода къ очень позднему времени (напр. Иловайскій) не отвергали самаго факта существованія болѣе раннихъ лѣтописей, напр. времени Ярослава.

Само собою является мысль, что мѣстомъ, гдѣ впервые въ Россіи могла явиться лѣтопись, были важнѣйшіе ея культурные центры, и прежде всего Кіевъ. Объ этомъ нѣтъ и споровъ. Признающіе первымъ лѣтописцемъ Пр. Нестора отрицаютъ современныхъ ему лѣтописцевъ въ другихъ городахъ, допуская, конечно, что позднѣе Нестора они явились и тамъ. Не признающіе Пр. Нестора первымъ лѣтописцемъ указываютъ на современную ему лѣтопись въ Новгородѣ, тоже очень крупномъ культурномъ центрѣ.

Таково мнѣніе Срезневскаго. Онъ думаетъ даже, что нѣкоторые древнѣйшія и очень точныя лѣтописныя извѣстія о землѣ древлянъ (напр. о даняхъ Олегу и Игорю) указываютъ еще и на велинскую лѣтопись. Извѣстно также указаніе на стараго ростовскаго лѣтописца. Допуская раннее существованіе лѣтописи гдѣ либо на Волынѣ, нѣтъ основанія отрицать ея существованія и въ такихъ городахъ, какъ Полоцкъ, Черниговъ, Переяславль, Ростовъ, Смоленскъ, Тмутаракань и т. д. Можетъ быть и была какая нибудь постепенность въ появленіи лѣтописей въ этихъ городахъ, но, если исключить Кіевъ

и Новгородъ, гдѣ лѣтописцы явились несомнѣнно раньше всего, вопросъ объ этой постепенности не представляетъ особаго интереса. Еще проще вопросъ о мѣстѣ, гдѣ впервые были записаны историческія сказанія и хронологическія замѣтки: конечно, они записывались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возникала письменность, и по мѣрѣ того, какъ она возникала.

Возникшая въ главныхъ культурныхъ центрахъ лѣтопись съ теченіемъ времени могла проникнуть и въ сравнительно небольшіе города, а особенно монастыри во всѣхъ концахъ земли русской и распространеніе ея могло сдерживаться лишь дороговизною письменныхъ принадлежностей.

Лѣтописныя извѣстія различнаго происхожденія взаимно перекрещивались между собою, благодаря извѣстному передвиженію чуть ли не всѣхъ элементовъ тогдашняго населенія. Мѣстными извѣстіями интересовалась вся Русь, такъ какъ, несмотря на всю разобщенность областей и войны ихъ между собою, никогда не утрачивалось сознаніе единства русской земли, обусловленное слишкомъ многими доказательствами такого единства. Изъ различныхъ лѣтописныхъ извѣстій стали составляться своды; своды эти разсматривались, какъ нѣчто высшее въ литературномъ отношеніи, и потому могли переписываться въ началѣ каждой мѣстной лѣтописи, тѣмъ болѣе, что въ самые ранніе своды были внесены событія, имѣвшія общерусское значеніе: ими начинается и общая и мѣстная исторія Руси. Особенно таково значеніе древнѣйшаго свода (или такъ называемой Повѣсти временныхъ лѣтъ, тоже Лѣтопись Нестора, Древне-русская лѣтопись и т. п.), хоть и составленнаго въ Кіевѣ, но представляющаго какъ бы общерусскую лѣтопись до XII в., т. е. до того времени, когда начинается сильное развитіе мѣстной исторіи удѣльныхъ княжествъ. Можетъ быть подобныя общерусскіе своды, составленные въ Новгородѣ, потеряны. Конечно, были и еще своды, оканчивавшіеся позднѣе и въ свою очередь переносимые въ еще болѣе поздніе. Многія

лѣтописныя извѣстія изъ древнихъ лѣтописей въ древніе своды не попадали; но они объявляются вдругъ въ позднѣйшихъ сводахъ и т. п. Словомъ, по всей Россіи шла довольно сложная лѣтописная работа, захватывавшая, вслѣдъ за распространеніемъ цивилизаціи, все новыя и новыя мѣста.

Такое расширеніе области лѣтописанія не прекращалось и въ XIII вѣкѣ, такъ какъ монгольское иго, хоть и создало нѣкоторыя обстоятельства, обусловившія пониженіе русской литературы въ качественномъ отношеніи, но не повліяло на нее въ количественномъ, а удешевленіе матеріаловъ для письма продолжалось, и еще въ болѣе значительной степени увеличилось число монастырей. Создавались и новыя культурныя центры, напр. Тверь. Въ свое время мы познакоимся съ измѣненіями, происшедшими съ лѣтописями, теперь же мы слѣдимъ лишь за внѣшнею исторіей лѣтописанія; характеръ же лѣтописнаго дѣла былъ тотъ же самый, что и прежде; только своды дѣлались все больше и больше.

Съ XIV вѣка является новый культурный центръ Руси—Москва, постепенно (сперва параллельно съ иными центрами, а потомъ осиливъ и ихъ) собирающая всю русскую землю. Извѣстно, что аналогическій процессъ происходилъ и въ исторіи литературы. Литература XV и XVI вѣка (самостоятельно), и первой половины XVII вѣка (подражательно), отличается такимъ собирательнымъ характеромъ. Совершенно параллельно идетъ и собираніе лѣтописей, давшее поводъ къ появленію огромныхъ лѣтописныхъ сборниковъ, иногда даже систематизированныхъ, какъ напр. Степенная книга, причемъ въ самой этой систематизаціи видно отраженіе тѣхъ идей, которыя господствовали въ XVI и XVII в. Важнѣйшая часть всѣхъ этихъ сборниковъ-лѣтописей, лѣтопись московская.

Какъ извѣстно въ московскомъ государствѣ съ XV вѣка служебныя потребности породили новый видъ государственныхъ актовъ—такъ называемыя Разрядныя книги, гдѣ записывались всѣ службы въ государствѣ во время ихъ совершенія. Записи эти, въ качествѣ важнаго источника, входили и въ лѣтопись.

Расширеніе разрядныхъ книгъ, въ связи съ расширеніемъ самихъ службъ, имѣло слѣдствіемъ то, что лѣтопись, тоже записывавшая такія службы, при невозможности поглотить эти книги, отошла на второй планъ, тѣмъ болѣе, что важнѣйшія московскія лѣтописи были лѣтописями официальными; въ свое время мы увидимъ, почему онѣ стали таковыми. Официальное значеніе разрядныхъ книгъ и убило лѣтопись.

Конечно, частныя лѣтописи могли бы продолжаться, но тѣ же причины, которыя привели къ преобладанію лѣтописи официальной, почти замяли лѣтописи частныя. Если онѣ кое гдѣ еще и велись (напр. въ монастыряхъ Новгорода или другихъ городовъ), то были очень скудны извѣстіями; заносились, кажется, исключительно извѣстія церковныя. Частныхъ же лицъ разрядныя книги, по ихъ значенію въ вопросахъ о мѣстническомъ старшинствѣ, интересовали безмѣрно болѣе, чѣмъ лѣтописи. Такъ лѣтописи дотянули до начала XVIII в., послѣ чего веденіе ихъ стало дѣломъ мало интереснымъ для исторіографіи, въ виду многочисленности мемуаровъ, писемъ и иныхъ историческихъ источниковъ.

Нѣкогда Татищевъ пустилъ въ ходъ мысль, охотно принятую и Шлецеромъ, что прекращеніе лѣтописей стоитъ въ связи съ учрежденіемъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ такъ называемаго Приказа тайныхъ дѣлъ, въ которомъ онъ видѣлъ Тайную канцелярію. Приказъ этотъ контролировалъ, что ли, современное авторство и наказывалъ за писательство не въ правительственномъ духѣ. Но теперь разъясненъ совершенно невинный характеръ Приказа тайныхъ дѣлъ — личной канцеляріи царя.

Какъ продолженіе литературы московской разсматривается литература раскола; но расколъ установился тогда, когда лѣтопись была въ сильномъ упадкѣ; притомъ литература раскола не изучена, какъ слѣдуетъ. Но въ историческихъ сочиненіяхъ раскольничьихъ писателей лѣтописная форма, кажется, удерживается; такъ написано напр. Хронологическое ядро старовѣрческой церкви съ 1650 — 1814 г., извѣстнаго Павла Любо-

пятаго (см. Костомаровъ Исторія раскола у раскольниковъ. Вѣстн. Евр. 1871 г. № 4).

Судьба лѣтописей юго-западной Руси была иная. Здѣсь лѣтопись продолжалась въ своемъ первоначальномъ видѣ до того времени, пока юго-западная Русь не вошла въ составъ Литовско-Польскаго государства. Тогда русскіе лѣтописцы подверглись вліянію польскихъ историковъ и стала вносить въ свои сочиненія извѣстія, заимствованныя не только изъ писанныхъ источниковъ, но даже изъ печатныхъ книгъ. Мало того, лѣтописцы даже были знакомы съ западно-европейскою литературой. Затѣмъ, когда драматическія событія времени Казачества вызвали съ одной стороны оживленіе лѣтописанія и породили новую, и совершенно оригинальную лѣтописную литературу, въ тоже время съ другой стороны требованія школьной учености повели къ обработкѣ лѣтописныхъ извѣстій въ видѣ учебниковъ, по образцу польскихъ. Этотъ послѣдній видъ имѣетъ немалое значеніе въ русской историографіи, такъ какъ въ концѣ XVII вѣка по образцу его складывались компиляціи и въ Россіи, и этими элементарными компиляціями началась, какъ извѣстно, у насъ научная обработка исторіи.

Русскіе лѣтописцы.

Что за люди были первые составители нашихъ лѣтописей? Общеприято мнѣніе (см. напр. у Голубинскаго), что первыми составителями русскихъ лѣтописей были, по всей вѣроятности, лица духовнаго званія и, скорѣе всего, именно монахи.

Это доказывается уже самымъ характеромъ просвѣщенія въ древней Руси. Извѣстно, что первыми образованными людьми у насъ были именно лица духовныя, которымъ была болѣе доступна византійская мудрость. Первые школы тоже имѣли цѣлью подготовленіе на Руси духовенства Свѣтскіе люди, получившіе почему либо хорошее образованіе, стремились отъ міра и уйти въ монастырь, складывая съ себя для этого знатный, иногда княжескій санъ. Приходилось даже иныхъ

отговаривать отъ этого, указывая на ту пользу, которую они могутъ принести, оставаясь въ міру. А среди духовныхъ лицъ, конечно, не бѣлому духовенству, поглощенному массою ежедневныхъ житейскихъ обязанностей, а скорѣе монахамъ былъ досугъ заниматься, какъ дѣломъ богоугоднымъ, въ тиши своихъ монастырей, составленіемъ житій, вычисленіемъ пасхальныхъ таблицъ, и среди прочихъ занятій и веденіемъ монастырской хроники, съ которою легко могла сливаться и лѣтопись.

Вышеприведенное мнѣніе подтверждается аналогіей съ византійскими хрониками и средневѣковыми анналами, составителями которыхъ были исключительно лица духовныя, монахи, въ послѣднемъ случаѣ по аналогическимъ и причинамъ. Всѣ сохранившіяся имена лѣтописцевъ и преданія о нихъ указываютъ на лицъ духовныхъ и преимущественно на монаховъ. Несторъ былъ монахъ Печерскаго монастыря, Сильвестръ игуменъ Вдудубецкаго монастыря, Мойсей тоже; предполагаемые авторы новгородскихъ лѣтописей (Германъ Воята, или полкъ Іоаннъ) были лица духовныя. Старый ростовскій лѣтописецъ, писавшій о лицахъ, вышедшихъ изъ Печерскаго монастыря, предполагаемый авторъ Іоакимовской лѣтописи и многіе другіе лѣтописцы — все это лица духовныя. Въ Радзивилловскомъ спискѣ картинка изображаетъ пишущаго лѣтописца монаха.

Накопецъ извѣстно, какое видное мѣсто занимаютъ въ лѣтописяхъ рассказы о монастырской жизни. Весьма понятно, что монахи могли заносить въ лѣтопись даже и неособенно важныя событія изъ мірской жизни, но очень трудно было бы объяснить, почему понадобилось бы свѣтскимъ лѣтописцамъ внести въ свои лѣтописи разныя мелочи изъ жизни монастырской.

Болѣе точное обозначеніе личностей первыхъ лѣтописцевъ въ настоящее время не возможно.

Преданіе и вѣсть съ нимъ весьма многіе ученые, начиная еще съ Татищева, приписывали сочиненіе или составленіе первой лѣтописи Пр. Нестору; но позднѣйшіе ученые, какъ намъ кажется, вполне доказали невѣрность этого; почему

о Пр. Несторѣ и его дѣйствительныхъ, или предполагаемыхъ трудахъ мы будемъ говорить подробнѣе при обзорѣ той лѣтописи, авторомъ или составителемъ которой онъ прежде признавался.

Въ Никоновской лѣтописи записано извѣстіе о древнѣйшемъ лѣтописцѣ Сильвестрѣ Выдубецкомъ, основанное, конечно, на его припискѣ, сохранившейся, какъ въ этой лѣтописи, такъ и въ Лаврентьевскомъ спискѣ древней лѣтописи. И многіе ученые считаютъ Сильвестра составителемъ древнѣйшаго дошедшаго до насъ лѣтописнаго свода; но они не говорятъ о составленіи имъ первоначальной лѣтописи, и нѣкоторые изъ нихъ, напр. Костомаровъ, даже допускаютъ, что Пр. Несторъ былъ монастырскимъ лѣтописцемъ Кіево-Печерскаго монастыря и лѣтопись его предшествовала Сильвестровскому своду.

Князь Оболенскій, считая древнѣйшею русскою лѣтописью древнюю часть изданнаго имъ лѣтописца русскихъ царей (такъ называемый Лѣтописецъ Переяслава Суздальскаго, смотри о немъ ниже), авторомъ ея, а слѣдовательно и первымъ русскимъ лѣтописцемъ, считаетъ пресвитера Григорія, сотрудника Царя Симеона Болгарскаго въ дѣлѣ просвѣщенія Болгаріи, предполагаемаго переводчика лѣтописи Малады, гдѣ онъ, по мнѣнію Кн. Оболенскаго, приписалъ извѣстныя глоссы—переводъ именъ греческихъ боговъ Гефеста, Геліуса и Зевса—Сварогомъ, Дажь-богомъ и Перуномъ (если только эти глоссы не вкрасились позднѣе), переводчика (по мнѣнію Кн. Оболенскаго же) на славянскій языкъ и Георгія Амартода и потомъ ближайшаго совѣтника Великой Княгини Ольги во время ея путешествія въ Константинополь. Отъ этого Григорія сохранился и сборникъ въ рукописи XV вѣка.

Къ сожалѣнію, намъ совершенно неизвѣстны аргументы автора, но, повидимому, они неособенно убѣдительны: Вестужевъ-Рюминъ, въ своемъ Введеніи въ I т. Русской исторіи, о мнѣніи Кн. Оболенскаго даже не упоминаетъ.

Тверская лѣтопись первымъ лѣтописцемъ называетъ какого то Георгія, на основаніи чего,—неизвѣстно. Не принять ли

здѣсь за лѣтописца тотъ Георгій (Амартолъ), который неразъ цитируется въ древней лѣтописи?

Мавро-Орбини въ сочиненіи *Il regno de gli Slavi* (вышло въ 1601 г.) для русской исторіи совѣтуетъ читать книги Іеремія Русскаго. Не сочтенъ ли здѣсь лѣтописцемъ Препод. Іеремія, который тоже есть въ лѣтописи?

Татищевъ указалъ на Іоакима, перваго еп. новгородскаго, какъ на лѣтописца болѣе ранняго, чѣмъ Несторъ, и составившаго извѣстную Іоакимовскую лѣтопись; но предположеніе это совершенно неправдоподобно, и при разборѣ Іоакимовской лѣтописи мы увидимъ, какъ стоитъ вопросъ объ ея авторѣ.

Въ другомъ мѣстѣ Татищевъ называетъ еще древняго лѣтописца—Василія, но это, конечно, то лицо, которое рассказываетъ объ ослѣпленіи Василька (см. ниже).

Плохо понявъ приписку на нѣкоторыхъ спискахъ древней лѣтописи о принадлежности ея черноризцу Θεодосіева монастыря, извѣстный ученый Миллеръ счелъ первымъ лѣтописцемъ Св. Θεодосія; съ его руки и нѣкоторые западные историки XVIII в. усвоили это мнѣніе, но самъ же Миллеръ (впрочемъ, уже за Татищевымъ) его потомъ опровергнулъ въ статьѣ о первомъ лѣтописцѣ руссіискомъ (въ *Ежемесячн. соч.* 1755 г. апрѣль).

Вообще въ лѣтописяхъ, даже позднѣйшихъ, имя автора или составителя можетъ быть опредѣлено лишь по счастливой случайности, такъ какъ прежде и у насъ (все равно, какъ и въ западной Европѣ) долго не было обычая подписывать свое имя на сочиненіи, особенно у благочестивыхъ и скромныхъ монаховъ.

И. И. Срезневскій (въ *Чтеніяхъ*), обращая вниманіе на то, что древнѣйшія занесенныя въ лѣтопись извѣстія носятъ свѣтскій характеръ, а церковныя извѣстія, напротивъ, весьма рѣдки, нѣхъ очень важныхъ сперва вовсе нѣтъ, а позднѣе они есть; нѣтъ и особенной начитанности въ Свящ. Писаніи, склоняется къ мысли, что первые лѣтописцы были люди свѣтскіе. Позднѣе могли быть лѣтописцы и духовныя лица, но просто въ силу ихъ большей образованности. Это предположеніе становится еще

вѣроятнѣе, если допустить существованіе лѣтописей до принятія христіанства Владиміромъ Святѣмъ. Но, очевидно, что подъ именемъ лѣтописцевъ въ этомъ случаѣ надо понимать составителей историческихъ сказаній и лицъ, писавшихъ летучія замѣтки. Таковыми, разумѣется, и сперва и позднѣе могли быть лица свѣтскія, даже уже и тогда, когда явилась лѣтопись и ею занялись лица духовныя.

Впрочемъ, Забѣлинъ и составителей первыхъ замѣтокъ видимо считаетъ лицами духовными, хотя говорятъ при этомъ случаѣ о кievскихъ христіанахъ въ X вѣкѣ вообще, тогда какъ замѣтки могли писаться и раньше.

П. Строевъ (въ предисл. къ Софiевск. временнику) думалъ, что правители областей могли записывать достопримѣчательныя событія, въ ихъ областяхъ случившіяся. Но это уже слишкомъ смѣлое предположеніе. Возможнѣе предположеніе Погодина, что лѣтописи могли писать княжескіе дѣяки, о которыхъ есть извѣстіе отъ XII вѣка, только на это нѣтъ никакихъ доказательствъ.

Забѣлинъ полагаетъ, что лѣтописцами въ древности могли быть и сами князья, но и на это нѣтъ доказательствъ¹⁾.

Недостатокъ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ извѣстій о событіяхъ, относящихся къ исторіи церкви, Л'олубинскій объясняетъ тѣмъ, что въ византійской исторіографіи того времени церковной исторіи отведено очень мало мѣста, такъ какъ дѣла церкви въ это время были устроены и, принявъ обычное теченіе, перестали быть достопримѣчательными. Объясненіе весьма правдоподобное²⁾.

¹⁾ Относительно мнѣнія Забѣлина вообще скажемъ здѣсь разъ навсегда, что авторъ безпрестанно противорѣчитъ самому себѣ,—если въ моемъ пересказѣ приводятся различныя мнѣнія Забѣлина объ одномъ и томъ же вопросѣ, то такъ тому и слѣдуетъ быть. Излагать же мнѣнія собственными словами автора, при его обычномъ многословіи, заняло бы слишкомъ много мѣста.

²⁾ Есть спеціальная для этого вопроса статья Аристова: «Взглядъ на церковно-историческое содержаніе русскихъ лѣтописей» (Духъ христіанина 1861 г.), но мы не могли ею воспользоваться.

Были ли первые составители сказаній русскими? Срезневскій, признавая, что сказанія писаны для русскихъ, такъ какъ въ нихъ помѣщено то, что и нужно, и интересно было только русскимъ, не рѣшается высказаться относительно національности авторовъ, имѣя въ виду, конечно, что они могли быть варяги. Но варяжская теорія въ послѣднее время потерпѣла столько ударовъ, что если не самое призваніе варяговъ, то по крайней мѣрѣ раннее ихъ вліяніе на Россію почти отрицается. Поэтому почти невозможно допустить ранней писательской дѣятельности варяговъ; самъ Погодинъ допускалъ только внесеніе въ лѣтопись извѣстій изъ варяжскихъ источниковъ.

Даже позднѣе, по принятіи христіанства, трудно, кажется, допустить, что лѣтопись ведена была напр. греками, или пришедшими съ ними южными славянами (впрочемъ, мы видѣли, Кн. Оболенскій первымъ лѣтописцемъ у насъ признаетъ именно болгарина); грековъ и болгаръ тогда въ Россіи было не много, являлись они ради опредѣленныхъ цѣлей, большею частію на время и едва ли могли имѣть досугъ вести лѣтопись. Они могли развѣ служить лѣтописцамъ въ качествѣ учителей и познакомить ихъ съ греческими хрониками.

И такъ, если не исключительно, то въ громадной массѣ случаевъ, лѣтописныя замѣтки и лѣтописи были ведены русскими и для русскихъ.

Съ распространеніемъ просвѣщенія лѣтописцами могли стать и люди свѣтскіе. Возможность допустить это, пожалуй, подтверждается отчасти и тѣмъ, что въ лѣтописи внесено много свѣтскихъ событій, особенно описаній войнъ, съ большими при этомъ подробностями. Но это обстоятельство, на которомъ особенно настаиваетъ Костомаровъ, еще не можетъ считаться имѣющимъ рѣшающее значеніе. Лапшюковъ указываетъ, что въ древнихъ лѣтописяхъ именно видно живое участіе духовенства въ мірскихъ дѣлахъ, въ силу одинаковыхъ съ народомъ интересовъ и стремленій. Южно-русскій лѣтописецъ принималъ живое участіе въ описываемыхъ дѣлахъ, присутствовалъ на вѣчахъ народныхъ, сопутствовалъ князьямъ въ походахъ, видѣлъ

битвы и т. д. Соловьевъ въ высшей степени рельефно рисуетъ положеніе монастыря въ древнѣйшую эпоху и объясняетъ, какимъ образомъ монахи могли имѣть обо всемъ свѣдѣнія съ самыми мелкими подробностями: «Только лица изъ духовнаго сословія имѣли въ то время досугъ и всѣ средства, заняться лѣтописнымъ дѣломъ, потому что при тогдашнемъ положеніи духовныхъ, особенно монаховъ, они имѣли возможность знать современныя событія во всей ихъ подробности и пріобрѣтать отъ вѣрныхъ людей свѣдѣнія о событіяхъ отдаленныхъ. Въ монастырь приходилъ князь прежде всего сообщить о замышляемомъ предпріятіи, испросить благословеніе на него, въ монастырь прежде всего являлся онъ съ вѣстью объ окончаніи предпріятія; духовныя лица отправлялись обыкновенно послами, слѣдовательно, имъ лучше другихъ былъ извѣстенъ ходъ переговоровъ; имѣемъ право думать, что духовныя лица отправлялись послами, участвовали въ заключеніи договоровъ сколько изъ уваженія къ ихъ достоинству, могущаго отвратить отъ нихъ опасность, сколько вслѣдствіе большаго умѣнья ихъ убѣждать словами писанія и большей власти въ этомъ дѣлѣ, столько же и вслѣдствіе грамотности, умѣнья написать договоръ, знанія обычныхъ формъ: иначе для чего бы смоленскій князь поручилъ священнику Іереміи заключеніе договора съ Ригю? Должно думать, что духовныя лица, какъ первые грамотен, были первыми дьяками, первыми секретарями нашихъ древнихъ князей. Припомнимъ также, что въ затруднительныхъ обстоятельствахъ князя обыкновенно прибѣгали къ совѣтамъ духовенства; прибавимъ наконецъ, что духовныя лица имѣли возможность знать также очень хорошо самыя подробности походовъ, ибо сопровождали войска, и, будучи сторонними наблюдателями и виѣстѣ приближенными людьми къ князьямъ, могли сообщить важнѣйшія извѣстія, чѣмъ самые ратные люди, находившіеся въ дѣлѣ».

То обстоятельство, что лѣтописцы съ нѣкоторымъ сочувствіемъ останавливаются на подвигахъ князей, еще язычниковъ, или на военныхъ подвигахъ—чуждыхъ истинной религіозности,

и кое-гдѣ не съ достаточною строгостью отпосятся къ языческимъ вѣрованьямъ — что тоже считается признакомъ свѣтскаго характера самихъ авторовъ, не можетъ быть истолковано такимъ образомъ. Въ первомъ случаѣ ясно виденъ патріотизмъ лѣтописцевъ, по слабости человѣческой, не поглощенный ихъ саномъ, во второмъ — нѣкоторая литературная невыдержанность (вообще же все языческое осуждается очень строго, см. напр. въ древней лѣтописи осужденіе Св. Владиміра — еще язычника), а иногда тоже патріотизмъ, см. напр. отзывъ древней лѣтописи о нравахъ и обычаяхъ полянъ.

Откуда лѣтописцы получали матерьялы для своихъ лѣтописей?

Конечно, лѣтописцы заносили въ свои труды многое, видѣнное ими самими, иное имъ сообщали другія лица, на что въ лѣтописи есть даже точныя указанія; напр. въ древней лѣтописи говорится о разказахъ Яна, старца добраго, т. е. человѣка, который могъ помнить давнюю старину. Въ монастыряхъ лѣтописцы могли найти монастырскія преданія, извѣстныя литературныя произведенія, напр. сказанія о чудесахъ, или житія святыхъ и мелкія летучія замѣтки. Подобныя же матерьялы они могли получить и извнѣ. Наконецъ составители лѣтописей получали откуда нибудь книги и извѣстныя выдержки оттуда вносили въ свои лѣтописи. Такъ по крайней мѣрѣ можно судить по составу лѣтописей. Ниже мы подробнѣе укажемъ лѣтописные источники древней лѣтописи, т. е. той лѣтописи, которая составилаь раньше другихъ, дошедшихъ до насъ лѣтописей.

Что лѣтописи писаны не только современниками, но иногда и очевидцами изображаемыхъ событій, это несомнѣнно. Рассказчики очень часто говорятъ о себѣ, иногда называютъ себя по именамъ, сообщаютъ обстоятельства изъ своей жизни и т. п. Иногда подробности характера разказа, самый слогъ его выдають очевидца, и притомъ принимавшаго дѣятельное участіе въ разказываемомъ событій, см. обо всемъ этомъ Изслѣдованія Погодина или Лекціи Костомарова. А что историческія

сказанія и мелкія замѣтки писаны были впервые современниками, это ясно само собою.

На этомъ основывается вопросъ о достовѣрности лѣтописныхъ извѣстій. Хотя, разумѣется, здѣсь могутъ быть всяческія отклоненія, но принято думать, что чѣмъ кратче и отрывчатѣ занесено въ лѣтопись извѣстіе, тѣмъ оно достовѣрнѣе. Достовѣрность разсказа, носящаго всѣ слѣды современности изображаемому въ немъ событію, вообще сильнѣе, чѣмъ достовѣрность разсказа, сложившагося о томъ же событіи позднѣе. Впрочемъ, русскія лѣтописи охватываютъ такой огромный періодъ времени и лѣтописаніе позднѣе настолько измѣняетъ свои цѣли, что говорить о достовѣрности лѣтописей вообще слишкомъ трудно.

Для опредѣленія степени достовѣрности лѣтописей весьма важенъ вопросъ: имѣютъ ли онѣ officialный характеръ? Что князья (а позднѣе цари) знали о веденіи въ монастыряхъ лѣтописей—на это встрѣчается много доказательствъ. Но какъ они къ нимъ относились? Ученые (Погодинъ, Костомаровъ, Бестужевъ-Рюминъ и др.) въ послѣднее время склоняются болѣе въ пользу officialности лѣтописей, и вотъ на основаніи какихъ свидѣтельствъ:

Въ 1289 г. ¹⁾ (по Галицко-Волынской лѣтописи) Князь Василько Мстиславичъ приказалъ вписать въ лѣтописецъ крамолу жителей г. Берестья. Очевидно, она въ эту лѣтопись и была внесена.

Это самое раннее свидѣтельство. По нашему мнѣнію, оно вовсе не имѣетъ того значенія, какое ему придаютъ. Разсерженный князь, зная, что ведется лѣтопись, приказалъ на память потомству занести въ нее фактъ измѣны берестянъ. Въ чемъ же

¹⁾ Болѣе раннее (1241 г.) приводимое Погодинымъ извѣстіе той же лѣтописи: «Курилови же сущю печатнику тогда въ Вакотѣ послану Даниломъ княземъ и Василькомъ неписати грабительства! нечестныхъ бояръ» — вовсе не относится къ лѣтописи. Впрочемъ, Погодинъ и самъ не придаетъ ему большой цѣны (IV, 8).

здѣсь заключается официальность? Съ этой точки зрѣнія официальною можетъ быть признана всякая газета, печатающаяся что либо по требованію правительства. Конечно, князья знали о веденіи лѣтописей, читали ихъ, какъ вещь поучительную, какъ могли читать ихъ и всѣ образованные люди того времени; князья могли даже переписывать лѣтописи для себя. Такъ у Татищева есть извѣстіе, что В. Князь Константинъ Всеволодовичъ Суздальскій (въ началѣ XIII в.) самъ собиралъ и описывалъ дѣла древнихъ князей. Подъ 1200 г. въ Кіевской лѣтописи лѣтописецъ говоритъ В. Кн. Рюрику Ростиславовичу: по обычаю тѣ благому и нашей грубости писаніе пріими (уже изъ послѣдней фразы видно отсутствіе какой либо обязательности). Лаврентій переписалъ свой списокъ для В. Кн. Дмитрія Константиновича Суздальскаго и т. п.

Князья знали и лѣтописца, который велъ лѣтопись, такъ какъ это было въ монастырѣ лицо немаловажное, недаромъ Пр. Несторъ въ Патерикѣ Печерскомъ иначе не называется, какъ лѣтописецъ. Видно, что это прозвище обозначаетъ почетное занятіе. Припомнимъ, что въ то время даже простая переписка книгъ признавалась весьма важнымъ дѣломъ¹⁾. Князья могли поощрять занятія лѣтописаніемъ, какъ поощряли всякое доброе дѣло. Они, конечно, могли пользоваться записанными въ лѣтописи извѣстіями, когда имъ это было нужно, могли сообщать лѣтописцу матеріалы²⁾ и даже настаивать на ихъ помѣщеніи (см. выше); но вовсе не видно контроля князей надъ веденіемъ лѣтописи, не видно съ ихъ стороны ни малѣйшей цензуры, а безъ нея официальность лѣтописей дѣлается мнимю. Самое большое, что близость князя къ монастырю и его благосклонность имѣли слѣдствіемъ расположеніе и монастыря къ князю и его семьѣ, почему отзывы о нихъ

¹⁾ См. Православный собесѣдникъ 1861 г. Часть 1-ая: Списываніе книгъ въ древнія времена въ Россіи.

²⁾ По мнѣнію Иловайскаго Владиміромъ Мономахомъ могли быть общены лѣтописцу не только поученіе и письмо къ Олегу, но и договоры съ греками, славянскіе переводы съ которыхъ хранились, конечно, въ Кіевѣ.

могли быть исключительно благоприятные и вообще въ летописи являлась нѣкоторая тенденціозная окраска.

Когда Кн. Юрій Дмитріевичъ Галицкій, судясь съ Кн. Василиемъ Васильевичемъ (Темнымъ) Московскимъ о великомъ княженіи, передъ ханомъ доказывалъ свои права, то онъ «искаше стола своего... летописцы и старыми списки» (Никоновская летопись подь 1432 г.).

Великій Кн. Іоаннъ (III) Васильевичъ, отправляясь въ 1471 г. на Новгородъ, «испроси у матери своей у Великой Княгини дѣяка Степана Бородатого, умѣющаго воротити летописцемъ русскимъ: егда рече приидуть, и онъ воспоминаеть ему говорити ихъ измѣны давняя, кое измѣняли великимъ княземъ въ давняя времена, отцемъ его, и дѣдомъ, и прадѣдомъ» (Воскр. л. подь 1471 г.).

Оба приводимые факта, не говоря уже о томъ, что они относятся къ XV вѣку, т. е. къ московскому періоду, когда официальность летописи уже не можетъ быть оспариваема, сами по себѣ ничего не значать. И. В. Кн. Юрій Д-чъ и В. Кн. Іоаннъ В-чъ просто воспользовались подходящимъ для себя летописнымъ матерьяломъ, который, разумѣется, не ради ихъ потребностей былъ занесенъ въ летопись сотни лѣтъ тому назадъ.

Тоже самое можно сказать и о ссылакахъ различныхъ городовъ на предшествующія событія, о чемъ говоритъ Бостомаровъ: города ссылались на факты общеизвѣстные и больше ничего.

Если и можно допустить какую нибудь цензуру, то только цензуру со стороны монастырскаго и вообще духовнаго начальства, но цензура эта имѣла свои, спеціально духовныя цѣли; такъ въ 1572 г. (по 2-ой Новг. л.), значить тоже очень поздно, игуменъ Тихвинскаго монастыря разсматривалъ летопись въ Лисогорскомъ монастырѣ и нашель, что она ведется исправно, только имена церковныхъ владыкъ записаны не всѣ. Не будетъ особенно смѣлымъ предположеніе, что въ монастыряхъ надзоръ не шель далѣе соблюденія извѣстныхъ формальностей; конечно, наблюдали и надъ внѣшнимъ видомъ

книгъ, такъ какъ письменные материалы были очень дороги и не приходилось обращаться съ ними зря.

Того обстоятельства, что князья знали о веденіи лѣтописи и въ то же время не имѣли надъ нею цензуры, нельзя считать противорѣчіемъ: цензура понятіе новое и приобрѣла она значеніе лишь вѣстѣ съ книгопечатаніемъ. Какая опасность грозила князю отъ того, что въ монастырскихъ кельяхъ монахи пишутъ лѣтописи, которыя прочтутъ 2 или 3 монаха, а если и большое число лицъ, то послѣ его смерти. Я думаю, что князьмъ мысль о цензурѣ не могла даже и прійти въ голову.

Наконецъ развѣ мыслимо было бы при существованіи цензуры появленіе нѣкоторыхъ изъ житій, вошедшихъ въ составъ Патерика Печерскаго, напр. житій Св. Григорія и Свв. Василия и Ѳедора, или Св. Прохора, въ которыхъ нѣкоторые князья изображены въ очень непривлекательномъ свѣтѣ? Миѣ кажется, что житіе Св. Іеремія, вошедшее и въ лѣтопись, въ которомъ разсказаны очень неприглядныя вещи изъ жизни монаховъ, одно въ состояніи поколебать мысль даже о монастырскомъ контролѣ.

Погодинъ выводитъ официальность нашихъ лѣтописей изъ того факта, что, по его мнѣнію, въ лѣтописяхъ нѣтъ промежутковъ между годами, т. е. нѣтъ годовъ неописанныхъ. Изъ этого онъ заключаетъ, что лѣтописное дѣло не подвергалось случайностямъ, а веденіе лѣтописей было возлагемо на извѣстное лицо и послѣ смерти его передавалось другому. Возлагать и передавать было некому, кромѣ князя; въ монастыряхъ не могли дѣлаться извѣстными происшествія такъ скоро.

Но это вовсе не убѣдительно. Соловьевъ, какъ мы видѣли, полагаетъ, что въ монастыряхъ знали о событіяхъ раньше, чѣмъ гдѣ нибудь. А особенно странно мнѣніе Погодина объ отсутствіи въ лѣтописяхъ промежутковъ между годами и о годахъ неописанныхъ. Напротивъ, во всѣхъ безъ исключенія лѣтописяхъ между годами весьма часто есть промежутки и много годовъ неописанныхъ.

Еще труднѣе предположить, особенно для древнѣйшаго времени, чтобы князья имѣли свои, такъ сказать, государственныя лѣтописи, которыя могъ вести тоже какой нибудь лѣтописецъ на княземъ дворѣ или въ монастырѣ, принадлежащемъ извѣстному княжескому роду; по крайней мѣрѣ фактовъ, указывающихъ на что либо подобное, нѣтъ. Бестужевъ-Рюминъ полагаетъ, что нѣкоторыя извѣстія въ Кіевской лѣтописи, очень благоприятныя всему роду смоленскихъ князей, безъ различія того, сидѣли ли родичи въ Кіевѣ, или нѣтъ, указываютъ на такую княжую лѣтопись; но тенденціозность извѣстій Кіевской лѣтописи можно объяснить и проще: авторъ ихъ могъ быть просто лицомъ расположеннымъ къ роду смоленскихъ Мономаховичей, напр. ихъ подданнымъ.

Бѣляевъ, не смотря на полное отсутствіе свѣдѣній о государственныхъ лѣтописяхъ, выставилъ цѣлую ихъ теорію: скандинавскіе конунги имѣли скальдовъ, повѣствовавшихъ о ихъ подвигахъ; конечно, таковыя были и у насъ въ варяжскую эпоху, напр. Баянъ. Бѣляевъ даже указываетъ на нѣкоторыя саги въ лѣтописяхъ. Затѣмъ начались и официальныя лѣтописи¹⁾, хранившіяся въ княжескихъ канцеляріяхъ; въ доказательство чего приводятся всѣ указанныя выше и еще нѣкоторыя (о которыхъ мы сейчасъ скажемъ) свидѣтельства; но мы видѣли, что извлечь изъ этихъ фактовъ для теоріи государственныхъ лѣтописей ничего нельзя.

Не можетъ служить доказательствомъ официальности нашихъ лѣтописей и то обстоятельство, что въ нихъ вставлено много различныхъ юридическихъ памятниковъ. Иначе пришлось бы допустить, что въ лѣтописи обязательно вносились всѣ юридическія памятники своего времени, а это абсурдъ; довольно того, что нѣтъ Ярославовой грамоты новгородцамъ; притомъ сохранилась отдѣльно и такія грамоты, которыя не внесены въ лѣтописи. Предположеніе, что лѣтописецъ почему-либо выбралъ

¹⁾ И Погодинъ относилъ начало официальности лѣтописей къ варяжскимъ князьямъ.

только известные памятники, имѣя въ виду цѣль официальную — значительно слабѣе предположенія, что лѣтописецъ въ этомъ выборѣ руководствовался известною любознательностью, причемъ вставлялъ то, что ему лично казалось и важнымъ, и въ данномъ случаѣ идущимъ къ дѣлу. Что сохранившіеся такимъ образомъ памятники могли впоследствии (за утратою оригиналовъ) пріобрѣсть важное и даже официальное значеніе — это весьма возможно; но это не идетъ къ дѣлу.

Какое наприимѣръ значеніе могли имѣть приводимыя Бѣляевымъ и Костомаровымъ записи, въ родѣ той, которая есть въ 3-ей Новгородской лѣтописи, что Софіевская церковь дала Новгороду серебро, если при этомъ не обозначено, что новгородцы должны это серебро отдать?

Въ послѣднее время Забѣлинъ выставилъ новую теорію официальности лѣтописи. По его соображеніямъ лѣтопись не нѣе всего писана для монастыря, и больше всего для интересовъ и потребностей общества. Монастырь былъ въ удѣльный періодъ, такъ сказать, общественною, и именно городскою канцеляріей, въ силу того, что монахи были люди наиболѣе образованные, а лѣтопись была необходимою для города памятною запискою и каждый городъ считалъ необходимою имѣть свой списокъ лѣтописи¹⁾. Предположеніе не лишнее остроумія въ томъ отношеніи, что дѣйствительно роль городскихъ обществъ большихъ городовъ (Кіева, Новгорода) въ раннюю эпоху удѣльнаго періода была весьма велика, а въ IX и X вѣкѣ можетъ быть и первенствующая (см. новѣйшее сочиненіе Ключевского о боярской думѣ, первая глава), почему, если говорить о зависимости монастырей отъ князей, то надо принимать въ расчетъ и зависимость монастырей отъ городскихъ обществъ. Но на официальное (а не въ силу известной солидарности во мнѣніяхъ) служеніе городскимъ интересамъ лѣ-

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ Забѣлинъ считаетъ возможнымъ допустить, что лѣтопись писалась во дворѣ князя, или епископа, или тысяцкого, даже въ схожей вѣчевой набѣ горожанъ. Общій же приговоръ дружины необходимо утверждалъ вѣрность, безпристрастіе и сущую правду лѣтописной записи и т. д.

тописи иѣтъ ни малѣйшихъ указаній; Забѣлинъ ихъ и не приводитъ, огрaчиваясь общими соображеніями. Уъ его взглядомъ на служеніе лѣтописи интересамъ города, повидимому, согласенъ и Котляревскій (см. его рецензію въ Кіев. ун. изв. за 1880 годъ).

Изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ объ официалномъ характерѣ лѣтописей, два, хоть и несовсѣмъ ясныя, касаются Суздальскихъ князей XIII и XIV вѣка. Можно допустить предположеніе, что въ это время на лѣтописи было обращено со стороны князей уже больше вниманія, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ московскій періодъ мы встрѣчаемъ и положительныя указанія на официалныя лѣтописи. Два предыдущія указанія (одно XV, другое XVI вѣка) еще не такъ важны. Но вотъ уже неопровержимыя: въ Никоновской лѣтописи при нашествіи Эдигея говорится: «обретаемъ начальнаго лѣтословца кіевскаго, иже вся временна бытства земская необинуяся показуетъ, но и первіи властодержцы безъ гнѣва повелевающе вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати, да и прочіи по нихъ образы явлены будутъ, якоже при Володимере Мономахе оваго великаго Селиверстра Выдобыжскаго неукрашая пишущаго,—мы же симъ учащеса таковая вся прилучившаяся во дни наша не преминухомъ, властодержецъ нашихъ дозрящихъ сихъ и прилежно внимающихъ, да сами едины безъ искуснѣйшихъ старцевъ всякаго земскаго правленія не самочинствуютъ».

Разумѣется, вышеприведенное мнѣніе лѣтописца объ официалности древней лѣтописи представляетъ только отраженіе фактовъ своего времени.

Еще важнѣе извѣстіе XVI в. Въ сохранившейся отъ пожара (напечатанной въ Акт. Археогр. Экспедиц. I, № 289) описи царскаго архива (1575—1584 г.) связано: «ящикъ 224, а въ немъ списки, что писати въ лѣтописецъ». Этотъ лѣтописецъ хранился въ Разрядѣ и, такъ какъ въ немъ записывались всѣ службы, то въ мѣстническихъ дѣлахъ на него и ссылались (см. указанія въ мѣстническихъ дѣлахъ Полева съ Кн. Щербатовымъ, Зюзина съ Нагимъ въ Ист. Сборникѣ

кв. II и V). По Бѣляеву онъ тамъ былъ до 1734 г. и потомъ въ 1746 г. его требовала Герольдмейстерская контора, какъ весьма нужный, вѣроятно, для справокъ о дворянствѣ.

Сухомлиновъ сопоставляетъ съ нашими лѣтописями западноевропейскія (стр. 4), но приводимыя имъ примѣры официальности этихъ послѣднихъ могутъ быть истолкованы точно также, какъ и у насъ. Впрочемъ, Бестужевъ-Рюминъ говоритъ о государственныхъ лѣтописяхъ въ Германіи уже въ XIII вѣкѣ, цитируя Pfister Hist. d'Allemagne; но для рѣшенія вопроса объ официальности лѣтописей у насъ, это значенія пока не имѣетъ.

И такъ, мы полагаемъ, что официальность древнихъ лѣтописей остается недоказанною и онѣ велись преимущественно въ монастыряхъ, хотя и лицами известными, но не занимавшими официального положенія.

Съ какими цѣлями начали у насъ составляться лѣтописи? Перво-листки, какъ называетъ ихъ Срезневскій, нашей исторической литературы возникли, при знакомствѣ съ письменностью, въ силу національнаго сознанія, для сохраненія памяти о прошломъ. Конечно, такова же была одна изъ важнѣйшихъ цѣлей и лѣтописанія, тѣмъ болѣе, что и въ знакомой лѣтописцамъ византійской литературѣ были писанныя монахами историческія сочиненія. Поэтому, трудясь надъ лѣтописью, авторъ ея работалъ Бога дѣла, надѣясь отъ Бога милость пріяти. Въ частности интересно было сохранить свѣдѣнія о своемъ краѣ, городѣ, монастырѣ, а въ особенности, если заносимыя событія имѣютъ религиозно-нравственный характеръ и могутъ служить въ поученіе—это уже цѣль практическая (см. у Сухомлинова Вступленіе). Возможно, что другою практическою цѣлью было сохраненіе въ памяти интересныхъ по какому либо практическому значенію событій; напр. занесеніе дня смерти какого нибудь лица могло служить для поминовенія этого лица въ будущіе годы и т. п. Очень возможно, что писавшій или даже составившій лѣтопись задавался при этомъ цѣлью создать хорошее, по тогдашнимъ требованіямъ, литературное произведеніе; но

это цѣль уже второстепенная. Если же лѣтописи впоследствии приобрѣли юридическое значеніе, то это случилось уже само собою¹⁾).

Мы упомянули уже, что лѣтописцы въ свое время были люди довольно замѣтные, особенно если это были специалисты своего дѣла въ монастыряхъ. Несторъ причисленъ къ лику Святыхъ, и притомъ очевидно, что лѣтописаніе ставилось ему въ важную заслугу; Сильвестръ былъ игуменъ; Лаврентій переписалъ лѣтопись по благословенію архіепископа и т. д. Лѣтописаніе было въ то отдаленное время и подвигомъ, и заслугою; конечно, до тѣхъ поръ, пока лѣтописей не стало слишкомъ много и ими стали интересоваться многіе уже изъ простаго любопытства.

Такъ какъ дошедшія до насъ лѣтописи суть своды, то, на основаніи ихъ, дѣлать характеристику лѣтописца вообще несовсѣмъ логично: мало-ли какіе матеріалы могли попасться составителю лѣтописи, за все сообщаемое имъ онъ лицомъ отвѣтственнымъ быть не можетъ. Только въ московскій періодъ, когда лѣтописцы стали лицами официальными, можно замѣтить нѣкоторыя характеристическія черты, общія всѣмъ лѣтописцамъ, и на основаніи ихъ можно хоть нѣсколько выяснитъ себѣ образъ лѣтописца. Прежде, Погодинъ и другіе историки очерчивали, правда въ немногихъ словахъ, образъ лѣтописца и его свойства, но въ сущности они такимъ образомъ очерчивали цѣлое литературное направленіе, которое отражается во всѣхъ памятникахъ древне-русской литературы, а слѣдовательно и въ тѣхъ, которые вошли въ составъ лѣтописей.

Вотъ главнѣйшія, по мнѣнію Погодина, свойства всѣхъ лѣтописцевъ: лѣтописцы были современниками тѣхъ событій, извѣстія о которыхъ они заносили въ свои лѣтописи; заносили они эти извѣстія немедленно послѣ того, какъ совершались самыя

---

¹⁾ Можно указать на V главу въ I т. Забѣлина Исторія русской жизни, гдѣ говорится очень живо и распространено о причинахъ и цѣляхъ лѣтописанія, но все это болѣе или менѣе общезвѣстно.

событія. Лѣтописцы были лица официальные, заносили они известія о событіяхъ въ лѣтопись вѣрно, безпристрастно, нелицеприятно; затѣмъ — были люди благочестивые, любящіе свое отечество, по своему времени образованные, знающіе свою исторію, заботившіеся объ украшеніи своей рѣчи, хотя все же лѣтописи сухи и однообразны. Благочестіе и патриотизмъ, известная степень образованія и т. п. — это черты всей древне-русской литературы. Сухость, краткость и однообразіе лѣтописныхъ показаній тоже общезвѣстны. Лѣтописи даже не даютъ возможности воспроизвести хоть одинъ историческій образъ, если нѣтъ иныхъ свидѣтельствъ. Любопытно, что такое свойство лѣтописей ставилось въ вину самой древне-русской исторіи, о которой даже Карамзинъ отзывался, какъ о лишенной художественности! Иное дѣло вѣрность, безпристрастіе. Объ этихъ свойствахъ русской лѣтописи идутъ большіе споры. Забѣлинъ увѣряетъ, что такъ какъ на веденіе лѣтописи въ древности смотрѣли; какъ на дѣло великое, то на страницахъ лѣтописи могла явиться только полная правда и полная достовѣрность. Къ тому же лѣтописныя замѣтки были ведены раньше всего русскими христіанами въ Кіевѣ, сближавшимися между собою посреди язычества въ тѣсный церковный кругъ, который тѣмъ особенно и отличался отъ язычества, что онъ исповѣдывалъ, по человѣческимъ силамъ, святую и высокую правду и въ мысляхъ, и въ поступкахъ. Одной правдѣ учили всѣ книги, хотя бы и немногія, какими обладала тогдашняя церковь, а потому и на всякое книжное писаніе тогдашніе христіане смотрѣли, какъ на святыню, и касались книги и книжнаго письма не иначе, какъ съ мыслью о святой правдѣ. Такимъ образомъ, войдя въ этотъ кругъ представленій и понятій, мы легко найдемъ, что по убѣжденію нашихъ первыхъ христіанъ никакой лжи или выдумки вписывать въ книгу невозможно.

Разумѣется, съ этими словами Забѣлина нельзя не согласиться; но Забѣлинъ продолжаетъ дальше: Эти первородныя мысли о значеніи книги и книжнаго письма къ нашему счастью остались надолго въ русской землѣ и управляли лѣто-

писнымъ дѣломъ до послѣднихъ его дней. Вотъ это-то именно и нуждается въ доказательствахъ.

Забѣлинь, впрочемъ, ниже самъ нѣсколько ослабляетъ значеніе своихъ словъ, говоря: само собою разумѣется, что правда и достовѣрность лѣтописныхъ показаній вполне должна была зависѣть отъ источниковъ. Когда источники были самостоятельныя, какъ напр. рассказъ самовидца или участника въ событіяхъ, то и правда памятной отмѣтки является несомнѣнною: таковы всѣ краткія свое-русскія свидѣтельства IX и X вѣка. Неточная правда стала обнаруживаться уже послѣ, при разработкѣ этихъ первыхъ свидѣтельствъ и, главнымъ образомъ, отъ участія въ лѣтописномъ дѣлѣ литературныхъ пріемовъ и свидѣтельствъ, приходившихъ изъ пятидесятыхъ рукъ, слѣдовательно, достаточно затемненныхъ неправдою. Но и въ такихъ случаяхъ неправда могла явиться только по невѣдѣнію, но отнюдь не по намѣренію, ибо мысль о правдѣ жила неразлучно съ мыслью о книжномъ писаніи и обѣ онѣ составляли святиню для тогдашняго ума.

Изъ источника правды, продолжаетъ Забѣлинь, исходили и другія очень важныя качества нашихъ первыхъ и послѣдующихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ: они не различаютъ людей по чинамъ, не зрятъ на лица, и говорятъ одинаково правду о князѣ и простолюдинѣ. Ихъ рѣчь пряма, честна, вполне независима, исполнена эпического спокойствія, необыкновеннаго добродушія и полной христіанской любви.

Далеко не всѣ ученые убѣждены въ таковыхъ свойствахъ нашихъ лѣтописцевъ. Какъ увидимъ ниже, Соловьевъ и Вестужевъ-Рюминъ на основаніи предполагаемаго пристрастія составителя замѣтки къ тому или другому лицу, или къ извѣстной мѣстности пытаются даже опредѣлять, кѣмъ и гдѣ такая замѣтка могла быть написана. Образъ величаваго Пимена, записывавшаго, не мудрствуя лукаво, все, чему онъ былъ свидѣтель въ жизни:

Войну и миръ, управу государей,

Угодниковъ святныя чудеса,

Пророчества и знаменія небесны,

Пимена, который одинаково равнодушно вноситъ въ свою лѣтопись рассказы:

О темномъ ли владичествѣ татаръ,
 О вазняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна,
 О бурномъ ли новгородскомъ вѣчѣ,
 О славѣ ли отечества...

Образъ этотъ замѣнился образомъ кропотливаго собирателя разнообразныхъ матеріаловъ и составителя изъ нихъ путемъ подбора тѣхъ, которые ему почему нибудь были пригодны, лѣтописнаго свода. А въ московскомъ періодѣ лѣтописцы важнѣйшихъ и подробнѣйшихъ лѣтописей были вполне официальные историки, труды которыхъ далеки отъ святой правды и безпристрастія.

Прекрасная характеристика древнихъ лѣтописцевъ сдѣлана еще Лашинюковымъ. Въ числѣ свойствъ ихъ Лашинюковъ указываетъ на отсутствіе пониманія государственности въ томъ смыслѣ, какъ понимали ее позднѣе московскіе лѣтописцы. «И дѣже законъ, говоритъ лѣтописецъ, ту и обидѣ много». Стремленіе къ самовластію лѣтописцы считаютъ богопротивною гордостью; раздѣляютъ они и нерасположеніе народа къ служилому классу—дружинѣ княжеской.

Оставъ русскихъ лѣтописей и ихъ содержаніе.

Какъ мы неразъ уже имѣли случай говорить, признано, что дошедшія до насъ лѣтописи, не исключая и древней лѣтописи, суть своды, составъ которыхъ съ большею или меньшею вѣроятностью можетъ быть опредѣленъ. Видѣли мы также, что теперъ въ наукѣ утвердилось мнѣніе Бестужева-Рюмина о происхожденіи лѣтописи изъ двухъ источниковъ: краткихъ погодныхъ замѣтокъ летучаго, т. е. случайнаго характера и изъ историческихъ сказаній или повѣстей. Какого рода погодныя замѣтки входятъ въ лѣтопись, перечислить, разумѣется, невозможно, такъ какъ онѣ слишкомъ разнообразны; но заключаютъ онѣ въ себѣ всегда краткое извѣстіе о какомъ либо

фактъ. Замятки эти большею частью бывают очень кратки и отрывисты, и въ лѣтописи онѣ могли проникнуть изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, — инны записаны лѣтописцемъ, инны взяты изъ пасхальной таблицы, или изъ синодика, или съ надгробнаго памятника и т. п.

Иногда такія краткія замятки переписчиками были распространяемы и могли мало по малу превратиться въ рассказъ; вотъ почему Бестужевъ-Рюминъ (въ сочиненіи о лѣтописяхъ) иногда колеблется: признать ли лѣтописное извѣстіе погодною замяткою, или сказаніемъ? Но, вообще говоря, сказанія, а особенно повѣсти обширнѣе и ихъ въ лѣтописи довольно легко замятуть; очень часто прямо бросается въ глаза ихъ вставочный характеръ, причомъ онѣ своимъ помѣщеніемъ разорвали нить лѣтописнаго рассказа и авторъ лѣтописи или составитель свода, помѣстившій вставку, пытается дальнѣйшій лѣтописный рассказъ какъ либо связать съ предшествующимъ (См. ниже главу о формѣ лѣтописей).

Сказанія и повѣсти большею частью заключаютъ въ себѣ извѣстный историческій рассказъ, иногда преданіе народное, дружинное, или монастырское. Это преданіе могло быть внесено въ лѣтопись и изъ письменнаго источника. Кромѣ того въ лѣтописяхъ часто вставлены молитвы, поученія, самостоятельныя литературныя произведенія, памятники законодательства и вообще самыя разнообразныя матеріалы. Иногда эти вставки заимствованы изъ національныхъ источниковъ, иногда изъ иноземныхъ, большею частью изъ византійскихъ. Есть много выдержекъ и изъ священныхъ книгъ.

Мы позволили себѣ ограничиться здѣсь лишь немногими словами, чтобы избѣжать въ будущемъ повтореній, такъ какъ о составѣ каждой лѣтописи будемъ говорить въ свое время подробно.

И о содержаніи дошедшихъ до насъ лѣтописей мы скажемъ здѣсь лишь въ общихъ чертахъ, такъ какъ число русскихъ лѣтописей очень велико и содержаніе ихъ весьма разнообразно. Подробности въ этомъ случаѣ уместны при обзорѣніи содержанія каждой лѣтописи отдѣльно.

Какъ сочиненія, посвященныя воспоминаніямъ объ историческомъ прошломъ, лѣтописи прежде всего даютъ богатый матеріалъ для исторіи того времени, которое онѣ охватываютъ. Въ нихъ заключается масса извѣстій, касающихся русской исторіи. Извѣстія эти, впрочемъ, больше касаются внѣшней исторіи русскаго народа, чѣмъ исторіи его быта, и это само собою понятно; внѣшняя исторія народа, заключающая въ себѣ событія болѣе или менѣе экстраординарныя, какъ войны между князьями, переходы престоловъ, набѣги иноплеменниковъ, болѣе обращала на себя вниманіе лѣтописцевъ, чѣмъ народный бытъ, который былъ общезвѣстенъ, и не могъ казаться интереснымъ людямъ, съ нимъ сжившимся. Черты народнаго быта въ изобиліи встрѣчаются въ лѣтописи, но лишь тогда, когда лѣтописецъ случайно каснется ихъ по поводу какихъ либо внѣшнихъ событій. Исключеніе составляетъ бытъ религіозный. Во всѣхъ лѣтописяхъ постоянно сообщаются свѣдѣнія о распространеніи христіанства, о постройкѣ церквей, объ основаніи монастырей, объ участіи духовенства въ текущихъ событіяхъ и т. п. Но, если лѣтописцы говорятъ о народахъ, бытъ которыхъ представляетъ извѣстныя отличія, то черты этого быта они сообщаютъ охотно. Древняя лѣтопись говоритъ спеціально о бытѣ полянъ, древлянъ, сѣверянъ, но лишь потому, что это бытъ народа, находившагося въ язычествѣ, а съ принятіемъ христіанства условія его тоже, по мнѣнію лѣтописца, радикально измѣнились. На томъ же самомъ основаніи южныя и восточныя лѣтописи хотъ изрѣдка сообщаютъ свѣдѣнія о бытѣ новгородцевъ — бытъ этотъ представлялъ нѣкоторыя, несовсѣмъ обычныя отличія.

Встаетъ сказать, что черты быта русскихъ славянъ, предположительно относящіяся къ X вѣку, выбраны изъ лѣтописей Срезневскимъ, составляя 3-ье чтеніе о лѣтописяхъ. Черты быта по отношенію къ отдѣльнымъ предметамъ разсыпаны по сочиненіямъ Погодина. У него можно найти, какъ мы уже говорили, довольно полныя выборки историческихъ и географическихъ извѣстій изъ лѣтописей съ надлежащими цитатами, въ

удобной для пользованія системъ; тоже можно сказать и объ указателѣ къ лѣтописямъ Бычкова.

Обиліе историческихъ свѣдѣній въ лѣтописяхъ таково и свѣдѣнія такъ разнообразны, что изслѣдователь какой бы то ни было стороны жизни русскаго народа найдетъ въ нихъ для себя неисчерпаемый матеріалъ.

Наши лѣтописи важный источникъ и не для одной русской исторіи. Не говоря уже объ исторіи инородцевъ, издавна вошедшихъ въ составъ русскаго государства, русскія лѣтописи очень важны и для исторіи Скандинавскихъ государствъ, Венгріи, западныхъ и южныхъ славянъ, даже Византіи и Германіи. Но европейская наука, не послѣдовавъ совѣтамъ Шлецера, указавшаго на громадное значеніе для исторіи Европы русскихъ лѣтописей, пока воспользовалась ими слишкомъ мало, главнымъ образомъ, конечно, по недостаточному распространенію въ западной Европѣ знанія русскаго языка.

Лѣтописи наши суть памятники и литературные, такъ какъ въ нихъ есть много свѣдѣній, касающихся исторіи умственной жизни русскаго народа и его умственныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ идеаловъ. Но, какъ памятники древне-русской литературы, лѣтописи слишкомъ разнообразны, чтобы ихъ можно было характеризовать общими чертами. Между южно-русскими, новгородскими или московскими лѣтописями почти нѣтъ ничего общаго ни въ способѣ изложенія, ни даже въ самомъ слогѣ и языкѣ.

Форма русскихъ лѣтописей.

Лѣтописная форма, болѣе или менѣе однородная во всѣхъ лѣтописяхъ, общезвѣстна—это погодный рассказъ. Годъ обозначенъ отъ сотворенія міра; такъ обозначается онъ и у византійскихъ хронистовъ. Это объясняется желаніемъ первыхъ христіанъ доказать глубокую древность, сравнительно съ языческими преданіями, Ветхаго Завѣта, стоящаго въ непосредственной связи съ Новымъ Завѣтомъ, и тѣмъ опровергнуть дѣлаемый

христіянству укорь въ новизнѣ. Эту цѣль имѣлъ въ виду еще Евсевій (IV в.) въ своей хроникѣ. Счетъ отъ Рождества Христова производится весьма рѣдко и то въ самыхъ позднихъ лѣтописяхъ. Счетъ отъ начала княженій, какъ и у грековъ¹⁾, приводится, но тоже очень рѣдко. Не всегда обозначается мѣсяць и число, которое иногда лѣтописецъ забываетъ выставить. Иногда обозначается индиктъ и другіе церковныя астрономическіе термины. Примѣры подобныхъ обозначеній въ изобиліи указаны въ сочиненіи Сухомлинова. Вообще хронологія нашихъ древнихъ лѣтописей, виѣтъ съ лѣтописною формою заимствована отъ византійскихъ хронистовъ, иногда даже съ ихъ ошибками.

Извѣстна особенность лѣтописи—существованіе въ срединѣ ея пустыхъ годовъ. Примѣры особенно часты въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописей, въ позднѣйшихъ же такіе пустые года иногда выпускаются; напр. въ Лаврентьевскомъ спискѣ древней лѣтописи записано: въ лѣто 6519 представися царица Володимеря Анна. Въ лѣто 6520. Въ лѣто 6521. Въ лѣто 6522 Ярославу же сущю въ Новѣгородѣ и т. д. Въ Воскресенскомъ же спискѣ: въ лѣто 6519 преставися Анна царица. Въ лѣто 6522 Ярославу сущю въ Новѣгородѣ и т. д.

Иногда число такихъ пустыхъ годовъ подъ рядъ бываетъ значительно. Сухомлиновъ²⁾ приводитъ примѣры средневѣковыхъ анналовъ, совершенно сходныхъ въ этомъ отношеніи съ нашею лѣтописью³⁾.

Мы видѣли, что Забѣлинъ объясняетъ существованіе пустыхъ годовъ съ одной стороны системою—въ лѣтописи важнѣ всего именно лѣта, а съ другой желаніемъ впослѣдствіи что-либо еще внести. Объясненіе во всякомъ случаѣ болѣе вѣро-

¹⁾ Этотъ счетъ употребляется еще въ ассирійскихъ лѣтописяхъ, тамъ обозначены: день, мѣсяць и годъ царствованія государя; см. у Астафьева.

²⁾ Число пустыхъ годовъ въ древней лѣтописи онъ насчитываетъ 107.

³⁾ Собственно говоря Сухомлиновъ приводитъ эти примѣры въ доказательство, что извѣстія пригонялись къ даннымъ годамъ, но здѣсь, напротивъ, ясна разверстка.

итное, чѣмъ старое объясненіе Тунмана, что въ такихъ случаяхъ лѣтописецъ просто не зналъ точно, въ которомъ (изъ нѣсколькихъ) году произошло записанное имъ событіе.

Наконецъ въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ подѣ пустымъ годомъ являются и такія приписки: ничесо же бысть, или бысть мирно и т. п.

Но бываетъ и такъ, что подѣ однимъ и тѣмъ же годомъ стоятъ событія, явно бывшія уже въ слѣдующемъ году. Сибна года указана въ самомъ текстѣ, а число въ началѣ осталось прежнее.

Если въ одномъ и томъ же году случились еще какія-нибудь событія, то лѣтописецъ часто предпосылаетъ имъ связку: въ се же лѣто и т. п., впрочемъ не всегда, иногда такихъ переходовъ нѣтъ.

Въ случаѣ нужды лѣтописецъ вспоминаетъ свой прежній рассказъ (напр. выражается: якоже рекохомъ) и наоборотъ иногда намекомъ указываетъ на послѣдующія событія, напр. придоша Печенѣзи *первое* на русскую землю. Если есть вставка или значительное отступленіе въ рассказѣ, то иногда лѣтописецъ переходитъ къ послѣдующему изложенію словами: мы же на прежнее возвратимся и т. п.

Такъ какъ счетъ годовъ идетъ отъ сотворенія міра, то переводъ на счетъ отъ Рождества Христова долженъ быть производимъ на основаніи извѣстныхъ правилъ, для чего существуетъ рядъ руководствъ (напр. Хавскаго). Но хронологія лѣтописей вообще до того запутана, что даже такой знатокъ лѣтописей, какъ Бестужевъ-Рюминъ, отказался анализировать хронологію тѣхъ лѣтописей, о которыхъ писалъ. Волинско-Галицкая лѣтопись замѣчательна неточностью своей хронологіи. Да хронологія и другихъ лѣтописей очень шатка.

Главною причиною запутанности лѣтописной хронологіи надо считать во первыхъ то, что лѣтописцы считают каждый новый занесенный въ лѣтопись годъ съ 1-го марта, тогда какъ позднѣе установилось лѣтосчисленіе съ 1-го сентября. Это об-

стоятельство обуславливаетъ хотя и неочень большую, но все же постоянную ошибку.

Бѣляевъ, Ундольскій и Погодинъ приводятъ рядъ свидѣтельствъ изъ разныхъ лѣтописей, изъ которыхъ видно, что годъ начинался у насъ 1-го марта ¹⁾. Но Бѣляевъ считаетъ такое счисленіе русскимъ въ противоположность греческому церковному, въ которомъ годъ начинался, по его мнѣнію, съ 1-го сентября, и разъясняетъ, какъ русскіе лѣтописцы соединяли оба календаря, т. е. какъ въ мартовскомъ году разиѣщались индикты, дни недѣли и пасхальные праздники, считавшіеся по сентябрьскому лѣтосчисленію, причомъ показывается, какъ они при этомъ путались. Ундольскій же, и повидному съ большимъ правомъ, считаетъ счисленіе съ 1-го марта византійскимъ, а съ 1-го сентября новымъ гражданскимъ, которое совсѣмъ вытѣснило мартовское лѣтосчисленіе.

Замѣна мартовскаго лѣтосчисленія сентябрьскимъ, принятая въ XIV в. ²⁾, является въ различныхъ лѣтописяхъ въ разное время, что тоже должно было весьма неблагоприятно отозваться на лѣтописной хронологіи, особенно при перепискѣ лѣтописей позднѣйшими переписчиками, поправлявшими и предыдущіе годы, когда они казались имъ невѣрными. Обо всѣмъ этомъ была обѣщана Ламбининымъ особая статья, но она не являлась.

Погодинъ указываетъ, что довольно точное обозначеніе хронологическихъ датъ начинается лишь со второй половины XI вѣка. Шлецеръ находитъ невѣрность хронологіи лишь до княженія Владимира Святого, а хронологію времени Кн. Ольги онъ называетъ знаменитою по своей вѣрности.

Любопытно, что если въ лѣтописи обозначенъ мѣсяць и день, то хотя годъ и ошибоченъ, но мѣсяць и день обыкновенно

¹⁾ Бѣляевъ приводитъ лишь одно мѣсто, гдѣ годъ обозначенъ по сентябрьскому счету, но и то въ лѣтописи ошибка.

²⁾ Татищевъ говоритъ, что сентябрьское счисленіе было принято на духовномъ соборѣ 1347 г. при митрополитѣ Теофилактѣ.

венно вѣрны, конечно, кромѣ случаевъ описки, напр. вмѣсто 16 иногда написано 6 и т. п.; но такіе случаи легко исправны путемъ сличенія, если извѣстіе сохранилось въ нѣсколькихъ лѣтописяхъ. Объяснить такую правильность можно тѣмъ, что годы лѣтописцамъ-переписчикамъ иногда нужно было передѣлывать для приспособленія къ инымъ, имѣвшимся у нихъ подъ рукою, а обозначеніе мѣсяца и дня могло всегда быть приспособлено безъ всякой перемѣны. Если здѣсь оказывалось противорѣчіе, напр. въ одномъ и томъ же году было два одинаковыхъ мѣсяца, то лѣтописецъ этого не замѣчалъ, тѣмъ болѣе, что такой случай бываетъ очень рѣдко, чаще въ подобныхъ случаяхъ оказывается, что въ одномъ году было двѣ весны или двѣ осени, напр. одною весною годъ начинается, а въ концѣ его рассказано событіе, случившееся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и т. п.

Точность обозначенія мѣсяцевъ и дней Миллеръ объясняетъ еще и такимъ образомъ: «въ дняхъ есть въ Россіи изрядный способъ для памяти по церковнымъ праздникамъ и по явленіямъ, которые и у простыхъ людей въ твердой памяти содержатся; а въ лѣтахъ погрѣшность скорѣе произойти можетъ и т. п.». Это совершенно вѣрно, особенно относительно церковныхъ праздниковъ и дней, точное обозначеніе которыхъ приобрѣло почему-либо церковное значеніе.

Второю причиною неточности хронологіи въ лѣтописяхъ надо считать уже указанный нами обычай дѣлать разверстку историческихъ сказаній по нѣсколькимъ годамъ. Этотъ обычай знакомъ всякому, читавшему лѣтопись; напр. 6370 г. оканчивается такъ: Рюрику же князю въ Новѣгородѣ, потомъ: въ лѣто 6371, въ лѣто 6372, въ лѣто 6373, въ лѣто 6374 иде Аскольдъ и Диръ на греки. Разсудовъ приводитъ такихъ примѣровъ много, извлекая ихъ исключительно изъ древней лѣтописи.

Встрѣтись въ лѣтописи съ подобнымъ случаемъ, позднѣйшій русскій лѣтописецъ могъ замѣтить нелогичность такой разверстки и снова соежнуть событіе къ одному году, или на-

оборотъ, могъ раздѣлить на разные годы событія, явно имѣвшія мѣсто въ различныхъ годахъ, но помѣченныя однимъ числомъ. Но, руководствуясь, по всей вѣроятности, произвольными соображеніями, разные лѣтописцы могли отнести одно и то же событіе къ разнымъ и годамъ, причемъ иногда мѣсяць и день оказываются тѣже самые. Позднѣйшіе составители сводовъ могли измѣнять хронологію предыдущихъ лѣтописныхъ извѣстій, чтобы согласить ихъ съ имѣющагося уже у нихъ хронологіей: опять новая причина для порчи. Наконецъ, нельзя отрицать, что нѣкоторые лѣтописцы ставили годы въ лѣтописяхъ совершенно неправильно, подъ вліяніемъ какой-нибудь ошибки, какъ это случилось съ составителемъ Галицко-волынской лѣтописи.

Хронологія лѣтописи частью можетъ быть повѣрена съ помощью указаній въ ней на разные небесныя знаменія, напр. затменія, которыя могутъ быть вычислены, разумѣется, очень точно (см. объ этомъ статью о затменіяхъ у Погодина).

Нѣкоторую повѣрку для хронологіи нашихъ лѣтописей, и то собственно древнѣйшихъ, можетъ служить хронологія византійская (См. Muralt: *Essai de chronographie Byzantine* 2 т. 1835 и 1871 г.¹); но и хронологія византійская тоже не всегда отличается точностью. И любопытно, что тѣ писатели, которые безъ сомнѣнія были извѣстны составителю древней лѣтописи, напр. Георгій Амартолъ, или авторъ Лѣтописца вскорѣ, путаются въ хронологіи, смѣшивая два различныхъ лѣтосчисленія: по первому Рождество Христово считается въ 5500 г. отъ сотворенія міра (Александрійская эра), по другому въ 5508 г. (Константинопольская эра). Въ нашихъ же лѣтописяхъ годы выставлены безразлично то по первому, то по второму лѣтосчисленію (См. Ламбинъ: *Источники лѣтописнаго сказанія*, въ Ж. М. Н. Пр. 1874 г. № 7, примѣчаніе на стр. 101).

Очень возможно, что до принятія христіанства и до знакомства съ византійскимъ лѣтосчисленіемъ общей хронологіи у

¹) См. еще опредѣленіе хронологіи древнѣйшихъ лѣтописей въ книгѣ Академика Дорна: Каспій.

насть не было, и счетъ былъ годами отъ какого либо важнаго событія (имѣніе Бѣллева); таѣь могли обозначаться краткія замѣтки или сказанія; но это вопросъ, по недостатку данныхъ, очевь темный.

Въ различныхъ сочиненіяхъ иногда бываетъ анализъ хронологіи той или другой лѣтописи, а еще чаще и опредѣленіе точной хронологіи въ примѣненіи къ какому либо періоду или событію; таковы напр. сочиненія по русско-ливонской хронологіи: Авг. Энгельмана: Хронологич. изслѣдов. въ области Русской и Ливонской исторіи въ XIII и XIV ст. Спб. 1858 г. и Боннеля: *Russisch-Liwländische Chronographie*, съ половины IX в. по 1410 г. Спб. 1862 г.

Заглавія, послѣсловія и рисунки въ лѣтописяхъ.

Въ лѣтописяхъ есть иногда свои заглавія, напр. извѣстное заглавіе въ Лаврентьевскомъ спискѣ: «Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда Русская земля стала есть».

Иногда и части лѣтописи имѣютъ свои особыя заглавія, напр. въ Лаврентьевскомъ же спискѣ: «Начало княженія Святослава сына Игорова» и т. д.

Тѣ лѣтописи, у которыхъ сохранился конецъ, иногда имѣютъ особое послѣсловіе благочестиваго характера. Иногда такое послѣсловіе попадаетъ и въ срединѣ лѣтописи, обозначая, по всей вѣроятности, въ этомъ случаѣ существованіе, среди лѣтописи, прежней лѣтописи, внесенной въ новую.

Извѣстнѣе другихъ послѣсловіе къ древнему своду, сохранившееся въ Лаврентьевскомъ спискѣ: «Игуменъ Сильвестръ Святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кневъ, а мнѣ въ то время игуменащю у Святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чететь книги сия, то буди ми въ молитвахъ».

Интереснѣе окончательное послѣсловіе ко всему Лаврентьевскому списку: «Радуется венець прикупъ створивъ и кормь-

чии въ втишь приставъ и странникъ въ втечьство свое пришедъ, также радуется и книжныи писатель, дошедъ конца книгамъ, такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божии Лаврентей мнихъ. Началъ яесмъ писати книги сіа, глаголемый лѣтописецъ мѣсяца генваря въ дѣ, на память святыхъ втець нашихъ аввадъ в Синаи и в Раифѣ избьенныхъ, Князю Великому Дмитрию Костянтиновичю, а по благословеню священнаго епископа Дионисья и кончалъ яесмъ мѣсяца марта въ к на память Святыхъ втець нашихъ, иже въ монастыри святаго Савы избьенныхъ Ѡ срацинь, в лѣто 7507 при благовѣрномъ и христіолюбивомъ Князи Великому Дмитрии Костянтиновичи и при епископѣ нашемъ христіолюбивѣмъ священномъ Дио(ни)сѣ Суждальскомъ и Новгородьскомъ и Городьскомъ. И нынѣ, господа втци и братья, вже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или недописалъ, чтите исправливамъ Бога дѣла, и не клените, зане же книги ветшаны, а оумъ молодъ не дошелъ, слышите Павла Апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всеми нами хрѣстьяны Христосъ Богъ нашъ, сынъ Бога живаго, ему же слава и держава и честь и повлаванье со Ѡтцемъ и с Пресвятымъ Духомъ и ныня и присно во вѣки, аминь».

О подобныхъ послѣсловіяхъ на книгахъ вообще см. Срезневскій: Свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, VIII.

На Никоновской лѣтописи есть любопытное надписаніе — заклятіе (и такіа встрѣчаются на иныхъ книгахъ): «Лѣта 7169 сію книгу положилъ въ домъ святаго живокоснаго Воскресенья Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, новаго Іеросолима, смиренный Никонъ, Божією милостью Патріархъ. А кто восхоцеть ю усвонти, якожь Ахаръ, сынъ Харміевъ, или угантъ, якожь Ананія и Сапеира, да отыметъ отъ него Господь Богъ святую Свою милость и затворитъ двери святыхъ щедротъ Своихъ и да придетъ на него неблагословеніе, и клятва, и казнь Божія душевная и тѣлесная въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ вѣчная мука. А кто сіе писаніе какимъ злымъ умш-

леніємъ испишетъ отъ книги сія, да испишетъ его имя Господь Богъ отъ книги животныя».

Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, особенно въ позднѣйшихъ, есть рисунки перомъ или красками, изображающіе рассказы-важныя въ текстѣ событія.

Мы уже сказали, что языкъ и слогъ русскихъ лѣтописей весьма разнообразны. Южно-русскія лѣтописи отличаются художественностью изложенія; новгородскія — мѣткостью, краткостью и такъ сказать дѣловитостью слога; московскія — напыщеннымъ, витѣватымъ, но все же очень сухимъ изложеніемъ.

Языкъ всякой лѣтописи обязательно долженъ былъ состоять изъ двухъ элементовъ, изъ какого либо русскаго нарѣчія, которое было роднымъ для лѣтописца, и изъ церковно-славянскаго языка, языка религіи и школы. Конечно, переписчикъ лѣтописи, или составитель свода могъ ввести въ переписанную имъ лѣтопись слова и выраженія, взятія изъ своего роднаго нарѣчія, но чаще это отражалось въ правописаніи словъ, такъ какъ многія слова переписчикъ выговаривалъ иначе, чѣмъ составитель; отъ этого могли происходить и ошибки. Замѣтимъ еще, что вліяніе церковно-славянскаго языка слышнѣе сказывается въ лѣтописяхъ позднихъ, именно московскихъ, чѣмъ въ лѣтописяхъ древнихъ.

О лѣтописныхъ спискахъ.

Рукопись, въ которой сохранилась лѣтопись, называется лѣтописнымъ спискомъ. Разумѣется, такихъ списковъ очень много (припомнимъ, сколько у насъ было монастырей¹⁾). Еще въ 1846 г. Археографическая коммисія, собиравшая списки для изданія Полнаго Собранія Лѣтописей, насчитала 168 списковъ годныхъ къ употребленію, причемъ не объяснила, сколько же у нея было *не годныхъ* и какъ понять это выраженіе.

¹⁾ О популярности у насъ лѣтописей см. Клеванова: О значеніи русской лѣтописи въ духовн. развитіи народа (Чт. М. Общ. Ист. и Др. 1848 г., кн. 1).

Въ любой значительной библіотекѣ находится достаточно лѣтописныхъ списковъ, что легко видѣть по каталогамъ; см. напр. Описаніе рукописей Румянцевскаго музея и т. п. Нѣсколько списковъ есть и въ библіотекѣ Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Есть много лѣтописныхъ списковъ и въ заграничныхъ библіотекахъ; о нѣкоторыхъ писалъ С. Строевъ въ Описаніи памятниковъ славяно-русской литературы, хранящихся въ библіотекахъ Германіи и Франціи, 1841 г.; см. также у Шлепера.

Любопытно, что въ той массѣ сборниковъ, которые хранятся въ Импер. Публичной Библіотекѣ и описанія которыхъ теперь начинаютъ издаваться (пока вышло 2 выпуска), находятся экземпляры, которые заключаютъ въ себѣ лѣтописные списки съ важными (по мнѣнію составителей Описанія) варіантами, относящимися къ такимъ, повидимому, извѣстнымъ событіямъ, какъ княженіе Олега (см. № XVIII). Очевидно, что еще не изучена масса лѣтописнаго матеріала.

Рѣдко списки бывають точными противными (копіями) какого либо иного, по большей части между нами есть какаа нибудь разница; разумѣется, мы не говоримъ о тѣхъ, которые списывались въ позднѣйшее время съ научною цѣлью; напримѣръ Ермолаевскій списокъ древней лѣтописи есть позднѣйшій списокъ съ Хлѣбниковскаго.

Списки называются по какому нибудь случайному признаку: или по имени переписчиковъ, или, гораздо чаще, по мѣсту нахождения списка, напр. по имени владѣльца, причеиъ, если въ одномъ мѣстѣ есть нѣсколько списковъ одной и той же лѣтописи, то они различаються по счету, но такъ, что всѣ списки всѣхъ лѣтописей одного владѣльца перенумерованы однимъ счетомъ, напр. Никоновскаго сборника принадлежитъ Академіи Наукъ два списка—XIV и XV; такъ называемой Новгородской 3-ей тоже два списка — I и III; списокъ же обозначенный Академическимъ II-мъ — это списокъ Новгородской I-ой лѣтописи.

Древняя лѣтопись есть напримѣръ по Лаврентьевскому

списку — названна по имени переписчика Лаврентія, по Ипатьевскому, — по мѣсту прежняго нахождения ея (Ипатьевскій монастырь), по Радзивиловскому — отъ имени владѣльца — кн. Радзивила и т. п. Нѣкоторые списки успѣли переимѣнить свои названія напр. Радзивиловскій очень долго назывался Кенигсбергскимъ, Лаврентьевскій извѣстенъ еще подъ именемъ Пушкинскаго, Троицкій сталъ Академическимъ, Лаврентевскій (Никоновскаго сборника) — отъ имени владѣльца — перешелъ въ Публичную Библіотеку и сталъ Публичнѣйшій VI, Алатырскій (Воскресенскаго сборника) изъ г. Алатыря попалъ въ библіотеку Академіи Наукъ и сталъ Академическій и т. д. Эти переимѣны нужно постоянно имѣть въ виду при занятіяхъ (см. напр. Лейбовичъ Предисловіе къ сводной лѣтописи стр. IV—VI).

Прежде зачастую вмѣсто термина списковъ употребляли терминъ лѣтопись, напр. Лаврентьевскій списокъ, заключающій въ себѣ Древнюю лѣтопись и Суздальскую лѣтопись, — называли прежде Лаврентьевскою лѣтописью. Это смѣшеніе есть (по винѣ редактора — Я. И. Берендиковъ) и въ Поля. Собр. Русск. Лѣтописей. Отъ такого смѣшенія можетъ выйти большая путаница, развѣ какая либо лѣтопись сохранилась въ одномъ лишь спискѣ, тогда это, разумѣется, все равно.

Лѣтопись обыкновенно издають сличенною по нѣсколькимъ спискамъ, причемъ всегда каждый списокъ болѣе или менѣе подробно описывается. Болѣе всего описаній, конечно, въ Полномъ Собраніи Русскихъ Лѣтописей.

Въ указанномъ уже сочиненіи Иванова описано 52 списка.

Всю массу лѣтописныхъ списковъ можно классифицировать по 4 признакамъ.

а) по содержанію, или, точнѣе, по мѣстности событій, которыя преимущественно въ нихъ изображаются, списки дѣлятся на разряды, напр. Древняя лѣтопись¹⁾, Кіевская, Нов-

¹⁾ Хотя она и кіевскаго разряда, но обыкновенно выдѣляется въ особый.

городскія, Псковскія и т. д. Въ позднѣйшіе сборники, конечно, вошли лѣтописи различныхъ разрядовъ.

b) Списки лѣтописи одного разряда разнятся между собою или выборомъ извѣстій, или ихъ разиѣщеніемъ, или хронологіей, почему они дѣлятся на изводы ¹⁾. Древняя лѣтопись напр. можетъ быть южнаго извода, т. е. списки ея написаны на югѣ Россіи, или суздальскаго извода, т. е. списки ея написаны въ Суздальщинѣ ²⁾.

c) По формѣ изложенія списки распадутся на редакціи, которыя бываютъ пространныя или краткія.

Дѣленіе это можетъ быть введено лишь для систематизаціи, такъ какъ на самомъ дѣлѣ обыкновенно списки соединяютъ въ себѣ обѣ редакціи. Въ иныхъ спискахъ начало редактировано кратко до извѣстнаго момента, послѣ котораго слѣдуетъ пространная редакція; въ другихъ совершенно наоборотъ; иногда редакціи даже чередуются.

На практикѣ разница между изводомъ и редакціей такъ невелика, что, въ то время какъ Лейбовичъ изводомъ называетъ прямо разрядъ, отдѣляя отъ него редакцію, Бестужевъ-Рюминъ (въ Русской исторіи) отдѣляетъ изводъ отъ разряда, а изводъ и редакцію смѣшиваетъ, причомъ изъ опредѣленія видно, что онъ за редакцію принимаетъ именно изводъ. Практика оправдываетъ это смѣшеніе, такъ какъ слово изводъ мало вошло въ употребленіе и сплошь да рядомъ пишется: Кіевская лѣтопись суздальской редакціи (т. е. извода) или Новгородская—пространной редакціи. Но все же удобнѣе ихъ различать.

d) Существующіе списки сохранились, кажется, не раньше какъ съ XIV вѣка, и доходятъ до XVIII, почему ихъ и дѣлятъ на древніе и новыя, хотя, конечно, такое дѣленіе очень

¹⁾ Терминъ сравнительно новый, внесенный, кажется, Срезневскимъ. Въ XVIII в. Шлецеръ и Добровскій вмѣсто него употребляли терминъ редакція.

²⁾ Замѣтимъ, что въ вѣкѣ существованія южныхъ лѣтописей въ северномъ изводѣ П. Строевъ видѣлъ доказательство того, что лѣтописи наши суть своды или сборники.

условно. Древнѣйшіе изъ извѣстныхъ суть: Синодальный (повгородскій), писанный въ первой половинѣ XIV вѣка; Лаврентьевскій 1377 г., если не раньше: Одинъ изъ издателей его Тимковскій говорилъ Кубареву, что, судя по почерку и черниламъ, пожелтѣвшимъ отъ времени, онъ (или по крайней мѣрѣ первые 40 его листовъ) далеко отличается отъ приписки Лаврентія; поэтому самый списокъ гораздо древнѣ этой приписки (Др. и Нов. Р. 1880 г. № 2 Барсуковъ: Русскіе Палеологи); то же находилъ и Востоковъ (Погодинъ I, 80). Самъ же Погодинъ на основаніи палеографическихъ особенностей Лаврентьевскаго списка не сомнѣвался въ принадлежности первыхъ 40 листовъ его по крайней мѣрѣ къ XIII, а можетъ быть даже и XII вѣку (Борьба не на животь, а на смерть). Довольно древни еще списки: Ипатьевскій — конца XIV или начала XV¹⁾, Троицкій — XV, Радзивилловскій и Строевскій I—XV или начала XVI вѣка; остальные списки уже новѣе.

Было еще нѣсколько древнихъ списковъ, напр. Троицкій, сгорѣвшій въ Москвѣ въ 1812 г., также тѣ, которыми пользовался Татищевъ, напр. Раскольниковъ, и которые утратились.

Принято думать, что списокъ древнѣйшій есть въ то же время и наиболѣе правильный. Но это не всегда бываетъ такъ. Иногда списокъ новый можетъ быть переписанъ съ болѣе стараго, чѣмъ сохранившійся старый. Важно знать, когда именно написанъ былъ подлинникъ, съ котораго сдѣланы списки. Отъ этого наиболѣе зависитъ сужденіе о правильности списка. Большая или меньшая точность списка узнается по даннымъ языка. Ламбинъ, восстанавливая въ некоторыхъ мѣстахъ древней лѣтописи, очень часто отдаетъ на этомъ основаніи преимущество позднѣйшимъ спискамъ, гдѣ, по его мнѣнію, эти мѣста были списаны съ подлинника точнѣе. Еще раньше такого же взгляда на списки держался Шлецеръ. Если же въ списокѣ подлинникъ измѣнился, то опредѣленіе времени занесенія въ лѣтопись сообщаемаго извѣстія представляется дѣломъ труднымъ. Словомъ,

¹⁾ По Колосову—второй половины XV г.

это вопросъ и малой и высокой критики по терминологіи Шлецера, т. е. и критики текста и критики содержанія.

е) По матерьялу, на которомъ различные списки написаны, они бывають или харатейные, т. е. писанные на пергаментѣ, или бумажные. Первыхъ крайне мало: Синодальный (новгородскій) да Лаврентьевскій. Былъ еще Троицкій харатейный, но онъ сгорѣлъ въ 1812 г. въ Москвѣ (часть его, впрочемъ, уже тогда была напечатана).

Новыя свѣдѣнія о немъ см. въ Читеніяхъ Моск. Общества за 1880 г. У Татищева тоже были харатейные списки, но теперь они утратились. Списокъ Ипатьевскій писанъ на божьицахъ.

О всѣхъ важнѣйшихъ спискахъ мы будемъ еще имѣть случай говорить подробнѣе.

Изданіе каждаго списка отдѣльно, какъ это принято было въ XVIII и началѣ XIX вѣка, помимо страшной дороговизны (почему и было такъ мало изданій¹⁾), представляетъ еще и потому ненужную роскошь, что многіе списки принадлежатъ къ одному и тому же изводу и редакціи, отличаясь лишь небольшими вариантами да языкомъ. Конечно, если самый языкъ списка важенъ (напр. въ древнихъ спискахъ), тогда списокъ долженъ быть напечатанъ вполнѣ; въ противномъ случаѣ достаточно издавать сводную лѣтопись, выбирая лучшей списокъ за основной текстъ и относя варианты въ примѣчанія или печатая ихъ инымъ шрифтомъ. Такъ это теперь всегда и дѣлается; но въ прежнее время этимъ правомъ сводить нѣсколько списковъ въ одинъ текстъ пользовались иногда слишкомъ ужъ широко, сводя списки не только разныхъ редакцій, но и разныхъ изводовъ. Напр. въ Полн. собр. русскихъ лѣтописей древне-русская лѣтопись сведена, между прочимъ, по Лаврентьевскому и Ипатьевскому списку, изъ которыхъ первый суздальскаго, а второй южно-русскаго извода, оба древніе и значи-

¹⁾ Полнѣе насчитываетъ до Полнаго собранія русскихъ лѣтописей всего 17 изданій.

только отличаются между собою по языку. Теперь Археологическая Комиссія поправила эту ошибку новыми изданіями.

Правила, какъ издавать лѣтописи, выработаны очень давно — еще Шлецеромъ. У насъ держатся болѣе тѣхъ, которыя предложены Устряловымъ въ статьѣ: Предположеніе объ изданіи русскихъ лѣтописей, въ Ж. М. Н. Пр. т. XII.

Для важнѣйшихъ списковъ необходимы изданія, вполне удовлетворяющія требованіямъ строгой исторической критики, т. е. такія, чтобы по подобнымъ изданіямъ можно было изучить списокъ въ палеографическомъ отношеніи, какъ по самому оригиналу. Наша Археологическая Комиссія издала нѣсколько такихъ списковъ съ помощью фотолитографіи. Довольно точныя изданія лѣтописей Кн. Оболенскаго.

Въ нестрогихъ научныхъ изданіяхъ допускается кое что поправлять, наприм. явныя описки (но и то очень осторожно), раздѣлять слитыя по прежнему обычаю слова; причесть въ этихъ случаяхъ часто бываютъ и споры, напр. читать ли: умкиваху у воды дѣвица, или уводы (т. е. уводомъ); а тѣмъ болѣе, если при общемъ сходствѣ есть разница въ одной какой нибудь буквѣ, однако измѣняющей смыслъ, напр.: и бѣ Якунь слѣпъ, или съ лѣпъ (т. е. красивъ) и т. п. Конечно, въ изданіяхъ всѣ такіе варианты должны быть отмѣчаемы.

Иногда лѣтописные списки дошли до насъ въ довольно испорченномъ видѣ: переписчикъ могъ не понять оригинала, съ котораго списывалъ. Если это списки поздніе и испорченность въ нихъ явна сама собою, напр. путемъ сличенія съ иными лучшими списками той же редакціи, то при изданіи всѣ неправильности могутъ быть исправляемы.

Наконецъ, иногда порча въ списокѣ бываетъ механическая: листы утрачены (напр. въ Ипатьевскомъ списокѣ подъ 1073 г.), или нѣкоторые оборваны, или въ срединѣ протерты, или буквы стерлись такъ, что читать можно лишь предположительно. Если правильности чтенія можетъ помочь существованіе сходнаго списка, то при изданіяхъ дѣлается въ такихъ случаяхъ изъ

него вставка, которая должна быть оговорена, что, впрочемъ, всегда и практикуется; но это вопросъ маловажный.

Обыкновенно при изданіи лѣтописи прилагаются нѣсколько палеографическихъ образчиковъ и снимковъ съ рисунковъ, если таковыя имѣются.

Въ литературѣ утвердились свои, какъ оказывается, несовсѣмъ правильныя названія лѣтописей, но они имѣютъ силу давности. Такъ древнѣйшій дошедшій до насъ сводъ называется Древне-русскою лѣтописью, или Древне-русскимъ сводомъ, или Повѣстью временныхъ лѣтъ, или наконецъ (особенно прежде) Лѣтописью Преподобнаго Нестора; нѣкоторые называютъ его Сильвестровскимъ сводомъ (Костомаровъ); другіе Кіево-Выдубецкимъ (Хрущовъ). Остальныя лѣтописи означаются именемъ мѣста, гдѣ онѣ составлены (иногда предполагаемаго), напр. Кіевская, Новгородская, или лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, Архангелогородскій и т. п.

Если лѣтописи какого либо разряда дошли въ нѣсколькихъ различныхъ изводахъ, то ихъ различаютъ по счету, напр. Новгородская первая, вторая и т. д. Къ наименованію Московская иногда прибавляютъ—официальная. Лѣтопись Іоакимовская названа такъ Татищевымъ по имени предполагаемаго ея автора. Позднѣйшіе сборники, куда могли войти многія лѣтописи, называются какимъ нибудь случайнымъ признакомъ, напр. Воскресенскій отъ мѣста находженія — Воскресенскаго монастыря; Никоновскій, отъ имени патріарха Никона, рукою котораго скрѣпленъ одинъ изъ списковъ. Такъ какъ разница между нашими лѣтописями (чаще всего лѣтописными сводами) и лѣтописными сборниками не можетъ быть строго установлена, кажется, состоитъ только въ томъ, что сборники вообще больше и сплавка извѣстій въ нихъ нѣсколько хуже, то выраженія Воскресенская, Никоновская лѣтопись употребляются постоянно, и къ этому всѣ уже привыкли.

Затѣмъ мы каждую лѣтопись будемъ разсматривать отдѣльно, придерживаясь дѣленія на разряды, и начнемъ съ важнѣйшей — съ древне-русскаго свода, тоже древне-русская

лѣтопись, повѣсть временныхъ лѣтъ, лѣтопись Нестора etc. Мы предпочтительно будемъ употреблять выраженіе древне-русская лѣтопись, такъ какъ это названіе освящено обычаемъ.

Древне-русская лѣтопись.

Этотъ лѣтописный сводъ имѣетъ изъ всѣхъ лѣтописей самое важное значеніе, главнымъ образомъ потому, что это важнѣйшій источникъ для всей древне-русской исторіи. Или непосредственно въ видѣ разсказа, или путемъ вставки въ этотъ разсказъ различныхъ актовъ, составитель этой лѣтописи сохранилъ намъ обиліе свѣдѣній о древней Руси. Какъ ни важны послѣдующія лѣтописи, но для времени, изображаемаго ими, является уже гораздо больше иныхъ историческихъ источниковъ, которые, по мѣрѣ приближенія къ XVІІІ в., все болѣе и болѣе превосходятъ лѣтописи своимъ значеніемъ для исторіи. Кромѣ того древне-русская лѣтопись отличается многими свойствами, дѣлающими ее весьма интересною въ смыслѣ памятника древне-русской литературы.

Немудрено, что при такой важности Древне-русской лѣтописи именно на нее было особенно обращено вниманіе изслѣдователей, ей посвящены самые капитальные труды (Шлецера, Кубарева, Буткова, Бѣляева, Казанскаго, Сухомлинова, Срезневскаго, Оболенскаго, Ламбина и др.). Въ трудахъ, посвященныхъ изслѣдованію нѣсколькихъ лѣтописей, Древняя лѣтопись тоже занимаетъ главное мѣсто (у Костомарова, Бестужева Рюмина и др.). Разумѣется и намъ необходимо результаты изученія этой лѣтописи изложить какъ можно обстоятельнѣе.

Названіе, разбираемой нами лѣтописи, Древне-русскою не совсѣмъ точно: всѣ древнія лѣтописи—древне русскія, а это лѣтописи древняя кіевская; но практика установила это названіе, чтобы отличить ее еще отъ одной кіевской, хотя и древней, но болѣе поздней, чѣмъ эта.

Древняя лѣтопись сохранилась въ массѣ списковъ; видно, что она была весьма популярна въ древней Руси. Многіе лѣтописцы, составляя свою лѣтопись, начинали ее перепискою

древней лѣтописи, иногда сокращая, иногда пополняя ее; поэтому Древняя лѣтопись и дошла до насъ въ спискахъ самыхъ различныхъ редакцій и изводовъ. У Археологической Комиссіи было 53 списка древне-русской лѣтописи, которые она дѣлила на четыре текста (изводы и редакціи?): древній, средній, новій и сокращенный. Она хотѣла и издавать Древнюю лѣтопись по этимъ текстамъ (кромѣ сокращеннаго, который назначался въ варианты!); но, слава Богу, успѣла издать, и такимъ образомъ испортить одинъ лишь «древній» текстъ.

Лейбовичъ, издавая сводную лѣтопись изъ нѣсколькихъ списковъ, воспользовался 20 лѣтописями, которыя начинаются Древнею лѣтописью (не считая тѣхъ, которыми пользовался Татищевъ); причѣмъ многіе изъ нихъ имѣютъ по нѣсколько списковъ. У Шлецера, при изданіи временника, были свои списки, теперь утраченные и т. п.

Въ примѣненіи къ Древней лѣтописи вообще важнѣйшими списками признаются наиболѣе древніе. Главные изъ нихъ относятся къ двумъ изводамъ: суздальскому и южно-русскому; списки остальныхъ изводовъ имѣютъ меньшее значеніе.

Изъ списковъ суздальскаго извода болѣе другихъ извѣстенъ такъ называемый Лаврентьевскій (харатейный), названный по имени суздальскаго монаха Лаврентія, списавшаго его въ 1377 г. для Великаго Князя Дмитрія Константиновича Суздальскаго. Можетъ быть, впрочемъ, часть его написана и раньше, а списокъ лишь оконченъ Лаврентіемъ. Мы привели объ этомъ отзывы Тимковскаго, Востокова и Погодина. Такъ какъ списокъ оканчивается 1305 г., то, вѣроятно, подлинникъ былъ составленъ въ началѣ XIV в. По крайней мѣрѣ Лаврентій, судя по его припискѣ, переписывалъ съ книги ветхой. Затѣмъ Лаврентьевскій списокъ принадлежалъ Владимірскому Рождественскому монастырю. Графъ А. И. Мусиянъ-Пушкинъ, у котораго позднѣе онъ оказался, поднесъ его Императору Александру I, который подарилъ его Имп. Публ. Библіотекѣ, гдѣ онъ хранится и донныѣ.

Гр. Мусиянъ-Пушкинъ неточно назвалъ этотъ списокъ

Суздальскою лѣтописью; позднѣе (напр. у Карамзина) онъ сталъ называться Пушкинскимъ, а нынѣ Лаврентьевскимъ. Описаніе его сдѣлано Востоковымъ въ предисловіи Калайдовича къ изданію Древней лѣтописи Тимковскаго (см. ниже), а также въ предисловіи Лѣтописи по Лаврентьевскому списку, изданной въ 1872 г. А. Ф. Вычковымъ. Кромѣ Древней лѣтописи въ этомъ спискѣ есть еще Суздальская лѣтопись, о которой скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Съ Лаврентьевскимъ спискомъ сходны: такъ наз. Академическій списокъ (прежде называвшійся Троицкимъ), рукопись Московской духовной академіи XV в. Свѣдѣнія о немъ тоже сообщены въ предисловіи къ Лаврентьевскому списку въ изданіи 1872 года.

Радзивиловскій — XV или начала XVI вѣка; но, вѣроятно, списанъ съ подлинника начала XIII в., такъ какъ оканчивается 1206 годомъ. Списокъ этотъ какому то Станиславоу Зеновичеу подаренъ былъ княземъ Радзивиламъ. Кн. Богуславъ Радзивилъ подарилъ его въ 1668 г. въ Кенигсбергскую бібліотеку, почему онъ называется еще и Кенигсбергскимъ. Петръ Великій, бывши въ 1716 г. въ Кенигсбергѣ, приказалъ сдѣлать съ него списокъ, а при занятіи Кенигсберга во время Семилѣтней войны и подлинникъ перешелъ въ Россію и поступилъ въ бібліотеку Академіи Наукъ. Такъ какъ этотъ списокъ былъ изданъ раньше другихъ съ именемъ преподобнаго Нестора, то его прежде называли Печатнымъ Несторомъ. Списокъ этотъ схожъ съ Академическимъ. Объ этомъ спискѣ см. тоже въ изданіи Лаврентьевскаго списка 1872 года.

Въ Радзивиловскомъ спискѣ есть очень грубая раскрашенная картинка, изображающая пишущаго монаха (въ текстѣ рѣчь идетъ объ основаніи Печерскаго монастыря). Подобныя изображенія пишущихъ лѣтописцевъ есть и въ германскихъ анналахъ.

Всѣ эти списки заключаютъ тоже и Суздальскую лѣтопись. Къ этому же изводу, вѣроятно, относятся три списка, которыми пользовался Тимковскій для своего изданія Древней

лѣтописи (изданной только въ 1824 г.) и которые сгорѣли; изъ нихъ Троицкій былъ харатейный, а именно былъ писанъ на грубомъ и невылощенномъ пергаментѣ (телятинѣ, по выраженію составителя старой описи). По этому и по нѣкоторымъ другимъ признакамъ архимандритъ Леонидъ (Новыя свѣдѣнія о Троицкомъ спискѣ въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. 1880 г. № 2) относить этотъ списокъ къ XIV, а, можетъ быть, и къ XIII в. Оканчивался онъ 1050 годомъ. Изъ него извѣстно то, что внесено, какъ вариантъ, въ очень рѣдкое изданіе Лаврентьевскаго списка Чеботарева и Черепанова 1804 г. (вышло всего 10 листовъ). Троицкимъ спискомъ пользовался еще и Миллеръ, который поправлялъ имъ печатный Радзивиловскій текстъ; поправки Миллера напечатаны Кн. Оболенскимъ въ его Сборникѣ № 11. Еще кое что изъ этого списка находится въ примѣчаніяхъ къ исторіи Карамзина.

Другіе списки изъ извѣстныхъ интереса не представляютъ.

Изъ списковъ южнаго извода важнѣе другихъ Ипатьевскій (или Ипатскій¹⁾), названный по мѣсту нахождения въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Сперва онъ принадлежалъ монастырскому слугѣ этого монастыря Тих. Андр. Мижуеву, потомъ тамъ же старцу Тарасію и, наконецъ, перешелъ въ бібліотеку Академіи Наукъ. Списокъ древній: его относятъ ко времени не позже XV в., а подлинникъ былъ составленъ въ концѣ XIII в., такъ какъ списокъ оканчивается 1296 г. Нѣкоторые изслѣдователи, напр. Янишъ, отдають ему преимущество даже предъ Лаврентьевскимъ спискомъ. Кромѣ Древней лѣтописи онъ заключаетъ въ себѣ лѣтопись Киевскую и Галицко-Волинскую.

Съ этимъ спискомъ сходно еще нѣсколько, напр. Погодинскій, Хлѣбниковскій, Ермолаевскій и другіе (обо всѣхъ ихъ см. предисловіе въ II т. Полн. Собр. Лѣтописей и Предъ къ изданію лѣтописи по Ипатск. списку 1872 г.).

¹⁾ Колосовъ, по филологическимъ соображеніямъ, говоритъ, что его переписали въ послѣдній разъ и, можетъ быть, порѣдѣли въ сѣверной Русѣ.

Списки иныхъ позднѣйшихъ изводовъ менѣе важны. Обыкновенно переписчикъ переписывалъ одинъ изъ списковъ суздальскаго, дополняя его извѣстія изъ списковъ новгородскихъ и иныхъ. Впрочемъ ученые постоянно дѣлаютъ предположенія, что важное извѣстіе могло потеряться при перепискѣ Древней лѣтописи въ болѣе древніе списки и случайно сохраниться въ спискѣ извода поздняго, напр. новгородскаго или воскресенскаго и др.

Небольшое сличеніе важнѣйшихъ списковъ Древней русской лѣтописи есть у Сухомлинова.

Извѣстнѣйшія изданія Древне русской лѣтописи слѣдующія: Въ 1767 г. издана была Академіей Наукъ лѣтопись Нестора по Кенягсбергскому списку (иное названіе: Библіотека историческая, содержащая древнія лѣтописи, ч. I); это и есть такъ называемый Печатный Несторъ. Издавъ онъ подъ редакціей Баркова и очень плохо, предисловіе же написано Шлецеромъ. Шлецеръ позднѣе даетъ объ этомъ изданіи весьма строгій отзывъ; другіе изслѣдователи снисходительнѣе; но во всякомъ случаѣ теперь уже имъ пользоваться нельзя (см. объ этомъ изданіи у Полѣнова).

Въ 1824 г. Лѣтопись Нестора по Лаврентьевскому списку, сличенному съ иными, была издана Тимковскимъ. Это очень хорошее изданіе, но доведено оно лишь до 1019 года (Подробности о немъ тоже у Полѣнова).

Въ 1846 г. была издана Лаврентьевская лѣтопись въ Полн. Собр. Русск. Лѣтописей т. I (подъ редакціей Я. И. Бередникова), причомъ она была сличена съ нѣсколькими списками, какъ своего извода, такъ и южнаго, который, попавъ въ варианты, оказался сильно искалѣченнымъ. Объ этомъ изданіи см. предисловія къ этому изданію и къ изданію 1872 г.

Въ 1872 г. Археографическая Коммиссія напечатала новое (подъ редакціей А. Θ. Вычкова) изданіе лѣтописи по Лаврентьевскому списку, сличенному съ Радзивилловскимъ, Академическимъ и Троицкимъ (сгорѣвшимъ). Списки же южно-русскаго извода (Ипатьевскій, Погодинскій и Хлѣбниковскій) были

отдѣлены и издано особо Археогр. Комиссіей, вмѣстѣ съ своимъ продолженіемъ, въ 1871 г. подъ редакціей С. Н. Палазова, тогда какъ въ прежнемъ II томѣ Полн. Собр. Русск. Лѣтописей эти списки были напечатаны безъ начала, т. е. безъ Древней русской лѣтописи. Разумѣется, эти новыя изданія несравненно лучше прежнихъ.

Древняя лѣтопись по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискамъ кромѣ того издана была фотолитографически подъ названіемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ — по 1-му списку въ 1872, а по 2-му въ 1871 г. Есть еще учебныя изданія, но не важныя.

Есть заграничныя изданія и переводы, тоже мало интересныя въ научномъ отношеніи (См. Вестужевъ-Рюминъ Р. Исторія I Введ. пр. 4). Въ Германіи переводъ Несторовской лѣтописи былъ сдѣланъ (съ Печатнаго Нестора) еще въ 1773 году (Шлецеръ I, рѣз) Еп. Дамаскиномъ.

Сводный временникъ, изданный Шлецеромъ, о которомъ было выше говорено, самъ по себѣ, конечно, цѣны не имѣетъ.

Небезынтересное изданіе Древней лѣтописи было сдѣлано въ 1876 г. Л. Лейбовичемъ. Оно не имѣетъ серьезнаго научнаго значенія, такъ какъ въ немъ умышленно выпущены всѣ извѣстія о Византіи, Болгаріи и т. п., словомъ, все не касающееся Россіи, вовсе не обращено вниманія на филологическую сторону и мн. др.; но для пользованія изданіе Лейбовича очень удобно.

Въ этомъ трудѣ Древняя лѣтопись напечатана сличенною по всѣмъ изданіямъ, въ нее даже внесены извѣстія изъ Татищева (хотя не всѣ и произвольно). Не вошли, случайно лишь, Степенная книга и начало Густинскаго списка, но и то авторъ въ предисловіи сдѣлалъ изъ нихъ выборку важнѣйшихъ извѣстій. За то Лейбовичъ пользовался неизданною до сихъ поръ такъ называемою лѣтописью Авраамъ. Основной текстъ изданъ по Лаврентьевскому, а въ сноскахъ обозначены всѣ варианты и, такъ какъ въ книгѣ приложены обширныя указатели, то отыскивать извѣстія по ней легко.

Въ приложеніяхъ напечатано нѣсколько, иногда тоже сведенныхъ, вставокъ, находящихся въ различныхъ спискахъ. Въ

началѣ изданія есть обстоятельное предисловіе, посвященное главнымъ образомъ вопросу о спискахъ; есть и библиографія.

Проф. Ягичъ въ Archiv für slavische Philologie (Т. II вып. 3) далъ объ изданіи Лейбовича очень строгій, но вполне заслуженный отзывъ. Разумѣется, желательно было бы болѣе серьезное изданіе, но и трудъ Лейбовича немаловаженъ, а при занятіяхъ весьма и удобенъ, напр. для справокъ, потому что легче имѣть подъ руками одну небольшую книгу, чѣмъ всѣ томы Полнаго Собранія и еще нѣсколько изданій¹⁾

Кѣмъ составлена Древняя лѣтопись? Мы видѣли, что долгое время составителемъ, или правильнѣе—лѣтописцемъ ея признавался, согласно съ мнѣніемъ Татищева, Преподобный Несторъ, отчего и лѣтопись названа была его именемъ, причѣмъ Пр. Нестора считали и первымъ лѣтописцемъ въ Россіи.

Мнѣнія о принадлежности лѣтописи Пр. Нестору держатся не только Погодинъ и Бутковъ, но и писатели болѣе новые, уже знакомые съ важнѣйшими сочиненіями о Древней лѣтописи, напр. Разсудовъ, Лашинковъ, Ламбинъ; впрочемъ всѣ они повторяютъ аргументы Погодина, опираясь главнымъ образомъ на то, что въ Хлѣбниковскомъ, одномъ Архивномъ и трехъ, извѣстныхъ Татищеву, ея спискахъ приписано имя Нестора²⁾. Но эти списки всѣ поздніе и извѣстная приписка обозначаетъ лишь существованіе преданія о принадлежности этой лѣтописи Нестору, источникъ котораго мы сейчасъ и укажемъ. Преданіе это перешло въ компиляціи XVII вѣка, напр. къ Сафоновичу, а потомъ и въ историографію XVIII в.; но мы видѣли, что преданіе, занесенное въ лѣтопись, указываетъ и нныя имена (Сильвестра, Георгія).

¹⁾ Повидямому г. Лейбовичъ намѣревался продолжать свой трудъ; книга называется: Сводная лѣтопись вып. 1-ый; въ предисловіи тоже обѣщается продолженіе, но оно не появилось. Между тѣмъ для Киевской лѣтописи и иныхъ такое изданіе было бы еще полезнѣе, чѣмъ для Древней лѣтописи, известной чуть ли не наизусть, и продолженіе работы г. Лейбовича было бы дѣломъ весьма полезнымъ и сравнительно неособенно труднымъ.

²⁾ Кромя Татищева о такой припискѣ свидѣлствуютъ еще Миллеръ, Карамзинъ и Первозииковъ.

Второй аргументъ тотъ, что въ посланіи игумена Печерскаго Поликарпа къ архимандриту Акиндину въ Патерикѣ Печерскомъ (при окончаніи житія Св. Агапита) говорится, что Пр. Несторъ написалъ въ лѣтописцѣ житія Святыхъ Дамьяна, Іереми, Матеѳа и Исакія; житія этихъ Святыхъ есть и въ Древней лѣтописи. Но этотъ аргументъ, собственно говоря, ничего не доказываетъ и можетъ развѣ объяснить, какимъ образомъ, исходя изъ этихъ житій, возникло преданіе о принадлежности всей Древней лѣтописи Преподобному Нестору.

Наконецъ послѣдній аргументъ, что въ Воскресенскомъ спискѣ подъ 1091 г. разскащикъ упоминаетъ о себѣ при открытіи мощей Св. Ѳеодосія такимъ образомъ: азъ же (грѣшный иже и лѣтописаніе се въ то время писахъ) вземъ рогалю, начахъ копати и т. д. Въ Патерикѣ же Печерскомъ этотъ бывшій при открытіи мощей Св. Ѳеодосія монахъ названъ Несторомъ.

Это извѣстіе Воскресенскаго списка нѣсколько еще подкрѣпляется извѣстіемъ очень раннихъ списковъ Древней лѣтописи подъ 1051 г., что въ числѣ лицъ, приходившихъ къ Св. Ѳеодосію постричься въ монахи былъ и разскащикъ: къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ и пріятъ ми, лѣтъ ми сущю 17 отъ рожденія моего¹⁾. Въ Патерикѣ же Печерскомъ все это говорится о Пр. Несторѣ. И вообще Патерикъ (древняго списка) постоянно придаетъ Нестору эпитетъ лѣтописца, см. напр. въ житіи Св. Никиты Затворника.

Здѣсь аргументація сильнѣе другихъ я, хотя Воскресенскій списокъ поздній и конструкція фразы обозначаетъ вставку, но трудно допустить фальсификацію. Предполагать занесеніе преданія о Несторѣ и въ Патерикѣ Печерскій, т. е. цѣлый рядъ вставокъ, безъ всякаго на то основанія, трудно. Казанскій пытался было поколебать авторитетъ Патерика, именно счелъ вставкою извѣстіе въ посланіи Поликарпа къ Акиндину; но мнѣніе его легко было опровергнуто Шевыревымъ (Выше

¹⁾ Въ такъ называемомъ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго тою же рукою (по завѣренію редакторовъ), что и весь списокъ, на полѣ сдѣлана приписка: Несторъ; но это списокъ поздній и видно вліаніе традиціи.

были указаны сочиненія, явившіяся результатомъ статьи Казанскаго о Несторѣ: здѣсь споръ шолъ о мельчайшихъ деталяхъ). Голубинскій принимаетъ, что преданіе о принадлежности лѣтописи Нестору возникло въ самомъ Печерскомъ монастырѣ и въ очень раннее время; но должно же было въ такомъ случаѣ существовать для этого какое либо основаніе. Поликарпъ положительно упоминающій о Несторѣ, какъ о лѣтописцѣ, жилъ не позже 100 лѣтъ послѣ Нестора.

Въ силу этихъ соображеній необходимо допустить, какъ дѣлаетъ напр. Костомаровъ (это мнѣніе впрочемъ нынѣ господствующее), что Пр. Несторъ былъ лѣтописецъ Печерскій и, вмѣстѣ съ жителями святыхъ писалъ и монастырскую лѣтопись, которая вошла въ число источниковъ сохранившейся древней. Но, какъ увидимъ ниже, извѣстія въ лѣтописи, касающіяся Печерскаго монастыря, иногда очень сильно расходятся съ извѣстіями, находящимися въ Патерикѣ Печерскомъ и принадлежащими несомнѣнно Пр. Нестору, и притомъ такъ, что необходимо допустить существованіе по крайней мѣрѣ еще одного лѣтописца въ Печерскомъ монастырѣ раньше Пр. Нестора (а тѣмъ болѣе послѣ него, что впрочемъ стоитъ внѣ сомнѣній), что отнюдь не невѣроятно и на что составители Патерика, внесшіе извѣстія о Пр. Несторѣ, могли не обратить достаточнаго вниманія.

И такъ Пр. Несторъ лѣтописецъ—лицо не вымышленное; жилъ онъ въ Кіево-печерскомъ монастырѣ въ концѣ XI в., но пришелъ туда даже не при Св. Феодосіѣ, а при преемникѣ его Стефанѣ, т. е. вскорѣ послѣ 1074 г.¹⁾, писалъ тамъ житія Святыхъ Бориса и Глѣба, Феодосія и еще нѣкоторыхъ другихъ святыхъ (изъ Патерика извѣстно даже какихъ именно), а также лѣтопись, пользовался общимъ уваженіемъ и извѣстною популярностью. Патерикъ говоритъ о Несторѣ: «поживе же лѣта довольна, труждаяся въ дѣлахъ лѣтописанія и лѣта вѣчная поминая, и такъ добрѣ угоди творцу лѣтъ; къ нему же по лѣ-

¹⁾ Объ этомъ онъ самъ сообщаетъ въ житіи Св. Феодосія.

тѣхъ временныхъ довольныхъ преставися на вѣчность». Мощи его почиваютъ въ пещерахъ и до настоящаго времени. Вотъ едва ли не все, что мы о немъ и знаемъ.

Въ прежнее время относили къ Пр. Нестору всѣ тѣ мѣста Древней лѣтописи, въ которыхъ идетъ рѣчь въ первомъ лицѣ, т. е. и то, что онъ 17 лѣтъ пришолъ къ Св. Θεодосію, и то, что онъ во время обрѣтенія мощей Св. Θεодосія писалъ лѣтопись и т. д. Такимъ образомъ получалась довольно обстоятельная біографія Нестора (напр. въ сочин. Погодина, Кубарева); Шлецеръ точно опредѣлилъ и годы жизни Нестора съ 1056—1116 г., и пришествіе въ Печерскій монастырь въ 1673 г., Татищевъ даже указалъ родину Нестора — около Бѣлаго озера; но теперь создавать такимъ образомъ біографію Нестора уже невозможно.

Давно было замѣчено, что въ одномъ мѣстѣ лѣтописи рассказчикъ называетъ себя Василиемъ (когда Несторъ давно уже былъ въ монастырѣ). Объяснить это было, положимъ, не трудно. Такъ Бутковъ объясняетъ, что Пр. Несторъ внесъ рассказъ Василя и забылъ прибавить: Се же хочу сказати, яже слышалъ, — какъ поступилъ онъ съ рассказомъ Гюраты Роговича (подъ 1096 г.). Если бы такой приписки не было, то оказался бы новый рассказчикъ въ лѣтописи — Гюрата, такъ какъ рассказъ идетъ отъ его лица. Но и при такомъ объясненіи все же остается сомнѣніе: а другія мѣста, гдѣ рѣчь идетъ въ первомъ лицѣ, не зашли ли въ лѣтопись въ качествѣ вноснаго предложенія? Вопросъ разумѣется неразрѣшенный.

Второе, обратившее на себя вниманіе, обстоятельство была извѣстная приписка игумена Сильвестра Видубецкаго, что онъ «написалъ книги сія лѣтописецъ». Но и это не такъ важно, такъ какъ написалъ можетъ, пожалуй, означать и просто переписалъ (мнѣніе Карамзина), т. е. написалъ въ буквальнойнои смыслѣ слова. Лаврентій говоритъ же въ своей извѣстной припискѣ: «началъ есмь писати книги сія, глаголемннй лѣтописецъ», — тогда какъ онъ былъ переписчикъ лѣтописи.

Но затѣмъ были указаны въ самой лѣтописи значитель-

ныя противорѣчія. Особенно они были подчеркнуты Казанскимъ и Костомаровымъ. Такъ напр. лѣтописецъ говоритъ объ основаніи Переяславля послѣ того, какъ онъ объ немъ уже упоминалъ; два раза говоритъ о приходѣ Печенѣговъ *впервые* на русскую землю; говоритъ, что торки погибли совершенно, а они являюся опять чрезъ 21 годъ Положимъ, и эти противорѣчія могутъ быть согласованы. Въ первомъ случаѣ Несторъ внесъ преданіе объ основаніи Переяславля, не позаботясь согласить его съ иными извѣстіями; въ двухъ остальныхъ можно видѣть неточность редакціи; такъ по крайней мѣрѣ объяснялъ это Лашнюковъ; тѣмъ болѣе, что мѣсто о торкахъ допускаетъ и иное толкованіе.

Но есть и новый аргументъ:

Въ лѣтописи есть извѣстія о Св. Борисѣ и Глѣбѣ. Въ то же время сохранилось Чтеніе о житіи и погубленіи блаженную страсотерпицю Бориса и Глѣба (есть списокъ XIV в.¹⁾, но отрывокъ, хранящійся въ Импер. Публичной Библиотекѣ, писанъ еще въ XII в.), написанное Пр. Несторомъ, о чемъ говорится прямо: «Се же азъ Нестеръ грѣшнйй о жити и о погубленіи, и о чудесѣхъ святою и блаженною страсотерпицю сею опаснѣ вѣдущихъ исписавы и другая свѣды отъ многихъ мало вписахъ». Это житіе представляетъ очень трудно согласимыя противорѣчія съ лѣтописью, ихъ можно видѣть напр. у Костомарова, или въ соч. Владимірскаго (Учон. Зап. Казанскаго Ун. 1875 г. № 5. О прологѣ) Митрополитъ Макарій объясняетъ эти противорѣчія тѣмъ, что житіе написано Пр. Несторомъ въ молодости, а лѣтописныя извѣстія позднѣе, когда онъ могъ знать подробности лучше; но это предположеніе довольно произвольное: въ житіи видна обширная начитанность автора.

Вопросъ былъ рѣшенъ сочиненіемъ Вилярскаго, указавшаго на несогласимую разницу въ языкѣ обоихъ памятниковъ, доказывающую непринадлежность ихъ одному и тому лицу,

¹⁾ Изданіе Срезневскаго въ 1860 г. Обзорніе его есть у Хрущева,

Лашнюковъ былъ склоненъ отрицать даже принадлежность житія Св. Бориса и Глѣба Пр. Нестору, чтобы защитить принадлежность ему лѣтописа, но безъ всякихъ доказательствъ. Такое же мнѣніе недавно высказалъ и Н. Владимірскій, разобравъ всѣ предыдущія мнѣнія; но для него является, повидямому, несомнѣннымъ фактъ, что лѣтопись писана Пр. Несторомъ: онъ даже объ этомъ и вопроса не поднимаетъ. За принадлежность же Пр. Нестору житія стоятъ такіе крупныя авторитеты, какъ митр. Макарій и Срезневскій. Лѣтописное житіе Св. Бориса и Глѣба, кажется, сокращено изъ сказанія страстей и похвалы объ убіеніи святую мученику Бориса и Глѣба Іакова Мниха; такъ полагають Сухомлиновъ, Срезневскій и мн. др.; но и это оспаривають. Иные писатели (напр. Бутковъ) считали лѣтописный разсказъ о Борисѣ и Глѣбѣ позднѣйшею вставкою въ Древнюю лѣтопись.

Казанскій указываетъ еще на нѣкоторыя противорѣчія лѣтописи съ Патерикомъ, особенно съ житіемъ Св. Θεодосія, тоже написаннымъ Пр. Несторомъ¹⁾. Эти противорѣчія такъ велики, что недавно Проф. Голубяскій (Ист. Русск церкви I, 2-ая половина, а также въ 1-ой половинѣ стр. 645), сопоставляя извѣстія изъ этихъ источниковъ, касающіяся Печерскаго монастыря, не только отдаетъ преимущество лѣтописи, но и обвиняетъ Нестора въ напѣренномъ извращеніи истины.

Н. Владимірскій (l. c.) думаетъ, что и это житіе написано не Пр. Несторомъ, но впрочемъ допускаетъ, что противорѣчія могли явиться въ силу разновременности сочиненія.

Чтобы сохранить за Пр. Несторомъ авторство лѣтописи, Лашнюковъ силится подорвать довѣріе къ Патерику, какъ источнику, еще строго критически не изученному, но онъ забываетъ, что авторство Пр. Нестора несравненно въ большей мѣрѣ опирается на Патерикъ, чѣмъ на самую лѣтопись.

Наконецъ Забѣлинъ, не считая сохранившейся Древнерусской лѣтописи чистымъ сочиненіемъ Нестора (см. ниже) и

¹⁾ Напечатано по списку XII в. въ Чтен. Моск. Общества Исторіи и Древностей 1858 г. кн. 3.

допуская вставки, которыя могли дѣлаться уже самимъ Пр. Несторомъ, и за нимъ и другими лѣтописцами, почему онѣ теперь для насъ неопредѣлимы (но чѣмъ, конечно, могутъ быть объяснены всякія противорѣчія), все же авторомъ Древней лѣтописи считаетъ Пр. Нестора. Поставленный такимъ образомъ вопросъ, разумѣется, выводитъ предметъ изъ области спора; но такимъ предположеніемъ труднѣе всего доказать именно принадлежность лѣтописи Пр. Нестору.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній надо признать, что сохранившаяся Древняя лѣтопись написана не Пр. Несторомъ, а самая лѣтопись Нестора могла войти въ нее лишь въ качествѣ одного изъ источниковъ.

Гораздо болѣе вѣроятія имѣетъ мнѣніе, что Древняя лѣтопись есть сводъ, что этотъ сводъ составленъ въ XII в. и авторомъ его былъ Сильвестръ игуменъ Выдубецкаго монастыря, о припискѣ котораго подъ 1116 г. въ Лаврентьевскомъ епискѣ уже была рѣчь.

Въ пользу того, что Древняя лѣтопись есть сводъ, говорить во первыхъ сравнительное разнообразіе ея источниковъ, которые вовсе не переработаны въ одно сочиненіе, а оставлены большею частью въ сыромъ видѣ. Многіе изъ нихъ сохранились и отдѣльно, независимо отъ лѣтописи. Этотъ вопросъ превосходно разработанъ Бестужевымъ-Рюминнымъ въ 1-ой главѣ его труда. Во вторыхъ трудно допустить въ XI или XII вѣкѣ возможность для одного человѣка сочинить подобный капитальный историческій трудъ. Признаюсь, что трудно привыкнуть даже къ мысли, что сохранившаяся Древняя лѣтопись есть сводъ начала XII вѣка, т. е. что въ началѣ XII в. возможны были такіе капитальные труды. Вѣдь составитель лѣтописнаго свода внесъ въ него массу матерьяловъ, которые могли достаться ему лишь съ величайшимъ трудомъ, послѣ многихъ хлопотъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ были въ Новгородѣ, иные въ Ростовѣ и т. д. Однако Бестужевъ-Рюминъ во II-ой главѣ доказываетъ принадлежность свода XII вѣку весьма убѣдительно. Напр. при извѣстіи, что Давидъ Игоревичъ получилъ До-

рогобужъ, замѣчено: и въ немъ же умре (онъ умеръ въ 6621 г.); а о Василькѣ, умершемъ въ 6632 г., говорится: есть рана та на Василькѣ и нынѣ. О церкви Бориса и Глѣба, построенной въ 6580 г., сказано: яже стоитъ и нынѣ, а новая церковь освящена въ 6623 г. Эти довольно вѣскія свидѣтельства подтверждаются еще и тѣмъ, что приблизительно съ начала XII вѣка начинается большее разногласіе въ спискахъ: они явно распадаются на различные изводы ¹⁾).

Замѣтимъ, что и считавшіе Нестора авторомъ древнѣйшей лѣтописи, тоже относили сочиненіе ея къ началу XII в.

Годъ, гдѣ оканчивается древній сводъ, можно опредѣлить и точнѣе. Большинство изслѣдователей: Карамзинъ, Березниковъ, особенно Вѣляевъ и потомъ многіе другіе считаютъ послѣднимъ годомъ свода (или лѣтописи) 6618 (1110) годъ, за которымъ слѣдуетъ приписка Сильвестра. Съ этого года, говоритъ Вѣляевъ, въ извѣстіяхъ нѣсколькихъ, наиболѣе схожихъ списковъ есть значительная разница, есть разница и въ манерѣ изложенія и въ слогѣ лѣтописи до и послѣ 6618 г. и, наконецъ, послѣ этого года нѣкоторые событія повторены. Названные выше историки думаютъ, что лѣтопись въ 6618 г. окончилъ Несторъ, но въ данномъ случаѣ это все равно.

Вестужевъ-Рюминъ считаетъ вѣроятнымъ, что сводъ оканчивается нѣсколько позднѣе, такъ какъ находитъ соотвѣтствіе между однимъ мѣстомъ лѣтописи до приписки и однимъ мѣстомъ послѣ приписки. Оба эти мѣста могли составлять особое сказаніе. Но онъ не настаиваетъ на своемъ мнѣніи, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ можно предполагать путаницу, происшедшую по винѣ переписчика.

Бутковъ считаетъ годомъ окончанія лѣтописи годъ смерти Святополка Михаила, имя котораго помѣщено послѣднимъ въ хронологической росписи, т. е. 1113 годъ. По его мнѣнію важныя разнорѣчія въ спискахъ начинаются именно отсюда. Мнѣніе это принято и Вѣлевскимъ (въ предисловіи къ Мону-

¹⁾ Редакціи—у Вестужева-Рюмина.

menta Histor. Poloniae т. I). Но на это возражаютъ, что составитель могъ желать довести лѣтопись до смерти Святополка, но вѣтъ основанія думать, что онъ довелъ ее именно до этого времени.

Миллеръ относитъ окончаніе лѣтописи къ 1115 г. на томъ основаніи, что приписка Сильвестра была сдѣлана въ 1116 году; Шлецеръ же совершенно послѣдовательно, даже къ 1116 году. Но лѣтопись могла быть составлена въ одномъ году, а оканчиваться могла совершенно другимъ. Вѣроятно она и была составлена между 1113 — 1116 годами, въ княженіе Владиміра Мономаха, такъ какъ въ 1113 году умеръ Святополкъ, смерть котораго внесена въ хронологическую роспись.

Иловайскій тоже принимаетъ 1116 годъ за годъ окончанія Древней лѣтописи, считая появленіе приписки Сильвестра подъ 1110 г. ошибкою¹⁾. Въ Никоновской лѣтописи эта приписка стоитъ именно подъ 1116 годомъ.

Нѣкоторые изслѣдователи считали окончаніе Древней лѣтописи и раньше, напр. Татищевъ относилъ составленіе ея къ 1093 г., такъ какъ за этимъ годомъ стоитъ въ иныхъ спискахъ: аминь. Но Погодинъ подобралъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ въ пользу того, что аминь могъ быть поставленъ среди текста. Перевощиковъ нашелъ подобный аминь въ нѣкоторыхъ спискахъ подъ 1073 г. и это тѣмъ болѣе интересно, что именно съ этого года чувствуется большая разница, какъ въ извѣстіяхъ, сообщаемыхъ очень многими списками, до этого года сходными, такъ и въ языкѣ ихъ. Въ силу этого Перевощиковъ и считаетъ окончаніемъ лѣтописи именно 1073 годъ.

Погодинъ, не соглашаясь съ Перевощиковымъ о разницѣ въ спискахъ и не дѣлая никакихъ самостоятельныхъ выводовъ, указываетъ однако, что путаница въ концѣ лѣтописи начинается со внесенія въ нее подъ 1097 г. сказанія объ ослѣплениіи Васильяа. Всѣ подобныя указанія, по мнѣнію Бестужева-

---

¹⁾ Онъ считаетъ назначеніе Владиміромъ Мономахомъ Сильвестра епископомъ Переяславскимъ наградою за лѣтописный трудъ.

Рюмина, даютъ возможность предполагать существованіе предшественнаго Древней лѣтописи лѣтописнаго свода. Это очень возможно, и возможно даже предположить, что такой предшущій сводъ былъ не одинъ, причѣмъ каждый изъ этихъ сводовъ былъ поглощенъ послѣдующимъ. Мы видѣли, что Срезневскій (Чтенія) принимаетъ три такихъ концентрическихъ свода, согласно извѣстнымъ хронологическимъ гранямъ.

Иловайскій, не отрицая существованія лѣтописи, предшествующей Повѣсти временныхъ лѣтъ, не признаетъ самостоятельности имѣющагося у насъ свода начала XII, а считаетъ его частью кievскаго лѣтописнаго свода, извѣстія котораго доходятъ до конца XII вѣка; самый же сводъ былъ составленъ можетъ быть даже и въ началѣ XIII в. Въ доказательствахъ своихъ Иловайскій особенно напираетъ на тотъ фактъ, что многія извѣстія такъ называемой Повѣсти временныхъ лѣтъ по всѣмъ признакамъ принадлежатъ къ болѣе позднему времени, причѣмъ въ нихъ даже нѣтъ разницы въ языкѣ. Приводимыя Иловайскимъ примѣры въ статьѣ: «Еще о Норманизмѣ» очень остроумны, но всѣ положенія высказываются имъ безъ какого бы то ни было анализа, въ данномъ случаѣ необходимаго, такъ какъ всѣ примѣры здѣсь общезвѣстны и ихъ можно истолковать, да и толкуются они обыкновенно совсѣмъ иначе.

Наконецъ Забѣлинъ считаетъ вопросъ объ окончаніи Древней русской лѣтописи неразрѣшимымъ по существу, такъ какъ, по его мнѣнію, и позднѣйшія лѣтописи до самаго XVII вѣка ничѣмъ не отличаются отъ Древней: одинъ тонъ, одинъ характеръ повѣствованія, въ которомъ дѣло личнаго авторства совсѣмъ исчезаетъ, все сливается въ непрерывный и цѣльный рассказъ. Конечно, авторомъ слишкомъ раздвинуты рамки, но для вопроса о границѣ между Древнею и Кievскою лѣтописями это замѣчаніе имѣетъ цѣну.

Всѣ принимающіе Древнюю лѣтопись за сводъ XII вѣка совершенно послѣдовательно составителемъ его считаютъ Сильвестра, на основаніи извѣстной приписки. Этого мнѣнія о Сильвестрѣ, какъ о составителѣ свода, держатся: Срезневскій, ха-

рактизируя самое отношеніе Сильвестра къ дѣлу (Чтенія), Костомаровъ и даже Иловайскій¹⁾, считая Сильвестра авторомъ Древней лѣтописи, переработанной въ кievскомъ сводѣ, и относя къ нему нѣкоторыя изъ тѣхъ извѣстій, которыя прежде приурочивались къ Нестору, напр. что онъ пришелъ къ Феодосію 17 лѣтъ и др. Для этого предполагается, что Сильвестръ былъ монахомъ Кіево-Печерскаго монастыря (но не тѣмъ, который похороненъ въ пещерахъ — см. Бутковъ «Оборона», стр. 216). Приписка же его подъ 1116 г. въ лѣтописи уцѣлѣла случайно. Голубинскій считаетъ несомнѣннымъ, что по крайней мѣрѣ отъ 1060 г. до конца, т. е. на пространствѣ 50 лѣтъ лѣтопись написана (а не составлена) однимъ лицомъ — монахомъ Кіево-Печерскаго монастыря и, относя къ нему нѣсколько автобіографическихъ указаній лѣтописи, тоже склоненъ считать этимъ монахомъ Сильвестра, доказывая, что приписка (особенно въ редакціи Никоновской лѣтописи) скорѣе обнаруживаетъ автора лѣтописи, чѣмъ ея переписчика.

Вестужевъ-Рюминъ поддерживаетъ мнѣніе о принадлежности приписки Сильвестру еще и тѣмъ, что указываетъ, какъ нѣкоторыя даты, обличающія въ составителѣ свода лицо XII в., отлично подходятъ къ Сильвестру, напр. говорится о Васильѣ, какъ о лицѣ живомъ — онъ умеръ черезъ годъ послѣ Сильвестра.

Если сводъ составленъ Сильвестромъ, бывшимъ въ то время игуменомъ Выдубецкаго монастыря, то онъ и составленъ въ этомъ монастырѣ, такъ что приписка: «черноризца Печерскаго монастыря» обозначаетъ или позднѣйшее преданіе, что вся лѣтопись составлена въ Печерскомъ монастырѣ, или относится только къ части лѣтописи.

Но въ то же время Вестужевъ-Рюминъ указываетъ, что въ сводѣ незамѣтно особеннаго расположенія къ Владимиру Мономаху. Согласно ли это съ предположеніемъ, что авторъ —

---

¹⁾ Присоединилъ сюда и В. И. Григоровича. Мы сами отъ него это мнѣніе неразъ слышали.

лицо столь близкое къ Мономаху, какъ былъ Сильвестръ, ставшій при немъ даже епископомъ Переяславскимъ? Разумѣется, отвѣчать на это трудно, тѣмъ болѣе, что въ лѣтописи незамѣтно и вражды къ Мономаху; здѣсь нуженъ бы очень тонкій анализъ. Затѣмъ Вестужевъ-Рюминъ приводитъ, по его мнѣнію, вѣское замѣчаніе Вуткова противъ принадлежности лѣтописи Сильвестру (остальныя онъ самъ легко опровергаетъ): почему такъ мало извѣстій въ лѣтописи о Видубецкомъ монастырѣ, архимандритомъ котораго былъ Сильвестръ? Но это аргументъ отрицательный и на него можно отвѣтить просто незнаніемъ нами всѣхъ условій, при которыхъ составлялась лѣтопись¹⁾.

Замѣтимъ еще предположеніе Хрущова, что Сильвестръ былъ изъ Переяслава; но лѣтопись для этого мнѣнія не даетъ достаточно основаній.

Защищающіе принадлежность Древней лѣтописи Пр. Нестору (напр. Лашниковъ) считаютъ Сильвестра лишь ея перепищикомъ, но приписку скорѣе можно толковать въ смыслѣ самостоятельной дѣятельности писавшаго (См. еще соображенія Голубянскаго I, 647).

Попалось намъ еще гдѣ то замѣчаніе, что Сильвестръ продолжалъ лѣтопись собственно послѣ 1116 года, но изъ приписки этого не видно; такія приписки всегда стоятъ въ концѣ; а иныхъ аргументовъ нѣтъ.

Вѣлевскій на основаніи одного мѣста изъ Татищева (Ист. Росс. II, 206 — изъ утраченныхъ списковъ) думаетъ, что Сильвестръ описалъ только чудо, которымъ лѣтопись оканчивается; но опять таки единственный источникъ — приписка — этому явно противорѣчить.

Скептики указывали, что считается лѣтописцемъ одинаково съ Несторомъ и Сильвестромъ, еще имѣетъ право и нѣкто Василій, заявляющій о себѣ подъ 1097 г. Даже Карамзинъ видѣлъ въ немъ пополнителя Несторовской лѣтописи, но здѣсь очевидно, что Василію принадлежитъ только одинъ разсказъ объ ослѣпленіи Васильяка.

¹⁾ Отвѣтъ на этотъ вопросъ Хрущова (стр. 101) несомнѣнъ удаченъ.

Иловайскій составителемъ свода, заключающаго въ себѣ Древнюю и Кіевскую лѣтописи, считаетъ архимандрита Выдубецкаго монастыря Мойсея. О Кіевской лѣтописи мы еще будемъ говорить, мнѣніе же Иловайскаго относительно участія архим. Мойсея въ составленіи Древняго лѣтописнаго свода, мы считаемъ недоказаннымъ.

Бередикивъ думалъ, что нѣкоторыя извѣстія вставлены въ Древній сводъ Лаврентіемъ при выборѣ извѣстій изъ древнѣйшихъ лѣтописей, отчего и возникли повторенія. Но съ Лаврентьевскимъ спискомъ схожъ и Ипатьевскій, который (да и всѣ остальные) вовсе не былъ копіей съ Лаврентьевскаго.

Мнѣніе о поддѣлкѣ Древней лѣтописи мы считаемъ не нуждающимся въ опроверженіи.

Въ какомъ видѣ дошелъ до насъ лѣтописный сводъ XII вѣка? И на этотъ счетъ въ наукѣ существуютъ разнообразныя мнѣнія. Шлецеръ полагалъ, что лѣтопись Нестора досталась намъ весьма испорченною переписчиками. Забѣлинъ говоритъ, что чистаго Нестора никогда и не существовало. Въ первой же копіи съ него уже должны были находиться свои прибавки, объясненія и т. п., такъ какъ и самъ Несторъ, переписывая вновь свою лѣтопись, долженъ былъ вносить въ нее новыя вставки, объясненія и т. п., ибо это не сочиненіе, а сборникъ.

Погодинъ, напротивъ, увѣренъ, что мы имѣемъ лѣтопись Нестора почти въ чистомъ видѣ. Различные изслѣдователи никогда не затруднялись то или другое извѣстіе, согласно съ какою нибудь данною цѣлью, считать вставкою. Бестужевъ-Рюминъ при каждомъ извѣстіи задаетъ вопросъ: а не внесено ли оно въ сводъ позднѣе? И онъ правъ: доказать, что извѣстіе, когда бы оно ни было записано, не занесено въ сводъ позднѣе—абсолютно невозможно. Можетъ быть запись прошла черезъ нѣсколько сводовъ? И этого отрицать нельзя. Можно еще говорить, да и то лишь предположительно, о томъ, когда записано извѣстіе, современна ли эта записка. Но когда извѣстная записка попала въ дошедшій до насъ сводъ—это вопросъ, разумѣется, неразрѣшимый, такъ какъ единственнымъ доказа-

тельствомъ могло бы служить обозначеніе въ самомъ сводѣ времени, когда она была внесена, чего нѣтъ. Даже нахожденіе извѣстія въ разныхъ спискахъ, которые сходны до извѣстнаго періода и расходятся далѣе, ничего не доказываетъ: можетъ быть у составителей или переписчиковъ подъ рукою былъ одинъ и тотъ же источникъ. Словомъ, вопросъ не разрѣшимъ по существу. Даже филологическая критика здѣсь не въ силахъ помочь: она можетъ судить о томъ, когда составлено было извѣстіе, но (по крайней мѣрѣ пока) не можетъ рѣшить, когда оно внесено въ извѣстный списокъ.

Иловайскій, мы видѣли, совсѣмъ отрицаетъ принадлежность дошедшаго до насъ свода XII вѣку.

Мы не говоримъ о томъ, что почти во всѣхъ спискахъ Древней лѣтописи есть ошибки и несправности, подобныя тѣмъ, о которыхъ было сказано на стр. 99-й; онѣ болѣе и менѣе исправлены теперь, благодаря сличенію списковъ между собою.

Раньше, чѣмъ дѣлать анализъ Древней лѣтописи, прослѣдимъ вскользь ея предполагаемое содержаніе по древнѣйшимъ спискамъ.

Начинается она въ Лаврентьевскомъ и иныхъ спискахъ знаменитою заглавною фразію: Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Києвѣ нача первѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть.

По этой фразѣ лѣтопись и была прозвана Повѣстью временныхъ лѣтъ.

Выраженіе «временныхъ лѣтъ» Голубинскій толкуетъ повѣстью лѣтъ, снабженныхъ хронологіей, привода переводъ фразы изъ Амартола βιβλία χρονικά — книги временныя.

Въ иныхъ спискахъ есть приписка: Черноризца Феодосѣева монастыря Печерскаго, а въ иныхъ даже приписано имя Нестора (см. выше).

Послѣ заглавія: Се почнемъ повѣсть сію.

Далѣе слѣдуетъ расселеніе народовъ послѣ потопа, расселеніе славянъ и русскихъ славянъ; описаніе воднаго пути изъ Варягъ въ Греки и путешествія Св. Андрея (съ разска-

зоухъ о баняхъ), рассказъ объ основаніи Кіева и этнографическія свѣдѣнія о народахъ, живущихъ въ Россіи (между прочимъ легенды объ обрахъ).

Собственно лѣтопись начинается такъ: Въ лѣто 6360 индикта 15 день наченшю Михаилу (Императоръ византійскій Михаилъ III) царствовати, начася прозывати Руская земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходина Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи гречестѣмъ. Тѣмъ же отселе почнемъ и числа положимъ.

Къ этому приложена и хронологическая таблица такъ: Отъ Адама до потопа столько то лѣтъ, отъ потопа до Авраама столько то... отъ Константина же до Михаила столько то. А отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олегова русскаго князя лѣтъ 29; далѣе перечисляются годы по подобнымъ же гранямъ до смерти Святополка Изяславича.

Далѣе идетъ уже самая лѣтопись, среди которой сравнительно большими рассказами являются извѣстія о призваніи варяговъ, о дѣяніяхъ Аскольда и Дира, объ Олегѣ и походѣ венгровъ въ Паннонію, причемъ кстати рассказывается о дѣятельности Св. Кирилла и Меодія; походъ Олега на Константинополь и его договоръ съ греками; смерть Олега съ соображеніями о чародѣйствѣ. Затѣмъ порядокъ таковъ: Княженіе Игоря, походъ его на Грековъ, новый походъ и договоръ. Смерть Игоря, мечь Ольги и другія извѣстія объ Ольгѣ, путешествіе ея въ Царьградъ, извѣстія о Святославѣ, войны его въ Волгаріи и договоръ съ Греками. Ссоры между собою сыновей Святослава и торжество Владиміра. Убійство Св. Первомучениковъ варяговъ. Далѣе слѣдуетъ обширная повѣсть о перемѣнѣ вѣры, куда вставлены: рѣчь греческаго философа о вѣрѣ и исповѣданіе вѣры Св. Владиміра. Потомъ въ лѣтописи очень долго идетъ княженіе Св. Владиміра съ извѣстными легендами, которыми особенно обильны поздніе списки; въ нѣкоторыхъ спискахъ вставленъ и уставъ Владиміра о церковныхъ судахъ и десятинахъ. Далѣе идетъ повѣсть о убіеніи Св. Бориса и Глѣба и войны, прекратившіяся княженіемъ. Яро-

слава. Бняженіе Ярослава и послѣдующихъ князей разсказано вполне лѣтописнымъ порядкомъ и обширны только тѣ его мѣста, относительно которыхъ легко замѣтить, что это вставки, какъ напр. разсказы о волхвахъ, о рожденіи уродца (подобные разсказы всегда сопровождаются благочестивыми размышленіями), разсказъ Гюраты Роговича о Югрѣ, судѣ Ярослава, Русская правда, разсказы объ основаніи Печерскаго монастыря, о перенесеніи мощей Св. Бориса и Глѣба, житіе Св. Θεодосія Печерскаго и другихъ подвижниковъ Печерскаго монастыря, Демьяна, Іереміи, Матвѣя, Исакія, нѣсколько поученій, какъ Св. Θεодосія, такъ и иныхъ (напр. въ 2-хъ утраченныхъ спискахъ было поученіе Луки Жидаты), разсказъ объ обрѣтеніи мощей Св. Θεодосія, ослѣпленіе Василька, наконецъ поученіе Владиміра Мономаха (въ одномъ Лаврентьевскомъ спискѣ).

Послѣдніе годы лѣтописи особенно подробно повѣствуютъ о войнахъ съ половцами.

Въ предполагаемомъ концѣ (см. выше) лѣтописи есть какая то путаница, такъ какъ одно и тоже событіе, именно сѣвѣдъ князей въ Долобскѣ, противъ половецѣвъ, находящійся подъ 6611 г., повторенъ (хоть и не буквально) во второй разъ, но послѣ известной приписки Сильвестра, т. е. уже въ Кіевской лѣтописи подъ 6619 годомъ (по спискамъ южнаго извода). Путаница, какъ увидимъ въ свое время, есть и въ поученіи Мономаха. Оканчивается Повѣсть временныхъ лѣтъ описаніемъ знаменія, бывшаго въ Печерскомъ монастырѣ въ 1110 году; послѣ чего въ Лаврентьевскомъ спискѣ слѣдуетъ уже известная приписка Сильвестра; впрочемъ нѣсколько въ иной формѣ она есть и въ иныхъ спискахъ.

Таково приблизительно содержаніе Древняго лѣтописнаго свода. Прибавимъ, что въ немъ есть много вставокъ изъ византійской и болгарской исторіи и, чѣмъ позднѣе списокъ, тѣмъ ихъ больше; но нѣкоторыя, напр. разсказъ о крещеніи болгаръ, есть и въ древнѣйшихъ спискахъ. Разсказы эти въ различныхъ спискахъ часто стоятъ и на различныхъ мѣстахъ.

Конечно, нельзя утверждать, чтобы всѣ мѣста, носящія

характеръ вставочный, вставлены были еще въ Древній лѣтописный сводъ: они могли быть вставлены и позже, при перепискѣ. Мы видѣли, что ученые постоянно и предполагаютъ болѣе или менѣе позднее занесеніе въ списокъ того или другаго разказа. Но во всякомъ случаѣ объ этихъ вставкахъ еще можно спорить. А попадаютъ и такія вставки въ древнѣйшій текстъ, которыя сами выдають свое новое происхожденіе, напр. въ нѣкоторыхъ спискахъ есть роспись новгородскихъ владѣнъ, доходящая до 1673 г. и т. п. Такія вставки собраны Лейбовичемъ въ приложеніи № 2 и 5 и говорить о нихъ при обзорѣ лѣтописи мы не будемъ.

По всей вѣроятности не принадлежитъ къ составу Древней лѣтописи и нѣсколько памятниковъ, впрочемъ очень древнихъ, вставочный характеръ которыхъ ясенъ самъ собою, и находящихся лишь въ немногихъ спискахъ. Это именно: очень интересная вставка о городѣ Кіевѣ, при извѣстіи о Кіѣ, находящаяся въ Воскресенскомъ и еще въ нѣкоторыхъ позднихъ спискахъ и имѣющая характеръ поученія, уставъ Св. Владиміра о церковныхъ судахъ и о десятинахъ, судъ Ярослава Бнзя, сына Володимірова, Русская правда, поученіе Луки Жидяты (въ двухъ сторѣвшихъ спискахъ; митрополиту Макарію оно извѣстно изъ особаго сборника, см. Ист. р. церкви I, стр. 221) и поученіе Владиміра Мономаха, внесенное подъ 6096 г. въ Лаврентьевскій списокъ, гдѣ оно не на мѣстѣ. Погодинъ указываетъ, что притомъ поученіе нѣсколько и спутано. Въ концѣ оно сливается съ посланіемъ Мономаха къ Олегу Святославичу, по поводу смерти сына Мономаха; это посланіе въ концѣ тоже спутано и къ нему приставленъ покаянный канонъ Андрею Критскому. Всѣ эти вставки кромѣ Русской Правды, всѣ списки которой сведены въ изслѣдованіи о ней Калачева, приводятся Лейбовичемъ въ приложеніи къ его изданію сводной лѣтописи. Лейбовичъ присоединяетъ сюда и нѣсколько печерскихъ сказаній; но позднѣйшій вставочный характеръ ихъ далеко не доказанъ.

Разумѣется, нельзя утверждать, чтобы ни одинъ изъ выше

названныхъ памятниковъ уже не былъ въ Древнемъ сводѣ, но это мало вѣроятно; во всякомъ случаѣ всѣ они имѣютъ свое собственное значеніе и о нихъ будетъ гозорено въ иныхъ частяхъ курса.

Перейдемъ къ вопросу о составѣ нашей Древней лѣтописи и ея источникахъ.

Большинство ученыхъ, мы видѣли, признаютъ, что Древняя лѣтопись есть сводъ. Сводъ этотъ, вѣроятно, сдѣланъ былъ такимъ образомъ: взятъ былъ извѣстный остовъ — хронологическая таблица съ записями и на нее навязанъ цѣлый рядъ имѣвшихся подъ руками у составителя свода разновременныхъ матеріаловъ, какъ то: небольшихъ замѣтокъ (погодныхъ), отдѣльныхъ сказаній и повѣстей, актовъ, поученій и т. п., и изъ этого, по возможности, было сдѣлано нѣчто цѣльное. Еще вѣроятнѣе, что хронологическая таблица съ замѣтками была у составителя свода и не одна, такъ что онъ свелъ въ свой сводъ нѣсколько лѣтописей, писанныхъ, конечно, разными лицами, согласивъ ихъ между собою, какъ умѣлъ. Одна изъ такихъ лѣтописей должна была принадлежать Пр. Нестору.

Конечно, составитель свода не воспользовался всѣмъ тѣмъ лѣтописнымъ матеріаломъ, который былъ до него; этотъ матеріалъ, какъ увидимъ ниже, вошелъ въ иные лѣтописные своды.

Какъ относился составитель свода къ своимъ матеріаламъ? Можно бы думать, что готовые памятники вносились болѣе точно, не въ пересказѣ, хотя и сокращались, и дополнялись, а извѣстія изъ устныхъ источниковъ перерабатывались; но проверить такое предположеніе трудно.

Съ какого времени въ сводѣ начинаются таблицы сказать трудно; одно только можно считать почти рѣшоннымъ, что не раньше XI вѣка, такъ что предыдущіе годы вставлены уже позднѣе, когда какойнибудь изъ составителей лѣтописи разбивалъ на годы отдѣльныя сказанія, чтобы и ихъ внести въ лѣтопись.

Трудно рѣшить, относительно какойнибудь записи, принадлежитъ ли она, такъ сказать, къ остову лѣтописи, или

представляет извѣстіе, уже позднѣе вставленное въ лѣтопись? Относительно отдѣльных записей, мелкихъ летучихъ, этого разумѣется опредѣлить почти невозможно; но и относительно сказаній и повѣстей это тоже очень трудно, такъ какъ сказаніе или повѣсть, входя въ лѣтопись, испытываютъ при этомъ измѣненія, напр. подвергаются спайкѣ и т. п., и выдѣленіе ихъ должно быть дѣломъ анализа и именно путемъ, такъ сказать, косвенныхъ уликъ. Объ этомъ постоянно идутъ споры. Бестужевъ-Рюминъ особенно склоненъ чуть ли не всякую запись принимать за вставку. Конечно, для повѣсти или сказанія лучшимъ примѣтомъ можетъ служить существованіе ихъ отдѣльно; но они могли выдѣлиться уже изъ лѣтописи. Последній случай, впрочемъ, считается сравнительно болѣе рѣдкимъ.

Бестужевъ-Рюминъ пытается опредѣлить вставку, записи или сказанія все равно, по инымъ примѣтамъ: иногда замѣтна сшивка, напр. видно противорѣчіе предыдущимъ извѣстіямъ, дурно согласованное, или совсѣмъ не тронутое; иногда извѣстныя выраженія или даже слогъ не соотвѣтствуютъ тому мѣсту, гдѣ стоитъ извѣстіе. Есть и внутренніе признаки (этотъ способъ раньше указанъ Соловьевымъ), напр., по сочувствію лѣтописца къ тому или другому лицу, иногда, будто бы, можно опредѣлить мѣсто, гдѣ сдѣлана запись и т. п.; по все это весьма шатко.

На практикѣ Бестужеву-Рюмину служатъ указаніемъ на сшивку отдѣльныя даты въ концѣ разсказа,—употребленіе глагола въ прошедшемъ времени, когда рѣчь идетъ о человѣкѣ живомъ, выраженія: якоже рекохомъ, а мы на прежнее возвратимся и пр.; но и это совсѣмъ доказательно.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы дѣлаемъ анализъ состава Древней лѣтописи, допуская фикцію, что лѣтопись до 1110 года, сохранившаяся въ древнѣйшихъ спискахъ (кромѣ вставокъ, которыя указаны нами выше на стр. 123), представляетъ одновременный сводъ. Фикцію эту мы допускаемъ потому, что только при этомъ условіи и можетъ идти рѣчь о составѣ Древней лѣтописи или о ея источникахъ. Притомъ учонне во-

все не разрѣшили вопроса, что считать позднѣйшею вставкою въ лѣтопись и что относить къ ея составу? Конечно, мы все же будемъ отмѣчать тѣ мѣста, которыя кѣмъ либо изъ ученыхъ считаются позднѣйшею вставкою.

При такой постановкѣ вопроса о составѣ Древней лѣтописи удобнѣе изучать его вмѣстѣ съ инымъ вопросомъ: объ источникахъ Древней лѣтописи, по тѣсной ихъ связи между собою.

Составитель Древней лѣтописи несомнѣнно пользовался самыми разнообразными источниками, какъ иностранными, такъ и отечественными, которые мы постараемся и указать. Анализъ источниковъ Древней лѣтописи сдѣлать лучше всего въ известномъ сочиненіи Сухомлинова, выводы котораго мы здѣсь и изложимъ, конечно, съ тѣми дополненіями, которыя въ этомъ вопросѣ сдѣланы были иными изслѣдователями позднѣе, особенно для туземныхъ источниковъ Вестужевымъ-Рюминымъ. Заимѣтимъ кстати, что, конечно, и тутъ есть пререканія: нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія иными учеными причисляются къ имѣющимъ иноземное происхожденіе, другіе же ученые считаютъ эти извѣстія національными.

Главнымъ источникомъ для заимствованія, какъ увидимъ ниже, были труды писателей византийскихъ—это понятно само собою; нѣкоторые изъ этихъ трудовъ были извѣстны въ Россіи въ южно-славянскихъ редакціяхъ. Иные иноземные источники попадаются рѣдко.

Внося свѣдѣнія, заимствованные изъ какого либо источника, въ свою лѣтопись, составитель ея, конечно, руководствовался какими либо соображеніями, но они намъ не всегда доступны. Иногда лѣтописецъ изъ того, что ему было пригодно, дѣлалъ только выборку, иногда же вносилъ въ лѣтопись весь актъ, или все сказаніе цѣликомъ.

Вотъ тѣ главнѣйшіе иноземные источники, откуда, по мнѣнію Сухомлинова, составитель лѣтописи заимствовалъ свои свѣдѣнія¹⁾:

¹⁾ Порядокъ источниковъ въ моемъ изложеніи нѣсколько измѣненъ.

Книги священнаго писанія, чтеніе которыхъ было весьма распространено въ древней Руси. Сухомлиновъ указываетъ много мѣстъ, заимствованныхъ лѣтописью изъ Св. Писанія, но они являются лишь въ видѣ цитатъ — сентенцій къ подходящему случаю. Таково было употребленіе текстовъ Св. Писанія во всей средневѣковой литературѣ. Въ лѣтопись зашло еще нѣсколько преданій изъ библіи, напр. о смерти Авеля, о смерти сына Евера, но они проникли собственно чрезъ византійскую редакцію (черезъ Палею — см. ниже). Библейскій мотивъ — исторія Давида и Голиафа, виденъ и въ разсказѣ о Янѣ Усмошвѣцѣ, побѣдившемъ печенѣга.

Наконецъ Шлецеръ и другіе историки находили сходство въ слогѣ Древней лѣтописи настолько съ византійскимъ, сколько съ библейскимъ слогомъ, что, конечно, можно бы приписать влиянію библіи; но объ этомъ скажемъ особо.

Изъ византійскихъ источниковъ лѣтописецъ многое заимствовалъ изъ такъ называемой Палеи. Слово палея греческое: *παλαιά* значитъ ветхая, подразумевается *ἡ παλαιά διαθήκη* Вѣтхій Завѣтъ.

Подъ именемъ Палеи, какъ особеннаго сочиненія, извѣстенъ въ славянскихъ рукописяхъ переводъ съ греческаго языка изложенія ветхозавѣтной исторіи, впрочемъ съ нѣкоторыми апокрифическими добавленіями.

Палея бываетъ историческая, если въ ней соблюденъ порядокъ времени, и толковая, гдѣ изложеніе приспособлено къ колемиѣ противъ іудеевъ и магометанъ, съ цѣлью доказать, при помощи Ветхаго Завѣта, справедливость Новаго. Историческая Палея (Книга бытія небесе и земли) напечатана недавно А. Н. Поповичъ, въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. 1881 г. т. I, по 3 спискамъ, изъ которыхъ самый древній XV в.; но она появилась въ славянской письменности въ болгарскомъ переводѣ не позже XII в. Греческій подлинникъ ея, составленный не ранѣе IX в., до сихъ поръ еще не изданъ.

Что историческая Палея обращалась въ Россіи, видно изъ присоединенной къ изданію Палеи А. Н. Попова сокра-

пленной Палеи русской редакціи по списку XVI в. Толковая Палея еще не издана. Она сохранилась въ болѣе древнихъ спискахъ (XIV в. — Александро-невскій списокъ) и притомъ харатейныхъ. О Палеѣ вообще есть статья Жданова (Кіев. Ун. Изв. 1881 г. № 9 и 10), а о Палеѣ толковой есть изслѣдованіе В. Успенскаго: Толковая Палея (Казань 1876 г.), относящаго составленіе ея тоже ко времени не ранѣе IX вѣка. Впрочемъ о Палеѣ и ея источникахъ мы еще будемъ говорить въ части курса, посвященной памятникамъ словесности.

Въ лѣтописи свѣдѣнія заимствованы изъ толковой Палеи. Сопоставленіе ихъ сдѣлано Сухомяновымъ и Успенскимъ по разнымъ ея спискамъ. Кн. Оболенскій (въ статьѣ о Георгіѣ Амартолѣ въ Чтен. М. Общ. Ист. и Др. 1846 г. № 4) указываетъ, какъ на источникъ Нестора, на Палею Іоанна Дамаскина, но не говоритъ, что именно изъ нея заимствовано; да и принадлежность Палеи Дамаскину нынѣ отвергается. У Сухомянова же и Успенскаго указаны тѣ мѣста, которыя вошли въ лѣтопись изъ Палеи, именно извѣстія о вѣрѣ магометанской у болгаръ, вошедшія въ предложенія вѣрѣ Св. Владиміру. Изъ Палеи же заимствована ветхозавѣтная исторія въ обширной проповѣди греческаго философа миссіонера¹⁾, также начальный разговоръ лѣтописи о столпотвореніи. Что лѣтопись пользовалась именно Палеєю, а не Священнымъ Писаніемъ, видно изъ того, что въ ея извѣстіяхъ есть свѣдѣнія апокрифическія.

Конечно, нѣкоторыя извѣстія могли и изъ Древней лѣтописи проникнуть въ позднюю редакцію Палеи; такъ и случилось съ свѣдѣніями, касающимися русской и сосѣднихъ земель, перешедшими въ космографію Палеи при переводѣ ея на славянскій языкъ (см. сличеніе у Успенскаго); но библейскія извѣстія въ лѣтописи являются лишь эпизодически, тогда какъ въ Палеѣ они составляютъ одно цѣлое.

¹⁾ Одинъ изъ эпизодовъ ея: о паденіи Сатаніила, ивѣщій апокрифическій источникъ, встрѣчается и отдѣльно въ сборникахъ.

Стровиъ (О византійскомъ источникѣ Нестора) полагалъ, что разсказъ философа внесенъ въ лѣтопись изъ сочиненія Амартола (о немъ будемъ говорить сейчасъ же), и дѣйствительно, есть мѣста сходныя; но всѣ эти мѣста заимствованы изъ библіи, а въ лѣтописи есть мѣста, сходныя съ Палеей и не находящіяся у Амартола. Лѣтописецъ пользовался и Амартоломъ, но комбинировалъ его извѣстія съ извѣстіями изъ Палеи. Срезневскій считаетъ слово философа особымъ сочиненіемъ, подлинникъ котораго былъ греческій, и по языку относитъ его къ X вѣку.

Лѣтописное изложеніе ветхозавѣтной исторіи заключается сборникомъ пророчествъ (они перечислены Сухомлиновымъ), заимствованныхъ уже не изъ Палеи, такъ какъ есть нѣкоторая разница, а изъ какого то источника, откуда они перешли въ Палею. Но Сухомлиновъ не соглашается допустить, что они въ Палею перешли изъ лѣтописи. Этотъ сборникъ пророчествъ находится и въ одномъ изъ списковъ слова Иларіона (митрополита Кіевскаго, половины XI в.) о законѣ и благодати¹⁾; но расположеніе ихъ въ словѣ таково, что, по мнѣнію Сухомлинова, скорѣе можно допустить позднѣйшее внесеніе ихъ въ слово изъ лѣтописи, чѣмъ наоборотъ. Ждановъ же полагаетъ, что на составленіе слова о законѣ и благодати повліяла именно Палея.

Нѣкоторыя извѣстія о религіи болгаръ не находятся въ Палеѣ. Они заимствованы (по Сухомлинову) изъ византійскихъ жизнеописаній Магомета, древнѣйшій образецъ которыхъ принадлежитъ Теофану († 817). Біографіи эти извѣстны и въ славянскихъ переводахъ.

Символь вѣры, приводимый въ лѣтописи, какъ преподаанный Св. Владимиру по крещеніи, есть сокращеніе того символа, который гораздо пространнѣе сохранился въ греческихъ

---

¹⁾ Любопытно, что основной списокъ Палеи, напечатанный Ав. Поповымъ, находится въ сборникѣ, гдѣ есть и слово Иларіона.

редакціяхъ, напр въ исповѣданіи вѣры Михаила Синкелла¹⁾. Исповѣданіе это было рано переведено на славянскій языкъ и находится въ Святославопомъ сборникѣ 1073 г.; Оухомлиновъ и приводитъ его параллельно съ лѣтописнымъ извѣстіемъ. Митрополитъ Макарій считалъ помѣщенное въ лѣтописи исповѣданіе вѣры дѣйствительно тѣмъ самымъ символомъ, который исповѣдывалъ Кн. Владиміръ; но это несовсѣмъ правдоподобно (см. А. Павловъ: Критич. опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, стр. 8). Голубинскій указываетъ, что въ Святославопомъ сборникѣ въ исповѣданіи читается «Сынъ единосущнъ Отцю», а въ повѣсти: «Сынъ подобосущенъ Отцю», что, какъ извѣстно, представляеть оттѣнокъ аріанства.

За символомъ въ лѣтописи слѣдуетъ извѣстіе о 7 вселенскихъ соборахъ, заимствованное не изъ Синкелла. И редакція не та, что у Синкелла (у него говорится о соборахъ вкратцѣ), и число соборовъ у него 6. Ближе къ лѣтописи статья о соборахъ въ сборникѣ Святослава, помѣщенная вслѣдъ за исповѣданіемъ же, но и здѣсь есть разница въ лицахъ и тоже 6 соборовъ. Ближе къ лѣтописи извѣстіе о 7 соборахъ въ посланіи патр. Фотія къ болгарскому царю Михаилу, которое могло быть извѣстно и въ Россіи; но оно гораздо подробнѣе, и все же есть разница; такъ что точный подлинникъ этого извѣстія (хотя онъ тоже несомнѣнно былъ византійскій) пока еще не опредѣленъ.

Вѣроятноже всего мнѣніе А. Павлова (op. cit. стр. 9 — 14), что извѣстіе о 7 вселенскихъ соборовъ тоже заимствовано изъ Палея. Павловъ приводитъ для сличенія и выдержки изъ лѣтописи и Палея; но все же, при сходствѣ въ именахъ, есть значительная разница въ изложеніи, которую Павловъ объясняетъ тѣмъ, что лѣтописецъ пользовался Палеюю, какъ и другими источниками, довольно свободно.

¹⁾ Онъ былъ Синкеллъ—*cancellaneus, domesticus* (*dignitas ecclesiastica*) іерусалимск. патр. Фомы и жилъ въ VIII—IX в.

Въ разсказѣ о вселенскихъ соборахъ находится обличительная статья противъ латинянъ. Вѣляевъ (о Несторовской лѣтописи) приписывалъ ей оригинальное происхожденіе; и точно: двѣ фразы заимствованы изъ слова Пр. Θεοδοσία Печерскаго о вѣрѣ варяжской (Поповъ: Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ; также Павловъ). Но источникъ разсказа о Петрѣ Гугнивомъ Павловъ тоже ищетъ въ Палеѣ¹⁾, считая впрочемъ византійскій источникъ, откуда онъ перешелъ въ Палею, неизвѣстнымъ.

Лѣтописное обвиненіе латинянъ составлено не позже 1074 года, т. е. до церковныхъ преобразованій папы Григорія VII, такъ какъ въ немъ упоминается о бракахъ католическаго духовенства.

Поповъ говоритъ, что вставка о латинянахъ сложилась позднѣе, чѣмъ символъ вѣры Михаила Сикелла и сказаніе о 7 вселенскихъ соборахъ. Соглашаясь съ этимъ, Павловъ все же считаетъ всѣ три извѣстія одною лѣтописною повѣстью, составленною очень искусно уже въ Россіи.

Разсказывая подъ 1096 г. о нашествіи половцевъ, лѣтописецъ упоминаетъ о племени, которое заключено Александромъ Македонскимъ за горами и выйдетъ къ кончинѣ вѣка; при этомъ онъ ссылается на Мееодія и даже приводитъ изъ него свидѣтельство. Этотъ Мееодій, по мнѣнію древняго лѣтописца и послѣдующихъ писателей, какъ русскихъ, называющихъ его Патарскимъ, Патарійскимъ или Патаромъскимъ, такъ и западныхъ, былъ епископъ Патарійскій (въ Ликіи), который жилъ въ III — IV вѣкѣ и пострадалъ во время гоненія Діоклеціана. Его сочиненія весьма цѣнились послѣдующими писателями (см. о немъ у Сухомлинова); нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны и въ славянскомъ переводѣ. Между прочимъ ему приписывался сборникъ различныхъ предсказаній, озаглавлен-

¹⁾ О Петрѣ Гугнивомъ см. Лилова: О такъ называемой Кирилловой книгѣ—Казань 1858 г., также Поповъ и Павловъ, *op. cit.* стр. 17 — 26, гдѣ авторъ пытается объяснить все это мѣсто лѣтописи,

ный въ славянскомъ переводѣ: Слово о царствіи азыкъ послѣднихъ временъ. Онъ изданъ въ греческомъ текстѣ и въ латинскомъ переводѣ, но не съ имѣющагося греческаго подлинника, а съ какою-то иною. Переводъ его изданъ Тихонравовымъ въ Памятникахъ отреченной русской литературы т. II (см. о словѣ еще Новоструева: Слово Св. Ипполита объ антихристѣ). Славянской переводъ слова сохранился въ нѣсколькихъ спискахъ двухъ разрядовъ — одни болѣе близкіе къ подлиннику, другіе значительно уклоняющіеся отъ него. Одинъ изъ списковъ находится въ томъ сборникѣ, гдѣ есть и изданная Ан. Поповымъ Палей, куда и вошло изъ слова нѣсколько свѣдѣній. Сухомлиновъ приводитъ лѣтописныя извѣстія, заимствованныя изъ этого слова. Въ другомъ сочиненіи (о преданіяхъ древней русской лѣтописи) онъ приводитъ обстоятельныя выдержки изъ слова и говоритъ о его дальнѣйшей литературной исторіи. Есиповъ (Люди стараго времени, въ статьѣ о самозванцахъ царевичахъ) приводитъ любопытный рассказъ, какъ проникшія въ народъ изъ слова легенды объ Александрѣ, смѣшавшіяся съ сходными легендами, рассказываемыми о Фридрихѣ Барбароссѣ и другихъ лицахъ, приурочены были къ Петру Великому.

Въ настоящее время ученые вполне отрицаютъ принадлежность слова Еп. Мееодію Патарскому; иные указываютъ на Мееодія исповѣдника, другіе на патріарха константинопольскаго Мееодія, даже на Мееодія младшаго (тоже патріарха константинопольскаго); но этотъ жилъ въ 1204 г., тогда какъ слово было извѣстно въ Россіи въ XI—XII в. Переводчикомъ сочиненій Мееодія Патарскаго на славянской языкъ считаютъ русскаго митр. Никифора († 1121 г.).

Извѣстія объ Александрѣ Македонскомъ находятся еще въ такъ называемой Александріи — повѣсти очень распространенной въ средніе вѣка во всей Европѣ. У насъ она рано появилась въ болгарской редакціи, такъ какъ находится въ переводѣ хроники Малалы пресвитера Григорія (см. ниже); если только это не позднѣйшая вставка, какъ думаетъ напр. Пыпинъ (Ист. Сл. Л. I, 57). Съ Александрією были знакомы составители

многихъ лѣтописей, но не Древней (См. объ этомъ статью въ Ж. М. Н. Пр., 1880 г., № 8, стр. 432).

Составитель лѣтописи пользовался и сочиненіями нѣкоторыхъ византійскихъ историковъ. Вопросъ, какіе именно историки были извѣстны составителю нашей Древней лѣтописи и, можетъ быть, послужили ему образцомъ, давно занималъ нашихъ ученыхъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы сказали выше, зависимость русской лѣтописи отъ византійской хронографіи не можетъ быть оспариваема. Нашъ лѣтописецъ постоянно ссылается на лѣтописаніе греческое, или вообще на грековъ. Особенно много труда на опредѣленіе византійскихъ источниковъ Нестора потратилъ Шлецеръ, хотя и безъ особенныхъ результатовъ

Шлецеръ полагалъ, что Несторъ могъ знать слѣдующихъ четырехъ историковъ, жившихъ приблизительно въ его время—Кедрина, Іоанна Скилиція, Іоанна Ксифилина и Зонару; но онъ не указываетъ, что именно взялъ у этихъ историковъ Несторъ, а говоритъ лишь объ общемъ сходствѣ. Пытался Шлецеръ опредѣлять и источники отдѣльных мѣстъ, но тоже неудачно; такъ, указывая нѣсколько источниковъ (уже иныхъ—см. I, 141) для космографіи, которою начинается временникъ Нестора, онъ замѣчаетъ при этомъ, что особеннаго сходства нѣтъ, а у Нестора вѣрно былъ еще иной источникъ.

Извѣстію о разселеніи народовъ послѣ вавилонскаго столпотворенія, хоть и несомнѣнно византійскому, Шлецеръ не хочетъ и искать источника. Источникомъ тѣхъ извѣстій лѣтописи, гдѣ авторъ ссылается на Георгія (Амартола), Шлецеръ считаетъ Георгія Кедрина; но опять замѣчаетъ его неполноту въ данныхъ случаяхъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Шлецеръ прямо отказывается опредѣлять византійскій источникъ.

За Шлецеромъ и Погодинъ говоритъ о византійскихъ лѣтописяхъ, какъ источникахъ для Нестора. Виѣсть съ барономъ Розенкампомъ онъ принимаетъ, что эти лѣтописи извѣстны были болѣе въ болгарскихъ редакціяхъ. Положеніе со-

вершено правильное¹⁾, но Погодинъ разсуждаетъ объ этомъ вообще почти безъ доказательствъ и примѣровъ.

Потомъ вопросъ о византійскихъ источникахъ Древней лѣтописи неразъ былъ подымаемъ въ учонныхъ трудахъ; особенно много для рѣшенія его сдѣлалъ Сухомлиновъ; теперь эти византійскіе источники и ихъ славянскія редакціи уже достаточно опредѣлены.

Въ сожалѣнію, изслѣдованіе В. М. Ундольскаго: О церковно-славянскихъ хронографахъ, гдѣ, конечно, есть систематическое изложеніе вопроса о вліяніи византійскихъ хронографовъ на русскую лѣтопись, до сихъ поръ еще не издано, хотя было отпечатано; имъ пользовался Ан. Поповъ по экземпляру Московскаго музея (Обзоръ хронографовъ II, 7²⁾).

Чѣмъ же именно составитель Древней лѣтописи пользовался?

Трудно сказать, зналъ ли составитель нашей лѣтописи лѣтопись Іоанна Малалы? Но одно извѣстіе, вошедшее изъ нея въ Древнюю лѣтопись, Г. Терновскимъ указано.

Іоаннъ Малала (т. е. риторъ) былъ антиохіецъ, время жизни котораго до сихъ поръ точно не опредѣлено (см. Поповъ: Обзоръ хронографовъ I, 5); Терновскій же относитъ его въ VI в.—ко времени Имп. Юстиніана, царствованіемъ котораго оканчивается его лѣтопись (563 г.). Характеристика Малалы, какъ писателя, тоже есть у Терновскаго. Особенность его исторической манеры та, что онъ любитъ рисовать портреты историческихъ дѣятелей, указывая физическія и нравственныя черты, которыми отличалась извѣстная личность. Сочиненіе Малалы издано въ Оксфордѣ въ 1691 г.

Переводъ Малалы явился въ Болгаріи при Ц. Симеонѣ т. е. въ началѣ X в., подъ названіемъ: Изложеніе о лѣтахъ

¹⁾ Въ хронографахъ упоминаются лѣтописи не только болгарскія, но и сербскія.

²⁾ Можетъ быть это то самое сочиненіе, о которомъ сообщаетъ свѣдѣнія Викторовъ въ описаніи рукописей Ундольскаго, стр. 55 и которое въ свое время было удостоено Демидовской преміи? Оно трактуетъ собственно о Георгіѣ Амартолѣ.

миру. Предполагаютъ, что онъ сдѣлалъ пресвитеромъ Григоріемъ, но это не доказано (см. Пыпинъ Ист. Сл. Л. 1, 57). Часть перевода по списку XV в. сохранилась въ сборникѣ Архива М. Ин. Дѣлъ. Въ переводѣ есть дополненія изъ Палеи (отъ Адама и до Руен).

Извѣстіе, о которомъ я упомянулъ, есть рассказъ о единоробствѣ гота съ персомъ при Имп. Θεодосіѣ Младшемъ. Этотъ рассказъ очень напоминаетъ лѣтописную сказку о Янѣ Усмошвицѣ, а одна фраза въ немъ — еще рассказъ о борьбѣ Мстислава Тмутараканскаго съ Редедю, Княземъ Косоожскимъ. Но янѣ кажется, что въ первомъ случаѣ и у Малалы и въ русской лѣтописи источникомъ были преданія, основанныя на библейскомъ сказаніи о Давидѣ и Голиафѣ, а во второмъ случаѣ видѣнъ обычный сказочный мотивъ. Сравнительно болѣе извѣстѣй заимствовано было у Малалы нѣсколько болѣе поздними лѣтописями и хронографами.

Но самый важный греческій историкъ, который воспользовалась наша Древняя лѣтопись,—это Георгій Амартолъ. Хроникѣ его составитель лѣтописи звалъ вполне, на нее ссылается онъ въ очень многихъ мѣстахъ; наконецъ она повліяла и на его художественную манеру. У Амартола заимствованы лѣтописцемъ цѣлыя картины, сравненія, отдѣльныя фразы и т. п.; Иловайскій прямо считаетъ Амартола образцомъ для труда Сильвестра; Геденовъ говоритъ даже, что въ немъ для Нестора сосредоточилась вся классическая литература!

Какъ извѣстно, лѣтописецъ постоянно ссылается на какого то Георгія, не называя его по фамиліи или прозвищу¹⁾. Шлецеръ, мы видѣли, принималъ этого Георгія за Кедрина. Дѣйствительно, кое что изъ того, что приводится съ именемъ Георгія въ лѣтописи, есть у Кедрина, но не очень схоже; въ дополненіе Шлецеръ приводилъ извѣстія изъ Евсевія и Кеса-

¹⁾ Интересно, что такъ ссылаются на Амартола и греческіе лѣтописцы, напр. Михаилъ Глима. Писатель начала XVIII в. Фабрицій склоненъ былъ видѣть въ немъ Георгія Синкелла, но не удачно.

рія, брата Григорія Богослова, думая, що ссылку надо читати такъ: глаголетъ Кесарій, братъ Григорія. Но Георгій и Григорій не все равно; впрочемъ Шлецеръ неособенно настаивавъ на своей догадкѣ.

Позднѣе Кругъ, Ермолаевъ и другіе ученые¹⁾ высказали мнѣніе, что Георгій—это Амартолъ. Это мнѣніе внесъ Еп. Инокентій Пензенскій въ свое Начертаніе церковной исторіи, и наконецъ П. Строевъ (въ статьѣ о византійскомъ источникѣ) указавъ славянскій переводъ Амартола и выписками доказавъ, что въ Древнюю лѣтопись внесено изъ Амартола много мѣстъ, и въ томъ числѣ всѣ тѣ, гдѣ есть ссылка на Георгія. Этимъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно. Если же въ извѣстіяхъ, взятыхъ лѣтописью у Амартола, есть сходство съ извѣстіями Кедрина, Теофила, Глика и другихъ византійскихъ историковъ, то это легко объясняется тѣмъ, что эти историки заимствовали свои извѣстія тоже изъ Амартола. Вся исторія открытія Амартола и подходящая библіографія указаны Сухомлиновымъ.

Георгій, по эпитету, принятому изъ инокескаго смиренія (ἀμαρτολός μοναχός), Амартолъ, т. е. грѣшникъ, былъ монахъ, можетъ быть, архимандритъ, жилъ въ первой половинѣ IX в. и, вѣроятно, нѣкоторую часть жизни провелъ въ Египтѣ, если не родился въ Александріи. Вотъ немногія данныя о его жизни. Подробная характеристика его личности и его сочиненія сдѣлана Терновскимъ. Содержаніе хроники изложено имъ же и Сухомлиновымъ. Кромѣ того Георгію Амартолу посвящено еще нѣсколько сочиненій, напр. Снегирева: замѣчанія о Георгіѣ Амартолѣ въ Трудахъ Общ. Ист. и Др. Росс., т. V (Здѣсь и обзоръ одного изъ списковъ), Иванова въ Учен. Записк. Каз. Универс. за 1843 г.; Муральта, въ предисловіи къ изданію Амартола (1861 г.), и другихъ. О языкѣ перевода Амартола писалъ Срезневскій (Свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ памятникахъ).

¹⁾ Раньше всѣхъ, кажется, Альтеръ въ 1799 г., см. Пыпинъ : Очеркъ литер. повѣстей, стр. 23.

Хронику свою Амартолъ начинаетъ съ древнѣйшихъ временъ и доводитъ до 842 года. У Сухомлинова показанъ 867 годъ; но мы отдаемъ предпочтеніе мнѣнію Муральта, какъ лица наиболѣе компетентнаго въ этомъ вопросѣ. Греческій текстъ Амартола напечатанъ въ 1861 г. Муральтомъ въ Учон. Зап. II Отд. Ак. Наукъ, т. VI. Раньше готовился издавать его Водяскій со всѣми его изображеніями, но не издалъ. Онъ много работалъ надъ Амартоломъ (см. Барсуковъ: Русск. Палеологи).

Хроника Амартола очень рано переведена была на славянскіе языки¹⁾, въ Сербіи подъ названіемъ Лѣтоvníкъ вкратцѣ и пр. и въ Болгаріи подъ названіемъ Временникъ вкратцѣ отъ различныхъ хронографовъ и сказатель. Отношеніе сербской и болгарской редакціи между собою таково, что Ундольскій предполагалъ два различные греческіе оригинала и отличалъ Георгія Грѣшника болгарской редакціи отъ Григорія Инока сербской. И оба они описывали одно и то же время. Основанія для такого мнѣнія Ундольскаго неизвѣстны, такъ какъ сочиненіе его не напечатано, но мнѣнія Ундольскаго держатся и Поповъ (Обз. Хр. II, 15). По мнѣнію Кн. Оболенскаго болгарскимъ переводчикомъ былъ извѣстный пресвитеръ Григорій, жившій при Ц. Симеонѣ. Съ этимъ связываетъ Оболенскій и начало лѣтописанія, но это далеко имъ не доказано. Переводъ Амартола сохранился въ очень многихъ спискахъ Сахаровъ уже въ 1847 году зналъ ихъ 12, теперь извѣстно больше; очевидно хроника пользовалась большою популярностію. Терновскій указываетъ, что изъ Амартола обильно черпались свѣдѣнія всею древнею русскою литературою, хотя намъ кажется, что Терновскій приписываетъ ему уже слишкомъ много значенія.

Одинъ списокъ Амартола недавно найденъ на Афонѣ въ Свято-Павловскомъ монастырѣ. Другой харатейный съ портретами, и въ томъ числѣ самого Георгія, хранится въ Троицко-

¹⁾ См. объ этомъ Кн. Оболенскій: О греческ. кодексахъ Георг. Амартола въ Чтен. Моск. Общ. 1846 г. № 4.

Сергіевскої лаврѣ. Славянскій переводъ болгарской редакціи дошолъ въ спискахъ XIII—XIV в., сербской XIV в. Половина перевода хронографа Амартола сербской редакціи отъ начала до Константина Великаго издава по Синодальной рукописи, писанной на Аеоли въ 1386 г., фотолиитографически Обществомъ люб. др. письм. 1878—1880 г. Для насъ важнѣе списки болгарской редакціи; однимъ изъ нихъ пользовался лѣтописецъ. Впрочемъ, есть и нѣвніе (Срезневскаго: Свѣдѣн. о малозвѣстныхъ памяти. I, 20), что переводъ сдѣланъ въ Россіи. Во всякомъ случаѣ лѣтописецъ пользовался переводомъ, а не подлинникомъ. Анализъ вліянія Амартола на нашу лѣтопись сдѣланъ Терновскимъ очень обстоятельно. Необходимы же для сличенія съ текстомъ лѣтописные отрывки напечатаны въ прил. къ I т. Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, иные приведены и сличены частью Строевымъ, частью Сухомлиновымъ, причомъ послѣдній разъясняетъ термины, неясныя у лѣтописца. По указанію Ки. Оболенскаго составитель Древней лѣтописи взялъ свѣдѣнія главнымъ образомъ изъ 4-й книги Амартола. Изъ перевода Амартола внесены въ нашу лѣтопись слѣдующія мѣста: описаніе быта сирійцевъ, вавилонянъ, амазонокъ и другихъ вѣстивыхъ народовъ; потомъ свѣдѣнія о раздѣленіи земли между потомками Ноя, съ перечисленіемъ странъ трехъ частей свѣта, о захватѣ потомками Хама чужаго удѣла и объ изгнаніи ихъ оттуда; можетъ быть, рассказъ о нечестивыхъ обычаяхъ эллиновъ; рассказъ о знаменіяхъ въ Іерусалимѣ при царѣ Антиохѣ; о волхвѣ Аполоніѣ Тіанскомъ и о волшебныхъ дѣлахъ вообще, сравненіе жреца изъ Конопа съ чудскимъ кудесникомъ, рассказы о звѣздѣ въ видѣ копья при Неронѣ, о чудныхъ явленіяхъ при Константинѣ Копронимѣ, о блистаницѣ при Юстинѣ и о рожденіи ребенка съ рыбьимъ хвостомъ при Маврикіѣ. Затѣмъ еще нѣсколько фразъ, напр. выраженіе—ходя аки пардусъ (о Святославѣ), находитъ себѣ соотвѣтствіе въ фразѣ: скочи аки пардусъ (объ Александрѣ Македонскомъ) и т. п.

Можетъ быть сюда слѣдуетъ присоединить и рассказъ объ исцѣленіи Св. Владиміра во время совершенія надъ нимъ

таинства Св. Крещенія, находящій себѣ аналогію въ разсказѣ Амартола о крещеніи Константина Великаго.

Изъ сличенія извѣстій Амартола съ лѣтописью, Сухомлиновъ и особенно Терновскій выводятъ заключеніе, что лѣтописецъ пользовался хроникой довольно свободно, группируя извѣстія, какъ ему это нравилось. Терновскій полагаетъ между составителемъ нашей Древней лѣтописи и Амартоломъ такую разницу, что послѣдній относится къ образованію отрицательно, говоря, что отъ слишкомъ большой мудрости можно впасть въ нечестіе, а первый, наоборотъ, хвалитъ книжное ученіе.

Амартоль имѣлъ нѣсколько продолжателей (см. о нихъ въ предисловіи Муральта и у Терновскаго). Изъ нихъ только первый, можетъ быть Симонъ Логоветъ¹⁾ (званіе въ родѣ статсъ секретаря), писавшій до 948 г., могъ послужить источникомъ для Древней лѣтописи. Остальные продолжатели Амартола не были извѣстны въ русской литературѣ. Приводимые же Терновскимъ еще другіе византійскіе историки, напр. Манассія, или Зонара, служили источникомъ уже для лѣтописей болѣе позднихъ, такъ какъ жили въ XII вѣкѣ.

На Симона Лагофета ссылается составитель лѣтописи, говоря о приходѣ Руси на Царьградъ (яко же пишется въ лѣтописаніи греческомъ); отъ этого событія пытается онъ, какъ извѣстно, установить и свою хронологію.

Изъ продолжателя Амартола внесена большая часть извѣстій о походѣ Аскольда и Дира (этихъ именъ впрочемъ у византійскаго историка нѣтъ) на Царьградъ въ 6374 году (и этого года у Лагофета нѣтъ, но онъ вѣрно указанъ въ лѣтописи; см. у Ламбина), и о чудѣ съ ризою Влахернской Божіей матери, спасшемъ Царьградъ (см. анализъ преданія у Голубинскаго)²⁾. Отсюда же взято извѣстіе о неудачномъ походѣ

¹⁾ Ундольскій Симона Логовета считаетъ продолжителемъ Георгія Ниока, и продолжателя Георгія Амартола считаетъ неизвѣстнымъ.

²⁾ Въ лѣтописи вѣтъ имени киевскаго князя Влахерна, которое есть у продолжателя Амартола. Въ хронографѣхъ извѣстіе о походѣ Руссовъ на Царьградъ ближе къ разсказу этого продолжателя, чѣмъ въ лѣтописи.

Игора, впрочемъ, скомбинированное составителемъ лѣтописи съ русскимъ преданіемъ.

Нѣсколько краткихъ извѣстій изъ византійской исторіи тоже взяты лѣтописцемъ изъ какой либо византійской хроники, но они такъ кратки, что опредѣлить ихъ источникъ точнѣе невозможно. Самыя раннія изъ этихъ извѣстій касаются Царя Ираклія (въ 1-й половинѣ VII вѣка) и его отношеній къ аварамъ (обрамъ), уграмъ и персамъ; это первое историческое указаніе лѣтописи¹⁾. Очень можетъ быть, что нѣкоторыя краткія извѣстія вошли въ лѣтопись и изъ византійской пасхальной таблицы съ замѣтками въ такомъ родѣ: въ лѣто 6376 нача царствовати Василій. Ламбнѣ особенно на этомъ настаиваетъ. По указанію Срезневскаго самостоятельныя византійскія (и болгарскія) извѣстія въ Древней лѣтописи прекращаются на 943 г.

Извѣстія, касающіяся болгарской исторіи, взяты или изъ болгарскихъ лѣтописей, доселѣ не отысканныхъ, или, что вѣрнѣе, изъ византійскихъ хроникъ въ болгарскихъ переводахъ, гдѣ приписаны были и болгарскія извѣстія. Извѣстія изъ южно-славянской исторіи, внесенныя въ Древнюю лѣтопись въ позднихъ лѣтописныхъ сводахъ, проникли туда очень поздно, или изъ хронографовъ, или изъ иныхъ источниковъ (о нихъ будетъ сказано въ обзорѣннѣ этихъ лѣтописныхъ сводовъ).

Изъ византійскаго же источника заимствована и извѣстная хронологическая таблица въ началѣ лѣтописи. Я уже имѣлъ случай говорить, что она вошла въ лѣтопись изъ такъ называемаго Лѣтописца вскорѣ (*хроноуграфъ α σύνταξις*), приписываемаго, хотя совершенно неосновательно, Патр. Никифору II цариградскому, жившему въ VIII в. Лѣтописецъ этотъ былъ переведенъ еще при Ц. Симеонѣ Болгарскомъ на славянскій языкъ (онъ находится въ сборникѣ Симеона, гдѣ доходитъ до начала X в.) и дополненъ потомъ свѣдѣніями изъ русской хронологіи. Хотя ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ въ

¹⁾ Есть извѣстіе, что во время борьбы Ираклія съ аварами въ 624 г. въ станѣ ихъ были и русскіе. Это указаніе приводитъ Папарригоуло, не сообщая источника (Терновскій: Исторія церкви).

славянской редакціи списковъ его (первый изъ Софійскаго харатейнаго номоканона XIII в. — напечатанъ въ приложеніяхъ къ Полному Собр. Русс. Лѣтописей т. I, другой напечатанъ *ibid.* т. IX) краткой таблицы, подобной краткой таблицѣ лѣтописи нѣтъ; но она есть во многихъ греческихъ спискахъ и въ латинскомъ переводѣ; причомъ въ одномъ изъ списковъ есть ошибки, въ силу которыхъ начало царствованія Михаила должно быть отнесено къ 6360 г., какъ и обозначилъ его авторъ лѣтописи (см. замѣчанія Куника къ статьѣ Погодина: Гедеоновъ и его система, въ Прил. къ VI т. Зап. Ак. Н.; а также статью Ламбина въ Ж. М. Н. Пр. 1874 г., 4, стр. 99).

По образцу Лѣтописца вскорѣ были составлены оба напечатанные Срезневскимъ (Изв. II Отд. Ак. Н. т. VIII) лѣтописные перечни, первый изъ синодальной кормчей XIII в., — событій съ 862 по 1277 г., а второй изъ сборника XVII в., принадлежавшаго Срезневскому, до 1224 г. Отличія обояхъ перечней (япрочемъ неважныя) указаны Срезневскимъ. Сперва исчисляются греческіе императоры, а потомъ соотвѣтствующія русскія событія; такъ до смерти Святополка Окаяннаго. Потомъ сперва указаны русскія событія (раза два указаны византійскіе императоры), причомъ постоянно отмѣчено, сколько лѣтъ прошло до этого событія отъ Адама. Послѣднія извѣстія касаются Ростова; не тамъ ли и составлены перечни?

Кромѣ Лѣтописца вскорѣ составитель лѣтописи могъ пользоваться для своей хронологіи хроникою Георгія Амартола съ ея продолженіемъ въ болгарскомъ переводѣ, причомъ Ламбинъ и тутъ указываетъ ошибку, повліявшую на счетъ годовъ въ лѣтописи, и еще древней насхальной таблицей, тоже византійскаго происхожденія.

Какъ вполне доказано Н. Лавровскимъ (О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками 1853 г.), находящіеся въ Древней лѣтописи договоры русскихъ князей съ греками несомнѣнно переведены съ греческаго. Впрочемъ, о нихъ подробнѣе будетъ говорено въ иной части курса.

Въ послѣднее время Ламбинъ пытался доказать, что, ис-

копи признаваемые за русскія, нѣкоторыя преданія Древней лѣтописи имѣютъ византійскій источникъ и притомъ официальный, такъ что это вовсе не преданія, занесенныя въ лѣтопись, а документальное изложеніе событій на основаніи официальныхъ данныхъ. По мнѣнію Ламбина при церкви Св. Ильи въ Кіевѣ¹⁾, уже при самомъ появленіи христіанства въ Россію, была духовная, а въ тоже время и политическая миссія, составлявшая для византійскаго правительства официальныя доклады о различныхъ событіяхъ, которые и посылались въ Константинополь, брѣвонны же оставались дома; такъ что при церкви Св. Ильи образовался своего рода архивъ, документы изъ котораго и стали извѣстны составителю Древней лѣтописи (по Ламбину—Нестору), послѣ закрытія при этой церкви миссіи при Владимірѣ Святомъ, хотя и не въ цѣлости, а въ видѣ различнаго архивнаго матеріала.

Такая гипотеза весьма правдоподобна, если говорить о ней вообще. Но при анализѣ какого нибудь извѣстія, чтобы считать его внесеннымъ изъ указаннаго архивнаго источника, нужно имѣть болѣе данныхъ, чѣмъ это приводилъ Ламбинъ, иначе теряется всякая точка опоры для исторической критики—рѣшительно всякое извѣстіе можетъ быть подведено подъ категорію внесенныхъ изъ архивныхъ источниковъ: опровергнуть это такъ же невозможно, какъ и доказать.

Всего вѣроятнѣе, что кіевскіе доклады были источникомъ для извѣстій о Россіи Константина Багрянороднаго (только переведены были не всегда правильно). Въ архивѣ церкви Св. Ильи могли сохраняться на всякій случай и копии договоровъ грековъ съ русскими, также копія съ клятвенной записи Святослава, данной Цимисхію при заключеніи мира въ Доростолѣ въ 971 г. (По мнѣнію Ламбина она была прислана въ Кіевъ немедленно, когда еще не знали о смерти Святослава), и еще какіе нибудь, утерянные для насъ акты, напримѣръ официаль-

¹⁾ Объ этой церкви есть изслѣдованіе Остромысленскаго: О церкви Св. Ильи, Кіевъ 1830 г., но малоизвѣстное.

ная переписка. Могли быть и пасхальныя таблицы съ замѣтками, внесенными отсюда въ лѣтописи. Но Ламбинъ ищетъ въ этомъ архивѣ и источника лѣтописнаго извѣстія о происхожденіи Руси. По его мнѣнію переворотъ, происшедшій въ Кіевѣ въ 881 г., т. е. убійство Аскольда и Дира и начало княженія здѣсь Олега, былъ рассказанъ въ особой запискѣ и, въ видѣ официальной реляціи, посланъ въ Константинополь, причемъ, для обстоятельности, въ него внесены были извѣстія о предыдущихъ завоеваніяхъ Олега и даже объ основаніи государства варягами. Авторъ этой реляціи былъ, по всей вѣроятности, крещенный варягъ, сподвижникъ Аскольда и Дира, и писалъ ее года два или три спустя (въ началѣ войны Олега съ угличами). Этотъ рассказъ при внесеніи въ лѣтопись былъ насильно втиснутъ въ хронологическую рамку, отчего, какъ извѣстно, и пострадалъ. Онъ разбился на отдѣльные сегменты между 6360—6393 годами. Ламбинъ и выдѣляетъ весь этотъ рассказъ по различнымъ спискамъ Древней лѣтописи и приводитъ его въ предполагаемомъ первообразномъ видѣ, кое гдѣ возстаповляя текстъ (въ ст. Источникъ лѣтописнаго сказанія etc. № 6, стр. 245) и снабдивъ его обычными примѣчаніями, въ которыхъ, главнымъ образомъ, показываетъ, какъ, по его мнѣнію, позднѣйшіе переписчики этотъ текстъ измѣняли.

Нѣкоторые мѣста въ этомъ рассказѣ, а именно фразы: 1) сиче бо тіа звахуся варяги Русь и д., 2) новгородьци, тіа суть людье новгородьци отъ рода варяжска и д., 3) еже ся нынѣ зоветъ Угорское и д. и 4) еже и до смерти Ярославлѣ даяще варягомъ, — а также распредѣленіе походовъ Олега по годамъ, Ламбинъ считаетъ не относящимися къ реляціи глоссами и объяснительными вставками лѣтописца, или его компиляторовъ.

Въ этой реляціи нѣтъ извѣстій о походѣ Аскольда и Дира на Царьградъ и послѣдующемъ крещеніи части Руси, такъ какъ это и безъ того было хорошо извѣстно въ Царьградѣ.

Замѣтимъ, что Ламбинъ вообще на каждомъ шагѣ допускаетъ множество предположеній, совершенно понятныхъ по

самоу свойству источника, но не служащихъ къ подкрѣпленію его теоріи.

Изъ архива церкви Св. Ильи вошли въ лѣтопись нѣкоторыя замѣтки о Русской землѣ и народахъ въ ней обитавшихъ, напр. объ угличахъ, тиверцахъ и др. Свѣдѣнія взяты изъ черновыхъ различныхъ донесеній въ Константинополь (изъ бѣловыхъ взяты именно свѣдѣнія у Константина Вагрянороднаго), потому и натканы въ лѣтопись гдѣ попало, безъ всякой системы. Авторъ могъ прибавить къ нимъ указаніе, какіе изъ этихъ народовъ славяне и какіе иноплеменики въ современномъ ему русскомъ государствѣ. Объ этомъ мнѣніи Ламбина приходится сказать то же, что и о предыдущемъ.

Ламбинъ отрицаетъ и безусловно легендарный характеръ похода Олега на грековъ. По его мнѣнію извѣстіе о походѣ составлено изъ двухъ письменныхъ извѣстій: современнаго и вполне достовѣрнаго, которое неразрывно связано съ условіями мира, продиктованными грекамъ подъ стѣнами ихъ столицы самимъ побѣдоноснымъ Олегомъ, и позднѣйшаго баснословнаго, появившагося въ письменной редакціи не ранѣе XI в. (а до того времени, конечно, существовавшаго въ видѣ преданія). Возстановляетъ онъ оба эти извѣстія въ текстѣ Древней лѣтописи довольно удачно. Спайку въ разсказѣ объ Олгѣ видѣлъ и Соловьевъ.

Кстати замѣтить, что Ламбинъ принимаетъ за принадлежащее къ составу Древней лѣтописи извѣстіе о войнѣ Свенельда съ угличами, сохранившееся лишь въ болѣе позднихъ спискахъ, и потому исключенное Карамзиннымъ, Соловьевымъ и др. изъ ея состава.

О нѣкоторыхъ вошедшихъ въ лѣтопись преданіяхъ, которыя могутъ быть имѣють византійское происхожденіе, сказано будетъ ниже.

Иныя мѣста лѣтописи имѣють западно-славянское происхожденіе; таковы, безъ сомнѣнія, извѣстія о дѣятельности Св. братьевъ Кирилла и Меодія, источникомъ для которыхъ послужили такъ называемыя паннонскія жизнеописанія, которыхъ

сохранились позднѣйшія редакціи. Это мнѣніе Горскаго (статья о Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ въ Москвитинѣ 1843 г. № 6), нынѣ общепринятое. Сличеніе есть у Сухомлинова.

О позднѣйшихъ вставкахъ въ лѣтописные своды извѣстій изъ западно-славянскихъ и западно-европейскихъ источниковъ можно сказать тоже самое, что и о южно-славянскихъ.

Разсказъ о путешествіи по Россіи Ап. Андрея представляетъ особое сказаніе, по мнѣнію многихъ ученыхъ, не находящееся въ Древней лѣтописи, такъ какъ составитель ея именно знаетъ, что въ Россіи не учили апостолы. Но можно возразить на это, что составитель лѣтописи внесъ это сказаніе, не позаботясь согласить его съ иными, находящимися въ его трудѣ извѣстіями. Внесено это сказаніе изъ письменнаго источника апокрифическаго характера, хотя и окрашено преданіемъ. Источникъ этотъ до сихъ поръ не опредѣленъ, хотя Васильевскій (Русск. визан. отрывки въ Ж. М. Н. Пр. 1877 г. № 1 и 2) проанализировалъ цѣлый рядъ апокрифовъ относительно дѣяній Ап. Андрея, изъ которыхъ многіе имѣли мѣсто въ русской странѣ, даже сдѣлалъ нѣсколько сближеній ихъ съ сказаніемъ лѣтописи (см. стр. 182). Выводъ его тотъ, что лѣтопись имѣла хожденіе въ болѣе древней, до насъ уже недошедшей формѣ. Можетъ быть это хожденіе прошло чрезъ южно-славянскую редакцію.

Котляревскій (Чтен. въ Общ. Нестора т. I) находитъ аналогію для извѣстнаго разсказа о новгородскихъ баяхъ, написаннаго, по его мнѣнію, конечно, не русскимъ, который не сталъ бы удивляться баямъ, а какимъ либо иностраннымъ купцомъ,—съ извѣстіемъ гамбургскаго юриста Діонисія Фабриція (поляка XVI—XVII в.) въ его *Livonicae historiae compendiosa series*. Здѣсь разсказывается о подобномъ же приключеніи папскаго легата въ доминиканскомъ монастырѣ Фальгена близъ Дерпта; Котляревскій предполагаетъ въ обоихъ разсказахъ общій источникъ.

Кромѣ Васильевскаго о хожденіи Ап. Андрея трактуетъ и Голубинскій. Объ этомъ хожденіи 2 раза дѣлалъ сообще-

нія въ Обществѣ Преп. Нестора г. Малышевскій, но выводы его мнѣ неизвѣстны.

Ламбинъ приписываетъ западно-славянское происхожденіе извѣстіямъ Древней лѣтописи о дунайскихъ славянахъ и ихъ дальнѣйшемъ расселеніи, даже и въ Россіи, до словъ «тѣмъ же и грамота прозвася словѣнская», тоже обыкновенно принимаемымъ за слѣдъ народнаго преданія. Ламбинъ напротивъ считаетъ это извѣстіе сочиненіемъ какого либо западно-славянскаго книжника, составленнымъ въ Великой Моравіи, Чехіи, Польшѣ, или другой западно-славянской землѣ на основаніи легендъ о посѣщеніи Ап. Павломъ Иллирика, гдѣ онъ училъ славянъ и поставилъ имъ учителя и намѣстника вмѣсто себя, — ученика своего Андроника. Дѣйствительно, въ сказаніи о расселеніи славянъ чувствуется желаніе объяснить славянскую этнографію, а не народное преданіе.

Въ этомъ сказаніи есть извѣстіе о волгахъ, насильникахъ славянъ; если это и преданіе, то во всякомъ случаѣ нерусское.

Что заимствовано въ лѣтописи изъ варяжскихъ источниковъ, сказать трудно. Сходство нѣкоторыхъ преданій съ скандинавскими еще ничего не обозначаетъ — это бродячія сказки, существующія у самыхъ разнообразныхъ племенъ. По годинъ, по обыкновенію, говоритъ о варяжскихъ источникахъ вообще (I, 102). Кажется, онъ полагалъ, что, кромѣ извѣстныхъ сказокъ, отъ варяговъ перешли въ лѣтопись нѣкоторыя этнографическія извѣстія—о племенахъ, жившихъ по берегамъ Балтійскаго и Нѣмецкаго моря, и извѣстіе о пути изъ Варягъ въ Греки¹⁾. Котляревскій (въ рецензіи на книгу Забѣлина) считаетъ старымъ варяжскимъ преданіемъ, перенесеннымъ на русскую почву и переданнымъ въ русской книжной оболочкѣ,—разсказъ о принесеніи въ жертву при Владимірѣ двухъ варяговъ.

Кромѣ иноземныхъ источниковъ составитель лѣтописи пользовался, разумѣется, и туземными. Какъ и въ первомъ случаѣ,

¹⁾ Не знаю почему, но извѣстіе лѣтописи о давнихъ путяхъ Срезневскій причисляетъ къ преданіямъ.

составитель лѣтописи могъ пользоваться источникомъ двойнымъ способомъ: или вставлять его цѣликомъ (или частью) въ лѣтопись, или вставить изъ него извѣстіе въ собственномъ пересказѣ.

Анализъ туземныхъ источниковъ мы начнемъ съ лѣтописныхъ преданій, такъ какъ во первыхъ здѣсь тоже иногда можно предполагать въ русскомъ переводѣ все же иноземное происхожденіе, и во вторыхъ большая часть преданій несомнѣнно проникла въ лѣтопись путемъ вставокъ, можетъ быть даже изъ письменнаго источника.

Источникъ весьма многихъ преданій въ Древней русской лѣтописи указанъ быть не можетъ, потому что преданія эти сходны съ преданіями самыхъ разнообразныхъ народовъ—очевидно, это бродячія саги. Можно видѣть въ нихъ и народныя преданія, и обломки дружиннаго эпоса, и книжныя легенды. Какъ извѣстно, въ современномъ русскомъ народномъ сказочномъ и былинномъ эпосѣ сохранилось слишкомъ мало рассказовъ, имѣющихъ сходство съ лѣтописными, да и тѣ, вѣроятно, проникли въ эпосъ путемъ отдѣльныхъ народныхъ повѣстей, заимствованныхъ уже изъ лѣтописи.

Сухомлиновъ (въ статьѣ о преданіяхъ) анализируетъ три лѣтописныхъ преданія: 1) о сотвореніи человека двумя враждебными одна другой силами въ рассказѣ о волхвахъ. Съ этимъ преданіемъ сходно и еще одно псковское преданіе и одна малороссійская оповѣдка, приводимыя Сухомлиновымъ. Сухомлиновъ сопоставляетъ съ ними извѣстія изъ скандинавской саги, апокрифическій рассказъ и магометанское преданіе, схожіе кое въ чемъ между собою, но мало похожіе на лѣтописный рассказъ. Въ рассказѣ же этомъ скорѣе можно видѣть отраженіе богумильскихъ взглядовъ, которые несомнѣнно проникали къ намъ въ древности изъ Болгаріи и циркулировали у насъ въ апокрифическихъ сочиненіяхъ.

Такіе же рассказы сохранились и донынѣ у нѣкоторыхъ финскихъ племенъ, напр. у вотяковъ.

Недавно Н. Владимірскаго (Уч. Зап. Каз. Ун. 1875 г.

№ 5, О прологѣ) указалъ еще на апокрифическіе источники для Древней лѣтописи, напр. извѣстіе о Симонѣ волхвѣ, вошедшее въ лѣтопись въ разсказѣ о бѣлозерскихъ волхвахъ подъ 6579 г.; впрочемъ, приведенная имъ статья изъ одного пролога несовсѣмъ убѣдительна. Источникъ извѣстія о волхвахъ фараоновыхъ (здѣсь же) онъ указываетъ въ Евангеліи Никодима, которымъ пользовался митрополитъ Иларіевъ въ словѣ о законѣ и благодати.

Второе преданіе, приводимое Сухомлиновымъ, — о смерти Олега, извѣстно въ скандинавской редакціи (исландская сага объ Оррварѣ Оддѣ) и въ сербской (смерть турецкаго султана). Сюда же присоединяетъ онъ нѣсколько сагъ о неизбѣжности рока¹⁾.

Съ преданіемъ о смерти Олега сходенъ еще разсказъ о смерти римскаго сановника, насмѣявшагося надъ христіанскимъ проповѣдникомъ и умершаго, согласно его предсказанію, отъ укушенія ираморнаго льва, т. е. отъ ехидны, гнѣздившейся въ его пасти, куда вельможа всунулъ руку насмѣшки ради.

Аналогичная же легенда недавно записана въ грязовецкомъ уѣздѣ вологодской губерніи и сообщена въ журналѣ Свѣтъ 1879 № 7, о смерти боярина Засѣки отъ свиной туши, согласно предсказанію юрдиваго, что онъ умретъ отъ любимыхъ свиной.

Разсказъ о мести Ольги Сухомлиновъ сопоставляетъ съ извѣстіями Нилъ саги, Стиръ саги и съ разсказами о взятіи Гаральдомъ Смѣлымъ одного сицилійскаго города, и Тита Ливія о хитрости Аннибала. Такая же сказка была у чеховъ и на нее есть намекъ въ хроникѣ Далимила, по поводу взятія Кіева татарами. Личность Ольги облечена многими преданіями (см. ниже). Разсказъ объ отношеніяхъ ея къ сыну Сухомлиновъ сближаетъ съ былинною о Василю Вуслаевѣ и его матери Мамельфѣ Тимофеевѣ.

¹⁾ Хрущовъ сравниваетъ извѣстіе о смерти Олега съ былиннымъ разсказомъ о смерти Василя Вуслаевича, гдѣ тоже идетъ рѣчь о борьбѣ съ судьбою.

Полиѣ указаны преданія русской лѣтописи (до Владимира Святаго) въ статьѣ Костомарова, который однако не говоритъ о томъ, народныя ли это преданія, или дружинныя. Такъ какъ Костомаровъ вспоминаетъ при этомъ и Бояна и автора Слова о полку Игоревѣ, — надо думать, что и преданія оныя считаетъ дружинными. Но съ другой стороны всякое приводимое имъ преданіе Костомаровъ сближаетъ съ иными русскими (особенно малорусскими) народными преданіями, что составляетъ очень богатый матеріалъ. Конечно, оныя сближаетъ эти преданія и съ другими подходящими, хотя бы и не народными. Мы перечисляемъ эти преданія независимо отъ того, какого они могутъ быть происхожденія, такъ какъ здѣсь о каждомъ преданіи ведутся жаркіе споры. Геденовъ и Иловайскій гораздо болѣе отводятъ мѣста византійскому элементу, чѣмъ это было до сихъ поръ. Хрущовъ указываетъ, что большинство древнихъ преданій имѣетъ мѣстный характеръ, касаясь Кіева и близъ лежащихъ мѣстностей, напр. Переяслава, Бѣлгорода, Дривлянскои земли ¹⁾.

Вотъ какія преданія указываетъ Костомаровъ: преданіе о славянахъ и волхвахъ. Нѣкоторые ученые допускаютъ вѣрность извѣстія о волхвахъ — насидьникахъ славянъ и принимаютъ за волхвовъ различныя племена.

Миѣніе объ этомъ Ламбина мы уже указали.

Преданія объ уграхъ и обрахъ. Иловайскій склоненъ приписать преданію объ обрахъ византійское происхожденіе, на основаніи слога, отзвучающагося переводомъ. Оныя приводитъ византійскую поговорку: погибли, какъ гунны. Но въ сказаніи франкскаго лѣтописца Фредегара (III в.) тоже говорится о нападѣяхъ аваровъ надъ славянами, такъ что здѣсь скорѣе можно видѣть западно-славянское преданіе; это соображеніе подтверждается еще и тѣмъ, что слова: обръ у чеховъ, оборъ у лужичанъ и обринъ у поляковъ, сохранились въ значеніи исполнца, великана.

¹⁾ Преданія Древней лѣтописи указаны и въ Чтеніяхъ Срезневскаго, но безъ всякой критики.

Преданія о родоначальникахъ. Изъ этихъ преданій любопытнѣе другихъ преданія о Кіѣ, которыхъ уже у лѣтописца было два. По мнѣнію Срезневскаго одно изъ нихъ мѣстное кievское, другое дунайское, занесенное изъ Болгаріи. Лѣтописецъ выбралъ болѣе почетное для Кіа, съ негодованіемъ отвергнувъ мысль объ основаніи Кіева на перевозѣ черезъ Днѣпръ. Но уже Шлецеръ приписывалъ Кіеву такое же происхожденіе, какъ Франкфурту, Оксенфурту и т. п. Во всякомъ случаѣ подобныхъ преданій для объясненія географическихъ названій у насъ очень много. Было преданіе о походѣ Кіа на Царьградъ, это, конечно, одно изъ многихъ подобныхъ преданій. Погодиныя разсужденіе о Кіѣ въ лѣтописи считалъ вставкою, Нестору не принадлежащею.

Причисляемое Срезневскимъ къ преданіямъ, извѣстіе о древнихъ княжествахъ послѣ Кіа представляетъ, кажется, скорѣе домыселъ лѣтописца.

Преданіе о странахъ поддѣстровскихъ и объ угличахъ, принимается Ламбинимъ за достовѣрное извѣстіе (см. выше).

Преданія о казарахъ.

Преданіе о призваніи князей. Анализъ его сдѣланъ у Костомарова слабо, но ему посвящена большая часть работъ Иловайскаго о норманизмѣ. Иловайскій подобралъ для доказательства сказочности извѣстія много аналогическихъ разсказовъ, напр. разсказъ Прокочія о герулахъ и т. п. Онъ склоненъ даже видѣть въ этомъ разсказѣ тенденціонную выдумку книжника XI—XII вѣка, можетъ быть, новгородскаго происхожденія, внесенную въ лѣтопись съ цѣлью придать русскимъ князьямъ происхожденіе отъ знаменитыхъ въ то время по своимъ подвигамъ нормановъ¹⁾. Иловайскій сопоставляетъ съ нимъ извѣстія Лаврентьевскаго списка о призывѣ князей въ Суздаль по смерти Андрея Боголюбскаго, равно какъ и легенду о возникновеніи литовскаго государства; такъ что здѣсь виденъ

¹⁾ Иловайскій въ появленіи этой басни въ лѣтописи готовъ видѣть даже участіе князей, напр. Мономаха.

какъ бы извѣстный лѣтописный мотивъ. Любопытно, что уже древніе списки лѣтописи (Лаврентьевскій и Ипатьевскій) расходятся въ указаніи мѣста, гдѣ поселился Рюрикъ: 1-й называетъ Новгородъ, 2-й—Ладогу. Кажется, извѣстіе о призваніи варяговъ было у насъ не въ одной редакціи: въ Никольской лѣтописи напримѣръ нѣтъ извѣстія о приходѣ Аскольда и Дира. Въ частности извѣстная фраза: земля наша велика и обильна, находитъ себѣ соотвѣтствіе въ разсказѣ Видукинда о призваніи англосаксовъ: terra nostra spatiosa et fertilis, и, можетъ быть, представляетъ подражаніе тѣмъ мѣстамъ библіи, въ которыхъ говорится о плодородіи земли.

Въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ съ преданіемъ о призваніи князей связанъ преданіе о Гостомислѣ (Не Осмомислѣ ли?).

Срезневскій считаетъ преданіемъ и извѣстіе о древней дани чуди и другихъ народовъ варягамъ.

Извѣстно, что мнѣнія о достовѣрности извѣстія о призваніи князей еще держится очень много ученыхъ и считаютъ его не преданіемъ, а лѣтописною записью, или историческимъ сказаніемъ. Взглядъ на это извѣстіе Ламбина мы уже видѣли.

Недавно г. Барсовымъ напечатана народная сказка о Юрикѣ новоселѣ (Др. и Н. Р. 1879 № 9), въ которой нельзя не видѣть сатирическаго отраженія въ народѣ преданія о призваніи Рюрика.

Преданія о переворотѣ въ Кіевѣ (т. е. о смерти Аскольда и Дира); о нихъ было говорено.

Преданіе объ Олегѣ. Выраженіе Олега относительно Кіева «Мати градоу» близко къ греческому *μητρόπολις* ¹⁾. Извѣстно, что съ походомъ Олега на Царьградъ между прочимъ сопоставляютъ былины о Вольгѣ Святославичѣ и малорусскую пѣсню о Вайдѣ. Костомаровъ приводитъ еще и другія аналогичныя извѣстія. Иловайскій сближаетъ легенду о походѣ Олега съ греческимъ извѣстіемъ о знаменитомъ походѣ скифовъ въ III в.

¹⁾ Кунинъ замѣчаетъ, что и въ библіи (лн. Самуила 20, 19) Иерусалимъ названъ матерью городовъ израильскихъ (*μητρόπολις ἐν Ἰερουσαλὴμ*).

(2000 кораблей и сравненіе Олега съ Св. Дмитріємъ, спасшимъ Солунъ во время скифскаго похода).

Преданіе о смерти Олега; о немъ сказано выше.

Преданіе объ Игорѣ и Ольгиной мести—см. выше. Они относятся къ циклу преданій (народныхъ по мнѣнію Хрущова) о завоеваніи Древлянской земли. Хрущовъ видитъ въ этихъ преданіяхъ сліяніе двухъ рассказовъ (по Срезневскому—лѣтописныхъ). Нѣкоторыя подробности, находящіяся въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго, едвали могутъ быть отнесены къ раннему времени.

Извѣстно, что способъ убійства Игоря древлянами, какъ онъ ни легендаренъ повидимому, засвидѣтельствованъ однако почти современнымъ византійскимъ свидѣтельствомъ.

Въ позднихъ спискахъ лѣтописи есть много преданій объ Ольгѣ; нѣкоторыя изъ нихъ сходны съ рассказами о Февроньи Муромской. Народныя преданія объ Ольгѣ сохранились въ Псковской землѣ, откуда Ольга была родомъ (Жушнинъ Путев. письма 1860 г. стр. 155 и д.).

Преданіе о земскомъ строеніи при Ольгѣ. Что это преданіе, видно изъ самого рассказа лѣтописи.

Преданіе о крещеніи Ольги и ея повзды въ Константинополь. Здѣсь легендарны, конечно, лишь лѣтописныя подробности. Голубинскій полагаетъ, что позднѣйшая легенда замѣнила древнюю запись о крещеніи Ольги. Оболенскій приписываетъ извѣстіе о крещеніи Ольги спутнику ея священнику болгарину Григорію (оно было въ его лѣтописи), которому онъ приписываетъ и переводы Малады и Апартола. Хрущовъ тоже принимаетъ для извѣстійъ объ Ольгѣ письменный источникъ, слѣды котораго видны въ поученіи патріарха Ольгѣ и въ словахъ Ольги сыну.

Взятіе Святославомъ 80 городовъ на Дунаѣ Иловайскій считаетъ отраженіемъ извѣстія Прокопія о построеніи Юстиніаномъ 80 дунайскихъ городовъ.

Начало рассказа о смерти Ольги (слова Святослава: не люблю ни въ Кіевѣ быти) Хрущовъ считаетъ началомъ сказанія

объ осадѣ Кіева печенѣгами, только попавшимъ не на свое мѣсто.

Легендарный характеромъ отличается предложеніе греческимъ императоромъ даровъ Святославу, который хватаетъ прежде всего мечъ,—обычный эпическій мотивъ.

Разсказъ о чашѣ, сдѣланной изъ черепа Святослава находитъ себѣ аналогію въ разсказѣ Амартола о смерти императора Никифора Геника, изъ черепа котораго Крумъ болгарскій сдѣлалъ чашу. Подобныя же преданія есть у иныхъ народовъ, напр. у лангобардовъ.

Междоусобіе сыновей Святослава. Здѣсь легендарны и отадача Владиміра новгородцамъ (притомъ это легенда съ сатирическимъ оттѣнкомъ), и разсказъ о Лютѣ, и исторія Рогвѣды, и личность Влуда, и личность Варяжко (здѣсь есть слѣды диттографія, столь обычной въ римской исторіи). Для разсказа о борьбѣ Владиміра съ Ярополкомъ Срезневскій предполагалъ особую повѣсть. Хрущовъ видитъ въ ней преданіе изъ эпоса, скорѣе сочувственное Ярополку, чѣмъ Владиміру.

Преданія о Владимірѣ до крещенія.

Принятіе христіанства Владиміромъ и крещеніе Руси. Объ этой повѣсти скажемъ особо. Замѣтимъ только, что подробности осады Корсуня взяты несомнѣнно изъ бродячихъ сказокъ (См. подобныя преданія въ Ж. М. Н. Пр. 1880 № 6, стр. 405). Конечно, чистый вымыселъ представляютъ разсказы о Перуѣ.

Преданія о княженіи Владиміра послѣ его крещенія. Вполнѣ сказоченъ характеръ разсказа о Янѣ Усмошвѣцѣ, о которомъ мы уже говорили. Имя его записано Никоновскою лѣтописью; въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго богатырь этотъ названъ Переяславцемъ, потому что переписчикъ дурно прочелъ разсказъ. Съ нимъ сходны общезвѣстныя сказки о Кожемякѣ. Въ лѣтописи сказка пристала къ преданію объ основаніи города Переяславля кѣмъ то, кто переялъ чью то славу. Хрущовъ сближаетъ разсказъ о Янѣ еще съ былинами; см. еще Вуслаева: Русскій богатырскій эпосъ.

Осада Бѣлгорода. Сравни разсказъ Геродота о тиранѣ милетскомъ Тразибулѣ и царѣ лидійскомъ Алліатѣ. Странно, что Костомаровъ не замѣтилъ этого сходства и видѣлъ въ разсказѣ лишь насмѣшку надъ глупостью печенѣговъ.

Преданіе о пирахъ Владиміра, отразившееся и въ русскомъ богатырскомъ эпосѣ; характеръ преданія здѣсь не принадлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Полоцкіз преданія о Рогнѣдѣ. Она, кажется, въ самомъ дѣлѣ мѣстнаго происхожденія.

Преданія о Владимірѣ и его эпохѣ въ Никоновскомъ сводѣ. Это большею частью распространенныя преданія изъ преданій предыдущихъ. Преданія о богатыряхъ занесены книжниками изъ былинъ или сказокъ, довольно позднихъ.

Преданіе о кающемся разбойникѣ Могути относится къ разряду бродячихъ, такъ какъ встрѣчается часто и имѣетъ прототипомъ разсказъ о разбойникѣ евангельскомъ.

Преданій послѣ Владиміра уже не много. Въ разсказѣ о борьбѣ Святополка съ Ярославомъ легендарны лишь нѣкоторыя подробности.

Легенду о борьбѣ Мстислава съ Редедю можно сблизить съ одною изъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ и еще нѣсколькими бродячими сказками. Легенда эта, вѣроятно, пристала къ извѣстію о постройкѣ Мстиславомъ въ Тмутаракани церкви Пресв. Богородицы.

Бестужевъ-Рюминъ указываетъ еще на слѣдъ пѣсни въ разсказѣ о битвѣ при Лиственѣ, гдѣ принималъ участіе варягъ Якунъ.

Обиліе преданій, занесенныхъ въ Древнюю русскую лѣтопись, несомнѣнно доказываетъ существованіе у насъ древняго былеваго эпоса, предшествовавшего такъ называемому русскому богатырскому эпосу. Полевой предполагалъ у насъ, на основаніи лѣтописныхъ преданій, существованіе цѣлыхъ поэмъ. Въ сожалѣнію, до сихъ поръ никто еще не проанализировалъ этихъ преданій научнымъ образомъ. Извѣстія о древнихъ русскихъ поэтахъ собраны Бестужевымъ-Рюминымъ (Лѣтописи стр. 41—

43), Майковичъ въ предисловіи къ его переводу Слова о полку Игоревѣ, Буслаевичъ и ин. др.

Большая часть указанныхъ преданій совершенно слилась съ лѣтописнымъ изложеніемъ и съ трудомъ можетъ быть изъ него выдѣлена въ формѣ отдѣльныхъ сказаній, тѣмъ болѣе, что составитель лѣтописи, безъ сомнѣнія, считалъ ихъ болшею частью истинными, подтверждая ихъ то прииѣромъ изъ византійской исторіи, то разсказомъ о современныхъ событіяхъ. Сухомлиновъ указываетъ, что преданія эти поддерживались въ общей памяти существованіемъ извѣстныхъ памятниковъ, напр. могилъ древнихъ князей, которыя были извѣстны еще въ XI в.

Легче выдѣлить изъ состава древняго лѣтописнаго свода нѣсколько сказаній, вошедшихъ въ него цѣликомъ, или частью, почти не слившихся съ остальнымъ изложеніемъ. Мы уважемъ на тѣ мѣста Древней лѣтописи, которыя большинствомъ ученыхъ признаются вставками: особыми сказаніями и повѣстями. При этомъ, гдѣ это будетъ возможно, мы отмѣтимъ и предполагаемые источники этихъ вставокъ.

Легче всего выдѣляются изъ состава Древней лѣтописи сказанія и повѣсти религіознаго содержанія.

По мнѣнію почти всѣхъ изслѣдователей обширный лѣтописный разсказъ о принятіи христіанской вѣры Св. Владиміромъ и Землею русскою представляетъ собою огромную вставку. Повѣсть эта составлена по нѣсколькимъ источникамъ: византійскіе элементы въ ней уже нами указаны, самостоятельная же часть ея составлена по существовавшему въ XI вѣкѣ житію Блаженнаго Владиміра (напечатанному митр. Макаріемъ въ Христіанскомъ чтеніи 1849 г. и въ Исторіи церкви т. I), но уже въ распространенной редакціи. Сравненіе лѣтописи съ житіемъ и вообще анализъ повѣсти сдѣланы Сухомлиновымъ, Голубинскимъ и Хрущовымъ. Послѣдній предполагаетъ для этой повѣсти рядъ предыдущихъ сказаній: сказаніе о томъ, какъ въ князю приходили проповѣдники вѣры, сказаніе о грекѣ философѣ и т. д.

Митрополитъ Макарій приписываетъ составленіе житія

Іакову Мниху. Бутковъ, а за нимъ Хрущовъ и Голубинскій отрицають это и авторовъ житія считаютъ какого либо грека, поселившагося въ Россіи, можетъ быть, Θεодосіа, жившаго въ Києвѣ въ первой половинѣ XII вѣка, автора и переводчика нѣкоторыхъ сочиненій (см. о немъ у Голубинскаго). Въ такомъ случаѣ житіе составлено уже послѣ Древней лѣтописи, откуда въ него даже внесено нѣсколько извѣстій, и въ томъ числѣ похвала Князю Владимиру. Тогда, разумѣтся, и Повѣсть внесена въ Древнюю лѣтопись позднѣе ея составленія, причѣмъ переработку ея Голубинскій считаетъ сдѣланною подъ влияніемъ повѣсти Іегуды Галеви (жившаго въ 1-ой половинѣ XII вѣка) объ обращеніи хазаръ въ іудейство.

Въ сборникахъ сохранилась повѣсть, но уже сокращенная по лѣтописи: слово о томъ, како крестися Володимѣръ, возмня Корсунь, сдѣланная какимъ то Θεодосіемъ (см. Опис. рукоп. Рум. музея № 306 и Голубинскій I, 119, пр. 2). Еще одна повѣсть о крещеніи Владимира сохранилась на греческомъ языкѣ (напечатана въ переводѣ Голубинскимъ), причѣмъ въ ней рассказъ о крещеніи Владимира смѣшанъ съ рассказомъ о принятіи христіанства Диромъ, находящимся только въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, и съ извѣстіями о Кириллѣ и Меѳодіѣ — и все это происходитъ при императорѣ Василиѣ Македонянинѣ. Въ Софійской лѣтописи говорится, что крещеніе Владимира было при патр. Фотіѣ, который жилъ въ половинѣ IX вѣка. Костомаровъ полагаетъ, что рассказъ о принятіи вѣры русскимъ княземъ сложился въ $\frac{1}{2}$ IX в. и потомъ уже былъ перенесенъ на Владимира.

У лѣтописца, какъ извѣстно, было еще нѣсколько преданій о крещеніи Владимира, напр. что онъ крестился въ Василевѣ. Хрущовъ указываетъ на сходство рассказа въ лѣтописи о милостинѣ Владимира съ рассказами о томъ же въ житіи Бориса и Глѣба Пр. Нестора и предполагаетъ для нихъ одинъ общій источникъ — какую либо древнюю запись. Майковъ (о былинахъ Владимірова цикла) сопоставляетъ заботу Владимира о дружинѣ съ нѣкоторыми выраженіями народныхъ стиховъ.

Были еще древнія сочиненія о Владимірѣ, напр. похвала ему Іакова Мниха и слово Иларіона, но въ составъ лѣтописи они не вошли, почему о нихъ, равно какъ и о житіи Вл. Владиміра, скажемъ въ свое время.

Вставку въ лѣтопись представляетъ и сказаніе о судьбѣ Бориса и Глѣба, кажется, сокращенное изъ сказанія Іакова Мниха¹⁾ о Борисѣ и Глѣбѣ, о чемъ было сказано выше. Впрочемъ, Ламбинъ и Иловайскій думаютъ, что приписываемое Іакову Мниху житіе составлено не имъ, а, по мнѣнію Иловайскаго, кѣмъ либо писавшимъ уже позднѣе Нестора. Іаковъ Мнихъ могъ написать тоже похвалу Св. Борису и Глѣбу, до насъ недошедшую (Р. Ист. I, пр. 58 и 59).

Отношеніе разсказа о Борисѣ и Глѣбѣ въ житіяхъ къ сказанію лѣтописи разсмотрѣно Срезневскимъ въ статьѣ Древнія жизнеописанія русскихъ князей (Изв. II Отд. Ак. Н. т. II) и Хрущовымъ; причо́мъ видно, что въ лѣтописи было прибавлено нѣсколько самостоятельныхъ извѣстій и еще отрывокъ изъ акафиста святымъ братьямъ. Хрущовъ полагаетъ, что и разсказъ лѣтописи о переселеніи мощей Св. Бориса и Глѣба сокращенъ изъ подробнаго разсказа о томъ же Іакова Мниха.

Востоковъ и митр. Макарій указали, что въ лѣтопись вставлены подъ 6575 г. (въ иныхъ спискахъ подъ 6596 г.) мѣста изъ поученія, приписываемаго Преп. Θεодосію печерскому — о казняхъ Божіихъ; поученіе это сохранилось особо. См. обо всемъ этомъ у Сухомлинова, который сдѣлалъ обстоятельное сличеніе поученія съ лѣтописью.

Впослѣдствіи было указано, что поученіе о казняхъ Божіихъ составлено по слову о ведрѣ и о казняхъ Божіихъ, приписываемому Златоусту и находившемуся въ древней славянской письменности, и, такъ какъ въ лѣтописи это поученіе сохранилось будто бы въ болѣе древнемъ видѣ, чѣмъ читаемое отдѣльно, то есть мнѣніе, что поученіе напротивъ кѣмъ то за-

¹⁾ Въ некоторыхъ позднѣйшихъ сводахъ выдержки изъ Іакова Мниха значительно больше.

имствовано изъ лѣтописи (Срезневскій: Свѣдѣнія о малозвѣстныхъ памятникахъ № XXIV и Вадковскій: о поученіяхъ, Θεодосія Прав. Собес. 1876 г. ч. 3-я); по Голубинскій отстаиваетъ принадлежность поученія Преп. Θεодосію.

Подъ 6582 г. въ лѣтописи находятся отрывки поученія Преп. Θεодосія о постѣ, что означено въ самой лѣтописи.

Нѣсколько фразъ изъ слова Преп. Θεодосія о варяжской вѣрѣ находятся въ повѣсти о вселенскихъ соборахъ (см. выше стр. 131).

Костомаровъ считаетъ проповѣдями риторическія размышленія подъ 1078, послѣ смерти Изяслава, и подъ 1093 г.— по поводу нашествія половцевъ.

Въ лѣтопись вошло нѣсколько печерскихъ сказаній, именно сказаніе объ обрѣтеніи мощей Преп. Θεодосія печерскаго, написанное самимъ обрѣтателемъ, ученикомъ Θεодосія. Съ этимъ сказаніемъ связано сказаніе о погребеніи Маріи, жены Яновой,— по предположенію большинства изслѣдователей, жены тысяцкаго Яна Вышатича. Тому же ученику Θεодосія, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, принадлежатъ и еще два печерскихъ сказанія: чесо ради прозвася печерскій монастырь ¹⁾ и сказаніе объ успеніи Θεодосія, къ которому примыкаетъ разсказъ о подвигахъ Θεодосіевой братіи. Костомаровъ именно это сказаніе принимаетъ за лѣтопись печерскаго монастыря. Анализъ ихъ сдѣланъ Бестужевымъ-Рюминимъ.

Къ автору этихъ сказаній легче чѣмъ къ кому либо иному могутъ быть отнесены общеизвѣстныя автобіографическія даты Древней лѣтописи. Характеристика его на основаніи сказаній сдѣлана Хрущевимъ. Анализъ же печерскихъ сказаній сдѣланъ Яковлевимъ: Древнія кіевскія религіозныя сказанія, причомъ авторъ старается указать на ихъ источники или византійскіе образцы. Впрочемъ о Патерикѣ печерскомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

¹⁾ Извѣстія этого сказанія особенно не согласны съ извѣстіями, сообщаемыми Несторомъ въ житіи Св. Θεодосія.

Хрущовъ допускаетъ, что авторъ этихъ сказаній могъ сдѣлать еще нѣсколько записей, вошедшихъ въ лѣтопись, особенно о Печерскомъ монастырѣ; но примѣры записей, приводимыя имъ, таковы, что они могли быть записаны кѣмъ угодно. Вестужевъ-Рюминъ доказываетъ, что въ лѣтопись не вошло очень много и важныхъ извѣстій о Печерскомъ монастырѣ, а тѣ, которыя вошли, носятъ характеръ вставокъ. Можетъ быть все это обломки древней печерской лѣтописи, но вѣрнѣе допустить, что эти сказанія существовали независимо отъ церковныхъ погодныхъ записокъ, заключая одинаковый съ ними историческій матеріалъ изъ синодиковъ и другихъ аналогическихъ источниковъ (См. у Яковлева стр. 101).

Хрущовъ считаетъ эти сказанія (именно сказаніе объ основаніи Печерскаго монастыря) началомъ историческаго творчества въ этомъ монастырѣ, но это уже произвольно. Вѣрнѣе видѣть въ нихъ уже вторую редакцію (Яковлевъ).

Въ лѣтопись подъ 1071 г. внесено еще самостоятельное сказаніе о волхвахъ, состоящее изъ четырехъ рассказовъ. Изъ нихъ самый подробный о Янѣ Вышатичѣ. Хрущовъ склоненъ приписать это сказаніе тому же ученику Θεодосіа, которому приписаны и предыдущія сказанія. Кромѣ сходныхъ литературныхъ пріемовъ его наводитъ на эту мысль предполагаемая близость Яна Вышатича къ Печерскому монастырю. Нѣкоторые изъземные источники этого сказанія указаны выше. Вестужевъ-Рюминъ считаетъ этотъ рассказъ особою повѣстью,—сокращеннымъ поучительнымъ сочиненіемъ противъ волхвовъ.

Къ внесеннымъ въ лѣтопись сказаніямъ относятся еще рассказы о нападеніи половцевъ. Ихъ три: подъ 1068 годомъ, чрезвычайно живой и написанный современникомъ событія. Авторомъ его Хрущовъ считаетъ духовное городское лицо, близкое къ Всеславу Полоцкому; но для этого очень мало данныхъ. Къ этому сказанію позднѣе было присоединено поученіе о казняхъ Божіихъ, о которомъ было говорено. Второе сказаніе подъ 1093 годомъ, тоже написанное духовнымъ лицомъ, и третье подъ 1096 г.—о нашествіи Волыка, написано въ Печерскомъ

монастырѣ и, по мнѣнію Хрущова, Преп. Несторомъ. Анализъ всѣхъ этихъ сказаній сдѣланъ Хрущовымъ. Къ послѣднему сказанію примыкаетъ и записанный авторомъ третьяго сказанія со словъ Гюраты Роговича особый рассказъ о югрѣ; о немъ скажемъ тотчасъ же. Этому же автору Хрущовъ склоненъ приписать и составленіе повѣсти временныхъ лѣтъ. Замѣтимъ однако, что принадлежность какихъ либо сказаній одному и тому же автору Хрущовъ принимаетъ исключительно на основаніи литературныхъ соображеній, на основаніи напр. извѣстной сжатости или распространенности слога, картинности или сухости, смиренія и т. п.; почему достигнутые такимъ образомъ Хрущовымъ результаты навсегда могутъ считаться доказанными.

Преп. Нестору, по мнѣнію Хрущова, можетъ быть приписанъ и рассказъ о смерти Ольги, съ похвалой ей.

Отдѣльную повѣсть, кажется, позднѣе вставленную въ лѣтопись, подъ 6605 годомъ представляетъ рассказъ о судьбѣ Василька Князя Теробовльскаго, о его ослѣпленіи и послѣдующихъ, связанныхъ съ ослѣпленіемъ, событіяхъ. Повѣсть эта, по мнѣнію большинства изслѣдователей, внесена въ лѣтопись изъ письменнаго источника, составленнаго жителемъ города Владиміра Волынскаго Василюмъ¹⁾, который велъ переговоры между Василькомъ и Давидомъ Игоревичемъ, о чемъ ясно рассказано въ самой лѣтописи. Конечно, всѣ свѣдѣнія Василюмъ зналъ отъ первыхъ лицъ, т. е. отъ самаго Василька.

Изслѣдователи неодинаково отмѣчаютъ начало рассказа Василюмъ; чтобы избѣгнуть этого различія, Сухомлиновъ принимаетъ, что въ началѣ подлинный рассказъ Василюмъ замѣненъ изложеніемъ лѣтописца. Нѣкоторыя извѣстія рассказа еще разъ повторяются въ лѣтописи, хотя подъ нынѣшними годами.

Замѣчено сходство въ слогѣ Василюмъ съ слогомъ Галицко-Волынской лѣтописи и даже съ слогомъ Слова о полку Игоревѣ. Соловьевъ считаетъ рассказъ о Василькѣ отрывкомъ изъ недошедшей до насъ первой части Галицко-Волынской

¹⁾ Карамзинъ полагалъ, что напротивъ Василюмъ походилъ на Нестора.

лѣтописи; но все же онъ могъ быть прежде отдѣльнымъ сказаніемъ. Литературный анализъ разсказа сдѣланъ Хрущовымъ.

Кто такой этотъ разсказчикъ Василій? Карамзинъ видѣлъ въ немъ священника Галицкой области; но Вутковъ (Оборона) отмѣчаетъ, что при обращеніи къ нему князей они ни разу не называютъ его: отче, какъ это было обычно въ то время относительно духовныхъ лицъ. Татищевъ, на основаніи неизвѣстныхъ источниковъ, сообщаетъ, что Василій на Волыни осматривалъ училища. Наконецъ Хрущовъ приводитъ нѣкоторыя соображенія объ отношеніяхъ Василія къ Выдубецкому монастырю.

Несомнѣнно особое сказаніе представляетъ разсказъ Гюраты Роговича¹⁾ о Югрѣ. Иные считаютъ его разсказомъ самого Гюраты лѣтописцу (Се же хоцю сказати, яже слышахъ... яже сказа ми се и т. д.). Бестужевъ-Рюминъ, напротивъ, думаетъ, что разсказъ заимствованъ составителемъ лѣтописи изъ письменнаго источника новгородскаго происхожденія, гдѣ уже написано было «се же хоцю сказати и т. д.». Онъ сближаетъ его съ извѣстіемъ о чудесахъ въ Югрѣ, именно о стеклянныхъ глазкахъ²⁾ и пр., находящимся въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи. Возможно, что это два отрывка одного новгородскаго сказанія. И тотъ и другой разсказъ находятъ себѣ аналогію въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ Страбона, напр. о жѣновой торговлѣ Каравгена.

Къ разсказу Гюраты Роговича присоединена вставка изъ Мееодія Патарскаго, о которой было говорено.

Среди записей конца XI вѣка инны блещутъ такими подробностями, что можно предполагать здѣсь особия сказанія; таковъ разсказъ объ убійствѣ Итлара подъ 1095 годомъ, писанный или разсказанный лѣтописцу однимъ изъ дружинниковъ Владиміра Мономаха или воеводы его Ратибора. Бестужевъ-Рюминъ, какъ мы сказали, указываетъ такія сказанія особенно часто.

¹⁾ Иные читаютъ: Гюря (Юріѣ) Търговичъ (см. Шлецеръ I, 88).

²⁾ Т. е. о бисерѣ. См. объ этомъ Забѣлинъ: Ист. русск. жизни, т. 2-ой.

Соловьевъ, а за нимъ и Вестужевъ-Рюминъ принимаютъ за особое сказаніе разсказъ о борьбѣ Мстислава Владиміровича съ Олегомъ черниговскимъ и считаютъ его новгородскимъ, такъ какъ онъ сходенъ съ новгородскими лѣтописями; написанъ онъ не монахомъ.

Среди этого разсказа вставлено извѣстіе о нападеніи Боняка, о которомъ было уже говорено.

Затѣмъ въ лѣтописи есть большой разсказъ о походахъ русскихъ князей на половцевъ, вѣроятно примыкающій къ извѣстію объ огненномъ столпѣ, которое обыкновенно принимается за окончаніе Древняго свода, такъ какъ здѣсь стоитъ приписка Сильвестра. Но въ этомъ разсказѣ въ началѣ повторяется то, что есть въ разсказѣ о походѣ 1103 г., лишь въ иной редакціи; потомъ уже идетъ разсказъ оригинальный и въ заключеніи снова говорится объ огненномъ столпѣ. Вестужевъ-Рюминъ, какъ мы видѣли, на основаніи этого мѣста предполагаетъ окончаніе свода нѣсколько позднѣе 1110 года, такъ что здѣсь одно сказаніе разрѣзано припискою Сильвестра. Но и это предположеніе не объясняетъ той путаницы, которая оказывается въ этомъ мѣстѣ лѣтописи. Притомъ составитель этого сказанія не можетъ быть составителемъ свода, такъ какъ онъ не могъ смѣшать походы 1103 и 1111 годовъ; см. выше мнѣнія о времени, которымъ оканчивается Древняя лѣтопись.

Многіе учоныя: Костомаровъ, Соловьевъ, Вестужевъ-Рюминъ, Хрущовъ, отдѣляютъ, какъ особенное сказаніе, внесенное въ сводъ и его начинающее, повѣсть временныхъ лѣтъ, такъ что это заглавіе относятъ не ко всей лѣтописи, а къ ея части. Костомаровъ считаетъ эту повѣсть предисловіемъ (безъ годовъ) и думаетъ, что она оканчивается тамъ, гдѣ начинается числовая лѣтопись (въ лѣто 6360). Въ свою очередь и она состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, спаянныхъ вѣстѣй и перепутанныхъ; въ нее вошли отрывки изъ Георгія Амартола, дополненія къ нимъ русскаго повѣствователя, легенда о Св. Андрѣ, исчисленіе народовъ въ русскомъ мѣрѣ и исторія полявъ, которую Костомаровъ склоненъ считать за основу всей повѣсти.

Къ этой повѣсти, по мнѣнію Костомарова, можетъ принадлежать и сказаніе о призваніи варяговъ; а, можетъ быть, была особая повѣсть — отъ изгнанія варяговъ и до 1043 г., т. е. до послѣдняго похода на Грецію (когда тонъ разсказа уже дѣлается инымъ), опять таки съ особыми вставками: лѣтопись Печерскаго монастыря, повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ, о крещеніи Владиміра, договоры, поученіе Мономаха и т. п. Наконецъ обѣ повѣсти могли составлять и одно цѣлое. Соловьевъ и Бестужевъ-Рюминъ оканчиваютъ повѣсть временныхъ лѣтъ утвержденіемъ Аскольда и Дира въ Кіевѣ («кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити» и т. д.), причомъ по Бестужеву-Рюмину повѣсть эта происхожденія кіевскаго (ср. отзывы о полянахъ) и написана едва ли не съ цѣлью связать Кіевъ и Новгородъ, а можетъ быть и показать преимущества Кіева предъ Новгородомъ (сказаніе объ Апост. Андрѣ). Впрочемъ, Бестужевъ-Рюминъ полагаетъ, что ее неразъ передѣлывали, кое что вставляли и т. д., такъ что и здѣсь мы имѣемъ сводъ, конечно, не говоря уже о византійскихъ приставкахъ. Бестужевъ-Рюминъ отмѣчаетъ въ ней нѣсколько сегментовъ, начинающихся напр. такъ: Поляномъ же жившимъ особѣ, или, славянску же языку, живущу на Дунаѣ и т. п. Писана была повѣсть безъ чиселъ, таблица же и годы вставлены позднѣе, причомъ есть много пустыхъ годовъ. Составлена повѣсть не раньше половины XI вѣка, такъ какъ въ ней есть извѣстіе о половцахъ, и не позже XII, ибо по ней вятичи еще не крещены. Бестужевъ-Рюминъ допускаетъ, что она составлена монахомъ Печерскаго монастыря; къ этой повѣсти присоединяетъ онъ и разсказъ о призваніи варяговъ. Хрущовъ дѣлаетъ предположеніе, что монахъ этотъ былъ именно Преп. Несторъ, которому онъ приписываетъ первую работу надъ русскимъ лѣтописаніемъ и полагаетъ, что повѣсть временныхъ лѣтъ доходитъ до Владиміра, причомъ, разумѣется, допускаетъ и вставки; такими позднѣйшими вставками считаетъ онъ разсказы объ Апост. Андрѣ и о Рюрикѣ; послѣдній вставленъ уже Сильвестромъ.

Выдѣливъ изъ состава Древней лѣтописи все то, что, по мнѣнію ученыхъ, заимствовано изъ отдѣльныхъ сказаній или повѣстей, мы должны сказать еще нѣсколько словъ и о находящихся въ ней небольшихъ замѣткахъ. Мы говорили уже, что почти невозможно рѣшить, принадлежитъ ли извѣстная запись къ составу какой либо лѣтописи, предшествовавшей своду, и была ли она записана въ нее подъ определеннымъ годомъ, или она была мелкою летучею замѣткою, попавшею въ лѣтопись или даже въ сводъ изъ иного источника. Можно полагать, что отдѣльными замѣтками были записи, отмѣчающія болѣе древнія событія, но и записи о новыхъ событіяхъ тоже могли существовать независимо отъ лѣтописи и потомъ быть въ нее вставлены. Бестужевъ-Рюминъ при опредѣленіи состава Древней лѣтописи постоянно допускаетъ возможность такой вставки.

Анализъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ замѣтокъ, вошедшихъ въ составъ Древней лѣтописи, сдѣланъ Срезневскимъ въ Чтеніяхъ о лѣтописяхъ.

Исходя изъ существованія у насъ книгъ еще въ X вѣкѣ, Срезневскій доказываетъ, что сохранившіяся лѣтописи — это такъ сказать палимпсесты, по которымъ можно прочесть и болѣе древнія лѣтописи, составлявшіяся въ свою очередь изъ древнѣйшихъ; доказательствъ этой теоріи Срезневскій ищетъ именно въ древнихъ лѣтописныхъ замѣткахъ.

Древняя лѣтопись 1110 г.; но въ нее занесены извѣстія о событіяхъ болѣе раннихъ — VII и VIII вѣка и, кромѣ византійскихъ и болгарскихъ (проникшихъ изъ иныхъ источниковъ), записаны и событія русскія; есть рядъ годовыхъ чиселъ, начиная съ 852 года съ замѣтками. Откуда все это могло взяться?

Подъ 859 г. записано: *Имаху данъ варязи, пришедше изъ заморья. Какъ могло быть записано подобное извѣстіе въ XII вѣкѣ?*

Рядъ такихъ записей, причомъ онѣ сохраняютъ очень мелкія и точныя подробности, въ то время, какъ рассказы о несравненно болѣе важныхъ событіяхъ, если они сохранились

лишь въ формѣ народнаго преданія, отличаются крайнею неопредѣленностью и неправдоподобностью, существованіе о какомъ либо событіи различныхъ преданій, въ которыхъ лѣтописецъ XII вѣка долженъ уже былъ разбираться и инья оспаривать; существованіе многихъ мелкихъ и точныхъ замѣтокъ о древнѣйшихъ событіяхъ не только въ древней лѣтописи, но и въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ—все это привело Срезневскаго къ убѣжденію, что замѣтки о событіяхъ дѣлались тогда, когда известное событіе хорошо помнилось, можетъ быть, даже тогда, когда оно случилось, т. е. что замѣтки существовали у насъ по крайней мѣрѣ съ начала X вѣка¹⁾. Впрочемъ, окончательное рѣшеніе вопроса о томъ, какія замѣтки сдѣланы современниками, какія несовременниками, Срезневскій считаетъ уже невозможнымъ. Затѣмъ онъ дѣластъ выборку извѣстій, изъ которыхъ мы нѣсколько и приведемъ: «Въ лѣто 6367 козари имаху на полянѣхъ и на сѣверѣхъ и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и выверидѣ отъ дыма». Опять, какъ могли сохраниться подробности о дани? «Въ лѣто 6419 явися звѣзда велика на западѣ копѣйнымъ образомъ». Извѣстіе точно. «Въ лѣто 6422 иде Игорь на древланы и побѣдивъ вложи на нихъ дань большю Ольгову». Конечно, говоритъ Срезневскій, когда записывали извѣстіе о походѣ Игоря, былъ еще памятенъ походъ Олега. При имени Свѣнѣльда въ 6453 г. прибавлено «тѣ же отць Мстишинъ», а кто такой этотъ Мстиша, неизвѣстно. Очевидно, онъ былъ важенъ для составителя замѣтки только какъ современникъ. «6477 г. умре Ольга іюля въ 11 день». Откуда такая подробность? Въ 6479 г., когда Святославъ зимовалъ въ Бѣлобережьи, «бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча». Конечно, говоритъ Срезневскій, такія полныя свѣдѣнія могли быть занесены лишь современникомъ.

Далѣе, во II-мъ чтеніи Срезневскій приводитъ выборку такихъ замѣтокъ (отдѣленныхъ отъ преданій) до принятія Св.

¹⁾ Срезневскій въ этихъ самыхъ фактахъ видитъ доказательство существованія и лѣтописи въ X вѣкѣ, но это не убѣдительно.

Владиміромъ крещенія; впрочемъ, здѣсь указаны извѣстія, несомнѣнно заимствованныя изъ преданій. Срезновскій и оговорилъ, что иногда при краткости преданія оно ничѣмъ не отличается отъ лѣтописныхъ замѣтокъ.

Начиная съ Владиміра Святого краткихъ замѣтокъ о событіяхъ въ лѣтописи дѣлается все больше и больше. Весьма вѣроятно, что замѣтки эти сдѣланы современниками и, быть можетъ, даже самими лѣтописцами.

Масса древнихъ замѣтокъ, повидному, не вошла въ Древнюю лѣтопись, а нашла себѣ мѣсто, какъ въ лѣтописяхъ позднѣйшихъ, такъ и въ иныхъ источникахъ, напр. въ житіяхъ святыхъ и т. п. Прежде полагали, что всѣ подобныя замѣтки или сочинены позднѣе Древней лѣтописи, или пропущены при ея перепискѣ позднѣйшими переписчиками; но теперь, когда доказано существованіе древнихъ, независимыхъ отъ лѣтописи замѣтокъ, древность нѣкоторыхъ изъ сохранившихся въ позднѣйшихъ источникахъ записей вообще не можетъ быть оспариваема. Анализъ ихъ сдѣланъ Вестужевымъ-Рюминомъ (Лѣтописи, стр. 60—69), высказывающимся въ пользу достовѣрности извѣстій въ этихъ записяхъ.

Нѣкоторыя изъ такихъ древнихъ замѣтокъ сохраняютъ даже печать современности, напр. въ Никоновской лѣтописи подъ 6375 (869 г.) записано, что въ Кіевѣ былъ гладъ великій. Кѣмъ и зачѣмъ, говоритъ Сухомлиновъ, могло быть выдумано подобное извѣстіе?

Всѣ извѣстія до 1110 г., не вошедшія въ Древнюю лѣтопись и сохранившіяся въ иныхъ печатныхъ источникахъ, собраны Вестужевымъ-Рюминомъ въ I приложеніи къ его сочиненію о лѣтописяхъ. Не вошли лишь извѣстія изъ Сянописца, изъ такъ называемой Подробной лѣтописи, изданной Львовымъ, и изъ лѣтописи Іоакимовской. Остальныя извѣстія, находящіяся въ составленномъ Татищевымъ лѣтописномъ сводѣ, Вестужевымъ-Рюминомъ внесены; внесены нѣкоторыя извѣстія и Стрыйковскаго, даже Титмара Мерзебургскаго, а во II при-

ложеніи — Длугоша. Впрочемъ, Бестужевъ-Рюминъ внесъ все, не исключая и позднѣйшихъ сказокъ.

Говорить о достовѣрности записей вообще очень трудно, но ученые склонны думать, что сухая лѣтописная замѣтка, исключая всякій слѣдъ субъективнаго отношенія записавшаго лица къ записанному имъ событію, болѣе или менѣе достовѣрна. Сухомлиновъ именно приводятъ примѣры, какъ какая либо запись при перепискѣ Древней лѣтописи выростала уже подъ вліяніемъ риторики; напр. въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 6411 г. сказано: Игоревы възрастшю и хожаше по Ользѣ и слушаше его; и приведоша ему жену отъ Плескова именемъ Ольгу. Въ лѣтописцѣ Переяславля суздальскаго это извѣстіе передано слѣдующими словами: Игоревы възрастшю и хождаше по Ользѣ и всю воля его творѣ. Приведоша емоу жену Ѡ Плескова именемъ Олгу, остроумную и корень и основаніе вѣрѣ христіанстей и намъ вождѣ. Списки Древней лѣтописи въ Никоновскомъ и другихъ позднѣйшихъ сборникахъ отличаются большимъ распространеніемъ замѣтокъ. Впрочемъ, существуютъ примѣры, что очень краткое и, повидимому, весьма объективное извѣстіе (Рюрикъ умеръ въ Корелѣ) оказывается не достовѣрнымъ (см. Бестужевъ-Рюминъ, лѣтописи стр. 60).

Гдѣ краткія замѣтки могли быть записаны? Вопросъ почти не разрѣшенный, но кое что можно указать. Прежде всего разумѣется въ Кіевѣ. Бестужевъ-Рюминъ началомъ ихъ считаетъ первый годъ Олега. Годы предыдущихъ извѣстій вставлены уже потомъ по лѣтописямъ греческимъ. Гдѣ же писались эти замѣтки въ Кіевѣ? Это могли быть церковныя и монастырскія замѣтки, напр. нѣкоторыя извѣстія, касающіяся Печерскаго монастыря, могли быть записаны впервые именно въ Печерскомъ монастырѣ. Извѣстіе подъ 6596 г. объ освященіи церкви св. Михаила, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, могло быть записано въ Михайловскомъ Выдубецкомъ монастырѣ и т. п. Другія замѣтки, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, могли быть записаны при дворѣ великихъ князей и такія имѣютъ officialный характеръ. Нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія, находящіяся въ Древней лѣто-

писи, могли быть предварительно записаны и не в Кіевѣ. Соловьевъ и Вестужевъ-Рюминъ постоянно принимаютъ, что новгородское извѣстіе записано въ Новгородѣ, волынское на Волыни и т. д., хотя это и проблематично: мало ли какими путемъ новгородское извѣстіе могло дойти до кіевского лѣтописца? По крайней мѣрѣ Срезневскій не рѣшался такъ сортировать извѣстія. Впрочемъ и Вестужевъ-Рюминъ выражается условно (см. напр. примѣч. на стр. 49). Въ средину этихъ извѣстій опять могли быть вставлены извѣстія, или даже сказанія, предварительно записанныя въ иномъ мѣстѣ и т. д. Всѣ эти замѣтки въ свою очередь могли имѣть самое разнообразное происхожденіе.

Вестужевъ-Рюминъ, дѣлая на стр. 49—57 подробный анализъ краткихъ извѣстій Древней лѣтописи по мѣстностямъ, иногда пытается даже опредѣлить, кто могъ записать известное событіе? Или, лучше сказать, насколько видна въ записи личность автора? Въ такихъ случаяхъ Вестужевъ-Рюминъ руководствуется анализомъ симпатій и антипатій составителя замѣтки къ тѣмъ или другимъ историческимъ лицамъ; иногда анализъ касается манеры изложенія. Но нельзя не сказать, что выводы Вестужева-Рюмина, весьма правильныя съ точки зрѣнія теоріи, оказываются шаткими въ приѣненіи къ каждой данной записи, такъ какъ основаній для опредѣленія личности ея составителя всегда очень недостаточно, и самъ Вестужевъ-Рюминъ въ этомъ случаѣ постоянно выражается условно.

При невозможности выдѣлить изъ состава Древней лѣтописи краткія замѣтки, внесенныя въ нее позднѣе, очевидно, невозможно опредѣлить степень личнаго участія въ ней самого ея составителя. Конечно, говорить Вестужевъ-Рюмень, онъ долженъ былъ находиться въ главномъ центрѣ тогдашней умственной дѣятельности и быть въ сношеніяхъ со многими людьми; многое могло быть записано имъ самимъ изъ изустныхъ разсказовъ. Трудно было не только собраніе извѣстій и слуховъ, но и самое собраніе письменныхъ сказаній, изъ которыхъ одно писалось въ Новгородѣ, другое въ Владимірѣ Волынскомъ,

третье, можетъ быть, въ Ростовѣ. Весьма вѣроятно, какъ принимаетъ и Вестужевъ-Рюминъ, что составителемъ внесены извѣстія, близкія ко времени составленія лѣтописи, т. е. конца XI и начала XII вѣка.

Прежде приписывали составителю Древней лѣтописи (какъ думали Нестору) всѣ тѣ мѣста, гдѣ въ лѣтописи говоритъ очевидецъ; но рѣшить, былъ ли этимъ очевидцемъ самъ составитель лѣтописи, или онъ внесъ извѣстія, раньше записанныя какимъ либо очевидцемъ, теперь уже невозможно. Даже слово «ми» въ лѣтописи не всегда обозначаетъ лѣтописца: быть можетъ это «ми» было уже въ источникѣ, которымъ лѣтописецъ воспользовался, какъ это видно въ рассказѣ Василя о Василькѣ, гдѣ «ми» обозначаетъ Василя. По поводу рассказа Гюраты Роговичъ, мы указали, что и для этого рассказа Вестужевъ Рюминъ предполагалъ въ лѣтописи письменный источникъ, а не рассказъ самого Гюраты лѣтописцу. Но все таки несомнѣнно, что въ Древней лѣтописи нѣкоторыя извѣстія сохранены очевидцами. Выборка таковыхъ извѣстій есть во всѣхъ сочиненіяхъ о лѣтописяхъ, напр. у Вестужева-Рюмина (стр. 14), у Костомарова (Лекціи стр. 24) и др.

Подъ 6614 г. записано наиболѣе точное указаніе на очевидца, сообщавшаго извѣстія какому то лѣтописцу, судя по времени, вѣроятно, составителю Древней лѣтописи: представися Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90... отъ него же и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семь.

Одно указаніе, сообщенное очевидцемъ, нѣсколько смущало изслѣдователей своею будто бы несообразностью. Подъ 6573 г. записано: «Въ си же времена бысть дѣтищъ ввержень въ Сѣтомль, сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоровохомъ до вечера и пакы ввергоша и въ воду; бляшешъ бо сиць: на лиціи ему срамнии удове, иного нельзя казати срама ради». Но Погодинъ видѣлъ такого уродца въ мюнхенскомъ музеѣ.

Не могутъ служить указаніемъ на лѣтописца и довольно часто попадающіяся въ Древней лѣтописи случаи, гдѣ рассказъ

щикъ слѣды прошлаго подкрѣпляетъ современными фактами, напр.: «есть могила его (Олега Святославича) и до сего дне оу Вручого», «и есть село ее Ольжичи и доселе», такъ какъ подобныя глоссы могли перейти въ лѣтопись изъ первичнаго источника. Выборка такихъ мѣстъ есть у Погодина и у Хрущова.

Вотъ и все, что можно сказать о составѣ Древней лѣтописи на основаніи болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній. Точнѣйшее же опредѣленіе состава, какъ мы уже неразъ имѣли случай высказаться по поводу различныхъ частныхъ вопросовъ, признается современною наукою невозможнымъ. Во всякомъ случаѣ вполне справедливы слова Вестужева-Рюмина, что Повѣсть временныхъ лѣтъ является архивомъ, въ которомъ хранятся слѣды погибшихъ для насъ произведеній нашей литературы.

Древняя лѣтопись сообщаетъ такую массу извѣстій о былевой и бытовой исторіи Россіи, что смѣшно и думать о ихъ указаніи. Замѣтимъ только то, что ни въ одномъ историческомъ источникѣ, касающемся русской исторіи, не выступаетъ съ такою ясностью образъ народа, какъ въ Древней лѣтописи. Народныя движенія, чувства, страсти, понятія и т. д. вырисовываются, не смотря на сухое, повидимому, лѣтописное изложеніе, съ необыкновенною рельефностью. Въ обширныхъ разсказахъ лѣтописей новгородскихъ и псковскихъ, или лѣтописей позднѣйшихъ южно-русскихъ есть картины движеній народныхъ массъ, неуступающія картинамъ Древней лѣтописи, но въ мелкихъ ея замѣткахъ, иногда состоящихъ ихъ двухъ трехъ словъ выступаетъ жизнь народа съ необыкновенною живостью, тогда какъ въ иныхъ лѣтописяхъ эти мелкія замѣтки посвящаются дѣяніямъ отдѣльныхъ личностей. Въ Древней лѣтописи личный элементъ почти отсутствуетъ и, если наша исторія удѣльно-вѣчеваго періода даетъ намъ нѣсколько ясныхъ образовъ историческихъ лицъ, какъ напр. Преп. Θεодосіа ¹⁾

¹⁾ Если еще въ житіи его не видѣть сильнаго вліянія византійскихъ источниковъ; см. Яковлевъ : Киевскія религиозныя сказанія.

или Владиміра Мономаха, то эти образы почерпаются изъ иныхъ историческихъ источниковъ, свѣдѣнія которыхъ даже несовсѣмъ сходны съ свѣдѣніями, сообщаемыми объ этихъ лицахъ лѣтописью. Но, благодаря Древней лѣтописи, намъ гораздо болѣе извѣстенъ, или лучше сказать дается путемъ непосредственнаго впечатлѣнія, а не путемъ ученаго историческаго анализа, бытъ народа въ самыхъ разнообразныхъ сторонахъ его дѣятельности. Справедливость требуетъ замѣтить, что столь же народный характеръ имѣтъ и лѣтопись такъ называемая Кіевская, отличающаяся и такою же художественностью. Лѣтописи же новгородскія, даже древнія псковскія и позднѣйшія южно-русскія, при всей ихъ народности, отличаются отсутствіемъ художественности. Это свойство лѣтописи—преимущественно служить выразителемъ народныхъ понятій и чувствъ, объясняется, конечно, тѣмъ значеніемъ, которое еще имѣлъ народъ въ продолженіе всего удѣльно-вѣчеваго періода, когда еще шумѣли вездѣ по городамъ народныя вѣча, когда народъ зачастую рѣшалъ всѣ общественныя дѣла сдумавши между собою, когда онъ заключалъ ряды съ своими князьями и садилъ ихъ на столъ, и когда на его обсужденіе отдавалъ князь то, что онъ думалъ съ своими боярами; когда еще смерды считали въ своемъ распоряженіи всѣ поля, лѣса и дуга, гдѣ ходили ихъ соха, топоръ и коса, когда у нихъ были рыбныя ловли, бобровыя гоны и бортины ухажи, словомъ, когда еще земля, по словамъ лѣтописца, была и велика и обильна; но уже начиналось подъ вліяніемъ измѣнившихся экономическихъ и политическихъ условій разложеніе стараго государственнаго и общественнаго строя и замѣна его новымъ, въ которомъ къ національнымъ чертамъ уже примѣшивались и черты, заимствованныя изъ византійскихъ идеаловъ (См. подобную же характеристику лѣтописи у Лашинюкова).

Мы не рѣшаемся говорить о хронологіи Древней лѣтописи, такъ какъ это вопросъ открытый и въ высшей степени трудный; можно сказать, что признаніе Древней лѣтописи лѣтописнымъ сводомъ дѣлаетъ его рѣшеніе въ общемъ и невозможнымъ. Исслѣдованіе о хронологіи Древней лѣтописи, даже о

хронологіи ея извѣстій въ какомъ либо изъ ея списковъ должно разбитъ на рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій чуть ли не о каждомъ ея годѣ. Вотъ отчего теперь въ каждомъ историческомъ изслѣдованіи, для котораго почему либо важна какаа нибудь хронологическая дата изъ лѣтописи, встрѣчается относительно ея болѣе или менѣе самостоятельное изслѣдованіе. Число такихъ маленькихъ изслѣдованій весьма велико, но никто еще не пытался хоть сколько нибудь ихъ согласить. Одно только можно сказать, что весьма многія даты въ лѣтописи не вѣрны; напр. Васильевскій и другіе изслѣдователи вполне доказали, что взятіе Корсуня Владиміромъ Святѣмъ имѣло мѣсто уже послѣ его крещенія. Несомнѣнно, что древней русской исторіи прійдется значительно измѣнить свой видъ, когда хронологія Древней лѣтописи опредѣлена будетъ правильно, если только это возможно.

Такъ какъ все то, что мы могли бы еще сказать о хронологіи Древней лѣтописи, относится и къ хронологіи лѣтописей вообще, то, чтобы не повторяться, мы укажемъ лишь на то мѣсто нашего труда (стр. 87 и д.), гдѣ объ этомъ вопросѣ уже было говорено.

Древняя русская лѣтопись, какъ памятникъ древне-русской литературы.

Характеристика Древней лѣтописи, какъ памятника литературнаго, превосходно сдѣлана Сухомлиновымъ въ его сочиненіи о Древней лѣтописи. Но Сухомлиновъ исходилъ изъ предположенія, что Древняя лѣтопись — продуктъ творчества одного лѣтописца, а именно Преп. Нестора. Въ настоящее время, когда лѣтопись признана сводомъ, характеристика ея сводится на характеристику цѣлаго литературнаго направленія, имѣвшаго мѣсто въ древней Руси въ XI вѣкѣ. Но характеристика этого направленія, основанная исключительно на Древней лѣтописи, можетъ считаться не полною, такъ какъ отъ XI вѣка дошли и иные литературные памятники, сходные съ тѣми, которые вошли въ составъ Древней лѣтописи, имѣющіе много

общихъ съ нею типическихъ чертъ и рельефно выражающіе идеи, жившія въ умахъ образованныхъ людей XI вѣка. Однако мы не рѣшаемся здѣсь расширить рамки нашего изложенія, такъ какъ имѣемъ въ виду лишь непосредственную цѣль—ознакомленіе съ Древнею лѣтописью. Поэтому, излагая ея характеристику съ литературной стороны, мы желаемъ указать лишь на свойства лѣтописцевъ XI вѣка. Въ сущности, мы допускаемъ здѣсь такую же фикцію, какъ и въ вопросѣ о составѣ Древней лѣтописи, т. е. принимаетъ эту лѣтопись за памятникъ цѣльный. Въ своемъ изложеніи мы руководствуемся лишь выводами Сухомлинова, такъ какъ послѣдующіе изслѣдователи или повторяютъ его мнѣнія, или даже, какъ напр. Бестужевъ-Рюминъ, прямо отсылаютъ читателей къ изслѣдованію Сухомлинова.

Замѣтимъ еще, что характеристику Древней лѣтописи Сухомлиновъ дѣлаетъ параллельно съ характеристикой нѣсколькихъ западно-европейскихъ лѣтописей, о чемъ мы будемъ говорить тотчасъ же.

Предметъ Древней лѣтописи, какъ и всѣхъ другихъ русскихъ лѣтописей,—судьба русской земли. Точно также и содержаніе ея составляютъ войны изъ за нея, набѣги непріятелей, княжескіе раздоры, сооруженіе церквей и монастырей и судьба ихъ, подвижничество монаховъ, распространеніе христіанства, наконецъ, сохраненіе преданій древности о родной землѣ. Помѣщеніе въ лѣтописи обширныхъ вставокъ, по мнѣнію Сухомлинова, показываетъ и цѣль литературную,—желаніе сообщать извѣстія достопамятныя вообще, не предназначая ихъ для какого либо исключительнаго употребленія, и происходитъ изъ желанія подѣлиться съ другими плодомъ своей начитанности и своихъ размышленій.

Записи въ лѣтописи есть и краткія, и болѣе или менѣе пространныя; иногда такія замѣтки сплошь кратки; при разсказѣ о событіяхъ часто сообщаются свѣдѣнія о лицахъ, принимавшихъ участіе въ этихъ событіяхъ, а извѣстія о лицахъ состоятъ въ сообщеніи какихъ либо датъ изъ ихъ жизни, чаще

всего времени ихъ смерти и мѣста погребенія. Въ извѣстіяхъ о смерти какого либо лица часто упоминается о его дѣлахъ, дѣлаются отзывы о немъ, иногда дается его портретъ, или краткая характеристика.

Въ лѣтописи сообщенно и много чертъ быта внутренняго: вѣрованія, нравы, обычаи и т. п.

Мы сказали, что, характеризуя Древнюю лѣтопись, какъ памятникъ литературный, Сухомлиновъ сравниваетъ ее съ сочиненіями нѣкоторыхъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, именно Козьмы пражскаго, Ламберта гершфельдскаго († 977 г.) и Григорія турскаго († 595). Всѣ три лѣтописца были монахи, первый и второй жили въ одно время съ Преп. Несторомъ; Григоріемъ турскимъ и Козьмою пражскимъ начинается лѣтописаніе во Франціи и Чехіи: слѣдовательно точекъ соприкосновенія между всѣми этими лѣтописцами есть много.

Въ извѣстіяхъ всѣхъ лѣтописей есть значительное сходство; но русская лѣтопись безпристрастнѣе всѣхъ въ описаніи нравовъ. Она не скрываетъ недостатковъ въ бытѣ славянъ, тогда какъ напр. Козьма пражскій бытъ древней Чехіи рисуетъ въ видѣ идилліи; Григорій турскій въ этомъ отношеніи ближе подходитъ къ русской лѣтописи.

У всѣхъ лѣтописцевъ преобладаютъ рассказы о внѣшней исторіи надъ рассказами о внутреннемъ бытѣ, и это само собою понятно, такъ какъ до послѣдняго времени внѣшнія событія болѣе привлекали общее вниманіе, нежели миръ внутренній. Всѣ лѣтописи отводятъ много мѣста войнамъ внѣшнимъ и внутреннимъ, одинаково говорятъ о чудесахъ, знаменіяхъ, видѣніяхъ. Русская лѣтопись даетъ сравнительно мало этого рода свѣдѣній, которыхъ особенно много у Григорія турскаго. Въ характеристикѣ лицъ всѣ лѣтописи кратки; живѣе другихъ Козьма пражскій, который притомъ очень любитъ говорить о красотѣ жезцивъ,—черта въ нашей лѣтописи почти отсутствующая. Форма изложенія въ Древней лѣтописи такая же, какъ и во всѣхъ иныхъ лѣтописяхъ. Въ ней послѣдовательность хронологическая, событія, совершившіяся въ продолженіи нѣ-

сколькихъ лѣтъ, разбиты по годамъ. Иногда авторъ кстати вспоминаеть и о времени позднѣйшемъ, напр. «Владиміръ твора пирь во всѣхъ лѣтахъ»; иногда — о болѣе раннемъ: «Олегу помину конь свой, иже бѣ поставилъ кормити и не вседати нань, бѣ бо преже въпрашалъ волхвовъ и кудесникъ» и т. д. Такія отступленія дѣлаются лишь въ поясненіе событій, имѣвшихъ въ глазахъ автора извѣстное значеніе. Отсутствіе многихъ извѣстій, говоритъ Сухомлиновъ, объясняется тѣмъ, что не пришлось привести ихъ кстати въ разсказѣ, слѣдующемъ порядку времени. Если отступление составляетъ цѣлый эпизодъ, то за нимъ слѣдуетъ извѣстная связка: но мы на прежнее возвратимся и т. д. Такою же связью между частями разсказа служатъ выраженія: и се да скажемъ, или: се хоцю сказати. Совершенно таково же изложеніе Ламберта и Космы пражскаго. Григорій турскій постоянно забываетъ прежній разсказъ изъ за новаго эпизода и потомъ къ нему возвращается.

Сухомлиновъ говоритъ далѣе, что кромѣ внѣшней хронологической послѣдовательности въ Древней лѣтописи видна и внутренняя послѣдовательность, видны понятія и чувства автора. Признавая Древнюю лѣтопись сводомъ, мы можемъ признать эту внутреннюю послѣдовательность лишь въ видѣ единства понятій и чувствъ вообще у нашихъ древнихъ лѣтописателей.

Каковы же были ихъ понятія и чувства?

Древняя лѣтопись всегда указываетъ причину событій; оно объяснено обыкновенно согласно съ народными взглядами того времени, иногда же авторъ излагаетъ и свое мнѣніе; причома, неважная по нашему мнѣнію причина могла быть очень важною въ его глазахъ, какъ напр. это видно въ разсказѣ о борьбѣ Ярополка и Олега.

Высшая причина всему — воля Божія, Провидѣніе, заявляющее свое присутствіе въ помыслахъ и чувствахъ лучшихъ людей, въ знаменіяхъ небесныхъ; часто разсказъ начинается фразою: вложи Богъ мысль добру, или: Богъ князю вложи въ сердце. Видна необыкновенная вѣра въ праведный судъ Божій и многія событія являются наказаніемъ за грѣхи, за преступ-

леніе креста честнаго и т. и. Причиною же злыхъ дѣлъ на-
противъ постоянно являются козни дьявола.

Совершенно таковы же взгляды и западныхъ лѣтописцевъ;
впрочемъ, приписывать непосредственное божеское участіе въ
дѣлахъ человѣческихъ свойственно всей древней историографіи.

Въ Древней лѣтописи вѣтъ вѣры въ случай или сцѣп-
леніе обстоятельствъ (какъ это есть напр. у Козьмы пражска-
го), но есть вѣра въ судьбу, — Провидѣніе проявляетъ свою
волю въ знаменіяхъ небесныхъ и въ необыкновенныхъ явлені-
яхъ природы, почему очень серьезно сообщаются подобныя яв-
ленія и имъ придается (какъ и на Западѣ) пророческое зна-
ченіе; знаменія подтверждаются свидѣтельствами и объяснені-
ями, какъ напр. въ разсказахъ о волхвахъ, или о Гюратѣ
Роговичѣ. Авторъ постоянно во всемъ даетъ себѣ отчетъ, су-
дить, соображаетъ съ источниками и т. д., и въ этомъ отно-
шеніи Древней лѣтописи уступаютъ всѣ лѣтописи позднѣйшія.
Сухомяиновъ указываетъ еще на тенденцію лѣтописи объяснить
имена народовъ (поляне, древяне и др.), или городовъ (Ки-
евъ, Переяславль).

Давно уже изслѣдователей, не исключая и строгаго Шле-
цера, поражала ясность этнографическихъ свѣдѣній Древней
лѣтописи, которой нѣтъ уже въ лѣтописяхъ послѣдующихъ;
поэтому Шлецеръ всегда отдавалъ Древней лѣтописи предпо-
чтеніе и говорилъ, что безъ Нестора нельзя было бы знать
исторіи Сѣвера.

Черезъ лѣтописное изложеніе въ Древней лѣтописи по-
стоянно, и притомъ ясно и живо проглядываютъ чувства ав-
тора, что бываетъ далеко не въ во всѣхъ лѣтописяхъ; онъ
ихъ постоянно высказываетъ. Прежде всего замѣчается истинно
христіанское чувство, особенно сказывающееся въ ужасѣ по
поводу какого либо антихристіанскаго поступка. Затѣмъ видна
любовь къ русской землѣ, любовь къ просвѣщенію, особенно
къ книгамъ, напр. въ извѣстной похвалѣ Ярославу, участіе
къ народнымъ бѣдствіямъ, порицаніе внутреннихъ раздоровъ и
радость при извѣстіи о согласіи князей между собою.

Чувства свои лѣтописецъ выражаетъ или, какъ и западныя лѣтописцы, цитатою изъ священнаго писанія, или размышленіями и изліяніями чувствъ (иногда сходно съ поученіями). Часто авторъ обращается къ современникамъ (какъ дѣлаютъ и византійскіе и западныя лѣтописцы), или примѣняетъ къ извѣстію событій аналогическія, напр. изъ библейской и византійской исторіи.

Сухомиловъ посвящаетъ много страницъ вопросу о безпристрастіи Древней лѣтописи. Мы говорили, что новѣйшіе изслѣдователи, напр. Бестужевъ-Рюминъ, иначе смотрятъ на этотъ вопросъ и иногда, на основаніи предполагаемаго пристрастія въ какой либо лѣтописной замѣткѣ по отношенію къ извѣстному лицу, пытаются даже опредѣлить составъ лѣтописнаго свода. Но, и принявши мнѣніе Бестужева-Рюмина, нельзя отрицать, что Древняя лѣтопись болѣе безпристрастна, чѣмъ лѣтописи позднѣйшія, или чѣмъ современныя лѣтописи западноевропейскія. Въ Древней лѣтописи видно нѣкоторое пристрастіе къ извѣстнымъ монастырямъ, городамъ или лицамъ, пожалуй къ ихъ роду, но и то иногда съ трудомъ уловимое, что даже удивительно при сложномъ составѣ Древней лѣтописи, такъ что возможно счесть ея сравнительное безпристрастіе за характеристическую черту цѣлаго литературнаго періода (припомнимъ отзывъ Св. Феодосія о латинахъ). Древняя лѣтопись нерѣдко указываетъ на достоинства иноземцевъ, и даже враговъ, она не закрываетъ глаза на недостатки русскихъ, и даже князей, и порицаетъ не только ихъ дѣла, но и самыя помыслы. Извѣстенъ почти сочувственный отзывъ о Болеславѣ Храбромъ и полякахъ, который не имѣетъ ничего общаго съ извѣстіями польскихъ лѣтописцевъ (напр. Мартина Галла или Кадлубка) о русскихъ и Ярославѣ¹⁾. Весьма любопытно сравнить отзывъ лѣтописи о Владимірѣ Святѣмъ, который сравнивается съ Соломономъ—съ прибавкою: мудръ же бѣ Соломонъ

¹⁾ Въ Обществѣ Преп. Нестора г. Туловымъ былъ читанъ рефератъ о первыхъ страницахъ лѣтописей Козьмы Пражскаго, Мартина Галла и Нестора, но въ печати онъ не появился.

и наконецъ погнбе, съ отзывомъ напр. хотъ Козьми Пращскаго о Болеславѣ чешскомъ, свирѣномъ тиранѣ, котораго Козьма выставляеть чуть ли не героемъ. Какъ ни любитъ русскій лѣтописецъ родную землю, онъ не скроеть ея недостатковъ и разскажетъ, что порядка въ ней нѣтъ и т. п.; тогда какъ Козьма Пращскій изобразить Чехію своего времени самыми идеальскими красками. Это безпристрастіе Древней лѣтописи главнымъ образомъ и заставило Шлецера высказать свое извѣстное мнѣніе о Несторѣ, что этотъ руссъ настолько же превосходить позднѣйшихъ исландскихъ и польскихъ историковъ, какъ разсудокъ, иногда затмѣвающійся, превосходить безпрестанную глупость.

Любовь Древней лѣтописи къ родной землѣ сказывается и въ томъ, что она сочувственно относится и къ языческой эпохѣ и дорожитъ народными преданіями.

Въ тонѣ изложенія Древней лѣтописи господствуетъ простота и ровность; въ ннхъ только мѣстахъ сказывается глубина чувства и особенно при описаніи какихъ либо народныхъ бѣдствій; печальны также описанія смерти и похоронъ любимыхъ князей. Но вообще тонъ разсказа свѣтлый въ прошедшемъ и темный въ настоящемъ. Намъ кажется, что эту разницу тона можно объяснить тѣмъ, что дѣйствительность давала мало свѣтлыхъ сторонъ и за идеаломъ взоры невольно обращались въ прошлое, которое всегда имѣеть въ глазахъ мало размышляющихъ и болѣе чувствующихъ людей много симпатичныхъ сторонъ, особенно въ виду того, что оно не всегда хорошо и извѣстно. Эта грусть по прошлому еще сильнѣе, если характеръ жизни измѣняется на глазахъ разсказчика; этимъ по крайней мѣрѣ Курціусъ объясняетъ грустный тонъ, который господствуетъ въ Илліадѣ, не смотря на то, что въ ней идетъ рѣчь о подвигахъ героевъ, — лицъ, по понятіямъ грековъ, идеальныхъ.

Языкъ и слогъ Древней лѣтописи.

Что касается языка и слога Древней русской лѣтописи, то и здѣсь, не будучи специалистомъ въ области русской фи-

дологін, я ограничусь лишь тѣмъ, что вкратцѣ изложу выводы Сухомлинова.

Въ языкѣ и слогѣ Древней лѣтописи ясно замѣчается два элемента: церковно-славянскій и русскій ¹⁾. Первый является въ выпискахъ изъ Священнаго писанія, приводимыхъ въ видѣ цитатъ, причош имъ предшествуетъ какая нибудь связь, въ родѣ: «не вѣдая яко», и такія цитаты приведены въ лѣтописи всегда очень умѣстно.

Но преобладающій элементъ въ языкѣ лѣтописи въ разсказѣ о событіяхъ, какъ и слѣдуетъ тому быть,—языкъ русскій; причош въ лѣтописи сохранены многія замѣчательныя особенности древняго языка. Сухомлиновъ и приводитъ рядъ весьма образныхъ словъ и выраженій, причош нѣкоторыя, особенно излюбленныя, повторяются весьма часто. Въ изложеніи есть много древнихъ пословицъ, поговорокъ и выраженій, близкихъ къ нимъ по мѣткости и наглядности. Наконецъ, Сухомлиновъ указываетъ слова и выраженія, замѣчательныя въ филологическомъ отношеніи. Разумѣется, нельзя отрицать, что нѣкоторыя слова или выраженія въ Древней лѣтописи могли быть написаны ошибочно, а тѣмъ болѣе могли быть испорчены позднѣйшими ея переписчиками. Ученые постоянно предлагаютъ читать то или другое слово извѣстнымъ образомъ, такъ напр., Миклосичъ—на основаніи словъ лѣтописца: словѣньскъ языкъ и русьскыи едины, —положивши въ основу своего изданія Нестора старо-славянскій языкъ, понереправлялъ, не всегда впрочемъ удачно, въ Древней лѣтописи много словъ. Но съ вопросомъ объ ошибкахъ въ языкѣ лѣтописи (какъ и въ языкѣ иныхъ источниковъ) слѣдуетъ вообще обращаться очень осторожно, такъ какъ то, что иногда можно принять за ошибку, можетъ оказаться или архаизмомъ, или выраженіемъ, взятымъ изъ народнаго языка. Да, наконецъ, и самое изученіе древнерусскаго языка далеко не можетъ считаться законченнымъ.

¹⁾ Старое мнѣніе, что Древняя лѣтопись (какъ и всѣ памятники древней русской письменности) написана на церковно-славянскомъ языкѣ, давно отвергнуто наукою (см. Срезневскій: Мысли объ исторіи русскаго языка).

Замѣтимъ кстати, что въ послѣднее время Потебня, въ статьяхъ, помѣщаемыхъ въ Русскомъ филологическомъ вѣстникѣ, объясняетъ множество лѣтописныхъ словъ, давая имъ часто совершенно иное, сравнительно съ общепринятымъ, толкованіе¹⁾).

О языкѣ же Древней лѣтописи въ фонетическомъ и морфологическомъ отношеніи есть нѣсколько замѣчаній у Колосова, собственно о языкѣ лѣтописныхъ списковъ: Лаврентьевскаго, Ипатьевскаго, Троицкаго и нѣсколькихъ списковъ новгородской первой лѣтописи²⁾).

У Сухомятина есть извѣстіе, что II Отдѣленіемъ Акад. Наукъ былъ приготовленъ къ печати, составленный Карелкинымъ, словарь къ лѣтописи Нестора; но Карелкинъ умеръ, и судьба его словаря мнѣ неизвѣстна.

Карелкинымъ же, еще въ бытность его студентомъ въ 1848/9 году, было написано сочиненіе, удостоенное золотой медали, на заданную истор.-филолог. факультетомъ Петербургскаго университета тему: Разсмотрѣть языкъ лѣтописи Нестора въ отношеніи фонетическомъ, этимологическомъ и синтаксическомъ, обращая вниманіе на смѣшеніе въ немъ элементовъ языка старославянскаго церковнаго и русскаго народнаго и на особенности этого послѣдняго. В. Григорьевъ (Имп. С.-Петербургскій университетъ, стр. XLIV) говоритъ, что диссертация Карелкина напечатана на счетъ университета, но мнѣ она не попадалась и цитать на это сочиненіе у кого либо изъ писавшихъ о лѣтописи я тоже не встрѣчалъ.

Весьма трудно рѣшить, каковымъ именно русскимъ нарѣчіемъ написана Древняя лѣтопись. Что это языкъ очень древній, это несомнѣнно; но какого именно племени? Весьма возможно, что Древняя лѣтопись, какъ памятникъ литературы южно-русскаго

¹⁾ См. еще матеріалы для археологическаго словаря въ VIII томѣ Древностей Моск. Арх. Общества и статью въ Ж. М. Н. Пр. 1880 г. № 6. Есть еще толкованія въ изслѣдованіи о лѣтописи Ки. Оболенскаго.

²⁾ Языкъ новгородскихъ лѣтописей обстоятельно разсмотрѣнъ П. А. Лавровскимъ въ сочиненіи: О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей.

края, написана на южно-русскомъ и нарѣчїи (мнѣніе Погодина, Максимовича и многихъ другихъ ученыхъ); причомъ, конечно, въ ней есть вставки, писанныя на иныхъ нарѣчїяхъ, напр. на новгородскомъ. Огоновскій принимаетъ даже, что Древняя лѣтопись (какъ и Слово о полку Игоревѣ) написана на малороссійскомъ языкѣ ¹⁾ (см. объ этомъ Макушевъ въ Ж. М. Н. Пр. 1881 г. № 5). Мы пробовали отмѣчать въ лѣтописи слова и выраженія, сходныя съ находящимися въ нынѣшнемъ малороссійскомъ языкѣ, и такихъ оказалось весьма много. Но мы не знаемъ, не встрѣчаются ли многія изъ этихъ словъ или выраженій и въ иныхъ русскихъ нарѣчїяхъ. П. Лавровскій склоненъ объяснять отличія въ языкѣ лѣтописныхъ списковъ результатомъ позднѣйшихъ переписываній, что, разумѣется, возможно; но вообще этотъ вопросъ нуждался бы въ новомъ его пересмотрѣ.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, нельзя отрицать справедливости и того мнѣнія, что лѣтопись написана на общерусскомъ литературномъ языкѣ, уже сложившемся среди грамотныхъ людей XI вѣка, подъ вліяніемъ школьнаго и литературнаго образованія, стоявшаго въ полной зависимости отъ чтенія священныя книгъ. Въ такомъ случаѣ надо допустить, что отъ этого языка въ лѣтописи дѣлаются постоянно отклоненія, какъ къ языку Священнаго Писанія, такъ и къ народному; къ послѣднему въ тѣхъ мѣстахъ лѣтописи, гдѣ чувствуется особая живость разсказа. Но этотъ народный языкъ все же долженъ быть языкомъ южно-русскимъ, такъ какъ трудно допустить существованіе одного древне-русскаго народнаго языка въ IX—XI вѣкѣ. Даже принявши мнѣніе Срезневскаго и П. Лавровскаго о единомъ русскомъ языкѣ до XIII вѣка, нельзя отрицать по крайней мѣрѣ существованія лексическихъ отличій въ говорѣ различныхъ мѣстностей (См. П. Лавровскій: О языкѣ сѣв. русск. лѣтописей, стр. 7).

¹⁾ Въ некоторыхъ польскихъ исторіяхъ литературы, напр., если не ошибаюсь, у Вишневецкаго, лѣтопись Нестора и Слово о полку Игоревѣ причисляются даже къ польской литературѣ.

Какъ иногда сочетаются въ лѣтописномъ разсказѣ всѣ три стихіи, видно напр. разсказа изъ о крещеніи Ольги.

Извѣстна еще одна особенность Древней лѣтописи, это ея разговорный слогъ: мѣсто придаточныхъ предложеній постоянно занимаютъ вносныя. Этотъ слогъ принимаетъ иногда, по выраженію Срезневскаго, даже драматическій характеръ. Шлецеръ приписываетъ такую особенность слога вліянію библіи; другіе изслѣдователи выводили ее отъ формы южно-русскихъ пѣсень; но Сухомлиновъ весьма основательно указываетъ на сѣдую древность, когда именно не умѣли еще превращать главныя предложенія въ придаточныя. Припомнимъ, встаетъ, что разговорнымъ слогомъ отличаются труды Геродота и вообще всѣ сочиненія, которыми начинается историографія у какихъ бы то ни было народовъ. Кто прислушивался къ разсказамъ народа, тотъ знаетъ, что разговорный слогъ является въ этихъ разсказахъ сплошь и рядомъ.

Сухомлиновъ сближаетъ слогъ Древней лѣтописи съ слогомъ западныхъ лѣтописцевъ и указываетъ на сходство его съ слогомъ наиболѣе ранняго лѣтописца — Григорія турскаго. Слогъ Ламберта уже изящнѣе; вѣдь видна не только начитанность автора въ Священномъ Писаніи, но и обширное знакомство съ классиками. У Козьмы Фражскаго замѣчается искусственное школьное краснорѣчіе, смѣшиваются ради стилистическихъ цѣлей христіанскія понятія съ языческими, наконецъ слогъ его очень цвѣтистый, съ массою фигуръ и сравненій, иногда даже переходящій въ стихъ.

Спеціальныхъ указателей къ Древней лѣтописи вѣтъ, кромѣ указателя именъ собственныхъ, приложеннаго къ изданію Древней лѣтописи Лейбовича; предметный же указатель у него слишкомъ кратокъ. Кромѣ того, можно пользоваться указателемъ Бычкова (см. выше стр. 43) и Изслѣдованіями Погодина.

Географическія указанія, находящіяся въ Древней лѣтописи, объяснены въ сочиненіи Варсова: Очерки русской исторической

географіи. Географія Древней лѣтописи (Варш. 1873 г.); при томъ необходимо пользоваться и рецензіей на это сочиненіе Л. Майкова (Ж. М. Н. Пр. 1871 г.), въ которой есть много дополненій, сдѣланныхъ преимущественно на основаніи историко-географическихъ сочиненій извѣстнаго учонаго, покойнаго профессора Новороссійскаго университета Ф. К. Бруна.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ:

Во время печатанія настоящихъ лекцій я познакомился съ нѣкоторыми сочиненіями, прежде мнѣ неизвѣстными, или совершенно новыми; инныя же изъ нихъ мнѣ стали извѣстны по рецензіямъ. При невозможности сдѣлать поправки и дополненія въ текстѣ, позволяю себѣ сдѣлать таковыя особо:

Къ стр. 6-й: О государственной лѣтописи царей іудейскихъ есть спеціальное изслѣдованіе А. Олесницкаго въ Трудахъ Кіевск. Дух. Академіи за 1879 г. Авторъ доказываетъ, что Паралипоменонъ есть именно такая лѣтопись.

Къ стр. 15-й: Часть хроники Евсевія и хроника Іеронима въ русскомъ переводѣ напечатаны въ Трудахъ Кіевск. Дух. Академіи за 1879 г.

Къ стр. 20-й: Вышло, судя по рецензіямъ, прекрасное спеціальное изслѣдованіе о венгерскихъ лѣтописяхъ: *Ungarns Geschichtsquellen in Zeitalter der Arpaden* von Heinrich Marczali, Berl. 1882 г.

Къ стр. 23-й: Для сербскихъ лѣтописей еще важны сочиненія Рачкаго: *Ocjena starijih izvora za hrvatsku i serbsku poviest srednjego vieka*, Zagr. 1865 г., и Качановскаго: *Сербскія житія*—въ III т. Славянскаго сборника. Недавно пр. Макушевъ нашелъ въ Вѣлградѣ и напечаталъ очень краткую сербскую лѣтопись, принимаемую имъ за древнѣйшую; но все же, по мнѣнію Макушева, лѣтописаніе въ Сербіи началось съ

половины XIV в. (Русск. филолог. вѣстникъ 1882 г. № 1: О нѣкоторыхъ рукописяхъ и т. д., стр 19 — 23. О разницѣ во взглядѣ Макушева относительно происхожденія сербскихъ лѣтописей, сравнительно съ мнѣніями иныхъ изслѣдователей, см. Варшавск. универс. изв. 1882 г., Отчетъ Макушева о занятіяхъ за границей).

Къ стр. 34 и 42-й: Недавно Иоакимовской лѣтописи посвятилъ академическую рѣчь г. Голубинскій; она напечатана въ IV-й книжкѣ Прибавленій къ твореніямъ Св. Отцевъ за 1881 г. Объ этой же лѣтописи было обширное изслѣдованіе П. Г. Буткова, которое Академія Наукъ собиралась издавать (см. переписку Погодина). Какая его судьба?

Къ стр. 34 и 65-й: Я познакомился, какъ съ сочиненіемъ Кн. М. Оболенскаго: Нѣсколько словъ о первоначальной русской лѣтописи, такъ и съ приложеннымъ къ нему Сборникомъ. Въ сочиненіи о лѣтописи Кн. Оболенскій во первыхъ возстановляетъ древнѣйшій, по его мнѣнію, текстъ двухъ рассказовъ Древней лѣтописи: о походѣ Олега на грековъ и о пребываніи Св. Ольги въ Константинополѣ. Оба рассказа онъ комментируетъ очень подробно, такъ что представляетъ въ сущности два изслѣдованія объ этихъ вопросахъ. Древнѣйшимъ лѣтописнымъ текстомъ онъ считаетъ текстъ изданнаго имъ Лѣтописца русскихъ царей, или такъ наз. Переяславля Суздальскаго, древность котораго онъ въ своемъ изслѣдованіи и защищаетъ. Конецъ изслѣдованія посвященъ вопросу о первомъ русскомъ лѣтописцѣ, каковымъ, по мнѣнію Кн. Оболенскаго, былъ пресвитеръ Григорій (см. о немъ въ лекціяхъ).

Если бы изслѣдованіе Кн. Оболенскаго было извѣстно мнѣ во время чтенія лекцій, я, можетъ быть, попытался бы внести оцѣнку его мнѣній въ текстъ лекцій; теперь же дѣлать это слишкомъ поздно, такъ какъ это потребовало бы значительной перепланировки всего труда. Въ извиненіе повторю здѣсь то, что выше сказано въ текстѣ: Вестужевъ-Рюминъ въ своей Русской исторіи, излагая самыя разнообразныя мнѣнія по лѣ-

тописнымъ вопросамъ, о мнѣніи Кн. Оболенскаго даже не упоминаетъ. Впрочемъ, кое что о мнѣніяхъ Кн. Оболенскаго я еще буду имѣть случай сказать, когда буду говорить о Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго.

Сборникъ Кн. Оболенскаго, приложенный къ сочиненію о лѣтописи, состоитъ изъ 9 изслѣдованій и замѣтокъ, относящихся къ русскимъ и славянскимъ древностямъ. Изъ нихъ вопроса о лѣтописи касаются три: 1-ая—гдѣ есть нѣсколько страницъ о преимущественной древности Лѣтописца Переяславля Суздальскаго передъ иными лѣтописями; 2-ая—нѣсколько словъ о судьбахъ первоначальныхъ русскихъ лѣтописей, т. е. собственно о пресвитерѣ Григоріѣ и его сборникѣ, и 3-ая—черновыя замѣтки Кн. Оболенскаго, гдѣ объясняется нѣсколько мѣстъ сборника Григорія, и въ томъ числѣ Лѣтописца Переяславля Суздальскаго.

Къ стр. 34-й: Сочиненіе Szarapiewicz'a называется Die Hupatioschronik als Quellen-Beitrag zur Osterreich. Geschichte, Lemb. 1872 г. Оно содержитъ почти исключительно одніе выдержки изъ галицко-волинской лѣтописи по Ипатьевскому списку съ весьма поверхностной оцѣнкой. Кое что объ этой лѣтописи сказано еще въ предисловіи къ галицкому ея изданію, написанномъ А. Петрушевичемъ.

Къ стр. 38-й: Есть 2-е изданіе розысканій Иловайскаго 1881 года.

Къ стр. 43: Нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія объ изданіи русскихъ лѣтописей помѣщены въ примѣчаніяхъ Е. Барсова къ недавно напечатанной перепискѣ гр. Н. П. Румянцева (Чт. М. Общ. и Др. 1882 г., кн. 1-я).

Къ стр. 67-й: Въ примѣчаніи приведена, кажется, невѣрная цитата. Статья Аристова подъ заглавіемъ: Обзоръ русскихъ лѣтописей въ церковно-историческомъ отношеніи, помѣщена въ Правосл. собесѣдникѣ 1860 г., апрѣль, май и іюнь.

Лѣтописямъ же посвящена и еще одна статья Аристова:

Взглядъ древнихъ русскихъ лѣтописцевъ на событія міра, *ibid.* май и августъ.

Бъ стр. 94: Описаніи сборниковъ Импер. публ. бібліотеки было нѣсколько выпусковъ, которые всѣ составили недавно вышедшій первый томъ.

Бъ стр. 134-й: О сочиненіи Маламъ см. Кн. Оболенскаго Сборникъ стр. 126 и слѣд.

Бъ стр. 136-й: Изъ переписки гр. Н. П. Румянцова (см. выше) оказывается, что П. Строевъ, вслѣдъ за Шлецеромъ, сперва тоже принималъ лѣтописнаго Георгія за Кедрина (стр. 250); но гр. Румянцовъ (вѣроятно, не зная Альтера) энергически доказывалъ, что это именно Амартолъ (стр. 224, 246, 250, 259), причомъ нѣкоторыя доказательства для него подобраны были Балайдовичемъ (стр. 249).

Бъ стр. 144-й: Кн. Оболенскій вѣритъ всему разсказу о походѣ Олега на Константинополь, только объясняя слово *пръ* не въ смыслѣ парусовъ, а въ смыслѣ знаменъ, отчего сказка о шолковыхъ парусахъ пріобрѣтаетъ извѣстный смыслъ. Но объясненія автора все же очень натянуты.

Бъ стр. 146-й: Нѣкоторыя свои замѣчанія уже сообщилъ г. Малышевскій въ рецензіи на Исторію русской церкви Голубинскаго (см. Отчетъ о 24-мъ присужденіи наградъ Гр. Уварова). Онъ приписываетъ сказкѣ о путешествіи Ан. Андрея варяжское происхожденіе и не думаетъ видѣть насмѣшки въ первоначальномъ разсказѣ о новгородскихъ баняхъ; хотя этотъ разсказъ и могъ позднѣе стать источникомъ для такой насмѣшки.

Бъ стр. 152-й: Кн. Оболенскій вѣритъ всему разсказу о крещеніи Ольги и пребываніи ея въ Константинополь, но опять таки придаетъ ему иное объясненіе. По его мнѣнію, въ древнѣйшемъ разсказѣ объ Ольгѣ рѣчь шла о цесарскомъ вѣнчаніи Ольги; лѣтописецъ же (Несторъ), не зная обряда такого вѣнчанія, не понялъ, въ чомъ дѣло, и подумалъ, что дѣло идетъ

о брачномъ вѣнчаніи Ольги съ императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ, почему и извратилъ разсказъ въ своей лѣтописи. Но и при этомъ объясненіи лѣтописнаго разсказа Ел. Оболенскій дѣлаеть много предположеній, мало подерѣваемыхъ фактическими основаніями.

III. Университетская летопись.

Отъ Императорскаго Московскаго университета.

Премія имени С. М. Соловьева.

Въ октябрѣ 1879 года русская наука понесла великую утрату въ лицѣ заслуженнаго профессора Московскаго университета, автора «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», Сергѣя Михайловича Соловьева.

Съ тѣхъ поръ, какъ изъ среды самого университета, такъ и со стороны многочисленныхъ почитателей покойнаго, разсѣпанныхъ по всей Россіи, не прекращались заявленія о необходимости выразить уваженіе къ его многолѣтней и плодотворной дѣятельности наиболее соответствующимъ ея характеру способомъ. Заявленія о томъ поступали не только отъ ученыхъ учрежденій и обществъ, изъ которыхъ во многихъ покойный Соловьевъ былъ почетнымъ членомъ, но и отъ людей, посвятившихъ себя болѣе широкой общественной дѣятельности.

Память покойнаго, какъ ученаго, такъ много и съ такою славой трудившагося для науки и Россіи; его заслуги, какъ писателя, всѣми признанныя и высоко цѣнимыя; его благородный образъ мыслей и дѣйствій и его просвѣщенный взглядъ на современные вопросы русской жизни; его благотворное участіе въ воспитаніи многихъ поколѣній (съ 1845 по 1845 г.) русскихъ студентовъ; высокій примѣръ самоотверженной преданности и безграничной любви къ наукѣ и отечественному просвѣщенію,—все это побуждало людей, питавшихъ уваженіе къ памяти покойнаго, ходатайствовать объ учрежденіи при Московскомъ университетѣ, какъ мѣстѣ его постояннаго слу-

женія, стипендіи и преміи за лучшія историческія сочиненія, имѣющихъ раздаваться отъ его имени.

Нынѣ Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на открытіе повсемѣстной въ Имперіи подписки для сбора добровольныхъ пожертвованій на составленіе капитала для учрежденія при Московскомъ Университетѣ стипендіи и преміи имени С. М. Соловьева.

Объявляя о семъ во всеобщее свѣдѣніе, Московскій Университетъ приглашаетъ всѣхъ почитателей покойнаго доставлять свои пожертвованія въ Правленіе Университета съ обозначеніемъ: назначаются ли предлагаемыя ими пожертвованія на стипендію и премію вмѣстѣ, или только на которую-нибудь изъ нихъ. Такъ какъ дѣятельность покойнаго обращена была на пользу русскихъ людей многихъ поколѣній и не останется безъ благотворнаго вліянія на людей поколѣній будущихъ, то Московскій Университетъ съ разною признательностію приметъ и сильное приношеніе отъ учащихся, и пожертвованіе отъ людей, какъ воспитавшихся на сочиненіяхъ С. М. Соловьева, такъ и бывшихъ свидѣтелями первыхъ усѣховъ его на литературномъ и педагогическомъ поприщѣ.

IV. Приложение.

АДАТЫ КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

**МАТЕРІАЛЫ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ
СЪВЕРНАГО И ВОСТОЧНАГО КАВКАЗА.**

С. И. Леонтовича

орд. проф. имп. нов. ун.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

ловинѣ прошлаго вѣка принадлежавшихъ къ послѣдователямъ суннитовъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ горскимъ управленіемъ въ 1844 г. о мѣстныхъ адатахъ осетинъ, «въ случаѣ преступленій, гдѣ нѣтъ яснаго доказательства, а только сильно подозрѣніе, прибѣгаютъ къ духовному суду (по шаріату) и приводятъ подозрѣваемыхъ къ присягѣ, чѣмъ все и кончается»¹⁾. Въ настоящее время шаріату подлежатъ у осетинъ, главнымъ образомъ, дѣла, касающіяся религіи и нѣкоторыхъ частноправныхъ отношеній²⁾.

Въ Кабардѣ, съ первыхъ же поръ введенія ислама (въ началѣ прошлаго вѣка), велась усиленная борьба между адатомъ и шаріатомъ. По преданіямъ, собраннымъ Шора Ногмовымъ, въ прошломъ вѣкѣ подлежали суду по шаріату не только гражданскія, но и уголовныя дѣла, — за обычаемъ оставались только дѣла по спорамъ и тяжбамъ князей съ узденями и дѣла узденей съ холопами³⁾. «Народнымъ условіемъ», составленнымъ на собраніи кабардинцевъ послѣ прекращенія чумы, въ 1807 г., судъ по адату сдѣланъ былъ сословной привиллегіей высшихъ классовъ (князей и узденей), — простолудины были подчинены по всѣмъ дѣламъ шаріатскому суду муллъ (кадіевъ)⁴⁾. Сословныя различія, установленныя «народнымъ условіемъ» 1807 г., существовали въ Кабардѣ до времени ген. Ермолова. Въ изданномъ имъ «наставленіи Кабардинскому суду» (1822 г.) за шаріатомъ признано общее дѣйствіе, безъ прежнихъ сословныхъ различій, главнымъ образомъ, по дѣламъ религіознымъ («до вѣры и совѣсти касающимся»),

¹⁾ См. «Свѣдѣнія объ адатахъ Владикавказскаго округа», Норденстренга, гл. II.

²⁾ По свѣдѣніямъ, собраннымъ Пезаевъ въ началѣ 70 годовъ, вѣдѣнію шаріата у осетинъ подлежатъ споры между мужемъ и женой, родителями и дѣтьми, о наследствѣ, вообще дѣла семейныя и религіозныя, чаще — долговныя, рѣшаемыя кадіями нерѣдко и по адатамъ. См. «Народн. право осетинъ» Пезаевъ (Сбор. св. о Кавк. I, 210).

³⁾ «Исторія Адыгейскаго народа», Шора Ногмова. Кавк. календ. на 1862, стр. 148.

⁴⁾ «Очерки суда», Грабовскаго. Сводъ св. о кавк. горцахъ IV, 8—9.

сѣмейнымъ (несогласію между мужемъ и женою, родителями и дѣтьми) и «вообще по дѣламъ, не имѣющимъ уликъ, ясныхъ доказательствъ и письменныхъ свидѣтельствъ»¹⁾. Время господства Шамиля отразилось и въ Кабардѣ преобладаніемъ шаріата надъ адатомъ: въ официальномъ сборникѣ кабардинскихъ адатовъ 1844 г., представляющемъ собственно пересмотръ «древнихъ обрядовъ» кабардинцевъ, находимъ правило, установившее «на будущее время рѣшать въ Кабардѣ всякія дѣла по шаріату, кромѣ касающихся чернаго народа, который не согласенъ на это», т. е. на подчиненіе шаріату²⁾. Съ 60-хъ годовъ, вмѣстѣ съ преобразованиемъ мѣстнаго народнаго суда, компетентность шаріата въ Кабардѣ установилась на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ другихъ частяхъ Кавказа,—по шаріату рѣшаются только дѣла, касающіяся религіи и совѣсти, и дѣла брачныя³⁾.

Что касается наконецъ черкесовъ черноморскихъ и кубанскихъ, то у нихъ введеніе ислама (въ началѣ прошлаго вѣка) не повлекло за собой преобладанія шаріата. Къ нему черкесы прибѣгали только въ рѣдкихъ случаяхъ и то лишь по маловажнымъ дѣламъ, какъ вообще по привязанности народа къ своимъ обычаямъ и въ силу открытой реакціи привилегированныхъ классовъ, стародавнія преимущества которыхъ не признаются шаріатомъ, такъ и потому, что мусульманскій судъ (по шаріату) допускаетъ произвольное толкованіе шаріатскихъ книгъ, мало извѣстныхъ черкесамъ⁴⁾. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1845 г. горскимъ управленіемъ объ адатахъ черкесовъ бывшей Черноморской линіи, всѣ дѣла разбирались у черкесъ по адату. «Одно духовенство по дѣламъ, между онымъ возникающимъ, разбирается шаріатомъ; впрочемъ, не

¹⁾ См. ниже, въ IV отд. прилож. къ сборникамъ кабардинскихъ адатовъ «наставленіе кабард. суду» 1822 г., п. 21.

²⁾ См. собраніе адатовъ кабардинцевъ 1844 г., § 67.

³⁾ «Очеркъ суда» Грабовскаго. Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ IV, 19.

⁴⁾ См. Карлгова, Рус. Вѣст. 1860, № 16, стр. 528—529, 541; ср. ниже, III отд. адаты кубан. черкесъ, гл. II.

возбращается никому' и изъ другаго сословія горцевъ разоб-
ратся въ своемъ дѣлѣ симъ судомъ (т. е. шаріатомъ). Совер-
шенно зависить отъ воли и согласія спорящихся сторонъ из-
брать для разбора своего дѣла судъ адаты или судъ шарі-
атъ»¹⁾.

Дѣйствіе шаріата на Кавказѣ по русскимъ законамъ
послѣдняго времени ограничено, главнымъ образомъ, дѣлами
религіозными и семейными. Такъ, по положеніямъ о горскомъ
управленіи 1860 г., шаріату подчинены лишь дѣла «по несо-
гласіямъ между мужемъ и женой, родителями и дѣтьми, по
спорамъ объ имуществѣ, принадлежащемъ мечетямъ» и пр. Точно
также положеніе 1872 г. о мусульманскомъ духовенствѣ ог-
раничиваетъ дѣйствіе шаріата религіозными дѣлами туземцевъ
и нѣкоторыми гражданскими дѣлами, въ особенности семей-
ными и наслѣдственными²⁾.

Ограниченные въ большей или меньшей степени дѣйст-
віемъ въ краѣ мусульманскаго права, адаты кавказскихъ гор-
цевъ стали подчиняться также влиянію *русскихъ законовъ* съ
тѣхъ поръ, какъ образовалось мѣстное горское управленіе,
учрежденное на Кавказѣ русскимъ правительствомъ. Нужно
впрочемъ замѣтить, что въ то время, какъ туземные привер-
женцы шаріата стремились къ полной отмѣнѣ дѣйствія адатовъ
въ практикѣ горскихъ судовъ, русское управленіе во многихъ
случаяхъ становилось на сторону адата въ борьбѣ его съ
шаріатомъ, прежде всего старалось ослабить дѣйствіе шаріата,
а съ нимъ парализовать и силу мусульманскаго духовенства,
по отзыву горскаго управленія 40-хъ годовъ, всегда представ-
лявшаго одинъ изъ главныхъ тормозовъ въ дѣлѣ умиротворе-
нія края³⁾. Русское правительство, вводя на Кавказѣ горское
управленіе, оставляло въ силѣ мѣстные обычаи, не считало

¹⁾ См. «Адаты черкесъ бывшей Черноморской хордонной линіи», Ку-
черова, 1845 г. § 67.

²⁾ Адаты Макарова, стр. 13; о мусульман. духовенствѣ. (Кавказъ 1873
№ 60).

³⁾ См. отдѣлъ I, документы № 1 и 2.

возможнымъ ввести между горцами сразу русскіе законы съ полной отиѣной примѣненія мѣстныхъ адатовъ въ судебно-административной практикѣ. Въ 40-хъ годахъ горское управленіе категорически высказывалось за необходимость сохраненія обычныхъ между горцами порядковъ: «измѣнить существующій у горцевъ порядокъ судопроизводства (по народнымъ обычаямъ) въ настоящее время было бы преждевременно и даже опасно; ибо измѣненіе это несомнѣнно вооружило бы противъ насъ одно изъ сословіи — князей и дворянство или духовенство»¹⁾. Тѣмъ не менѣе вліяніе русскихъ законовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа начало высказываться въ значительныхъ размѣрахъ уже въ концѣ прошлаго столѣтія. При открытіи ген. Гудовичемъ въ 1793 г. родовыхъ судовъ и расправъ въ Кабардѣ было объявлено объ изыятіи изъ подчиненія адату всѣхъ уголовныхъ дѣлъ (убійства, измѣны, разбоя, грабежа, воровства и пр.), подлежащихъ разсмотрѣнію по русскимъ законамъ,—за адатомъ были оставлены лишь гражданскія дѣла и незначительныя проступки. Недовольство горцевъ, открыто отказавшихся въ 1794 г. повиноваться родовымъ судамъ, какъ учрежденіямъ, противнымъ духу мусульманскаго закона и горскимъ обычаямъ, заставило вскорѣ горское управленіе возобновить судъ на старыхъ основаніяхъ, существовавшихъ въ Кабардѣ со времени введенія ислама²⁾. Дѣйствіе русскихъ законовъ между горцами сѣвернаго Кавказа, подчинявшимися русскому управленію, стало усиливаться въ особенности при главномандующемъ Ермоловѣ. Въ изданномъ имъ въ 1822 г. «наставленіи временному Кабардинскому суду» категорически поставленъ былъ вопросъ о дѣйствіи русскихъ законовъ въ горскихъ судахъ и объ ограниченіи компетентности адата и

¹⁾ Князья и дворяне, стоявшіе за адатъ, были бы недовольны при его отиѣнѣ, а духовенство—при отиѣнѣ мѣстныхъ духовныхъ законовъ—шариата. См. отдѣлъ I, докум. № 1 и 2.

²⁾ См. «Очеркъ суда и угол. преступленій въ Кабард. округѣ», Н. Ф. Грабовскаго. Сборн. св. о кавк. горц. 1870, IV, стр. 6 и слѣд.

шариата. Упомянутымъ актомъ изъяты изъ компетенціи «древнихъ обрядовъ» и подчинены русскимъ (военнымъ) законамъ важнѣйшія уголовныя преступленія: «убійство, измѣна, возмущеніе въ народѣ, побѣгъ за предѣлы линіи съ злымъ намѣреніемъ, подводъ хищниковъ къ злодѣйствамъ и сношенія съ ними, побѣги въ границы линіи, нападенія и хищничество въ оной, наконецъ обнаженіе оружія въ ссорахъ съ причиненіемъ ранъ». Остальныя дѣла гражданскія и маловажныя проступки¹⁾ предоставлено горскимъ судамъ «разбирать и рѣшать по ихъ древнимъ обычаямъ и обрядамъ, приспособляя оныя, поколику важность случаевъ дозволить, къ правамъ Россійскимъ»²⁾. Въ Дагестанѣ древній судъ по адату и шариату оставался въ силѣ вездѣ, гдѣ ближайшее управленіе народомъ предоставлялось прежнимъ владѣтелямъ и правителямъ. Впрочемъ, и въ тѣхъ областяхъ и округахъ, гдѣ не было народныхъ правителей, русское правительство на первыхъ порахъ оставляло неприкосновеннымъ судъ по адату. Такъ, при устройствѣ управленія Самурскаго округа въ 1839 г., ген. Головинъ, въ инструкціи, данной озружному начальнику, предписалъ при рѣшеніи дѣлъ преимущественно придерживаться народныхъ обычаевъ. Въ слѣдующемъ году сдѣланы были первые опыты подчиненія русскимъ законамъ жителей Кайтаха, Табасарани и магала Улускаго; но опыты эти вызвали всеобщее неудовольствіе, разразившееся вскорѣ возстаніемъ всѣхъ дагестанскихъ горцевъ. Въ 1848 г. вездѣ было возстановлено прежнее родовое управленіе по народнымъ обычаямъ³⁾. Какъ видно изъ

¹⁾ Именно по адату разбираются «всѣ дѣла гражданскія и спорныя между кабардинцевъ, равно и претензіи на нихъ отъ людей инородныхъ», затѣмъ «маловажныя проступки: воровство—кража скота и прочаго на сумму не свыше 200 рублей, обманы или живые поступки со вредомъ другому, захваты чужаго съ насиліемъ, ссоры и драки безъ обнаженія оружія, оскорбленіе владѣльцамъ, узденіямъ отъ подвластныхъ или холопей, превышающее мѣру домашняго исправленія».

²⁾ См. IV отд. адатовъ Терск. области — въ приложен. къ адатамъ Кабад. «наставленіе» 1822 г. пп. 9, 15, 16 и 18.

³⁾ См. «Адаты» Макарова, стр. 10 — 11.

сборниковъ адатовъ горцевъ сѣвернаго Кавказа, составленныхъ въ 40-хъ годахъ, тѣхъ же бытовыхъ основаній держалось въ то время горское управленіе осетинъ, чеченцевъ, кабардинцевъ и пр.,—вездѣ адаты признавался руководящимъ закономъ при разбирательствѣ дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ ¹⁾). Не утратилъ адаты своего значенія и силы при новомъ образованіи горскаго управленія сѣвернаго и восточнаго Кавказа въ 1860 г. Правительство имѣло при этомъ въ виду «дать народу такой судъ, который, будучи сообразенъ съ его понятіями и обычаями, давалъ бы возможность постепенно, безъ неудобствъ для народа, перейти со временемъ къ рѣшенію всѣхъ дѣлъ на основаніи общихъ законовъ Имперіи». Въ положеніи объ управленіи Дагестанскою областію постановлено: «судопроизводство отправляется по адату и шаріату и по особымъ правиламъ, постепенно составляемымъ на основаніи опыта и развивающейся въ нихъ потребности»; вмѣстѣ съ тѣмъ установлено строгое разграниченіе компетентности адата, шаріата и русскихъ законовъ, съ точнымъ обозначеніемъ для каждаго изъ нихъ опредѣленнаго круга дѣлъ. Такъ, русскимъ законамъ (военнымъ) подчинены лишь дѣла объ измѣнѣ, возмущеніи, явномъ неповиновеніи начальству, разбоѣ и похищеніи казеннаго имущества; по всѣмъ остальнымъ дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ допущено было разбирательство по адатамъ ²⁾). Тѣже самыя основанія были приняты и при образованіи въ 1860 г. горскаго управленія въ сѣверномъ Кавказѣ, — вездѣ удержаны были народные суды по адату, съ допущеніемъ раз-

¹⁾ См. Сборн. адат. Владикавк. округа 1844 г. гл. II, ст. 1; Сборн. адат. кабард. 1844, ст. 63; Сводъ адатовъ 1847, ст. 17 и пр.

²⁾ Именно, адату подчинены слѣд. дѣла: убійство и кровомщеніе, похищеніе, ссоры, драки и другія личные обиды, увозъ и изнасилованіе женщинъ, развратъ, воровство, грабежъ (хотя съ насиліемъ и угрозами, по такого рода, что не представляется опасности ни для жизни, ни здоровья ограбленнаго), поджоги и порча чужаго имущества, поземельные споры, жалобы поселянъ на владѣльцевъ, нарушеніе различныхъ общественныхъ постановленій, потери и находки и пр.

бирательства по русскому праву лишь въ случаѣ тяжкихъ (главнымъ образомъ, политическихъ) преступленій¹⁾.

Такимъ образомъ, обычное право кавказскихъ горцевъ, въ силу вліяній мусульманскаго и русскаго права, подвергалось болѣе или менѣе значительнымъ ограниченіямъ. Въ послѣднее время многіе его институты, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые шли въ разрѣзъ съ новыми условіями жизни (напр. древній институтъ кавказскихъ горцевъ — кровомщеніе и пр.), отмѣнены русскими законами; послѣдніе болѣе и болѣе вытѣсняють адаты изъ мѣстной судебной практики. Теперь уголовныя дѣла разбираются въ мѣстныхъ судахъ по обычаю, но только въ видахъ выясненія вопросовъ о томъ, кто виноватъ и въ какой мѣрѣ обстоятельства смягчаютъ или увеличиваютъ виновность подсудимаго, — наказанія назначаются не по адатамъ, но по уложенію о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. По отзыву лицъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ, такой порядокъ мало удовлетворяетъ горцевъ, которые, напр., по дѣламъ объ убійствахъ далеко не оставили стародавній свой обычай кровомщенія и потому не легко мирятся съ его запрещеніемъ: «горцы смотрятъ на постановляемыя рѣшенія по убійствамъ, какъ на нѣчто незаконченное и временное, скорѣе какъ на отсрочку, нежели наказаніе»²⁾. Самое разслѣдованіе дѣлъ по убійствамъ и другимъ уголовнымъ дѣламъ, производимое въ настоящее время не по адатамъ, а по русскимъ судебнымъ уставамъ (судебными слѣдователями), рѣдко достигаетъ цѣли: населеніе само старается скрывать отъ

¹⁾ См. «Адаты» Макарова, стр. 11 — 13; «Очеркъ суда» Грабовскаго, 6—19; Цаава «Народн. право осет.», 211 — 212. Изложенныя начала компетентности адата по положеніямъ 1860 года и имѣлись въ виду при собраніи адатовъ въ 60 годахъ. Программа собранія такихъ свидѣній сообразовалась съ приведеннымъ въ предыдущемъ примѣчаніи перечнемъ дѣлъ, подлежащихъ адату. Въ большинствѣ сборниковъ говорится объ адатахъ только по этимъ дѣламъ. Въ нѣкоторыхъ сборникахъ опредѣляется и компетентность адата. См. сборники Нагорнаго и Кумыскаго округовъ, вступл.

²⁾ См. «О послѣдствіяхъ убійствъ». Сборникъ свѣд. о кавк. горцахъ 1875, VIII, 8—9.

слѣдователя всякіе слѣды преступленій, совершаемыхъ по большей части подъ вліяніемъ обычаевъ кровомщенія и пр.¹⁾). На практикѣ, такимъ образомъ, многое, что въ прежнее, «адатное» время такъ или иначе, но все таки подлежало воздѣйствію правосудія (хотя и по патріархальнымъ пріемамъ и формамъ судебного разбирательства), теперь, подъ вліяніемъ старыхъ бытовыхъ условій, реагирующихъ противъ «новаго суда», совершенно ускользаетъ отъ вниманія слѣдователя и судьи. Русскіе законы не дѣйствуютъ въ силу фактической реакціи противъ нихъ условій самой жизни; адаты не признаются и отвергаются закономъ,—въ результатѣ остается масса правонарушеній, на дѣлѣ совершающихся сплошь и рядомъ совершенно безнаказанно. Все это, конечно, мало содѣйствуетъ той благой цѣли, какая имѣлась въ виду при введеніи на Кавказѣ новыхъ судебныхъ уставовъ,—упроченію въ край «суда праваго, скорого, милостиваго и равнаго для всѣхъ». На дѣлѣ царитъ, по старому, самоуправство вольнолюбиваго и мало знакомаго съ требованіями новой юстиціи горца, не сдерживаемаго болѣе ни старымъ своимъ адатомъ, ни новымъ русскимъ «уставомъ». Самоуправство это царитъ, прежде всего благодаря именно шаблоннымъ пріемамъ введенія на Кавказѣ «новаго устава», безъ всякой мысли о необходимости сообразоваться съ «старыми» формами горскаго быта, безъ попытки сколько-нибудь рационально приспособить «новый законъ» къ застарѣлымъ условіямъ патріархальной горской культуры. — Что касается наконецъ дѣйствія адатовъ въ сферѣ мирового разбирательства горцевъ, то въ этомъ отношеніи горцы и по новому судебному порядку остались при своихъ старыхъ адатахъ. Это доказывается сохраненіемъ въ округахъ «словесныхъ» горскихъ судовъ, для разбирательства по народнымъ обычаямъ споровъ и тяжбъ между самими туземцами. Въ камерѣ миро-

¹⁾ См. статью Н. Кавазова: «Изъ воспоминаній слѣдователя», недавно помѣщенную въ «Юридич. Обзорѣнн» (Тифл.) 1882, №№ 44 — 47. Въ этой статьѣ очень хорошо иллюстрированы многія неприглядныя стороны горской уголовной практики — безвыходное положеніе слѣдователя, вообще безсиліе мѣстной юстиціи и пр.

ваго судьи горецъ является только тогда, когда ему приходится имѣть дѣло съ инновѣрцемъ ¹⁾).

Устанавливая начала судебна-административной компетенціи мѣстныхъ адатовъ, русское управленіе на Кавказѣ заботилось вмѣстѣ съ тѣмъ о собираніи «ясныхъ и положительныхъ» свѣдѣній объ адатахъ, въ видахъ предоставленія мѣстными органами «возможности вникать въ дѣла горцевъ и рѣшать ихъ единообразно и скоро». По отзыву горскаго управленія, высказанному въ 1841 году, «подобною мѣрою (собираніемъ свѣдѣній объ адатѣ и шаріатѣ) правительство вскорѣ успѣло бы сыскать довѣріе народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно упала бы непримѣтнымъ образомъ сильная власть на народъ духовенства, многими случаями доказавшаго вредное свое вліяніе на умы горцевъ въ отношеніи къ русскимъ» ²⁾).

Дѣло въ томъ, что на Кавказѣ существовали, кромѣ родовыхъ и аульныхъ судовъ, въ которыхъ туземные судьи рѣшали дѣла по обычаямъ, еще апелляціонныя инстанціи — окружныя суды, состоявшіе изъ туземцевъ и русскихъ чиновниковъ и разсматривавшіе дѣла, переходившія по апелляціи изъ горскихъ судовъ ³⁾). Русскимъ чиновникамъ приходилось имѣть дѣло съ рѣшеніями низшихъ инстанцій по адатамъ, мало или вовсе не извѣстнымъ для этихъ чиновниковъ, — приходилось слѣдоват. принимать на вѣру рѣшенія по адатамъ, безъ строгой провѣрки дѣлъ съ адатными положеніями, или же приглашать для этого свѣдущихъ людей изъ туземцевъ, имѣть

¹⁾ См. «Замѣтки мусульманина», князь Х... въ. Кавказъ 1873 № 22.

²⁾ См. отдѣлъ I, докум. № 1. — «Введенный между горцами съ магометанскою религіею онъ (шаріатъ) оставался и теперь остается въ рукахъ муллъ и вообще духовенства, которое, толкуя по произволу предписанное шаріатомъ и понимая весьма хорошо, что, съ ослабленіемъ шаріата и введеніемъ другаго законоположенія (адата), уничтожится политическая, можно сказать, власть ихъ на народъ, стараются всячески удержать ее въ своихъ рукахъ... Теперь (не зная адата и шаріата), въ рѣшеніи самыхъ начтожныхъ дѣлъ, мы совершенно затруднены и поневолѣ должны или отдавать ихъ на судъ муллъ, или спрашивать ихъ совѣтовъ» (тамъ же).

³⁾ См. «Очеркъ суда», Грабовскаго (Сборн. св. о горц. IV, 6).

особыхъ переводчиковъ и пр. Устранить всѣ эти неудобства можно было только предоставленіемъ въ руководство низшихъ и апелляціонныхъ инстанцій точныхъ свѣдѣній о горскихъ адатахъ. Собираніе такихъ свѣдѣній съ указанными цѣлями и предпринято было горскимъ управленіемъ въ 40—60-хъ годахъ.

Мы изложимъ здѣсь нѣсколько замѣчаній объ извѣстныхъ намъ собраніяхъ мѣстныхъ адатовъ въ древнее время, а затѣмъ скажемъ о сборникахъ, составленныхъ въ 40-хъ и послѣдующихъ годахъ подъ руководствомъ мѣстнаго горскаго управленія.

Древнѣйшіе сборники кавказскихъ адатовъ принадлежать восточному Кавказу (Дагестану). Сборники эти составлялись официальнымъ путемъ — мѣстными правителями горцевъ; есть также указанія на существованіе въ прежнее время и частныхъ собраній адатовъ, составлявшихся для памяти мѣстными судьями (кадіями и картами). Изъ древнихъ сборниковъ дагестанскихъ адатовъ намъ извѣстны въ настоящее время слѣдующіе четыре памятника:

1) *Сборникъ адатовъ аварскаго народа*, составленный въ XI в. *Омаръ-ханомъ* (Умма-ханъ) аварскимъ (умершимъ въ 1082 г.). Путемъ собиранія мѣстныхъ обычаевъ, аварскій правитель старался установить однообразные адаты для своихъ владѣній. Кромѣ старыхъ обычаевъ, въ сборникъ Омара вошло много новыхъ, возникшихъ въ его время адатовъ. Омаровскій сборникъ примѣнялся въ аварскихъ судахъ до новѣйшихъ временъ и есть извѣстія о томъ, что еще послѣ Шамиля сборникъ Омаръ-хана принимался аварами въ руководство при разборѣ дѣлъ мѣстными судьями¹⁾.

¹⁾ По словамъ Макарова, когда Шамиль утвердился въ Аваріи и началъ преслѣдовать сторонниковъ адата, одинъ аварецъ имѣвшій у себя Омаровскій сборникъ, опасаясь держать его дома, и, предвидя въ немъ надобность, спряталъ его въ дупло дерева. Когда Шамиль взялъ былъ въ плѣнъ, хозяинъ сборника вынулъ его изъ дупла и передалъ въ свое селеніе, для руководства при разборѣ дѣлъ. Омаровскій сборникъ, къ сожалѣнію, доселѣ не извѣстенъ въ печати. Краткія свѣдѣнія о немъ мы нашли только въ статьѣ Макарова объ адатахъ дагестанскихъ горцевъ. См. Сборн. св. о кав. горцахъ 1868, I, стр. 7 и 9.

2). *Сборникъ адатовъ Кайтаха*, XII в. Онъ составленъ иѣстными уцмемъ¹⁾ *Рустемъ-ханомъ* изъ народныхъ адатовъ и частію изъ постановленій составителя сборника. По преданію сборникъ отданъ былъ ханомъ на храненіе и для руководства кадію (судьѣ) селенія Киша; къ нему обыкновенно обращались всѣ жители Кайтаха (особое владѣніе въ южномъ Дагестанѣ) за справками и указаніями въ сомнительныхъ и спорныхъ случаяхъ. Сборникъ составленъ на арабскомъ языкѣ; теперь имѣется русскій переводъ²⁾. Сборникъ раздѣленъ на восемь главъ, заключающихъ болѣе 100 отдѣльныхъ статей. Въ началѣ каждой главы (кромя первой, составляющей какъ бы введеніе) стоитъ, въ видѣ заглавія, однообразная формула: «кто будетъ беречь ротъ свой, того и голова будетъ спасена». Такой же формулой закончивается цѣлый сборникъ. По своему содержанію, сборникъ Рустема принадлежитъ въ числу важнѣйшихъ памятниковъ древняго права кавказскихъ горцевъ. При всей сжатости и сравнительно небольшемъ составѣ сборника, въ немъ мы находимъ указанія на главнѣйшіе институты, разъясняющіе древній общественный и частноправный бытъ горцевъ южнаго Дагестана. Такимъ образомъ, сборникъ Рустема содержитъ рядъ данныхъ касательно политическаго и административнаго строя южно-дагестанскихъ общинъ въ XII в. Таковы статьи объ «обществахъ», изъ какихъ состояло древнее Кайтахское владѣніе, — о приемѣ въ общество стороннихъ лицъ и переходѣ изъ него отдѣльныхъ членовъ въ другія общества, какъ и объ отдѣленіи селъ отъ Кайтахскаго владѣнія¹⁾, о «противорѣчіи» обществу и подчиненіи его адатамъ,

¹⁾ Уцмій — титулъ правителей Кайтаха, учрежденныхъ въ VIII в. Званіе уцмій уничтожено прокламаціею ген. Ермолова въ 1820 г. См. статью Макарова, стр. 77, примѣч. XIV, п. 1.

²⁾ Переводъ адатовъ Рустема изданъ Макаровымъ, въ приложеніи къ его «Адатамъ» (см. Сборн. св. о кавк. горцахъ 1868, I, стр. 80 — 88. Въ внешнемъ изданіи сборникъ помѣщается въ VI отдѣлѣ, въ числѣ адатовъ Дагестанской области.

³⁾ Ст. 60: «если нѣсколько лицъ, сговорившись, пожелаютъ отдѣлиться отъ общества, то съ таковыхъ брать тысячу кари хабцалдику» (известной мѣры

о народныхъ собраніяхъ, бекахъ (правителяхъ отдѣльныхъ общинъ), кадіяхъ и судьяхъ, «старикахъ» (родовыхъ старшинахъ), чоушахъ (нашихъ дѣтскихъ при князьяхъ) и пр.; упоминаются отдѣльные классы узденей, чанковъ и рабовъ. Есть, далѣе, адаты, касающіеся военнаго (о походахъ, выѣздѣ на тревогу и пр.) и религіознаго (о постахъ и молитвахъ) быта горцевъ. Изъ частноправныхъ адатовъ записаны въ сборникѣ правила о бракѣ (отказѣ жениха отъ брака), завѣщаніяхъ и обязательствахъ — ихъ исполненіи, въ особенности путемъ «баранты» (гража и грабежъ скота и другаго имущества, производимые по обычаю истцемъ у родственника или односельца отвѣтчика-должника, не удовлетворяющаго своего кредитора евоевременной уплатой долга). Съ особенной же подробностію изложены всѣ главнѣйшіе институты права уголовнаго и процесса. Кромѣ общихъ адатовъ объ отвѣтственности «общества» по преступленіямъ его членовъ, о подстрекательствѣ къ преступленію и пр., сборникъ Рустема содержитъ цѣлый рядъ адатовъ по отдѣльнымъ видамъ преступленій личныхъ («каналы» — кровомщеніе, убійство, пораненіе и другія обиды, прикосновеніе и увозъ женщинъ и пр.) и имущественныхъ (воровство, грабежъ, поджогъ, скрытіе и насильное завладѣніе чужимъ имуществомъ). Наконецъ, въ процессуальныхъ

ценьковая матерія). Ст. 106: «Если какое либо селеніе, принадлежащее Кайтахскому обществу, отдѣлится, то съ него брать 300 руб.». Ст. 107: «Если одинъ кто либо отдѣлится отъ общества, то съ него брать 100 руб.». Макаровъ, подъ выраженіемъ «отдѣлится», разумѣетъ тотъ случай, когда селеніе или отдѣльное лицо «будутъ противовѣчить обществу, не соглашались въ чемъ либо съ нимъ» (стр. 88) Но это едва ли такъ. Мы видимъ здѣсь слѣды института, совершенно аналогическаго съ институтомъ «genti adscriptio» (родовой зависимости), открытымъ нами въ древнемъ ойратскомъ правѣ монгольскихъ племенъ и удерживавшимся у калмыковъ и другихъ средне-азиатскихъ кочевниковъ мангольскаго корня до послѣдняго времени. См. наши изслѣдованія: «въ исторіи права рус. инородцевъ. Древній ойратскій усталь» 1879, стр. 255 и слѣд., и «калмыцкое право» 1880, стр. 199 и др. — У казакскихъ горцевъ плата, слѣдовавшая съ «отдѣлявшихся», имѣла значеніе какъ бы выкупа изъ родовой зависимости (объясненіе ея значенія см. въ указан. сочиненіяхъ). Счетъ платежей на рубли измѣненъ въ текстѣ позже, при переводѣ подлиннаго сборника адатовъ.

статьяхъ сборника Рустема излагаются древніе адаты касательно состава суда, обвиненія и вызова къ суду, доказательствъ, въ особенности присяги съ «тусевами»¹⁾ и исполненія приговора путемъ «примиренія» или барамты (см. выше).

3) *Сборникъ Кайтагскихъ адатовъ*, XVI в. Онъ составленъ Кайтагскимъ уцмиемъ *Ахметомъ*, сыномъ уцмія Гасанъ-Али (умерш. въ 1588 г.). Въ сборникѣ изложены древніе адаты, главнымъ образомъ по вопросу о правахъ владѣтелей и такъ назыв. чанковъ, т. е. особаго класса, образовавшагося изъ дѣтей отъ неравныхъ браковъ владѣтелей и бековъ. Правила, изложенныя въ этомъ сборникѣ, вошли поже въ общую практику во всемъ Дагестанѣ²⁾.

4) *Переводъ съ арабскаго о существующихъ въ Бежидскома округъ адатахъ*. Мы нашли этотъ сборникъ во второмъ томѣ рукописнаго собранія адатовъ, принадлежащаго университетской библіотекѣ, и относимъ его къ древнѣйшимъ сборникамъ, не только въ виду первоначальнаго арабскаго текста, но и въ виду самаго содержанія и системы изложенія сборника, вообще рѣзко отличающагося отъ новѣйшихъ сборниковъ

¹⁾ «Тусевы» — поротцы древне-славянскаго права, то есть свидѣтели не факта, но «чести», въ значеніи «помощниковъ» истца или «очистниковъ» отвѣтчика. Институтъ тусевовъ доселѣ практикуется въ адатахъ всѣхъ горцевъ восточнаго и сѣвернаго Кавказа. Кстати, замѣтимъ здѣсь, что этотъ интересный институтъ значительно затемненъ въ современной практикѣ горскихъ судовъ Кавказа. Такъ, въ новѣйшемъ сборникѣ Н. Семенова, издавшемъ недавно собраніе кумыкскихъ адатовъ по дѣламъ воровскимъ, подъ «тусевами» разумѣются «открыватели преступнаго дѣянія» (см. примѣч. къ п. 14, 43, 58 и проч.), т. е. значить, вообще лица, знакомыя съ фактическими обстоятельствами дѣла и побуждаемыя противной стороной путемъ присяги раскрыть утаиваемую ими сущность дѣла. Впрочемъ, такое объясненіе принадлежитъ по видимому самому Семенову, автору сборника, очевидно не вполне выяснившему родовой типъ тусевовъ—института, встрѣчающагося въ древнѣйшемъ правѣ всѣхъ европ. народовъ—славянъ, германцевъ и пр. Тусевы у горцевъ, вовсе не касаясь самаго дѣла, утверждали только, что обвиняемый, какъ честный человѣкъ, не могъ сдѣлать преступленія; истецъ также могъ подкрѣплять свое обвиненіе тусевами, утверждавшими, что обиженный «по чести», не напрасно, обвиняетъ. Тусевы никогда не были «открывателями» преступленій.

²⁾ См. статью Макарова объ адатахъ, стр. 9.

и во многомъ напоминающаго сборникъ Рустемъ-хана (XII в.). Въ особенности буквальный почти сходствомъ отличаются статьи о неявкѣ на молитву, о постахъ, тусевахъ (соприслужникахъ), переходѣ въ другія «общества», поселеніи кого либо въ «чужой деревнѣ», о кражахъ, прелюбодѣяніи, насильномъ взятіи чужаго имущества и пр. Въ нашемъ сборникѣ есть, кромѣ того, статьи, въ которыхъ изложены самобытные адаты, не встрѣчающіеся въ Рустемовскомъ сборникѣ и принадлежащіе къ древнѣйшимъ кавказскимъ обычаямъ, напр. о молотбѣ хлѣба въ мельницѣ и отводѣ воды, о кошеніи сѣна прежде общества, посѣвѣ хлѣба на чужой землѣ, пастьбѣ скота и пр. Есть основаніе думать, что собственно «переводъ» адатовъ Бежидскаго округа (въ южномъ Дагестанѣ) составленъ въ новое время (чуть ли не въ 60-хъ годахъ), въ видѣ извлеченія изъ нѣсколькихъ древнихъ арабскихъ сборниковъ, бывшихъ изстари въ употребленіи въ отдѣльныхъ «наибствахъ» округа¹⁾ и сведенныхъ въ нашемъ «переводѣ» въ одинъ общій сборникъ. Во всякомъ случаѣ «переводъ» имѣетъ характеръ свода партикулярныхъ адатовъ по каждому наибству: «переводъ» состоитъ изъ пяти отдѣльныхъ частей, изъ коихъ въ каждой собраны мѣстные адаты окружныхъ наибствъ (именно.—Дядойскаго, Капучинскаго, Анцухскаго, Ухнадальскаго и Джурмутскаго)²⁾.

Что касается горцевъ сѣвернаго Кавказа, то, сколько намъ извѣстно, до конца прошлаго вѣка у нихъ не было въ употребленіи ни официальныхъ, ни частныхъ сборниковъ

¹⁾ Быть можетъ, въ нашемъ «переводѣ» помѣщены извлеченія изъ древнихъ сборниковъ, какіе по преданію составлялись въ Дагестанѣ не только правителями областей, но и частными лицами — кадіями (духовными судьями) и грамотными картами (сельскими судьями), записывавшими для памяти мѣстные адаты. (См. «Адаты» Макарова, стр. 9).

²⁾ Въ нѣкоторыхъ частяхъ, кромѣ адатовъ цѣлаго наибства, приводятся также частные адаты «обществъ», напр. въ третьемъ и пятомъ наибствахъ.

адатовъ¹⁾. Первые сборники адатовъ появляются у кабардинцевъ въ концѣ прошлаго вѣка, вскорѣ послѣ учрежденія (въ 1793 г.) въ Кабардѣ «верхняго пограничнаго суда», составленнаго изъ мѣстныхъ представителей и изъ русскихъ чиновниковъ²⁾, между прочимъ, и для апелляціоннаго разбора рѣшеній родовыхъ судовъ (состоявшихъ изъ туземныхъ владѣльцевъ и узденей, безъ участія русскихъ чиновниковъ)³⁾. Въ руководство членовъ верхняго суда, для большинства которыхъ были вовсе неизвѣстны мѣстные адаты по преданію, и составленъ былъ, какъ можно полагать, первый сборникъ кабардинскихъ адатовъ, извѣстный въ источникахъ подъ общимъ названіемъ:

Б) *Древніе обряды Кабардинцевъ*. Ссылки на «древніе обряды» и извлеченія изъ нихъ мы находимъ въ такъ назыв. «народномъ условіи послѣ прекращенія чумы», 1807 г.⁴⁾, въ особенности же въ сборникѣ кабардинскихъ обрядовъ 1844 г. (см. ниже № 10). Мы встрѣчаемъ здѣсь цѣлый рядъ ссылокъ и извлеченій изъ «древнихъ обрядовъ», или «судейскихъ обрядовъ», «судебнаго обряда», «кабардинскаго обряда», извѣстнаго также подъ именемъ «правъ, имѣющихся въ судѣ»⁵⁾. Кн. Галицынъ, подъ руководствомъ котораго составленъ былъ

¹⁾ Въ докладѣ 1-го Февраля 1841 г. полк. Вибиковъ, возбудившій въ то время вопросъ о необходимости собранія свидѣній объ адатахъ горцевъ сѣвернаго Кавказа, между прочимъ, сообщаетъ, что на его вопросъ, обращенный къ одному изъ туземцевъ (ген. маіору Султанъ Азаматъ Гирею), — «почему никто изъ нихъ въ своемъ обществѣ не составитъ полныхъ свидѣній объ адатахъ», полученъ былъ отвѣтъ: «на подобное дѣло надо знать волю начальства и имѣть порученіе отъ исполненія коего, конечно, никто бы изъ нихъ не отказался». См. отдѣлъ I, докум. № 1. Въ этихъ же документахъ есть упоминанія на то, что у горцевъ извѣстны адаты лишь по одному «преданію».

²⁾ Предсѣдателя — коменданта и членовъ — Россійскаго пристава при обывкхъ Кабардахъ, одного штаба-офицера, секретаря, переводчиковъ и пр.

³⁾ См. «Очеркъ суда», Грабовскаго, стр. 6.

⁴⁾ См. Грабовскаго, 8.

⁵⁾ См. во IV отдѣл. Сборн. Кабард. адат. 1844 гл. I ст. 1 и 2; гл. II, ст. 1; XII, 107 и пр.

сборникъ кабардинскихъ адатовъ 1844 г., поясняетъ въ своемъ рапортѣ 26 Февраля 1844, № 343, что въ тетради о «кабардинскихъ древнихъ обрядахъ» (составляющей I-ю часть представленнаго имъ сборника) онъ «могъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія (въ особыхъ графахъ, по статьямъ) касательно разницы, существующей между показаніями стариковъ и тѣмъ, что внесено въ книгу для руководства въ приговорахъ судебныхъ; но прочія племена въ первый разъ подверглись изысканіямъ по этому предмету»¹⁾: Какъ видно изъ собственноручныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ кн. Галицкимъ по отдѣльнымъ статьямъ сборника 1844 г., въ составъ упомянутой «книги», бывшей въ то время въ употребленіи въ кабардинскихъ судахъ, входило нѣсколько сборниковъ. Въ числѣ послѣднихъ упоминаются «древніе обряды», различающіеся отъ двухъ другихъ памятниконъ — «народнаго условія» 1807 г. и «дополнительнаго обряда». Судя по цитатамъ и ссылкамъ сборника 1844 г. на статьи «древняго обряда», изъ послѣдняго взято въ первый до 30 §§, трактующихъ о положеніи князей, узденей и другихъ сословій, о судѣ, преступленіяхъ и наказаніяхъ. Статьи именуется числами и сводятся въ главы, имѣвшія свои особныя заглавія. Вообще, по всему видно, «древніе обряды» составляли довольно значительный сборникъ, заключавшій въ себѣ адаты, не только кабардинцевъ, но и ихъ сосѣдей — малкарцевъ. Въ сборникѣ адатовъ послѣднихъ, представленномъ кн. Галицкимъ одновременно съ кабардинскимъ сборникомъ 1844 г., помѣщены въ извлеченіи правила о калымѣ у малкарцевъ, взятая изъ «древняго обряда» и «народнаго условія послѣ чумы» 1807 г. Здѣсь ясно указывается на то, что первый памятникъ изданъ раньше втораго.

6) *Народное условіе послѣ прекращенія чумы* ²⁾, 10-го іюля 1807 г. Это — собственно «маслагать», народный «рядъ»,

¹⁾ См. отдѣлъ I, — докум. № 9.

²⁾ Или просто — «обряды послѣ чумы».

принятый кабардинцами на общем народномъ собраніи, послѣ бывшихъ предъ этимъ замѣшательствъ ¹⁾, и установившій новый *modus vivendi* между отдѣльными классами горцевъ, путемъ пересмотра «древнихъ обрядовъ» и формулированія адатовъ въ новомъ сборникѣ, извѣстномъ подъ приведеннымъ названіемъ. О пересмотрѣ старыхъ адатовъ на народномъ собраніи въ 1807 г. категорически говорится въ сборникѣ 1844 г.: «описываемыхъ обрядомъ, т. е. адатомъ или обычаемъ народнымъ, управлялись всѣ народныя дѣла въ Кабардѣ до чумы; потомъ 1807 г. іюля 10 сдѣлано, по настроюству духовенства, съ согласія князей и узденей, въ отиѣну прежнихъ обычаевъ по закону Магомета, народное условіе» о судѣ и проч. ²⁾. Въ позднѣйшій сборникъ кабардинскихъ адатовъ 1844 г. вошло цѣликомъ или съ незначительными измѣненіями до 30-ти статей, взятыхъ изъ «народнаго условія» и трактующихъ о судѣ—его организаціи, въ особенности о судѣ по адату и шаріату, объ отношеніяхъ различныхъ сословій, о выкупѣ плѣнныхъ, о посемейныхъ раздѣлахъ поселянъ, о десятинахъ духовенства, также о семейныхъ отношеніяхъ — казнимъ, отношеніяхъ между мужемъ и женою, о преступленіяхъ и пр. ³⁾.

Основныя начала кабардинскихъ адатовъ, формулированія «народнымъ условіемъ» 1807 г., практиковались безъ всякихъ существенныхъ измѣненій до 20-хъ годовъ, именно до «прокламацій», объявленныхъ въ 1822 г. ген. Ермоловымъ всему кабардинскому народу. Въ «прокламаціяхъ» и основанномъ на нихъ «наставленіи кабардинскому суду» ⁴⁾ установлены нѣкоторыя, болѣе или менѣе значительныя измѣненія въ

¹⁾ См. «очеркъ суда» Грабовскаго, 7.

²⁾ См. ниже—IV отдѣлъ, сборн. кабард. обрядовъ 1844, гл. IV.

³⁾ У Грабовскаго (очеркъ суда, 8 — 9) приведено изъ «условія» нѣсколько статей, относящихся къ горскому суду. Въ своемъ изданіи мы отиѣтили ихъ въ примѣчаніяхъ къ тексту сборника 1844 г.

⁴⁾ Прокламаціи и наставленіе помѣщены ниже, въ прилож. къ сборникамъ кабард. адатовъ.

«древнихъ обрядахъ» и «народномъ условіи». Виѣстъ съ извѣщеніемъ отношеній привилегированныхъ сословій къ подвластнымъ, болѣе точно разграничена компетентность адата, шаріата и русскихъ законовъ; затѣмъ, въ виду того, что по болѣе важнымъ рѣшеніямъ кабардинскаго суда положено допускать жалобы окружному начальству, 13-ю статью «наставленія» установлено: «въ тѣхъ случаяхъ, дабы начальство тѣмъ съ болѣею основательностію могло разсматривать таковыя рѣшенія, владѣльцы, узденя и депутаты простонародные обязываются заняться *составленіемъ правилъ на законахъ и обычаяхъ сего народа*, для дѣлъ всякаго рода, которыя, по разсмотрѣніи начальствомъ, могутъ быть исправлены и утверждены для единообразнаго по онымъ исполненія». Въ виду изложеннаго правила можно полагать, что времени, послѣдовавшему за изданіемъ «наставленія», принадлежитъ составленіе третьяго сборника кабардинскихъ адатовъ, извѣстнаго подъ названіемъ:

7) *Дополнительный обрядъ*, вошедшій съ «древними обрядами» и «народнымъ условіемъ» въ составъ упомянутой выше «книги для руководства въ приговорахъ судебныхъ»¹⁾. Оба эти памятники, послужившіе главнымъ матеріаломъ при составленіи (имѣющагося въ нашемъ рукописномъ собраніи) сборника 1844 г., и могли быть изданы на основаніи приведенной выше 13-й статьи «наставленія» 1822 года²⁾. Изъ «дополнительнаго обряда» вошло значительное число статей въ нашъ сборникъ, главн. образомъ о сословныхъ отношеніяхъ въ

¹⁾ Кн. Голицынъ, въ своихъ замѣчаніяхъ къ сборнику 1844 г., между прочимъ, въ примѣч. къ 1 статьѣ, ссылается на «докладную записку о владѣльцахъ землями въ Кабардѣ». Быть можетъ, и эта записка составляла часть «книги», бывшей въ употребленіи въ кабард. судѣ.

²⁾ Въ виду сказаннаго нужно считать невѣрнымъ замѣчаніе Грабовскаго о томъ, что «и до сихъ поръ еще не составленъ сборникъ кабардинскихъ обычаевъ», какъ этого требуетъ 13 статья «наставленія» 1822 г. (См. «очеркъ суда» стр. 11, примѣч.). Замѣчаніе это показываетъ, что, составляя свою статью о кабардинскомъ судѣ, г. Грабовскій вовсе не зналъ о работахъ горскаго управленія по собранію свѣдѣній о мѣстныхъ адатахъ въ теченіе 30 — 60 годовъ.

Кабардѣ; есть правила о сельскихъ старшинахъ, праздникахъ, пастьбѣ скота и его кражѣ, о пчельникахъ, — затѣмъ о женитьбѣ, калымѣ, разводѣ, девиратѣ и наследствѣ.

8) *Описаніе юридическихъ обычаевъ осетинъ, 1836 г.*¹⁾ Составленіе его стоитъ въ связи съ общимъ вопросомъ, возбужденнымъ еще въ концѣ 20-хъ годовъ бывшимъ министромъ финансовъ, гр. Канкринимъ, о необходимости всесторонняго изученія быта различныхъ кавказскихъ племенъ. Въ 1827 г. гр. Канкринъ представилъ по этому предмету особый проектъ, удостоившійся Высочайшаго утвержденія. Для описанія края на мѣстѣ было командировано нѣсколько лицъ, которымъ дано было особое наставленіе и программа работъ. Свѣдѣнія собирались въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и затѣмъ въ началѣ 1835 года, по представленію министра финансовъ, разрѣшено было издать собранный матеріалъ, причемъ редактированіе изданія поручено В. Легкобытову, принимавшему дѣятельное участіе въ работахъ по изученію края. Въ результатѣ было официальное изданіе: «Обозрѣніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ» (Спб. 1836). Во II части (стр. 192—200) этого замѣчательнаго по тому времени труда мы находимъ весьма обстоятельное «описаніе юридическихъ обычаевъ осетинъ», значительная часть которыхъ, какъ извѣстно, занимаетъ сѣверную часть внутренняго Закавказья. Описаніе это составлено по свѣдѣніямъ, собраннымъ на мѣстѣ А. Яновскимъ. Онъ специально изучалъ бытъ осетинъ и, между прочимъ, собралъ тщательныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ ихъ адатахъ (арьдау)²⁾. Свѣдѣнія

¹⁾ Н. В. Семеновъ, въ своемъ «собраніи юридическихъ обычаевъ Кумыскаго народа», говоритъ о «пересмотрѣ и исправленіи» обычаевъ, состоявшемся въ аулѣ Андреевѣ, въ 30-хъ годахъ (см. Юрид. Обзор. 1882 № 41, стр. 14, и № 51, стр. 335); но не видно, чтобы здѣсь шла рѣчь о письменномъ составленіи сборника. Мы, повтому, не включаемъ этого «пересмотра» въ рядъ сборниковъ адатовъ. Пересмотръ могъ быть сдѣланъ и безъ письменнаго наложенія, какъ это нерѣдко бывало у горцевъ.

²⁾ Въ виду библиографической рѣдкости изданія 1836 года и ради полноты нашего сборника, мы сочли не бесполезнымъ помѣстить въ немъ описаніе осет. обычаевъ г. Яновскаго.

объ осетинскихъ обычаяхъ изложены въ 29 статьяхъ и касаются права уголовного (въ особенности о кровомщеніи) и процесса (о присягѣ); есть также довольно подробныя данныя о семейныхъ отношеніяхъ (о левиратѣ, куплѣ женъ, многоженствѣ и пр.) и наследованіи имущества.

Заслуга возбужденія вопроса о необходимости ближайшаго изученія обычнаго права горцевъ и составленія изъ собранныхъ свѣдѣній особыхъ сборниковъ принадлежитъ мѣстному управленію мирными горцами сѣвернаго Кавказа. Въ трехъ докладахъ, представленныхъ въ 1841 и 1842 гг. подполк. Бибиковымъ¹⁾ бывшему главнокомандующему Головину, изложены подробно мотивы и самыя основанія работъ по собиранію свѣдѣній о кавказскихъ адатахъ²⁾. Основанія эти состояли въ собираніи свѣдѣній объ адатахъ, главнымъ образомъ горцевъ сѣвернаго кавказа (черкесъ, осетинъ, чеченцевъ и кумыковъ), и затѣмъ въ составленіи общаго свода адатовъ, который бы, по рассмотрѣніи и утвержденіи правительствомъ, могъ служить руководствомъ по внутреннему управленію горцами. Собираніемъ свѣдѣній объ адатахъ предложено было руководить мѣстными начальникамъ отдѣльныхъ частей сѣвернаго Кавказа. Имъ предписано было избрать для этого способныхъ лицъ изъ членовъ мѣстныхъ судовъ и штабныхъ офицеровъ, которые бы, посредствомъ личныхъ разспросовъ и показаній горскихъ старшинъ и стариковъ, наиболѣе знакомыхъ съ туземными обычаями, могли съ успѣхомъ исполнить предложенную работу. Въ то же время выработана была (тѣмъ же подполк. Бибиковымъ) единообразная программа, по какой предполагалось приступить къ изученію и собиранію адатовъ. Программа эта обнимала главнѣйшіе вопросы о сословныхъ отношеніяхъ, о судѣ и дѣлахъ, рѣшаемыхъ по адату, затѣмъ—о наследованіи по обычаю и завѣщанію, объ отношеніяхъ семейныхъ (родителей къ дѣтямъ,

¹⁾ Завѣдывавшимъ въ то время канцелярією по управленію мирными горцами Кавказа.

²⁾ См. отдѣлъ I, докум. № 1—3.

мужа къ жёнѣ) и наконецъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ¹⁾. Изложенная программа далеко не отличается полнотой; въ ней недостаетъ многихъ существенныхъ вопросовъ. Въ особенности слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что въ программу не были введены такіе вопросы, какъ о родовомъ и общинномъ устройствѣ и управленіи горцевъ—о ихъ родахъ и «обществахъ», внѣшнихъ отношеніяхъ между ними и внутреннемъ ихъ нарядѣ—объ организаціи народныхъ собраній, о родовыхъ и сельскихъ старшинахъ, объ устройствѣ ауловъ и семейныхъ общинъ (доселѣ существующихъ у всѣхъ горцевъ) и пр. Нѣтъ также множества вопросовъ по вещному и обязательственному праву; вовсе не затронуты напръ капитальные вопросы о формахъ землевладѣнія на Кавказѣ или объ обычаяхъ по орошенію полей²⁾. Нужно впрочемъ замѣтить, что, при ближайшемъ исполненіи программы, она расширялась новыми вопросами,

¹⁾ См. отдѣлъ I,—программу, приложен. въ докум. № 3.

²⁾ Известно, какую важную экономическую роль играетъ на Кавказѣ орошеніе полей. Въ этомъ отношеніи у горцевъ изстари образовались цѣлыя системы адатовъ по устройству ирригаціи, посредствомъ «канавъ», особыхъ водохранилищъ и пр., вмѣстѣ съ адатами регулированія пользованія водою, при орошеніи полей изъ общинныхъ и частныхъ канавъ, — адатами о «воровствѣ воды» и пр. На этотъ предметъ обращено вниманіе въ 70 годахъ особой комиссіей, изслѣдовавшей вопросъ объ орошеніи полей въ Крыму и на Кавказѣ. Результаты работъ кавказской комиссіи собраны въ прекрасномъ трудѣ Вейсенгооа: «Очеркъ орошенія въ Терск. области» (Зап. Кавк. отд. рус. техн. общ. 1875, VIII, отд. I). См. также «обзоръ законодательства о пользованіи водою», Г. Ф. С. (Жур. Сель. Хоз. 1875, СХІІ, отд. II), Кавказъ 1846 № 32; 1872 № 8; 1876 № 2, 5, 9, 11, 12, 87, 113.—А. Petzholdt's Der Kaukasus Lpz. 1866—67 (есть отдѣльная глава объ орошеніи полей на Кавказѣ). Есть замѣтки объ орошеніи у кабардинцевъ — въ путешествіи Палласа (Bemerk. auf ein. Reise in d. südl. Statth. d. Russl. in d. J. 1793 и 1794. Lpz. 1799). См. также — Die Völker d. Caucasus, Ch. Rommel. 1808. Meine Reise nach Grusien, V. Ch. v. Vetter. 1829 (о цистернахъ и канавкахъ у лезгинъ). Рассказъ кумыка о кумынахъ (Кавказъ 1846 № 39 — 44, о родовыхъ канавкахъ, адаты надзора и пользованія водою и пр.). Ср. въ особенности сочиш. Ю. А. Гагемейстера: о состояніи водопроводовъ за Кавказомъ (Кавк. 1847 № 5); новыя очерки Закавказья (Ж. Мин. Вн. Д. 1847 ч. XXI 1847 ч. XXII и отд. — Спб. 1848);

вводившимися въ кругъ наблюденія при самоѣ собраніи данныхъ ¹⁾).

Вѣсть съ тѣмъ, обращено было вниманіе на необходимость ближайшаго ознакомленія и приведенія въ извѣстность мусульманскаго шаріата. Горское управленіе предполагало перевести на русскій языкъ шаріатскія книги, бывшія въ то время въ употребленіи на Кавказѣ; для чего предписано было приискать между туземцами лицъ, хорошо знакомыхъ съ русскимъ и арабскимъ языками, или же войти въ сношеніе съ Казанскимъ университетомъ, гдѣ преподаются восточныя языки ²⁾. Впрочемъ, о дальнѣйшемъ ходѣ и результатахъ этихъ предположеній мы не встрѣтили въ источникахъ никакихъ свѣдѣній.

Къ осуществленію предположеній по собранію свѣдѣній объ адатахъ приступлено было въ 1843 году. Руководство этимъ дѣломъ взяли на себя начальники отдѣльных частей Кавказа — ген. *Фрейтагъ I*, кн. *Голицынъ*, *Ольшевскій*, *Несторовъ* и *Завадовскій* ³⁾. Въ томъ же году представленъ былъ сборникъ адатовъ Фрейтагомъ, руководившимъ работами по описанію быта чеченцевъ и кумковъ ⁴⁾; въ слѣдующемъ (1844) году составлены кн. Голицынымъ три «тетради», съ описаніемъ адатовъ кабардинцевъ, малкарцевъ и дигорцевъ ⁵⁾, и Несторовымъ — тетрадь адатовъ горцевъ Владикавказскаго округа (чеченцевъ и осетинъ) ⁶⁾. Въ 1845 г. ген.-м. Рапшиль ⁷⁾ представилъ собраніе адатовъ черкесовъ Черноморской линіи ⁸⁾.—

¹⁾ Въ особенности значительно расширена программа противъ первоначальнаго плана въ сборникахъ, составленіемъ которыхъ руководили Фрейтагъ, кн. Голицынъ и нѣк. другіе.

²⁾ См. отдѣлъ I, докум. № 2 и 4.

³⁾ Тамъ же — докум. № 5.

⁴⁾ Тамъ же — докум. № 6.

⁵⁾ Тамъ же — докум. № 9.

⁶⁾ Тамъ же — докум. № 10.

⁷⁾ Заступившій въ это время управленіе Черноморскою кордонною линіею, на мѣсто Завадовскаго, которому поручено было командованіе войсками всей кавказской линіи.

⁸⁾ Тамъ же — докум. № 11.

Что касается свѣдѣній объ адатахъ горцевъ Кубанской области (праваго фланга кавказской линіи), то, какъ видно изъ официальной переписки горскаго управленія, дѣло это съ самаго начала не нашло сочувствія въ мѣстномъ начальствѣ и вообще не привело ни къ какимъ результатамъ. Начальникъ области увѣдомлялъ въ 1843 году, что «по неимѣнію офицера, которому можно бы было поручить дѣло, требующее весьма большой заботливости, продолжительныхъ и постоянныхъ занятій о собираніи свѣдѣній объ адатахъ, предписаніе по этому предмету до сихъ поръ остается безъ исполненія». Въ слѣдующіе годы дѣлались неоднократныя напоминанія объ ускореніи работъ и принимались другія мѣры; но всѣ распоряженія и заботы центрального управленія Кавказа не привели ни къ чему, — въ 1849 г. начальникъ праваго фланга доносилъ, что по недостатку лицъ, которымъ можно было бы поручить изученіе горскихъ обычаевъ Кубанской области, не могутъ быть доставлены свѣдѣнія, требуемыя горскимъ управленіемъ. На этомъ, сколько намъ извѣстно, дѣло и остановилось¹⁾.

Составленіе общаго свода свѣдѣній объ адатахъ, собранныхъ въ отдѣльныхъ областяхъ, поручено было въ 1845 году ген. штабомъ кап. *Ольшевскому*, который и исполнилъ порученіе чрезъ два года²⁾. Въ слѣдъ затѣмъ, отъ мѣстныхъ начальниковъ были потребованы дополнителныя свѣдѣнія по новой программѣ, составленной Ольшевскимъ (главн. образомъ, по двумъ вопросамъ — о количествѣ калыма и штрафовъ за различныя преступленія). Свѣдѣнія по дополнительной программѣ были доставлены въ 1849 году³⁾.

Такимъ образомъ, благодаря инициативѣ и настойчивости

¹⁾ Тамъ же — докум. №№ 5, 8, 14, 16, 20, 23 и 24.

²⁾ Тамъ же — № 12, 13 и 17.

³⁾ См. докум. № 17, 19, 21, 22 и 25. Новыя свѣдѣнія доставлены только объ адатахъ кумыкъ, чеченцевъ, осетинъ и черноморскихъ черкесъ. О лабардинцахъ, малгарцахъ и дигорцахъ сдѣланы простыя выписки изъ тетрадей, представленныхъ въ 1844 г. Кубанцы и на этотъ разъ были оставлены въ покоѣ.

лицъ, стоявшихъ во главѣ горскаго управленія Кавказомъ, въ теченіи 40-хъ годовъ предпринять былъ и исполненъ цѣлый рядъ описаній адатовъ горскихъ племенъ Кавказа. Правда, мѣстное управленіе не успѣло вполне осуществить конечной цѣли — составить вполне удовлетворительный сводъ, который былъ бы «вѣрнымъ изображеніемъ сущности такъ назыв. адата и могъ бы впоследствии служить руководствомъ начальства, замѣщая собою доселѣ мало извѣстныя основанія этого первобытнаго права кавказскихъ горцевъ»¹⁾. По крайней мѣрѣ, изъ источниковъ не видно, чтобы сводъ Ольшевскаго или какой либо частный сборникъ адатовъ отдѣльныхъ областей были приняты правительствомъ за руководство въ судебно-административной практикѣ края; но все это не умаляетъ «научнаго» значенія работъ, исполненныхъ цѣлымъ рядомъ дѣятелей Кавказа 40-хъ годовъ. Самое бѣглое изученіе сборниковъ этого времени показываетъ, что въ нихъ записано не мало драгоценныхъ данныхъ, очень хорошо иллюстрирующихъ многія стороны правоваго быта кавказскихъ горцевъ. Мы и сдѣлаемъ общій обзоръ каждаго изъ такихъ сборниковъ въ отдѣльности.

9) *Описание гражданскаго быта чеченцевъ и кумыковъ, съ объясненіемъ адатнаго ихъ права и новаго управленія, введеннаго Шамилемъ, 1843 г.* Сборникъ этотъ составленъ Голенищевымъ—Кутузовымъ и Лобановымъ—Ростовскимъ, подъ руководствомъ бывшаго начальника лѣваго фланга кавказской линіи, ген.-маіора Фрейтага I²⁾. Подлинный сборникъ представленъ былъ въ 1843 г., при рапортѣ отъ 26-го Іюня за № 102. Черезъ два года впрочемъ оказалось, что ни сборникъ, ни рапортъ, не находятся въ дѣлахъ горскаго управленія; почему ген. Фрейтагу и было предложено выслать въ штабъ копию

¹⁾ См. докум. № 13.

²⁾ Извлеченія изъ первой части этого сборника—о чеченскихъ адатахъ — вошли въ статьи: И. Иванова «Чечня» (Москвит. 1851 № 19, стр. 176—200) и А. П. Верже «Чечня и чеченцы». Тифл. 1859. Последняя статья перепеч. въ Кавказск. календарѣ на 1860 г.

обоихъ документовъ, что и было исполнено ¹⁾. Этотъ-то второй экземпляръ сборника 1843 г., собственноручно подписанный Фрейтагомъ, имѣется въ подлинникъ въ нашемъ рукописномъ собраніи ²⁾. Во время самыхъ работъ по собираию матеріаловъ для означеннаго сборника, Фрейтагъ значительно измѣнилъ и расширилъ предложенную ему программу. Въ рапортѣ 1843 г., при которомъ былъ представленъ сборникъ, ген. Фрейтагъ объясняетъ, что «при составленіи правилъ суда по адату у чеченцевъ и кумыковъ, для ббльшей полноты и ясности предмета, потребовалось изложить вкратцѣ и исторію управленія, существовавшаго у этихъ народовъ. Желая при томъ изобразить переиѣны, которыя распространившееся въ послѣдніе годы на Кавказѣ ученіе юридикзма произвело въ нравахъ нѣкоторыхъ обществъ, я приказалъ въ статьѣ о чеченцахъ упомянуть вкратцѣ и о новомъ управленіи, введенномъ въ послѣднее время Шамилемъ у этого народа» ³⁾. Сборникъ Фрейтага состоитъ изъ четырехъ отдѣленій:

- I. Чечня,
- II. Владѣніе Кумыкское,
- III. Свѣдѣнія по программѣ объ адатѣ, или судѣ у чеченцевъ, и
- IV. Свѣдѣнія по программѣ объ адатѣ, или судѣ у кумыковъ.

Первое отдѣленіе раздѣляется на три главы, второе—на двѣ. Программа первыхъ двухъ главъ одинакова въ обоихъ отдѣленіяхъ. Въ нихъ трактуется: а) объ общественномъ уст.

¹⁾ См. въ рукоп. собраніи т. I, стр. 94 и 141—отношенія начальника штаба поля Филиппсона отъ 9-го Мая 1845 г. № 934, и ген. Фрейтага—31-го Іюля того же года, № 2637.

²⁾ Другой рукописный экземпляръ сборника (неизвестно впрочемъ — подлинный или же частная копія) хранится, по указанію Дубровина, въ Топогр. отдѣл. штаба Кавк. воен. округа, подъ инымъ заглавіемъ: «Краткое описаніе происхожденія чеченцевъ и состоянія общества до Шамиля». (См. «Очеркъ Кавказа», 1870, т. I, кн. 3, стр. 119, № 610).

³⁾ См. ниже докум. № 6.

ройствѣ (о происхожденіи племенъ, правѣ поземельной собственности, раздѣленіи народа на классы и отношеніи ихъ между собою, управленіи, происхожденіи князей и ихъ отношеніяхъ къ другимъ сословіямъ и о духовенствѣ) и б) о судѣ по адату (о происхожденіи адата, о кровомщеніи, воровскихъ дѣлахъ, адатномъ разбирательствѣ, о семейныхъ отношеніяхъ, наследствѣ, завѣщаніи и опекаѣ). Въ отдѣленіи о Чечнѣ прибавлена отдѣльная глава — «о новомъ управленіи, введенномъ Шамилемъ». — Въ послѣднихъ двухъ отдѣленіяхъ даны дополнительные отвѣты по пунктамъ общей программы горскаго управленія.

Сборникъ Фрейтага (особенно — «Чечня» и «владѣніе Кумыкское») совершенно выходитъ изъ программы, предложенной горскимъ управленіемъ. Это — весьма обстоятельное изслѣдованіе, съ значительнымъ запасомъ данныхъ, взятыхъ изъ преданій и современнаго быта народа; но тѣмъ не менѣе это — не то «описаніе» народныхъ обычаевъ, въ какомъ нуждалось горское управленіе Кавказа, и ради котораго было предпринято изученіе быта кавказскихъ горцевъ. Такіе трактаты, какъ о «призваніи» и «изгнаніи» чеченскихъ князей (Турловыхъ), о «происхожденіи адата», «новомъ управленіи Шамиля» и т. д., вовсе непригодны и неумѣстны въ сборникѣ, предназначавшемся для практическихъ цѣлей горскаго суда и управленія. Трудъ Фрейтага можетъ быть названъ «объяснительной запиской» къ сборнику адатовъ. Тутъ не стоитъ на первомъ планѣ то, что именно требовалось въ данномъ случаѣ горскимъ управленіемъ, — вполне объективное, догматическое описаніе и кондифицированіе адатовъ, — матеріалъ, который былъ бы пригоденъ для предстоящаго составленія «общаго свода» кавказскихъ адатовъ. Тѣмъ не менѣе, какъ изслѣдованіе обычнаго права горцевъ, описаніе Фрейтага до настоящаго времени не утратило важнаго научнаго значенія. Свѣдѣнія, собранныя и объясненныя въ «описаніи» ген. Фрейтага, представляютъ доселѣ едва ли не лучшій источникъ для ознакомленія съ правовымъ бытомъ чеченцевъ и кумыковъ. Не даромъ этимъ сборникомъ (соб-

ственно первымъ отдѣленіемъ) такъ усердно пользовался Берже — одинъ изъ извѣстныхъ знатоковъ быта горцевъ въ 50-хъ годахъ.

10) *Полное собраніе древнихъ обрядовъ кабардинцевъ и прилегающихъ къ нимъ племянъ (малкардцевъ и дигорцевъ), 1844 г.* Сборникъ этотъ составленъ подъ руководствомъ начальника центра кавказской линіи, ген.-маіора, кн. *Голицына*, при сотрудничествѣ ротм. *Давыдовскаго* и маіора *Шарданова*, на основаніи показаній почетныхъ стариковъ изъ горцевъ ¹⁾. Въ составъ этого сборника входятъ три самостоятельныя памятника, изложенныя въ отдѣльныхъ «тетрадахъ», каждая за особой подписью кн. Голицына, именно :

а) *Кабардинскіе древніе обряды.* Эта «тетрадь» состоитъ изъ 12 главъ (содержаніе которыхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ программѣ, предложенной горскимъ управленіемъ) и 127 статей; кромѣ того, болѣе 50 статей съ особой нумераціей изложено въ видѣ прибавленій къ отдѣльнымъ главамъ, — прибавленія эти состоятъ изъ извлеченій, цѣликомъ или съ нѣкоторыми измѣненіями, изъ «древнихъ обрядовъ» (до 1807 г.), «народнаго условія» 1807 и «дополнительнаго обряда» 20 или 30-хъ годовъ (см. выше). Собственно новыхъ статей, взятыхъ изъ преданій, по показаніямъ стариковъ, насчитывается до 60-ти; въ остальныхъ статьяхъ сборникъ представляетъ лишь переработку старыхъ памятниковъ кабардинскихъ обычаевъ. На поляхъ этой тетради кн. Голицынъ собственноручно дѣлалъ «примѣчанія» къ отдѣльнымъ статьямъ, съ указаніемъ на ихъ источники — изъ преданій ли, по показаніямъ стариковъ, или же изъ упомянутыхъ выше, старыхъ сборниковъ, причѣмъ ука-

¹⁾ Сборникъ препровожденъ былъ генералу Гурко при рапортѣ отъ 26-го Февраля 1844 г. № 343. См. ниже, отдѣлъ I, докум. № 9. Здѣсь изложена подробная исторія составленія сборника. Въ нашемъ рукописномъ собраніи имѣется подлинный рапортъ и сборникъ, собственноручно подписанный кн. Голицынымъ. Кромѣ того, есть второй экземпляръ (въ копіи) сборника, съ приложенными къ нему «прокламаціями» ген. Ермолова 1822 года. Последнія мы помѣстили въ нашемъ изданіи.

зывается не рѣдко на различіе статей по стариннѣмъ источникамъ и новому сборнику, иногда же цитируются и самыя адаты по прежнимъ сборникамъ.

в) *Древніе обряды балкарцевъ* и другихъ сосѣднихъ обществъ—хулаицевъ, чегемцевъ, урусбѣевцевъ, карачаевцевъ и безенгѣевцевъ¹⁾. Здѣсь, какъ и въ предыдущей тетради, насчитывается 12 главъ; между ними разбиты 56 статей, расположенныхъ по той же самой программѣ, какъ и «древніе обряды» кабардинцевъ. Въ первой статьѣ о калмыѣ прибавлены извлеченія изъ «древняго обряда» и «народнаго условія 1807 г.».

с) *Древніе обряды джигорскаго общества* (осетинъ) — тоже изъ 12 главъ и 56 статей, безъ всякихъ помятокъ о ихъ источникахъ.

Сборникъ кн. Голицына какъ нельзя лучше приспособленъ къ цѣлямъ, ради которыхъ онъ составленъ. Въ немъ нѣтъ ни одной статьи историческаго содержанія, вообще съ характеромъ «ислѣдованія», какъ это мы видѣли въ предыдущемъ сборникѣ Фрейтага. Трудъ Голицына — весьма удачный опытъ систематическаго описанія и кодификаціи адатовъ, согласно съ программой, предложенной горскимъ управленіемъ. Какъ переработка существующаго матеріала (старинныхъ сборниковъ, бывшихъ въ употребленіи въ горскихъ судахъ) по показаніямъ мѣстныхъ «стариковъ», настоящій сборникъ можетъ дѣйствительно считаться «вѣрнымъ изображеніемъ сущности адата»²⁾.

11) *Свѣдѣнія объ адатѣ или судѣ по обычаямъ кав-*

¹⁾ Въ заглавіи первой главы упомянуты, по ошибкѣ, осетинцы; о нихъ говорится въ слѣдующей тетради.

²⁾ Кн. Голицынъ самъ удостовѣряетъ, что онъ «могъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія касательно разницы, существующей между показаніями стариковъ и тѣмъ, что внесено въ книгу для руководства въ приговорахъ судейныхъ. Слѣдовательно, російское правительство вполне можетъ положиться на данныя, которыя, безъ всякаго противорѣчія, прошли чрезъ столько рукъ». См. ниже, доум. № 9.

казскихъ юрцевъ Владикавказскаю округа (осетинъ и чеченцевъ), 1844. Свѣдѣнія эти собраны капит. *Норденстремомъ*¹⁾. Сборникъ состоитъ изъ предисловія (о племенахъ, населяющихъ Владикавказскій округъ) и пяти главъ (до 150 статей), расположенныхъ соответственно съ программой горскаго управленія, — о сословіяхъ, адатъ (судъ по адату), наследованіи, семейныхъ отношеніяхъ и о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Здѣсь нѣтъ строгаго разграниченія адатовъ осетинъ отъ чеченцевъ. Въ каждой главѣ излагаются общіе адаты, съ указаніемъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на частныя адаты того или другаго племени. Мы считаемъ подобное изложеніе значительнымъ недостаткомъ настоящаго сборника. Совмѣстное изложеніе адатовъ такихъ существенно различныхъ племенъ, какъ осетины и чеченцы, во всякомъ случаѣ затрудняетъ спеціальное изученіе обычаевъ отдѣльнаго племени.

12) *Собраніе свѣдѣній, относящихся къ народнымъ учрежденіямъ и законоположеніямъ юрцевъ — адату* (черкесъ бывшей Черноморской линіи), 1845. Сборникъ этотъ составленъ по порученію окружнаго начальства, штатнымъ смотрителемъ Екатеринодарскаго войсковаго училища (бывшимъ судьей Екатеринодарскаго окружнаго суда), военнымъ старшиною *Кучеровымъ*, на основаніи показаній старшинъ черкесскихъ ауловъ²⁾. Статьи (95) раздѣлены на семь главъ — о сословіяхъ (первыя пять главъ), судъ по адатамъ (процессъ и уголовномъ правѣ) и наследствѣ (собственно гражданскомъ правѣ). Трудъ Кучерова во многомъ сходенъ съ при-

¹⁾ См. рапортъ Владикавказскаго коменданта полк. Несторова отъ 31 марта 1844 г. № 267, — докум. № 10. На рапортъ — собственноручная резолюція ген. Гурко: «Отправить въ Ставрополь для храненія при дѣлахъ канцеляріи по управленію мирными черкесами. Майя 15 Ст. Червленая». Резолюція
1844.

людіи эта относится къ сборнику, приложенному къ рапорту. Къ нашему рукописному собранію принадлежатъ въ подлинникахъ и рапортъ, и сборникъ, подписанный Норденстремомъ.

²⁾ См. докум. № 11. Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ подлиннаго рукопися, за подписью составителя сборника.

веденнымъ выше сборникомъ Фрейтага: каждая глава представляетъ самостоятельное изслѣдованіе, въ которомъ авторъ излагаетъ адаты критически, опредѣляетъ ихъ значеніе, составъ и пр. ¹⁾). Для своего времени «собраніе» Кучерова было замѣчательнымъ явленіемъ, какъ первый обстоятельный опытъ спеціального изученія юридическихъ обычаевъ черкесскаго племени, извѣстныхъ у насъ въ то время въ печати лишь по отрывочнымъ сообщеніямъ путешественниковъ и лицъ, имѣвшихъ случай наблюдать бытъ этого племени ²⁾). Описаніе Кучерова имѣетъ большую цѣну для насъ, главнымъ образомъ потому, что оно касается части племени, нынѣ не существующей на Кавказѣ (вслѣдствіе переселенія въ Турцію въ 60-хъ годахъ): работа Кучерова является чуть ли не единственнымъ спеціальнымъ изслѣдованіемъ адатовъ черкесъ Черноморья, довольно обстоятельно знакомящимъ насъ съ тогдашнимъ бытомъ этого потеряннаго для насъ племени.

13) *Объ адатахъ и о правахъ и обычаяхъ племени, обитающихъ на сѣверной покатости Кавказскаго хребта, на которыхъ этотъ судъ основанъ, 1847.* Сборникъ этотъ составленъ капит. Ольшевскимъ, по порученію горскаго управленія, и представляетъ общій сводъ свѣдѣній объ адатахъ, собранныхъ въ 1843—45 гг. Сводъ состоитъ изъ 139 статей, распределенныхъ на семь главъ, по плану, значительно отступающему отъ первоначальной программы, по какой собирались свѣдѣнія объ адатахъ въ 1843 и слѣд. годахъ. Первые двѣ

¹⁾ Горское начальство того времени придавало большую важность «собранію» Кучерова: вслѣдствіе представленія окружнаго суда, авторъ былъ удостоенъ Высочайшей награды (денежной) и самый трудъ Кучерова, «какъ заслуживающій вниманія», былъ, по требованію главнокомандующаго, изготовленъ въ копіи для представленія Государю Императору. См. рапортъ ген. Раппина 30 мая 1845 г. № 2311, отвѣтъ начальника штаба ген. Филиппова 9 іюня № 1475 и другіе документы — въ I т. рукописей, стр. 95, 96, 199 и 200.

²⁾ Таковы сочиненія и статьи Георга, Бурнашева, Лангена, Равинскаго, Броневскаго, Дебу, Зубова и др. См. I прилож. къ нашему сборнику — библиогр. матеріалы.

главы посвящены изслѣдованію общаго вопроса о значеніи адата и шаріата, а затѣмъ спеціальному изложенію адатовъ, касающихся суда, упразденія и сословныхъ отношеній; слѣдующія три главы обнимаютъ частно-правные адаты, относящіеся къ наследственному праву, опеку, союзу родителей и дѣтей и союзу супружескому со всѣми его основными институтами; наконецъ, послѣднія двѣ главы спеціально трактуютъ объ адатахъ по преступленіямъ и наказаніямъ. Трудъ Ольшевскаго—не простая компиляція отдѣльныхъ сборниковъ, бывшихъ въ его разсмотрѣніи ¹⁾, но самостоятельная и критическая ихъ разработка, значительно пополненная, по показанію самаго Ольшевскаго, собственными его наблюденіями и разпросомъ туземцевъ. Во время своихъ работъ по составленію свода адатовъ, авторъ почти годъ прожилъ въ Кабардѣ и Кубанской области, съ спеціальною цѣлью провѣрить на мѣстѣ и дополнить имѣвшіеся уже въ его распоряженіи матеріалы новыми данными, какихъ недоставало въ этихъ матеріалахъ ²⁾. Въ особенности нужно поставить въ заслугу г. Ольшевскому то, что въ свое описаніе адатовъ онъ ввелъ нѣкоторые данные, самостоятельно имъ добытыя касательно адатовъ горцевъ праваго фланга Кавказской линіи (Кубанской области), откуда, какъ мы уже знаемъ, окружнымъ начальствомъ вовсе не было доставлено никакихъ свѣдѣній объ адатахъ мѣстныхъ горцевъ. Къ сожалѣнію, составитель свода не позаботился снабдить его указаніями на источники, откуда взята та или другая статья, какъ это сдѣ-

¹⁾ Что рукописи, представленныя Фрейтагомъ, кн. Голицынымъ и др. были въ распоряженіи Ольшевскаго, видно не только изъ переписки, имѣющейся въ нашемъ собраніи рукописей (между документами есть распоряженіе о передачѣ сборниковъ, составленныхъ въ 1843—45 гг., на разсмотрѣніе г. Ольшевскому), но и изъ тѣхъ замѣтокъ (марандашемъ) на поляхъ сборниковъ и поправокъ въ самомъ текстѣ, какія, судя по почерку, сходному съ подписью Ольшевскаго, имѣющейся въ перепискѣ, принадлежатъ послѣднему. Нѣкоторые изъ такихъ замѣтокъ и поправокъ мы помѣстимъ въ нашемъ изданіи, въ примѣчаніяхъ къ тексту сборниковъ.

²⁾ См. рапортъ Ольшевскаго отъ 27-го Августа 1847 г. № 45, — докум. № 17.

лако кн. Голицынымъ, сборникъ котораго представляетъ также сводъ статей изъ нѣсколькихъ разновременныхъ памятниковъ. Оттого, при изученіи свода г. Ольшевскаго, сразу трудно опредѣлить происхожденіе отдѣльныхъ статей; для этого нуженъ не малый трудъ сличенія свода съ тѣмъ матеріаломъ, какой былъ въ распоряженіи Ольшевскаго. Составитель свода довольно точно устанавливаетъ вездѣ племенные и мѣстные различія и особенности въ адатахъ отдѣльныхъ обществъ и племенъ, — въ этомъ отношеніи сводъ Ольшевскаго стоитъ гораздо выше сборника Норденстренга, не строго различающаго адаты двухъ различныхъ племенъ — осетинъ и чеченцевъ. Съ другой стороны, сводъ Ольшевскаго далеко не обнимаетъ всего матеріала, на основаніи котораго онъ составленъ. Сводъ вообще отличается обобщеніемъ детальныхъ правилъ, встрѣчающихся въ сборникахъ адатовъ отдѣльныхъ мѣстностей, — что не всегда ведетъ къ «вѣрному изображенію сущности адата». Въ мѣстныхъ сборникахъ (напр. кн. Голицына и др.), бывшихъ въ распоряженіи Ольшевскаго, встрѣчается не мало любопытныхъ деталей по отдѣльнымъ адатамъ, вовсе не введенныхъ въ сводъ Ольшевскаго. Нѣкоторыя статьи свода (напр. 17-я: «какія дѣла разбираются въ настоящее время адатамъ»)¹⁾ излагаютъ только общій взглядъ по данному вопросу, но не даютъ по нему категорическихъ и подробныхъ правилъ, а въ

¹⁾ По вопросу, затрогнутому этой статьей, есть рядъ весьма подробныхъ указаній, напр., хоть въ матеріалахъ по кабардинскимъ адатамъ: въ нихъ очень точно и категорически разграничивается адаты отъ шаріата и русскихъ законовъ по ихъ компетентности, т. е. по вопросу о рѣшеніи дѣлъ по тому или другому изъ этихъ источниковъ, съ подробнымъ опредѣленіемъ степени обязательности каждаго изъ нихъ и съ указаніемъ на дѣла, которыя обязательно должны быть разрешаемы по адату или шаріату и пр. Ольшевскій ограничился въ своемъ сводѣ лишь общимъ замѣчаніемъ по этому важному вопросу, не воспользовавшись подробными данными источниковъ; по существу дѣла, ихъ слѣдовало ввести въ сводъ адатовъ, если онъ предназначался для практическаго руководства въ горскихъ судахъ, гдѣ по каждому дѣлу долженъ вобуждаться прежде всего вопросъ о его компетентности.

нихъ то собственно и вся суть такой работы, какъ сводъ Ольшевскаго. Наконецъ, въ сводъ Ольшевскаго, подобно сборнику Фрейтага, находимъ цѣлый рядъ статей общаго или историческаго содержанія¹⁾, вовсе неумѣстныхъ въ «сводъ», предназначавшомся для исключительно практическихъ цѣлей мѣстнаго суда и управленія. Указанные недостатки свода, вѣроятно, и были причиною того, что онъ не былъ принятъ въ «руководство» въ горскомъ управленіи. Впрочемъ, мѣстное управленіе не оставляло мысли довести до конца дѣло составленія свода адатовъ и потому, тотчасъ по полученіи сборника Ольшевскаго и, какъ мы уже знаемъ, по его же указаніямъ, предложило мѣстнымъ начальникамъ доставить дополнителныя свѣдѣнія, главнымъ образомъ о размѣрѣхъ калыма и штрафовъ за различныя преступленія. Такимъ путемъ и были дѣйствительно доставлены въ 1849 г. въ горское управленіе слѣдующіе три дополнителныя сборника²⁾:

14) *Выписка о правахъ и обычаяхъ горцевъ Владикавказскаго военного округа,*

15) *Сводънія о величинѣ калыма и о штрафахъ въ обществахъ чеченскихъ и кумыкскихъ племенъ и*

¹⁾ Таковы, наприм., слѣдующія статьи: 1-я «опредѣленіе адата», состоящее изъ общаго разсужденія о значеніи обычаевъ и въ частности адата кавказскихъ горцевъ; ст. 2-я «распространеніе шаріата», имѣющая только историческое значеніе; ст. 18-я «прежній и настоящій образъ правленія у горскихъ племенъ» — цѣлое изслѣдованіе, констатирующее такіа общія положенія, какъ господство у однихъ горцевъ «аристократическихъ» началъ, у другихъ — «демократическихъ», или положеніе о Шанилевскомъ «деспотизмѣ» и пр.; ст. 19-я «права князей и старшинъ» (чисто историческая статья) и проч.

²⁾ Они имѣются въ нашемъ собраніи рукописей въ подлинныхъ спискахъ. Мы не приводимъ здѣсь принадлежащей къ этимъ же сборникамъ «выписки изъ обрядовъ» горцевъ центра Кавказской линіи, представленной мѣстнымъ начальникомъ при рапортѣ 4 Мая 1849 г. № 831. «Выписка» эта — дословное извлеченіе статей о калымѣ и штрафахъ изъ рассмотрѣннаго выше «Полнаго собранія древнихъ обрядовъ набардинцевъ» 1844 (см. выше № 10). Новаго въ ней нѣтъ ни строчки.

16) *Свидѣнія о калымъ и штрафахъ по адатамъ черкесовъ Черноморской кордонной линіи.*

«Выписка» составлена комисією, учрежденною въ Владикавказѣ «для разбора народныхъ дѣлъ» ¹⁾ и состоитъ изъ девяти главъ и 65 статей, въ которыхъ изложены адаты шести «обществъ» чеченскихъ и пяти осетинскихъ ²⁾. «Свѣдѣнія», собранныя во второмъ памятникѣ, составлены Андреевскимъ городскимъ судомъ (кумыковъ) и почетными старшинами надъ-теречныхъ и сунженскихъ деревень (чеченскихъ) ³⁾. «Свѣдѣнія» эти состоятъ изъ трехъ отдѣльныхъ «тетрадей»: а) «свѣдѣній объ адатахъ у жителей надъ-теречныхъ деревень» (2 статьи), б) «свѣдѣній объ адатахъ у кумыкскихъ народовъ» (10 статей) и с) «свѣдѣній объ адатахъ у чеченцевъ надъ-сунженскихъ деревень» (6 статей). Наконецъ, послѣднее собраніе свѣдѣній о черкесахъ, состоящее всего изъ двухъ статей, составлено Кучеровымъ, какъ дополненіе къ большому его сборнику 1845 года ⁴⁾.

Перейдемъ къ обзору сборниковъ втораго тома рукописей, принадлежащихъ теперь университетской бібліотекѣ. Въ этомъ томѣ помѣщено 12 сборниковъ адатовъ Терской и Дагестанской областей конца 50-хъ и первой половины 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Къ сожалѣнію, здѣсь нѣтъ официальныхъ документовъ, относящихся къ перепискѣ горскаго управленія по собранію свѣдѣній объ адатахъ, и потому намъ приходится руководиться по этому вопросу лишь тѣми недостаточными указаніями, какія мы могли найти въ печати ⁵⁾.

¹⁾ См. докум. № 19.

²⁾ Къ чеченскимъ принадлежатъ общества: джераховцевъ, назрановцевъ, галгаевцевъ, комбилеевцевъ, карабулаковъ и кистинцевъ; къ осетинскимъ обществамъ — тагаурцы, куртатинцы, сарсалаи, кавдасарды и ала-гирцы. См. докум. № 19.

³⁾ См. докум. № 22.

⁴⁾ См. докум. № 25.

⁵⁾ Вопросъ о собраніи свѣдѣній объ адатахъ кавказскихъ горцевъ въ 60-хъ годахъ вовсе не разработанъ въ нашей литературѣ. Мы нашли

Собраніе свѣдѣній объ адатахъ, предпринятое горскимъ управленіемъ Кавказа въ 60-хъ годахъ, стоитъ въ связи съ современными судебно-административными преобразованіями на Кавказѣ, произведенными на основаніи «положеній» объ управленіи областями и «инструкціи для окружныхъ начальниковъ» (1860 г.). Въ послѣдней принято за правило, что судъ по адату и шаріату отправляется, между прочимъ, по «особнымъ правиламъ, постепенно составляемымъ на основаніи опыта и развивающейся въ нихъ потребности»¹⁾. Это то дѣло—составленія правилъ для руководства мѣстнаго управленія и суда, на основаніи адатовъ, по какимъ жили и судились горцы, и поручено было окружнымъ начальникамъ, представившимъ въ теченіи первой половины 60-хъ годовъ собранные ими матеріалы²⁾. По показаніямъ очевидцевъ, въ концѣ 60-хъ годовъ существовали въ горскихъ обществахъ сборники адатовъ; по нимъ разбирали дѣла въ народныхъ судахъ и въ нужныхъ случаяхъ, при судебномъ разбирательствѣ и на собраніяхъ народныхъ, «прочитывали» изъ книгъ подходящія къ дѣламъ адаты³⁾. Пржецлавскій сообщаетъ о Дагестанѣ вообще, что «для рѣшенія подлежащихъ разбору суда дѣлъ, собраны къ руководству свѣдѣнія о существующихъ въ каждомъ обществѣ, по преданіямъ, адатахъ, и внесены въ книгу, хранящуюся при управленіи, вмѣстѣ съ книгою, для записыванія послѣдовавшихъ рѣшеній»⁴⁾. Тоже самое было и въ горскихъ обществахъ Тѣрской области. Въ концѣ сборника адатовъ чеченцевъ Нагорнаго округа, составленнаго въ 1864 г., находимъ слѣдующее сообщеніе о порядкѣ собранія свѣдѣній объ ада-

---

лишь отрывочныя указанія въ статьяхъ Макарова (Сборн. св. о кавк. горцахъ 1868, I, 3) и Пржецлавскаго (Вѣст. Евр. 1867, сент., 179).

¹⁾ См. «Адаты» Макарова, II; «Очеркъ суда» Грабовскаго, 18.

²⁾ Макарова, 3.

³⁾ См. напр. «Среди горцевъ сѣвер. Дагестана», Амирова. Сборн. св. о кавк. горцахъ VII, 39.

⁴⁾ См. «Дагестанъ, его нравы и обычаи». Вѣст. Евр. 1867, Сент. 179.

тахъ. «Всѣ эти свѣдѣнія объ адатахъ составлены: изъ приговоровъ, бывшихъ уже въ судѣ, и изъ показаній депутатовъ суда; за погрѣшимость этого сборника положительно ручаться нельзя, такъ какъ и сами туземцы не имѣютъ адатовъ положительныхъ, а всѣ ихъ адаты измѣнялись въ продолженіи многихъ лѣтъ и оставались только изустными и съ теченіемъ времени многія измѣненія эти утеряны въ памяти народа. Вообще народъ и въ настоящее время, видя необходимость, принимаясь къ настоящему положенію жизни общества, измѣнить который либо изъ старыхъ адатовъ, охотно дѣлаетъ это; въ такомъ случаѣ дѣло нашей власти постепенно указывать народу на необходимость измѣненія и давать должное направленіе имѣющимъ составиться народнымъ постановленіямъ» (относительно адатовъ)¹⁾. Для измѣненія и отмены старыхъ адатовъ, какъ и вообще для собиранія ихъ въ сборники и книги, учреждались, по обычаю горцевъ, народныя собранія, какъ это было напр. въ 1859 г., при измѣненіи у осетинъ старыхъ обычаевъ, оказавшихся «вредными». (см. ниже).

Изъ Терскихъ сборниковъ 60-хъ годовъ въ нашемъ распоряженіи находятся два сборника адатовъ Осетинскаго округа и три сборника округовъ Нагорнаго, Ингушевскаго и Кумикскаго. Остаются еще округа: Кабардинскій, Аргунскій, Чеченскій и Ичкеринскій, относительно которыхъ мы не имѣемъ свѣдѣній, были-ль въ нихъ составлены въ 60-хъ годахъ сборники мѣстныхъ адатовъ, или нѣтъ. Нѣтъ свѣдѣній также объ адатахъ горцевъ Кубанской области. Въ нашемъ изданіи помѣщаются слѣдующіе пять сборниковъ адатовъ Терской области:

17) *Описаніе вредныхъ обычаевъ, существовавшихъ въ*

1) Начальникъ округа прибавляетъ затѣмъ: «о всякомъ измѣненіи или дополненіи къ этимъ свѣдѣніямъ, а равно о каждомъ новомъ (народномъ) постановленіи относительно адатовъ, я буду имѣть честь доносить каждый разъ особо».

туземныхъ племенахъ Военно-Осетинскаго округа до настоящаго времени, 1859 г.;

18) *Сборникъ обычаевъ (адатовъ), существующихъ у туземцевъ Осетинскаго округа, 1865 или 1866 г.;*

19) *Сборникъ адатовъ жителей Наюрнаго округа, 1864 г.;*

20) *Краткое описаніе обычаевъ, существующихъ между туземцами Ингушевскаго округа, 1864 или 1865 г., и*

21) *Сборникъ адатовъ жителей Кумыкскаго округа, 1865 г. ¹⁾.*

Выше уже указано на составленіе перваго сборника «съ общаго народнаго согласія», именно «на общемъ величайшемъ народномъ сборѣ» (собраніи), и на мѣры исполненія принятыхъ на этомъ собраніи измѣненій въ существовавшихъ обычаяхъ, признанныхъ народомъ «вредными» и замѣненныхъ новыми обычаями ²⁾. Изъ «циркуляра», приложеннаго къ «описанію», видно, что пересмотръ осетинскихъ адатовъ на народномъ собраніи 1859 г. предпринятъ былъ по инициативѣ мѣстнаго начальника округа, полковника Кундухова, въ присутствіи котораго народное собраніе осетинъ произвело пересмотръ мѣстныхъ адатовъ и отмѣнило тѣ изъ нихъ, которые оказались «вредными и несоотвѣтствующими духу настоящаго времени, обременительными и разоряющими домашнее благосостояніе». Время изданія «описанія» опредѣляется 102-й статьей слѣдующаго сборника (см. № 18) осетинскихъ обычаевъ, указывающей на изданіе «описанія» въ 1859 г. ³⁾. Отмѣна старыхъ обычаевъ и замѣна ихъ новыми, какъ видно изъ заключительной статьи сборника, одобрены народомъ, за подписью 30 «довѣренныхъ

¹⁾ Издавъ съ некоторыми измѣненіями и сокращеніями въ Сборникъ свѣд. о кавк. горцахъ 1872, VI.

²⁾ См. выше стр. 20.

³⁾ «Въ помѣщенномъ ниже сего (къ «сборнику» приложено «описаніе») описаніи вредныхъ обычаевъ, существовавшихъ прежде и отмѣненныхъ въ 1859 году, въ пунктѣ 19-мъ сказано» и пр.

отъ общества» лицъ, и затѣмъ особымъ «циркуляромъ» утверждены начальникомъ округа, полк. Кундуковымъ. «Описаніе» состоитъ изъ 22 пунктовъ; въ каждомъ изъ нихъ излагаются сначала «обычай, существовавшіе до настоящаго времени», затѣмъ въ параллельномъ текстѣ — обычай, «постановленные на будущее время». Къ обычаямъ, признаннымъ вредными, отнесены: кровомщеніе (по убійству, пораненію, изнасилованію и пр.), левиратъ, сватовство малолѣтнихъ, древніе обычай присяги, нѣкоторые свадебные обряды и обычай завѣщательные, «идольскіе» и похоронные обряды (старые обычай родопочитанія). Къ «описанію» приложена особая статья «о поминкахъ по умершимъ», съ таксаціей поминальныхъ расходовъ. По поводу пересмотра обычаевъ на собраніи 1859 г. начальникъ осетинскаго округа, полк. *Кундуковъ*, обнаружилъ «циркуляръ», въ которомъ изложены интересныя свѣдѣнія о тѣхъ же самыхъ обычаяхъ, о какихъ шла рѣчь на упомянутомъ собраніи осетинъ, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ мѣръ по наблюденію за исполненіемъ новыхъ «обрядовъ», установленныхъ народнымъ собраніемъ ¹⁾.

Остальные четыре сборника Терской области составлены подъ руководствомъ окружныхъ начальниковъ, «изъ бывшихъ уже въ судѣ примѣровъ», частію же по показаніямъ депутатовъ окружныхъ судовъ и «свѣдущихъ по сему стариковъ». Адамы изложены въ общихъ чертахъ по однообразной программѣ, касающейся главнымъ образомъ уголовного права и процесса; есть также отдѣльныя главы о бракѣ, семейныхъ и наследственныхъ отношеніяхъ и обязательствахъ, въ особенности возникающихъ изъ долговыхъ отношеній ²⁾.

¹⁾ Оба памятника изданы въ приложеніи къ статьѣ Пеева — «Народное право осетинъ» (Сборникъ св. о Кавказѣ I, стр. 334 и слѣд.). Въ нашемъ собраніи рукописей имѣется одно «описаніе обычаевъ», безъ циркуляра.

²⁾ Въ сборникѣ адатовъ Ингушевскаго округа записаны, въ послѣдней главѣ: «о процентахъ на занятой капиталъ», мѣстные обычай взиманія про-

Изъ сборниковъ адатовъ Дагестанской области, изданныхъ въ 60-хъ годахъ, имѣется въ нашемъ собраніи рукописей семь отдѣльныхъ тетрадѣй, содержащихъ въ себѣ слѣдующіе сборники дагестанскихъ адатовъ:

22) *Сборникъ адатовъ Даргинскаго округа, составленный въ 1865 г. Даргинскимъ окружнымъ управленіемъ* ¹⁾;

23) *Сборникъ адатовъ, существующихъ въ Гунибскомъ округѣ Средняго Дагестана* ²⁾;

24) *Сборникъ адатовъ, существующихъ въ Казикумухскомъ округѣ* ³⁾;

25) *Сборникъ адатовъ, существующихъ между жителями Андійскаго округа* ⁴⁾;

26) *Адаты, существующіе въ Кюринскомъ ханствѣ* ⁵⁾;

27) *Сборникъ адатовъ, существующихъ въ Кайтало — Табасаранскомъ округѣ* ⁶⁾, и

центовъ баранами, о «приплодѣ съ приплода» и пр. Объясненіе этихъ обычаевъ см. въ статьѣ: «Замѣтка о нарчаевскихъ адатахъ по долговымъ обязательствамъ» (Сборн. св. о кавк. горцахъ, 1870, IV).

¹⁾ Это самый обширный сборникъ. Онъ состоитъ изъ 1180 статей и раздѣляется на три части: А. общіе адаты. В. частныя адаты семи обществъ округа и С. особые адаты, установленныя между горцами округа и сосѣднихъ частей Дагестана. Въ концѣ приложено «объясненіе» нѣкоторыхъ мѣстныхъ терминовъ. Сборникъ этотъ изданъ кавк. горск. управлен. въ 1873 г. (Сборн. св. о кавк. горцахъ, VII) съ нѣкоторыми отступленіями и сокращеніями. Въ нашемъ изданіи сборникъ помѣщенъ въ полномъ составѣ, безъ всякихъ измѣненій и сокращеній.

²⁾ 8 главъ и 94 статьи. Адаты изложены по отдѣльнымъ наибствамъ округа.

³⁾ 12 гл. и 57 §§. Въ концѣ изложены адаты, существующіе между жителями Куммыскаго округа и сосѣдними съ нимъ жителями Даргинскаго и общества Андалалъ Гунабскаго округа.

⁴⁾ Въ семи главахъ изложены отдѣльно адаты каждаго наибства и общества.

⁵⁾ Изд. въ Сборн. св. о кавк. горц. VIII, съ сокращеніями и перемѣнами въ текстѣ.

⁶⁾ Изд. тамъ же, съ значительнымъ пропускомъ статей и даже цѣлыхъ главъ (о харманахъ и бедскихъ адатахъ).

28) *Сборникъ адатовъ, существующихъ въ Самурскомъ округѣ* ¹⁾).

Главнымъ содержаніемъ исчисленныхъ сборниковъ служатъ адаты по уголовному праву—объ убійствѣ и кровомщеніи, нанесеніи ранъ и другихъ обидъ, прелюбодѣяніи, воровствѣ и пр. Кроме того, въ нѣкоторыхъ сборникахъ изложены адаты, относящіеся къ праву вещному (сборн. кюринск. и кайтаго—таб. округовъ), семейственному (гуниб., кюрин.), наследственному (кюрин.) и обязательственному — о продажахъ, долгахъ, торговыхъ сдѣлкахъ, товариществѣ и пр. (гуниб., казакум., кюрин., кайтаг.). Наибольшей полнотой и системой отличается Даргинскій сборникъ: въ I—II главахъ изложены адаты процессуальные, гл. III—XIII — адаты уголовныя и гл. XIV и XV — адаты частно-правныя. Есть свѣдѣнія также о существованіи другихъ сборниковъ дагестанскыхъ адатовъ, не вошедшихъ въ наше собраніе рукописей. Таковы три сборника адатовъ горцевъ Темиръ-Ханъ-Шуринакаго округа (въ сѣверномъ Дагестанѣ), именно: горцевъ бывшаго *Тарковскаго владѣнія, Мехтулинскаго ханства и наибства Присулакскаго* ²⁾).

Кромѣ сборниковъ адатовъ, составлявшихся по инициативѣ и подъ руководствомъ мѣстнаго горскаго управленія, сохранились также *частныя записки* отдѣльныхъ лицъ, имѣвшихъ возможность наблюдать на мѣстѣ бытъ отдѣльныхъ горскихъ племенъ и вносившихъ въ свои записки нерѣдко очень важныя данныя относительно адатовъ кавказскихъ горцевъ. Многія изъ такихъ записокъ, особенно начиная съ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія, представлялись правительству, получавшему чрезъ то возможность ближайшаго ознакомленія съ обычаями мѣстнаго населенія Кавказа. Въ настоящее время цѣлый рядъ

¹⁾ Изд. тамъ же.

²⁾ См. «Адаты» Макарова, стр. 3. Нѣтъ свѣдѣній о собраніи адатовъ въ новое время лишь въ одномъ дагестанскомъ округѣ—*Аварскомъ*.

записокъ подобнаго рода хранится въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба въ Петербургѣ, отчасти также въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Есть, кромѣ того, извѣстія о запискахъ, хранящихся въ частныхъ книгохранилищахъ. Считаемо не бесполезнымъ указать здѣсь на извѣстныя намъ записки, содержащія свѣдѣнія объ адатахъ кавказскихъ горцевъ и, сколько намъ извѣстно, донныя не обнаруженныя въ печати ¹⁾. Въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба находятся слѣдующія рукописи, содержащія описаніе быта различныхъ кавказскихъ племенъ:

- 1) *Опытъ исторіи о черкесахъ и въ особенности о кабардинцахъ.*
- 2) *Общая замѣчанія о закубанцахъ.*
- 3) *Джестанъ.*
- 4) *Записки о грузинахъ, хевсурахъ и другихъ закавказскихъ народахъ.*

Исчисленныя записки принадлежатъ *академику Буткову*, спеціально изучавшему бытъ кавказскихъ племенъ во второй половинѣ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Судя по извлеченіямъ, сдѣланнымъ Н. Дубровинымъ изъ записокъ Буткова, послѣднія заключаютъ не мало матеріала, непосредственно относящагося къ обычному праву горцевъ ²⁾.

¹⁾ Свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ запискахъ мы собрали изъ указаній, разбросанныхъ въ извѣстномъ сочиненіи Н. Дубровина: «Очеркъ Кавказа и народовъ его населяющихъ». Спб. 1871, т. I. Дубровинъ — единственный писатель, пользовавшійся рукописнымъ матеріаломъ, главнымъ образомъ записками, хранящимися въ дѣлахъ главнаго штаба и въ другихъ мѣстахъ. Къ сожалѣнію, Дубровинъ, въ своемъ «Очеркѣ», касается правовыхъ обычаевъ слишкомъ поверхностно, какъ этнографъ, но не какъ юристъ, обращающій спеціальное вниманіе на научный анализъ всей системы правовыхъ обычаевъ народа. Оттого у Дубровина вообще мало разработана въпросъ объ адатахъ, какъ по перечисленнымъ выше сборникамъ (авторъ о нихъ и не упоминаетъ), такъ и по частнымъ запискамъ. Изъ послѣднихъ авторъ черпалъ общій этнографическій матеріалъ и лишь между прочимъ касался адатовъ.

²⁾ У Дубровина мы находимъ данныя, заимствованныя изъ записокъ

5) *Записки Тучкова*. Они относятся, главнымъ образомъ, къ племенамъ, населяющимъ Закавказье, — грузинамъ, хевсурамъ и др.

6) *Описание Абхазіи 1828 г.*, записка штабсъ-капитана Блома ¹⁾. Собраны не лишены интереса свѣдѣнія о раздѣленіи горцевъ на общества и аулы, о ихъ экономическомъ положеніи и юридическихъ обычаяхъ.

7) *О черкескихъ народахъ*, рукопись поручика Новицкаго ²⁾. Это очень важный источникъ, дающій обстоятельныя свѣдѣнія о бытѣ черкесъ и, между прочимъ, о ихъ адатахъ. По отзыву Дубровина, «свѣдѣнія, собранныя авторомъ, отличаются наибольшою полнотою и достоверностію изъ всѣхъ ему современныхъ и служатъ прекраснымъ матеріаломъ для изученія современнаго состоянія черкесъ» ³⁾. Содержание записки: наименованіе племенъ, границы, политическое раздѣленіе, народонаселеніе, раздѣленіе народовъ по происхожденію и религій, языкъ, раздѣленіе на сословія, народныя постановленія — судъ присяжныхъ и пр., союзы, гостепримство, торговля, военныя силы, способы веденія войны, преимущество шапсуговъ передъ прочими племенами въ военномъ отношеніи, вооруженіе, разбой на морѣ ⁴⁾.

8) *Описание Абхазіи*, рукопись поручика Бларамберга ⁵⁾,

Буткова о юридическихъ обычаяхъ грузинъ, шшавовъ, хевсуровъ, тушинъ (напр. о кровомщеніи, наследованіи и пр.), отчасти также дагестанскихъ горцевъ (о торговыхъ обычаяхъ и бракахъ), закубанцевъ и др. См. Дубровина «Очеркъ Кавказа и народовъ его населяющихъ». Спб. 1871 года, т. I, кн. 1 и 2-я.

¹⁾ Въ воен.-учен. архивѣ главнаго штаба записка эта находится, по указанію Дубровина, въ папѣ № 29871. Есть, кромѣ того, копія, подъ заглавіемъ «Абхазія», тамъ же № 42147, лит. D.

²⁾ Воен.-учен. архивъ гл. штаба, пап. № 42147, лит. G.

³⁾ См. Очеркъ Кавказа, т. I, кн. 3, стр. 234.

⁴⁾ Краткія извлеченія изъ записки помѣщены въ статьѣ Новицкаго: «Географическо-статистическое описаніе земли, населенной народомъ Адехе» (Кавказъ, 1829, № 22). Есть о юридич. обычаяхъ.

⁵⁾ Воен.-учен. арх. гл. шт. № 42147, рукоп. № 1.

составленная въ 1831 г. Она заключаетъ въ себѣ военно-статистическое обозрѣніе страны, заключенной между Мингрелією, крѣп. Анапю, Чернымъ моремъ и сѣверозападною частью Кавказскаго хребта. Свѣдѣнія, сообщаемыя о черкескомъ и абхазскомъ племени, касаются его исторіи, раздѣленія на общества и деревни, устройства ауловъ, военныхъ обычаевъ, управленія, промысловъ, торговыхъ обычаевъ и раздѣленія на сословія.

9) *Географическо-статистическое обозрѣніе земли, населенной народомъ Адеге*, рукопись поручика *Бларамберга*¹⁾. Собранны свѣдѣнія, между прочимъ, о раздѣленіи черкесъ на общества, границахъ ихъ поселеній, политическомъ раздѣленіи, происхожденіи и характерѣ черкесъ, раздѣленіи ихъ на сословія и объ обязанностяхъ каждаго изъ нихъ; о народномъ богатствѣ — земледѣліи, скотоводствѣ и пр.; объ образованіи, народныхъ постановленіяхъ и судѣ, аталычествѣ и уснновленіи, брагѣ, гостепріимствѣ, преступленіяхъ, торговлѣ и военномъ устройствѣ.

10) *Топографическое описаніе сѣверной покатости Кавказскаго хребта отъ крѣпости Анапы до истока рѣки Кубани и исчисленіе народовъ Адиге*, рукопись поруч. *Бларамберга*²⁾. Есть данныя о мѣстныхъ условіяхъ горской жизни, раздѣленіи черкесъ или адиге на поколѣнія и общества, о мѣстахъ, занимаемыхъ каждыиъ обществомъ, и ихъ составѣ.

11) *Описаніе народовъ, обитающихъ на пространствѣ земель по лѣвую сторону военно-грузинской дороги, къ югу отъ хребта Кавказскихъ горъ, къ западу до р. Уруха (Уруха), протекающей въ земляхъ большой Кабарды, и къ сѣверу до Кабардинскихъ горъ, именуемыхъ по черкески Армыкъ*, рукопись поруч. *Бларамберга*³⁾. Собранныя въ этой рукописи свѣдѣнія не лишены интереса для изученія состоя-

¹⁾ Тамъ же, рукоп. № 1/2.

²⁾ Тамъ же, рукоп. II, 3.

³⁾ Тамъ же, рукоп. № 5.

нія осетинскаго народа въ началѣ 30-хъ годовъ. Для насъ важны данныя о раздѣленіи осетинъ на общества — тагаурцевъ, куртатинцевъ, чемитинцевъ, алагирцевъ и дигорцевъ, о ихъ земледѣліи и скотоводствѣ, оборонительныхъ мѣрахъ, управленіи и путяхъ сообщенія.

12) *Свѣдѣнія о юрскихъ народахъ. Черкесы закубанскіе* ¹⁾. Рукопись составлена въ 1830 г. и заключаетъ въ себѣ общій взглядъ на положеніе горскихъ народовъ — черкесъ, кистовъ, осетинъ, кумыковъ, акаевцевъ, ногайцевъ, абхазцевъ и лезгинъ, затѣмъ описаніе черкесъ, съ указаніемъ на ихъ поколѣнія и обычаи.

14) *Рукопись генеральной штаба поручика Щербачева* ²⁾. Она касается быта черкесскаго племени и абазинскихъ поколѣній абхазскаго народа. Авторъ указываетъ число дворовъ и душъ каждаго общества, мѣстожительства и перечисляетъ главнѣйшія фамиліи владѣтелей. Въ концѣ рукописи сообщаются свѣдѣнія о хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ, торговлѣ, путяхъ сообщенія и объ отличительномъ характерѣ народовъ.

14) *Ногайцы внутри Кавказской губерніи частію кочующіе, частію постоянными усадьбами расположенные* ³⁾. Въ этой рукописи есть, между прочимъ, замѣчанія о раздѣленіи ногайцевъ на колѣна, о ихъ перекочевкахъ, скотоводствѣ и обычаяхъ.

15) *О положеніи Карабача*, рукопись *Прушановскаю* ⁴⁾. Содержится рядъ данныхъ о юридическихъ обычаяхъ татаръ Закавказья (въ Елисаветпольскомъ уѣздѣ).

16) *Замѣчанія объ Адиге* ⁵⁾. Есть свѣдѣнія о раздѣленіи черкесъ на племена; переименованы фамиліи дворянъ, управлявшихъ обществами, у которыхъ не было князей.

¹⁾ Тамъ же, рукоп. подъ лит. S.

²⁾ Тамъ же, рукопись подъ лит. L.

³⁾ Тамъ же, рукоп. подъ лит. A.

⁴⁾ Воен. учен. архивъ главн. штаба по секретному отдѣленію № 512, а по общему 54022.

⁵⁾ Тамъ же, папка № 42147, рукоп. № 4.

17) *Этнографическій очеркъ черкесскаго народа*, генеральнаго штаба полковника ¹⁾ *барона Стала*. Записка эта составлена въ 1849 г. послѣ 3-хъ лѣтняго пребыванія барона Стала за Кубанью. Въ 1852 г. авторъ привелъ первоначальныя свои замѣтки въ порядокъ и дополнилъ ихъ при помощи поручика *Омара Берсѣева*, абазехскаго уроженца. Записка эта заключаетъ въ себѣ описаніе обычаевъ черкесъ праваго фланга Кавказской линіи (нынѣ Кубанской области); есть также отчасти описаніе другихъ племенъ, обитающихъ на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта — осетинъ, абазинцевъ (или абхазцевъ) и татарскаго племени (ногайцевъ). Изъ переписки горскаго управленія по собранію свѣдѣній о кавказскихъ адатахъ въ 40-хъ годахъ видно, что въ 1846 г. главный начальникъ края поручалъ начальнику праваго фланга Кавказской линіи возложить на состоявшаго въ то время при генеральномъ штабѣ штабсъ-капитана барона Стала собраніе свѣдѣній объ адатахъ горцевъ праваго фланга ²⁾; но порученіе это не состоялось. Какъ сообщалъ намъ баронъ Сталь (нынѣ живущій въ Одессѣ), его записка составлена имъ вполне самостоятельно, безъ всякаго порученія со стороны горскаго управленія. Эту-то записку и доставилъ намъ авторъ, для извлеченія изъ нея данныхъ, относящихся къ обычному праву кубанскихъ черкесъ, за что мы приносимъ бар. Сталу искреннюю признательность. Записка бар. Стала для насъ тѣмъ болѣе драгоценна, что, какъ уже сказано выше, не смотря на всѣ заботы горскаго управленія, официальнымъ путемъ не было добыто въ 40-хъ годахъ никакихъ свѣдѣній объ адатахъ горцевъ праваго фланга. Пробѣлъ, имѣвшійся по этому предмету въ нашемъ рукописномъ собраніи, вполне возмѣщается извлеченіями изъ «Этнографическаго очерка» барона Стала. Въ III отдѣлѣ нашего собранія адатовъ мы помѣщаемъ въ извлеченіи богатые данныя, записанныя въ упомянутомъ «очеркѣ», именно:

¹⁾ Нынѣ генералъ-маіора.

²⁾ См. ниже, отдѣлъ I, документы №№ 15 и 16.

о племенномъ составѣ кубанскихъ черкесъ, объ адатѣ, наслахатѣ и шаріатѣ, аталычествѣ, усыновленіи, кровомщеніи, воровствѣ и хищничествѣ, семейной жизни (о бракѣ и положеніи черкеской женщины), наслѣдствѣ, правѣ поземельной собственности, гостеприимствѣ, поединкѣ, куначествѣ, военныхъ обычаяхъ, сословіяхъ, народныхъ обществахъ и собраніяхъ и судебной расправѣ¹⁾. Въ послѣднихъ двухъ главахъ помѣщенъ нами переводъ «дефтера» — вѣчеваго акта, составленнаго въ 1841 г. на народномъ собраніи черкесскихъ племенъ и установившаго *modus vivendi* этихъ племенъ, и переводъ «Тарикатнаго ученія» — памятника, сколько извѣстно, впервые появляющагося въ печати въ нашемъ изданіи²⁾.

18) *Краткое описаніе восточнаю берега Чернаго моря и племенъ, ею населяющихъ*, рукопись Карлюфа³⁾. Записка эта заключаетъ въ себѣ описаніе племенъ черкескаго, абхазскаго, сванетовъ, мингрельцевъ и гурійцевъ. Свѣдѣнія о черкесахъ состоятъ въ описаніи топографическаго положенія занимаемой ими страны, политическаго ихъ устройства, управле-

¹⁾ Копія записки барона Стала хранится нынѣ въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба въ Петербургѣ. Этою копіею пользовался Дубровинъ, въ своемъ «Очеркѣ Кавказа»; онъ извлекъ изъ записки бар. Стала общія этнографическія свѣдѣнія о черкесахъ — объ остаткахъ христіанскихъ церквей, праздникахъ и вѣрованіяхъ, о «порокахъ и недостаткахъ» черкесъ, ихъ пѣсняхъ и пр., — есть не полныя извлеченія также данныхъ по обычному праву, напр. о кровомщеніи и сословіяхъ. По словамъ Дубровина, преданія о раздѣленіи горцевъ по племенамъ, собранныя въ запискѣ Стала, также преданія о переселеніи ихъ съ мѣста на мѣсто не совсѣмъ вѣрны и требуютъ повѣри и ученыхъ изслѣдованій. «Что же касается до этнографіи черкескаго народа, то это самый полный очеркъ, какой только могъ быть сдѣланъ наблюдательностію одного лица. Религія, обычай, характеръ, раздѣленіе на сословія, управление и юридическій бытъ черкескаго народа составлены весьма добросовѣстно и отличаются полнотою сообщаемыхъ свѣдѣній». См. Дубровина «Очеркъ Кавказа» 1871, т. I, кн. 3, стр. 360.

²⁾ Послѣдній памятникъ переведенъ бар. Сталемъ съ татарскаго языка и составляетъ дополненіе къ его запискѣ. О тарикатѣ см. Ханькова (въ Кавказѣ 1849, № 15) Н. Дубровина «Очеркъ Кавказа» I, 388 и сл.

³⁾ Записка эта, извѣстная подъ именемъ секретной, находится въ настоящее время въ текущихъ дѣлахъ штаба Кавказскаго военнаго округа.

ніа, юридическаго быта, религіи, промышленности и торговли, образованности и военного искусства ¹⁾).

Для изученія обычнаго права кавказскихъ горцевъ, представляють не маловажный интересъ также записки, хранящіяся въ частныхъ книгохранилищахъ. Намъ извѣстны слѣдующія записки ²⁾:

19) *Объ обществахъ чеченскаго племени.*

20) *Объ обществахъ осетинскаго племени.*

21) *О черкесахъ закубанскихъ.*

22) *Объ образъ войны у черкесовъ и дагестанцевъ* ³⁾.

23) *Выдержки изъ записокъ о Г. Х. Засѣ.*

24) *Горы и Чечня*, записки подполковника генеральнаго штаба Пассека.

25) *Изъ путешествія по Мингреліи въ 1862 году, А. П. Берже* ⁴⁾.

¹⁾ Часть записки, относящаяся къ описанію черкесскаго племени, съ небольшими измѣненіями напечатана авторомъ въ Рус. Вѣст. 1860 г., № 16 («о политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ, населяющихъ сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря»). См. Дубровина «Очеркъ Кавказа», т. I, кн. 3, стр. 119. Дубровинъ указываетъ, кромѣ того, на слѣдующія записки, хранящіяся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба: 1) *юрскія земли. Изъ записки илюстр. коллегии* (дѣла № 47147, лит. О); 2) *Извѣстіе объ осетникахъ* (тамъ же, рукоп. лит. V); 3) *Извѣстія изъ Имам-бѣга о черкесахъ* (тамъ же, лит. N); 4) *Описаніе абазинцевъ* (тамъ же, лит. B); 5) *Описаніе юрскихъ народовъ, черкесы закубанскіе* (тамъ же, лит. R); 6) *Племя убыховъ* (тамъ же, лит. P). Въ московскомъ архивѣ мѣн. иностр. дѣлъ хранятся поданная къ Давыдову министерству *Записка объ Осетіи*. Въ этихъ запискахъ мало замѣчается свѣдѣній объ обычномъ правѣ горцевъ и потому для насъ они не представляютъ особеннаго интереса.

²⁾ Именно по указаніямъ Дубровина.

³⁾ Исчисленныя четыре рукописи доставлены Дубровину П. В. Кузнецкимъ. Дубровинъ извлекъ изъ этихъ рукописей нѣсколько важныхъ данныхъ, между прочимъ, и относительно обычнаго права горцевъ, наприм. о раздѣленіи горцевъ на поколѣнія и общества, объ обычаяхъ наследованія, объ управленіи, хищничествѣ и пр.

⁴⁾ Изъ записокъ о Засѣ, доставленныхъ Дубровину Атарциковымъ, въ «Очеркъ Кавказа» заимствованы интересныя данныя о провозненіи у черкесъ и равныхъ суевѣрныхъ обычаяхъ и обрядахъ. Въ запискахъ Пас-

Матеріалы по обычному праву кавказскихъ горцевъ сгруппированы въ настоящемъ изданіи по племенамъ, населяющимъ сѣверный и восточный Кавказъ, въ слѣдующихъ 6 отдѣлахъ:

Отдѣль I. Переписка Кавказскаго горскаго управленія по собиранію свѣдѣній объ адатахъ въ 40-хъ годахъ.

Отдѣль II — адаты черкесъ бывшей Черноморской линіи, по сборнику Кучерова, 1845 и 1849 г.

Отдѣль III — адаты черкесъ Кубанской области, по запискѣ барона Стала, 1849 г.

Отдѣль IV — адаты горцевъ Терской области:

1) Кабардинцевъ, по сборнику кн. Голицына, 1844 г., и «прокламаціямъ» ген. Ермолова, 1822 г.

2) Малкарцевъ (или балкарцевъ), по сборнику кн. Голицына, 1844 г.

3) Осетинъ, по сборникамъ — а) Яновскаго 1836 г., б) Норденстренга, 1844 г., с) кн. Голицына, 1844 г., d) комисіи для разбора народныхъ дѣлъ, 1849 г., е) народнаго собранія осетинъ, 1859 г., f) полк. Бундухова (циркуляръ), 1859 г., и г) горскаго управленія, послѣ 1865 г.

4) Чеченцевъ, по сборникамъ — а) генер. Фрейтага, 1843 г., б) его же, 1843 г., с) Норденстренга, 1844 г., d) комисіи для разбора народныхъ дѣлъ, 1849 г., е) и f) чеченскихъ старшинъ, 1849, г) начальника Нагорнаго округа, 1864 г., и h) начальника Ингушевскаго округа, 1865 или 1866 гг.

5) Кумыковъ, по сборникамъ — ген. Фрейтага, 1843 г., б) его же, 1843 г., с) Андреевскаго городского суда, 1849 г., и d) окружнаго начальника, 1865 г.

Отдѣль V — сводъ адатовъ горцевъ сѣвернаго Кавказа. Ольшевскаго, 1847 г.

сена содержатся также данныя касательно чеченскихъ адатовъ; Дубровинъ извлекъ свѣдѣнія объ устройствѣ ауловъ, о гостепримствѣ и экономическомъ бытѣ. Наконецъ, Берге наблюдалъ обычаи горцевъ Закавказья; «Отрывокъ» изъ его путешествія помѣщенъ въ газетѣ Кавказъ, 1868, № 25.

Отдѣль VI—адаты дагестанскихъ горцевъ слѣдующихъ округовъ: 1) Гунибскаго, 2) Казикумукскаго, 3) Андійскаго, 4) Бежидскаго, 5) Даргинскаго, 6) Бюринскаго (ханства), 7) Кайтаго-Табасаранскаго — а) Рустемъ-хана, XII вѣка, и б) адаты 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія, и 8) Самурскаго округа.

Въ первомъ выпускѣ настоящаго изданія помѣщены, кромѣ предисловія, документы по собиранію свѣдѣній объ адатахъ въ 40 хъ годахъ настоящаго столѣтія, затѣмъ сборники адатовъ черкесъ черноморскихъ, кубанскихъ, кабардинцевъ и малкарцевъ. Во второй выпускъ войдутъ сборники адатовъ осетинъ, чеченцевъ и кумыковъ и сводъ адатовъ горцевъ сѣвернаго Кавказа; въ третьемъ выпускѣ будутъ помѣщены сборники адатовъ дагестанскихъ горцевъ. При каждомъ выпускѣ будутъ находиться слѣдующія приложенія: а) матеріалы по бібліографіи обычнаго права кавказскихъ горцевъ и б) предметный указатель по изданнымъ матеріаламъ съ объясненіемъ отдѣльныхъ институтовъ и адатовъ.

МАТЕРІАЛЫ
ПО
ОБЫЧНОМУ ПРАВУ
КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫИ.

Перечиска кавказскаго горскаго управленія по собранію свѣдѣній объ адатахъ кавказскихъ горцевъ въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія.

1.

Докладъ 1-го февраля 1841 г. № 9-й, по предположенію собрать полныя свѣдѣнія объ адатѣ и перевести на русскій языкъ правила шаріата ¹⁾).

Вашему Превосходительству извѣстно, что всѣ дѣла горцевъ, кромѣ уголовныхъ, разбираются и рѣшаются *адатома*, т. е. судомъ, основаннымъ на обычаяхъ, и *шаріатомъ*, какъ называютъ его, судомъ по Алгарану.

Сомнѣнія нѣтъ, что правила какъ адата, такъ и шаріата, во многихъ случаяхъ могутъ быть недостаточны, односторонни и даже противорѣчущи между собою; но, не имѣя ясныхъ и положительныхъ свѣдѣній объ нихъ, нельзя утвердительно сказать, адатъ или шаріатъ охотнѣе бы можно было допускать въ управленіе между горцами. Первому можно отдавать преимущество потому только, что объ немъ и теперь существуютъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ разспросовъ; что же касается до шаріата, то можно сказать, что до сихъ поръ онъ остается для насъ совершенною тайною, а не совѣмъ охотно допускается потому только, что введенный между горцами съ магометанскою религіею онъ оставался и теперь остается въ

---

¹⁾ Докладъ принадлежитъ подполковнику *Бибикосу*, завідывавшему канцеляріею по управленію мирными горцами, и представленъ былъ г. командовавшему войсками бывшей Кавказской линіи ген. Головину.

рукахъ мудль и вообще ихъ духовенства, которое, толкуя по произволу предписанное шаріатомъ, и понимая весьма хорошо, что съ ослабленіемъ шаріата и введеніемъ другаго законоположенія, уничтожится политическая можно сказать власть ихъ на народъ, стараются вслѣдствіе удержать ее въ своихъ рукахъ.

Нѣкоторые думаютъ, что правила шаріата изложены въ Алкаранѣ; но многіе изъ мусульманъ, заслуживающіе довѣрія, съ кони случалось мнѣ говорить объ этомъ, утверждаютъ, что шаріатъ есть собраніе законовъ, весьма достаточныхъ для всѣхъ случаевъ быта гражданскаго, кои изложены въ особнхъ книгахъ, какъ на примѣръ въ книгѣ подъ названіемъ *Дуреръ* и другихъ.

Нѣтъ сомнѣній, что еслибы представлялась возможность въ непродолжительномъ времени ввести между горцами русскія узаконенія, то не было бы и надобности изыскивать всѣ способы ознакомить себя ни съ однимъ изъ вышесказанныхъ законоположеній, между горцами принятыхъ; но такъ какъ правительство, считая справедливо мѣру эту рановременною, допускаетъ разборъ дѣлъ между ними по правиламъ адата и шаріата, то должно бы казаться стараться достигнуть возможности имѣть объ нихъ понятія болѣе ясныя и положительныя, а потому я допускаю себѣ доложить на благоусмотрѣніе нижеслѣдующее:

1) Горцы, раздѣленные на общества, и различествуя между собою въ обычаяхъ, должны, мнѣ кажется, имѣть и разныя правила адата, основанныя лишь на преданіяхъ. Сборъ адата, по мнѣнію моему, былъ бы дѣломъ весьма для насъ полезнымъ, и въ исполненіе этого, думать надо, большихъ затрудненій не встрѣтилось бы. Назову одного изъ азіатцевъ, съ кони случилось мнѣ говорить по этому предмету: Генераль-Маіоръ Султанъ Азаматъ Гирей, на вопросъ мой, почему никто изъ нихъ въ своемъ обществѣ не составитъ полныхъ свѣдѣній объ адатѣ, отвѣчалъ: «на подобное дѣло надо знать волю начальства и имѣть порученіе, отъ исполненія коего конечно никто бы изъ насъ не отказался». Въ сборѣ свѣдѣній объ

адатъ не встрѣтятся особыхъ затрудненій и потому, что нужны по этому свѣдѣнія могутъ быть собираемы разспросами и даже не одними азіатцами, изъ коихъ теперь можно указать на Султана Азоматъ Гирея, Асланъ Гирея, Маматъ Гирея Педисова, Шору-Бекъ Мурзина, Давлетъ-Гирея Шихалѣва, Махошевца Омара и другихъ, каждый о своемъ обществѣ, или обществахъ ему извѣстныхъ, но и каждый частнымъ начальникомъ въ кругу своего управленія. По сборѣ свѣдѣній и послѣ строгой повѣрки, можно бы было привести ихъ въ лучшей и систематическій порядокъ, и польза, кажется, была бы отъ того несомнѣнна.

2) Чтобы узнать правила шаріата, мнѣ кажется, полезно было бы перевести его на русскій языкъ. Исполненіе этого предпріятія сопряжено конечно съ большимъ трудомъ; но отъ окончанія его не исчислимы выгоды. Мусульманское духовенство, зная, что правила шаріата для насъ не тайна, удерживалось бы отъ превратныхъ и лживыхъ толкованій, частію, быть можетъ, вредныхъ для правительства, а мѣстные начальники поставлены бы были въ возможность вникать въ дѣла горцевъ и рѣшать ихъ единообразно и скоро, тогда какъ теперь, въ рѣшеніи самыхъ ничтожныхъ дѣлъ, мы совершенно затруднены и по неволѣ должны или отдавать ихъ на судъ муллы, или спрашивать ихъ совѣтовъ. Мнѣ кажется, что подобною мѣрою правительство вскорѣ успѣло бы снискать довѣріе народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно упала бы неприимѣннымъ образомъ сильная власть на народъ духовенства, многими случаями доказавшаго вредное свое вліяніе на умы горцевъ въ отношеніи къ русскимъ.

3) Если переводъ шаріата признанъ будетъ полезнымъ, то не угодно ли будетъ, для личнаго объясненія по этому предмету, вызвать сюда находившагося въ Кавказско-Горскомъ полуэскадронѣ Аксаевскаго эфендія Юсупа Блнчева, весьма преданнаго правительству и знающаго очень хорошо по арабски; полагать надо, что онъ не откажется отъ этого поруче-

нія и съ помощію хорошаго переводчика татарскаго языка могъ бы усполнить этотъ трудъ съ успѣхомъ.

(Копія подписана помощникомъ секретаря Сердюковымъ).

2.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ¹⁾.

(До 11-го Декабря 1842 года).

10-го тома Свода Гражданскихъ Постановленій статьею 2651 опредѣлено: внѣшнимъ инородцамъ въ исковыхъ дѣлахъ и другихъ неудовольствіяхъ, какъ между ними, такъ и съ посторонними людьми, предоставляется право разбираться на основаніи древнихъ обычаевъ и законовъ ихъ.

На основаніи этого, всѣ дѣла горцевъ рѣшаются: судомъ по книгамъ шаріата, или судомъ по адату, т. е. по народнымъ обычаямъ, существовавшимъ у нихъ до введенія магометанской вѣры.

Полныхъ и удовлетворительныхъ свѣдѣній объ означенныхъ законоположеніяхъ горцевъ мы не имѣемъ; и все, что можно сказать объ нихъ изъ поверхностныхъ и совершенно неудовлетворительныхъ свѣдѣній, такъ это то, что шаріатъ допускаетъ большое вліяніе мусульманскаго духовенства, постоянно оказывающаго намъ неблагонамѣренное свое расположеніе; а адаты основанъ на обычаяхъ, не согласныхъ съ об-

¹⁾ Судя по подписи и по слѣдующимъ документамъ, записка эта принадлежитъ той же канцеляріи по управленію мирными горцами, которая представила и первый докладъ. Изъ резолюціи, помѣченной на запискѣ, видно, что она составлена была до 11 Декабря 1842 года и представлена г. коменданту войскамъ.

щественнымъ благоустройствомъ и часто противорѣчащихъ и стѣснительныхъ для народа, потому что по адату въ пользу владѣльца за все присуждаются штрафы, не соразмѣрные съ состояніемъ простаго класса людей. Степень вліянія того и другаго суда у горцевъ весьма различна, смотря по тому, съ котораго времени введена магометанская вѣра у того или другаго племени, и какъ она успѣла укорениться у народа.

Измѣнить существующій у горцевъ порядокъ судопроизводства въ настоящее время было бы преждевременно и даже опасно; ибо измѣненіе это несомнѣнно вооружило бы противъ насъ одно изъ сословій—князей и дворянство или духовенство. Поэтому, исполненіе этого весьма (важна)го ¹⁾ обстоятельства должно оставаться безъ (разрѣ)шенія, и такъ какъ намъ совершенно п(очти) неизвѣстны правила адата и шаріата, то, по моему мнѣнію, мы непремѣнно должны стараться достигнуть возможности имѣть объ нихъ понятія болѣе ясныя и положительныя.

Для достиженія этого весьма важнаго предмета, по моему мнѣнію, необходимо должно книги шаріата перевести съ арабскаго на русскій (языкъ), а правила адата, извѣстныя у (горцевъ) по однимъ лишь только преданіямъ, собрать для составленія сколько возможно болѣе полнаго изъ нихъ свода. Эта работа конечно будетъ стоить м(ного) трудовъ и занятій; но, убѣжденъ бу(дучи), съ окончаніемъ ее, въ несомнѣнной пользѣ и выгодѣ правительства, я полагаю бы немедленно приступить къ ней.

Докладывая Вашему Высокопревосходительству все выше-прописанное на благоусмотрѣніе, имѣю честь покорнѣйше просить рѣшенія Вашего на приведеніе въ исполненіе моего предположенія, и присовокупляю при томъ, что сборъ адата я полагаю поручить каждому частному начальнику въ кругу своего управленія и сверхъ того избраннымъ изъ числа способнѣй-

¹⁾ Вырвана часть листа; мы восстанавливаемъ по смыслу.

шихъ и болѣе намъ преданныхъ азіатцевъ; что же касается до перевода книгъ шаріата, то въ этомъ конечно встрѣтится большое затрудненіе, ибо должно будетъ прискаты человѣка, знающаго хорошо арабскій и русскій языки; впрочемъ, если-бы оказалось невозможнымъ здѣсь приступить къ этому переводу, то я полагаю бы войти въ сношеніе по этому предмету съ Казанскимъ университетомъ, гдѣ преподаются восточные языки.

(Подлинная записка за подписью правителя канцеляріи подполковника Бибикова. Въ нашемъ сборникѣ помѣщена копія записки, завѣренная помощникомъ секретаря Сердюковымъ. На полѣ сдѣлана помѣтка: «Командующій войсками на это согласенъ и приказалъ приступить къ исполненію». 11-го Декабря 1842).

8.

Докладъ канцеляріи по управленію мирными горцами, 18 Декабря 1842 г., № 62, г. начальнику штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, о собраніи правилъ адата и о переводѣ книгъ шаріата ¹⁾).

Согласно докладу канцеляріи по управленію мирными горцами, господину командующему войсками угодно было приказать — приступить къ сбору правилъ адата. Въ слѣдствіе чего имѣю честь представить при семъ на благоусмотрѣніе Вашего Пр—ва программу, по коей я полагаю бы приступить къ сбору правилъ адата; по имѣнію моему, указаніе, въ

¹⁾ Подлинный докладъ за подписью подполковника Бибикова и съ моею карандашемъ, очевидно, начальника штаба: «Исполнить Должить лично. 1-е Марта».

какомъ порядкѣ должны собираться правила адата, необходимо для того, чтобы впослѣдствіи, когда матеріалы будутъ собраны, то удобнѣе можно бы было ихъ повѣрять; при этомъ ни въ честь доложить, что я полагалъ бы сборъ свѣдѣній объ адатѣ, кромѣ гг. частныхъ начальниковъ, поручить на правомъ флангѣ: флигель-адъютанту полковнику *Ханъ-Гирею* ¹⁾, подполковнику *Мамады Гирею Педисову*, султанамъ: ген.-маіору *Азиматъ Гирею*, маіору *Казы Гирею* и князю *Маматъ Гирею Лоову*; въ центрѣ линіи, включая и малую Кабарду: султану шт.-ротм. *Арсланъ Гирею*, маіору *Шарданову* и шт.-кап. *Шоръ Бекъ Мурзину*; въ обществахъ вѣдомства Владикавказскаго коменданта: поручику князю *Магомету Дударову* и прапорщику *Есенову*, и на лѣвомъ флангѣ: гвардіи штабсъ-ротмистру князю *Хасая Учміеву*, штабсъ-капитану *Давлетъ Мурзъ Шихалееву*, капитану *Касима Курумову* и еадіямъ — поручику *Юсуну Клычеву* и *Мустафъ Маюма Казіеву*.

ПРОГРАММА,

по коей предназначается собрать сколько возможно вѣрныя, точныя и подробныя свѣдѣнія объ адатѣ, или судѣ по обычаямъ кавказскихъ горцевъ ²⁾.

1-е) Раздѣленіе каждаго общества или племени отдѣльно на сословія, включая и крѣпостной классъ людей.

¹⁾ На полѣ карандашемъ отмѣтка: «ушеръ» и въ текстѣ зачеркнуто карандашемъ мѣсто: «флигель . . . Гирею». Судя по почерку, отмѣтка здѣсь сдѣлана тѣмъ же лицомъ, какъ и резолюція на полѣ, въ началѣ доклада.

²⁾ Карандашемъ прибавлено (судя по почерку, рукою начальника штаба): «въ каждомъ обществѣ или народѣ». Такой прибавки и мѣтла мѣсто въ программахъ, разосланныхъ на мѣста лицамъ, собиравшимъ свѣдѣнія объ адатахъ. Кромѣ приведеннаго здѣсь проекта программы, составленнаго Бибиковымъ, въ нашемъ сборникѣ нѣтъ буквально сходная съ проектомъ

2-е) Права и обязанности каждого класса и отношеніе одного сословія къ другому, включая и духовенство.

3-е) Какія дѣла и преступленія въ каждомъ обществѣ должны быть разсматриваемы адатомъ.

4-е) Общій обрядъ суда по обычаямъ или адату.

5-е) Права и обязанности каждого сословія.

6-е) Наслѣдственное право всѣхъ сословіи.

7-е) Раздѣлъ имѣній.

8-е) Обрядъ духовныхъ завѣщаній и исполненіе по нимъ.

9-е) Отношеніе дѣтей къ родителямъ и ихъ права на первыхъ.

10-е) Взаимное отношеніе мужа къ женѣ и обратно.

11-е) Мѣра наказаній за неповиновеніе къ князьямъ и узденямъ.

12-е) Мѣра наказанія за преступленіе всякаго рода.

(Подпись — подполк. Бибиковъ).

4.

Приказъ г. Командующаго войсками ген.-лейт. Гурко отъ 6 февр. 1843, № 393, казначею штаба, о запискѣ денегъ (65 р.), уплоченныхъ за три книги шаріата на арабскомъ языкѣ, предположенныя къ переводу на русскій языкъ.

(Въ нашемъ сборникѣ — засвидѣтельствованная копія приказа).

программа — въ началѣ сборника адатовъ черкесовъ черноморскихъ (см. рукопись, т. I, стр. 98).

5.

Отношеніе г. Командующаго войсками ген.-лейт. Гурко отъ 29 Марта 1843 г., № 1019, начальнику праваго фланга Кавказской линіи, ген.-маіору Ольшевскому.

10-го тома свода гражданскихъ законовъ статью 2651 предоставлено внѣшнимъ инородцамъ въ исковыхъ дѣлахъ и другихъ неудовольствіяхъ, какъ между ними, такъ и посторонними людьми, разбираться на основаніи древнихъ обычаевъ и законовъ ихъ.

В—му Пр—ву извѣстно, что по настоящее время мы имѣемъ только поверхностныя и вовсе не опредѣлительныя свѣдѣнія о разбирательствѣ дѣлъ горцевъ по ихъ обычаямъ и законамъ. Предметъ этотъ, не смотря на то, что по важности его онъ долженъ бы быть дѣломъ первостепеннымъ при внутреннемъ управленіи горцами, остается до сихъ поръ для насъ почти неизвѣстнымъ, потому что и у самихъ горцевъ правила, коихъ они придерживаются при разбирательствѣ дѣлъ, и древніе обычаи ихъ, по коимъ дѣла рѣшаются, извѣстны имъ только по однимъ лишь сохранившимся преданіямъ.

Озабочиваясь приведеніемъ сколько возможно въ большую извѣстность обычаевъ горцевъ и правилъ ихъ суда адата, я покорнѣйше прошу Ваше Пр—во избрать изъ подвѣдомственныхъ вамъ чиновниковъ офицера усерднаго и съ хорошими способностями вамъ извѣстнаго, поручите ему заняться сборомъ свѣдѣній объ адатѣ или обычаяхъ кавказскихъ горцевъ, придерживаясь въ семъ случаѣ сколько возможно болѣе прилагаемой у сего программѣ, дабы впоследствии имѣть болѣе удобствъ при повѣркѣ собранныхъ по этому предмету свѣдѣній.

Такъ какъ для составленія описанія правилъ адата, тому, кому вы поручите это, необходимо будетъ пріобрѣтать матеріалы изъ разспросовъ, то Ваше Пр—во не оставьте распорядиться избраніемъ для того изъ числа почетныхъ, умныхъ пожилыхъ горцевъ нѣсколькихъ лицъ, внушивъ имъ, что пра-

вительство заботится о приведеніи въ извѣстность обычаевъ ихъ, имѣя въ виду вышеуказанную Высочайшую Государя Императора волю ¹⁾, кою представляется имъ право дѣлать разбирательство по ихъ древнимъ обычаямъ, а потому они должны въ дѣлѣ этомъ, сохраняя самое строгое безпристрастіе, дѣйствовать по крайнему ихъ разумнiю для блага и общей пользы ихъ соотечественниковъ.

(Въ нашемъ сборникѣ настоящее предписаніе помѣщено въ копiи, засвидѣтельствованной Сердюковымъ. Такія же предписанія посланы и начальникамъ другихъ частей Кавказа: нач. центра Кавк. линіи кн. Голицыну 25 Марта № 964; нач. черном. Бордон. линіи ген.-маіору Завадовскому 29 Мар. № 1020; нач. лѣваго фланга ген.-маіору Фрейтагу 29 Мар. № 1021 и Владикавказскому коменданту полк. Несторову 29 Мар. № 1022).

6.

Рапортъ начальника лѣваго фланга Кавказской линіи ген.-маіора Фрейтага I-го отъ 26 Іюня 1843 г. за № 102, командующему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи ген.-лейт. Гурко.

Въ предписаніи ко мнѣ отъ 29 Марта, № 1021, Ваше Пр—во, изъявляя желаніе привести сколь можно въ большую извѣстность обычаи у горцевъ и правила ихъ суда, приказавъ изводить возложить собраніе по этому предмету свѣдѣній на одного изъ состоящихъ при мнѣ офицеровъ.

Я поручилъ заняться этимъ состоящему при мнѣ гене-

---

¹⁾ Здѣсь, очевидно, указывается на упомянутую въ началѣ предисловія ст. 2651, т. X св. гражд. закон.

рального штаба капитану *Голенищеву-Кутузову* и юнкеру Нижегородскаго драгунскаго полка прикомандированному къ Куринскому полку князю *Лобанову-Ростовскому*. Нынѣ оконченный ими трудъ представляя на благоусмотрѣніе Вашего Пр—ва, честь имѣю объяснить слѣдующее:

1) При составленіи правилъ суда по адату у чеченцевъ и у кумыковъ, для большей полноты и ясности предмета, потребовалось изложить вкратцѣ и исторію управленія, существовавшего у этихъ народовъ. Желая притомъ изобразить перемены, которыя распространившееся въ послѣдніе годы на Кавказѣ ученіе юридика произвело въ нравахъ нѣкоторыхъ обществъ, я приказалъ въ статьѣ о чеченцахъ упомянуть вкратцѣ и о новомъ управленіи, введенномъ въ послѣднее время Шамилемъ у этого народа.

2) При объясненіи законодательства чеченцевъ и кумыковъ, дабы сохранить болѣе послѣдовательности въ изложеніи, представилась необходимость отступить отъ программы, препродвиженной при предписаніи ко мнѣ Вашего П—ва № 1021; но, имѣя въ виду сказанное въ упомянутомъ предписаніи, чтобы сколь возможно болѣе придерживаться программы для облегченія повѣрки собранныхъ объ адатѣ свѣдѣній, я приказалъ по этой программѣ составить краткія выписки изъ описанія адатскаго права.

Въ заключеніе обязываюсь присовокупить, что при составленіи представляемаго у сего описанія гражданскаго быта у чеченцевъ и у кумыковъ съ объясненіемъ адатнаго ихъ права и новаго управленія, введеннаго Шамилемъ, имѣлось скорѣе въ виду ознакомить читающаго съ духомъ законодательства упомянутыхъ народовъ, чѣмъ изложить въ подробности принятые ими законы на всѣ возможные случаи; послѣднее, по совершенной неизвѣстности предмета, требовало бы постояннаго и продолжительнаго изученія, исключительно занятій, а слѣдовательно и много времени.

(Въ сборникѣ нашемъ имѣется копія рапорта Фрей-тага I, засвидѣтельствованная имъ же самимъ. См. сборникъ, т. I, стр. 142—143).

7.

Увѣдомленіе начальника центра ген.-маіора кн. Голицына отъ 26 Дек. 1843 г., № 1742.

Для окончанія удовлетворительнымъ образомъ дѣла объ адатѣ, при ограниченныхъ канцелярскихъ способахъ управленія центра, потребно еще нѣсколько мѣсяцевъ, но не менѣе того оно въ ходу и остановилось за справками изъ племянъ болѣе отдаленныхъ, ожидаемыми въ непродолжительномъ времени.

(Подлинная бумага).

8.

Увѣдомленіе временно командующаго правымъ флангомъ Кавказской линіи ген.-маіора Ольшевскаго отъ 24-го Декабря 1843 г., № 3831.

По немѣнью офицера, которому можно бы было поручить дѣло, требующее весьма большой заботливости, продолжительныхъ и постоянныхъ занятій, о собраніи свѣдѣнія объ адатѣ, или обычаяхъ кавказскихъ горцевъ, предписаніе г. командующаго войсками, отъ 29-го Марта за № 1019, до сихъ поръ остается безъ исполненія.

(Подлинная бумага).

9.

Рапортъ начальника центра Кавказской линіи ген.-маіора князь Голицына отъ 26 Февр. 1844 г. за № 343, командующему войсками Кавказской линіи и Черноморіи ген.-лейт. Гурко.

9-го Февраля 1843 года за № 408, начальникъ штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи ген.-маіоръ Траскинъ, по порученію предѣстника Вашего Пр—ва, объявилъ мнѣ волю г. командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, чтобы я доставилъ сколько возможно поспѣшнѣ свѣдѣнія по пунктамъ 13 и 23 наставленія, генераломъ Ермоловымъ даннаго кабардинскому временному суду.

Тогда же были приняты мною дѣятельныя мѣры, для приведенія въ исполненіе воли г. корпуснаго командира; но члены временнаго суда, которымъ отъ меня поручено собрать требуемыя свѣдѣнія и заняться составленіемъ правилъ, на законахъ и обычаяхъ Кабардинскаго народа основанныхъ, а также донести во всей подробности, какія подати или иного рода повинности отбывались подвластными и холопьями въ отношеніи владѣльцевъ, послѣ долгаго молчанія представили мнѣ *копію съ собранія народныхъ обычаевъ*, которая, по неудовлетворительности своей, не можетъ служить руководствомъ къ составленію общаго свода узаконеній для горскихъ народовъ.

Въ одно почти время я имѣлъ честь получить предписаніе Вашего Пр—ва отъ 25 Мар. 1843 г. за № 964, и по указаніямъ, заключающимся въ немъ, убѣдился еще болѣе въ ничтожности Кабардинскимъ временнымъ судомъ доставленнаго мнѣ акта, съ котораго точная копія сверхъ того находилась и въ канцеляріи Вашего Пр—ва по управленію горцевъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ я счелъ необходимымъ приняться за дѣло совершенно инымъ образомъ и, минуя членовъ суда, обратился къ *почетнѣйшимъ старикамъ* всѣхъ племянъ, подъ вѣдомствомъ управленія центра Кавказской линіи состоящихъ. *Ротмистръ Давыдовскій*, всегда отличный и неутом-

нѣй, когда дѣло идетъ о службѣ Его Имп. Величества, былъ главнымъ сотрудникомъ моимъ; *маіоръ Шардановъ* провѣрялъ собственными воспоминаніями и записками *показанія стари-ковъ* и такимъ только образомъ я могъ успѣть въ теченіи почти цѣлаго года составить полное собраніе древнихъ обычаевъ кабардинцевъ и прилегающихъ къ нимъ племянъ. Многіе изъ обычаевъ этихъ замѣтно ослабѣваютъ; но не менѣе того я счелъ себя обязаннымъ передать ихъ неприкосновенно въ томъ видѣ, въ какомъ они сообщены мнѣ.

Въ тетради о кабардинскихъ древнихъ обрядахъ я могъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія касательно разницы, существующей между показаніями стариковъ и тѣмъ, что внесено въ *въ книгу, для руководства въ приговорахъ судебныхъ*; но прочія племена въ первый разъ подверглись изысканіямъ по этому предмету. Слѣдовательно, руссійское правительство вполне можетъ положиться на данныя, которыя, безъ всякаго противурѣчія, прошли чрезъ столько рукъ.

Въ заключеніе могу сказать, съ нѣкоторымъ удостовѣреніемъ, что шаріатское разбирательство въ Кабардѣ день ото дня теряетъ очевидно силу свою; народъ постигать начинаетъ выгоды быть судимымъ по законамъ, а не по произволу одного лица. Для подкрѣпленія въ немъ этой мысли, я счелъ необходимымъ объявить во всѣхъ аулахъ, что сдѣлки, покупки и продажи, выпускъ холоповъ на волю, калымы, платины за невѣсть, однимъ словомъ все, что можетъ служить поводомъ къ тяжбѣ, должно совершаться въ кабардинскомъ судѣ и *записываться въ книгу*, на этотъ предметъ введенную, поставивъ сверхъ того неизмѣннымъ правиломъ, чтобы, по прошествіи 15-ти лѣтъ, не могло возобновляться никакое дѣло. Этими мѣрами я надѣюсь уменьшить и даже совершенно уничтожить вліяніе духовенства на общественныя дѣла.

(Подлин. бумага въ сборн: I, стр. 21. Въ нашешъ сборникѣ имѣются три подлинныя тетради адатовъ: а) кабардинскаго общества или племени, б) балкарцевъ

цевъ (также хулашцевъ, чегемцевъ, урусбиевцевъ и кара-чаевцевъ) и с) дигорскаго общества или Дигорской Осети, препровожденныя при рапортѣ кн. Голицына за его подписью и помѣтой: «Февраля, 24 дня, 1844. Кр. Нольчикъ». На поляхъ тетрадей сдѣланы рукою князя Голицына замѣчанія на отдѣльныя статьи сборника.)

10.

Рапортъ Владикавказскаго коменданта полковника Несторова отъ 31 Марта 1844 г. № 267, командирующему войсками ген.-маіору Гурко, съ представленіемъ тетради — *описанія адатовъ горцевъ Владикавказскаго округа.*

(Подлинный рапортъ; приложенная къ нему тетрадь адатовъ, — за подписью кап. *Норденстрема*, составившаго описаніе адатовъ. Сборн. рукоп., стр. 64).

11.

Рапортъ временно-командующаго Черноморскою бордонною линіею ген.-маіора Рапшеля, отъ 30 Мая 1845 г. за № 2311, командирующему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, ген.-лейт. Завадовскому.

Въ слѣдствіе предписанія командовавшаго войсками Кавказской линіи и Черноморіи ген.-лейт. Гурко отъ 29-го Марта 1843 г., № 1020, имѣю честь представить при семъ *собраніе свѣдѣній, относящихся къ народному законоположенію горцевъ—адату*, составленное по порученію моему штатнымъ смотрителемъ Еваториодарскаго войсковаго училища (бывшимъ

судью Екатеринодарскаго окружнаго суда), войсковымъ старшиною *Кучеровымъ*. Свѣдѣнія эти повѣрены мною посредствомъ личныхъ *разспросовъ съ болѣе свѣдущими старшинами мирныхъ ауловъ*, и найдены вполне удовлетворительными.

При семъ обязываюсь довести до свѣдѣнія Вашего Пр—ва, что означенное порученіе войсковою старшина Кучеровъ исполнилъ собственными средствами, безъ всякихъ донесенныхъ пособій отъ начальства; между тѣмъ какъ, для достиженія успѣха въ собраніи сказанныхъ свѣдѣній, онъ долженъ былъ заводить знакомства съ почетными черкесами, принимать и посѣщать ихъ, пріобрѣтать ихъ довѣріе и вызывать ихъ на откровенность и сообщительность — подарками, тѣмъ болѣе, что старшины ауловъ не весьма охотно дѣлились своими свѣдѣніями объ адатѣ, въ слѣдствіе тайныхъ подозрѣній—не основательныхъ, но тѣмъ не менѣе упорныхъ, по свойственной горцамъ недоувѣрчивости къ благонамѣренности такихъ распоряженій съ нашей стороны, которыхъ пользы не видятъ они въ настоящую минуту.

(Подлинный документъ. См. сборникъ т. I, стр. 95).

12.

Приказъ и. д. оберъ-квартирмейстера по ген. штабу 24 Авг. 1845 г. № 2070, канцеляріи по управленіи мирными горцами.

Начальникъ штаба войскъ Кавказской линіи в Черноморіи возлагаетъ на генеральный штабъ совокупленіе въ одинъ общій сводъ свѣдѣній объ обычаяхъ и туземныхъ правахъ горскихъ племенъ.

(Подлинный. См. сборн. т. I, стр. 194).

Приказъ начальника штаба ген.-маіора Филиппсона 10-го Сентября 1845 года № 2202, генеральнаго штаба капитану Ольшевскому.

Съ давняго времени чувствуема была необходимость имѣть въ штабѣ положительныя свѣдѣнія о сущности такъ называемаго адата, или суда по обычаямъ у различныхъ горскихъ племенъ, какъ равно и о самихъ обычаяхъ, на коихъ этотъ судъ основанъ. Съ этою цѣлью посредствомъ гг. начальниковъ частей Кавказской линіи собраны были, по особо составленной программѣ, необходимыя данныя.

Нынѣ, препровождая къ вашему высокоблагородію дѣло подъ № 58 изъ канцеляріи по управленію мирными горцами, гдѣ заключаются упомянутыя данныя, возлагаю на васъ привести всѣ эти матеріалы въ одинъ систематическій сводъ, который былъ бы вѣрнымъ изображеніемъ сущности такъ называемаго адата и могъ бы впослѣдствіи служить руководствомъ начальства, замѣщая собою доселѣ малозвѣстныя основанія этого первобытнаго права кавказскихъ горцевъ.

И вполне увѣренъ, что занимательность этого труда будетъ служить вамъ вѣщимъ побужденіемъ глубже оный изслѣдовать, а потому, вислолько не стѣсняя васъ напередъ опредѣленною системою, я считаю нужнымъ указать вамъ только одно общее соображеніе. Обычаи горцевъ на всей сѣверной покатоности Кавказа довольно одинаковы и различіе въ нихъ зависитъ болѣе отъ разнородности и политическаго быта, чѣмъ отъ мѣстъ жительства. Поэтому, сводя доставленныя мѣстными начальниками свѣдѣнія, нужно обратить особенное вниманіе на группированіе народовъ въ этнографическомъ отношеніи, излагая въ видѣ отступленія тѣ обычаи, кои существуютъ у нѣкоторыхъ народовъ или обществъ одного племени вслѣдствіе какихъ либо политическихъ измѣненій ихъ первоначальнаго быта. Таково, на примѣръ, положеніе племени Адиге, состоящаго изъ натухайцевъ, абадзеховъ, шапсуговъ, убыховъ, нѣко-

торныхъ мелкихъ племенъ, обитающихъ на правомъ флангѣ. Въ этой же группѣ принадлежатъ и кабардинцы, какъ одноплеменные; но въ обычаяхъ сихъ послѣднихъ необходимо должны быть свои особенности, происшедшія отъ различнаго политическаго устройства ихъ общества. Народы *абазинскаю* и *ногайскаю* племена, живущіе въ районѣ праваго фланга, приняли обычаи кабардинцевъ, коими нѣкогда были покорены; но легко можетъ быть, что у нихъ сохранились и нѣкоторые свои собственные обычаи, которые тоже необходимо обозначить. Я говорю здѣсь объ одной только этой группѣ, потому что она болѣе извѣстна, а вѣроятно тоже самое можетъ быть сказано и о горскихъ народахъ лѣваго фланга и вѣдомства Владикавказскаго коменданта.

По мѣрѣ обзора данныхъ, представленныхъ гг. частными начальниками, прошу васъ донести мнѣ: не откроется ли гдѣ недостатка свѣдѣній сравнительно съ тѣмъ же предметомъ, изложеннымъ другимъ лицомъ, чтобъ можно было требовать дополненій, указывая именно, что нужно сообщить въ прежде высланныхъ данныхъ.

(Копія; завѣренная старшимъ адъютантомъ, капит. Срезневскимъ. См. сборн. т. I, стр. 196—197).

14.

Отношеніе начальника штаба отъ 25 сентября 1845 г. № 2306, и. д. начальника праваго фланга Кавказской линіи, объ ускореніи доставленія свѣдѣній объ адатахъ мѣстныхъ горцевъ, въ силу предписанія ген.-лейт. Гурко отъ 29-го Марта 1843 годт № 1019, и о сообщеніи свѣдѣній о положеніи этого дѣла.

(Копія. Сборн. рукоп. т. I, стр. 198).

15.

Приказъ начальника штаба 6 Іюня 1846 г. за № 1711, генеральнаго штаба капитану Ольшевскому.

Желая воспользоваться близостію настоящаго нахожденія вашего отъ Кабарды г. временно-командующему войсками угодно было поручить вамъ собирать дополнителныя свѣдѣнія объ адатѣ, или судѣ, основанномъ на обычаяхъ, къ тѣмъ свѣдѣніямъ объ этомъ судѣ, которыя были представлени бывшимъ начальникомъ центра ген.-маіоромъ Голицынымъ, а потому я увѣдомилъ объ этомъ полковника *Хлопина*, просилъ его объ оказаніи вамъ полнаго содѣйствія при собираніи вами означенныхъ свѣдѣній. Что же касается до собиранія свѣдѣній объ адатѣ жителей праваго фланга, то таковыя поручается постепенно собрать генер. штаба штабсъ-капитану *бар. Сталю*.

(Копія. См. сборникъ т. I, стр. 207).

16.

Отношеніе начальника штаба 6 Іюня 1846 г. № 1715, начальнику праваго фланга.

Командующій войсками, не получивъ до сего времени свѣдѣній объ адатѣ горскихъ обществъ, живущихъ на правомъ флангѣ Кавказской линіи, поручилъ мнѣ покорнѣе просить Ваше Пр—во возложить на ген. штаба штабсъ-капитана барона *Сталя* собраніе этихъ свѣдѣній постепенно, но такъ, чтобъ сборъ ихъ можно было окончить къ 1 ноября текущаго года. Такъ какъ въ предиріятіи такого рода всего важнѣе однообразіе въ сборѣ многообразныхъ показаній, то я приказалъ кап. Ольшевскому, занимающемуся общимъ систематическимъ сведомъ адата всѣхъ горскихъ племенъ Кавказской линіи, въ проѣздѣ его чрезъ Прочный Окопъ, передать шт.-кап. бар. Сталю принятую для этого свода систему.

(Копія. См. сборн. т. I, стр. 208).

17.

Рапортъ ген. штаба капитана Ольшевскаго 27 Августа 1847 г. № 45, начальнику штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, ген. маіору Филипсону.

Въ исполненіе предписанія Вашего Пр—ва отъ 10 Сент. 1845 г. № 2202, имѣю честь представить при семъ *общій сводъ нравовъ и обычаевъ горныхъ племенъ, обитающихъ на сѣверной покатости Кавказскаго хребта*, на которыхъ основывается у нихъ судъ, называемый *адатома*.

Судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя получены отъ гг. частныхъ начальниковъ Кавказской линіи, и на которыхъ мною основано, большею частію, составленіе этого общаго свода, я вполне убѣжденъ, что этотъ мой трудъ не полонъ, въ особенности же по статьямъ о правахъ разныхъ классовъ, на которые раздѣляются горскія племена, и о мѣрахъ наказанія за разнаго рода преступленія. Убѣжденъ также и въ томъ, что не всѣ нравы и обычаи горцевъ описаны мною вѣрно, не смотря на то, что въ бытность мою въ прошломъ году въ центрѣ и на правомъ флангѣ Кавказской линіи, я самъ старался провѣрить и пополнить означенныя свѣдѣнія; но по трудности бесѣдованія съ горцами, происходящей отъ подозрительности и недовѣрчивости къ намъ, на самомъ дѣлѣ убѣдился въ затрудненіяхъ собранія свѣдѣній, необходимыхъ для составленія полнаго и вѣрнаго свода объ адатѣ.

Но чтобы по возможности пополнить представляемый мною сводъ объ адатѣ, я считаю необходимымъ теперь же потребовать отъ гг. частныхъ начальниковъ тѣ свѣдѣнія, которыя означены мною въ прилагаемой при семъ программѣ.

Въ непродолжительномъ времени я буду имѣть честь представить Вашему П—ву описаніе мое о горскихъ племенахъ, обитающихъ на сѣверной покатости Кавказскаго хребта по слѣдующимъ предметамъ:

1) Общій составъ народонаселенія сѣверной покатости Кавказскаго хребта и происхожденіе племенъ, входящихъ въ составъ этого народонаселенія. 2) Подраздѣленіе на племена

и общества. 3) Границы, пространство и число жителей каждаго общества или всего племени вообще. 4) Изображеніе общаго характера мѣстности, обитаемой каждымъ племенемъ. 5) Очеркъ историческихъ и военныхъ событій, совершавшихся въ каждомъ племени. 6) Раздѣленіе каждаго племени или общества на классы. 7) Право поземельной собственности. 8) Права и отношенія владѣльцевъ къ своимъ подвластнымъ. Обязанности подвластныхъ къ своимъ владѣльцамъ.

Описаніе всѣхъ этихъ предметовъ не только не будетъ излишне, но, какъ я полагаю, оно будетъ служить дополненіемъ въ общему своду объ адатѣ.

ПРОГРАММА

дополнительнымъ свѣдѣніямъ, которыя должны быть потребованы отъ гг. начальниковъ частей Кавказской линіи и временно-командующаго Черноморскою кордонною линіею, для пополненія общаго свода объ адатѣ, или судѣ, основанномъ на нравахъ и обычаяхъ горскихъ племенъ, обитающихъ на сѣверной покатости Кавказскаго урбта.

1) Отъ временно-командующаго Черноморскою кордонною линіею и начальниковъ праваго фланга и центра.

О величинѣ *калыма*, платимаго князьями или старшинами, узденями разныхъ степеней, чигарами или простымъ свободнымъ народомъ, за дѣвицъ и вдовъ, взятыхъ въ замужество, между племенами и обществами, обитающими за Кубанью и въ центрѣ Кавказской линіи.

О *штрафахъ*, налагаемыхъ на князей или старшанъ, узденей разныхъ степеней и чигаръ за смертоубійство, нанесеніе ранъ, разнаго рода обиды и оскорбленія, прелюбодѣянiе, насиліе женскаго пола и воровство, учиненное разными классами народа, у тѣхъ же племенъ или обществъ.

2) Отъ военнаго начальника *Владикавказскаго округа*.

О величинѣ *калыма*, платимаго разными классами осетинъ.

скихъ обществъ, а именно: узданьлагами, фарсаглагами, кавдасардами и гурзіягами за дѣвиць и вдовъ, взятыхъ въ замужество.

О штрафахъ, налагаемыхъ у этихъ же обществъ за смертоубійство, нанесеніе ранъ, разнаго рода обидъ и оскорбленій, прелюбодѣланіе, насиліе женскаго пола и разнаго рода воровство.

О величинѣ калыма и штрафахъ за разнаго рода преступленія у обществъ чеченскаго племени, состоящихъ въ вѣдѣніи военнаго начальника Владикавказскаго округа.

3) *Отъ начальника льваго фланга.*

О величинѣ калыма, платимаго обществами чеченскаго племени, за дѣвиць и вдовъ, взятыхъ въ замужество.

О штрафахъ, налагаемыхъ у этихъ же обществъ: за смертоубійство, нанесеніе ранъ, разнаго рода обиды и оскорбленія, прелюбодѣланіе, насиліе женскаго пола и воровство скота и разныхъ вещей.

О величинѣ калыма, платимаго за дѣвиць и женщинъ, а также штрафахъ за означенныя преступленія, взискиваемыхъ у кумыковъ съ князей, узденей разныхъ степеней, чигаровъ и крѣпостнаго класса или рабовъ.

(Подлинникъ. См. сборн. т. I, стр. 187—189).

18.

Отношенія начальника штаба: временно командующему Черноморскою кордонною линією отъ 9 Марта 1849 г. № 549; и. д. начальника центра Кавказской линіи № 550; начальнику Владикавказскаго военнаго округа № 551 и начальнику лѣваго фланга № 552, о доставленіи свидѣній о величинѣ калыма и штрафахъ.

(Копія. См. сборн. т. I, 210, 211).

19.

Рапортъ начальника Владикавказскаго округа отъ 27-го Марта 1849 г. № 568, въ отвѣтъ на отношеніе 9-го Марта 1849 г. № 551, съ препровожденіемъ составленной по распоряженію начальника округа *коммисіею*, учрежденною въ крѣпости Владикавказъ для разбора народныхъ дѣлъ, *выписки о нравахъ и обычаяхъ, о калымѣ и штрафахъ горцевъ Владикавказскаго округа.*

(Подлинникъ. См. сборн. т. I, стр. 212).

20.

Отношеніе начальника штаба отъ 19 Апрѣля 1849 г. № 902, начальнику праваго фланга кавказской линіи.

Въ производившейся по ген. штабу войскъ Кавказской линіи и Черноморіи перепискѣ не видно, были ли представлены свѣдѣнія объ адатѣ (кавказскихъ горцевъ управленія праваго фланга), а потому имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Пр—во о доставленіи ко мнѣ копій, если свѣдѣнія эти были составлены.

(Копія. См. сборн. рукоп. т. I, стр. 222).

21.

Рапортъ и. д. начальника центра Кавказской линіи 4-го Мая 1849 г. № 831, въ отвѣтъ на отношеніе начальника штаба 9 Марта № 550, съ представленіемъ *выписки изъ обрядовъ у кабардинцевъ, балкарцевъ и дигорцевъ.*

По справкѣ въ кабардинскомъ временномъ судѣ и въ дѣлахъ управленія центра, не оказалось болѣе свѣдѣній о калымѣ и штрафѣ, кромѣ означенныхъ въ представляемой вы-

пискѣ. Эти обряды собраны подъ руководствомъ бывшаго чиновника со стороны русскаго правительства при кабардинскомъ временномъ судѣ, маіора *Давыдовскаю*, со словъ почетныхъ горцевъ управленія центра, въ теченіи цѣлаго года, и я полагаю, что кромѣ ихъ нѣтъ ничего, касающагося до обряда и обычая.

(Подлинникъ. См. сборн. т. I, стр. 223).

22.

Начальника лѣваго центра 9 Іюня 1849 г. № 1653, въ отвѣтъ на отношеніе 9 Марта № 552, съ представленіемъ свѣдѣнія о калымѣ и штрафахъ, платимыхъ въ обществахъ чеченскихъ и кумынскихъ племенъ,—свѣдѣній, составленныхъ Андреевскимъ городскимъ судомъ и почетными старшинами надъ-теречныхъ и сунженскихъ девевенъ.

(Подлинникъ. См. сборн. т. I, стр. 233).

23.

Начальника праваго фланга отъ 9 Мая 1849 г. № 1584, начальнику штаба ген.-маіору Филиппову.

По программѣ, препровожденной при предписаніи ген.-лейт. Гурко отъ 29 Марта 1843 г. № 1019, свѣдѣнія объ адатѣ и обычаяхъ кавказскихъ горцевъ представляемо не было. Командовавшій правымъ флангомъ ген.-маіоръ Ольшевскій отъ 24 Декабря того же года за № 3831, доносилъ командовавшему войсками, что по неимѣнію офицера, которому можно бы было поручить дѣло, требующее весьма большой заботливости и постоянно продолжительнаго занятія, предписаніе за № 1019 остается безъ исполненія. По этой самой причинѣ и я не могу доставить къ Вашему Пр—ву свѣдѣнія объ адатѣ и обычаяхъ горцевъ.

Пристава горскихъ народовъ, которымъ 22 Ноября 1845 года предписано было составить по программѣ свѣдѣніе, до сихъ поръ таковаго мнѣ не представили.

(Подлинникъ. См. сборн. т. I, стр. 231).

24.

Отношеніе начальника штаба 13 Іюня 1849 г. № 1322, начальнику праваго фланга, о подтвержденіи подвѣдомственнымъ ему приставамъ о собраніи и доставленіи свѣдѣній объ адатѣ и обычаяхъ горцевъ.

(Копія. См. сборн. т. I, 232).

25.

Временно-командующаго Черноморскою кордонною линіею 28-го Іюля 1849 года, № 2585, начальнику штаба, съ препровожденіемъ истребованнаго имъ отъ войсковаго старшины Кучерова отъ 19-го сего Іюля № 10 свѣдѣнія о калымѣ и штрафахъ, платимыхъ кавказскими горцами.

(Подлинникъ. См. сборн. т. I, стр. 241).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

**А даты черкесъ бывшей Черноморской кордонной
линіи.**

а) СОБРАНИЕ СВДЪНІЙ,

относящихся къ народнымъ учрежденіямъ и законоположенію горцевъ — адату, 1845 года.

СВДЪНІЯ ОБЪ ОБЫЧАЯХЪ КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ, ВЪ КАЖДОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИЛИ НАРОДѢ, СОВРАННЫЯ ИЗЪ РАСПРОСОВЪ ИХЪ САМЫХЪ ¹⁾).

I. О разныхъ родахъ сословіи, различіи и преимуществѣ правъ, имъ присвоенныхъ; обязанности и взаимныя отношенія сословіи.

§ 1. Народъ, живущій въ Кавказскихъ горахъ и у подошвы оныхъ, на пространствѣ Черноморской и Кубанской кордонныхъ линій, по лѣвому берегу рѣки Кубани, извѣстенъ подъ общимъ названіемъ черкесъ, который раздѣляется на слѣдующія племена или общества: хамышейское, черченейское, хатикосійское, темергойское, мохошское, бесленеевское, абазехское, шапсугское, натухайское и убыхское ²⁾).

¹⁾ Сборникъ составленъ войсковымъ старшиною Кучеровымъ. См. выше отдѣлъ I, переп. № 11.

²⁾ По рукописи бар. Стала («этнографич. очеркъ народа», 1849), къ черкесскимъ племенамъ, жившимъ по Черноморской линіи, т. е. по нижней Кубани и восточному берегу Чернаго моря, относятся: 1) *шапсуи* (шапсухо), раздѣляющіеся на большой и малый шапсугъ. Къ большому шапсугу принадлежатъ отдѣльныя общества (псухо): шебсъ, аерипсъ, убунъ, антхыръ, бугундыръ, хабль, абинъ, кавау, шеэикъ, адагумъ, гешешъ, вудахо и псыель

§ 2. Изъ сихъ племенъ: хамшейское, черченейское, хатикосійское, темергойское, мохошское и бесленевское дѣлятся на сословія: князей, дворянъ, духовенство, простой свободный народъ и крѣпостныхъ людей; а абазехское, шапсугское, натухайское и убыхское имѣютъ только сословія дворянъ, духовенство, простой народъ и крѣпостныхъ людей.

§ 3. Всѣ оныя племена исповѣдуютъ религію магометанскую и въ сущности не признаютъ никакой власти надъ собою, но, живя обществами, слѣдуютъ болѣе правиламъ аристократическаго и демократическаго правленій; почему ни одно сословіе у нихъ не имѣетъ, такъ сказать, въ сущности своей твердыхъ основныхъ правъ, преимуществъ и обязанностей, но таковыя нѣкоторые образомъ усвоены каждому изъ нихъ народными преданіями, принятыми издревле въ руководство въ общежитіи ихъ; — посему всѣ лица, принадлежація къ одному изъ сихъ сословій, пользуются правомъ, оному присвоен-

въ каждомъ отъ 300 до 5000 дворовъ. Шапсуги имѣютъ своихъ тлахотляжей (владѣтельныхъ дворянъ), въ прежнее время безъ различія имевшихся князьями (пши), и свое дворянство (уоргъ) разныхъ степеней. Тлахотляжи, по правамъ, не такъ рѣзко отличаются отъ уорговъ, какъ у забанскихъ черкесъ. Мирская сходка, составленная изъ вольныхъ людей, управляетъ независимыми шапсугскими обществами. Важнѣйшія шапсугскія фамиліи: Абатъ, Нешара и Шеретлуго. Они считаются главными и происходящими отъ Кабарда, сына Инала. Прочія дворянскія фамиліи—Горказъ, Чуху, Уддегей и др. Въ вершинахъ р. Туапсе жило общество Тагапшъ, принадлежавшее къ шапсугамъ и отличавшееся дикостію и хищничествомъ; общество это управлялось княземъ изъ фамиліи Чиливехъ и стояло на самой низшей степени развитія, занимаясь исключительно набѣгами на сосѣдніе аулы шапсугъ и абазехъ. 2) *Натухайцы* (натхо-куаджъ). Обычай ихъ тѣже, что и у шапсуговъ. 3) *Убыхи*; раздѣляются на общества—убыхъ, верданъ, соча, адзахъ и ахучипси. Ихъ дворянство черкесскаго происхожденія, а чернь отчасти черкесы, отчасти абхазы. У убыхъ существуетъ особый родъ хищниковъ, называемый унару (доморазрушители): ихъ партія въ 5 или 6 человекъ ночью врывается въ аулъ, бревномъ выбиваетъ двери саали, рѣшетъ сонныхъ жителей, забираетъ въ плѣнъ, грабитъ имущество и пока сосѣди проснутся, унару уже исчезли съ плѣномъ и добычей. Убыхи, шапсуги и натухайцы славятся контрабандною торговлею съ турками. Ихъ общества ведутъ постоянную борьбу между собой, какъ и чернь и несвободные классы враждуютъ съ дворянами (*Залмъ. издатель*).

нимъ, съ нижеслѣдующими ограниченіями: каждое лицо пользуется правомъ сословія своего въ особенности не прежде, какъ по достиженіи совершеннолѣтія, которое принято у черкесъ, въ мужескомъ полѣ, когда въ состояніи мужчина владѣть оружіемъ и участвовать въ набѣгахъ, т. е. шестнадцати лѣтъ; въ эти лѣта онъ можетъ располагать своимъ имуществомъ, вступать въ бракъ, договоры и обязательства, безъ всякаго попечительства; до достиженія же сихъ лѣтъ состоитъ подъ попечительствомъ и не можетъ располагать собою и своимъ имуществомъ ¹⁾. Женскій полъ можетъ вступать въ бракъ 14 лѣтъ и даже 12-ти, и съ сего времени принято ихъ совершеннолѣтіе; но располагать имуществомъ, дѣлать какіе либо договоры и обязательства женскому полу у черкесъ никогда не представляется, потому что у нихъ жены, какъ и у всѣхъ магометанъ, покупаются мужьями за извѣстную плату отцу невѣсты, называемую калымъ, а если такового нѣтъ, то родственникамъ ея, а если и сихъ нѣтъ, то тому, у кого она находится на воспитаніи, — которая (плата) бываетъ не одинакова, а болѣе зависитъ отъ условія и достатка жениха. Мужчина, какого-бы онъ ни былъ сословія, можетъ имѣть у себя отъ одной до семи женъ законныхъ и семь наложницъ, лишь бы въ состояніи былъ содержать оныхъ. Законными именуются тѣ жены, которыя вѣнчаны съ мужчиною муллою ²⁾, а наложницы — тѣ, которыя не вѣнчаны. Дѣти, рожденныя отъ законныхъ женъ, считаются законными наслѣдниками, а рожденныя отъ наложницъ почитаются незаконными и не имѣютъ права на наслѣдство, кромѣ только — получаютъ то, что имъ назначено будетъ отъ отца ихъ за жизни его.

§ 4. Мужъ высшаго сословія сообщаетъ право сего сословія женѣ; но жена не сообщаетъ своего сословія ни мужу,

¹⁾ Впрочемъ жениться молодымъ мужчинамъ у черкесъ считается неприличнымъ, а обыкновенно имѣютъ они право на сіе безъ порицанія въ 22 года.

²⁾ Священникъ.

ни дѣтямъ; сама же не теряетъ онаго бракомъ, если оно принадлежало ей до замужества.

Примѣчаніе. Во всѣхъ черкесскихъ племенахъ принято, чтобы жены, оставшись вдовами, выходили вторымъ и третьимъ бракомъ въ замужество за родныхъ и двоюродныхъ братьевъ умершихъ своихъ мужей, если сіи есть и пожелаютъ на нихъ жениться; а если оныхъ нѣтъ, то могутъ жениться на нихъ племянники мужей ихъ и другіе его родственники; но когда родственниковъ таковыхъ нѣтъ, то вдова можетъ выходить за-мужъ и за сторонняго мужчину одинакаго сословія съ умершимъ ея мужемъ, который платитъ за нее обыкновенно родственникамъ ея, у которыхъ она живетъ по смерти своего мужа, калымъ; если же останется вдовою, то живетъ при дѣтяхъ своихъ или при своихъ родственникахъ съ отцовской стороны.

§ 5. Если кто право своего сословія утратитъ послѣдствіемъ какихъ либо обстоятельствъ, какъ-то: чрезъ неправильное присвоеніе въ крѣпость и тому подобное, то ему представляется, предъявивъ надлежащія доказательства, отыскивать по онымъ право своего сословія.

II. О дворянствѣ.

§ 6. Дворянство у объясненныхъ племенъ раздѣляется на высшее и низшее; то и другое есть потомственное, переходящее отъ родоначальника дворянина на всѣхъ его потомковъ въ мужескомъ и женскомъ колѣнахъ. Родоначальники высшаго дворянства получили сіе достоинство въ древнѣйшія еще времена, полагать должно, отъ арабскихъ калифовъ, татарскихъ князей, турецкихъ султановъ и другихъ повелителей азійскихъ народовъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе вліяніе на оныя племена, за особенныя ихъ заслуги, оказанныя имъ; а низшее дворянство присвоено уже сими другимъ достойнѣйшимъ изъ числа жившихъ подъ покровительствомъ ихъ, и служившимъ у нихъ

тѣлохранителями, которые обратили на себя ихъ вниманіе: своею расторопностію, предусмотрительностію, распорядительностію въ дѣлахъ военныхъ, опытностію въ совѣтахъ, преданностію и вѣрностію къ ихъ особѣ; сего то рода дворяне именуется у черкесъ второстепенными и третьестепенными.

§ 7. Принадлежаціе къ высшему дворянству именуется у хамшайцевъ, черченейцевъ, хатикосійцевъ, темергойцевъ, мохошцевъ и бесленеевцевъ *князьями*; у абадзеховъ же, шапсуговъ, натухайцевъ и убыховъ называются первостепенными дворянами, которые почти равняются въ правахъ своихъ съ князьями; но тотъ князь и первостепенный дворянинъ имѣютъ всегда преимущество предъ подобными себѣ, котораго предки въ особенности прославили себя чѣмъ либо вниманія достойнымъ. Впрочемъ у первыхъ шести племенъ есть также первостепенные дворяне, но они почитаются всегда ниже князей и первостепенныхъ дворянъ послѣднихъ четырехъ племенъ; второстепенные же и третьестепенные дворяне во всѣхъ сихъ племенахъ существуютъ на однихъ правахъ съ весьма небольшимъ различіемъ; напримѣръ, въ народныхъ собраніяхъ шапсугскіе, абазехскіе, убыхскіе и натухайскіе дворяне сего рода имѣютъ преимущество предъ таковыми прочихъ племенъ.

§ 8. Дворянство сообщается родомъ и бракомъ; каждый дворянинъ сообщаетъ состояніе свое посредствомъ рода всѣмъ законнымъ его дѣтямъ и потомкамъ, а посредствомъ брака женѣ, не смотря на происхожденіе ея или бракъ предшествовавшій.

§ 9 Дочь дворянина, выходящая въ замужество за не дворянина, сохраняетъ свое состояніе, но мужу и дѣтямъ онаго не сообщаетъ. Вдова дворянина, какого бы она ни была происхожденія, сохраняетъ состояніе, чрезъ сей бракъ ею пріобрѣтенное, хотя бы впослѣдствіи она вышла въ замужество за не дворянина, но мужу и дѣтямъ своего состоянія не сообщаетъ. Впрочемъ принято за правило: мужчины должны избирать себѣ женѣ одного съ ними сословія, и потому рѣдко случается, что князь женится на дворянкѣ, а дворянинъ на простой.

§ 10. Никто у горскихъ народовъ изъ духовнаго званія, простаго свободнаго народа и крестьянъ не можетъ достигнуть дворянскаго достоинства; оно не присвоивается ни за личную храбрость, ни за опытность и благоразуміе въ совѣтахъ, словомъ никакія услуги.

§ 11. Князь пользуется совершенною свободою и ни отъ кого не зависимъ. Жители ауловъ, которые находятся подъ покровительствомъ его, признаютъ въ нѣкоторой степени надъ собою власть его и онъ пользуется особеннымъ и отличнымъ уваженіемъ, не только простаго народа, но всѣхъ низшихъ дворянъ и духовенства; онъ почитается владѣльцемъ покровительствуемыхъ имъ ауловъ и земель имъ принадлежащихъ, обязанъ оне оберегать и защищать; тотъ же аулъ, въ которомъ самъ живетъ съ крѣпостными своими людьми, покровительствуетъ въ особенности и считаетъ оный какъ бы своею собственностію, хотя не имѣетъ права распорядиться жителями онаго и ихъ имуществомъ по своему произволу. Священною обязанностію поставляетъ князь для себя доставлять жителямъ онаго удовлетвореніе отъ обидчиковъ ихъ и во всякомъ случаѣ сохранять цѣлость онаго.

§ 12. Князья надъ крѣпостными своими людьми и ихъ имуществомъ имѣютъ неограниченное право. Они получаютъ таковыхъ людей по наслѣдству отъ своихъ предковъ и такого рода крестьяне именуется родовыми; ихъ пріобрѣтаютъ также покупкою отъ другихъ владѣльцевъ, но въ томъ и другомъ случаѣ безъ земли, которая у горцевъ считается общою, недѣлимою и никому въ собственность не принадлежащею. Наконецъ, князья увеличиваютъ число оныхъ плѣнными, захваченными въ разныхъ случаяхъ у своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ; сіи крестьяне называются благопріобрѣтенными. Владѣльцы дѣлаютъ между ними судъ и расправу сами, безъ участія другихъ лицъ, употребляютъ въ работы по своему произволу, продаютъ и дарятъ, кому пожелаютъ, семействами и раздробительно, даже могутъ лишать жизни и за сіе не подвергаются никакой отвѣтственности; за то обязаны нещисъ объ

ихъ благосостояніи, защищать ихъ совершенно отъ всякихъ стороннихъ обидъ, доставлять имъ всевозможные способы къ безбѣдному содержанію и пропитанію себя; а малолѣтнихъ сиротъ ихъ, остающихся безъ родственниковъ, берутъ на собственное свое содержаніе; тѣхъ же, которые имѣютъ своихъ родственниковъ, а особливо зажиточныхъ, поручаютъ оныхъ имъ для содержанія и воспитанія.

§ 13. Во всѣхъ народныхъ собраніяхъ и совѣщаніяхъ князья занимаютъ первыя мѣста по старшинству ихъ родоначальниковъ; послѣ нихъ такимъ же порядкомъ первостепенные и низшіе дворяне. Благоразумные совѣты и сужденія князей уважаются преимущественнѣе первостепенныхъ и низшихъ дворянъ и приводятся въ исполненіе, хотя впрочемъ и сихъ нерѣдко пріемлются, а особливо когда основательны.

§ 14. Князья не имѣютъ никакой власти надъ дворянами, духовенствомъ и простымъ свободнымъ народомъ; но словія сія повинуются въ некоторомъ образомъ волѣ ихъ, единственно изъ уваженія къ такъ называемому ими высокому титулу ихъ, которое ниспослано имъ, какъ они вѣрятъ, отъ самаго Аллаха, и сіе оазываютъ они болѣе тому изъ нихъ, который пріобрѣлъ славу своимъ умомъ, мудростію въ совѣтахъ, справедливостію, честностію, безкорыстіемъ, прямотію и храбростію. Такому князю они повинуются почти слѣпо и воля его или приказаніе для нихъ законъ. Низшіе дворяне такимъ преимуществомъ не пользуются, но также имѣютъ право на уваженіе духовенства и простаго народа. А крѣпостными людьми, которыхъ они такъ же пріобрѣтаютъ какъ князья и первостепенные дворяне, низшіе дворяне распоряжаются совершенно по своей волѣ, подобно сими послѣднимъ.

§ 15. Князья имѣютъ исключительное право предъ дворянами, пользуются лучшими мѣстами для пастбищъ своего скота на всемъ пространствѣ земли, на которой жительствоютъ покровительствуемые ими аулы одного съ ними племени, а близь того аула, въ которомъ живутъ сами, даже пользуются правомъ ограничивать для себя собственно удобнѣйшую землю

подъ хлѣбопашество и сѣнокосъ, которой жители сего аула, также и другихъ, не могутъ обрабатывать въ свою пользу иначе, какъ съ дозволенія ихъ; лѣсъ же, принадлежащій къ сему аулу, жители онаго для своихъ потребностей могутъ рубить, но ежели пожелаютъ рубить для промѣна на мѣновныхъ дворахъ, то дѣлаютъ сіе съ дозволенія князя, и по промѣнѣ онаго даютъ ему за сей лѣсъ извѣстный калымъ (дань), т. е. изъ каждой мѣрки соли, полученной за лѣсъ, даютъ имъ корякъ (ковшъ) оной, который выходитъ вѣсомъ пять фунтовъ. Иногда дань сію платятъ по собственному условію, которое дѣлается между ними однажды навсегда и измѣняется очень рѣдко и то по весьма уважительнымъ причинамъ. Дань сію платятъ не только солью, но вообще тѣми продуктами, какіе получаютъ на мѣновныхъ дворахъ за свои продукты, т. е. разными красивыми лавочнымъ товаромъ и проч., рассчитывая соразительно количеству соли. Жители другихъ ауловъ, признающіе покровительство ихъ, ни на свои потребности, ни для промѣна, не могутъ рубить сего лѣса, кромѣ по приглашенію ихъ, а пользуются таковымъ изъ прилежащихъ лѣсовъ къ тѣмъ ауламъ, въ которыхъ имѣютъ жительство, и когда промѣниваютъ оный на мѣновныхъ дворахъ, то платятъ князю таковой же калымъ; равнымъ образомъ получаютъ они отъ всѣхъ ихъ дань за всѣ произведенія ихъ, промѣниваемые ими на мѣновныхъ дворахъ, какъ то: за кожи разнаго рода, масло, медъ, орѣхи, кислицы, груши и проч. Равномѣрно, если привозятъ что-либо для промѣна жители ауловъ другого племени чрезъ землю покровительствуемыхъ ими ауловъ, то платятъ имъ болшею частію такую же дань, а иногда по условію и болшую, изъ которой для себя получаютъ они двѣ части, одну отдаютъ дворянамъ, и такую же простому народу; такую дань дѣлятъ старѣйшины семействъ между собою по равной части. Дворяне и духовенство, живущіе какъ въ покровительствуемыхъ ими аулахъ, такъ и въ другихъ, за промѣнъ лѣса и другихъ своихъ продуктовъ на мѣновныхъ дворахъ, подобной и никакой другой дани не даютъ князю.

§ 16. Для наблюденія за количествомъ произънимаемыхъ продуктовъ и лѣса на мѣновыхъ дворахъ простымъ народомъ, и для вѣрнаго полученія капына, каждый князь или дворянинъ, имѣющій усвоенный ему мѣповый дворъ, назначаетъ на оный отъ себя довѣреннаго навсегда или временно, который ему по сей обязанности и отчитывается.

§ 17. Князья всѣ работы по хозяйству своему производятъ крестьянами своими, но для паханья земли, жатвы хлѣба и сѣнокоса, а иногда рубки и вывоза лѣса, употребляютъ и свободный простой народъ покровительствуемыхъ ими ауловъ; особливо обязанность сию выполняетъ жительствующій въ одномъ съ нимъ аулѣ, но работы сии не вѣнны сему народу въ непремѣнную обязанность и дѣлаются имъ по приглашенію князя и по доброй своей волѣ, единственно изъ уваженія къ его званію. На работы сии выходитъ народъ съ собственными волами, арбами и нужными рабочими орудіями, а продовольствіе получаетъ отъ того, кому работаетъ, и онъ обязанъ доставить ему таковое въ изобиліи и лучшаго качества. Князь рѣжетъ для сего хорошихъ молодыхъ коровъ и барановъ и чѣмъ лучше будетъ кормить, тѣмъ болѣе привлечетъ къ себѣ народъ; онъ прилежнѣе работаетъ, остается вполне доволенъ и охотно идетъ вновь на работу по приглашенію его; если же народъ встрѣтитъ недостатокъ въ продовольствіи или нехорошаго качества будетъ оное, то работаетъ лѣнливо, нерѣдко прежде времени оставляетъ работу и въ другой разъ не идетъ уже на оную; а князь понудитъ его къ сему властію не имѣетъ права. Работы сии продолжаются день, два и всегда не болѣе трехъ, а когда встрѣтится еще надобность, то народъ приглашается вновь. Первостепенные и низшіе дворяне также имѣютъ право приглашать простой свободный народъ на таковыхъ же совершенно правилахъ, но только того аула, въ которомъ дворяне имѣютъ свое жительство; изъ другихъ же ауловъ и изъ того, гдѣ живетъ князь, хотя бы въ ономъ дворяне и имѣли свое жительство, дѣлать такового приглашенія они не могутъ.

§ 18. Съ незапамятныхъ временъ (такъ выражаются чер-

кеса) ведется у всѣхъ вообще черкесъ обичновеніе дарить чѣмъ-либо своего гостя и угощать его, чѣмъ только можетъ хозяинъ и имѣеть лучшаго. Подарки сіи всегда дѣлаются лучшими вещами и животными, какъ-то: оружіемъ, лукомъ, колчаномъ съ стрѣлами и панцыремъ, богатымъ одѣяніемъ, конскою сбруею, богато украшенною серебряннымъ наборомъ, съ золотою насѣчкою и подъ чернью (что они отдѣлываютъ довольно превосходно и съ особеннымъ свойственнымъ имъ вкусомъ), хорошими лошадьми и буйволами; дарятъ даже быковъ съ арбами, коровъ и овецъ, что дѣлаютъ болѣе низшіе дворяне и простой народъ. Сіе преимущество дѣлается такимъ гостямъ, которые пріѣзжаютъ изъ другихъ племенъ и дальнихъ ауловъ; одного же племени черкесы хотя и бывають въ гостахъ одинъ у другаго, но безъ особенныхъ подарковъ. Обыкновенно одинъ знакомый пріѣзжаетъ къ другому съ нѣсколькими своими знакомыми, гостить дней шесть и болѣе, и хозяинъ обязанъ угощать на равнѣ съ своимъ пріятелемъ и всѣхъ съ нимъ пріѣхавшихъ, а старшему изъ нихъ подарить что-либо. Гостепримство сего рода и этикетъ онаго наиболѣе и въ точности соблюдаются между князьями, первостепенными и прочими дворянами. Гость ихъ имѣеть даже право требовать себѣ у хозяина понравившуюся ему лошадь или какую-либо вещь и хозяинъ въ семъ требованіи его не можетъ ему отказывать; иначе отказъ считается обидою и порождаетъ между ними неудовольствіе, вражду, непримиримую злобу и наконецъ ищченіе, которое нерѣдко оканчивается убійствомъ кого-либо изъ нихъ или изъ родственниковъ ихъ. Даже если требуемой гостемъ лошади или вещи нѣтъ у хозяина, а имѣется у простаго черкеса покровительствуемаго имъ аула, то онъ обязанъ доставить ему оныя; но выполнить сіе можетъ только князь, которому издревле усвоено право брать самопроизвольно у простаго свободнаго народа покровительствуемыхъ ими ауловъ понравившееся ихъ гостямъ или имъ самимъ что-либо изъ оружія и вещей или нѣсколько лошадей, быковъ и барановъ для подарковъ своимъ гостямъ и угощенія ихъ; чего дворяне дѣ-

латъ не могутъ. Впрочемъ, князья дѣлають подобный поборъ подъ условіемъ пополнить хозяину взятое у него такого же рода вещами или животными, какія взяты; если же князья сего не исполняютъ, то дворянинъ, живущій въ томъ аулѣ, у простыхъ жителей котораго сдѣланъ подобный поборъ, считаетъ уже въ такомъ разѣ и себя обиженнымъ, проситъ князя удовлетворить тѣхъ, у коихъ взято, а когда князь не уважить его ходатайства, то онъ виѣстѣ съ жителями аула ищетъ покровительства другаго князя одного же съ нимъ сословія (а иногда и другаго, что впрочемъ случается рѣдко); они переселяются со всѣмъ своимъ имуществомъ въ покровительствуемый имъ аулъ на жительство, посредствомъ котораго уже и ищутъ удовлетворенія судомъ обиженному поборомъ, и когда этотъ получить вполне удовлетвореніе, то обязанъ возвратиться съ тѣми же людьми на прежнее жительство свое и признать покровительство прежняго князя. Если же и по суду обиженный не получитъ удовлетворенія, то остается съ людьми жительствовавшимъ навсегда на новомъ мѣстѣ и старается уже возвратитъ взятое хищничествомъ; причемъ даже случается нерѣдко драка, когда не удается угнать какого-либо скота тайно, или уворовать вещь, или утащить у кого-нибудь изъ крестьянъ ихъ; во всѣхъ сихъ случаяхъ князь, принявшій дворянина съ народомъ подъ свое покровительство, подаетъ имъ пособіе и не допускаетъ до обидъ.

§ 19. Гостепріимство у черкесъ считается первѣйшею добродѣтелью и гость у нихъ, кто бы онъ ни былъ, есть особа неприкосновенная, а если кто либо изъ стороннихъ дерзнетъ причинить ему обиду, то хозяинъ принимаетъ ее болѣе себя за обиду, нежели бы нанесена была ему прямо, и обязанъ доставить ему удовлетвореніе съ обидившаго непременно, хотя бы это стоило крови.

§ 20. Кроме подарковъ, дѣлаемыхъ князьями гостямъ своимъ, князья по обыкновенію считаютъ себя какъ бы обязанными дарить чѣмъ либо по временамъ не только дворянъ, но и простыхъ почетнѣйшихъ жителей покровительствуемыхъ

ими ауловъ. Сіе дѣлается ими наиболѣе съ цѣлю, чтобы расположить ихъ и привязать болѣе къ себѣ. Это дѣлаютъ первостепенные и низшіе дворяне почетнѣйшимъ гражданамъ съ одинаковою же цѣлю, какъ и князья ¹⁾).

§ 21. Обязанность князей есть прекращать между жителями покровительствуемыхъ ими ауловъ всякаго рода ссоры и возникающія неудовольствія, удерживать ихъ въ добромъ согласіи и дружествѣ, а за обиды, имъ причиняемыя жителями другихъ ауловъ, искать, на комъ слѣдуетъ, и доставлять обиженнымъ удовлетвореніе. Такую же обязанность исполняютъ и первостепенные дворяне между племенами, у которыхъ нѣтъ князей, а низшіе дворяне вообще обязаны ограждать отъ обидъ и утѣсненій жителей тѣхъ ауловъ, въ которыхъ сами живутъ.

§ 22. Изъ князей и вообще изъ дворянъ, кто пожелаетъ, если выучится грамотѣ турецкой, изучитъ хорошо Алкоранъ и всѣ правила въ подробности религіи магометанской, можетъ поступить въ духовное званіе, но сіе очень рѣдко случается.

§ 23. Князья и всѣхъ степеней дворяне за обиды, имъ причиненныя, получаютъ по суду отъ обидчиковъ своихъ вознагражденіе большее, нежели люди другихъ состояній, — князь наибольшее, первостепенный дворянинъ меньшее, второстепенный еще меньшее и такъ далѣе.

§ 24. Поступки и дѣйствія князей, противныя принятымъ правиламъ общежитія, разбираются только князьями и первостепенными дворянами, а таковыя поступки и дѣйствія первостепенныхъ и низшихъ дворянъ разбираются лицами дворянскаго происхожденія и князьями; но лица простаго званія въ семъ участвовать не могутъ.

§ 25. Князья и дворяне не платятъ никому никакой подати и ни за какія преступленія, ими сдѣланныя, не лишаютъ

---

¹⁾ Надобно сказать, что черкесы вообще жадны на подарки, а кто больше имъ таковыхъ дѣлаетъ, къ тому они болѣе ласкаются, имѣютъ доверіе и некоторую преданность.

ся, по черкесскимъ обычаямъ, своего достоинства, а отвѣтствуютъ за оныя штрафы, какой судомъ будетъ опредѣленъ.

III. О духовенствѣ.

§ 26. Духовенство у черкесъ составляютъ: эфенди или кади, старшій мулла (соотвѣтствующій русскому благочинному священнику), мулла (священникъ), муэззинъ (діаконъ), который голосомъ созываетъ на молитву, и ихъ прислужники, или причетники, сафта (дьячекъ), иджако (пономарь). Всѣ сіи лица исполняютъ правила, предписанныя имъ въ Алкоранѣ, и признаютъ надъ собою власть верховнаго муфти (митрополить-архіерея) — главы магометанскаго духовенства.

§ 27. Въ духовное сословіе могутъ вступать лица изъ всѣхъ сословій, даже и изъ крѣпостнаго, по дозволенію владѣльца ¹⁾, если только изучится турецкой грамотѣ читать и писать, Алкорану и узнаетъ твердо всѣ правила магометанской религіи. Лица княжескаго и дворянскаго сословій весьма рѣдко поступаютъ въ духовное званіе, а избираютъ оное всегда лица изъ простаго свободнаго народа, которые, достигши званія муллы, пользуются уже правами дворянина.

§ 28. Желаящій поступить въ духовное званіе первоначально учится турецкой грамотѣ читать и писать, потомъ, изучивши до извѣстной степени, впрочемъ довольно подробно, Алкоранъ, является къ эфендію, который испытывается въ знаніи сего и, когда найденъ будетъ свѣдущимъ, то, по удостовѣренію свидѣтелей, что онъ незазорнаго поведенія, сей дозволяетъ ему именоваться муллою и на сіе званіе даетъ ему письменное на турецкомъ языкѣ удостовѣреніе; прочихъ же лицъ духовнаго званія, какъ-то: муэззина, сафту и иджако, наименовывааетъ самъ мулла, по шѣрѣ пріобрѣтенія ими свѣдѣній въ турецкой грамотѣ и Алкорана, не спрашивая разрѣшенія

¹⁾ Владѣлецъ отдаетъ крѣпостнаго своего мальчика изучиться турецкой грамотѣ и Алкорану всегда съ такимъ предположеніемъ, что онъ, сдѣлавшись муллою, будетъ всегда возносить тѣмъ свои молитвы къ всевышнему за него и всѣхъ его родственниковъ живыхъ и умершихъ, помня окая завяное имъ ему толикое благоуханіе.

эфенди. Достоинство эфенди дается верховнымъ муфти — главою магометанскаго духовенства, живущимъ въ Константинополѣ, таковыми только муллами, которые сдѣлались извѣстными довольно твердымъ и подробнымъ знаніемъ Алкорана, непоколебимымъ въ правилахъ магометанской религіи, свѣдущимъ даже въ политикѣ магометанской и получившимъ достаточное образованіе въ турецкихъ училищахъ.

§ 29. Эфенди и мулла, не смотря на ихъ происхожденіе, пользуются особеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ не только простаго свободнаго народа и крестьянъ, но и самихъ дворянъ и князей; они даже имѣютъ право вмѣстѣ съ княземъ сидѣть и кушать, каковаго права не имѣютъ и дворяне, когда не будетъ сіе дозволено имъ особенно отъ князя. Муэзинъ же, сафта и иджако подобнымъ уваженіемъ не пользуются.

§ 30. Всѣ лица духовнаго званія могутъ имѣть крѣпостныхъ людей, которыхъ получаютъ по наслѣдству, приобрѣтаютъ и распоряжаются ими и ихъ имуществомъ, какъ князья и дворяне.

§ 31. Эфенди и мулла съ своими причетниками отправляютъ богослуженіе по правиламъ магометанской религіи, изложеннымъ въ Алкоранѣ; они обязаны непременно участвовать въ сраженіяхъ, дѣлаемыхъ черкесами, быть всегда впереди и даже нерѣдко предводительствовать оными.

§ 32. Эфенди и мулла могутъ имѣть только по одной женѣ, которыхъ они покупаютъ у низшихъ дворянъ и простаго свободнаго народа, а по смерти сихъ могутъ жениться на другихъ и такъ далѣе, приобрѣтая оныхъ покупкою; но могутъ вступать въ сіе званіе и быть въ ономъ неженатые, или жениться, бывши уже въ семъ званіи. На такомъ же основаніи могутъ имѣть и не имѣть женъ и прочія лица, принадлежащія къ духовному сословію. Вдовы сего сословія, по смерти своихъ мужей, выходятъ за-мужъ за ихъ братьевъ или другихъ ближайшихъ ихъ родственниковъ, если таковые есть и пожелаютъ на нихъ жениться, а если нѣтъ оныхъ, то остаются при своихъ семействахъ или возвращаются къ своему отцу или ближайшимъ роднымъ, которые уже оными и располага-

ють, выдаютъ за-мужъ за того, кто заплатилъ имъ калымъ либо содержитъ ихъ на своемъ иждивеніи по смерти ихъ.

§ 33. Дѣти духовнаго сословія: 1) мужскаго пола, по изученіи турецкой грамоты и Алкорана, обязаны принять на себя, соразмѣрно степени своего образованія, одинъ какой-либо духовный санъ, а если пожелаютъ и усовершенствуются въ знаніи Алкорана, то могутъ получить и высшую степень онаго. Впрочемъ, если кто изъ нихъ не пожелаетъ принять духовнаго сана, то къ сему не принуждается, а остается свободнымъ и пользуется тѣмъ званіемъ, изъ котораго происходитъ отецъ его, то есть: дворянствомъ или простаго свободнаго народа, но въ крѣпостное состояніе никогда не обращается, хотя бы отецъ его происходилъ и изъ онаго. 2) Женскаго пола выдаются за-мужъ отцами, а если таковыхъ лишились въ малолѣтствѣ своемъ, братьями, а если и сихъ не имѣютъ, то воспитателями своими: родственниками или сторонними, преимущественно за лицъ, принадлежащихъ къ духовному сословію, за князей и дворянъ, не получая отъ жениха за невѣсту никакой платы.

§ 34. Лица духовнаго сословія живутъ въ черкесскихъ аулахъ по своему произволу, гдѣ они пожелаютъ и куда пригласятъ ихъ князья, дворяне и простой свободный народъ тѣхъ ауловъ, отъ которыхъ они, равно и отъ крѣпостныхъ людей, имъ принадлежащихъ, получаютъ для содержанія себя и семействъ своихъ опредѣленную плату за совершеніе духовныхъ требъ и, сверхъ сего, берутъ дань отъ каждой мазы (домъ), а именно:

а) За обрѣзаніе младенцевъ, которое совершаютъ только эфенди и муллы, получаютъ кожи съ зарѣзаннаго при семь скота и барановъ на угощеніе гостей.

б) За вѣнчаніе, которое совершаютъ также эфенди и мулла, а если ихъ не имѣется, то и муэззинъ можетъ совершить, получаютъ: отъ князя скотомъ, овцами и лошадьми, сколько онъ назначитъ имъ по своему желанію; отъ дворянина, простаго свободнаго черкеса и крестьянина тоже самое, но боль-

шею частію по одной коровѣ, а иногда дается и лошадь.

в) За погребеніе, которое могутъ совершать эфенди и мулла, а если сихъ не случится, то и муэzzинъ, получаютъ: за князя или княгиню 30 штукъ скота и болѣе или соразмѣрно сему овцами, а иногда лошадь и двѣ; за дворянина и дворянку отъ 7 до 15-ти штукъ скота, соразмѣрно его состоянію, или одну лошадь; за простаго свободнаго черкеса, крестьянина и женщинъ сего сословія одну штуку скота, а кто богаче, даетъ и болѣе. Сверхъ сего, получаютъ все одѣяніе и обувь покойниковъ, тѣла которыхъ они совмѣстно съ муэzzинами, если сіи случатся быть, обязаны обмыть и обвернуть чистымъ бѣльемъ, калинкоромъ или миткалемъ; одѣяніе же и обувь умершихъ женщинъ они не получаютъ, а отдается такое тѣмъ женщинамъ, которыя обиваютъ и обвертываютъ въ чистый калинкоръ или миткаль ихъ тѣла; за погребеніе дѣтей мужскаго и женскаго пола, умершихъ до 15-ти лѣтъ, не получаютъ никакой платы отъ ихъ родителей, родственниковъ и воспитателей; за умершихъ старѣе 15 лѣтъ получаютъ вышеобъясненную плату соотвѣтственно сословію умершаго; но если дѣвушка выйдетъ за-мужъ до 15-ти лѣтъ и умереть, хотя на 13-мъ году, то за погребеніе ея платится уже, какъ за женщину.

г) Отъ каждой мазы получаютъ сажень дровъ, арбу сѣна, десятую мѣрку каждаго рода хлѣба, одну овцу изъ ста штукъ, одну скотину изъ 60 штукъ рогатаго скота, одну лошадь изъ шестидесяти лошадей, одну сапетку (улей) пчель изъ десяти сапетокъ, десятое яйцо каждаго рода, десятую луковицу луку, десятую головку капусты, а изъ дворовой птицы, по ихъ просьбѣ, даютъ имъ, сколько кто можетъ.

Примѣчаніе. Эфендій и мулла изъ дохода, получаемого ими за погребеніе умершихъ, каждый одну часть оставляетъ себѣ, а двѣ отдаетъ муэzzину и прочимъ своимъ причетникамъ, которые опи и раздѣляютъ между собою поровну. Съ прочаго же дохода эфенди и мулла удѣ-

лзють части своимъ причетникамъ по своему усмотрѣнію, каждому порознь.

§ 35. Кромѣ объясненнаго дохода, эфендіи и муллы имѣютъ еще таковой и отъ спорящихся между собою лицъ, если рѣшаютъ они возникшее между ними дѣло шаріатомъ, т. е. судятъ по Алкорану; напримѣръ: изблеченный въ воровствѣ возвращаетъ украденное хозяину и платитъ эфендію или мулла, кто изъ нихъ производилъ судъ, въ видѣ штрафа: отъ уворованной имъ лошади пять рублей, отъ уворованной коровы и быка одинъ рубль и отъ уворованныхъ пяти овецъ рубль серебромъ; изблеченный же въ убійствѣ кого-либо, если его самого не убьютъ родственники убитаго, кромѣ удовлетворенія сихъ положеннымъ за сіе преступленіе по Алкорану штрафомъ, 200 штуками рогатаго скота, каковаго бы сословія убитый ни былъ, платитъ эфендію или мулла, производившимъ судъ, въ видѣ таковаго же, двѣсти рублей серебромъ, или десятую скотину, а сдѣлавшій прелюбодѣяніе съ женою, у которой имѣется мужъ, но изблеченіи его въ семь поступкѣ, платитъ эфендію или мулла 15 штукъ скота, если мужъ ея не пожелаетъ, чтобы она наказана была смертію по Алкорану; мужъ отъ соблзчителя не получаетъ никакого удовлетворенія.

Примѣчаніе. Всѣ оныя штрафы уплачиваются всегда у черкесъ большею частію скотомъ, овцами, лошадьми, а иногда оружіемъ и другими вещами, по неизмѣнію у нихъ собственнаго изобрѣтенія денегъ, приводя все сіе въ объясненную цѣну. Но кто три раза присягалъ въ чемъ-либо и не исполняетъ по данной присягѣ, напр. продолжаетъ воровать, тотъ называется таабезе (отъявленный воръ), котораго убиваютъ непременно, если поймается, — такъ опредѣлено въ Алкоранѣ.

§ 36. Всѣ лица духовнаго сословія пользуются совершенною свободою. Никто изъ нихъ не обязанъ никому никакою данью, не отдаетъ никому никакого отчета о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ, но совершенные эфендіемъ, муллою и муэззиномъ браки каждый изъ нихъ у себя записы-

ваетъ, для справки и удостовѣренія законности брака въ послѣдствіи: а) при разборѣ возникающихъ семейныхъ распрей и разныхъ неудовольствій, и б) при раздѣлѣ имѣнія между наслѣдниками. Они могутъ переходить для жительства изъ аула въ аулъ не только того племени, изъ котораго происходятъ, но въ аулы и другого племени, куда ихъ только пригласятъ, по своему произволу, безъ согласія на сіе князей или дворянъ тѣхъ ауловъ, въ которыхъ жительство имѣютъ; даже муэзинъ, сафта и иджако могутъ оставлять эфендіевъ и муллъ безъ согласія сихъ послѣднихъ. и поступать къ другимъ таковымъ по своему произволу, для совмѣстнаго отправленія духовныхъ требъ. Впрочемъ, всѣ лица духовнаго званія имѣютъ всегда должное уваженіе и почтеніе къ князьямъ и дворянамъ и исполняютъ ихъ приказанія, относящіяся до свѣтскихъ дѣлъ; по духовнымъ же дѣламъ они не имѣютъ на нихъ никакого вліянія.

§ 37. За преступленія лица духовнаго сословія судятся шаріатомъ — судомъ духовнымъ — и подвергаются взыскацію, означенному въ Алкоранѣ по разнымъ родамъ преступленій. Муэзинъ, сафта и иджако судятся муллою, мулла эфендіевъ, а сей муфтіемъ. Если духовное лицо сдѣлаетъ воровство или учинитъ прелюбодѣянiе съ замужною или вдовою, женщиною либо дѣвицею, то виновный лишается своего сана и платитъ за женщину мужу, а когда его нѣтъ, то родственнику или отцу ея 15 штукъ, а за дѣвицу отцу или родственнику ея 5 штукъ рогатаго скота, а уворованное поцолняетъ хозяину.

IV. О простомъ свободномъ народѣ ¹⁾).

§ 38. Хотя сословіе сіе и признаетъ въ нѣкоторой степени надъ собою власть князей въ тѣхъ племенахъ, гдѣ сіи

¹⁾ На поляхъ рукописи сдѣлана карандашомъ слѣдующая приписка къ этой главѣ:

«О сословіи вольноотпущенныхъ (азать). Крайностные люди, приобрѣвшіе

существуютъ, но власть сіа есть весьма поверхностная, не иѣдущая ничего опредѣлительнаго, твердаго и постояннаго; почему сей классъ людей пользуется совершенною свободою во всѣхъ племенахъ или обществахъ горскихъ народовъ, можно сказать, наравнѣ съ сословіями дворянъ и духовенства, особенно въ тѣхъ племенахъ, въ которыхъ не имѣется князей.

§ 39. Простой свободный народъ пользуется по своему произволу землею, лѣсомъ и другими произведеніями въ мѣстахъ своего жительствова, также занимается свободно и скотоводствомъ, не платя ни князьямъ, ни дворянамъ и никому никакой положительной подати, кромѣ обязанности дѣлать только подаваніе духовнымъ лицамъ и давать князьямъ и дворянамъ калямъ за прѣмѣнъ на мѣновыхъ дворахъ, ими устроенныхъ, лѣса и другихъ своихъ продуктовъ, какъ сіе объяснено выше. Если же сей народъ и работаетъ князьямъ и дворянамъ въ нужное для нихъ время, подѣ покровительствомъ которыхъ онъ жительствоуетъ, то сіе дѣлаютъ единственно по приглашенію ихъ и по доброй своей волѣ; работа сіа не виѣняется ему въ непремѣнную его обязанность никакимъ непреложнымъ постановленіемъ.

§ 40. Хотя князья одного съ сплѣ народомъ племени иѣтъ въ некоторое право брать у него по своему желанію что-либо

свободу по волѣ владѣльца, по выгупу или же по доказательству, что они неправильнымъ образомъ были присвоены въ рабство, поступаютъ въ сословіе вольноотпущенныхъ (аватъ). Права этого сословія въ сущности совершенно одинаковы съ таковыми же простаго свободнаго народа; однако, въ народныхъ собраніяхъ голосъ вольноотпущеннаго значительно меньше другихъ и въ обществѣ они пользуются меньшимъ вниманіемъ, нежели коренные твохотли. Изъ этого сословія происходитъ значительная часть духовенства, такъ какъ владѣльцы отпускаютъ своихъ рабовъ (и именно молодыхъ лѣтъ) на волю только подѣ тѣмъ условіемъ, чтобы они сдѣлались муллами и молились за прежнихъ господъ своихъ. Классъ вольноотпущенныхъ довольно значителенъ въ Бжедуховскомъ округѣ, гдѣ во время владычества Магомета Амина, старавшагося, въ видахъ упроченія своей власти, лишить дворянство всѣхъ правъ и преимуществъ, многіе изъ рабовъ, принадлежавшихъ дворянству, сдѣлались свободными даже неправильнымъ образомъ». (Замѣчаніе издателя).

изъ оружія его, скота, овецъ и лошадей, ему принадлежащихъ, но обязаны за взятое удовлетворять его. Если же князь добровольно сего не сдѣлаетъ, то обиженный подобнымъ поборомъ въ правѣ выйти съ своимъ семействомъ и имуществомъ изъ покровительствуемаго имъ аула на жительство въ аулъ одного съ нимъ племени, покровительствуемый другимъ княземъ, и чрезъ сего уже требовать себѣ слѣдуемаго удовлетворенія, которой, принявъ его подъ свое покровительство, какъ бы вѣсть съ тѣмъ принимаетъ на себя и обязанность доставить ему удовлетвореніе отъ князя, взявшаго что-либо самопроизвольно изъ имѣнія его. Нерѣдко даже случается, что чрезъ неудовлетвореніе князьями за подобные поборы, цѣлыя аулы сего сословія людей отъ нихъ отлагаются, ищутъ покровительства другихъ князей и переходятъ къ нимъ на жительство, гдѣ иногда остаются навсегда, а иногда, получивъ удовлетвореніе, возвращаются на прежнее жительство.

§ 41. Мужчины сего сословія имѣютъ право только жениться на дѣвицахъ своего же сословія; жениться же на дѣвицахъ другаго происхожденія права не имѣютъ, развѣ женихъ уворуетъ невѣсту по согласію съ ней; но сіе преступленіе преслѣдуется и невѣста отъ похитителя отбирается, когда не будетъ повѣнчана; а когда уже будетъ повѣнчана, то не отбирается и похитившій платитъ отцу или родственникамъ ея весьма большой калымъ. Но дѣвицы сего сословія могутъ входить въ замужество за дворянъ и даже за князей; сіи послѣдніе платятъ за нихъ отцамъ или воспитателямъ ихъ условленный калымъ; но для дворянина, а тѣмъ болѣе для князя, жениться на простой дѣвицѣ предосудительно, почему и рѣдко сіе случается.

§ 42. По принятому обыкновенію, простой свободный черкесь, покупая себѣ жену изъ своего же сословія, платитъ за оную отъ 7 до 15 штукъ рогатаго скота, а достаточный платитъ за красивую и молодую дѣвицу, ему понравившуюся, отъ 25 до 100 штукъ, или противу сего количества лошадей, овцами, оружіемъ и конскою сбруею. Но бываетъ и такъ, что

жену понравится невѣста, а онъ, не имѣя состоянія заплатить за нее требуемый отцомъ или родственникомъ ея калымъ, спрашиваетъ тайнѣ ея согласія на выходъ за него замужъ и когда она на сіе согласится, то онъ воруетъ ее и отправляется вмѣстѣ съ нею верхомъ на лошади къ муллѣ, который ихъ вѣнчаетъ. Исполнивши сей обрядъ, онъ можетъ уже не платить за нее ничего; но случается, что по доброй своей волѣ или по приглашенію стороннихъ людей, принявшихъ въ семъ дѣлѣ участіе, по просьбѣ отца или родственника невѣсты, женихъ обязывается заплатить имъ присужденный или требуемый калымъ въ то время, когда въ состояніи будетъ, особливо если они бѣдны, въ чемъ даетъ присягу и обѣщанное въ свое время выполняетъ.

§ 43. Сему сословію предоставлено имѣть крѣпостныхъ людей, которыхъ они получаютъ по наслѣдству и покупаютъ, распоряжаясь ими и ихъ имуществомъ по своему усмотрѣнію точно такъ, какъ своею собственностію.

§ 44. Свободный черкескій народъ имѣетъ голосъ въ общественныхъ собраніяхъ, гдѣ разсуждается о предпріятіяхъ къ набѣгамъ и другихъ предметахъ, относящихся къ народности. Въ такія собранія обыкновенно отправляются представители сего сословія, по избранію онаго, изъ опытнѣйшихъ и извѣстныхъ умомъ людей, которые что предпріимуть сдѣлать, то народъ уже выполняетъ безпрекословно.

V. О крѣпостныхъ людяхъ.

§ 45. Крѣпостныхъ людей у кавказскихъ горцевъ можетъ имѣть каждый, какого бы онъ сословія ни былъ, кто только въ состояніи ихъ приобрести покупкою, или къ кому дойдутъ тѣковыя по наслѣдству.

§ 46. Люди сіи суть сущіе рабы, повинуются своимъ владѣльцамъ слѣпо и исполняютъ всѣ работы по ихъ приказанію, переносятъ терпѣливо самыя ихъ угнетенія, словомъ несутъ всю тяготу жизни — и не имѣютъ возможности, въ об-

легченіе своего состоянія, приносит кому-либо на своихъ владѣльцевъ жалобы; потому что сіи, какого-бы сословія они ни были, владѣютъ и пользуются ими совершенно на однихъ правахъ.

§ 47. Крѣпостные люди, по принятому издавна обыкновенію, работаютъ вообще для себя и своихъ владѣльцевъ и изъ выработываемаго хлѣба каждаго рода и сѣна опредѣляютъ половину для владѣльцевъ, а другую для содержанія себя съ семействомъ и своего скотоводства, и изъ своей части хлѣба и сѣна никому ни продать, ни подарить, не имѣютъ права безъ воли своихъ владѣльцевъ. Продавая же или промѣнивая свой скотъ, дѣсь и другіе продукты своего хозяйства по своему усмотрѣнію, изъ вырученной за оныя суммы, полученной за промѣнъ соли и лавочныхъ товаровъ, обязаны также удѣлять половину своимъ владѣльцамъ. Кромя сего, крѣпостныя женщины и дѣвицы исправляютъ всѣ работы по дому своего владѣльца, относящіяся къ ихъ полу.

§ 48. Крѣпостные люди хотя пользуются приобрѣтеннымъ ими скотомъ и другимъ имуществомъ, но владѣлецъ ихъ въ правѣ оное отъ нихъ отобрать и употребить въ свою пользу.

§ 49. Крѣпостной человѣкъ можетъ получить свободу по волѣ своего владѣльца и по доказательству о свободномъ своемъ происхожденіи, изъ котораго онъ неправильно вовлеченъ въ крестьянство. Получивъ свободу, онъ остается въ сословіи простаго свободнаго народа и можетъ поступать въ духовное сословіе, когда научится турецкой грамотѣ и Алкорану.

§ 50. Крестьянинъ можетъ жениться на крестьянской дѣвкѣ и вдовѣ одного и того же владѣльца съ позволенія его и за невѣсту не платитъ никому никакого калыма; но на крѣпостной дѣвкѣ и вдовѣ другого владѣльца, равно и свободнаго простаго сословія, жениться по своему произволу на такомъ же основаніи не можетъ; а если владѣлецъ, не имѣя между своими крѣпостными дѣвокъ и вдовъ, пожелаетъ женить его на крѣпостной дѣвкѣ или вдовѣ другаго владѣльца, то покупаетъ у сего для того невѣсту и платитъ ему за дѣ-

вицу отъ 15 и до 20 лѣтъ 60 штукъ рогатаго скота или 1000 руб. на ассигнац., а за вдову, не старѣе 30 лѣтъ, отъ 30 и 40 штукъ рогатаго скота, и кромѣ сего отцу невѣсты или родственнику ея, у котораго она находится, платитъ еще три штуки скота. Равнымъ образомъ, владѣлецъ можетъ приобрѣтать покупкою у другаго владѣльца и крѣпостныхъ мужчинъ для своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ, но сіи платятся уже гораздо дешевѣе, а именно: за мальчика отъ 15 и до 20 лѣтъ платится 15 и 20 штукъ рогатаго скота, отъ 20 и до 30 лѣтъ за мужчину платится 25 и 30 штукъ рогатаго скота или 700 р. на ассигнаціи ¹⁾). Такимъ же порядкомъ владѣльцы могутъ приобрѣтать невѣсту для своихъ крѣпостныхъ мужчинъ и изъ свободнаго простаго сословія, по согласію на сіе ихъ родителей или родственниковъ и воспитателей, у которыхъ они находятся, платятъ имъ за оныхъ отъ 25 и до 60 штукъ рогатаго скота.

§ 51. Кавказскіе горцы, при покупкѣ невѣсты, изъ какого бы сословія она ни была, берутъ наиболѣе во вниманіе ея красоту, здоровье, тѣлосложеніе и знаніе рукодѣлій, различныхъ женскому полу и у нихъ употребительныхъ.

§ 52. Если крѣпостной человѣкъ не въ состояніи за сдѣланное имъ преступленіе уплатить штрафа, то за него платитъ его владѣлецъ и изъ имѣнія его постепенно возвращаетъ оный себѣ или отдаетъ его на нѣсколько времени въ услуженіе тому, кому онъ долженъ заплатить штрафъ. По прошествіи условленнаго времени владѣлецъ возвращаетъ его къ себѣ и беретъ съ него присягу не дѣлать болѣе преступленій. Подобную присягу беретъ съ него и тогда, когда уплатитъ за него штрафъ; но если и послѣ сей присяги крѣпостной человѣкъ сдѣлаетъ

---

¹⁾ Замѣчательно, что владѣльцы крѣпостныхъ людей между горскими племенами почти никогда или весьма рѣдко продаютъ одинъ другому для замужества своихъ людей, а особливо дѣвицъ, а приобрѣтаютъ она таковыхъ, какъ объяснено, у казанскихъ татаръ и другихъ магометанъ. Вообще у кавказскихъ горцевъ женскій полъ цѣнится дороже нежели мужскій.

преступленіе во второй и въ третій разъ, то въ такомъ разѣ пополняется слѣдующій штрафъ изъ его имѣнія, если таковое онъ имѣетъ, а если не имѣетъ, то платитъ оный его владѣлецъ; послѣдній его продаетъ или промѣниваетъ навсегда другому владѣльцу какогонибудь дальняго племени либо турецко-подданному. Случается, что если такого негодяя владѣлецъ никому не продаетъ и не промѣняетъ, а исправленія въ немъ не предвидитъ, то онъ лишаетъ его жизни и въ такомъ разѣ не платитъ уже за преступленіе его никакого штрафа.

§ 53. Крѣпостные люди участвуютъ въ набѣгахъ и сраженіяхъ не иначе, какъ съ дозволенія своего владѣльца, совмѣстно съ нимъ, который имѣетъ оныхъ при себѣ, какъ тѣлохранителей своихъ, что дѣлается имъ въ крайнихъ только случаяхъ. Владѣльцы дорожатъ своими крѣпостными людьми, чтобы имѣть чрезъ нихъ большую для себя выгоду полученія дохода; почему они, въ случаѣ сборовъ горцевъ къ набѣгу, стараются всячески уклониться, чтобы крестьяне ихъ въ сѣть не участвовали.

VI. Объ адатѣ или судѣ по обычаямъ горцевъ ¹⁾.

§ 54. Судъ у всѣхъ вышеупомянутыхъ кавказскихъ горцевъ, по древнимъ ихъ обычаямъ, есть словесное примирительное разбирательство спорящихъ лицъ, по добровольному согласію оныхъ, чрезъ избираемыхъ ими судей — посредниковъ ихъ.

§ 55. Всѣ дѣла, возникающія между горцами, можно раздѣлить на гражданскія и уголовныя ²⁾. Сообразно понятію горцевъ о преступленіяхъ, къ 1-му можно отнести всякаго рода

¹⁾ Слово *адатъ* у черкесовъ собственно значить *обычай*, а слово *зали* — судить.

²⁾ Горцы сего раздѣленія не разумѣютъ, исключая только тѣхъ, которые уже получили болѣе или менѣе образованія въ Россіи; почему они и подводятъ оныя дѣла почти подъ одну категорію, — только считаютъ изъ оныхъ одни важными, а другія обыкновенными.

тяжбы и споры, какъ-то: о правѣ на земли и уголья оныхъ, владѣнія какииъ-либо обществомъ или племенемъ, объ аулахъ, о крестьянахъ мужскаго и женскаго пола, о правѣ собственности на движимыя имущества, споры по неисполненнымъ словеснымъ договорамъ и обязательствахъ ¹⁾ и споры за нарушеніе правъ личными обидами, ущербами, убытками и самоуправнымъ завладѣніемъ, воровство и поджогъ; во 2-мъ убійство, нанесеніе ранъ, изнасилованіе женщины и дѣвicy, ударъ плетью или другимъ какииъ-либо оружіемъ и явный грабежъ.

§ 56. По всѣмъ дѣламъ гражданскимъ виновный отвѣтствуетъ налагаемымъ по суду на него штрафомъ или пенемъ, если не примирится добровольно съ тѣмъ, кому причинилъ какииъ-либо случаемъ обиду; по дѣламъ же уголовнымъ отвѣтствуетъ жизнию, а если сыщеть возможность укрыться отъ лица имъ обиженнаго или его наслѣдниковъ и родственниковъ, то вина его разбирается судомъ и за преступленіе налагается на него штрафъ, но гораздо большій, нежели по дѣлу гражданскому. По всѣмъ онымъ дѣламъ и преступленіямъ штрафы у горцевъ заключаются въ томъ, что виновные платятъ обиженному присужденное судомъ: рогатымъ скотомъ, лошадьми, овцами, оружіемъ, конскою сбруею, одѣяніемъ и крѣпостными людьми. Если сдѣлавшій обиду или преступленіе такъ бѣденъ, что не имѣеть чѣмъ пополнить присужденнаго съ него штрафа, то пополняетъ оный за него тотъ, кто принялъ его подъ свое покровительство, а онъ ему таковой уже отработываетъ; если же покровитель его не соглашается на сіе, то виновный продается кому либо изъ горцевъ, а большею частію туркамъ (когда они имѣли свободную торговлю съ ними) и полученные за него вещи или деньги отдаются обиженному. Тѣлесному наказанію по суду учинившій преступленіе, какого-бы онъ званія ни былъ, никогда не подвергается.

---

¹⁾ Договоровъ и обязательствъ письменныхъ у кавказскихъ горцевъ нѣтъ.

§ 57. Мщеніе у горцевъ развито въ высшей степени. Оно между ними послѣ первенствующей страсти къ воровству не есть ли вторая страсть; почему, отецъ семейства рассказываетъ уже дѣтямъ своимъ—отрокамъ о мщеніи, какъ о высшей добродѣтели, которую онъ внушаетъ имъ выполнять непременно, а сіи впоследствии внушаютъ оное своимъ дѣтямъ, и такимъ образомъ переходитъ оное мщеніе изъ рода въ родъ, отчего получившій обиду изыскиваетъ всѣ средства, позволительныя и не позволительныя, отмстить достойно обидѣвшему его. На семь-то основано у нихъ правило, что кровь отвѣчаетъ кровью, или, какъ они выражаются, «*кровь за кровь*», то есть, что убійца непременно долженъ быть самъ убитъ. Сіе исполняютъ наслѣдники убитого и родственники даже до третьего колѣна, гдѣ только отыщутъ и захватятъ убійцу. Если сей послѣдній скроется отъ нихъ такъ, что нѣтъ никакихъ средствъ отыскать и схватить его, или если онъ приобрѣлъ безпредѣльное покровительство князя, имѣющаго сильное вліяніе на народъ, то убиваютъ наслѣдника его или ближайшаго родственника и сямъ прекращается вражда между убійцею, родными его и родными убитого. Нерѣдко бываетъ такъ, что убійца, не имѣя возможности укрыться въ аулахъ одного съ нимъ племени, уходитъ въ аулы другаго племени и тамъ отыскиваетъ себѣ убѣжище; въ семь разъ принимаетъ уже на себя ходатайство примирить его съ родными убитого принявшій его подъ свое покровительство, чрезъ посредство лицъ одного племени съ убійцею, заслуживающихъ уваженія и довѣрія; но когда покровитель въ семь не успѣетъ, то всячески старается захватить хищнически у самаго ближайшаго родственника убитого малолѣтняго сына отъ 4-хъ до 9-ти лѣтъ, котораго, тщательно храня у себя, воспитываетъ, какъ свое собственное дитя до совершеннолѣтія, а потомъ, снабдивъ его богатымъ одѣяніемъ, хорошимъ полнымъ вооруженіемъ, лучшею верховою лошадью съ принадлежностію къ ней, отправляетъ къ отцу его вмѣстѣ съ подаркомъ ему, который заключается въ нѣсколькихъ штукахъ рогатаго скота или хорошей лошади. Сей,

принимая своего сына, не может не принять и присланных съ нимъ подарковъ, какъ знаковъ совершенной покорности убійцы, испрашивающаго у него прощеніе, и изъявленіе къ нему дружбы и уваженія покровительствующаго убійцу и воспитавшаго его сына; прощаетъ убійцу, посылаетъ взаимно достойный подарокъ покровителю его и воспитателю своего сына и дѣлается съ нимъ тѣснымъ другомъ, считается съ сего времени какъ-бы единокровными родственниками ¹⁾). Равноѣрно, отвѣчаютъ преступники жизни, если не спасутся подобнымъ образомъ, и за всѣ преступленія, отнесенныя къ уголовнымъ дѣламъ.

§ 58. Кроме суда по обычаямъ, горцы съ недавнихъ временъ ознакомлены турками съ судомъ шаріатъ, т. е. духовнымъ судомъ, который производится муллою по правиламъ Алкорана. Сколько турецкое правительство, особливо предъ начатіемъ прошедшей войны съ Россіею и во время продолженія оной, ни старалось ввести между горцами во всеобщее употребленіе судъ — шаріатъ, для чего разослало было къ нимъ по разнымъ мѣстамъ нарочитыхъ муллъ, но цѣли своей не достигло. Горцы сначала хотя и приняли оный довидимому съ энтузіазмомъ, но, увидѣвъ въ послѣдствіи неправильныя дѣйствія, сужденія и злоупотребленія муллъ, начали мало по малу отставать отъ него; такъ что нынѣ всѣ возникающія дѣла между князьями, дворянами и простымъ народомъ кавказскихъ горцевъ разбираются судомъ по древнему ихъ обычаю (адатъ). Одно духовенство по дѣламъ, между онымъ возникающимъ, разбирается шаріатомъ. Впрочемъ, не возбраняется никому и изъ другаго сословія горцевъ разобратся въ своемъ дѣлѣ съ судомъ: совершенно зависитъ отъ воли и согласія спорящихся сторонъ избрать для разбора своего дѣла судъ адатъ или судъ шаріатъ.

¹⁾ Сіе обмѣновеніе ведется только между князьями и дворянами, но между простымъ народомъ почти не бываетъ, а убійца сего класса отвѣчаетъ большею частію своею жизнью; если же онъ убьетъ смерти отъ преслѣдующихъ его и отыщетъ себѣ покровителя, то отвѣчаетъ штрафомъ по суду.

§ 59. Для разбора дѣлъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, судомъ — адать, всѣ вышесказанныя горскія племена, каждое для себя, назначаютъ изъ среды себя постоянныхъ судей по четыре или по 6 изъ каждаго сословія, которые и обязуются присягою по Алкорану разбирать и рѣшать дѣла, возникающія между жителями ихъ общества, каждое въ своемъ сословіи, по совѣсти и по крайнему своему разумѣнію. Сверхъ сихъ судей, тяжущіеся, по своему согласію, имѣютъ право избрать еще и одного общаго судью, или посредника въ своемъ дѣлѣ, который имѣетъ при разборѣ дѣла два голоса противу одного изъ означенныхъ судей; онъ также, предъ начатіемъ разбирательства дѣла, принимаетъ присягу по Алкорану быть совершенно безпристрастнымъ въ разбирательствѣ онаго. Впрочемъ, обыкновеніе сіе нимало не стѣсняетъ горцевъ поручать дѣла свои разбору судей, избираемыхъ ими по своему произволу для каждаго дѣла порознь, которые, согласясь на сіе, принимаютъ присягу по Алкорану разобрать предлагаемое дѣло по совѣсти и безпристрастно.

§ 60. Когда спорящія стороны не примирятся между собою сами добровольно, то условливаются, поручить ли свое дѣло разбору постояннымъ судьямъ, или новыхъ для сего избрать, и, по соглашеніи о семъ предварительно, назначаютъ, каждый для себя, по два и по три человѣка изъ постоянныхъ судей, большею частію того сословія, къ которому они принадлежатъ, или особенныхъ заслуживающихъ въ сословіи и цѣломъ обществѣ довѣрія, которыхъ и упрощаютъ быть судьями по ихъ дѣлу. Кромѣ таковыхъ, избираютъ одного общаго судью, или посредника, изъ постоянныхъ судей, или особаго человѣка; или поручаютъ разбору дѣло свое избраннымъ судьямъ и безъ таковаго посредника ¹⁾; но князья и дворяне

¹⁾ Простые и свободные горцы могутъ избирать и большею частію избираютъ, для разбора дѣлъ своихъ, хотя одного судью съ каждой стороны, изъ дворянъ или князей, и сіи стараются такое довѣріе къ нимъ народа поддерживать всми способами, дабы имѣть надъ онымъ большее вліяніе.

къ разбирательству возникающихъ между ними дѣлъ простыхъ свободныхъ горцевъ никогда не допускають, считаютъ ихъ недостойными обсуживать ихъ дѣла, а избирають судей изъ своихъ сословіи.

§ 61. Избранные спорящимися судьи, прежде рассмотрѣнія ихъ дѣла, требуютъ отъ нихъ еогласія: довольны ли они будутъ разбирательствомъ ихъ и рѣшеніемъ и не предоставляютъ ли себѣ права приговоръ ихъ, если по мнѣнію ихъ онъ будетъ учиненъ ими несправедливо, передать разбору и сужденію новыхъ судей, имѣющихъ ими избраться для сего. Если спорящіе объявятъ, что какое бы избранные ими судьи, одни или съ общимъ посредникомъ, ни постановили рѣшеніе по ихъ дѣлу, таковымъ они останутся навсегда довольны и не предоставляютъ себѣ права подвергать оное вновь разбирательству и сужденію другихъ судей, то сіе свое согласіе должны утвердить присягою по Алкорану чрезъ муллу. Когда же стороны останутся онымъ недовольны и предоставятъ себѣ право постановленное избранными ими судьями рѣшеніе по ихъ дѣлу подвергнуть разбирательству новыхъ судей, то въ такомъ разѣ стороны присяги не принимаютъ; но судьи приступаютъ къ разбору поручаемаго имъ дѣла.

§ 62. Предоставляется также право принять присягу и одному изъ спорящихся, что онъ останется всегда рѣшеніемъ дѣла доволенъ; и въ такомъ разѣ, если противныйъ его, не принявшій присяги, будетъ онымъ также доволенъ, то рѣшеніе приводится въ исполненіе; ибо давшій присягу, хотя будетъ приговоръ учиненъ и не въ его пользу, совершенно лишается права подвергнуть оный новому пересужденію.

§ 63. Сей вновь избираемый спорящими лицами судъ можно назвать *апелляціоннымъ судомъ* — *адатъ*: ибо обязанность его есть разобрать точно существо дѣла, обнаружить справедливость или несправедливость приговора, сдѣланнаго по оному бывшимъ судьей и потомъ, если оный будетъ имъ найденъ правильнымъ, то подтвердить его; а если — неправильнымъ, то обнаружить, въ чемъ именно, и, отвергнувъ оный, по-

ставитъ вновь приговоръ по переданному ихъ обсужденію дѣлу, основавъ его на строгой истинѣ и крайнемъ своемъ разумѣніи; что исполняютъ въ Россіи высшіе суды въ отношеніи рѣшеній, учиненныхъ въ низшихъ судахъ, на которыя приносятъ жалобы, называемыя *апелляціонными жалобами*, или апелляціонными прошеніями.

§ 64. Недовольному разбирательствомъ дѣла сего и приговоромъ по оному, учиненнымъ избранными имъ судьями, предоставляется только одинъ разъ подвергнуть оное разбирательству и сужденію новыхъ судей, которыхъ онъ изберетъ для сего по своему произволенію, а болѣе уже не дозволяется, хотя бы и послѣ сего вторичнаго разбирательства онъ остался недоволенъ приговоромъ судей, который приводится въ исполненіе, не смотря на таковое его неудовольствіе, и онъ обязанъ таковой приговоръ выполнить въ точности.

§ 65. Разбирательство судьями дѣла и по оному рѣшительный приговоръ ихъ производятся словесно, слѣдующимъ порядкомъ: избранные спорящимися лицами судьи изъ числа постоянныхъ или особенные, съ каждой стороны по ровному числу (по 2, по 3 и по 4, сіе зависятъ отъ произвола спорящихся), по выполненіи ими и спорящимися обрядовъ, объясненныхъ въ §§ 59, 60, 61 и 62, выслушиваютъ жалобу истца или обиженнаго, послѣ оправданіе отвѣтчика или причинившаго обиду, потомъ свидѣтелей того и другого и послѣ сего, отпустивъ ихъ, имѣютъ сужденіе и, согласивъ свои мнѣнія о разбираемомъ ими дѣлѣ, дѣлаютъ по оному приговоръ, основывая оный на справедливыхъ доводахъ спорящихся, а наиболѣе на свидѣтельскихъ показаніяхъ, заслуживающихъ совершеннаго вѣроятія и правдоподобія. Таковой единогласный приговоръ свой передаютъ разсмотрѣнію общаго посредника тяжущихся, если оный избранъ, который при ихъ сужденіи не бываетъ. Если сей посредникъ найдетъ оный приговоръ правильнымъ, то изъявляетъ на оный свое согласіе; если же по мнѣнію его оный будетъ неправильный, то посредникъ объявляетъ о семъ судьямъ и виѣстѣ съ оными уже разсуждаетъ, которые иногда единогласно принима-

ютъ его мнѣніе и согласно съ онымъ измѣняютъ свой приговоръ; или нѣкоторые только изъ судей съ нимъ соглашаются, а другіе остаются при прежнемъ своемъ мнѣніи. Приговоръ почитается окончательнымъ тотъ, который произнесъ общій судья и съ нимъ согласилось большее число, или по крайней мѣрѣ равное, другихъ судей противу числа судей противнаго оному мнѣнію. Само собою разумѣется, что приговоръ общаго судьи, если съ онымъ не будутъ согласны мнѣнія судей спорящихся сторонъ, или будутъ согласны менѣе половины оныхъ, такъ что и два голоса общаго судьи противу одного не превысятъ голосовъ прочихъ судей одного мнѣнія, то оный приговоръ оставляется безъ исполненія, а почитается окончательнымъ приговоръ, основанный на единогласномъ мнѣніи судей, и сей приговоръ приводится въ исполненіе. Таковъ окончательный приговоръ объявляется спорящимся лицамъ и, когда сіи изъявятъ удовольствіе, приговоръ приводится въ исполненіе; а если которая сторона останется недовольною, то передается оный на разсужденіе другихъ судей, которые будутъ недовольными избраны, если только право сіе предоставили себѣ спорящіеся, какъ сказано въ § 61, а если нѣтъ, то хотя кто изъ нихъ и будетъ недоволенъ онымъ, но таковъ приговоръ приводится въ исполненіе и дѣло ихъ симъ оканчивается, котораго уже они и наслѣдники ихъ никогда возобновить не могутъ.

§ 66. Изъ сего слѣдуетъ, что судъ-адать у кавказскихъ горцевъ есть ни что иное, какъ *словесное мировое добровольное разбирательство*; ибо оный производится такимъ же порядкомъ, такимъ числомъ судей и по такимъ же правиламъ, какъ и въ Россіи производится мировое словесное разбирательство. Судъ-адать можно въ нѣкоторой степени уподобить и *добровольному третейскому суду*, въ Россіи существующему: ибо существующее право у горцевъ передавать разбирательство дѣла вновь избираемымъ судьямъ, если кто изъ спорящихся лицъ останется первоначальнымъ приговоромъ по оному недоволенъ, о чемъ они должны объявить избраннымъ ими судьямъ

прежде разбора сими ихъ дѣла, можно уподобить *формальной записи*, которая составляется при Россійскомъ добровольномъ третейскомъ судѣ.

§ 67. Выше сказано, что кавказскіе горцы, за преступленія по суду, не подвергаются тѣлесному наказанію и отвѣчаютъ налагаемыми на нихъ штрафами, которые у нихъ извѣстны подъ названіемъ *оловъ* ¹⁾ и опредѣляются соотвѣтственно степени преступленія: напримѣръ, за убійство князя хамшшейцевъ и другихъ племенъ, гдѣ находятся князья, и первостепеннаго дворянина у шайсугъ, абадзехъ, натухайцевъ и убыховъ виновный платитъ сто головъ, которыя судьи раздѣляютъ на мокрыя и сухія, поставляя въ число сихъ головъ первостепенныя, среднія и низшія съ ихъ подраздѣленіями, и соотвѣтственно сему назначаютъ уже, сколько именно виновный обязанъ въ пополненіе своего штрафа поставить крѣпостныхъ своихъ людей, лошадей, оружія, конской сбруи, рогатаго скота, овецъ и разныхъ вещей домашняго издѣлія, что должно составлять, по ихъ исчисленію, на русскую серебрянную монету, не менѣе трехъ тысячъ рублей. За рану и ударъ плетью или чѣмъ другимъ, причиненные князю и первостепенному дворянину, виновный платитъ *пятьдесятъ оловъ*; но за убійство

¹⁾ Сія «голова» есть у горцевъ техническій терминъ, котораго они на русскій языкъ перевести не могутъ, а объясняютъ такъ: головы сіи раздѣляются на мокрыя и сухія. Подъ именемъ мокрыхъ головъ разумѣется все живое, а подъ именемъ сухихъ всякаго рода вещи и оружіе. Мокрыя и сухія головы, каждая поровнь, дѣлятся на первостепенныя, среднія и низшія, а сіи роды головъ имѣютъ еще свои подраздѣленія, т. е. каждый родъ имѣетъ лучшія, худшія и худыя головы относительно своихъ качествъ и стоимости. Изъ мокрыхъ головъ люди и лучшія лошади всегда относятся къ первостепеннымъ головамъ, подраздѣляя ихъ уже по достоинствамъ и качествамъ; рогатый скотъ вообще и лошади низшаго разбора относятся къ среднимъ, а овцы вообще къ низшимъ головамъ, съ подраздѣленіемъ всего сего тоже по достоинствамъ и качествамъ. Изъ сухихъ головъ оружіе вообще и конская сбруя относятся къ первостепеннымъ головамъ, съ подраздѣленіемъ оныхъ по достоинству и добротѣ; всѣ же другія вещи домашняго ихъ издѣлія относятся лучшія къ среднимъ, а худшія къ низшимъ головамъ, тоже съ подраздѣленіемъ оныхъ по ихъ достоинству и добротѣ.

первостепеннаго дворянина у тѣхъ племенъ, гдѣ находятся князья, платитъ виновный только *тридцать оловъ*, а за рану и ударъ, ему причиненные, — *пятнадцать оловъ*; симъ же штрафомъ виновный отвѣтствуетъ за убійство муллы и причиненныя ему рану и ударъ. За убійство второстепеннаго дворянина у всѣхъ племенъ виновный платитъ *пятнадцать оловъ*, за рану и ударъ, ему причиненные, *семь оловъ*; за убійство третьестепеннаго дворянина также у всѣхъ племенъ виновный платитъ *пять оловъ*; за рану, ему причиненную, — *два олова*. За убійство простаго черкеса у всѣхъ племенъ виновный поставляетъ пару воловъ съ арбою и принадлежностію къ оной и 25 пустыхъ тулуковъ, или пятнадцать быковъ, или крѣпостнаго мальчика не менѣе 12 лѣтъ; за рану и ударъ, ему причиненные, платитъ третью часть сего штрафа. Подобныя же штрафы полагаются за убійство женъ, дѣвицъ и дѣтей обоего пола изъ сихъ сословіи, что однакожъ очень рѣдко случается у горцевъ. За безчестіе женщины изъ сословіи княжескаго, дворянскихъ, духовнаго и свободнаго простаго народа, причиненное ей насильствомъ, между горскими племенами полагается штрафъ въ пользу мужа ея *пятнадцать штукъ* рогатаго скота; за безчестіе дѣвицы изъ сихъ сословіи, причиненное ей насильствомъ, взыскивается штрафъ въ пользу отца ея или родственника, у котораго она находится, *пять штукъ* рогатаго скота ¹⁾.

За безчестіе крѣпостной женщины, причиненное ей насильствомъ, которое относитъ владѣлецъ ея къ себѣ, полагается штрафъ съ виновнаго *девять быковъ*, изъ которыхъ владѣлецъ получаетъ 6, а мужъ ея три быка; за безчестіе крѣпостной дѣвицы полагается съ соблазнителя штрафъ *пять быковъ*, изъ которыхъ владѣлецъ ея или родственникъ, у котораго она находится на воспитаніи, получаетъ *два быка*. Сообразно симъ

---

¹⁾ У горцевъ считается болѣе важнымъ преступленіемъ безчестіе насильствомъ замужней женщины нежели дѣвицы, а потому за женщину опредѣленъ виновному и штрафъ больше.

штрафамъ налагаются таковыя на виновныхъ и за другія преступленія, напримѣръ: воръ, если будетъ открытъ, обязанъ возвратить уворованное тому, кому оно принадлежитъ, и въ такомъ разѣ остается свободнымъ отъ дальнѣйшаго штрафа. Если же уворованное (виновный) утратилъ или испортилъ такъ, что владѣлецъ онаго не захочетъ принять его обратно къ себѣ, то воръ обязанъ заплатить ему штрафъ, а именно: князю и первостепенному дворянину за одну штуку скота, какого бы то рода ни было, платитъ *десять штукъ*, низшимъ дворянамъ по *восьми*, а простому черкесу по *семи* штукъ. Крестьянину же за уворованное у него платитъ тотъ же самый штрафъ, что и его владѣльцу; ибо кража у крестьянина почитается кражей у его владѣльца, но крестьянинъ изъ сего штрафа за украденное у него получаетъ вознагражденіе по усмотрѣнію своего владѣльца, а прочее остается у сего послѣдняго. Въ такой соразимѣрности отвѣтствуетъ виновный, причинившій умншленно вредъ другому какимъ бы то ни было случаемъ, и за всякую похищенную вещь.

§ 68. Какъ кавказскіе горцы свободнаго происхожденія пользуются народною свободою, то за неповиновеніе князьямъ и дворянамъ своимъ у нихъ не существуетъ опредѣленной мѣры наказаній, кромѣ только нѣкоторыхъ ограниченій; напримѣръ: если свободнаго сословія черкесъ выходитъ изъ повиновенія князя или дворянина, подъ покровительствомъ которыхъ онъ живетъ, то они сами стараются отъ того воздержатъ его усвоѣщаніемъ и содержаніемъ подъ арестомъ; но если онъ не раскается, то можетъ перейти на жительство подъ покровительство другаго князя или дворянина, если только ни онъ, ни предки его, не давали присяги первымъ оставаться всегда на жительство подъ ихъ покровительствомъ; но если таковому присягу онъ или предки его дали, то на подобный переходъ онъ не имѣетъ никакого права и обязанъ оставаться у нихъ на жительство и имъ повиноваться. Подобныя переходы у горцевъ, большею частію и всегда почти, дѣлаются тайно-уходомъ — и въ семъ только случаѣ ушедшій можетъ воспользо-

ваться своимъ скотомъ и другимъ имуществомъ; въ противномъ же случаѣ остается все сіе у владѣльца, отъ повиновенія которому онъ отсталъ.

VII. О наследствѣ и духовныхъ завѣщаніяхъ.

§ 69. Наслѣдственное право во всѣхъ состояніяхъ у кавказскихъ горцевъ остается всегда въ мужескомъ полѣ; женскій же полъ на наслѣдство не имѣетъ никакого права, потому что жены, какъ сказано выше, пріобрѣтаются мужьями покупкою. Оно переходитъ отъ отца къ сыновьямъ, послѣ смерти его, а если оныхъ нѣтъ, то къ роднымъ братьямъ его; если же и сихъ нѣтъ, то къ роднымъ племянникамъ, но когда и таковыхъ нѣтъ, то къ двоюроднымъ братьямъ или ихъ сыновьямъ. Дочери наслѣдуютъ имѣніе послѣ отца въ такомъ только разѣ, когда не остается у него ни сыновей, ни родственниковъ никакихъ въ мужескомъ колѣнѣ. Жена же его на наслѣдство вовсе права не имѣетъ, а по смерти его получаетъ то, что онъ назначилъ ей изъ имѣнія своего при женитьбѣ на ней, на что тогда же, обыкновенно чрезъ муллу, даетъ ей письменное обязательство, въ которомъ поименовываетъ все подробно; обязательство хранится у нея, но большею частію у ея родственниковъ, и она получаетъ то, что назначить ей мужъ при смерти своей. Получивши все оное имѣніе, она, до выхода въ замужество, остается на жительствѣ при сыновьяхъ своихъ или возвращается къ своему отцу, когда живъ онъ, или къ родственникамъ своимъ изъ мужескаго пола, къ кому пожелаетъ. Бываетъ и такъ, что мужъ женѣ, ни при женитьбѣ на ней, ни при смерти своей, не назначилъ никакого имѣнія; въ такомъ разѣ назначеніе ей онаго зависитъ совершенно отъ наслѣдниковъ сего имѣнія, или, не назначая таковаго, содержать ее прилично при себѣ, до выхода въ замужество, а если не выйдетъ, то и до самой смерти.

§ 70. Получившій наслѣдство обязанъ содержать и дочерей умершаго прилично ихъ званію, до выхода оныхъ въ

замужество или до смерти, а при выдачѣ ихъ въ замужество, получаетъ за оныхъ себѣ калымъ отъ жениха.

§ 71. Имѣнія у кавказскихъ горцевъ бываютъ наследственные или родовыя и благопріобрѣтенныя, которыя вообще почитаются движимыми. Тѣми и другими владѣлецъ распоряжается по собственному произволу, безъ всякаго ограниченія, и при жизни своей можетъ оныя раздѣлять между своими наследниками и даже пріятелями безпрекословно.

§ 72. Если владѣлецъ имѣнія умеръ, не оставивъ духовнаго завѣщанія, то имѣніе его наследуютъ ближайшіе наследники, какъ сказано въ § 69, раздѣляя оное между собою по равной части и по соглашенію между собою; одинъ изъ нихъ беретъ на воспитаніе къ себѣ и дочерей умершаго, или каждый по одной и по двѣ, какъ случится. Кто возьметъ на воспитаніе всѣхъ дочерей умершаго, тотъ получаетъ преимущественную часть имѣнія его.

§ 73. У кавказскихъ горцевъ существуетъ обыкновеніе издревле—дѣлать духовное завѣщаніе предъ смертію, то есть, домашнее духовное завѣщаніе, и воля завѣщателя, въ немъ объясненная, исполняется свято и ненарушимо.

§ 74. Духовныя завѣщанія дѣлаютъ они по большей части, когда остаются послѣ нихъ малолѣтніе наследники и когда оныхъ вовсе нѣтъ.

§ 75. Духовныя завѣщанія бываютъ у нихъ большею частью словесныя, а иногда и письменныя, которыя пишетъ мulla на турецкомъ языкѣ; но тѣ и другія дѣлаются при свидѣтеляхъ, не менѣе двухъ.

§ 76. Завѣщатель, въ своемъ духовномъ завѣщаніи письменномъ и словесномъ, распредѣляетъ все имѣніе свое подробно, по своему произволу, указывая, кому изъ наследниковъ его какую часть онаго получить и что именно на какой предметъ изъ онаго употребить. Завѣщатель назначаетъ въ ономъ душеприкащика, который вмѣстѣ съ симъ принимаетъ на себя обязанность и попечителя или опекуна малолѣтнихъ его наследниковъ, свято обязывается выполнить волю завѣщателя и,

по возрастѣ наслѣдниковъ, удовлетворить ихъ назначенными завѣщателемъ частями. Если завѣщаніе составлено письменное, то оно подписывается мулла и онъ же подписывается на ономъ вмѣсто завѣщателя, душеприкащика и свидѣтелей, если всѣ они не знаютъ турецкой грамоты; если же кто изъ нихъ знаетъ оную, то подписывается самъ за себя только, а вмѣсто прочихъ подписывается мулла. Послѣ сего завѣщаніе хранится у душеприкащика, по которому онъ и выполняетъ волю завѣщателя въ точности. Если же душеприкащикъ не исполнитъ оной, то свидѣтели обязаны настоять на выполненіи завѣщанія и отъ сего душеприкащикъ оградить себя ничѣмъ не можетъ. Сия же порядкомъ исполняются и словесныя духовныя завѣщанія.

§ 77. Когда наслѣдники имѣнія остаются совершеннолѣтніе, то владѣлецъ онаго, дѣлая распоряженіе по оному въ духовномъ своемъ завѣщаніи, не назначаетъ сторонняго душеприкащика для выполненія онаго, но возлагаетъ сію обязанность на одного изъ самихъ наслѣдниковъ, по своему усмотрѣнію, также при стороннихъ свидѣтеляхъ; этотъ наслѣдникъ и обязанъ выполнить все имъ завѣщанное въ точности. Сіе также дѣлается и тогда, когда между наслѣдниками есть и малолѣтніе. Въ семъ разѣ, совершеннолѣтній изъ нихъ, на котораго возложено выполненіе духовнаго завѣщанія, заступаетъ мѣсто попечителя и опекуна малолѣтнихъ, воспитываетъ ихъ, управляетъ назначеннымъ имъ имѣніемъ до совершеннолѣтія ихъ, потомъ отдаетъ оно имъ въ полное ихъ распоряженіе.

§ 78. Дѣти состоятъ въ безусловномъ повиновеніи родителей своихъ и воля отца есть для нихъ непреложный законъ, пока не достигнутъ совершеннолѣтія. Въ семъ возрастѣ дѣти имѣютъ уже нѣкоторое право располагать собою: сыновья вступать въ бракъ, а дочери выходить въ замужество, но не иначе, какъ съ согласія родителей, въ особенности отца; ибо сынъ, не владѣя никакимъ имѣніемъ, не можетъ заплатить калыма за невѣсту, если ему отецъ не дастъ онаго; дочь же онъ самъ продаетъ въ жены тому, кто больше ему заплатитъ за нее.

§ 79. Никто изъ сыновей, достигши совершеннолѣтія при жизни отца, не имѣетъ права требовать выдѣла себѣ части имѣнія, а большею частію всѣ живутъ вмѣстѣ съ отцомъ, хотя и вступаютъ въ бракъ; по смерти же его раздѣляются они, какъ сказано выше. Впрочемъ, есть многіе примѣры, что сыновья, женившись по соизволенію своего отца и получивъ отъ него опредѣленную имъ часть имѣнія, живутъ отъ него отдѣльно, управляя полученнымъ имѣніемъ, какъ собственностію.

§ 80. Сынъ выполняетъ въ точности приказанія отца и не можетъ сопротивляться онымъ; за неисполненіе же оныхъ отецъ имѣетъ полное право поступить съ нимъ по своему произволу.

§ 81. Отецъ имѣетъ право непокорныхъ дѣтей его воли, нанесшихъ ему огорченія, лишить совершенно наслѣдства своего и изгнать изъ своего жилища, не отдавая въ семъ никому отчета. Если кто изъ таковыхъ дѣтей будетъ противиться отцу, не переставая наносить огорченія, то онъ нерѣдко, чрезъ преданныхъ ему слугъ или пріятелей, лишаетъ дѣтей жизни придуманнымъ, хитро-лукавымъ способомъ и за сіе не отвѣчаетъ, еслибы и обнаружилось, что по распоряженію его они лишены жизни.

§ 82. Изгнанные отцомъ дѣти ищутъ себѣ убѣжища у знакомыхъ и пріятелей, которые, принимая ихъ подъ свой кровъ, стараются примирить ихъ съ отцомъ. Примиреніе сіе не иначе бываетъ, когда будетъ принесено ими предъ родителемъ чистосердечное раскаяніе и они дадутъ твердое обѣщаніе повиноваться совершенно его волѣ и не наносить ему никакихъ огорченій; но если отецъ не пожелаетъ ихъ простить, то ни раскаяніе ихъ и никакія стороннія ходатайства не могутъ его къ сему принудить.

§ 83. Дѣти на родителей, хотя отъ сихъ и будутъ обижены несправедливо, не могутъ приносить жалобъ и требовать отъ нихъ удовлетворенія за обиду, имъ причиненную; равнымъ образомъ (дѣти не могутъ требовать) и слѣдующихъ имъ изъ имѣнія частей, если таковыхъ родители сами имъ не опредѣляютъ.

§ 84. Мужъ, приобретаая себѣ жену покупкою, есть полный властелинъ оной; она состоитъ въ безусловномъ къ нему повиновеніи, не вмешивается ни въ какія его дѣла и распоряженія по имѣнію, а занимается только присмотромъ и воспитаніемъ дѣтей, исполняя всѣ домашнія работы, относящіяся къ женскому полу, то есть: разнаго рода шитье, какъ мужское, такъ и женское, вышиваніе, вязаніе, дѣланіе чаканокъ и прочее. За то мужъ обязанъ содержать ее безбѣдно и охранять отъ всякихъ постороннихъ обидъ.

§ 85. Жена обязана почитать и уважать своего мужа, быть покорною и вѣрною ему по смерть свою. За непослушаніе же и въ особенности за нарушеніе супружеской вѣрности, мужъ имѣетъ право удалить отъ себя жену свою временно или навсегда къ ея родителямъ или родственникамъ, продать новому любовнику ея, если сей открытъ, или тому, кто можлаеть ее имѣть у себя женою.

§ 86. Если же жена ни въ какихъ дурныхъ поступкахъ не изобличена противу мужа, а сей возненавидѣлъ ее по собственнымъ своимъ прихотямъ, то хотя онъ имѣетъ право удалить ее отъ себя и приобрести себѣ другую, но обязанъ первой доставлять непремѣнно по смерть ея содержаніе.

Собралъ и составилъ войсковый старшина Кучеровъ.

б) СВѢДѢНІЯ

объ обычаяхъ черноморскихъ черкесъ, доставленные Кучеровымъ въ 1849 г. ¹⁾.

1) Между племенами и обществами кавказскихъ горцевъ, обитающихъ на пространствѣ Черноморской кордонной линіи, принято издревле за непремѣнное правило, что мужчины поку-

¹⁾ См. рапортъ временно-командующаго Черноморскою кордонною линіею 26 іюля 1849 № 2585. Сборникъ рукоп. т. I стр. 241.

наютъ себѣ женъ того же сословія, изъ котораго они сами происходятъ; но случается, только очень рѣдко, что дворяне и даже князья женятся на дѣвицахъ духовнаго и простаго свободнаго происхожденій. Князьямъ же на дворянкахъ и дворянкамъ на княжнахъ жениться допускается; но простыя свободныя черкесы могутъ только жениться на дѣвицахъ и вдовахъ сего же происхожденія, а на таковыхъ другаго происхожденія не могутъ. Князь, избирая себѣ въ жены дѣвицу или вдову княжескаго происхожденія, не платитъ за нее калыма отцу ея или, за неимѣніемъ онаго, родственнику—ея воспитателю, или вообще тому, у кого она находится, а даетъ имъ при этомъ въ видѣ подарка, безъ всякаго договора, крестьянъ 7 и 8 душъ, хорошее оружіе, панцырь и лошадь съ сѣдломъ и прочую принадлежность, по своему желанію. Если же князь избираетъ себѣ въ жены дѣвицу или вдову дворянскаго происхожденія, то платитъ уже за нее калымъ рогатымъ скотомъ по договору: за красивую, молодую и знающую всѣ употребляемыя у насъ женскія рукодѣлія, дѣвицу 200 и 260 штукъ, за такую же вдову 40 штукъ; за обыкновенную дѣвицу 60 штукъ и за такую вдову 30 штукъ; за дѣвицу и вдову духовнаго происхожденія платитъ онъ такой же калымъ, какъ и за дворянку. За дѣвицу и вдову простаго происхожденія князь платитъ слѣдующій калымъ: за дѣвицу молодую, красивую, не имѣющую никакихъ тѣлесныхъ недостатковъ и знающую рукодѣлія, свойственныя женскому полу, платитъ 60 штукъ, за такую же вдову 30 штукъ; за обыкновенную дѣвицу 50, 40, 30 и 25 штукъ, а за такую вдову 15, 13, 12 и 10 штукъ. Въ числѣ рогатаго скота, даваемого за дѣвицъ и вдовъ, должна быть по крайней мѣрѣ половина коровъ. Дворяне разныхъ степеней, избирая себѣ женъ происхожденій: княжескаго, дворянскаго, духовнаго и иногда простаго свободнаго, платятъ также за нихъ вышеобъясненный калымъ сообразно ея происхожденію и личнымъ достоинствамъ; а простой свободный черкесь, избирая себѣ жену изъ сего же сословія, платитъ за нее калымъ рогатымъ скотомъ, смотря по ея достоинствамъ и сво-

ему достатку: за дѣвицу отъ 7 и даже до 100 штукъ, а за вдову отъ 5 до 40 штукъ; или противу сего количества да-етъ лошадей, овецъ, оружіе и конскую збрую.

2) Князья, дворяне разныхъ степеней и простые черкесы, сдѣлавшіе преступленія, какъ то: смертоубійство, нанесеніе ранъ, разнаго рода обиды и оскорбленія, прелюбодѣяніе, наси-ліе надъ женскимъ поломъ и воровство, отвѣтствуютъ всѣ равно штрафами, о которыхъ объяснено мною въ § 67 свѣ-дѣній объ обычаяхъ кавказскихъ горцевъ. Подробныхъ же свѣ-дѣній, налагаемыхъ горцами на преступниковъ за вышеобъяс-ненные преступленія, я не имѣю у себя.

Войсковый старшина Кучеровъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

А даты черкесъ Кубанской области.

ИЗВЛЧЕНІЕ

изъ «этнографическаго очерка черкесскаго народа»,

составленнаго генеральнаго штаба полковникомъ *барономъ Сталемъ* въ 1849 г.

I. *Племенной составъ кубанскихъ черкесъ.* Въ народамъ черкесскаго происхожденія, обитающимъ въ районѣ праваго фланга кавказской линіи (нынѣшней Кубанской области) принадлежатъ:

1) *Абазинцы* (Алты-Кисекъ ¹⁾ или Басхаги)—происхожденія Цебельдинскаго, выходцы изъ Абхазіи. Они подраздѣляются на семь отдѣльныхъ частей или обществъ: а) кумскіе (или верхне-кумскіе) абазинцы, по мѣсту жительства подчиненные управленію центра кавказской линіи, б) кубанскіе абазинцы, в) башильбаевцы, д) ташовцы, е) шагиреевцы, ф) кизильбековцы, г) баговцы и h) баракаевцы ²⁾.

¹⁾ Что значить «шестиродные».

²⁾ Кумскіе абазинцы живутъ въ 4-хъ аулахъ на верхней Кумѣ и Подкушку, въ числѣ 2550 душъ обою пола. Важнѣйшія фамиліи этого народа: Абуко, Жантемиръ, Трамъ и Доовъ.—Кубанскіе абазинцы живутъ на лѣвомъ берегу Кубани, въ числѣ 536 дворовъ, до 4-хъ тыс. душъ обою пола; ихъ главныя «фамиліи»: Лоовъ, Дударуко, Клыччъ, Бибердъ, Исмаилъ, Трашъ.—Башильбаевцы—абазинскаго происхожденія, живутъ въ 327 дворахъ, до 2700 душъ обою пола.—Ташовцы—въ числѣ 511 дворовъ, управляются старшинами изъ дома Зурумовыхъ и Даховыхъ. Кизильбековцы—8 ауловъ, 170 дворовъ, управляются, какъ и остальные общества, своими старшинами, но признаютъ своимъ главою Ярика Султана; живутъ въ ущельяхъ и неприступныхъ мѣстахъ. Шагиреевцы живутъ въ 4-хъ аулахъ, 110 дворовъ; баговцы—205 дворовъ; баракаевцы—180 дворовъ.—Всѣхъ абазинцевъ—14 тыс. душъ обою пола.

2) *Былые кабардинцы*—выходцы изъ Большой Кабарды (съ 1804 г.).

3) *Беслиевцы*.

4) *Махоевцы*.

5) *Темировцы* (Кемгой).

6) *Егерукаевцы*.

7) *Машхирцы*.

8) *Бжедухи*.

9) *Гатюкаевцы*¹⁾.

10) *Абазехи*—самое многочисленное и воинское черкесское племя²⁾. Абазехи раздѣляются на нагорныхъ (или дальнихъ) и на равнинныхъ (ближнихъ) и живутъ сплошными аулами и хуторами, въ числѣ девяти отдѣльныхъ обществъ: Туба, Тедаши, Дуарь-Хабль, Джентеть-Хабль, Гатюко-Хабль, (или Тфишебъ), Нежуко-Хабль, Анчоко-Хабль, Бешуко-Хабль и Едиче-Хабль. Каждое общество (хабль) раздѣляется на общины (псухо), независимыя другъ отъ друга, но не враждебныя между собою и тѣсно связанныя союзомъ (благата). Абазехи не имѣютъ князей; ихъ главное сословіе — дворяне (уоркъ-тлякотляжъ) Псухо управляется своею сходкою, на которой важную роль играютъ старшины (тошата). Каждое общество (хабль) также имѣетъ свое народное собраніе. Въ важныхъ случаяхъ весь абазинскій народъ (абазехе-чиллаго), въ лицѣ своихъ старшинъ, собирается на общее собраніе (за-уча или ибаръ), гдѣ обсуждаются во-

¹⁾ Въглыхъ кабардинцевъ числится 664 двора, 4,700 душъ; беслиевцевъ—11 ауловъ, 610 дв. 5,100 душъ; махоевцевъ—4 аула, 5 тыс. душъ. Темировцы, Егерукаевцы и Машхирцы соединены въ числѣ болѣе 8 тыс. душъ подъ властію одной владѣтельской фамиліи—Волотоковыхъ. Машхирцы состоятъ изъ трехъ родовъ — Петукаевыхъ, Хуратлиевыхъ и Силахметовъ. Бжедухи—50 ауловъ, около 4 тыс. душъ, раздѣляются на три части или общества: черченевцы, хамшеевцы и адеиевцы. Гатюкаевцевъ числится 6,500 душъ обоого пола.

²⁾ Количество населенія абазехъ съ достовѣрностію неизвѣстно; но можно считать, что оно не меньше 40 тыс. душъ обоого пола.

просы, касающіеся войны и мира и пр. Сходное же устройство имѣютъ и другіе кубанскіе горцы ¹⁾).

II. *Адаты, маслахаты и шаріатъ.* Народы черкескіе не имѣли никогда письменныхъ законовъ и управлялись искони своими древними обычаями. Эти обычаи изустнымъ преданіемъ переходили изъ рода въ родъ. Совокупность обычаевъ каждаго народа, служащая ему правиломъ для семейной или общественной жизни, называется *адатомъ* или *адетомъ*. Каждый изъ черкесскихъ народовъ имѣетъ свой собственный адаты. Всѣ эти адаты въ общихъ своихъ основаніяхъ сходствуютъ. Адаты кабардинскій считается самымъ лучшимъ и принятъ почти вездѣ у черкесъ.

Маслахаты есть договоръ. Когда враждующія племена желаютъ помириться, то высылаютъ посредниковъ, которые заключаютъ между враждующими сторонами маслахаты, чтобы

¹⁾ Въ районѣ праваго фланга кавказской линіи жили, кромѣ черкесъ, еще *ламайцы* — татарскаго или тюркскаго происхожденія. По рукописи бар. Стали, они раздѣляются на нѣсколько «семій» и извѣстны своимъ хищничествомъ и воровствомъ, которыя поддерживаются ихъ связями съ чечкесами, какъ и магометанствомъ. Нагайцы — по преимуществу кочевые скотоводы. Высшее сословіе состоитъ изъ султановъ (потомковъ крымскихъ хановъ), мурзъ или князей и дворянъ или узденей; эти классы называются «бѣлой костью». Классъ несвободныхъ или «черная кость» есть собственность бѣлой ноши. Шаріатъ, постепенно входящій въ употребленіе у нагайцевъ, ограничилъ права князей и дворянъ мірскою судою, которой характеръ и устройство тоже, что и у черкесъ. Нагайцы раздѣляются на 5 семій: Тахтамышевскихъ, Мансуровскихъ, Кипчаковскихъ, Карамуринскихъ и Наврузовскихъ. Въ каждомъ изъ этихъ родовъ есть свои князья и дворяне. Кромѣ того, былъ еще одинъ аулъ нагайскій на Урунъ-Султановскій. Это было пристанище воровъ, занимавшихся кражею скота и лошадей въ нагайскихъ аулахъ и станицахъ и передачею ихъ въ горы, какъ и получавшихъ изъ горъ уворованный тамъ скотъ и лошадей. Часть нагайцевъ, не желавшая въ 1823 г. вернуться на Кубань, осталась на р. Бѣлою; сюда уходять въ одиночку нагайцы изъ всѣхъ семій на Кубани, уличенные въ воровствъ или же давшіе обѣтъ пойти на нѣсколько лѣтъ въ хаджиреты (бойцы за вѣру). Кромѣ того, на лѣвомъ берегу Кубани, противъ вр. Прочно-Окопской, находится *Армякскій* аулъ (гіяуръ-хобль), водворенный ген. Зассомъ изъ всѣхъ армянъ, жившихъ разсыянно въ горахъ. Больше торговый народъ; обычаи сходны съ черкесскими.

жить мирно между собою и совокупными усилиями дѣйствовать противъ общаго врага. Маслахать, какъ и всякій договоръ, есть мѣра временная, и теряетъ свою важность и обязательную силу съ измѣненіемъ обстоятельствъ.

Шариатъ есть нравственная философія и гражданское право магометанъ. Въ этой книгѣ, основанной на коранѣ, находятся правила нравственности, о бракахъ, наследствѣ и наказаніяхъ за преступленія. Въ настоящее время возгорѣвшаяся ревность къ магометанству въ Дагестанѣ и Чечнѣ повела за собою паденіе или ослабленіе силы адатовъ.

У черкесъ шариатъ до 1829 г. былъ распространяемъ агентами анапскаго паши, а съ 1841 г. въ пользу распространенія шариата дѣйствуютъ агенты Шамиля, урядкой пробирающіеся изъ Чечни въ Закубанскій край. Не менѣе того шариатъ не вездѣ еще принятъ у черкесъ. Бнзья и дворяне, не подписавъ сами уничтоженіе своей власти, не могутъ охотно согласиться на уничтоженіе адата и полное введеніе шариата; но въ обществахъ абазехскихъ, шапсугскихъ и по всему восточному берегу шариатъ, не встрѣчая никакого сопротивленія въ высшихъ классахъ, введенъ въ употребленіе. Усиленію шариата способствуетъ въ особенности *таригатъ* — ученіе религиозно-политическое, основанное на коранѣ. Главныя основанія таригата: 1) всѣ мусульмане должны быть свободны; рабство должно быть уничтожено; магометанинъ не долженъ платить никакой дани, кромѣ «заката» (десятины) на мечети, въ пользу распространенія исламизма. 2) Всѣ магометане равны и разница въ сословныхъ правахъ должна быть уничтожена. 3) Магометане должны жертвовать всѣмъ, чтобы не быть подъ игомъ невѣрныхъ. — Главою послѣдователей таригата считается Шамиль и носитъ титулъ имама; послѣдователи таригата называются юридами (оттого и ученіе таригата называется также *юримизмомъ*). Въ этомъ новомъ ученіи примиряются и уничтожаются прежнія враждебныя секты шитовъ и сунни, какъ нѣчто устарѣлое. Ученіе это, возникшее въ Дагестанѣ и Чечнѣ, мало по малу проникаетъ къ черкесамъ. Вездѣ, гдѣ

оно проникло, горцы разрывали связь съ нами, кѣновая торговля прекращалась, покорные намъ бросали свои аулы и уходили въ горы. У черкесъ проповѣдывали шариатъ Гаджи-Магометъ (1842 — 1844), Салиманъ Ефендіи (1845) и Шейхъ Магометъ Аминъ (съ 1849 года). Всѣ они родомъ изъ Дагестана или Чечни; довѣренность и уваженіе къ нимъ черкесъ весьма значительны. Не менѣе того шариатъ еще не утвердился между черкесами и встрѣчаетъ сильное сопротивленіе въ классѣ князей и дворянъ, которые не желаютъ потерять своихъ правъ и преимуществъ. Отъ этого агенты Шамиля преимущественно стараются возбудить въ народѣ вражду противъ князей и дворянъ и ласкать чернь.—Въ Закубанскомъ краѣ чернь, темно понимая ученіе, проповѣдуемое агентами Шамиля, сильно ему сочувствуетъ; что же касается до князей и дворянъ, то Магометъ Аминъ не многихъ успѣлъ склонить на свою сторону.

III. *Аталычество*. Воинственный черкесъ, избѣгая всего того, что могло бы изнѣжить его душу, не воспитываетъ своихъ дѣтей у себя дома, а отдаетъ ихъ на воспитаніе своимъ ближайшимъ друзьямъ. Вскорѣ послѣ рожденія дитяти у князя или именитаго дворянина (урекъ), являются многіе охотники, желающіе взять новорожденное дитя и быть его воспитателемъ или «аталыкомъ». Аталыкъ обязанъ вскормить ребенка, выучить его наѣздничеству, стрѣльбѣ въ цѣль, безропотному перенесенію голода, труда и опасностей, водить его или посылаетъ съ надежными людьми на хищничество, сначала легкое, а послѣ — болѣе значительное и опасное. Аталыкъ долженъ ознакомить своего воспитанника съ вѣрою и народными обычаями, водить его на народныя собранія и разбирательства. Окончивъ воспитаніе молодаго князя, аталыкъ долженъ вооружить его, одѣть прилично, подарить ему коня и привести въ отцовскій домъ. Съ этого времени оканчиваются обязанности аталыка; но воспитанникъ часто такъ привязывается къ аталыку, что любитъ его больше своего отца. Бывали случаи, что въ ссорахъ отца съ аталыкомъ воспитанникъ принималъ

сторону послѣдняго противъ роднаго отца. Связь по аталычеству почитается у черкесъ священной: все семейство аталыка есть родное своему воспитаннику. Чѣмъ значительнѣе князь или дворянинъ, тѣмъ болѣе находится охотниковъ породниться съ нимъ и принять на воспитаніе его сына. Иногда между желающими возникаютъ споры, и князь долженъ допустить, чтобы его дитя, пробывъ нѣсколько лѣтъ у одного аталыка, переходило къ другому, а послѣ къ третьему. Асланъ Бекъ, сынъ Джембулата Болотокова Темиргоевского князя, былъ трехъ аталыковъ. Первымъ былъ Куденетовъ кабардинецъ, приближенный другъ Джембулата; послѣ, по добровольному согласію князя и Куденетова, абазехскій старина Аджииковъ взялъ Асланъ Бека къ себѣ.—Хаджи Берзекъ, шапсугскій дворянинъ, бывший аталыкъ Джембулата, пожелалъ быть аталыкомъ его сына, укралъ у Аджиикова молодаго Асланъ Бека и воспитывалъ его у себя. Черезъ это произошла кровавая вражда между Аджииковымъ и Берзекомъ; наконецъ, обѣ стороны предалися на судъ народный; сдѣлано было разбирательство: молодой Асланъ Бекъ былъ отнятъ у Берзeka и возвращенъ Аджиикову, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ быть возвращеннымъ опять Берзеку, у котораго Асланъ Бекъ Болотоковъ и окончилъ свое воспитаніе. Въ теченіи нахождения сына у аталыка отецъ не долженъ позволить себѣ малѣйшей нѣжности и ласки своему дѣтяти и при свиданіи не долженъ даже подать вида, что узнаетъ его. Всякое публичное выраженіе нѣжности къ дѣтямъ, до полнаго ихъ совершеннолѣтія, считается въ высшей степени неприличнымъ. Послѣ возвращенія сына изъ аталыковъ, князь долженъ вознаградить воспитателя за его труды и расходы. Богатство и щедрость родителей опредѣляютъ величину вознагражденія. Обыкновенно князь даетъ аталыку два или три семейства крестьянъ, что составляетъ за Кубанью значительную сумму. Князь можетъ отдать свое дитя на воспитаніе узденю, но самъ не можетъ воспитывать у себя иначе, какъ княжеское дитя. Дворяне также какъ и князья отдають дѣтей своихъ въ аталыки. Такимъ образомъ,

черкесское семейство всегда воспитываетъ у себя чужихъ дѣтей, а своихъ собственныхъ отдаетъ въ чужія семейства. Не имѣя государственнаго устройства, раздираемые непрерывной войной, враждою княжескихъ домовъ и кровомщевіями, черкесы находятъ въ аталычествѣ средство дать каждому семейству опору, связи и обширное родство. Аталычество тѣсно связало семейства и роды между собою; а связь семействъ и родовъ повела естественно къ соединенію между собою союзами небольшихъ враждующихъ народовъ.

IV. *Усыновленіе*. Кромѣ аталычества, связывающаго семейства воспитателя и воспитанника, есть еще другаго рода связь не менѣе священная—усыновленіе. Лицо чужаго народа или чужаго общества, переселившись въ одинъ изъ черкесскихъ народовъ и желая остаться тамъ навсегда, желаетъ быть усыновленнымъ однимъ изъ семействъ того аула, въ которомъ поселилось. Глава семейства, призвавъ къ себѣ приемъша, въ присутствіи всѣхъ, обнажаетъ женѣ своей грудь, а приемъшъ устами дотрогивается до груди. Этимъ символомъ глава семейства даетъ знать присутствующимъ, что приемъшъ былъ вскормленъ грудью его жены и считается отнынѣ сыномъ въ семействѣ. Усыновленіе дѣлается очень рѣдко; оно считается священной связью и налагаетъ на приемъша тѣ же обязанности, какія имѣетъ сынъ къ отцу.

V. *Кровомщеніе* (зе—пін). У черкесъ, какъ и во всякомъ обществѣ, гдѣ своеволіе лица не имѣетъ никакихъ предѣловъ, гдѣ столько средствъ безнаказанно совершить преступленіе, кровомщеніе есть единственная узда, которая хотя въ нѣкоторой степени обуздываетъ дикія страсти удалъца, готоваго на все. Еще въ недавнее время кровомщеніе существовало во всей силѣ у черкесъ. За одного убитаго мстилъ родъ роду, аулъ аулу. Разъ совершенное преступленіе, вело за собою рядъ кровомщений, тянувшихся въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ даже нѣсколько вѣковъ.

Иногда враждующія стороны, утомленные своими потерями, прекращали взаимныя убійства; но послѣ утихшее кровомщеніе

вдругъ возгоралось съ новою силою. Нынѣ приговоры народныхъ судовъ больше уважаются; обиженному есть средство получить удовлетвореніе, и этотъ дикій обычай начитаетъ ослабѣвать. Не мало содѣйствуетъ правительство наше къ уничтоженію кровомщенія между мирными народами. Шамиль тоже съ своей стороны старается уничтожить кровомщеніе въ непокорныхъ намъ народахъ. Такимъ образомъ, этотъ дикій обычай медленно и постепенно исчезаетъ ¹⁾.

Обычай (адаты) опредѣляетъ въ точности цѣну крови князя, дворянина и простолюдина. Былъ случай, что лошадь ударила ногою дитя; отецъ дитяти тотчасъ потребовалъ у хозяина лошади плату за кровь и тотъ не смѣлъ отказаться, потому что, отказавшись, онъ подвергся бы кровомщенію отца раненнаго дитяти.

При совершеніи кровомщенія, нѣтъ ничего рыцарскаго, откровеннаго. Кровоместникъ (зе—пін) обыкновенно убываетъ изъ засады, сожигаетъ хлѣбъ и сѣно враждебнаго ему семейства, поджигаетъ ночью сакли, крадетъ дѣтей. Все это дѣлается скрытно, воровски, избѣгая опасности. Предпринчившій кровоместникъ въ непродолжительномъ времени столько надѣлаетъ вреда, что обидѣвшее его семейство принуждено просить чрезъ посредниковъ мира и заплатить обиженному условленную обычаями плату за кровь.

¹⁾ Въ рукописи бар. Стала (стр. 127—128) приводится нѣсколько случаевъ кровомщенія, имѣвшихъ мѣсто за Кубанью въ теченіе 1846—1848 годовъ. Одинъ изъ нихъ (убійство кабардинскаго князя Атамукина бесленеевскимъ княземъ Канюковымъ) возбудилъ войну между бесленеевцами и кабардинцами и только вѣшательство нашего правительства не допустило дѣла до кровопролитія; вражда кончилась судебнымъ разбирательствомъ, установившимъ плату за кровь и примиреніе обоихъ народовъ. Другой случай имѣлъ мѣсто въ 1847 г. «Тазартуковъ, бесленеевскій дворянинъ, претерпѣвъ кровную обиду отъ нагайскаго князя Карамурвина, подстергъ его на Урушѣ и убилъ. Совершивъ убійство, Тазартуковъ съ семействомъ бѣжалъ къ кабардинцамъ. Нагайскіе князья, получивъ объ этомъ вѣсть, тотчасъ послали въ аулъ Тазартукова и, не заставъ его дома, сожгли его сакли и хлѣба. Правительство наше и здѣсь приняло участіе и вызвало оба народа на разбирательство, которое продолжалось полгода и кончилось платою за кровь и миромъ».

Чаще всего случается нынѣ, что при договорахъ виновный платитъ половину установленной обычаемъ платы за кровь и беретъ изъ обиженного семейства дитя къ себѣ на воспитаніе. Этими уничтожается всякая вражда ¹⁾).

Плата за кровь (пле-уась) столь значительна, что одно лицо не въ состояніи заплатить за кровь. Въ такомъ случаѣ цѣлый родъ (гяку) виновнаго складывается и одновременно или по частямъ выплачиваетъ цѣну крови. Нѣкоторые черкесскія семейства или цѣлые роды связаны между собою присягой (тхарь-оггъ) и, въ случаѣ совершенія преступленія лицомъ одной изъ семействъ, связанныхъ присягой, всѣ въ совокупности складываются для платы за кровь. Такая связь родовъ для совокупной платы не всегда ведетъ за собою, чтобы всѣ связанные фамиліи отвѣчали кровью за кровь. Въ случаѣ преступленія, кровью за кровь отвѣчаетъ только семейство убійцы.

Иногда случается, что родъ, которому принадлежитъ убійца, отказывается отъ платежа за кровь, предоставляя обиженнымъ самимъ отомстить убійцѣ. Тогда убійцѣ остается только бѣжать изъ общины въ абреки и скитаться бездомнымъ, пока онъ не будетъ убитъ мстителями или не найдетъ средства помириться и заплатить за кровь.

Плата за кровь по шаріату за убійство крестьянина 200 коровъ. Цѣна крови князя различна по фамиліямъ. Нѣкоторыя княжескія фамиліи, наприм. Болотоковы, учредили для себя цѣну за кровь невозможную къ выплатѣ: напр. известное число панцирей самыхъ лучшихъ въ краѣ, луки съ колчанами лучшіе въ краѣ, оружіе первое въ краѣ, кони самыхъ высокихъ статей, пару черныхъ борзыхъ безъ всякихъ отмѣтинъ и пр., такъ что плата за кровь невозможна, и уже отъ произвола фамиліи Болотоковыхъ зависитъ принять какую нибудь плату и помириться съ виновнымъ. Плата за кровь прочихъ княжес-

¹⁾ Такъ, когда Джембулатъ Болотоковъ убилъ въ кровавой усобицѣ Керменовъ, гатукаевского князя, то при примиреніи взялъ къ себѣ на воспитаніе его сына Темиргоя Керменова.

кихъ фамилій также высока. Когда въ 1847 г. кончилось дѣло о кровомщеніи между беслинеевцами и нагайцами, по причинѣ смерти князя Вереслана Карамурзина, убитаго беслинеевскимъ дворяниномъ Тазартуковичъ, то беслинеевцы, за общимъ поручительствомъ цѣлаго народа, заплатили за кровь убитаго князя: 1) панцырь одинъ или 16 коровъ, 2) шишакъ 1 или 16 коровъ, 3) саблю 1 или 16 коровъ, 4) налокотники или 16 коровъ, 5) нарукавники (въ натурѣ), 6) лошадь цѣною въ 16 коровъ, къ ней сѣдло съ полнымъ приборомъ, украшенное серебряннымъ наборомъ съ позолотой, 7) еще лошадь, цѣною въ 12 коровъ, къ ней сѣдло съ приборомъ, безъ серебрянныхъ украшеній, 8) лукъ съ полною принадлежностію, цѣною въ 16 коровъ, 9) полную щегольскую одежду на князя, т. е. чекмень, шаравары, наговицы изъ лучшаго европейскаго сукна, украшенные кругомъ серебряннымъ галуномъ, два шелковые бешмета, бѣлье, чевяки изъ краснаго сафьяна съ серебряннымъ галуномъ. Кромѣ того, беслинеевцы обязались, по указанію князя Карамурзина, обмундировать и снабдить одного изъ князей, родственниковъ убитаго, всѣмъ тѣмъ, чѣмъ атамыкъ снабжаетъ своего воспитанника, отпуская его домой. Кромѣ того, беслинеевцы обязались сыну убитаго Карамурзина уплатить половину того, что стоитъ панцырь, шишакъ, сабля, налокотники, нарукавники, лукъ и 2 лошади, на томъ основаніи, что убитый Карамурзинъ былъ русскій офицеръ и послался по службѣ, когда его убили. Сія послѣдняя статья не существовала въ древнихъ обычаяхъ, а введена нами.

За кровь дворянина виновный платитъ 400 коровъ или вещи по обычаю. Наприм., за убитаго черкесскаго дворянина Шиша заплатили виновные въ 1846 г.: панцырь, нарукавники, саблю, шишакъ, три лошади, лукъ со стрѣлами, приличную одежду, полную для человѣка, 2 лошади, изъ коихъ одна съ сѣдломъ, другая также съ сѣдломъ, мѣрою не менѣе 5-ти пядей, стоящая одной крестьянки. Этою дороговизною плати за кровь, по древне-освященнымъ обычаямъ, черкесы старались, сколько возможно, обуздать кровомщеніе.

Самыя жестокія кровомщениа бывали за женщинъ. Вотъ одинъ недавній примѣръ. Черкесь, полюбивъ дѣвушку и получивъ ея согласіе, увезъ ее и женился на ней. Черезъ нѣсколько времени братъ увезенной дѣвушки, не довольный этимъ бракомъ, собравъ своихъ друзей, началъ, въ отсутствіе своего зятя, на его саклю, схватилъ свою сестру и, посадивъ ее насильно на крупъ лошади, увезъ домой. Мужъ прѣзжаетъ и, не заставъ жены, выдается въ погоню, догоняетъ партію, врѣзывается въ ея средину и убиваетъ на повалѣ брата своей жены. Преслѣдованный всею партіей, онъ избѣгнулъ погони и укрылся въ сосѣднемъ народѣ. Съ этого времени начался рядъ неистовыхъ мщений мужа надъ семействомъ его жены. Скрывался тайно, онъ сжигалъ сѣна и хлѣба, поджигалъ сакли, похищалъ дѣтей и не было никакого средства розыскать и убить его. Одна смерть положила конецъ его мщению. Положеніе жены его было горестно: она была первой причиною кровомщениа; ей нельзя было жить съ убійцей ея брата и, не смотря на красоту свою, она не могла выйти замужъ. Никто не смѣлъ бы жениться на оставленной женѣ абрека, потому что немедленно подвергся бы смерти отъ руки перваго ея мужа.

VI. *Воровство и хищничество* играютъ важную роль въ жизни горца. Современный черкесь хочетъ подражать громкимъ подвигамъ своихъ народныхъ нартовъ (гигантовъ) и тле-хупховъ (рыцарей), о хищничествѣ которыхъ гласятъ ему народное преданіе и народныя пѣсни. Понятіе о правѣ собственности хотя и существуетъ, но оно имѣетъ особенный характеръ, образовавшійся подъ вліяніемъ горскаго быта, въ которомъ все подчинено одной мысли—развить въ народѣ отвагу и воинственность. Черкесь готовъ жизнь отдать за свою собственность; въ чужой же собственности не имѣетъ никакого уваженія и съ опасеніемъ жизни, гдѣ можетъ, готовъ себѣ присвоить чужое. Воровство и хищничество, послѣдствія этого неуваженія къ праву собственности, считаются занятіемъ почетнымъ; они уважаются горцами, потому что питаютъ воинственный духъ народа и развиваютъ въ немъ всѣ качества, необходимыя для

того, чтобы сохранить его независимость. На всё увещания прекратить хищничество горцы отвѣчаютъ: » а что же станется съ нами, когда перестанемъ хищничать? Мы сдѣлаемся изъ воиновъ пастухами ». Вообще хищничество занимаетъ важное мѣсто въ жизни горца. Для черкеса хищничество понынѣ есть единственное средство сдѣлать себѣ состояніе, вѣсъ и доброе имя. Воспитывался у аталыка, черкесъ съ дѣтства пріучается къ оружію и лошади, съ 16 лѣтъ начинаетъ вмѣстѣ съ аталыкомъ ѣздить на воровство. Какъ младшій въ партіи, онъ долженъ ночью сторожить лошадей, заботиться о ихъ продовольствіи, услуживать хищникамъ и пр. Многократное участіе въ набѣдахъ и храбрость въ отставаніи похищеннаго мало по малу снискиваютъ молодому горцу вѣсъ и уваженіе; его начинаютъ приглашать на всё хищнческія предпріятія; отличившійся въ набѣгахъ самъ собираетъ партіи, — количество собранныхъ участниковъ есть вывѣска его достоинства. Въ трудностяхъ и опасностяхъ набѣговъ—вся слава хищничества. Хищникъ ищетъ добычи вездѣ и не всегда далеко. Когда отрядъ строилъ одно укрѣпленіе за Кубанью, въ 1848 году, князь одного изъ ближайшихъ кабардинскихъ ауловъ постоянно снабжалъ отрядъ порціоннымъ скотомъ за очень умѣренную плату. Послѣ оказалось, что онъ съ товарищами безъ церемоніи воровалъ скотину у своихъ подвластныхъ. Подвластные, хотя и узнали это послѣ, но никогда не жаловались, потому что дѣло дѣлалось ловко. И послѣ женитьбы черкесъ продолжаетъ свою хищническую жизнь. Такъ проходятъ средніе лѣта его жизни: усталый и израненный, онъ наконецъ оставляетъ хищничество, обзаводится хозяйствомъ посредствомъ подарковъ знакомыхъ и друзей и только по старой привычкѣ, по временамъ, ѣздитъ на хищничество. Снискавъ себѣ имя и вѣсъ, онъ является на народныхъ собраніяхъ, ищетъ популярности въ своемъ народѣ, сообразно способностямъ своимъ играетъ роль болѣе или менѣе важную на народныхъ вѣчахъ и разбирательствахъ. Здѣсь онъ можетъ добиться до высшаго предѣла честолюбія, т. е. сдѣлаться языкомъ народа (тлеубзыгъ). Это

названіе дается черкесами храбрѣйшему въ бою, краснорѣчивѣйшему на вѣчѣ, разумнѣйшему на разбирательствахъ и судебной расправѣ. Этими названіемъ черкесъ обозначаетъ человека, который есть выраженіе всѣхъ высокихъ качествъ своего народа и одинъ умѣетъ высказать ясно, чего желаетъ цѣлый народъ и что онъ чувствуетъ. Участіе языка народа на вѣчахъ и при всѣхъ предпріятіяхъ рѣшительно; языкъ народа увлекаетъ весь народъ и влорочаетъ имъ по своей волѣ. Всѣ смиряются передъ его умственнымъ могуществомъ. Кто не хищничаетъ, тотъ не уважаемъ въ народѣ, молодежь его преслѣдуетъ насмѣшками; онъ въ старости будетъ безъ вѣса и уваженія; женщины его презираютъ. А черкешенки любятъ славу и доблесть: молодость мужчины, его красота и богатство ничего не значатъ въ глазахъ черкешенки, если ищущій ея руки не имѣетъ храбрости, краснорѣчія и громкаго имени. Черкешенка при выборѣ жениха всегда предпочитаетъ сѣдаго удалца юношѣ богатому и красивому. Если безславіе и неуваженіе есть удѣлъ дворянина, чуждающагося войны и хищничества, за то громкая слава сопутствуетъ смѣлому наѣзднику. Сочиняются пѣсни о его подвигахъ; имя его въ горахъ вездѣ извѣстно. Всѣ нынѣшніе старшины Закубанскаго края были «хаджиретами» — названіе, принятое хищниками съ 1835 г., когда воровство стало принимать религіозный характеръ. Хищничество и набѣги, особенно въ русскіе предѣлы, считаются у горцевъ дѣломъ душевспасительнымъ, а смерть, понесенная на хищничествѣ въ русскихъ предѣлахъ, даетъ падшему вѣнецъ шада (мученика).

VII *Семейная жизнь.* Черкеская княжна или дворянка отдается въ аталыки, гдѣ и остается до 12 или 13 лѣтъ, а иногда и до замужества. Обыкновенно княжна отдается на воспитаніе женѣ богатаго дворянина (тлахо-тлахъ), имѣющаго свой аулъ вблизи княжескаго аула. Аталычка учитъ дѣвушку женскимъ работамъ, объясняетъ ей будущее ея положеніе и обязанности. Какъ низшая по происхожденію, аталычка своей воспитанницѣ-княжнѣ отдаетъ въ домѣ первое мѣсто, наблюдаетъ

съ немъ строжайшій этикетъ. Дѣвушекъ грамотѣ не учать, кромѣ необходимыхъ молитвъ, дабы онѣ могли молиться дома и не ходить въ мечеть. Возвратившись изъ воспитанія въ отеческій домъ, дѣвушка остается до замужества при матери. Здѣсь на аульннхъ свадьбахъ она можетъ видѣть молодыхъ князей, танцовать съ ними; здѣсь молодой князь можетъ дать замѣтить княжнѣ свою любовь взглядомъ и выстрѣлами въ ея честь, когда она танцуетъ кафенырѣ (въ родѣ лезгинки). Разговоръ и объясненіе съ дѣвушкою не допускаются. Женихъ чрезъ друзей и довѣренныхъ женщинъ долженъ узнать чувства дѣвушки и тогда онъ сватается или уговариваетъ дѣвушку къ побѣгу. Если дѣвушка согласна на побѣгъ, то въ назначенный день, одѣвшись прилично, она ожидаетъ жениха ночью, вблизи аула. Женихъ является съ друзьями, схватываетъ дѣвушку на лошадь и скачетъ быстро, стараясь избѣгнуть погони. Бракъ посредствомъ похищенія считается благороднѣе брака по сватовству и избавляетъ жениха и сватовъ отъ многихъ непріятныхъ церемоній. Послѣ брака тотчасъ наступаютъ переговоры о «кальнѣ». Кальнѣ есть плата, вносимая женихомъ въ домъ родителей невѣсты, — обезпеченіе противъ непостоянства мужа, который, по неудовольствію или невозможности жить съ женою, захочетъ отправить ее въ родительскій домъ. Тогда кальнѣ есть ишѣніе отъ жены и средство ея жизни. За дворянку у черкесъ платится кальна 1200 рублей серебр., за крестьянку 600 рублей; величина же кальна за княжну зависитъ отъ того, изъ какого дома берется невѣста, — во всякомъ случаѣ не менѣе 2000 руб. сер. Часть кальна нужно уплатить тотчасъ послѣ свадьбы, деньгами или скотомъ, лошадыи и пр.; другая часть кальна остается въ семействѣ (мужа?), какъ собственность жены, и почти никогда не выплачивается. Обхожденіе мужа съ женою скромно и деликатно. Молодой мужъ не позволяетъ себѣ видѣть жену днемъ, а непремѣнно ночью и то украдкой. Видѣть жену днемъ, входитъ къ ней въ саклю и разговаривать съ нею въ присутствіи другихъ можетъ себѣ позволить только пожилой простолюдинъ, а князь

и дворянинъ никогда. Княгиня можетъ принимать у себя въ саклѣ родныхъ обоого пола и почетныхъ. Сакля мужа и кунацкая, гдѣ принимаютъ гостей, составляютъ особня строенія. Въ присутствіи княгини Темиргоевской, жены Джембулата Айтекова, одна женщина позволила себѣ какое-то незначительное неприличіе, кажется надѣла на свою голову, для шутки, головной уборъ княгини, бывшій въ то время въ ея рукахъ. Княгиня, не сказавъ ей ни слова, тотчасъ велѣла вооруженнымъ прислужникамъ идти на выгонъ и взять пару быковъ, принадлежащихъ этой женщинѣ. Быки были приведены на княжескій дворъ, убиты и отданы на съѣденіе княжескому двору и прислугѣ.

Женщины черкескія очень гордятся своимъ происхожденіемъ. Княгини и дворянки отлично знаютъ старшинство родовъ княжескихъ и дворянскихъ, важность каждаго рода; все это изустно передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Нравственность черкесскихъ женъ довольно строга; но примѣры невѣрности верѣдки, особенно у шапсуговъ. У нихъ больше всего случается невѣрность женъ, кровавыя исторіи и убійства за женщинъ. Не менѣе того шапсуги любятъ волокитство (петхалсеныхъ). Въ прежнее время нравы черкесъ были свободнѣе, и каждая женщина должна была имѣть своего любовника (ч-асъ). Это было вывѣской достоинства женщины. Мужья гордились тѣмъ, что жены ихъ любимы другими мужчинами.

Хотя многоженство дозволяется обычаемъ, но немногіе черкесы имѣютъ болѣе одной жены. Причина этому — дороговизна содержанія лишней жены, а главное — ревность женъ и ненависть ихъ между собою. Если у черкеса нѣсколько женъ, то каждая жена имѣетъ особую саклю и особую прислугу. Но это не всегда помогаетъ: жены, несмотря на отдѣльные жилища, не ладятъ между собою, и старшая жена, при малѣйшемъ предпочтеніи, оказанномъ второй женѣ, считая себя обиженной, обыкновенно призываетъ на помощь своихъ родныхъ, — начинается разбирательство, и иногда дѣло доходитъ до того, что мужъ или разводится съ первою женою, или долженъ отослать вторую жену домой.

Черкешенки не въ такомъ глубокомъ рабствѣ, какъ восточныя женщины. Обиженная мужемъ черкешенка терпитъ долго свое положеніе; но въ крайнемъ случаѣ она обращается къ роднымъ, которые требуютъ удовлетворенія отъ мужа.

Всѣ сословія женятся на равныхъ себѣ. Княжескія дѣти, происшедшія отъ неравнаго брака, называются тумаканами или джанканами и считаются не болѣе, какъ дворянами 2 разряда.

Когда крестьянка выходитъ замужъ за крестьянина другого владѣльца, то князь получаетъ отъ этого владѣльца калымъ, наличными деньгами 600 руб. серебромъ, изъ которыхъ часть, по своему усмотрѣнію, даетъ отцу дѣвушки.

Разводы допускаются. Мужъ, если считаетъ свою жену преступною, отсылаетъ ее въ домъ ея отца, потребовавъ возврата даннаго за нее калыма. Отсылка жены есть кровная обида и подвергаетъ мужа большимъ непріятностямъ, а иногда и кровомщенію со стороны братьевъ и семейства жепы. Для расторженія брака, мужъ призываетъ муллу и двухъ свидѣтелей и объявляетъ женѣ, что онъ отказывается отъ брака съ нею, при чемъ называетъ ее по фамиліи ея отца. Послѣ этого жена можетъ уѣхать къ отцу. Еслибы послѣ того мужъ раздумалъ и хотѣлъ взять ее вторично, то, безъ согласія на это жены, мужъ не имѣетъ никакого права взять ее насильно у отца. Жена, безъ согласія мужа, не можетъ его оставить, исключая только двухъ случаевъ: 1) если мужъ принялъ христіанскую вѣру, а жена осталась магометанкой, и 2) случай физической неспособности. Въ такомъ случаѣ жена имѣетъ право требовать развода и, если мужъ не сознается въ неспособности, то ему дается годичный срокъ для поправленія здоровья; если, по истеченіи года, жена будетъ продолжать жаловаться, то мужъ обязанъ доказать противное при свидѣтеляхъ. Но до этого дѣло не доходитъ никогда; жена возвращается домой и калымъ мужу не отдаетъ.

VIII. *Наслѣдство.* Послѣ смерти отца, сныновья дѣлятъ между собою поровну наслѣдство. Старшій сынъ имѣетъ преимущество; сверхъ своей части, онъ имѣетъ право выбирать

себѣ изъ каждаго рода вещей по одной лучшей, наприм. одну лошадь, одного быка, одну шашку и проч. Младшій сынъ, сверхъ своей части, получаетъ одну какую нибудь вещь, напр. лошадь или шашку. Средній сынъ получаетъ только свою часть. Дочери по адату ничего не получаютъ въ наслѣдство; по шаріату же дочь получаетъ шестую часть тереве, т. е. такого имущества, которое досталось отцу ея по наслѣдству отъ умершихъ родственниковъ.

IX. *Право поземельной собственности.* По понятіямъ черкесъ, земля принадлежитъ не лицу, но цѣлому обществу. Вода и лѣсъ принадлежатъ всѣмъ безъ исключенія. Если сосѣднее общество займетъ подъ посѣвъ или пастьбу участокъ, ему не принадлежащій, то возникаютъ споры между обществами. Рубка лѣсу на топливо и постройки въ чужомъ обществѣ не воспрещается. Каждое семейство беретъ себѣ земли, сколько ему нужно для запашки. О продажѣ земли, передачѣ ея въ наслѣдство, уступкѣ за калымъ, не было никогда рѣчи, и русскіе первые познакомили черкесъ съ мыслию, что землю можно превратить въ деньги.

Усадебныя земли заняты аулами, принадлежащими князь-ямъ и лицамъ другихъ разрядовъ. Вблизи княжескаго жилья (уна, домъ) расположенъ аулъ князя (пше-уна-хабль); тамъ живутъ его крестьяне и вольноотпущенные, занимающіеся земледѣліемъ и пастьбой скота. Половина ихъ труда принадлежитъ князю. Отдѣльная часть усадебной земли въ томъ же аулѣ занята саклями «пше-уна-оггъ», или вольныхъ жителей и дворянъ, составляющихъ такъ назыв. «домъ» князя. Въ случаѣ поѣздокъ князя пше-уна-оггъ составляютъ свиту князя, ходятъ съ нимъ на войну. На обязанности же пше-уна-оггъ лежитъ доставленіе помѣщенія и продовольствія для свиты княжескихъ гостей. Кромѣ указанныхъ случаевъ, пше-уна-оггъ не несутъ никакихъ обязанностей и не платятъ князю дани. Но если князь обѣднѣетъ и лишится всѣхъ своихъ крестьянъ, то весь пше-уна-оггъ долженъ въ совокупности распределить по-

дневно полевые работы для своего князя, такъ чтобы могло быть обеспечено годовое продовольствіе князя и его семейства.

Деревня, гдѣ живетъ самъ князь или владѣтельный дворянинъ, называется уоркъ-коджъ, для отличія отъ другихъ деревень, въ которыхъ не живетъ князь или владѣтельный дворянинъ, а живутъ только дворяне меньшихъ разрядовъ, причисленные къ владѣнію князя. Деревня (куоджъ) дворянина (тляхотляжа) устроена такъ-же какъ и князя; кромѣ того, въ аулѣ дворянина живутъ дворяне (уорки) 2-го и 3-го разрядовъ, причисленные къ фамиліи тляхотляжа. Тляхъ-тляжъ такой же хозяинъ въ своемъ собственномъ аулѣ, какъ князь въ своемъ.

Князь съ подвластныхъ не беретъ никакой дани за землю, какъ и тляхотляжъ съ своихъ подвластныхъ. О подати черкесы понятія не имѣютъ, а каждый владѣлецъ живетъ тѣмъ, что для него сдѣлаютъ его крестьяне. Вообще обязанности подвластныхъ къ князю незначительны; въ большой Кабардѣ князь получаетъ съ подвластныхъ ясакъ медомъ, дровами и барантомъ, но это есть право завоевателя, неизвѣстное за Кубанью.

По обширности земель, прежде занимаемыхъ черкесами, они никакой цѣны земли не приписывали, но теперь начинаютъ чувствовать стѣсненіе.

Переселенія ауловъ съ мѣста на мѣсто очень часты: истощивъ кругомъ себя землю, аулъ переходитъ на другое мѣсто. Для земледѣлія черкесу нужно немного земли; садоводствомъ и огородничествомъ рѣдко занимается черкесъ за Кубанью. Переселеніе черкесскихъ ауловъ развивается по мѣрѣ утвержденія русскихъ въ краѣ: черкескіе народы, которые не хотятъ имъ покоряться, отступаютъ дальше въ лѣса и трущобы за р. Бѣлую. Аулы, переселяясь, выбираютъ крѣпкія мѣста и стараются имѣть вблизи селъ лѣсъ, куда бы можно было скрыться въ случаѣ нападеній. Искусственное укрѣпленіе ауловъ прежде не было извѣстно черкесамъ и только въ послѣднее время черкесы стали укрѣплять аулы перекопами и завалами на манеръ чеченскихъ ауловъ.

X. *Гостепримство* есть одна изъ важнѣйшихъ добродѣ-

телей черкеса всѣхъ сословіи. Гость пріѣзжаетъ со свитою къ какому нибудь князю или тяхотляжу и живетъ у него недѣлю или двѣ, или сколько ему заблагоразсудится; выѣзжая, приговорится къ подарку и получаетъ его. Хозяинъ обязанъ отъѣзжающаго гостя проводить до границы своихъ земель; тягости гостепримства уравниваются взаимностію, потому что двери всякаго открыты для всѣхъ. Бѣднѣйшія сословія такъ же гостепримны, какъ и высшія, и бѣднѣйшій человѣкъ, даже крестьянинъ, угощаетъ, чѣмъ можетъ, накормитъ гостя, его свиту и лошадей, сколько бы дней и недѣль ни прожили они. Чего черкесъ самъ не имѣетъ, то займетъ у сосѣдей. Неполненіе обычая гостепримства считается у черкесъ большимъ порокомъ; у нихъ есть пословица: «ты ѣшь одинъ (не дѣлясь) какъ ногайскій князь». Беслинеевскіе крестьяне слывутъ у черкесъ скупцами и негостепримными; а у прикубанскихъ нагайцевъ нѣтъ даже кунацкихъ, исключая князей.

Князь или тяхотляжъ, извѣстные своими богатствами, несутъ большія обязанности. Кромѣ обязанностей гостепримства, они должны быть щедры и дѣлиться своимъ добромъ. Къ нимъ, напримѣръ, пріѣзжаетъ такъ называемый «гость съ просьбой» (хаче-уако) и, проживъ у нихъ сколько заблагоразсудилось, проситъ князя подарить ему 10 лошадей да 20 быковъ, да сотню другихъ овецъ или крестьянина, и князь обязанъ удовлетворить просителя.

XI. *Поединокъ*. Оскорбленіе чести у черкесъ всегда разрѣшалось поединкомъ; даже ихъ междоусобныя войны нерѣдко оканчивались поединкомъ знаменитѣйшихъ наѣздниковъ. Въ прежнія времена единоборство было въ ходу у черкесъ до такой степени, что наѣзники, получившіе извѣстность и славу въ народѣ, искали себѣ достойныхъ соперниковъ, при встрѣчѣ съ ними искали поводовъ къ ссорѣ и вступали въ единоборство, чтобы рѣшить, кто изъ нихъ долженъ пользоваться болѣе громкою славой и извѣстностію. Поединки бывали всегда «на неминуемую смерть»: побѣдитель имѣлъ право поступить съ побѣжденнымъ, какъ съ убитымъ, т. е. снять съ него оружіе

и обобратъ его до нитки, что навсегда покрывало побѣжденнаго безчестіемъ. Поединки сохранились въ полной силѣ у хевсуретъ, но у черкесъ, особенно ближайшихъ къ намъ, обычай этотъ уже устарѣлъ.

ХІІ. *Куначество*. Въ прежнія времена, когда междоусобныя войны раздирали маленькія черкескія княжества, каждый черкесъ, вступивъ въ границы земель чужаго владѣнія, былъ считаемъ какъ непріятель и иностранецъ, т. е. подвергался опасности быть убитымъ, ограбленнымъ или проданнымъ какъ невольникъ куда нибудь на востокъ. Чтобы не подвергаться этому, онъ долженъ былъ имѣть въ чужомъ обществѣ вліятельнаго кунака, т. е. покровителя, на котораго въ случаѣ надобности онъ могъ бы положиться. И потому куначество было весьма важнымъ обычаемъ между всѣми горами, а въ особенности между черкесами. Покровитель (кунакъ) и прибѣгшій подъ его защиту черкесъ были тѣсно связаны между собою, и никто не могъ обидѣть кліента, не подвергаясь неизбѣжному ищенію кунака. Въ настоящее время, когда черкесы видимо стремятся къ единству и стараются устроить у себя центральную власть, когда вмѣстѣ съ этимъ внутренніе раздоры видимо ослабѣли, черкесъ не подвергается уже прежней опасности: онъ вездѣ у сосѣдей какъ дома. Но, слѣдуя древнему обычаю, онъ все таки не можетъ обойтись безъ кунака, котораго бы могъ его выручить въ случаѣ ссоры, драки, убійства или воровства. Кунакомъ въ горахъ, разумѣется, можетъ быть только князь или владѣтельный дворянинъ, котораго имя и вліаніе имѣютъ вѣсь въ горахъ.

Каждый иностранецъ, безъ различія его происхожденія и вѣры, имѣющій вліятельнаго кунака въ одномъ изъ горскихъ обществъ, совершенно безопасенъ въ этомъ обществѣ. Такимъ образомъ, всѣ иностранцы, посѣщавшіе секретно горскія племена, живущія по берегу Чернаго моря, отправляясь изъ Турціи, должны были имѣть рекомендаціи на имя шапсугскихъ и натухайскихъ владѣтельныхъ князей, которые дѣлались ихъ кунаками, т. е. принимали ихъ подъ свое покровительство.

Одни русскіе изъяты у черкесъ изъ этого права: ни одинъ князь не можетъ быть кунакомъ русскаго. Отчужденіе это началось еще въ началѣ XIX столѣтія и постепенно развивалось до 1840 г., когда новое ученіе (юримизмъ) до высшей степени развило у черкесъ ненависть къ русскимъ. Съ этого времени каждый русскій въ глазахъ черкеса есть «зе-пінъ», т. е. находится подъ кровомщеніемъ: черкесъ считаетъ для себя заслугой, гдѣ можетъ, тайно или открыто убить русскаго. Русскій дезертиръ, не смотря на всѣ обѣщанія хозяина, никогда не можетъ быть увѣренъ, что его хозяинъ самъ не продастъ его въ неволю, или за ничтожную плату не выдастъ дезертира обратно русскимъ. Черкесъ, добросовѣстно исполняя обѣщаніе, данное черкесу, считаетъ ни во что нарушить слово, данное русскому. Съ нѣкотораго времени, впрочемъ, дѣло стало измѣняться, — на народныхъ собраніяхъ черкесъ рѣшено бѣглыхъ русскихъ считать вольными людьми, хотя корыстолюбие беретъ верхъ, и всегда можно найти людей, которые украдутъ и выведутъ изъ горъ бѣглеца.

XIII. Военные обычаи. Закубанскіе черкесы, привыкнувъ къ политической раздѣльности, неподчиненные власти одного князя изъ своихъ, обыкновенно производятъ набѣги небольшими силами, мало способны къ правильной войнѣ. Малыя партіи болѣе опасны, чѣмъ большія сборища, затѣвавшіяся иногда черкесами, такъ какъ въ такихъ сборищахъ было столько же головъ для совѣта, сколько рукъ для боя. Успѣхи, оказанные чеченцами и лезгинами въ умѣнны употреблать военныя силы, еще не усвоены черкесами. Съ 1842 г. Шамиль постоянно посылаетъ возмутителей, съ титуломъ набовъ, въ Закубанскій край, съ порученіемъ стараться собрать воедино всѣ черкескіе и магометанскіе народы для наступительныхъ дѣйствій. Ради этого набвы старались ослабить власть князей и дворянства, уничтожить раздѣльность племенъ и захватить власть въ свои руки. По распоряженію набовъ собирались скопища; движенія ихъ имѣли цѣлю—заставить колеблющійся народъ приступить къ союзу и стараться силою поднять про-

тивъ русскихъ мирныя племена и увлечь ихъ за Лабу. Съ этихъ поръ явилось единоначаліе.

Въ случаѣ войны черкесскихъ народовъ между собою, все дѣло кончается барантованіемъ и мировою. Обиженный народъ собираетъ партію, скрытно идетъ на обидчика и старается отбить его табунъ или баранту. Если нападающему удастся послѣднее, побѣжденный высылаетъ депутатовъ для мировой. Когда условія приняты и плата за кровь опредѣлена, побѣдитель тотчасъ возвращаетъ баранту и заключаетъ миръ.

Малыя партіи отъ 16 до 50 человекъ вторгаются чрезъ Лабу на Кубань, имѣя цѣлю поживиться чѣмъ нибудь. Главнымъ путемъ вторженія служитъ волнистое пространство, ограниченное на Лабѣ укрѣпленіемъ Ахметовскимъ и Подольскимъ постомъ, а на Кубани—укр. Каменною башнею и ст. Вѣломечетскою. Переправившись на правый берегъ Кубани, партіи скрываются, высматриваютъ удобный случай и, совершивъ хищничество на Лабѣ или Кубани, даже на средней Кумѣ, уходятъ въ Баталпашинскій участокъ, а оттуда или къ вершинамъ Зеленчуговъ или Кумы. Какъ скоро партія успѣетъ переправиться обратно на лѣвый берегъ Кубани, она все равно, что дома. Ловить эти партіи очень трудно. Собираясь на хищничество, партія отлично «подъяруетъ»¹⁾ лошадей. Каждая большая или малая партія имѣетъ своего начальника—«дзепши» (внзъ войска), который, ведя партію, отвѣчаетъ за то, что она не попадетъ оплошно въ руки непріятеля. Если партія застигнута и окружена непріятелемъ, начальникъ партіи долженъ скорѣе погибнуть, чѣмъ бѣжать, оставивъ партію.

Партіи отъ 500 до 700 душъ—слишкомъ значительныя, чтобы скрытно пробраться на правый берегъ Кубани, и слишкомъ слабыя, чтобы дѣйствовать открыто. Обыкновенно стара-

---

¹⁾ «Подъярувать» лошадь значить приготовить ее къ скачку и трудному походу. Для этого дается лошади самое малое количество сѣна, за то дача ячменя или проса удваивается. Ежедневно лошадь проѣзжаютъ шагомъ. Оттого она дѣлается тонкой, жилистой и способной къ перенесенію трудовъ.

ются кинуться на Лабинскую линію, на пространства между Некрасовской, Владимірской и Урупской станицами. Съ устройствомъ Лабинской линіи, прорывы партій въ Усть-Лабинскій и Прочно-окопінскій участки совсѣмъ прекратились.

Большое сборище отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ всегда собиралось два раза въ годъ — весною и въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ. Раньше трехъ недѣль скопище собраться не можетъ, и русскіе всегда имѣютъ время собрать отряды и принять надлежащія мѣры. Недостатокъ продовольствія заставляеть партіи скоро разойтись; но бывали случаи при Хаджи Магометѣ, что скопище держалось въ сборѣ до шести недѣль. Большія сборища охотнѣе выдаются на Лабу, но главною ихъ цѣлью служить Ставропольскій или Баталпашинскій участки. Нѣкоторые народы, наприм. тфишебсы, дѣлають набѣгъ разъ въ годъ цѣлымъ народомъ, преимущественно на нижняго Лабу, стараются отбить скотъ и, если это удастся, послѣ того цѣлый годъ сидятъ тихо.

Бѣгство во время боя не считается у черкесъ стыдомъ, лишь-бы только партія при первой возможности оправилась и, занявъ удобную позицію, опять начала драться. За то считается постыднымъ, если партія застигнута въ расплохъ, если безъ боя отдала добычу, если у нея отбили лошадей и если, вступивъ въ дѣло, партія не вынесла изъ боя тѣлъ своихъ убитыхъ. Сдаться военнопленнымъ считается верхомъ безславія и потому никогда не случалось, чтобъ вооруженный черкесскій дворянинъ сдался въ плѣнъ. Крестьяне и баранчики, окруженные непріателямъ, тожо сопротивляются, но нерѣдко сдаются въ плѣнъ.

Что касается положенія у черкесъ плѣнныхъ, то плѣнниковъ изъ дворянъ или линейныхъ козачковъ и солдатъ сажаютъ въ яму, держатъ въ цѣпяхъ, кормятъ весьма дурно. Къ строгому надзору за плѣнными побуждаеть черкесъ какъ надежда получить хорошій выкупъ, такъ и опасеніе ихъ бѣгства. Пойманныхъ крестьянъ черкесы уводятъ подальше и обращаютъ въ своихъ пастуховъ и земледѣльцевъ, а въ случаѣ

перехода въ магометанскую вѣру, женить и водворяють на хозяйствѣ. «Земледѣльцу, говорятъ черкесы, все равно пахать, что у русскихъ, что у насъ, а дворянину не все равно — уйдетъ или умретъ».

XIV. *Сословія черкесскаго народа.* Черкесы имѣютъ своихъ князей (пши), разностепенное дворянство (уоркъ) и разностепенное сословіе крестьянъ и невольниковъ (пшитль). Абазохи, шапсуги, натухайцы, убыхи и нѣкоторые малые абазинскіе народы не имѣютъ князей, но дворяне и рабы существуютъ у всѣхъ народовъ.

По преданію черкесъ, кабардинцы и беслинеевцы считаются древнѣйшими черкесскими народами, поселившимися на сѣверной покатости Кавказа, — ихъ бытъ наиболѣе развитъ сравнительно съ другими черкесами ¹⁾. Князья у кабардинцевъ и беслинеевцевъ одной фамиліи: по преданію они происходятъ отъ Инала-Кеса (или Касая), родоначальника кабардинскихъ князей. Въ большой Кабардѣ насчитывается до девяти отдѣльныхъ классовъ:

1) Князья (пши) — потомки Инала-Касая; ихъ четыре фамиліи: Векиурзины, Кайтукины, Мисостовы и Атажукины.

2) Дворяне (уоркъ) 1-й степени; въ большой Кабардѣ они суть потомки Генартука грузинскаго князя: Анзоровы, Куденетовы, Коголковы и Тамбіевы. Этотъ классъ дворянъ называется тлехотль или тлехотляжъ ²⁾ и хотя подчиняется князьямъ, но считается владѣтельнымъ наравнѣ съ князьями.

3) Дворяне 2-й степени (беслень — уоркъ или тль — фокотль); они причислены къ княжескимъ или дворянскимъ ауламъ. Къ этому классу принадлежатъ незаконнорожденные изъ князей (тума).

4) Дворяне 3-й степени (уоркъша отлехуса) ³⁾ — дворовые

¹⁾ Рассмотрѣвъ подробно сословія упомянутыхъ обществъ, мы будемъ имѣть достаточное понятіе о сословіяхъ остальныхъ черкесскихъ народовъ.

²⁾ Отъ слова *тлэку* родъ, *тлэжэ* сила.

³⁾ У другихъ народовъ они называются *пшеума* — оны (пши — князь, уна — домъ, огъ — дворъ).

княжескаго дома, пожалованные въ узденя князьями за особенныя заслуги ¹⁾).

5) Отпущенники изъ рабовъ (азаты).

6) Княжескій собственный крестьянинъ (бесленъ — шпитель) ²⁾ — княжескіе люди. Къ этому же классу причисляются дворянскіе 1 разряда крестьяне (оггъ или уктъ, также просто шпитель) ³⁾. Они составляютъ собственность князей или дворянъ; половина ихъ труда принадлежитъ владѣльцу. При женитьбахъ они платятъ калымъ сами, а отдавая дочерей въ замужество, сами же получаютъ калымъ.

7) Дворянскій 2-го разряда крестьянинъ (тляхо-шао ⁴⁾) — дѣти одинокихъ пришельцевъ, которымъ князь или дворянинъ далъ въ жены свою крестьянку ⁵⁾. Половина ихъ труда принадлежитъ владѣльцу. Они отличаются отъ крестьянъ предыдущаго класса тѣмъ, что владѣлецъ, въ случаѣ женитьбы крестьянъ этого разряда, платитъ самъ калымъ за дѣвушку, а если дочь крестьянина 2-го разряда выходитъ замужъ, то владѣлецъ, а не отецъ дѣвицы, получаетъ калымъ.

8) Дворовая прислуга (лагуни-пши) ⁶⁾ — княжескіе комнатные люди.

9) Алгава — дѣти незаконно-рожденные: они не имѣютъ

¹⁾ Первоначально въ рукописи бар. Сталя говорилось здѣсь о двухъ классахъ: «4, дворяне 3 степени (уоркша отлехуса). 5, Узденя Пшехао (пши — князь, хао — сынъ), которыхъ можно назвать княжескими отроками, жонгоемъ князя; у другихъ народовъ она называютъ пше — уна — оггъ (пше — князь, уна — домъ, оггъ — дворъ), дворовые княжескаго дома». Но затѣмъ сдѣлана поправка, какъ обозначено въ текстѣ.

²⁾ Отъ слова пши — князь, тле — человекъ.

³⁾ Въ первоначальномъ текстѣ оба класса обозначены отдѣльно, какъ самостоятельныя сословія. Вторая половина статьи («они составляютъ» и пр.) составляетъ позднѣйшую прибавку; ея нѣтъ въ первоначальномъ текстѣ рукописи.

⁴⁾ Отъ слова тляхе — одинокій, шао — сынъ.

⁵⁾ Вся послѣдующая часть статьи: «половина ихъ труда» и пр. составляетъ позднѣйшую прибавку.

⁶⁾ Отъ слова лагуна — комната, пши — князь.

никакихъ правъ ни на личность свою, ни на собственность, и могутъ быть продаваемы въ одиночку отъ семейства¹⁾.

Эти девять классовъ можно свести къ пяти, именно: князя, дворяне владѣтельные, дворяне невладевательные, адаты и крестьяне.

Дворяне невладевательные могутъ владѣть крестьянами и имѣть деревни; но эти деревни съ ихъ владѣльцами причислены къ владѣнію одного изъ тляхотляжей. Въ этомъ и состоитъ все различіе дворянъ владѣтельныхъ отъ невладевательныхъ. Разсмотримъ теперь подробно всѣ эти сословія.

1. *Князь* (пши)²⁾ считается главою своего народа (чилле), начальникомъ его вооруженныхъ силъ. Народъ обязанъ его уважать, какъ высшаго по происхожденію, какъ старшаго между владѣтельными дворянами. Лицо, покусившееся на жизнь князя, будетъ непременно истреблено съ цѣлымъ семействомъ. Князь въ большой Кабардѣ беретъ съ подвластныхъ ясакъ (т. е. дань) хлѣбомъ, медомъ, дровами и барантою; у Закубаскихъ же черкесъ князь не беретъ никакой подати съ народа, а живетъ войною и тѣмъ, что для него работаютъ его собственные крестьяне.

Собственный конвой князя составляютъ его шие-уна-оггъ, пшишь-уоркъ и пши-хао (княжескаго дома дворъ, княжескіе дворяне и княжескіе отроки), все люди вольнаго происхожденія, живущіе около княжескаго аула, ловкіе наѣздики и хищники. Черкесы очень уважаютъ своихъ князей, если видятъ въ нихъ доблесть и справедливость; за доброе слово готовы

¹⁾ Въ первоначальномъ текстѣ вся эта статья состояла только изъ словъ: «служанка въ прислугѣ (Алгава)».

²⁾ Слово *пши* соответствуетъ русск. господинъ, владѣлецъ, государь, западно-слав. панъ. Когда говорится о князѣ, какъ владѣльцѣ деревни (куоджъ), то онъ называется куодже-пши; когда говорится о немъ, какъ начальникѣ, владѣльцѣ народа (чилле), то онъ называется чиллеп-пши. Государя Императора черкесы называютъ «пшишху», князь великій. Название «куодже-пши» дается безразлично князю и тляхотляжу, когда говорится о нихъ, какъ о владѣльцахъ деревни.

все сдѣлать для князя, переносятъ обиды терпѣливо, если князь ихъ обворовываетъ или обижаетъ; но есть всему предѣлъ. Случалось, что и знаменитые князья, но съ крутой волей, вооружали противъ себя народъ и недовольные ими уходили въ другія мѣста. Для любимаго князя народъ готовъ на всевозможныя жертвы, принимаетъ живое участіе въ его спорахъ и враждѣ, помогаетъ ему оружіемъ и запасами. Съ дворянами-владѣльцами (тляхо-тляжъ) князь долженъ ладить: они стоятъ подъ нимъ во главѣ народа, могутъ сопротивляться князю и вредить ему. Съ бѣдными и слабыми князь иначе поступаетъ. Случается, что къ князю пріѣзжаетъ гость «съ просьбой» и проситъ князя подарить ему крестьянина. Князь не думаетъ дѣлать подарка изъ собственныхъ крестьянъ, но посылаетъ своего охотника на розыски: ловить какого-нибудь сироту, за котораго тляхотляжъ и родные не заступятся, и князь пойманнаго сироту даритъ гостю.

На народномъ собраніи (зауча) князь занимаетъ первое мѣсто и имѣетъ рѣшительное (а иногда и полновластное) вліяніе на рѣшенія собранія. Но для этого нужно, чтобы князь былъ рыцарь (тле-хупхъ) и имѣлъ даръ слова,—тогда онъ—первый «языкъ народа» (тлегубзыгъ).

Судебная расправа дѣлается по обычаямъ (адату), но князь, принимая кого-нибудь подъ свое покровительство, можетъ ускорить разбирательство.

Когда князь умираетъ, оставивъ нѣсколько сыновей, то народъ обыкновенно раздѣляется на части, и каждый тляхотляжъ со своимъ ауломъ признаетъ своимъ княземъ того изъ сыновей умершаго князя, который ему нравится. Такъ, по преданіямъ, гатукаевцы отдѣлились отъ темиргоевцевъ и образовали два отдѣльныхъ народа¹⁾. Бываютъ случаи, что и при

¹⁾ Въ одной старинной черкесской пѣснѣ сохранилась память о подобномъ раздѣленіи народа. По смерти князя народъ пожелалъ раздѣлиться. После долгихъ совѣщаній, оба княжескіе сыновья приказали народу уломить свое имущество на арбы и быть готовыми къ движенію. На слѣдующій день съ разсвѣтомъ оба молодые князья, сѣвъ на лошадей, поѣхали шагомъ на-

жизни князя часть народа переходитъ отъ него къ другому, младшему брату. Такъ, жена Джамбулата темиргоевского, урожденка Копокона, враждовала съ женою егерукаевского тляхотляжа Мамать-Али Бзагумова. Бзагумовъ съ частью егерукаевцевъ перешелъ отъ Джамбулата къ младшему его брату Шеретлуку Болотокову и затѣмъ, переселившись съ нимъ на Лабу, покорились русскимъ. Видя себя оставленнымъ большею частию народа, Джамбулатъ съ остальнымъ народомъ переселился къ бѣжавшимъ, покорился Россіи и тѣмъ возстановилъ единство своего владѣнія.

Въ случаѣ раздѣленія народа на части, въ интересѣ князя было помирить и уничтожить неудовольствія, — народъ опять соединялся подъ властію князя.

Случаи пресѣченія дома владѣтельнаго князя очень рѣдки. Тогда тляхотляжи должны выбрать себѣ изъ князя одного изъ родственниковъ умершаго князя. Рассказываютъ, что нѣкогда князь Болотоковъ, убитый въ дѣлѣ, оставилъ молодую жену безъ потомства. Тляхотляжъ Догужіевъ на первыхъ же порахъ убѣдилъ молодую княжескую вдову имѣть съ нимъ связь, и родившійся отъ этой связи сынъ былъ признанъ всѣми тляхотляжами законнымъ сыномъ Болотоковыхъ и наследовалъ власть.

Значеніе князей стало падать прежде всего подъ русскимъ вліяніемъ. Потерявъ свою независимость и видя, что приставъ русскій имѣетъ силы больше князя, народъ перестаетъ его уважать. Нерѣдко на сходкахъ возникаютъ толки о томъ, нуженъ ли князь при подчиненіи народа русскому правительству, — нужно ли сохранить за княземъ тѣ выгоды, которыя народъ предоставляетъ ему доселѣ? Теперь въ обществахъ нерѣдки споры о платежѣ ясака князьямъ, на томъ основаніи, что, покорившись Россіи, они не нуждаются въ вооруженной защитѣ

дній въ разную сторону. Часть народа (кто какъ хотѣлъ) последовали за однимъ, часть за другимъ княжескимъ сыномъ. Къ вечеру оба князя оставались за 40 верстъ одинъ отъ другаго и жители, сгруппировавшись около своихъ князей, построили сакли и съ этого времени образовали два самостоятельные народа.

своихъ владѣльцевъ. Такъ, въ недавнее время осетины под-
няли вопросъ подчиненности противъ своихъ ельдаровъ, ди-
горцы противъ своихъ бадилатовъ, нагайцы противъ своихъ
мурзь и султановъ. Бывали нерѣдкіе примѣры, что враждеб-
ный намъ князь, помирившись съ нами, вдругъ лишался вся-
каго вѣса и вліянія. Нѣтъ сомнѣнія, что успѣхи русскаго
оружія на Кавказѣ совершенно поколебали у черкесъ власть
князей.

Другая опасность угрожаетъ князьямъ со стороны юри-
дизма, который стремится къ уравнию всѣхъ горцевъ и унич-
тоженію правъ и преимуществъ дворянства. Наибъ, посылае-
мые въ Закубанскій край Шамилемъ, постоянно стараются
утвердить свою власть во вредъ князьямъ. Хаджи Магометъ
не одного князя потянулъ плетью, а когда тотъ потребовалъ
у него разбирательства, то Хаджи Магометъ, опираясь на свя-
тость своего сана, отказалъ въ разбирательствѣ князю. — Ма-
гометъ Аминъ женился на Болотоковой, сестрѣ темиргоевскаго
князя, — примѣръ неслыханный неравнаго брака княжны съ да-
гестанскимъ настухомъ. Тотъ же Магометъ Аминъ разстрѣлялъ
нахшевскаго князя Магомета Багарсокова. Итакъ, юридизмъ
съ одной стороны, а успѣхъ русскаго оружія съ другой, ко-
леблятъ власть князей, доселѣ столь твердо стоявшую, уко-
рененную незапамятными обычаями народа.

2. *Тляко-тляжъ*. Народъ раздѣляется на дворянскіе ро-
ды (тляку). Каждый родъ живетъ не вѣсть, но по семейст-
вамъ и тамъ, гдѣ захочетъ. Не менѣе того, каждое дворянское
или вообще свободное семейство (тльфокотъ и ореша отлеху-
са) со своими крестьянами причислено къ своему тляхотляжу,
т. е. владѣльцу. Въ каждомъ черкескомъ народѣ не болѣе
двухъ или трехъ семействъ тляхотляжей.

Тляхотляжъ есть владѣлецъ въ своемъ аулѣ. Онъ имѣетъ
своихъ крестьянъ, которые работаютъ для него или связаны
съ нимъ условіями. Въ его аулѣ живутъ дворяне (уоргъ)
меньшихъ разрядовъ со своими крестьянами и признаютъ тля-
хотляжа своимъ главой. Тляхотляжъ повинуется князю, хо-

дять съ нимъ на войну или посылаетъ ему своихъ воиновъ; но, кромѣ уваженія къ особѣ князя, онъ не несетъ никакихъ обязанностей. Онъ — самостоятельная власть въ своемъ аулѣ. Въ случаѣ неудовольствія къ князю, тляхотляжъ имѣетъ право удалиться съ своимъ ауломъ въ другое какое угодно общество. За обиду, причиненную княземъ тляхотляжу, не только весь его аулъ, но и всѣ равные ему тляхотляжи, вступаются. Князь долженъ стараться помириться съ тляхотляжемъ; если князь допустить, что тляхотляжъ со своимъ ауломъ уйдетъ отъ него, или, по выраженію черкескому, «потеряетъ тляхотляжа», то это бросаетъ на князя пятно. Поэтому такіе примѣры очень рѣдки. Въ недавнее время былъ только одинъ примѣръ. Беслинеевскій тляхотляжъ Кодзъ, недовольный княземъ Коволовымъ, перешелъ со всѣмъ своимъ ауломъ къ темиргоевцамъ, а когда темиргоевцы бѣжали за Вѣлюю, Кодзъ со своимъ ауломъ поселился на Кубани, гдѣ его аулъ живетъ и понынѣ среди мирныхъ ногайцевъ.

3. *Уоркъ второй и третьей степени* живутъ съ семействами въ аулахъ тляхотляжей, по вызову которыхъ дворяне обязаны идти на войну. Ихъ положеніе зависитъ отъ того, имѣютъ ли они крестьянъ. Тляхотляжъ обыкновенно даетъ тльфокотлю вспомошествованіе скотомъ и запасомъ. Это называется уоркъ—тнякъ. Если тльфокотль не поладитъ съ тляхотляжемъ, то со своими крестьянами удаляется къ другому тляхотляжу и причисляется къ его аулу; въ такомъ случаѣ онъ долженъ возвратитъ прежнему тляхотляжу подаренный ему уоркъ—тнякъ. Но это перемѣщеніе дворянъ случается рѣдко, и тляхотляжъ, «потерявшій дворянина», не употребившій усилій, чтобы помириться съ нимъ, пользуется дурнымъ имѣніемъ и охлажденіемъ къ нему другихъ дворянскихъ фамилій его аула.

Переходя въ чужое общество, тльфокотль освобождается отъ подчиненности своему тляхотляжу. Если онъ переходитъ въ черкеское общество, имѣющее князей, то онъ обязанъ причислаться къ одному изъ тляхотляжей того общества. Если же

онъ перейдетъ на жительство въ абазехи, то, избравъ себѣ мѣсто жительства, водворяется тамъ безъ всякихъ условій.

Здѣсь надо замѣтить, что тляхотляжъ у абазеховъ и у шапсуховъ не имѣетъ такого важнаго значенія, какъ у черкескихъ народовъ, имѣющихъ князей. Въ общинахъ, не имѣющихъ князей, народъ раздѣляется на самостоятельныя общества (псухо); каждое псухо управляется само собою, своими старшинами. Объ этомъ подробно будетъ сказано ниже.

У кавказскихъ народовъ дворянство, по всей видимости, не произошло изъ лона самаго народа. Почти вездѣ дворянинъ есть воинственный пришелецъ, завоевавшій или добровольно призванный пастушескою общиною, защищающій эту общину и получающій за это ясакъ или плату. Такъ, у осетинъ емьдари суть потомки бѣглыхъ, лишенныхъ престола, армянскихъ царей; у дигорцевъ бадилаты суть потомки мадырина Бадѣли: въ большой Кабардѣ, у беслинеевцевъ и абазинцевъ князья считаютъ себя происходящими отъ арабовъ, что впрочемъ не вѣроятно. Князья темиргоевскіе, гатукаевскіе и бжедухскіе считаются происходящими отъ Инала-Кеса и родными владѣтельными князьямъ Абхазіи и Кабарды.

Изъ трехъ народовъ, обитающихъ на сѣверномъ склонѣ Кавказа, черкесъ, осетинъ и чеченцевъ, у первыхъ двухъ аристократическое начало сильно выражено; у чеченцевъ же нѣтъ никакого слѣда аристократіи: чеченцы хвалятся тѣмъ, что они всѣ равные, всѣ дворяне, и что князей никогда у нихъ не бывало.

Чеченцы тоже имѣютъ свои преданія. Родоначальниками ихъ считаются Нашхо и Джахго. Отъ Нашхо произошли три, до сихъ поръ существующія, фамиліи: Го, Нашхо и Мозгорой. Отъ Джахго произошла важная и понынѣ по вліянію на народъ фамилія Чендухой. Прочія чеченскія фамиліи: Пешхо, Цонторой Мурдышевыхъ и Дудаевыхъ считаются менѣ важными. У назрановцевъ считается четыре родоначальныхъ фамилій: 1) Цехенбухъ, 2) Гарцъ Маіерзо, 3) Каратышъ Шарифвичъ и 4) Даутылыго. Когда шамхаль Тарковскій, тревожимый че-

ченцами, искалъ у нихъ мира и получилъ его, то чеченцы давали ему постоянно аманатовъ изъ четырехъ главнѣйшихъ фамилій: Го, Нашхо, Мозгорой и Чендухо. Чеченецъ расскажетъ свои родоначальныя фамилии и тутъ же прибавитъ, что это фамилии не княжескія и не владѣльческія, что всѣ чеченцы равны между собою, всѣ безъ различія дворяне, князей никогда у нихъ не было, и что чеченцы никогда никѣмъ не были завоеваны.

Черкесское дворянство (уоркъ) образуетъ третью часть всего черкесскаго народонаселенія. Въ Закубанскомъ краѣ и у народовъ, живущихъ по Черноморскому берегу, считается болѣе 100 т. дворянъ. Каждое княжеское или дворянское семейство имѣетъ свой гербъ (тапта). Гербы рѣдко вырѣзываются на оружіи, еще рѣже для печатей, а употребляются преимущественно для тавренія конскихъ табуновъ. Тапты состоятъ изъ различныхъ крючковъ и математическихъ фигуръ, сплетенныхъ между собою.

Поземельной собственности, отдѣльно отъ своего народа, князья и дворяне у черкесъ никогда не имѣли. Такъ по крайней мѣрѣ видно изъ многихъ споровъ, затѣваемыхъ общинами противъ своихъ князей.

Въ числѣ князей и дворянъ черкесскихъ есть также потомки Крымскихъ хановъ (хануко), поселившіеся здѣсь въ разныя времена. Князья черкескіе глубоко ихъ уважаютъ. Крымскіе гирей соединены всѣ родственными связями съ черкесскими князьями. Султанъ Капланъ Гирей жилъ у егерукаевцевъ, Шаанъ Гирей живетъ у гатукаевцевъ, Султанъ Еригъ жилъ у визильбековцевъ. Многія султанскія фамиліи живутъ у шапсуговъ.

У абазеховъ, шапсуговъ, натухайцевъ и убыховъ нѣтъ князей; но есть дворянство — уоркъ и тляхотляжи. У абазеховъ, въ числѣ туземныхъ тляхотляжей, есть татарская фамилія Едиковъ, живущихъ въ обществахъ Туба, Темдаши и Джонгетъ-Хабль; но аристократическое начало въ этихъ обществахъ ослабѣло. Распространеніе вліянія шаріата и мурдизма есть смертельный ударъ для черкесскаго уорка.

4) *Крестьяне* (пшитель, — оггъ, лагуни пши). Всѣ эти несвободные люди составляютъ собственность своихъ князей или тляхотляжей. Половина труда крестьянина по обычаямъ принадлежитъ его помѣщику. Князь или тляхотляхъ имѣетъ право продать или подарить все семейство крестьянина; но продажа семейства въ раздробленіе, въ разныя руки, не принята по обычаю. Всѣ крестьяне имѣютъ оружіе и владѣютъ имъ такъ же, какъ и дворяне. Положеніе ихъ не такъ тяжело, и обиженные крестьяне могутъ удалиться къ другому владѣльцу и просить его покровительства. Вырвали (рѣдкіе впрочемъ) примѣры ищенія обиженныхъ крестьянъ противъ владѣльцевъ. Бѣгство крестьянъ въ русскіе очень рѣдко случается. Все, что крестьянинъ имѣетъ и нажилъ себѣ, составляетъ его собственность; впрочемъ, если владѣлецъ продаетъ крестьянина съ семействомъ другому владѣльцу, то все имущество крестьянина, какъ то: домашній скотъ и лошади, остаются собственностію прежняго владѣльца, исключая одежды и домашней рухляди. Покупающій семейство крестьянина можетъ купить у владѣльца весь крестьянскій скотъ. Въ случаѣ смерти крестьянина имущество его дѣлятъ между собою его дѣти и владѣлецъ въ это не вмѣшивается.

XV. *Народныя общества у черкесов*¹⁾. На пространствахъ между р. Бѣлою (Шаугваше), отъ вершинъ ея до впаденія въ р. Кубань, по р. Шехѣ, Пшишу, Псекупсу, Абиану, Афицсу и прочимъ притокамъ нижней Кубани, по долинамъ рѣчекъ, впадающихъ въ Черное море на пространствахъ между крѣп. Анапой и р. Взыбъ, живутъ народы черкесскаго племени, еще независимые, и число ихъ душъ достовѣрно намъ не извѣстно. Народы эти суть: абазехи, большой шапсугъ, нахто-куаджъ, малый шапсугъ, убыхи, ворданъ цахе, агзахъ, ахучипси, псху.

¹⁾ Въ настоящей главѣ бар. Сталь говоритъ объ устройствѣ «демократическихъ» обществъ абазеховъ и другихъ черкесскихъ племенъ, не имѣвшихъ князей, тогда какъ въ предыдущей (XIV) главѣ рѣчь шла объ «аристократическомъ» устройствѣ беслинеевцевъ и другихъ племенъ, управлявшихся князьями.

Всѣ эти народы въ союзѣ между собою и въ 1841 г. подписали памятный у черкесѣхъ дефтеръ, положившій основаніе ихъ союзу.

У всѣхъ этихъ народовъ князей нѣтъ; но есть дворянство (уоркъ) и классъ крестьянъ. Абазехскій народъ (абазехе чилаго) раздѣляется на общества (хабль), другъ отъ друга независимыя и неравныя силою¹⁾. Общества Туба, Темдаши, Джангетъ-Хабль и Дауръ-Хабль, въ 1846 г., въ первый разъ вступили было съ русскими въ мирныя сношенія.

Каждое изъ этихъ обществъ дѣлится на большее или меньшее число общинъ (псухо). Общины независимы другъ отъ друга и связаны между собою союзами, дружбою и семейными связями. Величина псухо или общинъ неравная; въ каждомъ псухо считается отъ четырехъ до десяти деревень.

Каждое псухо управляется своею мірскою сходкою (зауча), гдѣ обсуждаются и рѣшаются всѣ вопросы общины. На мірской сходкѣ примымъ образомъ участвуютъ всѣ дворяне (уорки) общины, а большимъ вліяніемъ пользуются почетные старшины (томата) изъ важнѣйшихъ дворянскихъ фамилій. Крестьяне могутъ присутствовать на зауча; но голоса никакого не имѣютъ.

Составъ народа и раздѣленіе на сословія у абазеховъ тѣже, какъ и у черкесъ, имѣющихъ князей; но у абазеховъ больше равенства между сословіями. У нихъ есть также сословіе первостепенныхъ дворянъ (тлахотляжей); вѣроятно, они имѣли прежде тоже важное значеніе, какое имѣютъ понныя тлахотляжи у темиргоевцевъ и кабардинцевъ; но въ настоящее время это исчезло, такъ что тлахотляжу осталось одно имя. Власти онъ не имѣетъ никакой,—его власть отняла мірская сходка. Какъ слѣдъ прежняго значенія, осталось только то, что первостепенныя фамиліи оставили свое названіе нѣкоторымъ абазехскимъ обществамъ (хабль) и общинамъ (псухо). Такъ наприм., община Верзекъ-Хабль именуется по фамиліи

¹⁾ Общества эти перечислены выше, въ I главѣ.

Берзеконъ, общество Джангетъ-Хабль — по фамиліи Джангетовъ и пр.

Положеніе несвободнаго класса (крестьянъ) тоже, что у черкесъ, управляемыхъ князьми.

Населеніе абазехъ большое. Долины ихъ рѣчекъ биткомъ набиты народомъ. Въ землѣ нѣтъ большого недостатка, но нѣтъ большого излишка. Землю абазехи дорожатъ и бывали прищѣры, что участки обработанной земли продавались.

До 1829 года народы, обитавшіе на Черноморской береговой линіи, натухайцы, шапсуги и абазехи, признавали надъ собою покровительство турецкаго султана. Тогда къ этимъ народамъ былъ занесенъ шаріатъ. Гусейнъ паша анадскій дѣятельно старался о его распространеніи. Не задолго до начала послѣдней турецкой войны 1828 года, по предложенію Гусейна пашы, абазехи и шапсуги уничтожили у себя власть тлахотляжей, обязались не имѣть у себя князей и судиться по шаріату. Съ этого времени гражданское развитіе получило нѣкоторое движеніе впередъ. Взаимныя распри между народами исчезли; учреждены у абазеховъ народныя суды (негкене) и ибары, т. е. общія народныя собранія, о чемъ скажемъ ниже.

XVI. Народное собраніе (за—уча). Черкескія общества искони управлялись своими мірскими сходками или собраніями народа. Кругъ дѣйствія этихъ собраній былъ сообразенъ съ потребностями обществъ. Здѣсь разрѣшались споры о землѣ, вопросы о войнѣ и мирѣ. Утвержденіе русскихъ на Дабинской линіи придадо мірскимъ сходкамъ болѣе объема и значенія. Чуждыя другъ другу, даже враждебныя, общины начали заключать между собою союзы и договоры (маслахатъ, блягата) и такимъ образомъ черкесы осознались, явился у нихъ общій интересъ. Междоусобная вражда или ослабѣла, или совсѣмъ уничтожилась. Народныя собранія нынѣ очень часты; безъ нихъ никакой важный вопросъ не разрѣшается старшинами. Черкесы имѣютъ даръ слова, а на собраніяхъ говорятъ много рѣчей. Голосъ старшинъ (въ особенности враждебныхъ рус-

скииъ) очень уважается, такъ же какъ голосъ ефендіевъ и от-
важныхъ наѣздниковъ. Происхожденіе, удалство, родственныя
связи и ученость въ магометанскомъ законѣ даютъ средства
возвыситься и управлять судьбою своего народа. Человѣкъ, от-
личающійся храбростію, знаніемъ обычаевъ и краснорѣчіемъ,
называется у черкесъ «языкъ народа» (тлегузынгъ).

По коренному обычаю черкесъ, каждое сельское общество
(хабль), каждая община (псухо), каждый народъ (чилле), со-
вершенно самостоятельны, никому не подчиняются, управляютъ
сами собою на мірской сходкѣ, судятся на народномъ судѣ по
адату (обычаю) или по шаріату. Общее народное собраніе
(за—уча или джеме) имѣетъ болѣе цѣлью разрѣшеніе спор-
ныхъ вопросовъ между обществами или принятіе мѣръ для об-
щей безопасности, т. е. всѣ вопросы о войнѣ и мирѣ. Важ-
нѣйшія народныя собранія въ послѣднее время были:

1) Собраніе абазеховъ, шапсугъ, убыхъ, верданъ, чаче,
ахучинси и абзахъ у Меаконы и на Пшехѣ, въ 1841 году,
въ слѣдствіе котораго былъ заключенъ союзъ между этими на-
родами противъ русскихъ (что утверждено было дефтеромъ
всего собранія) и устроено у абазеховъ пять народныхъ судовъ
(мегкеме). Главную роль игралъ на этомъ собраніи, въ числѣ
прочихъ, старшина Ташавъ Хаджи Дунавай. Собраніе это дли-
лось нѣсколько мѣсяцевъ.

2) Народное собраніе бѣглыхъ кабардинцевъ на Марухѣ
1846 года. Бѣглые кабардинцы учредили у себя народный
судъ (мегкеме). Главнымъ дѣятелемъ и языкомъ народа былъ
здѣсь Хаджи-Транъ.

3) Собраніе абазеховъ на Пшехѣ въ 1847 г., на кото-
ромъ рѣшено всѣ пять народныхъ судовъ, учрежденныхъ съ
1841 г., слить въ одно общее абазехское мегкеме. Главнымъ
дѣятелемъ и языкомъ народа былъ здѣсь Зеккерія Хатко, аб-
зехскій старшина, пользующійся у абазеховъ огромнымъ влія-
ніемъ.

4) Большое народное собраніе на р. Адагумѣ въ 1848 г.
Въ этомъ народномъ собраніи участвовали абазехи, шапсуги,

натухайцы и убыхи. Оно продолжалось цѣлый годъ (съ февраля 1848 по февраль 1849 г.) до прибытія за Кубань Шейха Магометъ Амина, агента Шамиля, которому Адагумское собраніе передало свою власть. Цѣль этого общаго народнаго собранія была очень обширная. Здѣсь высказывались съ большою подробностію и точностію тѣже самыя идеи, которыя въ первый разъ выразились на народномъ собраніи у Меакопы въ 1841 г. Цѣлью народнаго собранія было образовать общій союзъ всѣхъ черкесскихъ племенъ. На Адагумскомъ собраніи, которое пыталось дѣйствовать, какъ правильная организованная власть, рѣшено учредить настоящую военную силу, конныхъ «муртазиковъ», назначивъ изъ поголовнаго налога по 60 руб. сер. жалованья каждому изъ муртазиковъ. Народы, приступившіе къ союзу, должны были раздѣлиться на участки. Въ каждомъ участкѣ 40 присяжныхъ старшинъ должны были наблюдать за исправностію наряда. Муртазики должны были раздѣляться на сотни, каждая съ своимъ значкомъ. Народное собраніе рѣшило прервать всякія сношенія съ русскими и строго преслѣдовать «мирныхъ»¹⁾. Здѣсь было высказано много идей, свидѣтельствующихъ о практическомъ умѣ черкесскаго народа; но для приведенія этихъ идей въ исполненіе не нашлось ни

¹⁾ По сообщенію Карлгофа, черкесы согласились на Адагумскомъ собраніи «предоставить народному собранію власть надъ народомъ и ввести у себя то, чего у нихъ не достаетъ для установленія единства и порядка, а именно: учредить администрацію и земскую полицію. Для выполненія этого намѣренія, они положили принять слѣдующія мѣры:

а) «Принять постановленія народнаго собранія обязательными для всѣхъ обществъ и принуждать силой къ повиновенію тѣ изъ нихъ, которыя будутъ уклоняться отъ исполненія его повелѣній».

б) «Для доставленія народному собранію матеріальныхъ средствъ къ тому, чтобы постановленія его уважались, образовать и отдать въ его распоряженіе постоянное ополченіе, на содержаніи народа».

с) «Раздѣлить народъ на общины, каждую по 100 дворовъ, и поручить управленіе общинами избраннымъ ими старшинамъ, которыхъ обязать присягою исполнять распоряженія народнаго собранія и представлять ослушниковъ и преступниковъ на его судъ. Для поддержанія власти старшинъ назначить въ распоряженіе ихъ нѣкоторое число мутавазовъ». См. Рус. Вѣстн. 1860, № 16, стр. 544.

(Замѣч. издат.).

одного человѣка, который бы могъ твердой рукою управлять народомъ. Слѣзію черкесъ въ одно цѣлое надолго препятствовать будетъ сильно развитая самостоятельность общинъ и аристократическій элементъ, который не хочетъ отказаться отъ своихъ вѣковыхъ преимуществъ. Собраніе Адагумское то собиралось, то расходилось, то распадалось на отдѣльныя собранія; наконецъ, въ генварѣ 1849 года, Магометъ Аминъ, агентъ Шамиля, пробравшись изъ Чечни, появился у шапсуговъ, и Адагумское народное собраніе передало власть въ его руки.

Народное собраніе состоитъ изъ всѣхъ вольныхъ людей народа. Рабы на эту мірскую сходку не допускаются. Вооруженный народъ собирается преимущественно во время подножнаго корма, на условленномъ мѣстѣ, на курганѣ или урочищѣ, освященномъ обычаемъ. Масса назначаетъ уполномоченныхъ своихъ между ефендіями и старшинами. Когда избранные уполномоченные старшины обсудятъ и рѣшатъ предложенный вопросъ, старшій между ними по лѣтамъ и почету сообщаетъ собранному у подножія кургана народу, чѣмъ рѣшено дѣло. Если народъ согласенъ съ рѣшеніемъ старшинъ, то подають коранъ и народъ пообщинно присягаетъ исполнять свято это рѣшеніе. Послѣ присяги ефендій составляетъ актъ (дефтеръ); присутствующіе прикладываютъ къ нему печати (мухоръ) или пальцы, омоченные въ чернилѣ, и съ этого времени дефтеръ имѣетъ обязательную силу.

У народовъ, имѣющихъ князей, тоже бывають собранія и очень часто. Это въ народномъ духѣ: черкесы любятъ много говорить и слушать краснорѣчивыя рѣчи своихъ гле-губзиговъ. Но не долго черкесы соблюдаютъ то, что поклялись исполнять. Своеволіе, хищность, частный интересъ заставляютъ скоро забывать данную клятву, и нѣтъ принудительной силы, которая могла бы заставить ослушниковъ уважать и покориться приговору собранія. Оттого собранія народныя, по большей части, безплодны. Но въ рукахъ враждебныхъ намъ людей, эти народныя сѣзды—опасное орудіе для возбужденія вражды противъ насъ и поддержанія въ народѣ духа непокорности.

XVII. *Судебная расправа.* Маловажные споры рѣшаются у черкесъ безъ особенныхъ церемоній; но въ важныхъ случаяхъ, наприм. при преступленіяхъ, вынуждающихъ кровомщеніе, тяжущіяся стороны избираютъ себѣ уполномоченныхъ, въ родѣ адвокатовъ. Назначаются посредники отъ обѣихъ сторонъ, которые, выслушавъ дѣло, рѣшаютъ его. Въ важныхъ случаяхъ призываютъ въ посредники «языкъ народа», чтобы помирить обѣ стороны. Дѣло длится, пока посредники не дойдутъ до рѣшенія, на которомъ обѣ стороны готовы помириться. При разбирательствѣ важныхъ дѣлъ (по убійству или насилію), когда противныя стороны приходятъ на судъ, принимаются посредниками большія предосторожности, чтобы иногда не дошло до убійства. Обѣ стороны подходятъ на назначенное посредниками разстояніе, имѣя винтовки наготовѣ; нерѣдко завязывается перестрѣлка между тяжущимися. Во время разбирательства произносятся тле-губзыгами много рѣчей въ горскомъ вкусѣ. Приговоръ по адату или шаріату предоставляется выбору тяжущихся. Когда тяжущійся видитъ, что по адату выиграетъ дѣло, то настаиваетъ, чтобы его судили по адату, упирается на примѣры своихъ предковъ, о шаріатѣ же и слышать не хочетъ. Когда видитъ, что шаріатъ для него выгоднѣе, тогда тяжущійся прикидывается строгимъ фанатикомъ, хочетъ быть судимымъ не иначе, какъ по книгѣ Вожіей, «которой буквы изобрѣтены и посланы на землю самимъ Богомъ». — Уполномоченные берутъ съ тяжущихся деньги за свои труды, и потому ихъ интересъ — возбуждать разбирательства. Иногда тяжущіяся стороны готовы оставить дѣло; но уполномоченные поджигаютъ тяжущихся и дѣло продолжается долго. Когда обѣ стороны согласились на рѣшеніе посредниковъ, назначается по адату или шаріату удовлетвореніе. Тяжущіеся платятъ адвокатамъ и посредникамъ за ихъ трудъ, и дѣло кончается. Остается выигравшему дѣло получить удовлетвореніе, — проигравшій дѣло не охотно платитъ, а нѣтъ власти, кромѣ кровомщенія, чтобы принудить проигравшаго удовлетворить сыщцу.

Для примѣра разбирательства и судебной расправы у черкесъ, приведу одинъ случай, бывшій въ 1847 г.

Въ концѣ 1846 г. помощникъ пристава, поручикъ князь Бересланъ Карамурзинъ, посланъ былъ приставомъ съ нѣсколькими нагайцами, для розыска хищнической партіи. Возвращаясь назадъ, онъ на Урупѣ былъ настигнутъ беслинеевскими дворами Абазой и Омаромъ Тазартуковнмъ, Бахши Гиреемъ Докшуковнмъ, имѣвшими противъ Карамурзина кровавую обиду. Они кинулись на него, ранили изъ винтовки, погнавшись за уходящимъ, убили его лошадь и самого изрубили шашками.— Это произвело сильное волненіе между нагайцами, живущими по Кубани. Кипчаковскіе и Карамурзинскіе нагайцы тотчасъ же собрались, поспѣвали на Урупъ въ Тазартукову аулу, сожгли сакли убійць, сѣно и хлѣбъ въ скирдахъ и два баранкоша, принадлежащіе Тазартуковнмъ. Тазартуковы, не дожидаясь этого нападенія, съ семействами укрылись въ непокорные ташовскіе аулы. Это было началомъ кровомщенія. По обѣщанію, два народа, находящіеся между собою во враждѣ, не упускаютъ случая нанести другъ другу возможный вредъ. Такъ какъ беслинеевцы и нагайцы принадлежатъ къ числу покорныхъ намъ народовъ, то начальникомъ фланга были приняты всѣ мѣры не допустить до драки и склонить оба враждующіе народа къ разбирательству и примиренію. Какъ у нагайцевъ, такъ и у беслинеевцевъ, были между тѣмъ непрерывно народныя совѣщанія. Наконецъ, оба народа рѣшили съѣхаться въ Прочный-Окопъ, гдѣ должны были миролюбиво окончить дѣло. До этого же времени обѣщали удерживаться отъ всякихъ насильственныхъ поступковъ. Въ исходѣ малъ съѣхались нагайскіе князья всѣхъ прикубанскихъ фамилій въ Прочный-Окопъ; Даудъ ефендій, кадій нагайскій, Капланъ Нечевъ, Султанъ Азаматъ Гирей, были главными тле-губзыгами нагайцевъ. Беслинеевцы, тоже по вызову начальства, прибыли въ Прочный и остановились въ армянскомъ аулѣ. Главные предводители беслинеевцевъ были: князья Коноковъ и Шалоховъ, Крыжъ Гирей Доктуковъ, Кодзевъ и Сукуръ ефендій. Кромѣ

того, беслинеевцы пригласили въ посредники абазехскаго старшину Магомета Джаубатирова и кабардинскаго старшину Муштафу Еругова. Здѣсь вполнѣ выразилась осторожность и недвѣрчивость черкесъ. Не смотря на обѣщанія начальника праваго фланга, беслинеевцы боялись, чтобы нагайцы не воспользовались силою и не напали на нихъ во время переѣздовъ ихъ изъ армянскаго аула въ крѣпость и обратно, и выпросили у начальника фланга 15 человекъ казаковъ въ прикрытіе, чтобы нагайцы не смѣли напасть на нихъ. Долго оба народа совѣщались въ лицѣ своихъ ораторовъ и посредниковъ; по всему видно было, что беслинеевцы уклонялись отъ окончательнаго рѣшенія дѣла. Имъ все казалось, что начальство тянетъ на сторону нагайцевъ, и потому, чтобы какъ нибудь отдѣлаться, беслинеевцы положили съѣхаться съ нагайцами черезъ мѣсяць у Неванно-Минскаго Приставскаго Стана и тамъ опять начать разбирательство. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, повѣтому, собрались вновь беслинеевцы и нагайцы для разбирательства. Сначала нагайцы потребовали, чтобы на разбирательство явились лично Тазартуковы и Докшуконъ, убившіе Карамурзина. Но беслинеевцы отказали, отговариваясь, что это противно обычаю; въ сущности же они боялись, чтобы приставъ не заарестовалъ убійць. Послѣ многихъ споровъ, нагайцы уступили въ своемъ требованіи. Тогда родился вопросъ, какъ должны разбираться оба народа—по адату, т. е. по древнимъ обычаямъ, или по шаріату, основанному на коранѣ? Беслинеевцы настаивали, чтобы разбирательство было произведено по шаріату. Они имѣли въ виду платить меньше, потому что шаріатъ, уравнивая князя съ простолюдиномъ, назначаетъ за убійство обоимъ равную и не весьма значительную плату за кровь. Нагайцы настаивали, чтобы разбирательство и плата за кровь были произведены по древнимъ обычаямъ, назначающимъ плату за кровь, смотря по сословіямъ. Имъ хотѣлось взять съ беслинеевцевъ побольше. Послѣ долгихъ споровъ, беслинеевцы должны были уступить и, при посредничествѣ Азаматъ Гирея, Капланъ Нечева, Даудъ ефендія съ одной стороны, а съ дру-

гой — Джаубатырова, Иругова и Мемать Гирея Лоова, дѣло было рѣшено тѣмъ, что беслинеевцы обязались выплатить Карамурзину, отцу убитаго, опредѣленную по обычаямъ плату за кровь¹⁾. — Порѣшивъ плату за кровь и назначивъ для ней трехмѣсячный срокъ, обѣ стороны разѣхались по домамъ. Но прошелъ годъ и нагайцы продолжали считать беслинеевцевъ своими врагами и тайно воровать у нихъ скотъ и лошадей. Беслинеевцы неоднократно послали плату за кровь; но Карамурзинъ не принималъ оной. Оказалось, что беслинеевцы не выполнили одной формальности, за которую нагайцы обидѣлись. По обычаямъ, беслинеевцы должны были выслать къ отцу убитаго депутацію отъ своего народа, съ приглашеніемъ пріѣхать къ нимъ и получить плату за кровь; депутація должна была состоять изъ одного князя и одного дворянина съ приличною свитою. Беслинеевцы, какъ черкесы, считал нагайцевъ ниже себя породой, послали депутацію, состоящую изъ одного дворянина, и то посторонняго, не беслинеевца. Нагайцы отвергли приглашеніе и плату за кровь. Начальникъ фланга, узнавъ о причинѣ неокончанія спора и продолженія тайной вражды между обоими народами, приказалъ беслинеевскому старшинѣ князю Канокову и узденю Тазартукову отправиться къ Карамурзину съ приглашеніемъ, что и было исполнено. Въ іюлѣ 1848 г. дѣло было окончено; оба народа помирились.

Отсутствіе принудительной силы чувствовали абазехи, издавал дефтеръ 1841 г. Главныя статьи дефтера относятся къ виѣшной оборонѣ края, и объ этомъ будетъ сказано ниже. Абазехи рѣшились уничтожить у себя воровство, хищничество и измѣну, назначивъ огромные штрафы и наказанія. Для способствованія этому, они учредили у cadaго народа верховное судалище — меккеме, состоящее изъ судей, избранныхъ изъ среды старшинъ, подъ предсѣдательствомъ найба. Найбу ввѣрили власть исполненія приговоровъ суда. Найбъ ищетъ

¹⁾ Статьи этой платы подробно обозначены выше, въ гл. V, о кровомщеніи.

подъ своимъ начальствомъ команду муртазиковъ (изъ сыновей почетныхъ фамилій), которые, по приказанію намба, должны заставить ослушника повиноваться, кто бы онъ ни былъ, старшина или простолюдинъ. Судъ произносится по шаріату. По обычаю, преступниковъ не свободного класса сбьютъ плетью, облагаютъ штрафомъ, убиваютъ камнями, выдаютъ съ кручи или застрѣливаютъ. Преступники свободного класса отдѣляются штрафами.

Кромѣ мекеме, учрежденнаго въ 4-хъ абазехскихъ обществахъ, учреждены были у нихъ также ибары (суды на сходкахъ). Старшины съ муртазиками объѣзжали каждую общину (псуху) по очереди, производили судъ и наказаніе и штрафовали нещадно. Въ первое время послѣ учрежденія мекеме, абазехи строго исполняли свое постановленіе; но, съ прибытіемъ за Кубань Хаджи Магомета, дѣла приняли другой оборотъ. Война противъ русскихъ усилилась. Сила мекеме начала падать, такъ что многіе изъ нихъ были закрыты. Въ послѣднее время, въ 1847 г., народныя суды получили опять силу и значеніе и на народномъ собраніи на Пшехѣ пять народныхъ мекеме слиты въ одно общее абазехское мекеме. На этомъ же собраніи избраны предсѣдатель, судьи и муртазики. — Многимъ своевольнымъ этотъ порядокъ вещей не нравится. Неоднократно были схватки между муртазиками и осужденными. Письма Шамиля къ абазехскимъ старшинамъ поощряютъ введеніе мекеме.

Единовременно съ абазехами учреждено мекеме у шапсуговъ и у натухайцевъ. Мѣстопребываніе перваго на рѣкѣ Афицѣ, а послѣдняго на рѣкѣ Псифѣ. — Въ большой Кабардѣ уже давно существуетъ народный судъ около кр. Нальчика. Въ мартѣ 1846 г. бѣглецы кабардинцы учредили у себя также мекеме и избрали себѣ кадїа, валїа и намба. Цѣлью устройства мекеме они положили «возстановленіе падающей вѣры, уничтоженіе воровства, разбоя, измѣны, обмана и зависти». Мѣстопребываніе этого мекеме на рѣкѣ Ходзѣ.

Устройство народныхъ судовъ есть мысль самородная у

абазехъ и дѣлаеть честь способностямъ этого народа. Чувство правосѣрности начинается возрождаться и народъ самъ себя находитъ органы для сокращенія зла.

XVIII. *Дефтеръ 1841 г.* 1) «Слава Богу, который насъ сотворилъ и показалъ намъ свое величїе, возвысивъ насъ надъ другими животными. Слава Богу, который намъ далъ всѣ средства жить счастливо на этомъ свѣтѣ и получить награду въ другомъ мїрѣ, указавшему намъ истинный путь спасенія, вѣру истинную свою, чрезъ пророка своего и посланника Магомета. Слава Богу, который есть нашъ защитникъ и спаситель въ день воскресенія.

«Мы хотимъ помочь всѣмъ неустройствамъ нашего края и не дѣлать зла другъ другу.

1) «Наша первая обязанность есть строгое выполненіе шаріата. Всякое другое ученіе должно быть оставлено и отвергаемо; всѣ преступленія должны быть судимы не иначе, какъ по этой книгѣ.

2) «Никто изъ насъ не долженъ идти къ невѣрнымъ; дружескія сношенія съ ними строго запрещаются, и потому всякій миръ, всякое предложеніе съ ихъ стороны, должны быть постоянно отвергаемы. Кромѣ того, не позволяется покупать что бы то ни было въ ихъ укрѣпленіяхъ²⁾, которыя стоятъ на нашей землѣ, и каждый виновный въ этомъ платитъ штрафъ въ 30 тумановъ (300 руб. серебр.). Тѣ, которые будутъ нуждаться въ покупкѣ вещей, должны ихъ доставать на границѣ³⁾.

3) «Никто не долженъ смѣть предупреждать русскихъ каждый разъ, когда будетъ у насъ собраніе войскъ для набѣга

¹⁾ Бар. Сталь приводитъ въ заключительной главѣ переводъ вѣчеваго рѣшенія черкесъ на собраніи 1841 г. (абазеховъ, убыховъ, шапсугъ, верданъ и др.), положившемъ составить союзъ, «чтобы положить основанія всему, относящемуся къ ихъ религіознымъ и мїрскимъ дѣламъ». См. выше, гл. XVI, о народѣ, собраніи 1841 г. (Заллч. издѣт.).

²⁾ Построенныхъ на берегу Чернаго моря, въ земляхъ, завоеванныхъ у черкесъ съ 1829 года.

³⁾ Т. е. на мѣстныхъ дворахъ, въ Черноморіи существовавшихъ до 1829 года.

къ русскимъ. Кто донесетъ (какъ только этотъ доносъ обратится во вредъ намъ), долженъ будетъ заплатить за кровь, если вольный, то 200 коровъ, если крестьянинъ, то 100 коровъ; кромя того, заплатить штрафъ въ 30 тумановъ. Тѣ, которые перейдутъ къ русскимъ и служить имъ будутъ, какъ враги своего края, не будутъ имѣть, ни они сами, ни ихъ родные, никакого права на наше состраданіе.

4) «Если хаджиретъ (бѣглый мирный черкесъ) явится на нашу землю, его особа священна; тотъ, который силой или хитростію отниметъ у хаджирета что нибудь, заплатить штрафъ, полагаемый нами за всякое воровство.

5) «Когда народъ мусульманскій придетъ на нашу землю, чтобы раздѣлять нахренія черкесскаго народа противъ общаго врага, то мы обязываемся обращаться съ этимъ народомъ дружески и, если нужно будетъ для устраненія всякаго недовѣрія, (обязуемся) дать этому народу дѣтей нашихъ въ аманаты¹⁾.

6) «Внутренность каждаго жилья будетъ ненарушима; кто сотворитъ воровство въ чужомъ домѣ, заплатить, кромя штрафа (въ 30 тумановъ), еще пеню въ 7 тумановъ.

7) «Если русскій бѣглый сдѣлаетъ воровство, то онъ платить только тройную цѣнность украденной вещи, но штрафа не платить».

Затѣмъ слѣдуютъ другія статьи, относящіяся къ воровскимъ дѣламъ. Въ заключеніе изложена присяга о взаимной защитѣ, въ случаѣ вторженія²⁾:

«Какъ только русскіе войска войдутъ въ страну, то каждый долженъ взять оружіе и идти туда, гдѣ опасность требуетъ; тѣ, которые не имѣютъ оружія, не изъемяются отъ возстанія».

¹⁾ На основаніи этой статьи дестера мирные народы, поджигаемые агентами Шамшия, дѣлаютъ побѣги за Балую и находятъ тамъ надежное убѣжище и земли.

²⁾ Замѣчаніе бар. Стала; онъ изложилъ въ переводѣ только главныя статьи дестера. 1841 г.

XIX. *Переводъ тарикатнаго ученія съ арабскаго на русскій языкъ* ¹⁾. Тарикатное ученіе приняло начало свое отъ Магомета и передано главнымъ Шейхомъ Сагидъ—Абдуль—Кадрн Кайлянскимъ всѣмъ прочимъ послѣдователямъ его. Отъ этого источника оно перешло въ Персію, Турцію и Бухарію и допускалось только въ кругу секты, не касаясь общественнаго порядка и узаконеній. Секта тарикатнаго ученія ограничивалась созерцаніемъ религиозныхъ тайнствъ и изученіемъ ихъ, ради спасенія души. Тарикатное братство раздѣлялось на четыре степени: шейховъ ²⁾, суфій, дервишей и мюридовъ; достоинство же имама присвоено халифамъ и съ упадкомъ ихъ перешло въ однимъ царствующимъ лицамъ, соединяющимъ въ особѣ своей три верховныя власти: духовную, гражданскую и военную. Одинъ имамъ имѣетъ въ рукахъ своихъ мечъ, кирту и алкоранъ; прочее же духовенство, какъ-то: эфендіи и муллы, могутъ участвовать въ судебныхныхъ разбирательствахъ и раздѣлять военные подвиги и даже предводительствовать лично войсками, если способности и знанія ихъ въ дѣлахъ военныхъ испытаны и въ народномъ уваженіи. Общество же тарикатнаго ученія не можетъ раздѣлять этихъ преимуществъ, не нарушая правилъ, запрещающихъ входить въ дѣла, противныя уставу

¹⁾ «Переводъ» составляетъ прибавленіе къ запискѣ бар. Стала и состоитъ изъ вступленія, въ которомъ авторъ записки говоритъ о сущности тариката и развитіи его между кавказскими горацами, и изъ подлиннаго текста «тарикатнаго ученія». Памятникъ этотъ первоначально составленъ былъ на арабскомъ языкѣ, затѣмъ Ягубомъ Шардановымъ переведенъ на татарскій языкъ, а съ послѣдняго на русскій языкъ бар. Сталаемъ. О значеніи тариката («совершительной жизни», или «пути къ Богу»), его дѣйствіи на Кавказѣ и вліяніи на мѣстные адаты см. Ханькова «о мюридахъ и мюридизмѣ» (Кавказъ 1849 № 15); И. Березина «Путешествіе по Дагестану» 1850, стр. 86 и слѣд.; Мирзы Ал. Кавемъ—Бена Муридизмъ и Шамилъ (Рус. Слово 1859 № 12); А. Руновскаго «Муридизмъ и газаватъ въ Дагестанѣ» (Рус. Вѣст. 1862 № 12); П. Пржевальскаго «Кольцо, какъ атрибутъ евангелина мусульманъ» (Кавк. 1862 № 93); его же «Дагестанъ, его нравы и обычаи» (Вѣст. Евр. 1867 т. 3); Н. Дубровина «Очеркъ Кавказа». 1871, т. I, кн. 3, стр. 388 — 395.

²⁾ Верховныхъ учителей тайнствъ закона.

перваго тарикатнаго учителя, отвергающаго всякое честолюбіе, почести и славу мірскую.

Такимъ образомъ, тарикатное ученіе не могло распростра- няться далѣе круга своего; оно чуждо было свѣтскимъ обы- чаямъ и не переходило за черту духовной дѣятельности, а по- тому и народъ, не заражаясь глубокимъ фанатизмомъ, оста- вался спокойнымъ при обычныхъ обрядахъ вѣрн. Въ особен- ности кавказскія племена, имѣя темное понятіе о религіи, ис- полняютъ одно наружное богопочитаніе, безъ всякаго умозрѣнія и на тѣхъ условіяхъ, которыя переданы имъ отъ предковъ ихъ, не исключая туземнаго магометанскаго духовенства, едва пе- реступающаго выше однихъ обрядовъ. Изъ нихъ мало такихъ, которые разумѣли бы тексты алкорана въ отношеніи религіоз- ныхъ умозрѣній,—это сверхъ ихъ познаній и выше мѣры уче- ности. Вся же богословская премудрость ограничивается за- повѣдами имама и ислама: *во первыхъ*, вѣрить, что Богъ единъ и нѣтъ ему равнаго, бытіе ангеловъ несомнѣнно, всѣ священные книги справедливы, Магометъ есть истинный и не- ложный посланникъ Божій, — что будетъ другая жизнь, добро и зло низпосланы отъ Бога, всѣ умершіе возстанутъ, возвра- тятся имъ души и жить будутъ; *во вторыхъ*, строго держать одинъ мѣсяцъ въ году постъ Рамазанъ, исполнять неупусти- тельно пять разъ въ сутки обычныя молитвы,—кто имѣетъ со- стояніе, обязанъ хотя единожды въ жизнь свою посѣтить и поклониться гробу Магомета,—каждый отъ избытковъ долженъ удѣлять десятину немущимъ, какъ жертву, назначенную имъ Богомъ; вѣрить свидѣтельству пророка Магомета о единствѣ Божіемъ. Эти заповѣди обязываются знать каждый мусульма- нинъ и научать дѣтей своихъ съ 7-лѣтняго возраста. Вотъ все, въ чемъ заключается сила духовнаго ученія кавказскихъ горцевъ, не включая ихъ безграмотныхъ владѣтелей.

Въ 1822 г. началъ проявляться на Кавказѣ юриджизмъ, или тарикатное ученіе. Первый зародышъ его оказался въ сѣ- верномъ Дагестанѣ отъ ефендіа Джемамрина, учившагося въ Персіи, но не получившаго степени шейха; отъ него передано

ефендію Магомету Эрагію, отъ Эрагія заимствовалъ Кази Мулла, а отъ послѣдняго наслѣдовалъ Шамиль. На этихъ началахъ распространилось неизвѣстное дотогѣ въ кавказскихъ горахъ тарикатное ученіе, слабое и не предвѣщавшее при своемъ возрожденіи тѣхъ важныхъ событій, какія сказались впоследствии. Кази Мулла первый положилъ основу распространенія новаго и чуждаго для народа ученія, чтобы на этомъ оплотѣ утвердить власть свою надъ умомъ народнымъ; но онъ мало былъ извѣстенъ своимъ соотечественникамъ, а по низкому происхожденію не могъ надѣяться на силы, чтобы поддержать принятое на себя званіе шейха, съ соединеніемъ въ лицѣ своемъ двухъ властей — духовной и свѣтской. Вотъ причины, по которымъ вся предприимчивость его не могла соответствовать ожиданію; за всѣмъ тѣмъ, брошенная сѣмена не остались безплодными. По смерти Кази Муллы, хотя и заступилъ мѣсто шейха товарищъ его по замысламъ, Гамзатъ Бекъ, но всѣ виды этого себялюбиваго человѣка обращены были болѣе на подвиги военные, нежели на верховное званіе шейха, какъ первой основы религіознаго соединенія съ народомъ, и потому владычество его было кратковременно, безъ всякихъ замѣчательныхъ событій.

Шамиль, принявши званіе главнаго учителя вѣры, утвердилъ плать свой на началахъ перваго предшественника своего и военная власть была соединена съ духовною. Такимъ образомъ, распространяя темное ученіе между безмолвными обществами, онъ смѣло завладѣлъ желѣзною волею, поражая непреклонныхъ именемъ верховнаго главы духовенства и повелителя народнаго; но, чтобы въ умахъ соотечественниковъ своихъ тѣснѣе соединить эти двѣ власти въ одномъ лицѣ своемъ, присвоилъ себѣ званіе имама. Такъ заблуждался народъ и такъ предалъ себя безусловной покорности одного рѣшительнаго человѣка.

Чтобы приблизиться къ такому предмету, который мало еще извѣстенъ намъ въ его основѣ и важности, съ историческою послѣдовательностію верховныхъ пастырей магометан-

скаго закона и тайствъ его, я принялъ смѣлость передать тарикатное ученіе въ томъ видѣ, какъ оно переведено съ подлинника, случайно мнѣ доставшагося и столь рѣдкаго не только въ простомъ магометанскомъ духовенствѣ, но и между учеными, не посвятившими себя тарикатному братству, ученѣйшимъ мужемъ между кавказскими племенами, Якубомъ Шардановичемъ, съ арабскаго на татарскій, а съ послѣдняго мною на русскій языкъ, придерживаясь всевозможно подлинника ¹⁾.

Позволяю вамъ, какъ и мнѣ дозволено отъ учителя моего. Я шейхъ Мустафа Инджемайскій, ученикъ Ахмеда Бегчетинскаго, онъ же изъ учениковъ шейха Махмуда, верховнаго учителя Накшибендинскаго. Господи! прослави тайны святыхъ твоихъ.

Сей актъ вполнѣ отъ меня нищаго и служителя нищимъ переданъ Сагиду шейху надъ всѣми шейхами Сеиду Абдулла Кадри изъ поколѣнія Кейлянскаго. Господи! возвеличи тайны святыхъ твоихъ въ домъ Маалауханъ (мѣсто святыхъ).

Во имя Бога явленъ вамъ посланникъ изъ среды васъ: повинуйтесь ему и будьте мумишами (мусульманами). Создатель міра есть Богъ Всемилостивый: если усумнитесь, то скажите — единъ Богъ на Эмперійскомъ небѣ.

Каждый долженъ вѣрить, что нѣтъ иныхъ боговъ, кромѣ Единаго, и что святымъ людямъ Аалліа Уллагъ, нѣтъ опасности и нѣтъ скорби, во истину! Кромѣ единаго Бога нѣтъ другаго и Магомедъ рабъ и посланникъ его, онъ есть Сагидъ и Сеидъ надъ всѣми посланниками, вѣрный слуга и возлюбленный Богомъ, все создавшимъ. Я ахали (ей Господи!).

Мы сдѣлали все возможнымъ и откровеннымъ, и нѣтъ ничего болѣе для васъ невозможнаго.

Да будетъ Господь Богъ вамъ помощникомъ по вѣрѣ вашей.

¹⁾ Предыдущая часть «перевода» составляетъ вступленіе въ него, принадлежащее бар. Сталю. Последующее изложеніе содержитъ переводъ самаго памятника.

Эти слова переданы пророку Магомету чрезъ Ангела Гавриила предъ завоеваніемъ Мекки.

Тарикатное ученіе.

Во имя Всемилостивѣйшаго Создателя всѣхъ благъ Бога, которому принадлежатъ всѣ сокровенныя тайны, поклонъ и здравіе рабамъ его, служащимъ съ чистотою сердца и исполняющимъ обѣды свои. Изъ Хаѳафійской части закона да исполняются всѣ заповѣди Господа, съ приношеніемъ молитвъ въ стопы Пророка Его Магомета и святымъ ученимъ въ законъ. Всѣ почести и хвала Пророку и рабу Божію; онъ есть путеводитель нашъ въ истинной религіи отъ прочихъ. Богъ сподобилъ его быть защитникомъ и избавителемъ ходящихъ по пути праведныхъ; онъ испрашиваетъ предъ Богомъ спасеніе и прошеніе грѣшнику; отъ его созволенія предоставлено недостойному нищему Кадрійское тарикатное ученіе со словъ почитаемаго шейха, со стороны родственницы бабки шейхали, Сагида, Кадри Кейлянскаго. Его священная наука вознеслась высоко въ міръ; онъ удостоилъ меня быть на молитвенномъ коврѣ и возносить сію науку предъ Богомъ до тѣхъ поръ, куда духъ мой воспаритъ въ вѣчность Божественнаго видѣнія.

Прежде еще вступленія моего въ эту священную обязанность, я въ искреннихъ молитвахъ моихъ испрашивалъ созволенія предаться мысленно о Божествѣ, дабы постигнуть сокровенность тариката и передать его другому по содержанію и преданію семи первыхъ шейховъ. Нынѣ общаюсь съ клятвод исполнить все по примѣру святыхъ мушидовъ во время Мура-Баба ¹⁾). Такъ какъ сія тайна передана отъ подобнаго утренней зарѣ Ангела, вознесшаго на раменахъ своихъ Пророка Магомета на небо, гдѣ и дана ему верховная власть надъ всѣми святыми, кромя двухъ Ахмедовъ, Абусалихъ отца Салихова и

¹⁾ Предаться въ созерцаніе о Божествѣ и быть ходатаемъ.

Абдуль Кадри Чеймонскаго, Ханбелинскаго, Багдадскаго и Кейлянскаго, провозгласителя тайны Божіей; отвори, Господи, ему всё врата рая, не отвергни молитву его и буди милостивъ ко всѣмъ мусульманамъ; осчастливь души ихъ въ сей и будущей жизни; а съ ними восприми и сопричти насъ, недостойныхъ рабовъ, въ нѣдра неизрѣченныхъ Твоихъ щедротъ, подъ знаменіемъ Пророка Твоего Сейда Магомета; ибо по волѣ Твоей мы исповѣдуемъ ислаимизмъ и отъ всей души приносимъ Тебѣ нашу жертву, свидѣтельствующую, что нѣтъ иного Бога, кромѣ Бога, и Магометъ рабъ Его и посланникъ, которому по соизволенію Вышняго все дано, яко верховному пастырю. О, Господи! прослави его съ семействомъ и со всѣми избранными!

Примите отъ меня нищаго, пославшаго сей актъ къ братьямъ моимъ по вѣрѣ, чистѣйшій поклонъ. Дай Богъ, чтобы на всякомъ мѣстѣ вѣра наша была всѣмъ ясна для просвѣщенія вашего; вы клятвою должны утвердить покорность вашу и да будетъ вамъ извѣстно, что нищій Бога ради и рабъ Его, праведный сынъ нашъ и ходатай, пекущійся о будущей жизни, Хайху Абдрахманъ Гаривъ, сынъ Умара Камелинскаго, извѣдавшій мудростію своею истиннаго Бога, просилъ моего дозволенія сѣсть на молитвенномъ коврѣ, быть халифомъ и шейхомъ надъ низшимъ ученіемъ Кадрійскаго тариката. Принеся усердную молитву Господу, все создавшему, я просилъ мысленно главнаго мюшида надъ всѣми святыми и сердаря мюридовъ, а также умолялъ душу блаженнаго шейха Мамсудина Холотійскаго вразумить меня, достоинъ ли и слѣдуетъ ли передать ему это ученіе? И по внушенію святыхъ сихъ, онъ Умаръ посвященъ мною къ познанію тарикатнаго ученія, которое и передано ему отъ меня, со внесеніемъ въ наслѣдственный актъ, дающій право быть халифомъ и шейхомъ надъ низшимъ Кадрійскимъ тарикатомъ, съ дозволеніемъ передавать это ученіе, кого изберетъ онъ достойнымъ, съ тѣмъ знаменіемъ, что воспитаніе его будетъ наравнѣ съ младенцами, какъ и я самъ воспитанъ и обязанъ передавать святое правило это другимъ; ибо власть моя разрѣшена сейдомъ и иманомъ надъ всѣми

святыми, какъ блестящая звѣзда раздѣляющаго и объясняющаго тайны религіи Султана Бадри Кейлянскаго. Провозгласи его, Господи! отъ него произошло святое тарикатное таинство, а же получилъ отъ учителя моего сеида шейха Алиа; онъ наставленъ былъ отцомъ своимъ, учившимся у сеида шейха Магомета Сагдинскаго, — Господи! прославь тайны его ученія, — шейхъ Магометъ заимствовалъ отъ отца своего шейха — воспитателя юридовъ и наслѣдника всѣхъ шейховъ отъ шейховъ Мугровъ, сеида эфенди; онъ же образовался отъ отца своего, извѣстнаго ученаго шейха сеида (послѣдній наставленъ былъ отцомъ своимъ) Алгари—Буфеллахъ, т. е. достигшаго высокой степени божественнаго знанія, муршида саликинъ ¹⁾ Ибрагима. Всѣ вышепомянутые шейхи — родственники со стороны матери моей; Господи, превознеси ихъ многочисленныя тайны, — сотвори, прійми и удостой души сихъ праведныхъ свѣтлаго рая. — Алгари образовался отъ шейха, учителя юридовъ и ревнителя религіи, Джемалудина; сей же отъ шейха и служителя Господу, Шемадзина, принявшаго ученіе отъ брата своего, Шехабудина Ахмета; Ахметъ научился отъ отца своего, муршида шейха Касима, Касимъ — отъ племянника своего, Зейнадина; ему же передано отъ отца его, шейха Абиля Аббаса; Господи, прослави его тайны! Аббасъ изученъ отцомъ своимъ, Хасаномъ шейхомъ Бадрединомъ, свѣтильникомъ звѣзды. Хасану передано отъ шейха и отца Галаудина, научившагося отъ шейха Шемсудина Магомета. Господи! упокой и прослави его душу. Магометъ наставленъ отцомъ своимъ, Шейфурдиномъ, научившимся отъ учителя юридовъ, шейха Чемадудина Абдалахъ, а сей наученъ отъ отца своего, шейха и служителя шейховъ, извѣстнаго богомольца изъ поколѣнія Абубекира, Абдуль Ризака Горинскаго, получившаго эти тайны отъ отца своего шейха сеида Месляна, нашего путевода, имама надъ всѣми имамами, вѣрнаго блюстителя шаріата и тариката, намѣстника Пророка Магомета и наслѣдника живущихъ въ безсмертіи со-

¹⁾ Учителя юридовъ.

рока святыхъ и равнаго имъ во святости, наименованнаго Риджауль, которнй не только шейхъ людямъ ислама, но ангеламъ и джиннамъ, — въ его рукѣ всѣ сердца праведныхъ, какъ главы богобоящихся, — онъ жаждоутолителъ въ будущей жизни святою чашею и звѣзда надъ всѣми святыми, глубоко проникающій въ сокровенныя тайны, ревнитель и возстановитель пути Абдуль Кадри Кейлянскаго. Господи! ради души его ниспосли на насъ высокую милость Твою! Онъ получилъ эту премудрость отъ верховнаго шейха, достигшаго до познанія Бога, отца Сагидова и внука Алиева, Мубарека Багдадскаго. Господи! прославь Твоего соревнователя, получившаго тайны закона Твоего отъ шейха Абдуль-Хасякъ Уретійскаго, принявшаго святое ученіе отъ шейха, постигшаго истину вѣры, Абдуль Фарегъ Терсунскаго, занявшаго ученіе свое отъ шейха Абдрахмана Абдулазизы Таминскаго, принявшаго ученіе отъ шейха Абубекира Шаблинскаго; онъ же отъ шейха сеида Таифа и муршида надъ святыми святыхъ, Дженейка Багдадскаго, почерпнувшаго премудрость свою и познавшаго Бога отъ Серира Сактейскаго, заимствовавшаго ученіе свое отъ покровителя трудовъ въ религін, объяснителя сокрытыхъ тайнъ и чудесъ, шейха Магруфа Керакійскаго; Господи! ниспосли на него Твое благословеніе. Магруфъ достигъ священнои тайны отъ наставника своего, шейха, полнаго владѣтеля тариката и высокаго достоинства святости, Давуда Танійскаго, образовавшагося отъ шейха надъ всѣми въ мірѣ шейхами, познавшаго всѣ господнія таинства, Хабаба Хаджетскаго; Хабабъ же отъ почетнаго имама, владѣтеля всѣхъ богобоящихся, главнаго толкователя путей господнихъ, Хасина Берійскаго, научившагося отъ сеида, прозваннаго львомъ религін ислама, мужа Фатиметъ Изухара, дочери Магомета, Алиа Абиталибова, онъ же есть мечъ Господень, хранитель и защитникъ невинныхъ и вроткихъ предъ Богомъ, познавшій тайны ученія отъ отца своего, Сеида всѣхъ пророковъ, избавителя грѣховъ, султана надъ всѣми приближенными къ Богу, народнаго очистителя, скорого помощника и заступника, родомъ изъ арабовъ Хашимскихъ, Мустафы Муш-

таба Алмунтака, первой зеницы между народамъ; сей-то есть сынъ Абдулла Пророка, Абдулла сынъ Абдулла Муталиба, а сей сынъ Абдулла Хашешима. Хашешимъ сынъ Абдулла Мапафа, сравненнаго съ золотомъ и драгоценными каменьями. Низпошли, Господи! всѣ щедрныя милости Твои на нихъ и на спутниковъ ихъ, а также женамъ Магомета, матерямъ всѣхъ мусульманъ и дѣтямъ, отъ нихъ рожденнымъ, — равнымъ образомъ, повинующимся и послушнымъ закону Твоему, все благое во вѣки; ибо Прокоевъ Могометъ удостоился лично получить таинство вѣры чрезъ ангела Гавріила, явившагося въ красотѣ павлина; — Гавріилъ получилъ отъ ангела Исрафила, принявшаго мудрый законъ ислама отъ Создателя всей вселенной, Единого Всемогущаго Бога, коему нѣтъ равнаго.

Пророка Магомета проповѣдуетъ: Господь Богъ мой, по великой милости своей, наставилъ и вразумилъ меня, что каждый нищій прежде богатаго предстанетъ на тотъ свѣтъ впередъ за половину дня¹⁾: и какъ я есмь нищій изъ нищихъ братій моихъ и, еще проповѣдуемъ я всегда, лучше пребуду за нищими, нежели за богатыми, и прежде услышу ихъ, ибо изъ всѣхъ нищихъ братій моихъ полагаю первымъ себя. О, Господи! молю Тебя: когда испущу духъ мой, прійми душу мою и оживи ее во образъ нищаго и сопричти въ числѣ святыхъ твоихъ нищихъ, ибо въ законѣ Хадиса сказано: «Дай, Господи, всѣмъ мусульманамъ быть предъ Тобою нищими во уваженіе таинства религіи и приблизь къ Твоему милосердію старикать сей, какъ путь Тобою указанный Пророкамъ и названный Бегиль Мелладунъ²⁾, предоставленный мнѣ къ наученію спутниковъ моихъ съ ихъ наслѣдниками». Изъ нихъ первый получилъ Абубекиръ и Аліи; Аліи передалъ Хасану Басерскому, далѣе: Хабибу Афкенскому, Дауту Малъ Ханайскому, Магруфу Керакійскому, Сериръ Сактійскому, Джепендъ Багдадскому, шейшу Абубекиръ Шаблинскому, шейшу Абухасанъ Курешейскому, Абисагаду Массунскому; отъ него

¹⁾ За 500 лѣтъ.

²⁾ Истинная Божія премудрость.

передано поборнику религіи Абдуль Кадри Кейлянскому, онъ же сыну своему Абубекиръ — Абдуль Ризаку, отъ Ризака шейху Джемадудину, Абесалеху, шейху Шарфудину, Галаудину, шейху Вадрудину, шейху Абельлабасу Шерабудину, шейху Зейнадину, шейху Касиму, шейху Шехабудину, шейхамъ: Шемейдину, Абунъ Уфа, Джемадудину, Абдулагъ Магомету Багдадскому, Ибрагиму и сыну его Магомету, Магруфу, Ахафу, Магомету и шейху Алию, отъ котораго получилъ кадрийское тарикатное ученіе я, самый бѣднѣйшій и грѣшный служитель нищихъ, не стоящій праха подъ стопами святыхъ, равный шести братьямъ, спящимъ, какъ вѣрный песъ у прага праведныхъ, подобно Итмиру¹⁾, сеидъ шейхъ Хаджи Ахмать Созійскій. Разрѣшаю, съ дозволенія отца нашего, брату моему по религіи и сыну по пути божественнаго тариката, шейху Абдуль Рахману Гарифу Умару Биликійскому, сидѣть на молитвенномъ магометанскомъ коврѣ, управлять тарикатомъ Кадрийскимъ и быть халифомъ надъ всеми магометанами. Подай, Господи, ему и послѣдователямъ его благословенные пути. Причемъ, завѣщаль ему строго «бояться Бога во всѣхъ дѣлахъ своихъ и всѣ молитвы Пророка исполнять свято, слѣдовать по указаннымъ путямъ угодниковъ Божіихъ, воздерживаться отъ яствъ и питія, быть болѣе молчаливымъ и мало спать, имѣть попеченіе о молитвѣ къ Господу и воздерживаться отъ всего недостойнаго желанія чистаго сердца; вставать отъ сна прежде разсвѣта, приложить всецѣрное усердіе къ наученію мюридовъ познанію религіи, во всякое время слѣдовать тарикатному ученію свято и безъ отступленія».

Каждый, кто только увидитъ сей актъ, долженъ вѣдать, что имѣющій его есть шейхъ, котораго обязаны почитать, слушать и повиноваться ему, какъ Пророку, ибо таковыя именуются мужами крѣпкими. Господи! внишли новоизбранному Твоему силу уваженія, таковыхъ бо хочу имѣть соучастниками

¹⁾ Собака.

духовнаго ковра къ совокупному прославленію имени Твоего. Онъ долженъ сидѣть молча съ алкораномъ на молитвенномъ коврѣ, окруженный юридами, и мысленно читать *Фатаа*, потомъ провозглашать: «читите имя Господа вашего», толкуя Его единство, и всѣ предстоящіе повторяютъ слова пастыря; потомъ прочитываютъ тихо и гласно Ольджелялю-Ольджеманю, затѣмъ Алхаю-Алхазюмъ, стоя и сидя, сложа руки одну на другую, до тѣхъ поръ, пока ослабѣютъ всѣ силы во имя Господне.

А также разрѣшаю ему принимать желающихъ въ общество юридовъ и съ тѣхъ, которые признаны будутъ достойными, брать байгаты¹⁾ и тогда уже соприсчислять къ братству, научая каждаго изъ нихъ: кто будетъ почитать и уважать таинство тарикатнаго ученія, тотъ и насъ почитаетъ, а кто почитаетъ насъ, почитаетъ дѣдовъ нашихъ, — почитающій предковъ, почитаетъ султана надъ всѣми святыми, Абдуль Кадри Къйлянскаго, почитающій Абдула Кадри, чтитъ дѣда его, Пророка Магомета, чтущій Магомета, почитаетъ со смиреннымъ благоговѣніемъ Вседержителя Бога и получить въ земной и духовной жизни высокую награду. Кто же не признаетъ тариката, не признаетъ меня, отвергаетъ отца моего, шейха Кадри Къйлянскаго, Пророка Магомета и самого Бога, да погибнетъ въ огнѣ гіенскомъ! Сохрани и спаси насъ, Господи, отъ такого преступленія!

Когда явится гдѣ либо шейхъ, имѣющій актъ сей, юриды кадрійскіе обязаны явиться къ нему съ честію и почтеніемъ, для поздравленія съ благополучнымъ прибытіемъ; тогда учитель приглашаетъ ихъ сѣсть вокругъ себя и начинаетъ превозносить имя Господа, размышлять и толковать имъ ихъ обязанности и, ежели найдетъ достойными желающихъ вступить въ общину, соприсчисляетъ таковыхъ въ число братства юридовъ, куда не возбраняется входить и женскому полу съ закрытымъ лицомъ, но не иначе, какъ по выполненіи присяги въ

¹⁾ Присягу.

томъ, что она обязывается слѣдовать по пути Пророка Магомета, сопутниковъ и жепъ его. Да совершится все сіе во славу Господа!

Изъ всѣхъ важнѣйшихъ наставленій, мною переданныхъ, суть: «бояться Бога во всѣхъ дѣлахъ своихъ, всемѣрно стараться служить шаріату, не выходить изъ предѣловъ Божественнаго писанія и образоваться въ алкоранѣ». Сынъ мой! Богъ нашъ и всѣхъ мусульманъ да будетъ путеводителемъ твоимъ къ познанію закона, низпосланнаго съ небесъ Пророку нашему Магомету; старайся привязать душу твою и всѣ помышленія къ единому Богу, будь щедрымъ и откровеннымъ для всѣхъ чистосердечныхъ. Въ твоей обязанности имѣть всегда и во всѣхъ дѣлахъ религіи сообщеніе съ нищими, почитать нелицемѣрно шейховъ, обращаться челоувѣколюбиво и смиренно съ братьями твоими, родственниками и прочими младшими и вышними тебя, дѣлать полезныя наставленія, — споры, вражды и всякія стороннія или мірскія дѣла всевозможно уклонять отъ себя. Знай, братъ мой по вѣрѣ и сынъ по тарикату, Единъ Богъ путеводитель всѣхъ мусульманъ. О дѣйствительной же нищетѣ я вразумлю тебя: ты не есть нищій, но богатый; ибо ни въ чемъ не имѣешь нужды, кромѣ Бога, ни о чемъ не заботишься, токмо о Богѣ. Итакъ, тайсуфъ¹⁾ заповѣдуетъ намъ крѣпко хранить тайну, дабы ни въ чемъ не быть свидѣтелемъ. Когда встрѣтится съ тобою нищій въ первый разъ, не любопытствуй узнавать, кто онъ, а, унизивъ себя, говори съ нимъ благосклонно и ласково, чѣмъ пріобрѣтешь къ себѣ любовь и уваженіе; ибо законъ научаетъ насъ унижать себя предъ нищими, а сильнымъ воздавать должно безъ обмана, дабы во всѣхъ дѣлахъ нашихъ была видна одна святая истина. Всякое свиданіе съ свѣтскимъ обществомъ прекратить, а стараться всѣмъ сердцемъ приближаться къ Богу и указать братьямъ твоимъ по вѣрѣ путь къ Нему Единому. Храни все, заповѣданное мною, тайно и, кромѣ Бога, забудь обо всемъ мірскомъ,

¹⁾ Тарикать.

Вотъ тебѣ строгое мое наставленіе. Кто пойметъ его и приметъ чистосердечно, да утвердитъ Господь Богъ желанія его и да наставитъ на путь праведныхъ.

Ты долженъ знать, сынъ мой, что тайсуфъ ¹⁾ заключаетъ въ себѣ восемь правилъ:

1) *Саха* — быть щедрымъ,

2) *Риза* — всѣмъ довольнымъ,

3) *Ибра* — терпѣливымъ,

4) *Курбатъ* — приблизить себя къ Богу,

5) *Лепсысуфъ* — одѣваться въ шерстяную одежду, по призыву Пророка нашего Магомета,

6) *Вассийа Азатъ* — всегда путешествовать,

7) *Водовамисехри* — быть алчущимъ и жаждущимъ,

8) *Вольдилугъ Вольфакре* — быть нищимъ.

Ибо щедрыя дѣла принадлежатъ Аврааму, довольнымъ быть—Исааку, терпѣніе—пророку Іову, быть приближеннымъ—пророку Іосифу, шерстяное одѣяніе—пророку Яхвѣ, путешествіе—пророку Іисусу, голодь и жажда—пророкамъ Моисею и Давиду, нищета—покровителю нашему, Магомету, возлюбившему ее.

Если кто будетъ тебя спрашивать: кому присвоены одежды шерстяныя? отвѣчай — Магомету, получившему чрезъ ангела Гавріила четыре листа отъ райскаго дерева «туба», и когда онъ былъ одѣтъ ими, по волѣ Господа, они превратились въ шерстяной хитонъ. А когда ты будешь вопрошенъ: что значить Эмануль Хиркатъ, Исламуль Хиркатъ, Геслуль Хиркатъ, Ташратуль Хиркатъ, Умафщелиль Хиркатъ, Уфириваль Хиркатъ, Умаметубу Хиркатъ, Умаметубу Физейлиль Хиркатъ? а) желать мусульманамъ всего того, чего себѣ желаешь, б) кромѣ Бога, ни о чемъ не помышлять, в) быть вѣрнымъ безъ обмана, г) не употреблять въ пищу и питіе запрещеннаго, д) удалишь себя отъ суеты мірской и имѣть уваженіе къ нищимъ, е) повиноваться шейхъ мюршиду, быть чистымъ и серьезнымъ, ж) исполнять очищеніе и омовеніе на всякомъ мѣстѣ предъ

¹⁾ Тарикатъ.

молитвою, з) всегда имѣть сокрушенное и смиренное сердце предъ Богомъ и людьми, и) и быть стыдливимъ.

Когда будутъ тебя вопрошать: изъ какой шерсти и кѣмъ сдѣлана ткань для духовнаго одѣянія? отвѣчай: изъ шерсти того барана, который по могуществу Господа прежде еще созданія міра уготованъ былъ ангеломъ Аврааму на жертву вмѣсто сына Исаака; шерсть изъ этого барана принесъ съ неба ангелъ Хаяиль женѣ Адама Евѣ, которая умолила его спрясть изъ этой шерсти нити, и ангелъ исполнилъ ея желаніе; изъ этихъ нитей ангелъ Гавріиль одну половину далъ пророку Адаму, а другую вознесъ съ собою на небо и сохранялъ въ раю до пророка Магомета, и тогда, какъ по волѣ Господней въ помощь войны, названной Хуеинъ, ниспослано было съ небесъ тридцать тысячъ невидимой силы, то нитью изъ этой шерсти ангелъ опоясалъ пророка Магомета и повелѣлъ носить шерстяной харкатъ ¹⁾. — Если тебя спросятъ: сколько заповѣдей имѣеть тарикатъ? отвѣчай: покаяніе, поручить себя Богу, быть набожнымъ, богобоязненнымъ, довольнымъ, удаленнымъ отъ міра и молить о прощеніи грѣховъ. На вопросъ же: какіе суть пути тариката и сколько таковыхъ? шесть: мюршиду и учителю твоему служить вѣрно, поручить себя Богу, быть преданнымъ ему всѣмъ сердцемъ и всѣми помышленіями принимать безъ изслѣдованія слова учителя, признавать поученія его за непреложныя и благоговѣть къ его волѣ. На вопросъ: что есть высшая присяга по тарикату? какой имѣеть ключъ, замокъ и сердце замка? отвѣчай: когда Богъ изгналъ Адама изъ рая, онъ повелѣлъ взять отъ него съ дѣтьми присягу, Адамъ отвѣчалъ: Господи! кто мои дѣти, я ихъ не знаю. Богъ, могуществомъ своимъ, произвелъ отъ Адама всѣ народы и вопросилъ его: «Алесту Берабивумъ?» — не я ли самъ Богъ вашъ? они отвѣчали: «во истину, Господи!» Вотъ что значитъ присяга и ея начало. Она вложена въ камень, названный Хансефиль Авсада; сверхъ того, присяга значитъ по слову Гос-

¹⁾ Родъ плаща святыхъ.

пода: «я создалъ народъ мой и все видимое и невидимое, для прославленія имени моего и служенія мнѣ, съ вѣрою и чистою помышленіемъ». Сердце замка: вѣрить, что одинъ есть Богъ, коему предаться всѣмъ существомъ своимъ, благоговѣть ко всему, ниспосланному отъ него, ибо корни райскаго дерева Туба суть шаріатъ, а вѣтви—тарикатъ, фрукты—вѣрность, а сѣмена—знаніе. Замокъ присяги: являться юридамъ къ учителю шейху; ключъ замка—произнесенная клятва, ибо Господь Богъ возвѣстилъ пророку Магомету: «кто учинитъ присягу, тотъ связанъ ею, а кто исполнитъ ее въ чистотѣ сердца во имя мое, тотъ приметъ отъ меня награду,—все же отступники погубятъ себя на вѣчную смерть». И тотъ ключъ присяги отданъ на вѣчное сохраненіе лифидамъ. — А когда вопрошенъ будешь: что есть Маданули Иманъ и Маданули Исламъ? первый, что Богъ видитъ сердца наши; второй—смотритъ и на чистоту нашихъ дѣяній. Если же пожелають знать, сколько тарикатъ имѣетъ судей? отвѣчай — шесть: любить ближняго, быть щедрымъ, униженнымъ, богобоязненнымъ, рѣшительнымъ и размышляющимъ о всемъ созданіи Господнемъ. При вопросѣ о молитвенномъ коврѣ и его заповѣдяхъ, отвѣчай: Господь Богъ заповѣдалъ подстилать его въ молитвенныхъ домахъ и на немъ приносить ему моленіе пять разъ въ сутки, имѣя впереди шейха, мюршида или духовника. Если же спросятъ тебя, что значитъ шаріатъ, тарикатъ, халикатъ и марграфатъ? отвѣтъ твой да будетъ: шаріатъ есть слово, тарикатъ—размышленіе о пути Господнемъ, халикатъ—познаніе самаго себя, марграфатъ—положиться всѣми надеждами на Бога. Что же есть имамы шаріата, тариката, халиката и марграфата? отвѣчай: первый—алкоранъ, второй—шейхъ и мюршидъ, третій—вѣрность, самъ пророкъ Магометъ, и послѣдній—самъ Всемогущій Богъ. На вопросъ же: кто твой отецъ, мать и братъ? отвѣчай: отецъ мой — любовь, мать—чистое сердце, братъ — вѣрность. Что значитъ купаться у шаріата, тариката, халиката и марграфата? во первыхъ — молиться на молитвенномъ коврѣ, во вторыхъ—исполнять съ точностію правила тарикат-

наго ученія, въ третьихъ — хранить вѣрность, удаляться отъ всего мірскаго и путешествовать, въ четвертыхъ — предаться Единому Богу всѣмъ сердцемъ и всѣми помышленіями съ твердымъ упованіемъ на него. Да будетъ во всемъ путеводителемъ нашимъ самъ Господь Богъ нашъ.

Итакъ, я нищій, крѣпко нуждающійся въ милостяхъ Господнихъ, разрѣшилъ снмъ достопочтеннымъ актомъ шейху Абдрахману Гарифу сыну Умарову быть халифомъ, моимъ наслѣдникомъ, съ дозволеніемъ одѣваться харкатоми и носить на главѣ кадрийскій вѣнецъ, къ прославленію имени Единаго Бога, принимать присягу отъ достойныхъ быть его соучениками, не опуская всѣхъ предписанныхъ въ актѣ семь правилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, строго повторяю: всѣ заповѣди Господни соблюдать безъ отступленія, не исключая добавленныхъ пророкомъ, какъ-то: молиться на разсвѣтѣ, служить съ уваженіемъ нищимъ, быть униженнымъ и пріятнымъ, не быть сордитымъ, строптивымъ и ругателемъ, — всѣ благія пути исполнять, дабы указать народу пути истины и пути зла, бодрствовать надъ противными правилу ученія желаніями сердца, и Господь Богъ да будетъ твоимъ путеводителемъ во всѣхъ твоихъ намѣреніяхъ. Знай, братъ мой по религіи: мѣсть, подлежащихъ для шейховъ, есть сорокъ, и этими путями только можно достигнуть милосердія Божія: въ шаріатѣ ихъ 10, въ тарикатѣ 10, въ фаль халикатѣ 10 и фаль марграфатѣ 10, и всѣ они принадлежатъ Единому Богу.

Въ заключеніе даннаго мною правила и наставленія, ты долженъ знать: когда шейхъ накажетъ ученика или прогонитъ отъ лица своего, виновный не долженъ имѣть злобы, но обязанъ сносить заслуженное наказаніе терпѣливо и съ покорнымъ униженіемъ умолять неотступно о прощеніи. Но если шейхъ не въ состояніи отвѣчать на всѣ предписываемыя въ актѣ семь правила, то имя, принятое имъ на себя, есть недостойное и онъ не можетъ ни носить званія шейха, ни наслѣдовать святому ученію закона религіи. О, Господи! укажи намъ неизрѣченную твою милость, Ты, Единый и Благій Господи! со-

храни насъ отъ худыхъ поступковъ и діавола; не дай намъ быть неосторожными и ошибочными въ дѣлахъ нашихъ, сопричти къ числу нищихъ въ жизнь вѣчную, ради имени Твоего и Пророка Магомета; ибо всѣ похвалы и приношенія принадлежать Тебѣ Единому во вѣки аминь.

Сверхъ того, вы должны исполнять тартейбахать мекладжи¹⁾:

а) молитва объ оставленіи грѣховъ изъ алкорана Фатиха; б) салаватъ въ честь Пророку; в) прочитывать семь разъ Сура Сурей Инжирахъ; г) изъ алкорана Ахласъ тысячу разъ; д) Фатиха семь разъ, е) салаватъ сто разъ, ж) Апри одинъ разъ. Послѣ прочтенія указанныхъ молитвъ, просить Господа утвердить васъ въ ниспосланномъ отъ него законѣ, съ приношеніемъ жертвы чистаго сердца Богу и Султану надъ всѣми пророками, пророку Магомету и Его «Чегариарушъ» — четыремъ спутникамъ: Абубекиру, Умару, Осману и Алию. Господи! прослави тайны святыхъ твоихъ и мѣсто ихъ Хладже, а съ ними удостой милосердія Твоего Магомета Бахавдина шейха Накимбендинскаго, Абдуль Халена Г'ождуинскаго, Абдуль — Хасаана и Боязида Бастамскаго, всѣхъ святыхъ и свиту Господню и всѣхъ пировъ чистыя души освяти, Господи! А потому, какъ мнѣ дозволено, такъ я и передалъ вамъ все, не убавляя и не прибавляя, съ разрѣшеніемъ производить ученіе по вторникамъ и четвергамъ, во время восхожденія и захожденія солнца, — такъ и меня училъ шейхъ и путеводитель мой, сардаръ надъ всѣми сардарями, Мустафа Тархилевскій, — Господи, упокой душу его и освяти могилу праведнаго Твоего! Буди, Господи, благоволеніе Твое надъ нами и родителями нашими. Всѣ же похвалы и восклицанія принадлежать Тебѣ Единому!

¹⁾ Порядокъ молитвъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Адаты герцезъ Терской области.

I. АДАТЫ КАБАРДИНЦЕВЪ.

а) ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

кабардинскихъ древнихъ обрядовъ (1844 г.) ¹⁾.

I. Раздѣленіе кабардинскаго общества или племени на сословія, включая и классъ крѣпостныхъ людей.

1. Кабардинское общество раздѣляется на одиннадцать сословій и степеней узденскихъ, включая и классъ крѣпостныхъ людей.

а) Князья, происшедшіе отъ князя Инала, потомка Казія,—Джембулатъ, Мисостъ и Атажука; отъ Джембулата сыновья Бекъ-Мурза и Кайтука, наследники которыхъ приняли фамилію по именамъ своихъ отцевъ, и потому теперь въ Кабардѣ четыре княжескихъ фамиліи: *Бекъ-Мурзина, Кайтукина, Мисостова и Атажукина* ²⁾.

б) Узденья первой степени, происшедшіе отъ родоначальника *Генардука*: *Анзоровы, Куденетовы* и *Коюлковы*, каждому изъ нихъ именуется тлехотлешъ или коць; узденья Тамбиевы равны съ ними, но только фамилія ихъ сама по себѣ особо ³⁾.

---

¹⁾ Собраніе составлено начальникомъ центра Кавказской линіи ген.-майоромъ кн. *Голицынымъ*, на основаніи показаній почетныхъ стариковъ изъ горцевъ, при сотрудничествѣ ротмистра *Давыдовскаго* и майора *Шардамова*. См. рапортъ кн. Голицына 26 февраля 1844 № 343. Сборникъ рукоп. т. I. стр. 21.

²⁾ Происхождение отъ Казія и раздѣленіе фамиліи Джембулата взято изъ докладной записки о владѣльцахъ землями въ Кабардѣ и подтверждается изустнымъ показаніемъ стариковъ, которые основываютъ его на преданіяхъ.

³⁾ Въ правахъ, имѣющихся въ судѣ, не упомянуто о родоначальникѣ *Генардукѣ*, и даже *Куденетовыхъ* фамилія поставлена выше *Анзоровыхъ*, въ чемъ не согласны преданія.

в) Княжескіе узденья называются беслень оркъ; къ этому классу также причислены по приговору незаконнорожденные отъ князей, называемые тумакъ.

г) Узденья третьей степени принадлежатъ къ первостепеннымъ узденьямъ; названіе имъ: оркъша отлехуса.

д) Вслѣдъ за нимъ узденья, называемые шехео.

е) Отпущенники отъ князей и узденей, называемые азадъ¹⁾.

ж) Княжескій беслень общитъ.

з) Узденскій укъ, или крестьянинъ, который господину своему платитъ годовую дань и работаетъ ему не всегда, а только въ назначенные дни года, называемые оку.

и) Узденскій втораго рода крестьянинъ, называемый тлохосшао²⁾, который весьма мало уплачиваетъ своему господину и работаетъ ему менше, чѣмъ вышеозначенный укъ.

і) Дворовые люди, которые живутъ при своемъ господинѣ, исполняя всѣ его приказанія, называются Лагунипитъ³⁾.

к) Служанка и прислуга: первую зовутъ унаутъ, а послѣдняго лигава⁴⁾.

¹⁾ По второму списку, имѣющемуся въ собраніи рукописей,—азамъ (Примѣч. издателя).

²⁾ По второму списку—тлохосшао.

³⁾ Въ судейскихъ обрядахъ въ одномъ классѣ означены всякаго рода холопы, какъ княжескіе, такъ и узденскіе, которые проживаютъ у своихъ господъ.

⁴⁾ По рукописи Бар. Стала, къ черкесамъ, обитающимъ въ центрѣ кавказской линіи, принадлежатъ: 1) *Большая Кабарда*. Черкесы раздѣляются здѣсь между 4-ми фамиліями князей, происходящихъ отъ Инала Кеса или Касая, ведущаго свой родъ отъ арабскихъ эмировъ. Народъ раздѣляется на «фамиліи» князей Бегъ-Мурзинныхъ, Кайтуниныхъ, Мисостовыхъ и Атажуниныхъ (въ каждой «фамиліи» отъ 15 до 25 деревень); кромя того, есть вольный аулъ бѣглыхъ крестьянъ. Эти четыре Касаевскія фамиліи (роды) всегда дѣйствовали въ одномъ союзѣ и нѣкогда господствовали надъ соседями, имѣли данниковъ и союзниковъ. Князьямъ большой Кабарды подчинились татарскіе народы — карачаевцы, урусипевцы, малкарцы (общества Балкаръ, Чечемъ, Чулашъ и Везенгин), дигорцы (осетины), абазинцы кумскіе и дударуковскіе и пр. Кабардинцы играли вообще выдающуюся роль среди горцевъ сѣвернаго Кавказа. Дворянскій обычай кабардинцевъ (уоркъ-хабзе) сдѣлался обычаемъ для всѣхъ черкесъ, характеризующихъ кабардинское дво-

II. Права и обязанности каждого класса и отношеніе одного сословія къ другому, включая и духовенство.

2. Князь, какъ отъ своего узденя, такъ и отъ прочихъ, которые въ его владѣніи находятся, въ каждый годъ съ баранъ-коша получаетъ для пищи по барану и барашку; дань эта называется мелжаго.

3. Князь, по обряду, имѣетъ право на время требовать отъ узденскихъ табунщиковъ лошадей для ѣзды себѣ и товарищамъ, съ тѣмъ, чтобы, не изнуряя ихъ, возвратить обратно.

4. Когда къ князю пріѣдетъ другой князь, какъ-то: изъза Кубани и другихъ мѣстъ, князь показываеъ гостю квартиру у своего узденя, пшехао, и сколько бы пріѣзжій ни прожилъ, пшехао долженъ кормить его со всѣми при немъ находящимися; полученные же княземъ отъ навѣщающихъ его подарки, какъ-то: платье и конская збура, отдаются имъ тому узденю, у котораго гость квартировалъ и продовольствованъ былъ со всею свитою ¹⁾.

5. Кабардинцы, отправившіеся въ партіи противъ другихъ горскихъ народовъ, для наказанія или по другимъ причинамъ, если останутся побѣдителями и возвратятся съ добычею, состоящею изъ людей, скота и прочаго, то они обязаны старшему князю, хотя бы онъ и не былъ въ партіи, дать одного человѣка изъ лучшихъ; когда же людей въ добычу не достанется, отдается ими, чего таковъ стоитъ, скотомъ и прочимъ; остальная добыча дѣлится по частямъ между тѣми, кто былъ въ партіи.

ричество прежняго времени названіемъ «намазыра-зауеныра» (благочестивое и рыцарское). Дворянство (уоркъ) раздѣляется на три класса: владѣтельные дворяне (гяхотль или гяхотляжъ), ведущіе свое происхожденіе отъ грузинскаго князя Генартука, и уорки двухъ степеней, какъ и у кубанскихъ черкесъ. 2) *Малая Кабарда* состоитъ изъ трехъ обществъ: Бекевическаго, Ахловскаго и Таусултановскаго. Кромѣ того, въ мал. Кабардѣ поселились чеченцы (въ аулѣ Пседахъ), лумыи (аулъ Турловъ), назравовцы (Гайтievъ и Елджеруковъ аулы), осетяны Ельхотова и Козрева.

¹⁾ По преданіямъ, а въ судейскихъ обрядахъ нѣтъ.

6. Князь имѣть право послать по собственнымъ дѣламъ узденя своего съ наставленіемъ, что дѣлать тамъ, куда онъ отправляетъ его.

7. Князья, имѣющіе своихъ дворовыхъ людей, властны продавать ихъ, дарить или разбивать семьи изъ Кабарды въ другія мѣста; а если проданные, подаренные или остающіеся принесутъ въ судебномъ мѣстѣ жалобу, то она не принимается.

8. Когда князь узнаетъ, что есть у кого хорошая охотничья собака или барсучье нагалище, то онъ въ правѣ взять и то и другое; удостовѣрясь въ добротѣ собаки, онъ платитъ хозяину по усмотрѣнію своему.

9. Когда князь умретъ и останутся на немъ кому бы то ни было долги, которыхъ при жизни онъ не уплатилъ, то всѣ иски по нимъ остаются безъ вниманія, и наследники ни за что не отвѣтствуютъ¹⁾.

10. Когда князь расположится жениться, то за невѣсту платитъ по желанію и состоянію его узденя²⁾.

11. Князья женятся на княжескихъ дочеряхъ, узденя на узденскихъ, вольные на вольныхъ, холопья на холопеяхъ; чагары берутъ по желанію родителей невѣсть своего званія или изъ холоповъ. Чагарамъ также предоставляется жениться на дочери вольнаго или холопа³⁾.

12. Князю назначается калму за дочь: лучшій панцырь, стоящій двухъ крестьянокъ; другой панцырь, пониже добротой, цѣною однакоже не менѣе какъ въ одну холопку; налокотники, стоящіе одной крестьянки; еще налокотники и шишакъ, стоящіе одной крестьянки; сабля цѣною въ служанку; сабля похуже; пять лошадей, изъ которыхъ лучшая стоила бы не премѣнно одной служанки, а прочія похуже и безъ цѣны, но

¹⁾ Ст. 22; по старинкамъ толкуется иначе: за то, что князь барантовалъ въ наказаніе, не отвѣчаютъ наследники; долги же его по займамъ священны.

²⁾ Ст. 20 обрядовъ вмѣсто слова «по желанію» заключаетъ: «смотри по состоянію».

³⁾ Ст. 24.

только на выборъ. Когда прописанныхъ вещей и лошадей не окажется, то платятъ служанками ¹⁾).

По народному условію послѣ прекращенія чумы 1807 г. іюля 10-го, по убавленіи калыма на слѣдующіе разряды:

При взятіи въ замужество княжеской дочери, князь платитъ за невѣсту изъ дѣвушекъ 500 руб. серебромъ, на скотъ по оцѣнкѣ или оружіемъ, а если будетъ вдовая, то калыма 300 руб. ²⁾).

Уздень первой степени за дѣвицу платитъ калыма 350 р., за вдову 200 руб., по оцѣнкѣ на скотъ, лошадей и вещами ³⁾).

Меньшіе узденя за дѣвку 220 руб., за вдову 150 руб., серебромъ.

Вольные за дѣвку 150 руб., за вдову 100 руб. сер. ⁴⁾).

За дѣвокъ изъ чернаго народа платится калыма 160 р. серебромъ и вѣнчаютъ ихъ по религіи, съ согласія родственниковъ, отстраняя самовольство прежнихъ временъ, когда дѣвки уходили замужъ безъ позволенія хозяевъ, за что народъ хотя и полагалъ виновныхъ съ прижитыми дѣтьми возвратитъ тѣмъ владѣльцамъ, отъ которыхъ онѣ бѣжали, но это оставлено безъ исполненія, дабы не подвергнуть всей стороны разоренію и не произвести бунта ⁵⁾).

До чумы, всякій крестьянинъ отдавалъ своихъ дочерей въ замужество безъ позволенія господина; теперь же, въ такомъ случаѣ, помѣщикъ имѣетъ право отданную безъ его согласія съ прижитыми дѣтьми отобрать отъ мужа ⁶⁾).

Холопъ, отдавая дочь за холопа, братъ за нее калыма не можетъ, а получаетъ таковой господинъ его. Дворовый, имѣющій дочерей, при выдачѣ ихъ въ замужество, полученный калымъ, заключающійся въ 160 руб. серебромъ или 16 штукъ

¹⁾ Ст. 21.

²⁾ Ст. 1.

³⁾ Ст. 2.

⁴⁾ Ст. 3.

⁵⁾ Ст. 18.

⁶⁾ По преданіямъ, а въ судебныхъ обрадахъ нѣтъ.

скотомъ за каждую, отдаетъ своему господину все, кромѣ одной штуки скота, которая дается дочери на платье ¹⁾).

Дочерей княжескихъ, узденскихъ и дочерей вольныхъ людей насильно не брать; прежде было не такъ: кто бывало какую дѣвку замѣтитъ, могъ взять ее даже разбоемъ, изъ-за чего происходили безпрестанныя ссоры и даже убійства. Прежде за подобное самоуправство виновный платилъ сродникамъ только калымъ. Теперь же это измѣнено и безъ согласія родственниковъ и вѣнчанія муллою своего аула, никто ни у кого дѣвки похитить не имѣетъ права; тотъ же кто, презрѣвъ это постановленіе, возьметъ жену буйствомъ, а посторонній мулла приметъ участіе въ этомъ безпорядкѣ, то первый изъ нихъ подвергается штрафу, объясненному ниже, статьею 101-ю.

13 ²⁾). Когда князь вступитъ въ бракъ, то жену долженъ помѣстити на годъ у своего узденя; по прошествіи же года, онъ беретъ ее въ свой домъ, а узденю даетъ цѣлое семейство въ уплату за содержаніе жены своей. Въ случаѣ же невозможности со стороны князя уплатить семействомъ, узденъ получаетъ отъ него сто барановъ.

Въ пользу того узденя или чагара, у котораго находится будетъ княжеская жена въ продолженіи перваго года ея замужества, остаются всѣ лошади, на которыхъ она къ нему привезена.

14. Изъ полученнаго княземъ калыма за дочь свою дается его узденьямъ часть, которая дѣлится по степени важности каждаго изъ нихъ.

15 ³⁾) По переселеніи князей на другое мѣсто, узденя, имъ принадлежащіе, переходятъ съ ними и живутъ въ недалекомъ разстояніи отъ ихъ ауловъ; переселеніе это относится единственно до Кабарды, а когда князья пожелаютъ перейти въ другія мѣста, за Кубань или далѣе, то узденя остаются

¹⁾ Также нѣтъ въ судейскихъ обрадахъ.

²⁾ По преданіямъ.

³⁾ Ст. 7.

въ Кабардѣ; народъ не долженъ допускать ихъ переселенія, хотя бы они и сами пожелали послѣдовать съ князьями. Самому же князю дается свобода одному выходить изъ Кабарды, куда пожелаетъ.

Когда узденъ обиженъ княземъ или не получитъ слѣдующихъ ему подарковъ, то можетъ переселиться на другое мѣсто.

По народному условію послѣ чумы:

Узденъ не имѣетъ права переселиться во владѣніе другого князя; всякій долженъ жить близъ своего (князя), ежели не вмѣстѣ, собственнымъ ауломъ.

Отпущеннымъ на волю князьями и узденьями людямъ не дозволяется уходить изъ ихъ ауловъ въ другіе; они должны жить въ нихъ, какъ сами, такъ и происшедшія отъ нихъ дѣти, не перенося имущества.

Узденскій узденъ, послѣ смерти своего узденя, можетъ по своему произволу остаться у родственниковъ умершаго или его князя; въ другое же мѣсто ѣхать и къ иной фамиліи онъ отойти не можетъ.

16. Отца и мать князя ругать воспрещается узденьямъ и самъ князь не имѣетъ права ругать узденя по матери и отцу¹⁾.

17. Узденья насильственно не служатъ князьямъ, а по собственному желанію, и тогда только, когда отъ своего князя получаютъ узденскую дань сполна. Дань эта заключается:

Первостепенному узденю изъ 15 предметовъ, изъ коихъ непременно семейство людей, 500 или болѣе барановъ, часть земли, разныя желѣзныя вещи и проч.; но болѣе это дѣлается по общему согласію²⁾.

Узденъ третьей степени получаетъ дань отъ узденя 1-й степени изъ семи предметовъ; въ числѣ ихъ необходимо одно

¹⁾ По преданіямъ.

²⁾ По преданіямъ. — Въ судейскомъ обрядѣ не означено, въ чемъ именно заключается княжеская дань узденьямъ, а сказано: «всѣ узденья служатъ князьямъ безъ насильства, по доброй волѣ, и получаютъ за то достаточную награду изъ оружія, лошадей, скота и холоповъ, смотря по усердію каждаго». Ст. 6 до чумы.

семеѣство или выбранные изъ него два челоуѣка, 100 барановъ, панцырь съ нарукавниками и налокотниками, ружье, сабля, пистолеть и ежегодно жеребенка. Прочіе узденья получаютъ такую же дань отъ своихъ князей.

18. Во время нахождения узденя при князѣ внутри Кабарды, онъ получаетъ, сверхъ уздонской дани, еще разныя подарки, напримѣръ, лошадей, крестьянъ, желѣзныя вещи ¹⁾).

19. Въ бытность князя въ чужихъ краяхъ, за Кубанью или въ другомъ мѣстѣ, онъ надѣляетъ узденей своихъ изъ подарковъ, которые получаетъ, смотря по степени достоинства каждаго.

По народному условію послѣ чумы:

Князь не имѣетъ права требовать обратно отъ узденя подарковъ, ему данныхъ съ давнихъ временъ; но узденю не возвращается добровольно возвращать ихъ.

20. Узденья всѣхъ степеней, получивши отъ своего князя по обычаю дань, по требованію князя находятся при немъ изъ каждой степени по одному вооруженному. Если бы князь пожелалъ ѣхать за Кубань къ разнымъ горцамъ или въ Дагестанъ, узденья слѣдуютъ за нимъ, и ежели князь получить тамъ подарки, то дѣлитъ ихъ съ узденьями, соображаясь съ услугами всякаго изъ нихъ. Если между ними будетъ находиться первостепенный (узденъ), хотя бы младшій прочихъ лѣтами, то онъ получаетъ изъ раздаваемыхъ подарковъ лучшую часть.

21 ²⁾). Когда князь ѣдетъ въ Россію, Персію, Турцію или другія отдаленныя мѣста и съ нимъ первостепенный узденъ, то этому дается особенное отъ князя мѣсто, какъ почетному челоуѣку, хотя бы находились въ сопровожденіи князя люди лѣтами старѣе помянутаго узденя. Онъ имѣетъ передъ ними преимущество и награждается болѣе прочихъ, которые между собою, какъ въ наказаніяхъ, такъ и въ уваженіи у князя, во

¹⁾ По преданіямъ.

²⁾ Ст. 2.

всемъ равны и во время нахождения въ свитѣ имѣютъ право ожидать наградъ, соотвѣтствующихъ заслугамъ.

22 ¹⁾). Первостепенные узденя, гдѣ бы ни находились, по извѣщенію князя, являются къ нему для совѣта и находятся при немъ, сколько ему угодно.

23 ²⁾). Узденя пшехау, т. е. княжескіе, исполняютъ все то, что князь прикажетъ. Они не суть холопья, но и не равняются съ настоящими узденями; они служатъ князю ежедневно и безотлучно, наблюдая домашній порядокъ, унимая, по приказанію князя, всякія невѣжества и дерзости, наблюдая, чтобы всѣ были послушны. Князь по обряду защищаетъ ихъ отъ всякихъ несправедливыхъ обидъ, вступается за нихъ, взыскиваетъ съ обидчиковъ. Народъ обязанъ сносить терпѣливо все, что князь сдѣлаетъ правильно или неправильно, и не можетъ выходить изъ повиновенія. Если взысканіе будетъ неправильно, то за это отвѣчаетъ самъ князь, а не узденъ пшехау ³⁾).

Въ дополнительномъ обрядѣ:

Когда узденъ пшехау поссорится въ домѣ князя, съ него за то штрафу никакого не полагается.

24. Княжескіе узденя, беслень-оркъ ⁴⁾), должны, съ cadaго двора по одному, всякій день находиться съ княземъ, верхомъ на собственной лошади и съ своимъ оружіемъ, а въ случаѣ необходимости снабжать тѣмъ и другихъ, исполняя всѣ приказанія князя безпрекословно. Когда кто изъ тѣхъ беслень-орковъ будетъ убитъ въ горахъ, то съ виновнаго взыскивается по статьѣ 90-й.

25. Князья, по обычаю народному, права не имѣютъ обижать узденей безъ причины.

26. Узденьямъ третьей степени за обиду отъ князей, уз-

¹⁾ Ст. 1.

²⁾ Ст. 3.

³⁾ По преданіямъ, а въ обрядѣ нѣтъ.

⁴⁾ Въ обрядахъ судейскихъ они названы княжескими чагарамъ.

дней и равныхъ ему ¹⁾ производить удовлетвореніе саблею и лошадьми.

27. Отъ князей незаконнорожденные тумакі, причисленные къ разряду узденей 3-й степени, если отправляются по собственному дѣлу и будутъ кѣмъ нибудь обижены во время слѣдованія, то получаютъ штрафъ наравнѣ съ узденьями 3-й степени; если же они занимаютъ экзекуторскую должность и посланы отъ суда, то въ пользу ихъ взыскивается за обиду, имъ нанесенную, штрафъ наравнѣ съ князьями.

28. Узденья, чагары и прочіе вольные люди, подвергшіеся несправедливой обидѣ со стороны своего князя, имѣютъ право уйти тайно къ князю, какому пожелаютъ или первостепенному узденю, и просить разбирательства. Князь или первостепенный уздень обсуживаетъ дѣло и по окончаніи уговариваетъ господина, чтобы онъ обходился лучше; проситель возвращается по прежнему къ господину. Обстоятельство это можетъ повториться нѣсколько разъ, если господинъ будетъ продолжать притѣсненія свои ²⁾).

29. Когда женится уздень, онъ оставляетъ на время жену въ домѣ чагара или оку, гдѣ происходитъ гулянье; чагаръ или оку въ такомъ случаѣ платитъ музыканту быка и штуку товара, какая случится ³⁾).

30. Уздень воленъ дѣлать чагаровъ изъ холопьевъ, давъ на первый разъ для домашняго обзаведенія пару воловъ, пару коровъ, котелъ и восемь тулуковъ ⁴⁾).

31. Каждому чагару дозволяется имѣть у себя холопьевъ, но по правамъ народнымъ онъ не можетъ ихъ продать или подарить, безъ согласія на то господина; на другихъ такого же состоянія промѣнять ему не воспрещается, однакожь не иначе, какъ съ позволенія своего господина.

¹⁾ Въ дополненіи, ст. 2, не помѣщено: «отъ равныхъ ему».

²⁾ Ст. 13 не предоставляетъ первостепенному узденю права на разбирательство, которымъ онъ владѣетъ по преданіямъ.

³⁾ Въ дополненіи ст. 17.

⁴⁾ По народному условію послѣ чумы, ст. 37.

32. Когда чагаръ имѣеть холопьевъ и съ позволенія своего господина захочеть продать ихъ, тогда онъ избираеть трехъ покупщиковъ, въ числѣ коихъ былъ бы самъ господинъ, и предоставляет на волю холопу, кому изъ нихъ онъ назначаетъ себя въ продажу.

33. Если холопъ или чагаръ имѣть будетъ подаренный имъ отъ родственника скотъ, то князь или уздень не въ правѣ отнимать его; но дабы кто не сказалъ напрасно, что онъ имѣеть подаренную скотину, тогда какъ господинъ утверждаетъ, что она собственная его, холопъ или чагаръ въ оправданію своему обязанъ указать подарившаго ему ту скотину родственника, который тогда вызывается и обязанъ присягнуть въ справедливости показанія; а если онъ не пожелаетъ сдѣлать этого, то правда остается на сторонѣ господина, и этотъ пріобрѣтаетъ полное право отобрать скотину у чагара или холопа, чего не можетъ учинить, если вызванный родственникъ присягнетъ.

Когда чагаръ за женою получить подаренный ея родственниками скотъ, то господинъ пользоваться имъ не въ правѣ, а при продажѣ чагара скотъ остается у его жены, сколько бы ни народилось его отъ подареннаго въ теченіи времени. Съ холопьями поступается точно также.

При женитьбѣ чагаръ или дворовый даетъ на первую ночь женѣ корову изъ собственности; сколько бы отъ этой коровы ни произошло приплоду въ теченіе времени, ни мужъ, ни господинъ, не въ правѣ отбирать, а все остается въ пользу жены, даже при продажѣ мужа чагара или холопа другому господину. Дворовымъ господинъ даетъ таковую скотину, если они оной не имѣють, и такимъ же порядкомъ она остается всегда женѣ.

34. Кто изъ крестьянъ имѣеть дочерей, обязанъ, при выдачѣ ихъ замужъ, отдать господину за каждую, изъ получаемого калыма, по 3 скотины или по четыре; господинъ можетъ брать посредственныхъ, не выбирая лучшихъ. Господинъ обязанъ, при выдачѣ дѣвки замужъ, сдѣлать ей шелковый

кафтанъ, а въ случаѣ неисполненія этого, не добираетъ одной скотины, которая поступаетъ въ уплату за кафтанъ.

35. Когда братъ умершаго чагара беретъ вдову въ супружество, то платитъ въ пользу родственниковъ жены одного быка, сверхъ прежде уплаченнаго за нее калыма (это называется физь-штажичавъ).

36. Если чагаръ до того обѣднѣетъ, что будетъ не въ состояніи господину своему уплатить положенной подати, то долженъ служить у господина во дворѣ наравнѣ съ холопьями; скота же господинъ не въ правѣ отбирать у него и, когда онъ отъ своего скота получить прибыль, на которую въ состояніи купить себѣ жену, господинъ его не можетъ удерживать у себя и долженъ отпустить съ женою, чтобъ жилъ по прежнему особо; чагаръ же платитъ за это господину годовую дань.

37. Чагаръ, нажившійся въ домѣ у господина до такой степени, что въ состояніи завести собственное хозяйство, воленъ отойти и забрать весь скотъ, который онъ привелъ къ господину; а то, что приобрѣлъ изъ господскаго въ бытность у него въ домѣ, оставляетъ все безъ изыятія у господина.

38. Уздень, буде имѣетъ въ домѣ холопьевъ и изъ нихъ есть чагаръ, а прочіе холопья, не можетъ отпустить на сторону холопьевъ, а долженъ освободить преимущественно передъ ними чагара, хотя бы этотъ бѣднѣ былъ холопьевъ.

39¹⁾). По взятіи кого изъ холоповъ или чагаръ гдѣ либо въ плѣнъ, господинъ вноситъ половину выкупной суммы, а другую половину платятъ родственники плѣннаго.

40. I) Крестьяне одного семейства, состоящаго изъ нѣсколькихъ братьевъ, живущихъ вмѣстѣ, не могутъ раздѣлиться, не давъ господамъ по 40 барановъ съ ягнятами каждый. Кто не имѣетъ барановъ, тотъ дѣлится не въ правѣ. Это сдѣлано для того, чтобы не расходились врознь, а жили вмѣстѣ; потому

¹⁾ Ст. 17.

что чрезъ раздѣлъ они бѣдѣють и уже не въ состояніи ни исполнять работу, ни уплачивать долгаго господину¹⁾.

Въ дополнительномъ обрядѣ :

II) При раздѣлѣ чагаръ, касательно платежа господину, существуютъ разныя постановленія: иные даютъ господину пару быковъ, другіе холопку, нѣкоторые сто барановъ или пять лошадей, а по неимѣнію оныхъ и рогатаго скота, дѣлаются ими съ господами условія, съ принятіемъ на себя разныхъ обязанностей.

41. Когда уздень обидитъ въ чемъ либо своего чагара, который будетъ просить на него въ томъ разбирательства, то обиженный остается свободнымъ отъ услугъ, пока кончится разбирательство; остающіеся же чагары ни мало не должны ослушиваться господъ, а обязаны служить имъ обыкновеннымъ порядкомъ²⁾.

42. Чагары платятъ господину своему годовую подать и работаютъ по нижеслѣдующему народному положенію :

I) Холопъ или чагаръ, имѣющій для пашни двѣ пары воловъ, обязанъ отдать своему господину въ годъ три пары обмолоченнаго проса, но при неурожаѣ или недостаткѣ не даетъ ничего; а тотъ, который будетъ пахать одною парю, отдаетъ господину на томъ же основаніи одну арбу при урожаѣ и недостаткѣ; когда же въ пашнѣ будетъ три пары, то господинъ беретъ четыре арбы проса, послѣ отдѣленія чагаромъ или холопомъ въ пользу свою потребнаго количества проса на сѣмена.

Крестьяне сколькими быками производятъ хлѣбопашество, столько арбъ проса обязаны отдать своему господину³⁾.

II) Изъ крестьянъ каждый домъ сѣменами господина ежегодно засѣваетъ земли на одинъ тулукъ проса; господину же возвращаетъ готовымъ. Въ работѣ, къ прокормленію, припасы должны быть отъ господина въ достаточномъ количествѣ; когда же

¹⁾ Ст. 13.

²⁾ По преданіямъ послѣ чумы ст. 29.

³⁾ По преданіямъ, а въ обрядахъ суда нѣтъ.

господинъ доставлять ихъ не будетъ, то крестьяне отъ работы въ пользу его освобождаются.

III) Въ сѣнокосное время крестьяне должны господину работать: три дня косить, а два убирать скошенное, потомъ класть въ копны, съ помощью дворовыхъ холопьевъ, и возить сѣно въ кутаны или дома;—дворовымъ же холопьямъ и крестьянамъ перевозить только то, что они накосили и въ копны поставили.

Холопья, въ 1-й разъ поступившіе на работу жулы, и крестьяне, изъ которыхъ есть холопья или дворовые люди, баранщики и табунщики, для узденей не косятъ; вообще, буде господинъ не захочетъ косить по какимъ либо причинамъ или дастъ припасовъ для прокормленія рабочихъ, то крестьяне обязаны дать ему съ cadaго двора по семи арбъ готоваго сѣна, въ уваженіе того, что избавлены были отъ кошенія сѣна въ его пользу.

IV) Дровъ давать господину по осьми арбъ съ двора; дѣлать это, если возможно, изъ горъ, смотря по мѣстоположенію; когда же окажется препятствіе, то каждый домъ обязанъ доставить въ замѣнъ господину пятнадцать толстыхъ брусевъ, годныхъ къ строенію, перевоза ихъ зимою на быкахъ (волокомъ).

V) Когда было прежде позволеніе кабардинцамъ ѣздить на линію за *Мажарскою* ¹⁾ солью, то всякій, кто поѣдетъ изъ господскихъ крестьянъ на собственныхъ своихъ быкахъ, обязанъ былъ отдать господину половинную часть соли ²⁾, послѣ отдѣленія себѣ изъ нея по сапеткѣ съ быка; а кто быковъ не имѣлъ и ѣздилъ на выпрошенныхъ у другаго, тотъ господамъ ничего не давалъ; отправляющійся за солью на собственныхъ конскихъ арбахъ, тоже господину отдавалъ по одной сапеткѣ съ арбы; за чужихъ же лошадей не платилъ ничего.

¹⁾ Въ обрядахъ судейскихъ пропущено «за *Мажарскою*».

²⁾ Въ обрядахъ сказано: «давать господамъ по сапетки соли съ быка», ст. 24; но это не сходно съ преданіями.

VI) Кто будетъ ковать желѣзо, отдаетъ изъ сдѣланныхъ въ годъ по одной полосѣ господину.

VII) Въ случаѣ, если узденю ¹⁾ понадобится большой домъ съ кухней, крестьяне обязаны безотговорочно выстраивать ему таковой, а женщины ихъ мазать, возить глину и мѣсить ея вмѣстѣ съ дворовыми женщинами ²⁾).

VIII) Огородные плетни дѣлаютъ крестьяне обще съ дворовыми людьми; полоть траву въ саду обязаны по три раза въ годъ крестьянскія женщины, а равно и вымазывать дома ³⁾).

IX) Плетни около своего дома, гдѣ окажется надобность, должны дѣлать крестьяне съ дворовыми людьми ⁴⁾); колья и хворостъ привозятся на крестьянской скотинѣ.

X) Во время двухъ годовыхъ праздниковъ, Рамазана и Курбана, крестьяне обязаны варить господамъ бузу изъ своего проса, но въ посудѣ господской.

XI) Крестьяне, имѣющіе пчелъ, въ первые три года ничего не даютъ господамъ; по прошествіи же трехъ лѣтъ, когда отъ одной сапетки составитя три, всё отдаются господамъ.— Когда въ хорошій годъ будетъ болѣе трехъ сапетокъ, то все, превышающее три сапетки отъ одной, остается въ пользу крестьянина. Въ случаѣ неудачи и малаго числа роевъ, господамъ отдается только одна матка или двѣ сапетки; три сапетки, отдаваемыя господину, не должны браться имъ по выбору изъ всѣхъ, а назначаются тѣ, которыя выведены изъ одной сапетки.

XII) Прислугу и воловъ прибывшихъ къ господамъ гостей женскаго пола обязаны прокармливать крестьяне ⁵⁾).

XIII) Они же (крестьяне) даютъ господамъ въ поѣздку

¹⁾ Въ обрядахъ не господину узденю, а князю.— § 19 объ устройствѣ домовъ узденьямъ.

²⁾ Въ обрядахъ дворовыхъ людямъ однимъ.

³⁾ Про дома въ обрядахъ умолчано, а указано только—по одной женщины изъ дому въ лѣто одна разъ чистить траву.

⁴⁾ Въ обрядахъ о дворовыхъ холопьяхъ не упоминается.

⁵⁾ § 14.

лошадей, но только въ то время, когда онѣ свободны; если же онѣ понадобятся хозяину для поѣздки или по другимъ надобностямъ, то крестьяне не дадутъ лошадей и господу не въ правѣ брать ихъ насильно, дабы отдать за калѣжъ, ѣхать куда-нибудь по торговымъ видамъ или для кузнечной работы. Когда язь взятыхъ на время лошадей будетъ какая украдена, загнана или падеть отъ другаго случая, то господинъ обязанъ заплатить за нее крестьянину, которому она принадлежитъ.

XIV) Кто изъ крестьянъ зарѣжетъ рогатую скотину собственную, а не подаренную женѣ крестьянина, тотъ обязанъ половину спины съ боками, свѣжею и сырою, доставить господину. Эта часть мяса называется *ясса-био*. Равно съ барана сваривши переднюю лопатку, онъ (крестьянинъ) долженъ принести господину.

XV) Во время Рамазана, т. е. поста, всякій крестьянинъ съ двора долженъ въ одну ночь приносить господину кушанья и напитки, соответствующіе его состоянію, но не превышающіе средствъ его.

XVI) Кто изъ крестьянъ имѣетъ барановъ, обязанъ давать господину съ каждаго двора по одной лопаткѣ копченной баранины, единожды въ годъ, въ декабрѣ, до наступленія поста.

XVII) Послѣ уборки хлѣба, по возвращеніи съ работы, каждый крестьянинъ долженъ дать господину съ двора по кувшину бузы и по одному большому просяному чуреку.

XVIII) При вареніи бузы въ большомъ или маломъ количествѣ, крестьянинъ обязанъ отнести одинъ кувшинъ таковой къ своему господину.

XIX) Если господинъ пожелаетъ строить вновь домъ, крестьяне обязаны его поставить, а старое и вообще, что будетъ годиться отъ стараго дома, остается въ пользу крестьянъ.

XX) Господину, отправляющемуся на поминки къ родственнику, арбы съ волами крестьяне должны давать поочереды.

По условію послѣ чумы:

43. Съ бѣдныхъ, въ аулахъ живущихъ людей, о кото-

рыхъ будутъ свидѣтельствовать владѣлецъ, хозяинъ аула и эфендїи, не требовать положенныхъ народомъ податей.

44. Изъ аула обществомъ выбирается одинъ крестьянинъ для сообщенія народу обо всемъ, что требуется къ исполненію; избранный на этотъ предметъ исключается изъ народной подати, а ежели онъ чагаръ или окъ, то господское положеніе платитъ наравнѣ съ прочими¹⁾).

45. Холопья исполняютъ въ полной мѣрѣ всѣ приказанія господь и работаютъ, что велѣно безотговорочно²⁾).

46. Когда, по приказанію господина, съ барановъ его стригутъ шерсть, то сколько бы изъ нея ни оказалось бѣлой и изъ прочихъ цвѣтовъ сколько нужно, назначается господину и его дѣтямъ; остальное же дѣлится на равныя части (со включеніемъ въ дѣлежъ господина и дѣтей) дворовымъ людямъ.

47. Когда рѣжется скоть для пищи господина, шкуры дѣлятся по частямъ на дворовыхъ людей для выдѣлки чуваковъ и ремней³⁾).

48. Господинъ въ зимнее время, когда рѣжетъ для пищи барановъ, обязанъ ежегодно давать овчинъ на двѣ шубы для дворовыхъ людей; въ противномъ случаѣ они въ правѣ ему не работать.

49. Во время сѣнокоса, если дворовые люди рѣжутъ барановъ, овчины остаются въ пользу косцовъ⁴⁾).

50. Во время продажи господиномъ дворовыхъ людей семьею кому либо изъ кабардинцевъ, буде они (дворовые) не согласятся идти къ покупателю, господинъ долженъ отыскать трехъ покупателей изъ узденей, и семья та безъ всякихъ уже отговорокъ обязана избрать изъ нихъ одного⁵⁾).

51. Кто имѣетъ пчелъ, сѣетъ просо и водить барановъ,

¹⁾ Въ дополненіи обряда ст. 36.

²⁾ Ст. 24.

³⁾ По преданіямъ, а въ обрядахъ нѣтъ.

⁴⁾ Въ обрядахъ умолчано.

⁵⁾ По преданіямъ.

долженъ отдать изъ меда и проса десятую часть, изъ барановъ сороковую, изъ рогатаго скота третью, — и сороковую часть изъ товаровъ и денегъ; все это получаетъ эфендїи и дѣлитъ по частямъ: одну беретъ себѣ, другую дякону, а третью бѣднѣйшимъ, остальное же дѣлитъ поровну; въ случаѣ нужды и самъ валий требуетъ пособія отъ народа ¹⁾.

52. Обижать эфендїевъ и мулловъ, живущихъ въ аулахъ, воспрещается; напротивъ того, всякій долженъ ихъ защищать, а тѣмъ болѣе главный эфендїи, присутствующій въ мектебѣ.

53. Запрещается кабардинцамъ брить бороды, курить трубки и сѣять табакъ.

54. Въ праздникъ Жумъ неявившагося въ мечеть на богомолье хозяинъ аула штрафуетъ пятью рублями серебромъ ²⁾.

55. Владѣлецъ земли получаетъ съ каждаго дома по барану въ годъ за сѣнокосъ; за водвореніе на его землѣ онъ также беретъ по барану съ дома. Это, впрочемъ, не относится до князей, а только до ихъ узденей, вольныхъ и чагаръ.

56. Когда кто, избѣгая погони со стороны князя, намѣревающагося убить его, для обороны въ крѣпкомъ мѣстѣ выстрѣлитъ и убьетъ у князя лошадь, то не подлежитъ розыску за убитую лошадь, а также не подвергается мщенію; онъ обязанъ только заплатить князю за лошадь, а жизни лишиться не долженъ.

57. Во время народнаго сборища по дѣламъ, аулъ становится кошами врознь и у кого родится сынъ, тотъ даетъ на пищу своему аулу корову; въ случаѣ отказа онъ платитъ штрафъ. Когда таковыхъ коровъ соберется столько, что не возможно ихъ ауломъ израсходовать, то излишнія сберегаются на будущее сборище.

58. 1) Господинъ въ правѣ выбрать изъ крестьянъ чагаръ табунщика; но при этомъ даетъ ежегодно табунщику по выбору лучшаго жеребенка отъ одной изъ тѣхъ матокъ, которыхъ

¹⁾ По условію послѣ чумы, ст. 12.

²⁾ Въ дополнительномъ обрядѣ. Ст. 19.

онъ пастъ; одежда у табунщика своя; изъ подати его уменьшается одна арба проса, а когда зимою господинъ рѣшетъ кобылу для пищи, то внутренность и шея отдаются табунщику, за исключеніемъ самой незначительной части, отдаваемой господину изъ внутренности.

II) Когда князь имѣетъ свой табунъ-кошъ и табунщика, то узденья его должны пастъ табуны свои вмѣстѣ съ княжескимъ¹⁾.

III) Годовому ночному караулу при табунъ-кошѣ платится за пастьбу лошадей, кто имѣетъ болѣе четырехъ кобылъ, съ cadaго двора по стригуну; изъ означеннаго караула при табунѣ, княжескій табунщикъ беретъ быка за то, что онъ избираетъ караульщикомъ при табунѣ; это дѣлается для того, чтобы не трудно было найти годовой караульщикъ за награжденіе, превышающее то, которое получаютъ за другой трудъ, и потому многіе стараются попасть въ число годовыхъ караульщикомъ при табунъ-кошѣ; назначеніе таковыхъ зависитъ отъ главнаго табунщика. При табунахъ князей въ караулѣ состоитъ дворовъ тринадцать и сорокъ, болѣе или менѣе²⁾.

IV) Получающій по стригуну съ дома платитъ прочимъ табунщикамъ, съ нимъ находящимся, въ годъ двадцать пять барановъ и корову, два раза варитъ бузу въ такомъ количествѣ, чтобы въ каждой варѣ было не менѣе пяти пудовъ меду и достаточное число припасовъ, къ бузѣ принадлежащихъ. Лошади, приставшія къ табуну, когда не същется ихъ хозяинъ, остаются въ пользу княжескаго табуна.

59. Когда пристануть къ баранъ-кошу чужіе бараны, то отарщикъ обязанъ объ нихъ объявить повсюду; въ случаѣ неотысканія имъ хозяина, они остаются въ пользу баранщика, а хозяинъ коша не имѣетъ на нихъ никакого права.

60. За пастьбу рогатаго скота, принадлежащаго аулу,

¹⁾ По преданіямъ, а въ обрядахъ нѣтъ.

²⁾ Съ нѣкоторымъ измѣненіемъ противъ 32-й статьи дополнительнаго обряда.

по обоюдному согласію производится съ каждаго двора плата, настухамъ поровну, не смотря на число скота, къ каждому двору принадлежащее.

61. Старшій смотритель при пчельникѣ князя или узденя выбираетъ себѣ помощника, который даетъ ему быка за избраніе его на это мѣсто. Пчельники за присмотръ получаютъ каждый по пуду меду¹⁾.

III. Какія дѣла и преступленія въ Кабардинскомъ обществѣ должны быть разсматриваемы адатомъ.

62. Всѣ преступленія, выше сего поясненныя, и тѣ, о которыхъ будетъ говорить въ слѣдующихъ статьяхъ, — смертоубійство, взаимныя обиды, брань, ссоры, послушаніе князьямъ и узденямъ, неповиновеніе своимъ господамъ крестьянъ и дворовыхъ людей, воровство лошадей и прочее, разсматривались и рѣшались посредствомъ адата, соображаясь съ обычаями народными, смотря по важности дѣла²⁾.

IV. Общій обрядъ, судъ по обычаямъ или адату.

63. Описываемымъ обрядомъ, т. е. адатомъ или обычаями народными, управлялись всѣ народныя дѣла въ Кабардѣ до чумы; потомъ 1807 года іюля 10 сдѣлано, по настроюству духовенства, съ согласія князей и узденей, въ отиѣну прежнихъ обычаевъ по закону Магомета, нижеслѣдующее народное условіе³⁾:

64. Въ Кабардѣ прежде были двѣ махтемы, т. е. два суда: одна въ Мисостовой и Атажукиной, другая въ Бекъ-Мурзиной и Кайтукиной фамиліяхъ; одна другой не препятствуютъ въ разбираательствахъ и всякая судить свои народы;

¹⁾ Въ статьѣ 34 дополнительныхъ обрядовъ сказано, что пчельнику платится по фунту съ пуда (меда?) тѣмъ, у кого они караулятъ.

²⁾ По преданіямъ, а въ обрядахъ нѣтъ.

³⁾ По преданіямъ.

это положеніе измѣняется только въ такомъ случаѣ, если окажутся просьбы, по которымъ не требуется отвѣтчиковъ; дѣло можетъ быть тогда рѣшено по одному прошенію подателя его ¹⁾).

65. Махтема есть судъ, въ коемъ старшій судья—валій ²⁾, а послѣ него два или три князя; прочіе же изъ узденей, очередуясь по три мѣсяца, смѣняютъ другъ друга; князья въ судѣ очереди между собою не ведутъ. Всѣхъ членовъ — двѣнадцать, въ томъ числѣ секретарь и валій ³⁾).

66. Прежде учрежденія махтемы рѣшенныя дѣла, хотя бы неправильно, не возобновляются.

67. Съ учрежденія махтемы сколько окажется нерѣшенныхъ дѣлъ разобрать и дать обиженнымъ удовлетвореніе, исключая тѣ дѣла, которыя касаются чернаго народа; таковыя рѣшать и усмирять ослушниковъ возлагается на одного валія при депутатѣ отъ чернаго народа. На будущее же время всякое дѣло въ Кабардѣ рѣшать по шаріату, кромѣ дѣлъ, касающихся до чернаго народа, который не согласенъ на это ⁴⁾).

68. Имѣнія, оставшіяся послѣ умершихъ нераздѣленными за сорокъ лѣтъ до махтемы, дозволяется раздѣлить по наследству, кому что слѣдуетъ.

¹⁾ По обряду послѣ чумы ст. 10.

²⁾ «Валій—собственно значить владѣтель; валій же въ Кабардѣ — это бывшій верховный предсѣдатель мехтемы и правитель народа. Въ Кабардѣ до 1807 г. и нѣсколько позже, временно, было два валія: одинъ въ Иссостовой и Атажуиной, а другой — въ Бек-Мурзьиной и Кайтукиной фамиліяхъ; послѣ же былъ одинъ. Валіи избирались народомъ изъ княжескихъ фамилій и преимущество въ выборѣ давалось старшему по лѣтамъ князю». См. Грабовскаго Очеркъ суда и пр. въ Сборн. св. о кавк. горцахъ IV, 8.

(Примѣч. издателя).

³⁾ По обряду послѣ чумы ст. 27. Въ обрядахъ—не валій, а кадій.

⁴⁾ По условію послѣ чумы: «Дѣла, оказавшіяся нерѣшенными съ учрежденія мехтемы, разобрать, для оказанія обиженнымъ удовлетворенія, исключая дѣлъ черни, которыя обязаны рѣшить безъ замедленія одинъ валій, и депутатъ, а въ будущее время всякое дѣло въ народѣ рѣшать по шаріату, за исключеніемъ претензій князя съ узденями, узденей съ ихъ крѣпостными, такъ какъ они, по желанію ихъ, предоставлены разбирательству по древнимъ обрядамъ». См. Грабовскаго Очеркъ суда и пр. въ Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, IV, 8.

(Примѣч. издателя).

69. Никому не дозволяется тайно просить кадїа о своемъ дѣлѣ; отвѣтчикъ и истецъ должны излагать просьбу свою въ одно время и требовать рѣшенїа, а добивающійся заранѣе отъ кадїа, какой конецъ онъ положитъ его тяжбѣ, подвергается оштрафованію двадцатью рублями серебромъ. Кадїй, удовлетворившій непозволительному любопытству просителя, штрафуется на ровную съ нимъ сумму и оба штрафа дѣлаются собственностію валїа ¹⁾.

70. По явкѣ просителя и отвѣтчика къ кадїю, онъ приказываетъ для доказательства поставить свидѣтелей, которые должны явиться чрезъ 15 дней; когда же къ этому сроку свидѣтели не будутъ, то имѣвшему обязанность представить ихъ отказывается въ просьбѣ, хотя бы послѣ пятнадцати дней онъ и привелъ ихъ.

71. Дѣло, рѣшенное шарїатомъ (третейскимъ судомъ) или по согласію, не возобновляется даже по просьбамъ, и вторичнаго разбирательства по немъ не дѣлается ²⁾.

72 ³⁾. Дѣло, рѣшенное однимъ эфендіемъ, не можетъ по неудовольствію, изъявленному одной стороною, рассмотрѣно быть другимъ эфендіемъ. Въ дѣла кабардинцевъ воспрещается вмѣшиваться постороннимъ эфендіямъ изъ кумыкъ или другихъ племенъ, подъ опасеніемъ штрафа во сто рублей серебромъ за каждый разъ.

73. Дѣло, рѣшенное муллою, которому дозволено входить въ разбирательство тяжбъ, остается неприкосновеннымъ, какъ

¹⁾ По 6 п. условїа послѣ чумы. См. Грабовскаго, 8. (*Прим. издат.*)

²⁾ По условію послѣ чумы: «когда прежде какое дѣло было рѣшено шарїатомъ, или третейскимъ судомъ, или по согласію, въ такихъ дѣлахъ просьбъ не возобновлять и разбирательства не дѣлать». См. Грабовскаго 9.

(*Примѣч. издат.*)

³⁾ По условію послѣ чумы: «Если какія либо дѣла рѣшены муллою, недовольная сторона не въ правѣ просить другаго муллу о перерѣшенїи, къ чему онъ и приступитъ не смѣетъ, равно не вмѣшиваются въ дѣла кабардинцевъ посторонніе муллы изъ кумыкъ, подъ опасеніемъ платежа въ штрафъ 100 руб. серебр.». См. Грабовскаго, 9.

(*Примѣч. издат.*)

будто бы оконченное въ махтемѣ, и никто оному противиться или перерѣшать не можетъ ¹⁾).

74. По рѣшенію шаріата, виновный обязалъ заплатить просителю въ назначенный срокъ; не выполнившій этого подвергается продажѣ имущества и, сверхъ того, съ него взыскивается 20 рублей серебромъ штрафа ²⁾).

V. Права и обязанности каждаго сословія показаны во второмъ отдѣленіи этого положенія.

VI. Наслѣдственное право всѣхъ состояній.

75. Когда послѣ умершаго князя или узденя останутся дѣти, имѣніе достается имъ, а если дѣтей не останется, то поступаетъ родственникамъ ³⁾).

76. Послѣ умершихъ чагаръ имѣніе малолѣтнихъ дѣтей для сбереженія слѣдуетъ отдавать братьямъ и другимъ ближайшимъ родственникамъ, а узденямъ въ имѣніе, скотоводство и дѣтей не вмѣшиваться; такимъ же порядкомъ поступать и съ дворовыми холопьями ⁴⁾).

77. Послѣ смерти чагара жену его братъ можетъ взять себѣ въ супружество, заплатя калымъ въ пользу родственниковъ жены, какъ значится въ ст. 35, и родственники не могутъ воспретить брату жениться на ней ⁵⁾).

VII. Раздѣлъ имѣній.

78. Послѣ умершаго князя или узденя, если останется сынъ и двѣ дочери, сынъ получаетъ двѣ части, а дочери по одной.

¹⁾ Въ статьѣ 16-й обряда послѣ чумы существуетъ нѣкоторая разница противъ этого (примѣч. составителя сборника). Именно: «Если мулла рѣшить дѣло въ аулѣ, то рѣшеніе это считается равнымъ рѣшенію въ мехкемѣ и никто оному противиться и перерѣшать не можетъ». См. Грабовскаго, 9.

(Примѣч. издат.).

²⁾ Тоже и по условію послѣ чумы. См. тамъ же, (Прим. издат.).

³⁾ Дополнительнаго обряда ст. 20.

⁴⁾ Тамъ же ст. 12.

⁵⁾ Тамъ же ст. 38

Женѣ послѣ мужа, когда остались дѣти, отдается осьмая часть, если же ихъ нѣтъ, то четвертая; въ остальномъ дѣлежъ происходитъ, смотря по степени родства.

VIII. Обрядъ духовныхъ завѣщаній и исполненія по нимъ.

79. Когда кто умеръ до утверженія этого положенія и приказапія, данныя его дѣтямъ или родственникамъ, т. е. духовныя завѣщанія, еще не исполнены, то немедленно приступить къ исполненію вмѣстѣ съ объявленіемъ сего постановленія¹⁾.

80²⁾). При жизни всякій, кто въ здоровомъ разсудкѣ, имѣетъ право назначить при свидѣтеляхъ вмѣсто себя душеприкащика или опекуна, котораго зовутъ васси. Завѣщатель поручаетъ ему распорядиться дѣтьми до совершеннаго возраста ихъ. Опекунъ по смерти завѣщателя беретъ все имущество и доходы подъ сохраненіе свое, потомъ съ воли умершаго распоряжается погребальнымъ обрядомъ; — буде умершій остался кому должнымъ, и этотъ явится съ законными доказательствами, душеприкащикъ уплачиваетъ долгъ, а ежели безъ доказательствъ, то подвергается судебному разбирательству; оставшіяся же дѣти на себя не принимаютъ долга. Въ обязанности васси входитъ также позаботиться очищеніемъ грѣховъ покойнаго, въ числѣ коихъ считаются упущеніе при жизни богомолія, несоблюденіе Рамазана или жертвоприношенія по примѣру Авраама, или же нанесеніе другому обиды словами; за успокоеніе души по всѣмъ этимъ предметамъ назначаются, смотря по состоянію, взносы отъ 300 до 500 руб. серебромъ; деньги эти дѣлятся между муллами, нищими и аульнымъ эфендіемъ на равныя части.

Сверхъ того, завѣщатели при жизни назначаютъ сумму для пересылки въ Мекку, кто сколько пожелаетъ, и душеприкащикъ обязанъ избрать благонадежнаго человѣка, съ которымъ отсылаетъ ихъ туда. На припасы для поминовенія назначаются

¹⁾ По обряду послѣ чумы. Ст. 14.

²⁾ По преданіямъ, а въ судебникѣхъ обрядахъ нѣтъ.

бараны по произволу завѣщателя. При поминкахъ собираются эфендїи, муллы и прочій народъ, кто пожелаетъ. Это называется садака: послѣ смерти, муллы читаютъ алкоранъ въ продолженіи сорока дней, за что получаютъ лошадь съ сѣдломъ и приборомъ, потомъ воздвигаютъ памятникъ покойнику, котораго платье отдается мулламъ и нищимъ.

Если въ числѣ оставшихся послѣ умершаго дѣтей есть совершеннолѣтніе, то душеприказчикъ имъ отдаетъ изъ имѣнія по равнымъ долямъ, что каждому на часть приходится; а то, что приходится на малолѣтнихъ, онъ беретъ къ себѣ и хранитъ до тѣхъ поръ, пока они возмужаютъ (все это относится только до мужескаго пола).

IX. Отношеніе дѣтей къ родителямъ, права послѣднихъ на первыхъ.

81 ¹⁾. Дѣти по закону Магомета и обряду должны быть родителямъ покорны и послушны; сопротивленіе волѣ родителей—тяжкій грѣхъ, а по обряду стыдъ; впрочемъ, азіатскій народъ вообще, а въ Кабардѣ князь и узденя по большей части, не воспитываютъ дѣтей при себѣ, а отдаютъ ихъ до совершеннолѣтія къ аталку или кормилицѣ, которые не учатъ ничему, а дѣлаютъ ихъ чуждыми родителямъ и даже къ нимъ не послушными. Додержавъ воспитываемыхъ у нихъ молодыхъ князей или узденей до совершенныхъ лѣтъ, аталки (для мальчика) и кормилицы (для дѣвочки) доставляютъ ихъ къ родителямъ, за что получаютъ угощеніе и большую награду; кромѣ того, родственники воспитываемыхъ, смотря по состоянію, дарятъ аталку или кормилицѣ, кто служанку, кто 100 барановъ, иной желѣзныя вещи, другой лошадей или нѣсколько штукъ рогатаго скота.

Подвластные также считаютъ себя обязанными дѣлать подарки. Если дѣти княжескія, то, женившись, они живутъ

¹⁾ По преданіямъ, а въ обрядахъ нѣтъ.

врозь съ родителями, а узденскіе остаются съ отцомъ и матерью.

82 1). Княжескій сынъ отдается до совершеннаго возраста лучшему узденю, который по окончаніи воспитанія возвращаетъ его въ домъ одѣтаго въ богатое платье, на хорошей лошади съ сѣдломъ и оружіемъ. Возвратившись къ себѣ въ домъ, молодой князь дѣлаетъ воспитателю своему соразмѣрное награжденіе и уѣзжаетъ, потому что никакой князь въ Кабардѣ съ отцомъ жить не можетъ.

Когда князь отдаетъ на воспитаніе своему узденю или черному сына своего, то дѣлается пиръ и музыканту, играющему на немъ (геукаго), князь даетъ лошадь и конецъ дарамъ.

Х. Взаимное отношеніе мужа къ женѣ и обратно.

83. I) По закону Магомета и обряду, мужъ и жена должны другъ друга любить. Мужъ обязанъ для жены имѣть въ достаточномъ количествѣ платье, кушаки и прислугу. Есть такія четы, которыя живутъ хорошо въ продолженіе всей жизни, сохраняя старыя обычаи, господствовавшія въ Кабардѣ. До старости лѣтъ мужъ къ женѣ своей не входитъ днемъ и живетъ въ особой кунатской; несохраненіе этого обряда считается безчестіемъ. Жена, если живетъ съ мужемъ въ несогласіи, можетъ быть имъ отослана къ своимъ родственникамъ. Послѣ увольненія ея, по закону Магомета, она не должна выходить за другаго въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ и десяти дней. Ежели она не имѣетъ родственниковъ и будетъ нуждаться въ одеждѣ и пищѣ, то мужъ долженъ ей доставить и то и другое. При разводѣ мужъ, въ присутствіи эфендія и двухъ свидѣтелей, долженъ сказать три раза слово: талака, т. е. отказъ, отказъ, отказъ 2).

По дополнительнымъ обрядамъ:

II) Если чагаръ заплатитъ калымъ за жену изъ собственности и потомъ разведется съ нею, то можетъ ее сдѣлать сво-

1) По преданіямъ.

2) Въ обрядахъ суда имѣть.

бодною, чему уже тогда господишь препятствовать не въ правѣ. Дворовый человѣкъ, женись на дѣвкѣ такого-жъ состоянія и заплативъ за нее калымъ изъ господскаго имѣнія, не можетъ безъ воли господина дать свободу женѣ своей, разводясь съ нею, еслибъ даже по какимъ нибудь сдѣлкамъ и вступилъ до того въ сословіе чагаровъ ¹⁾).

III) Всякій уздень волепъ холопку отдать мужчинѣ, ему принадлежащему, кому заблагоразсудить, съ тѣмъ однако же, чтобы прижитыя дѣти принадлежали ему, узденю; поэтому, онъ имѣетъ право во всякое время отнять женщину у того, кому далъ; а когда за эту холопку будетъ взятъ калымъ, то узденю до нея и дѣтей дѣла нѣтъ, и она дѣлается законною женою ²⁾).

По народному условію послѣ чумы:

IV) Чагаръ, заплатившій за жену калымъ изъ собственнаго имущества безъ помощи своего узденя, въ правѣ прогнать ее или отпустить, въ чемъ ему препятствія не чинить.

V) Когда господишь помогаетъ чагару въ платежѣ калыма за жену, чагаръ не въ правѣ сослать жену или отпустить ее.

VI) Чагаръ или холопъ, взявшій въ жены служанку своего господина, обязанъ ходить почевать къ ней въ домъ, гдѣ она живетъ, а къ себѣ не брать; родившіяся отъ нихъ дѣти принадлежатъ господину; ни мать, ни отецъ, не могутъ таковыхъ называть сыномъ или дочерью; дѣти, съ своей стороны, также не называютъ ихъ родителями, потому что жена, этимъ образомъ взятая, не считается законною.

VII) Когда господишь женить своего двороваго человѣка (холопа), то калымъ уплачиваетъ самъ господишь, и поэтому дворовые люди никакъ не могутъ разводиться съ женами, какъ это дѣлаютъ другіе.

Если же изъ числа тѣхъ женъ окажется которая поведенія распутнаго или воровкой и мужъ жить съ нею не со-

¹⁾ Ст. 23.

²⁾ Ст. 14.

гласится, то господинъ беретъ ее къ себѣ и дѣлаетъ служанкой, возвращаетъ родителямъ или требуетъ даннѣй за нее калымъ, а женщину продаетъ; все, по продажѣ взятое свыше заплаченного имъ калыма, раздѣляетъ на двѣ части, изъ которыхъ одну беретъ себѣ, а другую отдаетъ тому, отъ кого будетъ взята дѣвка.

VIII) Служанка или унауть, всегда остающаяся при господинѣ, если изберетъ себѣ холостого крестьянина (его именуютъ коренитлѣ, т. е. не настоящій мужъ) и господинъ на то согласится, то принимаетъ его у себя, какъ жена мужа; рожденные отъ нихъ дѣти принадлежать одному господину и мнимый мужъ не можетъ ихъ присвоить себѣ; въ противномъ случаѣ господинъ можетъ ему приказать никогда къ ней не показываться, а дѣтей въ правѣ дарить, продавать и разбивать врозь; всѣхъ дочерей онъ можетъ имѣть у себя унаутью, т. е. служанками, а сыновей лигавами, т. е. прислужниками¹⁾.

XI. Мѣра наказаній за ослушаніе князьямъ и узденямъ.

84. Ежели князь по какимъ либо причинамъ захочетъ отъ узденей или чагаръ взять баранту, а уздень или чагаръ въ томъ воспротивится и у князя баранту на пути захочетъ отнять назадъ, то какъ ослушникъ платитъ штрафъ князю—одну хорошую лошадь и пару воловъ; въ барантѣ же дѣлается народное разбирательство: буде князь хотѣлъ взять ее неправильно, она отбирается и отдается по принадлежности хозяину, который все таки возноситъ сказанный штрафъ, хотя бы и былъ правъ за неповиновеніе князю.

84. Если кто воспротивится отдать князю по желанію его охотничью собаку или барсучье пагалище, на основаніи 7-й статьи обрядовъ, то съ него взсыкивается штрафу пара быкобъ.

86. Если подерутся два челоуѣка, чьи бы ни были, въ присутствіи князя, на улицѣ или на дворѣ дома, тогда зачин-

¹⁾ Въ обрядахъ суда нѣтъ, а имѣетъ сходство съ параграфами, касающимися этого предмета, 3-мъ и 6-мъ.

щикъ дрови платитъ штрафъ князю—одну холопку, за то, что не соблюдалъ благопристойности въ князю и осмѣлился драться при немъ.

87. Чагаръ, не выполнившій обязанности по 20 пунктамъ, объясненнымъ выше, въ ст. 42, а также по статьямъ 34, 39, 40 пункта 1-го, 58 пункта 1, 106 и 107, обязанъ заплатить своему господину быка за каждое отступленіе.

Въ дополнительномъ обрядѣ:

88. Если чагаръ упустилъ время, назначенное для внесения подати или къ работамъ господскимъ, то штрафуется по положенію парю или двумя парами быковъ, смотря по уцененію.

89. А когда чагаръ ослушается посланнаго отъ господина для взисканія штрафа, то онъ подвергается двойному штрафу.

XII. Мѣра наказаній за преступленія всякаго рода.

90. Если уздень пшехау съ кѣмъ нибудь будетъ ссориться и убьетъ его, князь вступается и, въ случаѣ неудовлетворенія родственниковъ убитаго по обычаямъ, онъ ищетъ мщенія за кровь и беретъ съ виновнаго за одного убитаго три семьи, въ каждой изъ которыхъ должно быть по девяти душъ; изъ этихъ трехъ семействъ князь отдаетъ двѣ ближнимъ родственникамъ убитаго, а третье беретъ себѣ. Когда случится, что убійца не имѣетъ такого количества душъ, то собственное семейство его и все имущество подвергается ограбленію и продается по разнымъ мѣстамъ. Если убійца изъ узденей, то все наказаніе, которому онъ подвергается, состоитъ въ томъ, что онъ дѣлается узденемъ князя, которому принадлежалъ убитый уздень¹⁾.

91. Изъ находящихся съ княземъ всякій день съ cadaго дома по одному чагару, если кто будетъ убитъ въ ссорѣ, то за нее съ виновнаго взискивается десять душъ въ пользу родственниковъ убитаго, а князь изъ нихъ не пользуется ничѣмъ.

¹⁾ По преданію, а въ обрядахъ исключенія въ пользу узденей нѣтъ.

92. Похитившій лошадь изъ княжескаго табуна, если будетъ въ томъ обличенъ, платитъ князю штрафъ восемь лошадей и даетъ назадъ украденную, съ прибавленіемъ пары быковъ и служанки.

93. Кто въ какому князю ѣдетъ изъ другихъ мѣстъ и, не довѣзая до жилища князя, будетъ ограбленъ на дорогѣ, а воры откроются, то съ нихъ взыскивается за безчестіе восемь лошадей и холопка за то, что ограбилъ ѣдущаго къ князю.

94. Позволившій себѣ имѣть прелюбодѣвіаніе съ служанкою князя платитъ хорошую холопку князю.

95. Когда князь, находясь у карабулаковъ, пасрановцевъ, ингушей или у тагаурцевъ, пошлетъ по какому бы то ни было дѣлу, а посланный будетъ раненъ и приказаніе князя останется не выполненнымъ, виновный платитъ князю пятнадцать разныхъ предметовъ — лошадьми, саблями, ружьями, шашками, пистолетами или тому подобными, но такъ, чтобы каждая штука непременно имѣла цѣнность одной крестьянки.

96. За крестьянина господскаго, убитаго другими такими же по мщенію или другому поводу, сходно азіатскому обычаю платится два человѣка; изъ нихъ одинъ отдается тому господину, кому принадлежалъ убитый, а другой семейству его.

97. Такимъ же порядкомъ, когда холопья господъ убьютъ чужаго холопа, то платятъ за убитаго человѣка двухъ, одного господамъ, а другаго семейству убитаго.

98. Князь, убивъ въ ссорѣ своего узденя, обязанъ сына его или брата (малолѣтнихъ) взять въ домъ и содержать на всемъ своемъ иждивеніи до совершеннаго возраста; когда же они возмужаютъ, онъ имъ даетъ лошадей, шашки, ружья, весь конскій приборъ, полную одежду, послѣ чего отпускаетъ въ домъ, и тѣмъ кончается вся вражда. Этотъ обрядъ называется *тлече-житкана* ¹⁾.

¹⁾ По преданіямъ, а въ обрядахъ судейскихъ нѣтъ.

По дополнительнымъ обрядамъ:

99. Когда украдутъ у княжескаго баранщика барана и виновный будетъ открытъ, то онъ платитъ баранщику, у кого укралъ, 20 барановъ за одного; этотъ штрафъ поступаетъ въ пользу баранщика, а хозяину до него дѣла нѣтъ.

100. Въ кошѣ узденскомъ и чернаго народа баранщикъ въ свою же пользу получаетъ отъ уличеннаго вора по десяти барановъ за cadaго.

По народному условію послѣ чумы:

101. Прѣжнее самовластіе князей, заключающееся въ большихъ поборахъ съ народа, наложеніи штрафовъ, безнаказанномъ убійствѣ и прочемъ, уничтожено съ учрежденіемъ махтемы; теперь оно ограничивается сборомъ порціи съ народа, скотомъ, для членовъ махтемы, занимающихся народными дѣлами ¹⁾.

102. Кто, противясь положенію по ст. 12, возьметъ у кого дѣвку безъ согласія родственниковъ и вѣчачанія муллы, буйствомъ, подвергается штрафу въ 100 руб. серебромъ ²⁾, а если въ это дѣло вмѣшался посторонній мулла, то онъ штрафуется тридцатью рублями серебромъ.

103. Уздень, въ ссорѣ съ княземъ ранившій его лошадь по нечаянности, обязанъ удовлетворить князя пятью душами крестьянъ, пятью лошадьми и пятью желѣзными штуками ³⁾.

104. Когда уздень, поссорившись съ своимъ чагаромъ, его убьетъ, то обязанъ семейству убитаго дать человѣка или брата убитаго отпустить на волю.

105. Укравшій у своего узденя чагаръ отдается господину по предварительному отобравію у него краденнаго; если же у вора будутъ братья или другіе родственники и пожелаютъ выкупить его отъ господина, то платятъ за то 150 руб. серебромъ или все, что у нихъ осталось по оцѣнкѣ изъ скотины.

¹⁾ Эта прибавка къ статьѣ не существуетъ въ обрядахъ.

²⁾ Сверхъ калыма.

³⁾ Въ обрядѣ ст. 28 пятью ружьями.

106. Холопъ или чагаръ, въ какой-нибудь обидѣ не просившій на господина своего защиты у князя на основаніи 41 статьи и бѣжавшій за Кубань или въ Чечню, можетъ, если отыщется, быть проданъ господиномъ по произволу и родственники за него не имѣютъ права вступиться, потому что онъ бѣглець; и если онъ до совершенія побѣга жилъ съ ними, то имѣніе остается въ пользу ихъ.

По всѣмъ показаннымъ выше статьямъ ¹⁾ мѣра наказанія въ Кабардѣ у князей и узденей заключается въ денежномъ штрафѣ, который бываетъ двухъ родовъ: по обычаямъ и адату, всегда въ пользу князей и узденей; наказаніе по закону показано ниже сего.

107. Если кто безъ причины кого либо убьетъ, то по закону также лишается жизни ²⁾.

108. Если кто нечаянно убилъ, то за кровь платитъ 1500 руб. серебромъ ближайшему наслѣднику.

109. Имѣющій жену и уличенный въ прелюбодѣянiя, по закону лишается жизни, но тотъ же поступокъ, совершенный холопомъ, подвергаетъ его наказанію ста ударами; это называется ходъ-тазиръ.

110. Женщина, не имѣющая мужа и учинившая прелюбодѣянiе, тоже наказывается ста ударами.

111. Укравшій изъ подъ сохраненiя или караула лишается рукъ и ногъ.

112. Если кто чрезвычайно пьянствуетъ, тому въ наказаніе дается 70 ударовъ.

113. Кто мушину будетъ обличать въ прелюбодѣянiи, а женщину назоветъ блядью и не докажетъ ясно обвиненiя посредствомъ двухъ свидѣтелей, наказывается осьмидесятью ударами.

114. За прочіе маловажные поступки по закону обла-

¹⁾ По преданіямъ, а въ судебныхъ обрядахъ нѣтъ.

²⁾ По преданіямъ, а въ обрядѣ судебномъ нѣтъ отъ статьи сто сельмой до статьи 115-й.

гаютъ денежнымъ штрафомъ, а иногда содержаніемъ подъ стражею.

115. Лжесвидѣтелей сажаютъ лицомъ къ хвосту на лошадь или ешака и водятъ по многолюдной улицѣ, называя его анаею.

116. Когда изъ двухъ князей, поссорившихся между собою, одинъ убьетъ другаго и виновный будетъ въ домѣ уздени изъ фамиліи Куденетовыхъ, то родственники убитаго не въ правѣ при немъ мстить за кровь убитаго, покуда убійца не выѣдетъ изъ дома Куденетова; жить же ему позволено въ немъ не болѣе одной недѣли, покуда онъ приготовится ѣхать въ Чечню или въ другое мѣсто, для принсканія себѣ надлежащаго убѣжища ¹⁾).

117. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ проживаютъ первостепенные узденя, никакой князь не въ правѣ барантовать въ наказаніе изъ кошей и ауловъ.

118. Если первостепенный уздень поѣдетъ съ своимъ княземъ, который при встрѣчѣ съ другимъ княземъ будетъ стрѣлять въ него, подвергаясь самъ его выстрѣламъ, и если сопровождающій князя первой степени уздень, вступившись за него, убьетъ другаго князя, то онъ не подвергается мщенію, а падаетъ оно на князя, за котораго заступился его уздень.

119. Первостепенные узденя имѣли право вступаться въ обидѣ за черныи народъ и въ махтемѣ должны были ходатайствовать за него во всякомъ случаѣ.

120. Когда кто изъ первостепенныхъ узденой даетъ кому-нибудь слово, въ такомъ случаѣ, гдѣ идетъ дѣло о жизни, тогда слова этого ни изъ князей, ни изъ узденой никто не долженъ нарушить подъ опасеніемъ значительнаго штрафованія.

---

¹⁾ Куденетовы и Анзоровы имѣютъ это преимущество передъ прочими узденскими и даже княжескими фамиліями, хотя въ обрядахъ ничего не сказано о послѣднихъ. Многіе старики, призываемые изъ совѣщеніе, увѣрили, что сказанное выше о Куденетовыхъ и Анзоровыхъ относится и къ прочимъ первостепеннымъ узденямъ.

121. Если будетъ взята добыча у другихъ племенъ, кабардинцамъ подвластныхъ, въ видѣ наказанія за ослушаніе, то изъ нея давать первостепенному узденю безъ всякаго расчета лучшую лошадь, независимо отъ пая, ему слѣдующаго; впрочемъ это дѣлается тогда только, когда кто изъ первостепенныхъ узденей будетъ находиться въ партіи.

122. Если князь имѣетъ первостепеннаго узденя, то этотъ даритъ ему лучшую лошадь, когда выдаетъ дочь свою замужъ.

123. Первостепенные узденья, безъ согласія князя своего, не въ правѣ по вступленіи въ бракъ отдавать жену свою, какъ дѣлаютъ прочіе ¹⁾).

124. Если князь или узденъ ударитъ первостепеннаго узденя, то виновный платитъ обиженному лучшую холопку, хорошую лошадь, саблю, вызолоченный шпашакъ, наловотники, панцырь лучшей доброты и, сверхъ того, сзываетъ большое количество людей, варитъ бузу, угощаетъ народъ и у приглашеннаго имъ на этотъ случай обиженнаго первостепеннаго узденя проситъ прощенія, отдавая все тутъ же выше означенное и холопку.

125. Кто украдетъ лошадь у первостепеннаго узденя со двора или изъ табуна и въ томъ будетъ уличенъ, платитъ ему по три лошади за каждую.

126 ²⁾) Если изъ членовъ трехъ фамилій кабардинскихъ князей, сходно азіатскому обычаю, двое стоворятся — съ помощію подданныхъ истребить кого-нибудь изъ третьей, а этотъ секретно провѣдаетъ объ умыслѣ, то долженъ немедленно отправиться подъ защиту какого-нибудь Анзорова; тогда замышлявшіе его погибель князя не могутъ причинить ему никакого вреда, хотя бы и захватили оставшихся людей въ его жилищѣ. Князья и узденья всѣхъ степеней, узнавши о злоумышленіи, имъ угрожающемъ, также являются подъ защиту Анзорова.

¹⁾ См выше, ст. 13.

²⁾ По преданіямъ, а въ обрядахъ нѣтъ.

127. Кто изъ чернаго народа, будучи обиженъ своимъ господиномъ, явится съ просьбою къ Анзорову, получаетъ удовлетвореніе по обряду, если жалоба его окажется справедливою¹⁾.

Февраль, 24 дня
1844.

Кр. Нольчикъ.

Начальникъ центра кавказской линіи,
генераль-маіоръ князь Голицынъ.

б) Прокламаціи, данныя кабардинскому народу бывшимъ главнокомандующимъ ген. Ермоловымъ²⁾.

1) Прокламація 14 января 1822 г.

Безпрестанные набѣги въ наши границы, разореніе жителей и самыя убійства, производимыя кабардинскими владѣльцами, заставили меня употребить силу для наказанія ихъ.

Долго и безъ успѣха употреблялъ я терпѣніе и кротость, и знаютъ кабардинцы, сколько желалъ я отвратить отъ нихъ бѣдствія. Въ 1818 году лично даны мнѣ обѣщанія главнѣйшими эфендіями и владѣльцами и обѣщанія сіи такъ же, какъ и прежде много разъ данныя клятвы, не исполнены и вмѣсто того, чтобы исполнять обязанности вѣрнопопавшихъ, разбой и убійства умножились. Я далъ повелѣніе войскамъ вступить въ Кабарду и жителей оной объявлено:

Владѣльцы, которые чувствуютъ себя невинными, могутъ обратиться ко мнѣ съ довѣренностью; они сохраняютъ права свои, сохраняютъ власть надъ подданными ихъ и они одни признаны будутъ въ достоинствѣ владѣльцевъ.

Тѣ владѣльцы, которые не явятся къ начальнику россійскихъ войскъ, будучи прежде замѣшаны въ злодѣйствахъ,

¹⁾ См. примѣчаніе ст къ 116.

²⁾ Прокламація эти составляютъ приложение ко второму списку «древнихъ обрядовъ» кабардинцевъ, находящемуся въ нашемъ собраніи рукописей.

изгонятся изъ Кабарды. Подвластнымъ ихъ объявляется свобода и независимость; они принимаются подъ защиту и покровительство и впредь нѣтъ надъ ними власти, кромѣ Великаго нашего Государя; ихъ въ самой Кабардѣ надѣлю я землями и выгодами.

Убѣждаю народъ кабардинскій не вѣрить обѣщаніяжъ своихъ владѣльцевъ. Они обманываютъ васъ и первые остаются въ крайности. Не спасутъ ихъ твердыя мѣста, въ которыхъ думаютъ они укрыться, и нѣтъ таковыхъ, куда бы не прошли наши войска. Не защитятъ васъ мошенники, которые ничего не разумѣютъ, кромѣ подлаго воровства и разбоевъ.

Не отщеваю я простому народу и въ послѣдній разъ обѣщаю ему жизнь покойную, счастливую и свободную. Послѣ поздно уже будетъ просить о пощадѣ.

2) Прокламація 26 іюня 1822 г.

Разсмотрѣвъ поданную мнѣ просьбу, объявляю:

Кабардинцы жалуются на утѣсненіе и наказаніе невинныхъ и до сего времени, въ продолженіи болѣе пяти лѣтъ моего здѣсь начальствованія, кромѣ гнусной измѣны, нарушенія клятвы, воровства и убійствъ, ничего не дѣлали. Кто изъ владѣльцевъ, котораго сынъ, братъ или ближайшій изъ родственниковъ, или подвластный, узденъ или рабы ихъ, свободу получившіе, не дѣлали злодѣйствъ? Кто сказать можетъ въ оправданіе свое, что не зналъ о томъ? Черезъ чьи земли не проходили шайки разбойниковъ, кто оказалъ имъ пристанище? Возвратившіеся изъ плѣна люди называютъ ихъ по именамъ; бѣгущихъ подлецовъ не разъ видѣли въ лице преслѣдующія наши войска. Полковникъ Подирятовъ и полковникъ Коцаревъ никого не называли самопроизвольно. Всѣ участвовали въ измѣнѣ, всѣ должны были нести наказаніе.

Я требовалъ разбойниковъ для наказанія; ихъ не выдали, хотя ихъ было малое число; укрывая ихъ злодѣйства, умножили число ихъ и справедливо за то потерпѣли.

Я хочу забыть прежнее и владѣльцамъ и узденямъ, вышедшимъ изъ горъ по моему приказанію; не только не допущу впредь дѣлать ни малѣйшей обиды, напротивъ, готовъ быть полезнымъ.

Всемиловѣйшія грамоты покойной Императрицы Екатерины II и нынѣ благополучно царствующаго Великаго Императора даны были кабардинцамъ, какъ подданнымъ, покорнымъ и вѣрнымъ; будутъ впредь кабардинцы таковыми и ихъ заслужить должно.

Теперь же въ пользу кабардинцевъ устанавливаю:

Сохраню свободное отправленіе вѣры и прежніе обычаи; принимаю выселившихся изъ горъ владѣльцевъ и узденей въ прежнемъ ихъ достоинствѣ и званіи.

Не отъемлю земель ихъ и ничего изъ собственности. Незначущая часть земли занята будетъ подъ большія дороги для общей пользы, для устраивающихся крѣпостей и съ небольшимъ участкомъ для огородовъ и сѣнокоса.

Устанавливаю судъ изъ самихъ владѣльцевъ и узденей на правахъ російскихъ и назначаю, въ какихъ случаяхъ надобно будетъ призывать власть духовныхъ людей. Свободный торгъ не только не воспрещу никому, но напротивъ буду всячески способствовать.

Предоставляю владѣльцамъ и узденямъ прожнія права надъ подвластными; но отнынѣ впредь уничтожается власть лишать рабовъ жизни.

Кто изъ владѣльцевъ и узденей нарушитъ сіе, будетъ жестоко наказанъ, а семейство лишеннаго жизни получитъ свободу.

Рабовъ, обвиняемыхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, отдавать подъ военный судъ и препровождать къ начальнику ближайшей крѣпости. Дѣтей, бывшихъ прежде аманатами, возвращу родителямъ, когда поведеніемъ и вѣрностью сихъ послѣднихъ правительство будетъ довольно.

Желающихъ принять христіанскій законъ я не могу отклонять отъ онаго; но отнюдь не допущу приглашать къ тому

обольщеніями. До сего принявшихъ законъ возвратити не могу. Возвращу рабовъ, которые бѣжали отъ своихъ владѣльцевъ по переселеніи уже ихъ изъ горъ.

Позволяю пасти скотъ на пустопорожной землѣ за Малкою, но не стѣсня тѣхъ, кои туда переселиться пожелаютъ.

Позволяю брать для скота соляную грязь со стороны Кубани и будетъ назначено время, когда для того отправляться караваномъ.

Владѣльцы и узденья сохраняютъ въ своей собственности лѣтнія мѣста, для пастбищъ скота въ горахъ.

Владѣльцы и узденья, остающіеся въ горахъ, лишаются достоинства своего, равно и дѣти ихъ; лишаются также земель, которыя безъ разрѣшенія моего никѣмъ занимаемы быть не могутъ. Рабы ихъ, которые выбѣжали, получаютъ вольность.

Подлые сіи измѣнники захотятъ продать ихъ, но воспрещено покупать ихъ и покупка признается мною незаконною со времени прокламаціи моею, объявленной полковникомъ Копаревымъ.

Владѣльцамъ и узденьямъ, вѣрноподаннымъ Великаго Государя, воспрещается всякое съ ними, измѣнниками, сношеніе, и накажу строго, если узнаю о томъ. Имена сихъ мошенниковъ, лишенныхъ прежняго достоинства, мною обнародованы будутъ.

3) Прокламація 1 августа 1822 г.

Но смотря на желаніе мое, чтобы кабардинцы жили счастливо и спокойно, многіе не выходятъ изъ горъ и, продолжая подлая мошенничества, грабятъ тѣхъ, кои переселились, и дѣлаютъ убійства. Нѣкоторые обманули, прося позволенія переселиться; другіе, получивши оное лично отъ меня, не только бѣжали сами, но и другихъ склонили къ побѣгу.

Я объявляю всѣмъ кабардинцамъ и въ особенности простому народу, что всѣхъ владѣльцевъ и уздепей, бѣжавшихъ за Кубань или укрывающихся въ горахъ, какъ явныхъ измѣн-

никовъ своему Великому Государю, лишаю всѣхъ правъ ихъ и достоинствъ.

Если кто изъ кабардинцевъ будетъ съ ними имѣть связи и сношенія, будетъ строго наказанъ.

Съ ними запрещается вступать въ новыя связи родства.

Ежели до сего были съ ними разбирательства по шаріату, отнынѣ все уничтожается; ибо люди честные, подданные вѣрные, не судятся съ измѣнниками и подлыми мошенниками.

Узденьямъ и простому народу повелѣваю, при всякой встрѣчѣ съ измѣнниками, дѣйствовать оружіемъ и забыть глупое обыкновеніе не стрѣлять на князей, когда они стрѣляютъ.

Если кто изъ измѣнниковъ, бѣжавшихъ за Кубань или укрывающихся въ горахъ, будетъ нападать на селенія или догнанъ будетъ въ преслѣдованіи и противъ него простой народъ стрѣлять не будетъ, то населеніе будетъ наказано оружіемъ, о чемъ и дано уже приказаніе начальникамъ строящихся крѣпостей. Мошенники, по глупому прежнему обыкновенію, будутъ защищаться тѣмъ, что они князья. Простой народъ не долженъ сему вѣрить, и я еще повторяю, что со всѣхъ вообще измѣнниковъ сняты прежнія ихъ достоинства. Отнынѣ впредь воспрещается всѣмъ кабардинскимъ владѣльцамъ и узденьямъ отдавать дѣтей своихъ на воспитаніе къ чужимъ народамъ, то есть: къ закубанцамъ, карачаевцамъ и вообще горскимъ народамъ, но воспитывать ихъ въ Кабардѣ.

Тѣхъ, кои отданы прежде, тотчасъ возвратить.

4) Прокламація 9 августа 1822 г.

Владѣльцамъ кабардинскимъ, узденьямъ и народу на просьбу, 6 числа августа поданную, отвѣтствую:

О крѣпостяхъ просьбы бесполезны; я сказалъ, что онѣ будутъ и онѣ строятся. Подвластные, которые примутъ христіанскую вѣру, останутся въ той же, какъ прежде, зависимости и отбираемы не будутъ. Владѣльцы не должны препятствовать имъ въ отправленіи вѣры, и я строго наважу тѣхъ

эфендіевъ и муллаъ, которые по гнустному невѣжеству своему ихъ утѣснять будутъ.

Цѣну соли уменьшить не могу.

За земли, которыми пользуются, должны отвѣтствовать и потому защищать ихъ отъ прорыва разбойниковъ.

Въ случаѣ набѣга мошенниковъ, будетъ всегда дѣлаемо слѣдствіе. Виновные заплатятъ за похищенное, если видѣли партіи разбойниковъ, не препятствовали, не противились оружіемъ или тотчасъ не увѣдомлятъ начальниковъ ближайшихъ крѣпостей.

Въ случаѣ измѣны или участія въ разбояхъ, всякій владѣлецъ и узденъ теряетъ свое достоинство и наказывается, какъ всякій преступникъ, по законамъ російскимъ.

Подтверждаю еще, что рабы тѣхъ подлыхъ мошенниковъ, кои ушли за Кубань или скрываются въ горахъ, оставя свое отечество, получаютъ вольность, когда отъ нихъ выбѣгутъ.

Лучшія и вѣрныя мѣры, дабы не бѣжали рабы, принадлежащіе владѣльцамъ и узденьямъ, высилившимся изъ горъ, есть кроткое и снисходительное ихъ съ ними обращеніе.

Воспрещаю имѣть сношеніе съ бѣжавшими въ горы мошенниками и напрасно думаютъ увѣрить меня, что есть изъ нихъ ушедшіе по неволѣ. Нарушающій сіе запрещеніе будетъ наказываемъ, какъ измѣнникъ.

Хочу видѣть, кто желаетъ и можетъ продолжать связи съ подлыми мошенниками, лишенными прежнихъ достоинствъ владѣльцевъ и узденей.

Если же кто изъ бѣжавшихъ въ горы, обманутый злонамеренными впушеніями, вознамѣрится ввѣрить себя російскому начальству, или даже тѣ, кои, боясь наказанія за прежнія воровства, раскаясь, придутъ просить прощенія и позволенія поселиться на равнинѣ, я далъ наставленіе начальнику, который будетъ назначенъ мною въ Кабардѣ, разсматривать, кто того достоинъ и давать позволеніе.

Если же кто не получилъ онаго, можетъ безопасно воз-

вратиться и оставленъ не будетъ, но прощенія просить долженъ не иначе, какъ лично.

Въ случаѣ отгона табуна, скота или другой покражи у поселившихся на равнинѣ, для отысканія оныхъ, никто не имѣетъ права ѣздить въ горы безъ билета начальника, а дабы отвратить вредныя сношенія, билеты будутъ выдаваться только извѣстнымъ людямъ.

Изъ словъ простаго народа вижу я, что приказанія мои имъ совсѣмъ не сообщаются или истолковываются въ другомъ смыслѣ, и паче глупыми муллами, которые въ Кабардѣ по большей части происходятъ изъ самаго подлаго состоянія.

Пришлю я чиновника, который въ присутствіи владѣльцевъ и узденей каждаго аула соберетъ старѣйшихъ изъ простаго народа и имъ истолкуетъ мои распоряженія.

Давъ повелѣніе черному народу не употреблять оружія противъ презрительныхъ мошенниковъ, скрывающихся въ горахъ, слышалъ я, что думаютъ владѣльцы и уздени дѣлать какое то на счетъ того постановленіе. Я предостерегаю, что умѣю требовать исполненія моихъ повелѣній и исполнять заставить.

5) Прокламація 29 августа 1822 г.

Востановляя порядокъ въ Кабардѣ и учреждая чрезъ земли оной новую линію для охраненія жилищъ вашихъ, съ тѣмъ вмѣстѣ признаю я полезнымъ для собственнаго благосостоянія вашего и разбора случающихся дѣлъ между вами установить судъ.

Вслѣдствіе чего, составивъ предварительное начертаніе правилъ для суда во временномъ наставленіи, при семъ для руководства вашего препровождаю, членами сего суда назначаюся:

Предсѣдателемъ владѣлецъ подполковникъ Кучукъ Джанхотовъ,

Судьями: кадій по выбору владѣльцевъ и узденей. Владѣльцы: Гаджи Мурзабекъ Хамурзицъ, капитанъ Темиръ Булатъ Атажукинъ.

Губернскій секретарь Касанъ Картуловъ.

Изъ узденей: отъ малой Кабарды Али Мурза Коголка, Бесленъ Куденетовъ, Али Коновъ.

Секретаремъ: капитанъ Якубъ Шардановъ и чиновникъ россійскій для повѣрки журналовъ. Означенный судъ имѣеть бытъ на р. Налъчикѣ. Открытіе его и надлежащее по управленію его со стороны начальства содѣйствіе поручено отъ меня артиллеріи полковнику Коцареву.

Чиновникъ сей, бывъ поставленъ мной начальникомъ всѣхъ войскъ, въ земляхъ кабардинскихъ расположенныхъ, будетъ назидать общее всѣхъ васъ благосостояніе и порядокъ и для того требуется со стороны вашей должное къ требованіямъ его вниманіе и послушаніе.

Жалованье судьямъ и на прочее сумму по назначенію въ наставленіи, имѣеть каждый получать, по окончаніи всякой трети, отъ г. Коцарева.

6) Наставленіе¹⁾

временному суду, учрежденному въ Кабардѣ для разбора дѣлъ между кабардинцами, впредь до изданія особенныхъ правилъ:

1. Временный судъ въ Кабардѣ составляютъ владѣльцы и узденья, по одному изъ каждаго рода или фамиліи, на первое время по назначенію начальства.
2. Предсѣдателемъ сего временнаго суда назначается владѣлецъ, подполковникъ Кучукъ Джанхотовъ.
3. Секретаремъ при семъ судѣ опредѣляется капитанъ Якубъ Шардановъ.
4. Для дѣлъ духовныхъ полагается при семъ судѣ бытъ одному кадю.

¹⁾ Прибавленіе къ прокламаціи ген. Ермолова 29-го августа 1822 года. Извлеченія изъ «наставленія» помѣщены въ статьѣ Н. Ф. Грабовскаго: «Очеркъ суда и уголовныхъ преступленій въ кабардинскомъ округѣ». Сборн. свид. о кавк. горцахъ 1870, IV, стр. 10 — 12.

5. Суду сему состоять подъ наблюденіемъ мѣстнаго въ Кабардѣ начальника артиллеріи полковника Коцарова, или кто будетъ мѣсто его занимать.

6. Для охраненія достоинства сего суда находится при ономъ почетная стража, состоящая изъ казаковъ при офицерѣ.

7. Обязанности сего временнаго суда состоятъ въ разборѣ дѣлъ тяжбныхъ между всѣми состояніями кабардинцевъ, какъ то: владѣльцевъ, узденей и простаго народа, въ спорахъ, обидахъ и претензіяхъ.

8. Въ случаяхъ дѣлъ спорныхъ и претензій, случающихся между владѣльцами или узденями съ подвластными или в между сими простолюдинами, приглашаются въ сей судъ, для совѣщанія и сужденія со стороны сихъ послѣднихъ, люди, по лѣтамъ и пріобрѣтенному уваженію признанные достойными по избранію отъ народа въ депутаты для сихъ дѣлъ.

9. Всѣ дѣла гражданскія и спорныя между кабардинцами, равно и претензіи на нихъ отъ людей инородныхъ, разбираются и рѣшаются по ихъ древнимъ обычаямъ и обрядамъ, приспособляя оныя, поколику важность случаевъ дозволитъ, къ правамъ россійскимъ.

10. На сей конецъ по всѣмъ таковымъ дѣламъ составляется въ судъ секретаремъ за подписью или печатями судей журнальная записка, содержащая обстоятельства дѣла и постановленное рѣшеніе.

11. Сии журнальныя записки, составляясь по данной формѣ и бывъ въ порядкѣ собираемы, каждый мѣсяцъ повѣряются начальникомъ въ Кабардѣ.

12. Рѣшеніе сего суда въ дѣлахъ тяжбныхъ получаетъ полную силу и не подвергается разсмотрѣнію начальника, будещна тяжбы не превышаетъ 200 руб.; въ суммахъ же, превышающихъ сіе количество, недовольная сторона въ правѣ принести жалобу на рѣшеніе суда начальнику въ Кабардѣ.

13. Въ семъ случаѣ, дабы начальство тѣмъ съ большею основательностію могло разсматривать таковыя рѣшенія, владѣльцы, узденя и депутаты простонародныя обязываются за-

няться состареніемъ правилъ на законахъ и обычаяхъ сего народа для дѣлъ всякаго рода, которыя, по разсмотрѣніи начальствомъ, могутъ быть исправлены и утверждены для единообразнаго по онымъ исполненія.

14. Всѣ штрафы и взысканія, по дѣламъ судебнымъ съ виновныхъ присуждаемыя, и все то, что за удовлетвореніемъ обиженной стороны оставаться будетъ, имѣютъ храниться въ вѣдѣніи суда и безъ разрѣшенія начальника не могутъ никуда быть употреблены. Штрафы сіи, въ лошадахъ, скотѣ или иномъ имуществѣ поступаемые, должны переведены быть на деньги.

15. Дѣла уголовныя разбирательству суда сего не принадлежать и подвергаются вообще законамъ и строгости военной.

16. Уголовными преступленіями кабардинцевъ почитаются:

- а) Убійство.
- б) Измѣна.
- в) Возмущеніе въ народѣ.
- г) Побѣгъ за предѣлы линіи съ злымъ намѣреніемъ.
- д) Подводъ хищниковъ къ владѣйствамъ и сношенія съ ними.

е) Набѣги въ границы линіи, нападенія и хищничества въ оной.

ж) обнаженіе оружія въ ссорахъ съ причиненіемъ ранъ.

17. Проступки, не заключающіе особенной важности, рѣшаются временнымъ судомъ и наказаніе производится по опредѣленію онаго штрафомъ или на тѣлѣ розгами, не свыше ста ударовъ.

18. Маловажными проступками признаются:

- а) Воровство—кража скота и прочаго, на суму не свыше 200 руб.
- б) Обманъ или лживые поступки со вредомъ другому.
- в) Захваты чужаго съ насиліемъ.
- г) Ссоры и драки безъ обнаженія оружія.
- д) Оскорбленіе владѣльцамъ, узденямъ отъ подвластныхъ или холопей, превышающее мѣру домашняго исправленія.

19. Въ дѣлахъ маловажныхъ, составляющихъ обыкновен-

ныя проступки подвластныхъ и холопей противу своихъ владѣльцевъ и узденей, предоставляются штрафу и легкому наказанію самими владѣльцами и узденями, не полагая взыскація свыше мѣры преступленія.

20. Никто изъ духовенства кабардинскаго не мѣшается въ разборъ дѣлъ гражданскихъ.

21. Предметы, разборательству духовнаго суда принадлежащія:

а) Дѣла, до вѣры и совѣсти касающіяся.

б) Дѣла по несогласію между мужемъ и женою.

в) Дѣла между родителями и дѣтьми.

г) Вообще дѣла, не имѣющія уликъ, ясныхъ доказательствъ и письменныхъ свидѣтельствъ.

22. Всѣ дѣла разбираются на основаніи ихъ закона; всѣ прочія рѣшаются судомъ.

23. На обязанность учреждаемаго суда возлагается собрать достаточныя свѣдѣнія относительно податей или ипаго рода повинностей, отбываемыхъ подвластными и холопьями въ пользу владѣльцевъ, узденей, равно и духовенства, и не измѣняя свойства ихъ, поколику возможно, изъяснить, въ какой мѣрѣ отпращиваются сіи повинности. Правила сіи, бывъ представлены начальству и впослѣдствіи времени лучше соображены и утверждены, доставятъ обоюдную пользу владѣльцамъ, узденямъ и подвластнымъ и послужатъ къ отвращенію всѣхъ случаевъ недоразумѣнія и взаимныхъ неудовольствій.

24. Поелику воспрещается кабардинцамъ отлучаться изъ Кабарды безъ письменныхъ видовъ, то всякій, имѣющій по надобностямъ своимъ отъѣхать въ другія мѣста, снабжается печатными билетами:

а) Внутрь линіи—по билету отъ временнаго суда,

б) За Кубань и въ горы—по билету начальника въ Кабардѣ и

в) въ дальнія мѣста въ Россію—по билету начальника линіи.

25. Всѣ билеты сіи выдаются безъ пошлинъ и на прос-

той бумагѣ, коихъ экземпляры будутъ доставлены суду чрезъ начальника въ Кабардѣ.

26. Дабы судьи, предсѣдатель, мулла и секретарь сего временнаго суда, занимаась дѣлами по оному, за труды свои получали достойное содержаніе отъ казны Его Императорскаго Величества, опредѣляется жалованіе въ годъ:

Предсѣдателю	500 руб.
3-мъ судьямъ изъ владѣльцевъ по	350 »
1 кадью для дѣлъ духовныхъ	300 »
3-мъ судьямъ изъ узденей по	200 »
2-мъ депутатамъ изъ простонародн. संबоднаго состоянія по	100 »
1 секретарю	300 »
1 чиновнику со стороны российской для повѣрки журнальныхъ запис.	300 »
На канцелярскіе расходы	100 »
<hr/>	
Итого	3350 руб.

27. Учреждая сей судъ временно, я предоставляю себѣ впоследствии снабдить оный достаточнымъ наказомъ и назначеніемъ жалованія судьямъ, по испытаніи ихъ усердія и вѣрности въ службѣ Всемилостивѣйшаго Государя Императора и во благо кабардинскаго народа.

7) Форма 1^я для дѣлъ гражданскихъ.

1822 года сентября 1 дня въ кабардинскомъ судѣ записано:

Изложеніе дѣла и рѣшеніе:

Узденъ Мясововой фамиліи Тлохъ Кунашевъ принесъ жалобу на узденя, принадлежащаго владѣльцу Али Карамурзину, Ислама Куденетова, который у Кунашева купилъ холопа, по имени Аслануку Шапшева, за 300 руб. сер., въ то число заплатилъ 100 руб., а послѣднихъ не платилъ.

Исламъ Куденетовъ объяснилъ, что онъ у Кунашева того

холопа купилъ за 300 руб. и денегъ 100 руб. заплатилъ; послѣднихъ потому не платить, что сей холопъ взятъ отъ него владѣльцемъ Карамурзинимъ безъ всякаго платежа. Владѣлецъ Карамурзинъ показалъ, что точно у Куденетова холопъ Асланука имъ взятъ и находится у него въ услуженіи.

Секретарь суда дополняетъ свѣдѣніемъ изъ обычая кабардинскаго:

Владѣлецъ въ правѣ у своего узденя взятъ въ услуги своего холопа, но обязанъ сдѣлать за то вознагражденіе узденю. Члены суда постановили: владѣльцу Карамурзину предоставить удовлетворить узденя Кунашева за холопа не полученными симиъ отъ Куденетова 200 руб.

Подпись судей или печати ихъ.

Подпись секретаря.

Когда исполнено и чрезъ кого:

Владѣлецъ Куденетовъ удовлетворилъ Кунашева, чрезъ узденя своего Адокшука Тамбіева 15 сентября.

8) Форма 2-я для дѣлъ уголовныхъ.

1822 года сентября 1-го дня въ кабардинскомъ временномъ судѣ записано:

Владѣлецъ Кайтукиной фамиліи Шабазгирей Бекъ-Мурзинъ принесъ жалобу на узденя Аслануку Тамбіева, который увелъ у него тайнымъ образомъ со двора трехъ лошадей, стоящихъ 200 руб. серебромъ, и просилъ удовлетворить его, а съ виновнымъ поступить по законамъ.

Узденъ Асланукъ Тамбіевъ, по призывѣ его въ судъ, дѣлая сперва заирательство, по свидѣтелями узденемъ Шумахо Атабовымъ и подвластнымъ Хази Кайтовымъ, видѣвшими его съ тѣми лошадьми, уличенъ и признался, но показавъ, что съ нимъ былъ въ семь воровствъ участникомъ холопъ владѣльца Хамурзина Пшука, и что лошадей тѣхъ они отдали: одну вла-

дѣльцу Исламу Седякову, одну узденю Девлетуку Акубскову и одну подвластному Камбулату Мустафину.

Владѣлецъ Седяковъ показалъ, что онъ ту лошадь принялъ завѣдомо, что она не его, Тамбіева.

Узденъ Акубековъ, что данная имъ, Тамбіевымъ, лошадь принята не завѣдомо краденной, и за нее Тамбіеву сдѣлана уплата на 100 рублей.

Подвластный Мустафинъ, что онъ отъ Тамбіева принялъ завѣдомо украденной у владѣльца Бекмурзина.

Холопъ Пшука не признался въ участіи съ узденемъ Тамбіевымъ, и владѣльцемъ своимъ въ поведеніи одобренъ и по спросу въ деревнѣ худымъ не признанъ.

Секретарь приводитъ, что по законамъ кабардинскимъ подлежить:

1. узденъ за покражу, у владѣльца учиненную,
2. владѣлецъ за пріемъ краденнаго,
3. холопъ за кражу краденнаго.

Члены суда приговорили:

1. Изъ имѣнія узденя Тамбіева владѣльца Бекъ Мурзина, за покражу 3-хъ лошадей, удовлетворить 200 руб. и, сверхъ того, взыскаъ штрафъ по обычаю на руб. и оной хранить при судѣ.

2. Владѣльца Седякова, за пріемъ отъ Тамбіева чужой лошади, оштрафовать взыскаіемъ на руб.

3. Узденя Акубекова, какъ взявшаго лошадь по незначію воровской, освободить и признать певиннымъ, возврата отъ него владѣльцу Бекмурзину лошадь, а его съ Тамбіева удовлетворить заплаченною суммою на 150 руб.

4. Подвластнаго Мустафина, за пріемъ лошади отъ Тамбіева завѣдомо краденной, отобравъ оную хозяину, въ страхъ другихъ, наказать розгами 25-ю ударами.

5. Холопа Пшуку, одобреннаго своимъ владѣльцемъ, возвратитъ ему на поруки.

Подлинную подписалъ генераль отъ инфантеріи *Ермоловъ*.

II. АДЪТЫ МЛКРЦЕВЪ, УРУСПЕВЦЕВЪ И КАРАЧЕВЦЕВЪ.

Томъ XIV. Каталогъ дублетовъ бібліотеки и. нов. ун.—та. *Будра-цесъ А. Н.* Вступ. лекція. *Лебедевъ Д. П.* Анализъ Федона. *Шиллескій М. М.* Матеріалы для исторіи народнаго продовольствія въ Россіи.

Томъ XV. Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за 187^о/₁ а. г. *Лининъ В. Н.* Истор. очеркъ изобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ. *Спиро П. А.* Къ вопросу объ иннерваціи дыхательныхъ движеній. *Лининъ В. Н.* Кинематика. 1.

Томъ XVI. Протоколы зас. сов.: 20 сент.—23 дек. 1874. *Успенскій Ѡ. И.* Значеніе византийскихъ занятій въ изученіи сренневѣя. 1874. *Цитовичъ П. П.* Отзывъ о соч. г. Дювернуа «Осн. форма корреляльнаго обязательства». *Синцовъ Н. Ѡ.* Отчетъ объ экскурсіяхъ въ губ. сарат. и сам. *Шиллескій М. М.* Полицейское право какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія. *Павловъ А. С.* Замячанія на програму изданія церк. правилъ.

Томъ XVII. Протоколы зас. сов.: 25 янв.—12 мая 1875. Отчетъ о состояніи и. нов. ун.—та за 18^о/₁, а. г. *Волковъ А. Н.* Къ вопросу объ ассимиляціи. *Шельшима А.* Изъ исторіи развитія предпротцевъ папоротнишкъ. *Кл. Канжакулинъ вр. Спаранскій М.* Опытъ понятія военной контрабанды.

Томъ XVIII. Протоколы зас. сов.: 19 авг.—18 дек. 1875. *Вальсъ Я. Я.* О вліяніи свѣта на нѣкоторые процессы раст. жизни. *Спиро П. А.* О кожномъ слоевыхъ реаксахъ. *Коловочичъ А.* Способы вычисленія орбитъ двойныхъ звездъ. *Головинскій Н. А.* Мысли о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты. *Шельшима А.* Вліяніе тепла на растенія. *Кондаковъ Н. П.* Отчетъ, 1 марта—1 сент. 1875. *Спиро П. А.* Прибавленіе къ ст. «О возмож. реаксахъ». *Кочубинскій А. А.* Отчетъ, 1 авг. 1874—1 февр. 1875.

Томъ XIX. Протоколы зас. сов.: 19 янв.—29 мая 1876. Докладъ о перенесеніи бібліотеки. *Коловочичъ А.* Способы . . . (продолж.). *Клименко Е. Ф.* Матеріалы для исторіи молочной и пировиноградной кислотъ. *Кл. Канжакулинъ вр. Св. М.* О кодификаціи международнаго права. *Воеводскій Л. Ф.* О т. наз. гомеровскихъ поэмъхъ. *Карастелевъ К. И.* Приложеніе теоріи еуниціи.

Томъ XX. Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за 18^о/₂ а. г. *Вальсъ Я. Я.* Отзывъ о дисерт. г. Волкова «Къ вопросу объ ассим.» *Малининъ М. И.* Отчетъ, 1874—75. *Григоровичъ В. И.:* 1 Отчетъ о поѣздкѣ въ Петербургъ 1875 г.; 2. Обь участіи сербовъ въ нашихъ обществ. отношеніяхъ. *Кочубинскій А. А.* Отчеты 2. и 3., 1 февр 1875—1 февр. 1876. *Кондаковъ Н. П.* Отчетъ, 1 сент. 1875—1 марта 1876. *Паллаузовъ В. Н.* Къ вопросу о формѣ участія народнаго элемента въ уголовной юстиціи. *Вальсъ Я. Я.* О разноміи растеній частями свѣтя. *Будрацесъ А. Н.* Мохаметанская религія.

Томъ XXI. Протоколы зас. сов.: 18 авг.—7 окт. 1876. *Кондаковъ Н. П.* 1. Исторія визант. искусства и винограденіи по миниатюрамъ греч. рукописей. 2. Отчетъ, 1 марта—1 авг. 1876. Index verborum а. 1876.

Томъ XXII. Протоколы зас. сов.: 21 окт.—16 дек. 1876. Докладъ комисіи о спец. средствахъ. *Войткеоскій В. М.* Рѣзборъ соч. «Константинъ Вели.» *Малининъ М. И.* Судебное признаніе въ гражд. дѣлахъ. *Кочубинскій А. А.* Отчетъ, 1 февр.—1 июня 1876. *Лининъ В. Н.* О способѣ Кемпе для мех. рѣшенія уравненій. *Успенскій Ѡ. И.* Отчетъ, май—окт. 1876.

Томъ XXIII. Протоколы зас. сов.: 20 янв.—20 янв. 1877. Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за 18^о/₃ а. г. *Кочубинскій А. А.* Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализация плавныхъ сочетаній. 1. *Брунъ Ф. К.* О разныхъ названіяхъ Керчи . . . *Клименко Е. Ф.* Отвѣтъ прое. Алексѣеву.

Томъ XXIV. *Воеводскій Л. Ф.* Этологическія и мѣологическія замѣтки. Чаши изъ человѣческихъ череповъ. *Поспѣшковъ А. С.* Общинное землевладѣніе. *Перетятковичъ Е. И.* Вступ. лекція. *Петріевъ В. М.* О моно- и дноксималоновыхъ кислотахъ.

Томъ XXV. Протоколы зас. сов.: 7. апр.—29 сент. 1877. *Кочубинскій А. А.* Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славян. нарѣчій. . . . П. 1. *Малининъ М. И.* Комментарій къ 366 ст. уст. гр. судопроизводства. *Панковичъ А.* Обьектъ авторскаго права. *Цитовичъ П. П.* Курсъ русск. гражд. права. I Общая часть.—Содержаніе первыхъ 25 т. «Записокъ и. нов. ун.» (187^о/₁—187^о/₃).

Томъ XXVI. Протоколы зас. сов.: 6 окт.—8 дек. 1877 г. *Умовъ Н. А.* Курсъ матем. физики. I. Введеніе. Съ 2-ми табл. *Цитовичъ П. П.* Новые приемы зацѣты общинаго землевладѣнія. По поводу соч. «Общинное землевладѣніе». А. *Поснякова, Малининъ М. И.* Комментарій къ 366 ст. уст. гражд. судопроизв.—*Ево-же.* По поводу рецензіи г. Гедримовича. *Сабининъ Е. Ѡ.* Къ интегрированію дифференціальныхъ уравненій помощію рядовъ. *Кочу-*

бисскій А. А. Памяти товарищей. Два рѣчи. *Цытовичъ П. П.* Бурсъ русскаго гражд. права. I. Общая часть (продолженіе).—Объявленіе.

Томъ XXVII. Братній отчетъ о дѣятельности и. нон. ун. за 1877^{1/2} ах. г. Протоколы зас. сов. 19 янв.—23 авг. 1878 г. Прил. къ нимъ: *Кочубинскій А. А.* Polabani. Разборъ соч. на еак. премію: «Очеркъ жизни славянъ Болг. Пеморія, Брандъ», *Некрасовъ И. С.* Отзывъ о комед. «Свищъ», уванч. преміей *И. Ю. Вучины*. *Помолаевъ И.* Къ исторіи производныхъ группъ моч. кислоты. *Трачевскій А. С.* Современ. задача истор. науки. *Успенскій Ѡ. И.* Образование втор. Болг. царства. *Ярошенко С. П.* Провѣт. геометрія.

Томъ XXVIII. Протоколы зас. сов.: 7 сент.—9 дек. 1878 г. *Преображенскій В. В.* О логариев. потенціалъ. *Брунъ Ф. В.* Черноморье. Сборн. изсл. по ист. геогр. юж. Россіи. Ч. I. *Леонтовичъ Ѡ. И.* Древн. монг.-калп. или ойрат. уст. взыск. (Цааджинъ-Вичикъ). *Ярошенко С. П.* Провѣт. геометрія (продолж.)

Томъ XXIX. Протоколы зас. сов.: 18 янв.—31 мая 1879 г. *Цомакионъ Ѡ. М.* Электронпр. газ. *Колоновичъ А.* Законъ отр. свѣта разл. длинн волнамъ отъ пов. гипса. *Маликъ Отанджоловъ П.* Разгр. подс. ком. суд. отъ подс. суд. учр., общ. и мир. *Леонтовичъ Ѡ. И.* Къ истор. права рус. вѣнор. Казн. право.

Томъ XXX. Протоколы зас. сов.: 20 авг.—3 дек. 1879. *Брунъ Ф. К.* Черноморье. Сборн. по ист. геогр. юж. Россіи. Ч. II. *Восводскій Л. Ф.* О занят. по крѣт. и мѣол. гомер. вѣоса. *Ярошенко С. П.* Провѣт. геом. (прод.).

Томъ XXXI. Протоколы зас. сов.: 24 янв.—31 мая 1880 г. Отчетъ за 1879^{1/2} г. *Трачевскій А. С.* Нам. вопр. во Франціи при Люд. XVI. *Колоновичъ А.* Выч. орб. двойн. звѣз. γ Virg. *Сабининъ Е. Ѡ.* Доп. къ моему стат. въ 9 т. Мат. Сборн. *Бучинскій П.* Объ общ. черт. въ строеніи нерв. сист. *Мелинковъ И. И.* Отчетъ. *Ковдаковъ Н. П.* Мозаики мечети Мови въ Хѣрѣзъ въ Констант. *Малинникъ М. И.* По поводу мѣзи. пр. Дювернуа о ин. г. Палаузова. День памяти Пушкина Здѣсь: *Кочубинскій А. А.* Правда жизни и правда творч. *Яковлевъ В. А.* О гун. знач. поэм. Пушкина. Отчеты о драм. на прем. *И. Ю. Вучины*. *Ярошенко С. П.* Провѣт. геом. (прод.). *Малинникъ М. И.* Теорія гражд. проц.

Томъ XXXII. Протоколы зас. сов.: 20 авг.—15 дек. 1880 г. *Delectus sem. in bot. Un Saes. N. Ros.* *Ерошевскій Н. О.* Къ вопросу о поэм. иред. *Успенскій Ѡ. И.* Соч. Мих. Акомнната. *Палаузовъ В. Н.* Вступит. лекція по углол. судопр. *Сабининъ Е. Ѡ.* О началъ нами. дѣйств. *Успенскій Ѡ. И.* Фил. Карл. Брунъ 1804—1880 гг. *Малинникъ М. И.* Теорія гражд. проц. (прод.)

Томъ XXXIII. Годов. отч., съ рѣчью *Е. Ѡ. Сабинина*: «М. В. Остроградскій». Протоколы зас. сов.: 22 янв.—30 мая 1881 г. Index sem. *Восводскій Л. Ф.* Введеніе въ мѣо. Одиссеи. *Кочубинскій А. А.* Итоги слав. и рус. энтологіи. *Ковдаковъ Н. П.* Путешествіе ва Снній въ 1881 г (съ картой).

Томъ XXXIV. Годов. отч. за 1881^{1/2} ах. г. *Малинникъ М. И.* Къ вопросу объ основн. принц. гражд. права и гражд. улож. (рѣчь). Протоколы зас. сов. 14 мая—3 дек. 1881 г. *Перетятковичъ Е. И.* Поволжье въ XVII и нач. XVIII в. Очерки изъ ист. колон. Низовья (съ картой). *Чижковъ Н. Е.* Энцикл. и елѣос. права въ германск. и австр. уни. *Палаузовъ В. Н.* По поводу отзыва. пров. Шинлевскаго и Дювернуа. *Леонтовичъ Ѡ. И.* Адамы кавк. горц.

Томъ XXXV. Протоколы зас. сов.: 31 ян.—16 сент. 1882 г. *Клоссовскій А. В.* Новѣйшіе успѣхи метеорол. Ч. I. *Сабининъ Е. Ѡ.* Дополн. къ ст. «О нач. нами. дѣйств.». *Азаревичъ Д. И.* Знач. римск. права. *Боголевскій А. О.* Отчетъ о загранич. командир. *Клоссовскій А. В.* Климаич. особен. Одессы.

Цѣна тома 2 р. 50 к. (томъ 1,27—3 р., 28,31,32,35—4 р., 29,33,34—4^{1/2} р., 30—3^{1/2} р.).

Складъ изданія въ университет. Выписна чрезъ всѣ книж. магаз. Одессы.

„Записки императорскаго новороссійскаго университета“ выходятъ въ неопредѣленные сроки, отъ 3 до 4 томовъ въ годъ, отъ 25 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ томъ, in 8° (съ прот.).

Редакціи періодическихъ изданій, которыя пожелали бы вступитъ съ редакціей «Записокъ» въ общій съ своими изданіями, благоволятъ обращаться свои заявленія въ Правленіе имп. нов. ун.

Редакторъ: орд. проф. А. Кочубинскій.

Цѣна XXXVI т. 2 руб. 50 коп.

